

ПЯТЬ ЛЕТ ТЕОСОФИИ

Избранные статьи из журнала "The Theosophist", посвящённые вопросам

МИСТИЦИЗМА, ФИЛОСОФИИ, ТЕОСОФИИ, ИСТОРИИ И НАУКИ

Перевод с англ. В.В. Базюкина

Перевод осуществлён по изданию: Five Years of Theosophy. Mystical, Philosophical, Theosophical, Historical and Scientific Essays Selected from "The Theosophist". London: Reeves and Turner, 1885.

Перевод на русский язык © 2023 г. Владимир Валентинович Базюкин. Электронный вариант настоящей публикации, осуществлённой издательством Theosophical University Press, ISBN 978-1-55700-256-3. Все права защищены. Данное издание может быть скопировано бесплатно для ознакомления в индивидуальном порядке. За исключением небольших отрывков, никакая часть настоящей публикации не может воспроизводиться или передаваться для использования в коммерческих или иных целях в каком угодно виде без предварительного разрешения издательства Theosophical University Press.

FIVE YEARS
OF
THEOSOPHY.

*MYSTICAL, PHILOSOPHICAL,
THEOSOPHICAL, HISTORICAL AND SCIENTIFIC
ESSAYS,*

Selected from "The Theosophist."

LONDON:
REEVES AND TURNER
196 STRAND, W.C.
1885.

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Предисловие переводчика

МИСТИЦИЗМ

Эликсир жизни

От переводчика

Введение

Эгоистично ли желание "жить"?

Созерцание

Чела и мирские чела

Воззрения древних на природу психических тел

Нильгирийские санньясины

Колдовство на Нильгири

Шаманизм и колдовство среди коларийских племён

Махатмы и чела

Брахманский шнур

Чтение письма в запечатанном конверте

Двенадцать знаков зодиака

Йог по имени Сишал и бхукайласский йог

ФИЛОСОФИЯ

Личность истинная и ложная

Целомудрие

Зороастризм о семеричной конституции человека

Брахманизм о семичастном составе человека

Дополнение

Принцип семеричности с точки зрения различных индийских систем

Принцип семеричности в эзотеризме

Бог личный и Бог безличный

Пракрити и пуруша

Мораль и пантеизм

Изучение оккультизма

Несколько вопросов, навеянных сочинением г-на Синнетта "Эзотерический буддизм"

Ответ члену английского Теософского общества

Вопрос I — Отвергают ли Адепты небулярную теорию?

Вопрос II — Действительно ли Солнце — это всего-навсего остывающая масса?

Вопрос III. — Правда ли, что великие народы мира могут быть сметены с лица Земли в одночасье?

Вопрос IV. — Правда ли, что Луна глубоко погружена в материю?

Вопрос V. — О минеральной монаде

Вопрос VIII — Датировка периода жизни Шри Шанкарачарьи

Вопрос VI — "Путаница в истории" — Откуда она происходит?

Вопрос VII

Шакьямуни и его место в истории

Надпись, обнаруженная генералом А. Каннингемом

О различении духа и не-духа

Была ли известна письменность до Панини?

ТЕОСОФИЯ

Что такое теософия?

Как "чела" отыскал своего "гуру"

Мудрецы Химавата

Гималайские Братья — существуют ли они?

От переводчика

Беседа с Махатмой

Тайное учение

ИСТОРИЯ

Пураны о династии Морьев и о Кутхуми

Теория циклов

НАУКА

Одориген и джива

Одориген и джива

Интроверсия ментального зрения

"Осаждение"

"Как нам следует спать?"

Трансмиграция жизненных атомов

Примечание

"Ом" и его практическое значение

ПРИЛОЖЕНИЕ

Классификация семеричной конституции человека

Краткий указатель терминов и имён

Указатель имён и географических названий

Указатель произведений

Указатель терминов

Список литературных источников и справочной литературы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- 1 Кор. — Первое послание к Коринфянам.
1 Цар. — Первая книга Царств.
2 Пет. — Второе послание Петра.
Быт. — Книга "Бытие".
Втор. — Второзаконие.
Гал. — Послание к Галатам.
ЕПБ — Е.П. Блаватская.
Ин. — Евангелие от Иоанна.
Ис. — Книга пророка Исаии.
Лук. — Евангелие от Луки.
Ману — Законы Ману.
Мф. — Евангелие от Матфея.
ПМ — Письма Махатм.
Притч. — Притчи Соломона.
Рим — Послание апостола Павла к римлянам.
Ред. — редактор журнала *The Theosophist*
"Теос." (Е.П. Блаватская)
РИ — Блаватская Е.П. Разоблачённая Изида.
СИЭ — Советская историческая
энциклопедия.
— Блаватская Е.П. Тайная доктрина
ТД (римской цифрой обозначен том, а
арабской — книга).
УТ — Краткий указатель терминов и имён
(приведён в конце сборника).
— Энциклопедический словарь

ЭСБЕ	Брокгауза и Ефрона.
BCW	— H.P. Blavatsky Collected Writings.
ETG	— Encyclopedic Theosophical Glossary.
IU	— Blavatsky H.H. Isis Unveiled.

Предисловие переводчика

О сборнике "Пять лет теософии" российские теософы уже давно достаточно слышаны по ссылкам на него в теософской литературе, включая и венец теософской мысли, энциклопедический труд Е.П. Блаватской, "Тайную доктрину". Знакомы они и с большинством включённых в сборник статей, которые широко переводились (а порой и неоднократно) в России, уже начиная с середины 90-х гг. прошлого века. И вот теперь у читателя появляется возможность перечитать в новом переводе или впервые прочитать включённые в этот сборник статьи. Что же вызвало необходимость в повторном переводе?

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что все указанные переводы осуществлялись опытными, квалифицированными переводчиками, стремившимися старательно и профессионально передать каждую заложенную в статьях идею. Но, увы, читая эти тексты более чем 20-летней давности, сегодня отчётливо видишь отдельные их несовершенства. Никакой вины на самих переводчиках, заинтересованно и добросовестно выполнивших свою миссию, разумеется, нет. Виною тому само время. То была самая первая энергичная и благородная попытка — предпринятая главным образом издательством "Сфера" и, в частности, Е.А. Логаевой, за что они заслуживают слов самой глубокой признательности — познакомить российскую интеллектуальную общественность с идеями теософии. Честь и хвала этим смелым людям, взявшимся за достойную самого искреннего уважения работу!

Но беда состоит в том, что традиция теософских исследований, едва зародившаяся в России в самом начале XX века,^[1] оказалась прервана большевистским переворотом 1917 года, а потом и вовсе погублена в годы сталинского террора. В годы безраздельного господства так называемой "марксистско-ленинской философии", когда на "философских пароходах" из России изгонялся цвет свободной творческой мысли: философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, когда иными способами из страны выдавливались её лучшие поэты и прозаики: В.В. Набоков, И. А. Бунин, Д.С. Мережковский, композиторы: С.В. Рахманинов и С.С. Прокофьев, а также многие-многие другие — словом, вся культурная и интеллектуальная элита России, конечно же, не оставалось никакого места для развития и теософской мысли. Теософия оказалась под полнейшим и безусловным запретом, а вся теософская литература была помещена в строго охраняемые "спецхраны", и лишь отдельные смельчаки знакомились с нею через всевозможные "самиздаты" и "тамиздаты".

И только в начале 90-х годов эти шлюзы наконец открылись, и в Россию хлынул поток "запретной литературы". Это были годы, когда вся страна с упоением и большим запозданием читала романы М.А. Булгакова и В.В. Набокова, труды Н.А. Бердяева, В.С. Соловьёва, о. П.А. Флоренского, и в согласии с очистительным, оздоравливающим духом возрождения, охватившим всю Россию, началось и освоение огромного пласта не переведённой на русский язык теософской литературы. У группы энтузиастов-переводчиков было всё: профессиональное владение английским языком, острый интерес к только что открывшейся обширной области непознанного и жажда нести это новое знание мыслящему читателю. Но им приходилось овладевать

теософскими учениями в процессе самого же перевода — что называется "с колёс". Эти учения ещё не были глубоко переварены ими — это было просто невозможно! — а отсюда и самые досадные огрехи, терминологические ошибки и концептуальные искажения. Переводчик этого сборника далёк от мысли считать себя знатком, свысока поглядывающим на своих предшественников. Это было бы и глупо, и несправедливо, и далеко от действительности. Нынешний сборник можно было бы назвать лишь вторым "подходом к снаряду", второй попыткой изложения на русском языке тех идей и учений, которые в большей или меньшей степени подробно освещены в статьях сборника "Пять лет теософии". А это значит, что переводчик ничуть не исключает возможности и третьей, и четвёртой попыток в этом направлении.

Хочется верить, что этот сборник привлечёт к себе внимание не одних только теософов, но и заинтересует широкий круг читательской аудитории, включающей в себя специалистов самых разных областей знания: философов и историков, религиоведов и востоковедов, биологов и физиков, поскольку включённые в сборник статьи затрагивают самый широкий круг тем. В объёме краткого предисловия едва ли возможно подробно остановиться на всех проблемах, каждая из которых заслуживает того, чтобы о ней написать "целые тома", по привычному выражению Е.П. Блаватской — удивительнейшего и во многом загадочного человека, с которым и связывается создание Теософского общества.

История теософского движения, которое сегодня приобрело всемирный характер и отделения которого существуют практически во всех странах мира, восходит к 1875 году. Именно тогда, 7 сентября 1875 года, в Нью-Йорке и возникло первое Теософское общество.[2] Своими главными задачами оно впоследствии провозгласило: (1) формирование ядра всемирного братства человечества без различия расы, вероисповедания, пола, касты и цвета кожи; (2) стимулирование сравнительных исследований религии, философии и науки; (3) изучение не получивших своего объяснения законов природы и скрытых способностей человека. Во главе Общества встали Е.П. Блаватская и Г.С. Олкотт. Каждый из этих людей заслуживает отдельного, долгого и захватывающе интересного рассказа. Но за неимением такой возможности отсылаем читателя к самой удачной на сегодняшний день биографии Е.П. Блаватской, принадлежащей американской исследовательнице С. Крэнстон.[3] Уроженка Екатеринослава,[4] осенью 1849 года покинувшая Россию, затем долгие годы странствовавшая по миру и наконец летом 1873 года прибывшая в Нью-Йорк, Е.П. Блаватская стала в полном смысле душой, сердцем и мозгом новообразованного Общества, тогда как энергичный, деятельный полковник Г.С. Олкотт, герой незадолго до того завершившейся Гражданской войны и к тому времени превратившийся в преуспевающего адвоката, стал президентом и фактически "правой рукой" Е.П.Б., как Е.П. Блаватскую позднее стали называть теософы.

Важнейшей вехой в развитии Теософского движения стал выход в свет в сентябре 1877 г. первой книги Е.П. Блаватской, "Разоблачённая Исида", публикация которой произвела эффект разорвавшейся бомбы. Эта книга стала первым открытым манифестом теософии, в котором были изложены фрагменты того эзотерического учения, которое впоследствии и стало известно как теософия.

А затем последовал переезд обоих основателей Т.О. в Индию — туда, где в древнейшие времена в несколько иных границах процветала Арьяварта — страна "арьев", древнейший центр культуры, оказавший огромное влияние на всю последующую мировую цивилизацию. После нескольких лет напряжённых усилий был достигнут и первый результат — в октябре 1879 г. увидел свет первый номер журнала *The Theosophist* ("Теософ"), которому суждено было сыграть важнейшую роль в распространении теософских идей не только в Индии, но и по всему миру.

"Разговор, в ходе которого было окончательно решено учредить журнал "Теософист", — вспоминает полк-к Олкотт, — "состоялся 4 июля того же года, то есть в День независимости Америки — факт, который многим американцам может показаться любопытным совпадением. Как об этом было неоднократно написано в других книгах, к такому решению нас привела необходимость удовлетворить растущий интерес к теософии с помощью каких-то иных средств, более эффективных, чем простой обмен письмами. Мы задыхались от рутины, и жить долее в том же режиме мы уже просто не могли. Как показывают мои дневниковые записи, порой я вынужден был работать с шести часов утра до девяти вечера, по ночам засиживаясь до двух и трёх часов утра. Но и это не помогало. Кроме того, большинством людей задавались примерно одни и те же вопросы, и было чрезвычайно утомительно повторять в сотый раз одни и те же ответы. Мы обсудили этот вопрос с самых разных точек зрения, взвесили все плюсы и минусы и наконец решили рискнуть".[5]

Так и возник этот журнал, который существует и по сей день, продолжая публиковать итоги теософских изысканий уже в наше время.

Таким образом, сборник "Пять лет теософии" объединил в себе избранные статьи, появившиеся на страницах журнала "Теософ" в течение пяти лет: с 1879 по 1884 год. И здесь мы подходим к самому главному, самому существенному и сакраментальному вопросу: а что, собственно говоря, такое теософия?

Попыток дать научное определение этому термину предпринималось немало. Об этом ярко рассказывает и Е.П.Б.[6] в своей статье, появившейся в самом первом номере журнала "The Theosophist" — в сборнике она помещена под рубрикой "Теософия", но именно с неё, пожалуй, и следует читателю начинать своё знакомство с книгой. Важным указателем для нас должны служить слова, вынесенные в подзаголовок эпохального труда Е.П.Б., "Тайной доктрины" — "синтез науки, религии и философии". Несомненно, в основе "тайной доктрины" или, лучше сказать, "тайного учения", объединяющего в себе огромное множество самых разных доктрин, лежит знание природы, оформленное в виде самостоятельной религиозно-философской системы. "Нет религии выше Истины!" — эти слова стали девизом теософов.

Но как это можно, объединять между собой столь различные области человеческой деятельности? — может, вероятно, возразить читатель. — Какая же это Истина? Наука привыкла иметь дело, прежде всего, с фактами, с экспериментально подтверждёнными данными, связанными с бесконечным многообразием явлений природы. В основе же религии лежит вера, порой слепая, в то, что стоит над Природой — в Бога, которого никто никогда не видел и существование которого объективно и экспериментально подтверждено быть не может. Да и в отличие от науки, которая едина во всём мире, религий, а точнее конфессий, существует на земле неисчислимое множество. Значит, целиком открыть Истину не в состоянии и религия, ведь Истина одна — двух Истин существовать не может. Что же касается философии, то это, вообще, нечто умозрительное, как может подумать кое-кто из читателей, — плод ума того или иного философа, на свой лад толкующего вопросы природы мироздания, макрокосма, и человека, микрокосма, так что всякий философ волен рисовать собственную картину мира и в споре с другими философами доказывать правоту собственной системы. Любой образованный человек прекрасно знает, как велико число самых разных течений и направлений философской мысли, известных человечеству с древнейших времён. Значит, и здесь единой Истины нет и быть не может.

Начнём с того, что теософия представляет собой систему не просто знаний, но знаний *эзотерических*. В целом ряде статей данного сборника читатель столкнётся с этим, возможно, непривычным для него термином. Что же он обозначает? Он происходит от

греческого слова *ἑσωτερικός*, что буквально значит "внутренний", но в переносном смысле понимается как "сокровенный", "тайный", "предназначенный для посвящённых". [7] В своей книге "О пифагоровой жизни" Ямвлих так описывает правила, действовавшие в школе Пифагора: вначале кандидаты в ученики в течение трёх лет проходили испытание, затем в течение ещё пяти лет должны были выдержать обет молчания, и только после этого они "становились эсотериками и, допущенные за занавес, слушали Пифагора, находясь рядом с ним, и смотрели на него". [8]

Синонимом термина "эзотерический" является слово "окультурный". А этот термин происходит уже от латинского слова "occultus", что значит "скрытый", "сокровенный", "тайный", "потаённый". [9] Нужно сказать, термин этот, вполне невинный сам по себе, как может убедиться читатель, в обыденном представлении людей зачастую связывается с чёрной магией, колдовством и со всякой чертовщиной. С одной стороны, да, конечно, колдовство, ворожба и прочие "чёрные" искусства подпадают под термин "окультурный", поскольку неведомы широкому кругу людей, но далеко не охватывают всего корпуса эзотерических знаний, оставаясь лишь незначительной их частью. И об этой стороне человеческой деятельности читатель узнает из включённых в сборник статей: "Колдовство на Нильгири" и "Шаманизм и колдовство среди коларийских племён", однако отношение теософии к подобным "чёрным" практикам всегда оставалось крайне отрицательным, и практики эти в любых их формах подвергались самому категорическому осуждению.

Итак, понятия "эзотерический" и "окультурный" в этом смысле являются абсолютными синонимами, а такие термины, как "эзотеризм" и "окультуризм" подразумевают совокупность таких знаний о природе макро- и микрокосма, которые пока остаются неведомыми человеку и относятся к области ещё непознанного. Термину "эзотерический" противопоставляется термин "экзотерический". Как может легко догадаться читатель, под этим словом понимается весь корпус знаний, которые находятся в открытом доступе, общеизвестны и не составляют никакой тайны. В эту категорию входят общедоступные священные тексты всех религий — Библия, Тора, Коран, а также веды, пураны, упанишады и т.д.; древнейшие мифы и легенды; все известные миру философии, а также научные произведения. Отсюда и противопоставление *эзотерической*, или *окультурной*, науки науке *экзотерической*.

Здесь, правда, необходимо сделать одну небольшую оговорку. Разумеется, любая область человеческой деятельности требует особой предварительной подготовки, накопления определённых знаний, навыков, овладения особой терминологией и т.д., без чего человеку "с улицы" просто невозможно разобраться в существе вопроса в той или иной профессиональной области, а потому все они в некотором смысле эзотеричны, т.е. закрыты для непосвящённого. Но, как бы то ни было, все они имеют дело с одной и той же парадигмой реальности, так или иначе опираются на одни и те же познанные человеком законы природы. Эзотерическая же наука, расширяя принятую сегодня картину мироздания, занимается исследованием и описанием таких явлений и законов, которые относятся к скрытым сторонам природы и пока остаются загадкой, *terra incognita*, "неизведанной территории" для учёных.

Да, экзотерическая наука к сегодняшнему дню достигла гигантских успехов в деле познания мира. Границы познанного в области макро- и микромира раздвинулись необычайно широко в XX веке и в начале XXI столетия. Теория "Большого взрыва" помогла, как полагают учёные, науке заглянуть в начало мироздания, а квантовая физика, проникнув в мир субатомных частиц, столкнулась с совершенно иной реальностью, не укладывающейся в рамки и не описываемой терминами привычного мира. Расщепив, например, протон на кварки, наука "упёрлась в какой-то иной способ существования сущностей", как заметил известный российский физик А.М. Семихатов в одном из своих интервью. Но и "элементарная частица — это не последнее слово в отношении того, что

такое "кирпичики" материи. Последнее слово — это фундаментальные квантовые поля", считает учёный, невесело отмечая при этом: "Мы достигли больших успехов, карабкаясь вверх по лестнице абстракций... но нам очень трудно ответить на простые, прямые вопросы: а какое отношение все эти наши математические объекты имеют к физическому миру? Возможно, мы навсегда останемся с этим незнанием . . ." Что же касается теории "Большого взрыва", то последние открытия галактик, возникших спустя всего лишь 600 миллионов лет после "взрыва", ставят под сомнение и саму теорию.[10] А если мы скажем, что все свои знания современная наука строит на основе лишь той материи, которую она способна зарегистрировать своими хитроумнейшими приборами, то мы невольно загрустим: ведь материя эта, по данным самой же науки, составляет всего только пять процентов от всей материи космоса. Что же собой представляет остальная материя, составляющая 95 процентов: "тёмное" вещество и "тёмная" энергия? Способна ли наука их познать? Как это перевернёт человеческие знания и представления о реальности? Об этом мы сегодня можем лишь гадать.

А что такое сознание? Крупный специалист в области теории сознания, Т.В. Черниговская, определяет сегодняшнего человека как "Homo Confusus" — т.е. "человек растерянный". Начиная одну из своих лекций, она так прямо и говорит: "Что такое сознание, никто не знает. Это я вам сообщаю сразу", отмечая далее: "Большинство того, что определяет наше поведение, от нас скрыто, и мы не знаем об этом ничего. Это подсознательные, бессознательные и неосознаваемые процессы. И все эти слова обозначают разное. Огромную работу делает в организме что-то, что мы не контролируем вообще и о чём мы мало что знаем". Нет, разумеется, наука и в этом направлении добилась многого, и исследования мозга позволили ей накопить огромное количество данных. "У нас в голове," — говорит Т.В. Черниговская, — "у каждого — у умного, у глупого и у гениального — гигантское количество нейронов. Их сегодня насчитывают 86 миллиардов... которые между собой образуют ещё большее число связей . . . Если все нейронные связи вытянуть в одну линию, то она окажется такой длины, что можно семь раз слетать на Луну и обратно. И это всё лежит у нас в голове".

Думается, положение дел и в остальных областях научного знания не лучше описанного выше. Из сказанного со всей очевидностью вытекает, что наука пока ещё очень далека от ясного представления об устройстве мира, его природе и управляющих им законах.

Между тем предметом строго научного дискурса являются проблемы, связанные с такими ещё совсем недавно небесспорными дисциплинами, как изменённое состояние сознания (ИСС), нейропсихология, трансперсональная психология, пограничное состояние сознания, психоделические практики и т.д. И в этой области многое может сказать оккультная наука, которая наработала богатейший опыт и собственные подходы к кругу этих проблем.

Несомненный интерес представляет и философский компонент теософии. Категорически отвергая позитивистский метод описания и объяснения реальности — "действительно лишь то, что я воспринимаю своими пятью органами чувств", — она предлагает подход, во многом сближающий её с воззрениями пифагорейцев, платоников и александрийских неоплатоников, что отмечается в статье "Что такое теософия?" В своих фундаментальных трудах, "Разоблачённая Исида" и "Тайная доктрина", Е.П. Блаватская подробно освещает взгляды теософии на структуру мироздания, на его происхождение, на то, как оккультная философия определяет дух и материю, душу и тело. Пользуясь материалом индийских религиозно-философских систем, каббалистических учений, а также других древнейших религий и философских школ, она показывает сущностную тождественность разнообразных направлений теологической и философской мысли. Более того, как она утверждает, именно эзотерическое учение одно только и способно выявить эту тождественность и примирить между собой воззрения разнообразных религиозно-философских школ. В предлагаемом вниманию читателя сборнике взгляды на

эволюцию мироздания — а понятие "эволюция" является одним из краеугольных понятий теософии — в сжатом виде изложены в замечательных статьях индийского философа и мистика, представителя школы адвайта-веданта, Т. Субба Роу "Двенадцать знаков зодиака", "Пракрити и пуруша" и др.

Важным элементом учения теософии является принцип семичастного (или семеричного) деления природы мироздания и человека. Этой фундаментальной доктрине посвящены сразу несколько статей сборника: "Зороастризм о семеричном составе человека", "Брахманизм о семичастном составе человека" и др.

Вместе с буддизмом теософия отрицает идею личного Бога-творца мироздания, и этим вопросам посвящена публикуемая в сборнике статья того же Т. Субба Роу "Бог личный и Бог безличный". Более развёрнуто позиция теософии по этому кругу проблем изложена в таких трудах Е.П. Блаватской, как "Разоблачённая Исида", "Тайная доктрина" и "Ключ к теософии".

Рамки краткого предисловия к сборнику не позволяют подробно излагать все узловые вопросы, которые рассматриваются "тайным", оккультным учением. Нам хотелось здесь прежде всего обрисовать сам исторический контекст, в котором возникла та теософия, которую мы знаем сегодня, и посмотреть, не потеряло ли актуальности это учение в современном культурно-историческом пространстве. И здесь необходимо подчеркнуть, что возникновение теософского движения в последней четверти XIX века было вовсе не случайным. Теософия в том виде, в каком мы её знаем сегодня, возникла как антитеза вульгарному материализму, философскому позитивизму, а также другому направлению религиозно-философской мысли — спиритуализму.

В историю науки XIX век вошёл как период замечательных открытий в области человеческого знания о физическом мире, как блестящая страница во всемирной книге научных открытий и изобретений. Физика, химия, астрономия, биология невиданно раздвинули границы человеческого знания о природе. Всесилие науки стало общепризнано. Она постепенно и заняла тот пьедестал, который на протяжении веков занимала религия, позиция которой теперь серьёзно пошатнулась, а социальная роль заметно снизилась. Среди просвещённых слоёв общества как Старого, так и Нового Света стало просто немодно говорить о "божественном" и ссылаться на авторитет, скажем, Библии. В области науки и философии всё сильнее заявлял о себе самый вульгарный материализм, сводивший всё многообразие явлений физического мира и духовной жизни человека к одним только формам движения материи. "Мозг выделяет сознание, как печень жёлчь", — писал немецкий учёный и философ К. Фохт.

В этих условиях проблемы духовности и такие вопросы, как "что такое жизнь?", "что такое смерть?", "что происходит с человеком после его смерти?" приобрели особое звучание. И если религии, в первую очередь христианство и иудаизм, давали человеку определённый ответ на этот вопрос, то теперь разрастающийся, как раковая опухоль, атеизм, отнимающий у человека вместе с идеей Бога и сам смысл человеческого существования, превращал человека просто в горстку праха. Поэтому не удивителен тот интерес, который общество стало проявлять к идеям спиритуализма (или спиритизма), захлестнувшим сознание многих даже просвещённых людей как в Европе, так и в Новом Свете. Огромную популярность приобрели спиритические сеансы, на которых можно было вызвать "духа", скажем, Юлия Цезаря и получить от него ответы на любые злободневные вопросы как сегодняшнего дня, так и прошлого или будущего, ведь в посмертии "дух" любого умершего человека, освободившись от плена физического тела, оказывался там, где от развоплощённого духа не существует никаких тайн. По рассказам участников подобных спиритических сеансов, они с помощью медиумов, были способны вызывать к себе "духов" покойных, видеть собственными глазами их материализовавшиеся образы, беседовать с ними, получать от них письменные послания и

наблюдать самые разнообразные явления, *феномены*, которые противоречили физическим законам: например, "духи" умели завязывать узлом шнур с закреплёнными концами. Огромную популярность во Франции получило учение Алана Кардека, а его книги, в том числе и "Книга духов", до сих пор читаются с живейшим интересом в определённых кругах.

Что всё это такое? Как это всё следовало понимать? Может быть, эти явления следует приписать к разряду "чудес", упоминаниями о которых полны экзотерические тексты религий? Может быть это что-то "сверхъестественное"? Западное общество тех лет раскололось в зависимости от того, как оно отвечало на эти вопросы. Скептики пытались представить всё дело плутовством самих же медиумов, и каким только испытаниям они ни подвергали этих несчастных, пытаясь лишить тех любого шанса каким-то образом повлиять на ход спиритических сеансов: они и связывали их по рукам и ногам, затыкали кляпом рты и помещали в самые неудобные позы, при которых те часами вынуждены были сидеть до окончания сеанса. Яркие иллюстрации этого можно найти в книге соучредителя Теософского общества, полковника Г.С. Олкотта, в его книге "Люди с того света", где он рассказывает о собственных исследованиях такого рода феноменов.[11] Всё это, однако, ничуть не мешало феноменам происходить по заведённой схеме, а скептикам оставаться при своём мнении.

Другая часть общества с самым искренним интересом отнеслась к этим загадочным явлениям и с жаром подхватила идею возможности общения с "миром мёртвых", о чём горячо и убедительно говорили спиритуалисты-философы. Не остались в стороне, как мы уже отметили выше, и самые просвещённые представители тогдашних интеллектуальных кругов: например, А. Конан Дойль, написавший двухтомную "Историю спиритуализма",[12] а также знаменитый учёный Альфред Уоллес,[13] одновременно с Ч. Дарвином и независимо от него разработавший учение о естественном отборе.

В этой связи отдельных слов заслуживает особая группа учёных — их было всего трое, — научная судьба которых сложилась самым печальным и даже трагическим образом. Это английский физик и химик Уильям Крукс, немецкий астроном и физик Иоганн Цёлльнер и русский химик А.М. Бутлеров. Всё это были не рядовые, но выдающиеся учёные и блестящие умы своего времени, подлинные искатели Истины. Достаточно сказать, что У. Крукс был членом Лондонского Королевского общества, а с 1913 по 1915 год его возглавлял; ему принадлежит заслуга в открытии таллия и получении (впервые!) гелия в лабораторных условиях; он занимался поисками четвёртого, "лучистого", состояния материи и в 1897 году был произведён в рыцарство королевой Викторией. И. Цёлльнер вошёл в историю науки как исследователь, заложивший основу современной астрофотометрии, и в знак признания его заслуг один из кратеров на Луне был назван его именем. А А.М. Бутлеров является создателем теории химического строения органических веществ, исследователем, впервые изложившем теорию изомерии и т.д. и т.д.

Волею судьбы каждый из них в разные годы и независимо друг от друга оказался свидетелем явлений — которые мы сегодня назвали бы паранормальными, — происходившими во время спиритических сеансов. Как подлинные учёные они поняли, что реальность бросает им вызов, и они достойно приняли этот вызов, погрузившись в серьёзные научные исследования этих странных и не укладывающихся в рамки здравого смысла феноменов, ибо исследовательский ум этих людей настоятельно требовал от них дать научное обоснование или опровержение этих явлений, предоставить ответ на вопрос: какова подлинная природа этих явлений? Однако всё, чего они сумели добиться, была лишь полнейшая потеря репутации в научной среде, насмешки и глумления со стороны коллег в адрес этих ещё вчера всеми почитаемых исследователей, а И. Цёлльнера эти преследования привели ещё и к преждевременной смерти.

Но то была реакция со стороны ортодоксальной науки XIX века, опьянённой собственными успехами и полагавшей, что стоит всего в каких-нибудь двух шагах от окончательного объяснения всех фундаментальных вопросов бытия. Понадобился целый XX век с длинным рядом его новых открытий и прорывов в непознанное, чтобы существенно поколебать ту картину мира, которую рисовала себе наука предыдущего века. Мир оказался сложнее и гораздо интереснее! И сегодня граница, пролегающая между "возможным" и "невозможным", представляется весьма условной, учитывая хотя бы открытия в области квантовой механики.

Как показывает опыт, ответы со стороны науки на нечто, ей пока неизвестное, могут быть трёх видов: (а) "этого не может быть, потому что не может быть никогда"; (б) "этого не может быть, потому что наука этого не наблюдала" и (в) "этого наука пока не наблюдала, но, вполне возможно, в этом что-то определённо есть". Возвращаясь к нашей истории о спиритуализме, ни наука того времени, ни философия, ни религия не посчитали для себя достойным занятием развернуть исследования этих необычных феноменов, а потому и ответ на вопрос: "насколько реальны эти феномены и какова их природа?" так с их стороны и не был получен.

Однако ответ на этот вопрос пришёл с совершенно неожиданной стороны — со стороны теософии. Можно сказать, распространение спиритуалистических идей, как и спиритуалистической практики, и явилось главным триггером для выхода теософии на мировую арену научно-философско-теологического дискурса. Упреждая вопросы о "сверхъестественном" характере этих явлений, теософия заявляла: в мире не бывает ничего "сверхъестественного". "Сверхъестественное" — это то, что понимается как стоящее над "естеством", то есть *natura*, "природа". Однако, утверждает теософия, ничего стоящего над природой и не вписывающегося в законы природы, не существует: есть лишь явления природы, которые пока ещё не познаны человеком. На вопрос: "реальны ли те феномены, которые наблюдаются во время спиритических сеансов?" теософия ответила: "Да, реальны". А прав ли спиритуализм в своей религиозно-философской интерпретации природы этих явлений? Теософы категорически отвечали: нет!

Таким образом, с самого начала теософия получила своих ярых оппонентов в лице спиритуализма, науки и теологии. Спиритуализма — потому что опрокидывала его представления о природе человеческой души, отрицала возможность общения с миром умерших и резко осуждала спиритуалистическую практику во всех её проявлениях. Науки — потому что толковала о "душе", "духе" и "идеальном мире", что категорически не признаётся физической наукой. А теологии — потому что противоречила теологическим концепциям "Бога", "духа", "рая" и "ада". Сегодня кое-кто с упреком припоминает, что Е.П. Блаватская изначально объявляла себя спиритуалисткой. Да, это так, но лишь в той мере, в какой она солидаризировалась со спиритуализмом в деле подтверждения реальности спиритуалистических феноменов. Сама Е.П.Б. писала об этом так: "Да, я с сожалением должна заявить о том, что . . . вынуждена была объявить себя спиритуалисткой. Мне пришлось спасать положение, ведь для того я и была направлена из Парижа в Америку, чтобы доказать возможность феноменов и их реальность, а также указать на ошибочность спиритуалистского учения о духах".[14] А Г.С. Олкотт, описывая тот самый ранний период деятельности Теософского общества, писал позднее в своих "Страницах старого дневника": ". . . тот спиритуализм, проповедовать который ей было поручено в Америке и который должен был прийти на смену грубому западному медиумизму, представлял собой восточный спиритуализм, *брахма видью*. Поскольку же Запад был ещё не готов признать его, то первым её поручением стала защита реальных феноменов, происходивших в "(спиритуалистических — *перев.*) кружках", от . . . материалистической, схоластической физической науки, представленной в лице её ярых поборников и вождей".[15]

Таким образом, наука, теология, спиритуализм и теософия рисовали четыре картины

мира, предлагали четыре разные парадигмы описания реальности, которые не только не совпадали, но и принципиально противоречили друг другу. Однако, как мы уже отметили выше, теософия представляет собой эзотерическую систему знаний, и уже сам этот её характер позволяет ей легко снять противоречия между наукой, философией и религией и объединить их в едином синтезе. Теософия сочетает в себе научную точность, философскую глубину осмысления и религиозную одухотворённость.

Фундаментальной чертой теософского учения является его трансцендентально-метафизический характер. Опираясь на многовековые знания, на тысячелетние традиции как восточного, так и западного мистицизма, теософия рассматривает всё мироздание, — в которое включает не только наш, физический, мир, но и тонкоматериальные миры — как единый живой и целостный организм, все элементы которого тесно связаны друг с другом. Она стремится единым взором обозреть всю Вселенную, расслышать в ней, как в своём "Пророке" с изумительной интуицией выразил эту идею А.С. Пушкин, "и горний ангелов полёт, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье". С той же философской глубиной и научным знанием теософия подходит и к природе человека, утверждая, что в любом человеке заложены гигантские потенциальные силы — "скрытые силы, способные превратить его в *бога* уже на земле".[16]

Все эти идеи в том или ином виде развиваются в статьях предлагаемого вниманию читателя сборника "Пять лет теософии".

Но у читателя может возникнуть вполне законный вопрос: каков же источник теософских знаний? Каким образом уроженка российского в те годы Екатеринослава оказалась обладательницей тайных знаний, да ещё, к тому же, и по преимуществу восточных?

Сегодня трудно восстановить подробные обстоятельства того, как возникла духовная связь между Е.П. Блаватской и тибетскими "мудрецами", "Махатмами", жившими на невообразимых высотах Гималаев. У нас об этом сохранились лишь отрывочные сведения. Этой теме посвящены десятки книг и статей, в которых одни исследователи горячо поддерживают, а другие столь же резко отвергают возможность передачи теософских знаний Е.П.Б. за тысячи километров каким-то неизвестным современной науке способом. Что это? Телепатия? Но все мы прекрасно знаем, насколько скептически современная наука относится к любому упоминанию о телепатии.

Да, известно, что некоторые идеи категорически отвергаются наукой как противоречащие фундаментальным законам природы: например, идея "вечного двигателя". Однако телепатия не включена в этот список "бесплодных" идей. Выдающийся русский психиатр, психолог и невролог В.М. Бехтерев, немало времени посвятивший этой теме, писал: "в настоящее время не может быть приведено в сущности ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний. Поэтому, *не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса*, мы должны признать, что предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей *при настоящем состоянии наших знаний* является совершенно недоказанной".[17]

Однако мы знаем и то, что целый ряд современных научных открытий и технических изобретений ещё пару веков тому назад показался бы наверняка "невероятным и невозможным" и вызвал бы в лучшем случае насмешливые замечания скептиков. Вполне справедливо об этом пишет и племянница Е.П.Б., Н.В. Брусилова, много лет своей жизни посвятившая исследованию творчества своей тётушки:

"В жизни Е.П. Блаватской . . . было много странных, даже непонятных вещей, в особенности в то далёкое наше время. Знаю только, что с тех пор человечество дошло до таких чудес для наших старых понятий и знаний, что бросать

голословные обвинения в шарлатанстве всему тому, чего не понимаешь или объяснения чего нет в нашей современной науке, довольно неосновательно. Если бы нам сказали в то время, что мы будем слышать разговоры и музыку из Америки или из Москвы, сидя в Париже, мы бы только засмеялись такой "ерунде". Ну а вот теперь каждый день и в самой далёкой глухой деревне все желающие слушать "радио", ловят волны в атмосфере. Из этого для меня ясно, что учёные индусы "Махатмы", учителя, которых неисповедимыми путями нашла наша русская тётя Елена Петровна в своих путешествиях по Индии, которые её признали способной воспринять их познания в области неизвестного в то время "радио", могли многое знать, до чего человечеству вообще нужно ещё дожить, чего ждать придётся ещё довольно много... Для меня ясно, что многое то, что у тётки называлось "фокусами", "шарлатанством", со временем будет признано наукой. И так, если мы теперь слушаем "радио" и не удивляемся голосам и музыке, идущим из Америки, отчего не допустить возможности, что "Махатмы" ... могли научить Елену Петровну, благодаря её психической восприимчивости, и более упрощённому способу слышать их голоса, и вызывать аккорды музыки. Всё это может быть объяснено в будущем людьми науки..."[18]

Так или иначе, но факт остаётся фактом, подтверждённым многочисленными и достойными полного доверия свидетелями, что идеи, развиваемые в таких фундаментальных трудах Е.П. Блаватской, как "Разоблачённая Исида" и "Тайная доктрина", были переданы ей "телепатическим" (или каким-то иным, для которого у нас пока нет специального термина) способом гималайскими учителями — "Махатмами".

В Индии испокон веков существует традиция, следуя которой искатель Истины должен найти своего гуру — учителя. Такой поиск ярко описан в известной книге Парамахансы Йогананды "Автобиография йога".[19] а также во включённой в настоящий сборник статье "Как "чела" отыскал своего гуру". Вместе с тем гуру, имеющий собственных учеников, может одновременно являться и учеником какого-то более "высокого" гуру, а тот — учеником ещё более "высокого" гуру, и эта цепочка "ученик-гуру" может оказаться довольно длинной. Так, поднимаясь по ступенькам всё выше к вершинам знаний, каждый раз получая посвящение в ещё более глубокие учения, искатель Истины следует по своему Пути. А понятие "Путь" имеет особое значение, в которое вкладывается чрезвычайно глубокий и потаённый смысл. И по мере овладения всё более совершенными знаниями, по мере всё более глубокого усвоения оккультной науки и философии у человека, следующего этим Путём, постепенно начинают формироваться и необычные — "паранормальные", как они не самым удачным образом определяются наукой — способностями. Мы все наслышаны о подобных "чудесах", на которые способны йоги. Этому посвящены тысячи статей и целый ряд документальных фильмов. Однако не они являются главной целью человека, следующего этим Путём. Подлинные "мудрецы" считают их чем-то второстепенным, побочным, приходящим само собой в процессе обучения ученика. Демонстрировать их публично считается недостойным истинного "мудреца", это рассматривалось делом ничтожных факиров. Главным же остаётся овладение Истиной, всё большее приближение к ней.

Вот именно такими мудрецами, уже безо всяких кавычек, и являются Учителя Е.П. Блаватской и Г.С. Олкотта. Именно от них и пришли глубочайшие идеи того трансцендентального знания, той высокой метафизики, той оккультной науки, которые и получили своё частичное — лишь частичное! — освещение в упомянутых выше фундаментальных трудах Е.П.Б. Но было бы чрезвычайным упрощением и несправедливым умалением заслуг Е.П. Блаватской считать, что она просто фиксировала на бумаге, как пишущий диктант ученик, все мысли, которые поступали в её сознание от Учителей. Нет, она не всегда писала под их диктовку! На основании сведений, которыми мы располагаем сегодня, можно сделать вывод о том, что нередко ей передавалась лишь сама идея, а уж как она изложит её на бумаге и представит читателю — это уже вопрос её

мастерства, таланта и чрезвычайных способностей, которыми обладала и сама Е.П.Б. Как мы видим, она блестяще справилась с этой сложнейшей задачей, и написанные её рукой книги и сегодня, более полутора веков спустя, с неослабным интересом читаются во всём мире.

С фигурами Учителей связан и значительный раздел сборника, озаглавленный "Несколько вопросов, навеянных сочинением г-на Синнетта "Эзотерический буддизм". Теософы хорошо понимают, о чём в данном случае идёт речь. Но для читателя, впервые знакомящегося с теософией, следует разъяснить некоторые обстоятельства, составляющие предысторию этого раздела.

Во время одной из первых поездок Е.П.Б. по Индии она познакомилась с А.П. Синнеттом, в то время занимавшим должность редактора англоязычной газеты "Pioneer" ("Пионер"), которая выходила в свет в Аллахабаде. Как оказалось впоследствии, судьбой ему было уготовано сыграть чрезвычайно важную роль в развитии теософского движения. А тогда, осенью 1880 года, Е.П.Б. по его просьбе обратилась к своим Учителям с вопросом: готовы ли они вступить в переписку с А.П. Синнеттом и познакомить его с началами оккультной философии? Так между ним и Махатмами завязалась переписка, длившаяся с 1880 по 1885 год, итогом которой стали две книги А.П. Синнетта: "Оккультный мир", вышедший в свет в 1881 году, и "Эзотерический буддизм", опубликованный два года спустя, в 1883 году. Опираясь на полученные от Махатм письма,^[20] А.П. Синнетт в обеих этих книгах частично познакомил западную читательскую аудиторию с ещё несколькими принципами восточной оккультной философии. Как и "Разоблачённая Исида" Е.П. Блаватской, эти книги буквально потрясли интеллектуальное общество христианского мира как Европы, так и Америки и Австралии. Вот почему член Английского теософского общества, Фредерик Майерс, который чуть ранее, в 1882 году, выступил одним из сооснователей Общества психических исследований (которому предстояло сыграть в дальнейшем зловещую роль в судьбе Е.П. Блаватской), и обратился к редакции журнала "Теософ" с просьбой прояснить ряд вопросов, связанных с содержанием книги "Эзотерический буддизм" А.П. Синнетта. Думается, читатель настоящего сборника с интересом воспримет изложенные в ответах дополнительные сведения об оккультном учении Востока.

Наконец невозможно не сказать здесь нескольких кратких слов об этической составляющей теософского учения. Эта важнейшая тема отражена в целом ряде включённых в сборник статей, либо специально посвящённых этой проблеме, как, например, "Целомудрие" и "Мораль и пантеизм", либо освещающих иные вопросы, но так или иначе и в них также вопросы этики выступают на первый план. Это и не удивительно, ведь искатель Истины, постигающий оккультные знания об устройстве мироздания, макрокосма, не может в то же время не думать и о себе как части этого гармоничного мироздания, микрокосме, а поэтому задача *самосовершенствования* является для него первостепенной. Краеугольным принципом теософского учения о нравственности является принцип кармы — всемирный закон воздаяния за все благие и все дурные поступки человека. Теософ, стремящийся познать Истину, не может оставаться игрушкой собственных страстей. Наоборот, его главной задачей является научиться целиком властвовать собой, овладеть своей внутренней природой и неуклонно идти по избранному Пути, стремясь к благу и справедливости во всём — в том числе и в утверждении всемирного братства на земле, как это и заявлено в качестве первостепенной задачи теософского движения.

И в заключение нашего предисловия хотелось бы сказать вот о чём. Почему-то, говоря о теософии, некоторые авторы позволяют себе утверждения о том, будто теософия и наука являются непримиримыми врагами, будто они разделены между собой китайской стеной и представляют собой чуть ли не антиподы друг для друга. Однако нет ничего более ошибочного, чем подобные утверждения, не имеющие ничего общего с тем, о чём писала Е.П. Блаватская и другие теософы. Подлинным врагом теософии является только

догматическая наука — впрочем, как и любые другие догмы в какой бы то ни было другой области человеческого знания. Познание Истины происходит постепенно, и то, что на определённом этапе науке представляется законом, на следующем этапе превращается в пустой и вредный догмат, уже не помогающий, а мешающий ходу познания человеком мира. И только тогда, когда, цепляясь за обветшалые, но удобные кое-каким влиятельным деятелям науки, догматы, учёные перестают выполнять свой главный долг в деле познания мира, такая наука, превратившись в преграду и тормоз на пути движения к Истине, в глазах теософии и становится её врагом. "Нет религии выше истины!" Нет догматов выше Истины! И такая позиция теософии логично вытекает из тех трёх задач теософского движения, о которых мы сказали выше: изучение не получивших своего объяснения законов природы и скрытых способностей человека. Учёный же, не замалчивающий, а открыто ставящий "неудобные" вопросы перед наукой, учёный, пытливо исследующий каждое противоречие в очередной "господствующей" теории и готовый ради его разрешения идти до конца, — такой учёный является в глазах теософии её верным другом и сподвижником.

С тех самых пор, как у человека впервые пробудился разум, он начал понимать, что оказался брошен во враждебный ему мир, полный загадок и тайн. Не случайно в древнеиндийской философии человечество именовалось "великим сиротой". Всё вокруг него, вся представленная его взору Природа — горы, леса, моря на земле и звёзды в небе — заключало в себе великую Тайну. Но в этой Тайне заключалась и её разгадка, ответ на вопрос: а есть ли, вообще, какой-либо смысл в мироздании? Вся последующая история интеллектуально-духовных дерзаний человечества представляет собой поиск ответа на этот жгучий великий вопрос. На бескрайнем поле познания человеком Природы мы видим сотни мудрых книг с их гениальными прозрениями и догадками. Тем не менее, вульгарный материализм ещё не погиб, и его злоторное влияние по-прежнему ощущается в мыслях иных авторов, пишущих на научно-популярные темы и в наши дни. Вот, например, что говорит один из них: "Есть физика, химия, биология, другие науки. Всё это не просто названия дисциплин, это грани призмы, через которую ты смотришь вокруг. Чем больше граней этой призмы, тем чётче твой взгляд, тем острее скальпель сознания, единственной ценности в преходящем теле. *Смысла жизни нет. И смысла Вселенной нет и не было. Само понятие смысла, если такая штука и есть во Вселенной, делает её менее удивительной...*"[21] И заключает свою мысль следующими словами: "Нет-нет, я знаю, что умру и в какой-то момент атомы моего тела вернуться в этот бесконечный поток мироздания, и срок человеческой жизни недолог. Но пока он длится и пока я живу, я собираюсь по максимуму осознать этот процесс. Если "о, великий случай" дал мне родиться в человеческом теле, дал мне глаза, чтобы видеть, дал уши, чтобы слышать, дал мозг, чтобы осознавать то, что ему доступно, — я воспользуюсь этой возможностью".[22]

Зачем, для чего? Только для того, чтобы распасться на атомы и превратиться в прах, будучи наполненным при этом кое-какими знаниями? Промелькнуть слабой искоркой в черноте небытия и исчезнуть без следа в его бездонной пучине? В этих "гордых" словах, однако, явственно звучит тон какой-то рабской покорности "неумолимой судьбе" и ощущение собственной ничтожности.

Малорадостная перспектива, с точки зрения теософа. Ему гораздо ближе иные мысли — мысли, изложенные великим учёным, хирургом Н.И. Пироговым в своём дневнике:

"Если смысл наш зависим от наших современных убеждений, а они, в свою очередь, преходящи и не всегда, по своей силе и упорству, соответствуют нашим знаниям, то ни одна господствующая доктрина, ни одно умственное направление не должно смотреть свысока на другие, им противоречащие, доктрины и направления; а умы беспристрастные, не увлекающиеся и не доверчивые, не должны пугаться насмешек, разных кличек и обвинений в отсталости, нерациональности и бессмыслии".[23]

А чуть ниже он добавляет: "Будет ли наукою когда-нибудь несомненно доказано, что высшие животные типы, формы и мы сами развились под влиянием внешних условий и сил из низших форм, а эти, в свою очередь, из первобытной органической протоплазмы, — моё воззрение от этого не изменится; так ли, иначе ли развилась животная жизнь на земле, принцип *целесообразности* в творчестве от этого ничего не теряет и присутствие *мировой мысли и жизненного начала* во Вселенной не сделается сомнительным".[24]

Бессмысленна наука без души и без крыльев духа, философия без твёрдой опоры на точное знание, а религия без философского понимания её установлений. И только в синтезе всех трёх может осуществляться движение к Истине.

Владимир Базюкин

---

[1] Более подробно об этом см.: Малахов П.Н. История теософского движения в России.

[2] Официальной датой образования Т.О., однако, считается 17 ноября 1875 г., когда председатель Общества произнёс торжественную речь, посвящённую этому событию.

[3] Крэнстон С., 1999. Также рекомендуем читателю книгу: Олкотт Г.С., 2016а.

[4] Ныне г. Днепр (бывш. Днепропетровск).

[5] Олкотт Г.С., 2016б. С. 73.

[6] Статья эта появилась без упоминания имени автора, но столь знакомый стиль, в котором написана эта статья, безошибочно выдаёт её авторство.

[7] Дворецкий И.Х., 1958а. С. 676.

[8] Ямвлих, 2002. С. 57. "Под эсотериками обычно понимаются посвящённые в тайные учения. Поэтому занавес может быть аллегорией "завесы тайны" (ср. "покрывало Исиды" в герметической традиции), а ученики, слушающие Пифагора за ним — посвящённых в сокровенные учения и созерцающих свет Истины" (там же, С. 166-167).

[9] Дворецкий И.Х., 1976. С. 696.

[10] Labbé, I. *et al.* (2023).

[11] Olcott H.S., 1875.

[12] Doyle A.C., 1926.

[13] Wallace A., 1874.

[14] Blavatsky H.P., 1966. P. 73.

[15] Олкотт Г.С., 2016. С. 26.

[16] Blavatsky H.P., 1966. P. 73.

[17] Бехтерев В.М., 2022. С. 289. Курсив наш.

[18] Брусилова Н.В. (урожд. Желиховская) ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 1. Д.19а. Л. 64.

[19] Йогананда Парамаханса, 2023.

[20] Позднее двумя изданиями, 1923 и 1926 гг., сборник писем, как вошедших в упомянутые книги Синнетта, так и не вошедших в них, был опубликован в виде отдельного издания. В русском переводе см.: Письма Махатм А.П. Синнетту.

[21] Плисов Е., 2020. Курсив наш.

[22] Там же.

[23] Пирогов Н.И., 2008. С. 44.

[24] Там же. С. 67. Курсив наш.

[Следующий раздел](#)

[Содержание](#)

[TUP Online Menu](#) (English)

Theosophical University Press, publishing and distributing theosophical literature since 1886: PO Box C, Pasadena, CA 91109-7107 USA; Email: tupress@theosociety.org; Voice: +1 (626) 798-3378. *Free printed catalog* available on request, or online at [TUP Catalog](#).

Издательство "Theosophical University Press" занимается публикацией и распространением теософской литературы с 1886 года. Почтовый адрес издательства: PO Box C, Pasadena, CA 91109-7107 USA; электронный адрес: tupress@theosociety.org; телефон: +1 (626) 798-3378. Принимаются заказы на *бесплатный каталог литературы в печатном виде*. В режиме онлайн с ним можно ознакомиться в разделе [TUP Catalog](#).

МИСТИЦИЗМ

Эликсир жизни[1]

Из дневника одного чела[2]

Г*** М***, член Т.О.

{От переводчика}

{В многотомном Собрании трудов Е.П. Блаватской составитель его, Б.М. Цирков, в своём обширном примечании приводит важные сведения, проливающие свет на неординарную личность автора предлагаемой читателю статьи. Думается, читателю будет небезынтересно познакомиться с приведёнными там фактами прежде, чем он приступит к чтению самой статьи.

"Автором этой примечательной статьи является Мирза Мурад Али Бег. Под таким литературным псевдонимом писал Годолфин Митфорд, отпрыск древнего гэмпширского рода Митфордов. Отец его служил в Ост-Индской компании. Сам же Годолфин родился в Мадрасе и отличался в высшей степени эксцентричным и своеобразным характером. Из своекорыстных интересов он одно время увлекался чёрной магией, чем и привёл в действие особые сущности-элементалы, которые в конце концов полностью и расстроили его сознание. Когда 20 января 1881 г. в Бомбее он появился в доме Е.П. Блаватской и Г.С. Олкотта, он исповедовал ислам. Жизнь его была полна самых необыкновенных приключений. Вот что пишет о нём полк-к Г.С. Олкотт (*Old Diary Leaves*, Vol. II, pp. 289-291):[3]

"В первый раз он пересёк порог нашего дома 20 января. Человек этот был европейцем по происхождению, отпрыском старинного хэмпширского рода Митфордов, подарившего миру немало известных писателей, в том числе и Мэри Расселл Митфорд, автора знаменитой "Нашей деревни" и ряда других произведений.

Дед этого молодого человека приехал в Индию в компании с несколькими французами и некоторое время служил у Типу Султана. Когда же этот жестокий и сластолюбивый правитель был убит, Митфорд-старший перешёл на службу в Ост-Индскую компанию.

Наш новый знакомец родился в Мадрасе, и в числе многочисленных чудачеств, которыми он отличался, было неожиданное принятие им ислама. В момент нашего знакомства с

ним он находился на военной службе у бхавнагарского махараджи, занимая должность начальника кавалерии — тёпленькое место, не отнимавшее у него много времени. Авантюрист по своей природе, он вёл сумасбродный образ жизни, доставлявший ему, однако, больше страданий, чем радостей. Среди всего прочего не гнушался он и занятиями чёрной магией. Как он рассказывал мне впоследствии, все те страдания, через которые ему пришлось пройти в течение нескольких последних лет его жизни, были напрямую связаны с тем, что его стали преследовать злобные духи, которых он некогда сам же призвал к себе, чтобы завладеть сердцем некой достойной дамы, ответного чувства которой он домогался.

Некий чёрный маг, мусульманин по вероисповеданию, научил его, как добиться своей цели. Он велел ему запереться на сорок дней в своей комнате и сосредоточиться взглядом на тёмном пятнышке, выделявшемся на стене. В своём воображении он должен был заменить это пятнышко на лицо своей жертвы и видеть только его, повторяя при этом сотни тысяч раз некую полуарабскую-полусанскритскую мантру. Он должен был продолжать это делать до тех пор, пока не увидит, как живое, лицо дамы его сердца. А когда губы её шевельнутся, словно в желании что-то ему сказать, это будет знаком того, что чары полностью завладели ею и вскоре она добровольно явится к нему сама.

Всё вышло именно так, как и было предсказано. Он вполне достиг своей мерзкой цели, погубил несчастную женщину, но сам подпал под власть злых духов, не обладая достаточной ментальной силой, чтобы держать их в узде, ибо добровольно принял обязательные условия служения им.

Разумеется, общение с ним было делом не из приятных. Нервный, легко возбудимый, неспособный на долгое время сосредоточиться на чём-то одном, раб своих мимолётных желаний, отчётливо видящий высшие возможности человека, но бессильный достичь их, он явился к нам в попытке найти какое-то прибежище, а вскоре и прожил у нас несколько недель.

Англичанином он был весьма необычным: одевался совершенно по-мусульмански, и только свои длинные светло-русые волосы он по-женски собирал греческим узлом за затылком. Был он светлокж, глаза голубые. В своём дневнике я писал, что он больше всего походит на загримированного и готового к выходу на сцену актёра. Свой "Эликсир жизни" он написал чуть позже, но, коль скоро о нём зашла речь, то я расскажу здесь уже и всё, что случилось с ним позднее.

С минуты его первого появления в нашем доме он производил впечатление человека, в котором непрестанно происходит острая борьба между его психическим и нравственным началом. Он сетовал на то, что всё время мечется из крайности в крайность — что-то его толкает то к добру, то ко злу. Он обладал ясным умом, был прекрасно начитан и собирался вступить в наше Общество, но, будучи неуверенным в его добрых нравственных началах, я ему в приёме отказал. За него, однако, вступилась Е.П.Б., сказав, что берёт его на поруки, и я сдался, позволив ему стать членом Т.О. Несколько месяцев спустя он отплатил ей за это чёрной неблагодарностью: на вокзале в Уодване он выхватил у сипая из рук меч и бросился с ним на Е.П.Б., пытаясь её убить и выкрикивая при этом, что она сама и все её Махатмы — просто бесы!

Словом, он сошёл с ума. Однако за время его жизни у нас он написал несколько статей, которые мы опубликовали в "Теософисте", и вот как-то раз вечером после беседы с нами он засел за статью о том, как с помощью собственной воли человек может продлить срок своей жизни. Е.П.Б. и я находились в эту минуту в одной комнате с ним, и, когда он начал писать, она встала из своего кресла и подошла к нему, встав у него за спиной — точно так же, как она в Нью-Йорке стояла за спиной у Хариса, передавая ему свои мысли, пока тот набрасывал портрет одного из Махатм.

Статья Мирзы Сахеба вполне заслуженно привлекла к себе внимание читателей ("Теософист", III, 140, 168) и с тех пор считается одной из самых глубоких и значительных работ в области нашей теософской литературы.

Всё у него стало складываться удачно, и перед ним открылись все возможности для того, чтобы в значительной мере восстановить свою былую духовность. Для этого ему нужно было лишь остаться у нас, и он было согласился, но, подчиняясь каким-то необоримым силам, не удержался и бросился в свой Уодван навстречу собственной гибели. Ему так и не удалось восстановить своё психическое равновесие: сначала он обратился в католичество, затем снова вернулся в ислам и в конце концов умер и был похоронен в Джунагадхе, где я побывал на его скромной могиле. Судьба его всегда представляется мне ужасным примером того, какие опасности подстерегают человека, когда он начинает заигрывать с оккультными силами, не будучи в состоянии совладать с бушующими внутри него животными страстями".

У Е.П.Б. в "Тайной доктрине" встречаются два замечания, касающиеся этого необычного персонажа. Вот они:

" . . . Этим человеком был англичанин, которого погубил его же собственный эксцентричный гений. Сын протестантского священника, он принял ислам, после чего обратился в самого воинственного атеиста, но после того, как встретил своего *учителя*, гуру, он впал в мистицизм. Затем он пришёл к теософии, по-прежнему обуреваемый сомнениями и переживавший периоды крайнего отчаяния. Отказавшись от практики *белой* магии, он обратился к магии *чёрной*. Рассудок у него помутился, он принял католицизм. Но затем в его жизни произошёл новый крутой поворот, он проклял католическую церковь, вернулся к атеизму и в конце концов умер, осыпая проклятьями всё человечество, знание и Бога, в которого окончательно перестал верить. Располагая всеми необходимыми эзотерическими сведениями, он написал свой очерк "Небесная война", превратив его наполовину в политическую статью, в которой он смешал всё: Мальтуса с сатаной и Дарвина с астральным светом. Да упокоится его . . . *оболочка*. Жизнь его — это назидание всем оступившимся чела. Его всеми забытая заброшенная могила до сих пор стоит на мусульманском кладбище в Джунагаде, расположенном в индийской провинции Катьявар".[4]

" . . . Он обладал исключительными способностями мистика, был человеком огромной эрудиции и замечательного ума. Однако он сошёл с "правого пути" и немедленно оказался жертвой кармического воздаяния. . . . "[5].

Тем не менее, в ряде мест своей книги Е.П.Б. рекомендует читателю его примечательное эссе под названием "Небесная война"[6] и цитирует несколько фрагментов оттуда в "Тайной доктрине".[7] }

"И ходил Енох пред Элохимом, и Элохим взял его". — Книга Бытия.[8]

Введение

[В предлагаемой ниже статье речь пойдёт о вещах столь диковинных — а нам, без сомнения, должно признать их именно таковыми, какого бы мнения на сей счёт ни придерживался остальной мир, — что они вполне заслуживают нескольких вступительных слов.

В статье нашей мы хотим подробно остановиться на предмете, который всегда относился к одной из самых непроницаемых и строжайше охраняемых тайн оккультного посвящения — таким предмет этот почитался во времена риши, таким же остаётся он и в наши дни, когда уже существует Теософское общество. Подробности же стали известны автору в обстоятельствах столь примечательных, что европеец средней руки

вполне мог бы назвать их необыкновенными и даже сверхъестественными. Впрочем, сам автор — и в том он может вполне заверить своего читателя — ни на грош не верит ни во что *сверхъестественное*. А если говорить о *естественном*, то познать ему довелось многое такое, что, не в пример другим, удерживает его от попытки втиснуть *естественное* в узкие рамки возможного. Засим, автор должен откровенно признаться читателю в своих истинных верованиях.

Если по внимательном прочтении изложенных фактов читатель убедится, что дело действительно обстоит так, как о нём и поведано в этой статье, то он должен со всей ясностью осознать и другое: сам автор никоим образом не может принадлежать к числу высоких адептов, ибо в этом случае статья наша *никогда не была бы написана*.

Впрочем, на лавры адепта он и не претендует. Он — всего лишь смиренный *чела*, а точнее, пребывал таковым в течение нескольких лет. И потому правильнее было бы о нём сказать вещь совершенно обратную: он не может иметь ни малейшего личного опыта в вопросах, касающихся наивысших таинств. Рассказ свой он ведёт лишь как прямой наблюдатель, и всё, что ему оставалось при этом делать, — это лишь приходиться к собственным умозаключениям, и не более того. А посему он может смело утверждать, что за время пусть, к сожалению, и весьма недолгого пребывания у неких адептов он методом прямого эксперимента и наблюдения проверил справедливость далеко не самых трансцендентальных и скорее даже начальных дисциплин "*курса обучения*". И пусть даже не удастся ему представить ни одного убедительного свидетельства, объясняющего, что именно лежит там, за чертой жизни и смерти, он всё-таки вправе твёрдо сказать одно: да, всё, что я узнал за время своей учёбы, своей теоретической и практической подготовки — долгой, суровой, а подчас и опасной, — приводит меня к убеждению, что дело обстоит ровно так, как нам о нём теперь и говорят. [9] За исключением, правда, отдельных *умышленно завуалированных* подробностей.

По причинам, которые автор не может открыть широкой публике, он, возможно, не в силах, а возможно, и просто не желает самостоятельно воспользоваться открывшимся ему секретом. Однако тот, к кому он питает благоговейную любовь и благодарность, — его последний *гуру* — всё-таки позволил ему в интересах Науки и ради Человека — в особенности ради блага тех храбрецов, что готовы поставить эксперимент на самих себе — поведать следующие ошеломительные подробности того, как с помощью оккультных методов человек способен продлевать собственную жизнь на срок, значительно превышающий период обычного человеческого существования — *Г. М.*]

Из всех побудительных причин, что сегодня заставляют сугубо мирского человека домогаться посвящения в теософию, самой первой является, пожалуй, вера или надежда на то, что в тот же миг ему будет даровано необычайное преимущество перед остальной частью человечества. Кое-кто полагает даже, будто результатом такого посвящения может, вероятно, в конце концов стать освобождение его от того процесса распада, что зовётся общим уделом человечества. Предания об "эликсире жизни", которым якобы обладают каббалисты и алхимики, всё ещё будоражат умы европейских последователей средневекового оккультизма. Рассказням об "аб-е хаят", то есть о "живой воде", всё ещё свято верят и выродившиеся остатки азиатских эзотерических сект — они даже не догадываются о существовании *настоящей* Великой Тайны. Тот "крепкий и обжигающий экстракт", который принимал Занони,^[10] чтобы раз от разу продлевать свою жизнь на всё новые и новые сроки, по-прежнему распаляет воображение у современных визионеров, усматривающих в нём намёк на какое-то открытие, которое, возможно, суждено совершить науке в недалёком будущем.

Да, говорит теософия, факт этот сам по себе совершенно реален, но ни в одном из приведённых выше рассуждений нет *ни слова правды* о том, как этот факт реализуется на практике. Дело читателя, верить мне или нет, но факт остаётся фактом, что, по утверждениям теософов-оккультистов, они действительно способны поддерживать сообщение с (живыми) Разумами, наделёнными бесконечно более широким диапазоном восприятия реальности, чем это готова признать современная наука в своих самых смелых предположениях и что бы на сей счёт ни заявляли все эти дилетанты-каббалисты — нынешние европейско-американские "адепты". Но как бы далеко эти высочайшие Разумы ни продвинулись (или, если угодно, "якобы" продвинулись) в своих изысканиях, в какие бы дальние дали они ни забирались, действуя с помощью логики и методов аналогии, даже *Им* так и не удалось обнаружить в Беспредельности ничего постоянного, кроме одного — **Пространства, ибо всё остальное подвержено изменению.**

Из сказанного читатель может легко сделать следующее логическое умозаключение: значит, во Вселенной, столь изменчивой по самому своему существу, нет ровно ничего такого, что могло бы придать постоянства существующим в ней условиям. А значит, ни из каких глубин Беспредельности нам не почерпнуть такой субстанции, не вообразить даже в мыслях такого набора снадобий, взятых на нашей ли или какой угодно иной Земле и даже смешанных между собою этими Высочайшими Разумами, а следовательно, и не найти такого образа жизни или таких практик, пусть даже и следуемых со всей строжайшей волей и умением, которые оказались бы способны произвести на свет Неизменность. Ибо в нашей Вселенной, состоящей из множества солнечных систем, — где бы и как бы мы их ни исследовали — Неизменность со всей необходимостью

предполагала бы наличие "Небытия" в том физическом смысле, в каком его понимают теисты, — Небытия как *ничто* в узком представлении западного клерикализма — *reductio ad absurdum*.^[11] Однако мыслить так — значит наносить ничем не прикрытое оскорбление идее Бога — хоть псевдохристианской, хоть клерикально-иеговистской.

Следовательно, обычное идеальное представление о "бессмертии", как мы видим, не только неверно уже по самому своему существу, но и невозможно ни с физической, ни с метафизической точек зрения. Кто бы эту идею ни отстаивал — теософы ли или нетеософы, христиане или спиритуалисты, материалисты или идеалисты, — идея эта не более чем просто химера.

Но при всём при этом способ временного продления человеческой жизни действительно существует, и он позволяет удлинить жизнь на период столь долгий, что может показаться невероятным чудом всем тем, кто полагает, будто срок нашего существования неизбежно отмеривается, самое большее, парой сотен лет. Нам вполне по силам как бы сгладить шок смерти и целиком изменить процесс умирания: это будет уже не внезапное проваливание в черноту, а постепенный переход в какой-то более яркий свет. Причём всё это может протекать столь постепенно, что переход из одного состояния бытия к другому станет гладким и практически незаметным. А это уже в корне меняет всё дело, и такая задача оказывается вполне по плечу оккультной науке. Как и во всём другом, успех здесь будет целиком зависеть от правильного применения необходимых средств, и тогда причины уже сами будут производить все необходимые следствия. Остаётся, разумеется, лишь один вопрос: что это за причины и каким образом мы можем привести их в действие? Попытка приподнять, насколько позволительно, завесу над этой стороной оккультизма и составляет цель настоящей статьи.

Для начала хочу напомнить читателям о двух теософских учениях, неизменно подчёркиваемых как в "Исиде", так и в других посвящённых мистике сочинениях, а именно: (а) по самой своей природе Космос, в конечном счёте, представляет собой единое Целое — он един, невзирая на всё бесконечное разнообразие и множество его проявлений; и (б) то, что мы называем *человеком*, представляет собой "многосоставное существо". Это следует не только из экзотерического научного определения человека как существа, состоящего из некоего набора так называемых живых материальных единиц-частей, но вытекает также и из эзотерического понимания человека как определённого ряда семи форм или семи частей чего-то единого, которые особым образом перемешаны друг с другом.

Чтобы прояснить нашу мысль, скажем, что самые тонкие его формы представляют собой не что иное как дубликаты одного и того же аспекта — и каждая предыдущая, более тонкая, заключена в межатомных

пространствах следующей, более грубой. Нам хотелось бы, чтобы читатель понял, что это вовсе не те "тонкие" или "духовные сущности", о которых говорят спиритуалисты-христиане. Тот фактический человек, которого вы обычно видите в своём зеркале, — на самом деле не один человек. В действительности это совокупность нескольких человек или, иначе говоря, нескольких составных частей единого комплексного человека, и каждый из них — это точный аналог другого. При этом, однако, "атомы" (скажем так за неимением лучшего термина) каждой предыдущей формы организованы таким образом, что пронизывают собою атомы последующей, более "грубой", формы.

Сейчас нам нет дела до того, как эти формы исчисляются, обособляются, классифицируются, подразделяются и именуют теософы, спиритуалисты, буддисты, каббалисты или ведантисты — отложим эту войну терминов до другого случая. Неважно для нас сейчас также и то, каким образом каждый такой человек связан с тем или иным "первоэлементом" Космоса, составной частью которого он является. Мы не будем сейчас ни разьяснять, ни обсуждать эту тему, хотя она и имеет ключевое значение в других случаях. Пусть также нас не заботит и то, что факт подобной [человеческой] структуры отрицается учёными, не имеющими в своём распоряжении соответствующего инструментария, который помог бы их органам чувств уловить её. Им мы можем дать лишь один совет: вооружитесь более совершенными приборами и более острыми органами чувств — и *в конце концов* вы обнаружите её.

Мы хотим сейчас сказать лишь одно: если вы всерьёз желаете испить "эликсира жизни" и действительно хотите прожить этак с тысячу лет, то должны довериться в этом вопросе нашему слову и, приняв сказанное за гипотезу, продолжать двигаться дальше, ибо эзотерическая наука не оставляет ни малейшей надежды на то, что к поставленной цели можно когда-нибудь прийти иным путём, а что касается современной, так сказать, точной науки, то о ней и говорить нечего — она без смеха и слышать об этом не желает.

Итак, допустим, в жизни нашей наступает момент, когда мы решаемся разбить — причём *не* в фигуральном, а в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова — свою внешнюю оболочку, хорошо известную нам смертную "обмотку", то есть наше тело, и мы готовы вылупиться из него, одетые в следующее своё тело. Это "следующее" тело не имеет никакого отношения к духовности — это просто ещё одна наша форма, только более тонкоматериальная. В ходе длительной тренировки и практики нам, допустим, удастся приспособить это "новое" тело к жизни в условиях нашей земной атмосферы, и в течение всего этого времени мы должны будем особым образом (о чём мы скажем намёком несколько позже) заставить свою прежнюю внешнюю оболочку начать постепенно отмирать, после чего нам придётся подготовить себя к этой

физиологической трансформации.

Как же нам этого добиться? Прежде всего, мы видим, что у нас есть вполне реальное, зримое материальное тело — так сказать, "человек", хотя в сущности это всего лишь его внешняя оболочка, и вот ею-то нам и предстоит заняться. Давайте вспомним, что нам об этом говорит наука? А наука учит, что мы, как какие-нибудь змеи, целиком *меняем свою кожу* примерно каждые семь лет. Однако процесс этот протекает столь постепенно и незаметно, что если бы наука не завершила нас в этом, опираясь на долгие годы кропотливых исследований и наблюдений, то ни у одного человека не зародилось бы даже тени подозрения на этот счёт.

Кроме того, мы видим, что с течением времени любой порез, любое повреждение на теле, пусть даже самые глубокие, стремятся восполнить нанесённый ущерб и восстановить былую целостность — так любое место, с которого бывает содран клочок кожи, очень быстро зарастает новой. А это означает вот что: если после частичной потери кожи человек может порой не только выживать, но и покрываться новым слоем кожи, то точно так же мы можем заставить и наше астральное, витальное тело — четвёртое из *семи* и гораздо более тонкое, чем физическое тело — уплотнить (после того как оно привлечёт к себе и впитает в себя второе)[12] собственные частицы, приспособив их к изменившейся атмосфере. Весь секрет заключается лишь в том, чтобы сначала успешно выделить его из зримого тела, а затем отделить одно тело от другого, и, хотя его [астрального тела — *перев.*] обыкновенно невидимые атомы будут продолжать всё больше уплотняться, превращаясь в компактную массу, необходимо будет постепенно избавляться от старых частиц нашей зримой оболочки, заставляя их отмирать и исчезать прежде, чем успеет образоваться им в замену новый набор частиц. Большого мы сказать не можем. Не одну только Марию Магдалину можно было бы обвинить в том, что в ней заключено "семь духов", [13] хотя не являются редкостью или исключением из правила также люди, имеющие и меньшее число духов (что за нелепый термин!); подобные ошибки природы достаточно нередки, и в числе таких неполноценных встречаются равно и мужчины, и женщины. [14]

Каждое из этих тел поочерёдно заменяет собой предыдущее, более плотное, после чего *умирает*. Исключение составляет лишь шестое, которое впитывается *седьмым* и смешивается с ним. Слово "дхату", [15] которое употребляют древние индусские физиологи, включает в себе двойной смысл и в своём эзотерическом значении соответствует тибетскому термину "Zung" ("семь принципов тела").

У нас, азиатов, есть поговорка, пришедшая, вероятно, из седой старины, однако индусы, произнося её вновь и вновь, даже не догадываются о её эзотерическом смысле. А известна она ещё с тех самых времён, когда

древние риши свободно общались с людьми как простого, так и знатного происхождения, обучая и ведя их за собою. Дэвы когда-то шепнули на ухо каждому живущему на земле человеку такие слова: "*Ты один* — если только захочешь того — станешь бессмертным". Соедините теперь эту мысль со словами западного писателя, сказавшего: дайте только человеку хоть на миг осознать, что однажды его не станет, и он в ту же минуту умрёт. *Просветлённый* поймёт, что между двумя этими высказываниями и лежит вся разгадка секрета долголетия — стоит лишь правильно понять эти слова. Умираем мы лишь тогда, когда у нас ослабевает воля к жизни. В большинстве случаев смерть наступает в ту минуту, когда муки и истощение жизненных сил, вызванные каким-либо резким изменением в окружающих нас физических условиях, достигают такой остроты, что им удаётся ослабить на один краткий миг нашу "зацепку за жизнь", то есть твёрдую волю к жизни. Поэтому как бы тяжела ни была наша болезнь, как ни непереносимы муки, мы должны всё время помнить об одном: это всего лишь болезнь или — в каких-то случаях — всего лишь рана, и не более того.

Этим-то и объясняются случаи внезапной смерти от радости,^[16] страха, боли, горя и прочих подобных причин. Ощущение полной исчерпанности смысла жизни, никчёмности собственного существования, *если они остро осознаются человеком*, как раз и вызывают смерть столь же верную, как смерть от яда или от ружейной пули. С другой стороны, именно твёрдая решимость во что бы то ни стало продолжать жить дальше не раз спасала людей от гибели в те критические минуты, когда болезнь грозила принять роковой оборот.

Стало быть, прежде всего, у человека должна быть решимость — Воля — твёрдая убеждённость в том, что он должен жить.^[17] Если её нет, то ничто уже не поможет. Причём для успеха дела это должно быть не сиюминутное решение, не кратковременное, пусть и яростное, желание, — *а устойчивое и продолжительное напряжение, способное длиться в течение долгого периода, всё время усиливаясь и не расслабляясь ни на миг*. Одним словом, тот, кто решился обрести "бессмертие", должен стоять на страже денно и ночью, не спуская глаз с себя самого. Жить — жить — жить: вот каким должно быть его неколебимое внутреннее решение. Он не должен позволять себе ни малейших послаблений, способных заставить его свернуть с намеченного пути.

Мне могут, впрочем, возразить, сказав: да это же просто эгоизм, причём в самой что ни на есть концентрированной форме! Это ровно то, против чего категорически выступают наши теософы, призывая к доброжелательному и бескорыстному отношению к людям и к заботе о благе всего человечества.

Что ж, если взглянуть на дело под таким узким углом зрения, то это

действительно так. Но, как и во всём остальном, чтобы творить добро, человек *должен располагать* временем и соответствующим материалом, и только при их наличии он может овладеть теми способностями, которые и позволят ему творить добро в бесконечно большем масштабе, чем без оных. А с овладением этими способностями открываются и новые возможности для их применения, поскольку рано или поздно наступает момент, когда человеку уже более нет нужды стоять на бессменной вахте, напрягая все свои силы, — этот момент наступает, едва лишь человек благополучно минует поворотную точку.

Поскольку мы сейчас ведём речь не о продвинутых *челá*, а о начинающих искателях истины, то твёрдость воли, упорство и просветлённая сосредоточенность человека на самом себе — это и всё, что абсолютно необходимо на первых порах. Не следует, однако, полагать, будто кандидат в ряды "бессмертных" должен непременно вести себя бесчеловечно, жестоко или пренебрежительно по отношению к другим. Такой безрассудно эгоистичный стиль поведения окажется для него столь же разрушительным, как и прямо противоположный, при котором всю свою жизненную энергию он будет тратить на потакание собственным физическим желанием. До тех пор, пока остаётся не пройденной поворотная точка, он не должен "растрачивать" собственную энергию, отдаваясь с безудержным жаром какому бы то ни было делу, пусть и самому благородному, самому "доброму" и возвышенному.[18] За всё это он, разумеется, будет многократно вознаграждён — в этом мы можем твёрдо заверить читателя. Возможно, это случится, в какой-то иной жизни, а возможно, уже и на этом свете, но, как и потворство собственным страстям и распутный образ жизни, это столь же неизбежно сократит ему жизнь, которую он желает сохранить. Вот почему из всего числа по-настоящему великих людей в нашем мире (разумеется, здесь не идёт речь о беспринципных авантюристах, истративших свои великие способности на дурные цели) — мучеников веры, героев, основателей религий, освободителей народов, выдающихся реформаторов — лишь считанные единицы смогли оказаться членами этой общины долгожителей, этого "Братства адептов", многие годы порицаемого кое-кем за *эгоизм*. (Ровно поэтому йоги и факиры в современной Индии, в большинстве своём действующие по слепой букве традиции, также не должны — дабы в общественном мнении оставаться верными требованиям своего рода деятельности — внешне отзываться ни на одно внутреннее чувство, не поддаваться ни одной эмоции, точно те для них уже *совершенно мертвы*). И при всей чистоте их сердец, при всём величии их устремлений, при всём бескорыстии их самопожертвования все они *упускали свой час* — и жизнь их обрывалась.

Возможно, они порой проявляли способности, казавшиеся миру чудесами; возможно, им удавалось воспламенять души людей и подчинять Природу своей огненной и всепокоряющей Воле; возможно, они обладали, как мы

говорим, сверхчеловеческим разумом; возможно, они даже были знакомы и общались с нашим собственным оккультным Братством, но, твёрдо решив отдать свою жизненную энергию другим, не оставив ничего для себя, они тем самым отказывались от собственной жизни, и, погибая на кресте или на плахе, падая с мечом в руке на поле брани или изнемогая от истощения сил, отданных на свершение задачи всей их жизни, на смертном одре в тихой своей опочивальне, все они, как один, исходились в надрывном последнем вопле: "Или, Или, лама савахфани!" [19]

Всё это так, спору нет. Но, как мы не раз убеждались в обычном ходе нашей мирской жизни, даже самая могучая сила воли не всегда бывает способна совладать с могучими процессами распада. Отчаянная, вновь и вновь возобновляемая борьба элементов Космоса, стремящихся неуклонно следовать своим привычным курсом непрерывных изменений, невзирая ни на какую противостоящую им волю, делает эти элементы похожими на пару потерявших управление коней, которые бешено сопротивляются решительной воле кучера, пытающегося удержать их неистовый бег, и их совместная сила столь велика, что тут не помогут никакие, даже самые запредельные, усилия *нетренированной* человеческой воли, действующей внутри *неподготовленного* тела. Одинаково бессильными здесь в конце концов оказываются и беспримерная доблесть солдата-храбреца, и пылкое желание томного возлюбленного, и неумная жадность ненасытного скупца, и не знающая сомнений вера наитвердейшего из фанатиков, и привычная нечувствительность к боли у наисуровейшего смельчака-индейца или полуобученного йога-индуса, как и самая выверенная философия у бесстрастнейшего из мыслителей.

Скептики, правда, могут в опровержение изложенных в этой статье вернейших фактов сослаться на опыт: ведь, как известно, нередко случается, что даже у самой кроткой из натур, у самого нерешительного из умов и у тщедушнейшего из людей вдруг оказываются силы, способные противиться "Смерти" дольше, чем самая могучая воля у жизнерадостного и своенравного эгоиста, а равно и у закалённого физически труженика, воина или атлета.

На самом же деле, ключ к разгадке секрета этих очевидно противоречащих друг другу явлений лежит в правильном понимании той самой вещи, о который мы уже сказали выше. Если грубая "внешняя оболочка" проходит своё физическое формирование параллельно и в том же темпе, что и воля, то ясно, как день, что в этом случае последняя и не может получить никакого перевеса, который позволил бы ей *преодолеть сопротивление* первой. Никакие самые современные пушки не предоставят армии абсолютного преимущества над врагом, если тот вооружён точно такими же орудиями. А значит, если взглянуть на дело несколько глубже, то нетрудно заметить, что закалка, которую проходит так называемая "сильная и решительная натура", совершенствуя себя на арене зримого

мира в своих собственных целях, неизбежно подталкивает параллельное развитие и "грубой", так называемой животной оболочки, без чего сама эта закалка совершенно *бесполезна*. И тут вдруг оказывается, что закалка-то эта по большей части сводится на нет с точки зрения задач, о которых мы здесь говорим, а всё из-за того, что каждое действие со стороны этой "сильной природы" одновременно вооружает и своего противника столь же эффективным оружием, как и то, которым пользуется сама эта "натура". *Буйная тяга* к разрушению уравнивается с противостоящей ей волей, а по мере своего накопления эта тяга уже оказывается способной подчинить себе силу воли и в конце концов полностью взять над ней верх.

Но, с другой стороны, может случиться и так, что очевидно слабая, нестойкая воля, живущая в жалкой и незакалённой физической оболочке, вдруг может получить такой могучий *приток дополнительной силы* под воздействием того или иного неудовлетворённого желания — *иччха* ("желания"), выражаясь языком индийских оккультистов (к примеру, страстного желания какой-нибудь матери-одиночки во что бы то ни стало оставаться в живых, чтобы не бросить на произвол судьбы своих детей), — что слабая воля эта на короткое время бывает способна сдержать и усмирить борьбу в том физическом теле, над которым ей удаётся временно взять власть.

Таким образом, весь *смысл* первого необходимого условия для обеспечения продолжительного существования в нашем мире сводится к следующему: (а) к укреплению Воли до такой степени, чтобы стало возможным преодолеть те наследственные (в самом дарвиновском смысле этого слова) тенденции, которые в определённый период времени заставляют атомы "грубой", зримой животной оболочки стремительно возвращаться к установленному для них процессу общекосмического изменения; и (б) к ослаблению конкретной деятельности этой животной оболочки до такой степени, чтобы она подчинилась силе Воли. Если мы хотим разгромить армию противника, *нам необходимо её деморализовать и посеять в ней раздор*.

Только ради этого-то и свершаются всевозможные обряды и церемонии, держатся посты, возносятся "молитвы", проводятся медитации, посвящения и разнообразные практики самовоспитания, предписанные различными эзотерическими сектами Востока, начиная с пути чистейших воззваний к возвышенному, ведущих к наивысшим степеням в иерархии подлинных адептов, и кончая жуткими и отвратительными "ордалиями", [20] через которые обязаны пройти сторонники "левого пути", всеми силами стараясь удержать внутри себя равновесие. Практики эти имеют свои достоинства и недостатки, приносят свою пользу и свой вред. Одни их элементы играют ведущую, а другие второстепенную роль, и, кроме того, они имеют различную степень секретности, пользуются различными ритуалами, и каждая движется по собственным лабиринтам

мысли. В целом, однако, все они — пусть и различными способами — позволяют достичь искомого результата. В итоге Воля окрепнет, станет живой и целенаправленной, а все противостоящие ей элементы окажутся *деморализованными*.

А теперь, если мы тщательно продумаем и соберём воедино разнообразные теории эволюции, взятые не из *какого-нибудь* оккультного источника, а из самого что ни на есть обычного и общедоступного научного сочинения, начав с гипотезы о последней вариации в поведении видов — ну, скажем, с развития плотоядности у новозеландского попугая, — а затем обратим свой взор в глубь времён, к самым далёким закоулкам Пространства и Вечности, к картинам, которые нам рисует в воображении доктрина *Огненного Тумана*, то мы скоро увидим, что все эти теории имеют под собой одну и ту же основу. И заключается эта основа в мысли о том, что если какой-то гипотетической единице однажды был придан тот или иной импульс, то импульс этот, оказываясь, сохраняет тенденцию к своему продолжению, а следовательно, всё, "произведённое" чем-то, когда-то и где-то, стремится к своему повторению, но уже в другие времена и в других местах.

Таково общепринятое *рациональное объяснение* наследственности и явления атавизма. То, что одно и то же правило распространяется также и на наше обычное поведение, со всей очевидностью следует из пресловутой лёгкости, с какой мы приобретаем новые "привычки" — скверные или полезные, смотря по обстоятельствам. А значит, не подлежит никакому сомнению, что то же самое правило в такой же степени распространяется на мир нравственно-интеллектуальный, в какой он касается и мира физического.

Далее, некоторые физические привычки, как нам прямо говорят об этом и история, и наука, формируют в нас и определённые нравственно-интеллектуальные качества. История, к примеру, не знает ни одного народа-завоевателя, который состоял бы из одних только вегетарианцев. Если мы обратимся к древнеарийским временам, то и там мы не увидим, чтобы те самые риши, из мудрости и жизненной практики которых мы черпаем свои познания в оккультизме, когда-либо запрещали касте *кшатриев* (воинов) заниматься охотой и употреблять в пищу мясо. Занимая своё особое место в политической организации тогдашнего мира, риши столь же мало помышляли о вмешательстве в его внутренние дела, как и не пытались отучить дикого тигра от его привычек. Однако это никоим образом не влияло на поступки самих риши.

Стало быть, всякий, кто стремится обрести долголетие, должен остерегаться *двух опасностей*. Особенно он должен избегать грязных мыслей, исходящих из его животной природы[21]. Как показывает наука, мысль обладает динамической силой, и испускаемая нервной системой

сила мысли способна вырваться наружу и неизбежно повлиять на состояние молекул, из которых образован физический человек.

Внутренние же люди, [22] каким бы тонким ни был их организм, состоят всё-таки из реальных, а не гипотетических, частиц, и они точно так же подвержены закону повторяемости "действия", то есть способны вызывать аналогичное действие и в более грубой "оболочке", с которой взаимодействуют и внутри которой незримо пребывают.

С другой стороны, некоторые действия бывают и сами способны вызывать в физическом человеке такие состояния, которые несовместимы с чистотой мыслей, а значит, могут противодействовать процессу формирования верховенства внутреннего человека.

Но вернёмся от теории к практике. Лучше всего начинать, когда имеешь дело с нормальным здоровым умом, заключённым в нормальное здоровое тело. Да, исключительно сильные и цельные натуры порой действительно способны вернуть позиции, утраченные в результате внутреннего душевного разлада или потакания физическим влечениям. Для этого они пользуются особыми приёмами, а сам этот процесс протекает у них под неослабным контролем твёрдой воли. Однако зачастую дело заходит уже так далеко, что у человека не остаётся больше запаса внутренних сил для того, чтобы выдерживать этот конфликт достаточно долго и в конечном счёте достигнуть-таки поставленной цели в виде продления срока этой своей жизни, хотя то, что на Востоке принято называть "заслужой" в виде личных усилий, может помочь индивиду улучшить состояние своих дел и условий жизни в его следующем воплощении.

Как бы то ни было, но предписанный процесс самозакалки начинается именно с этого. Сущность его, коротко говоря, состоит в нравственном, умственном и физическом совершенствовании, причём развитие по всем этим трём направлениям должно протекать параллельно — любое отдельно взятое направление не будет иметь никакого смысла, если оно не подкреплено двумя другими. Физический человек должен приобрести более тонкоматериальную и более тонко чувствующую природу; умственный человек должен научиться острее и глубже проникать в суть вещей; а нравственный человек должен научиться большему самопожертвованию и приобрести более философский подход к жизни. Здесь следует сказать, что никакой нажим, никакое давление — ни с внешней стороны, ни со стороны самого человека — успеху дела не поможет. Если человек выглядит "добродетельным" лишь под действием грубой физической силы, вследствие чьих-то угроз или взяток (не только в прямом физическом смысле, но и в смысле, так сказать "духовном"), то демонстрирующему такое качество человеку всё это никакой пользы не принесёт, а подобное лицемерие способно лишь отравить нравственную атмосферу мира. Нет, чтобы стремление к "добродетельности" и "чистоте" обрело подлинную силу, оно должно вырасти в человеке произвольно.

Это побуждение должно прийти к человеку изнутри, человек должен по-настоящему рваться к чему-то высокому как к высшей ценности. Он должен сторониться зла не из страха перед законом, вести непорочный образ жизни не из трепета перед общественным мнением и творить добро не из любви к славе или ужаса перед последствиями его действий в гипотетической будущей жизни.[23]

Если вспомнить в этой связи учение о способности действий к собственному возобновлению, о чём сказано выше, то мы увидим, что практика самовоспитания, предлагаемая оккультизмом в качестве единственно верного пути к обретению долголетия, — это *не* какая-то "визионерская" теория, оперирующая туманными "идеями", а представляет собой строгую систему тренировки, имеющую под собою, собственно говоря, вполне научную основу. Благодаря этой системе каждая частичка тех нескольких человек, что образуют семеричное единство индивида, получает определённый импульс и приобретает привычку делать то, что необходимо для достижения поставленной цели, причём делать это по собственной доброй воле и с "удовольствием".

Для того чтобы заниматься каким-то делом с удовольствием, человек должен накопить определённый практический опыт и в совершенстве овладеть техникой исполнения. Это правило особенно важно, когда мы говорим о совершенствовании Человека. Каждая "добродетель" сама по себе может быть по-своему полезна — она даже способна приводить к грандиозным результатам. Однако с точки зрения эффективности занятий важно, чтобы человек подходил к этой практике в радостном настрое духа, а не преодолевая нежелание или боль. Исходя из этого соображения, кандидат на обретение долголетия должен уже в самом начале своего пути начать сторониться собственных физических влечений, но делать это он должен не из каких-то сентиментальных представлений о добре и зле, а по следующему вполне здравому логическому основанию. Общеизвестно, а теперь уже и научно доказано, что в видимой человеческой оболочке происходит непрерывный процесс обновления частиц, а значит, отказавшись от удовлетворения своих страстей, человек достигает такого *периода*, когда те частицы, что прежде составляли тело человека порочного и обладали привитой им предрасположенностью к дурному, должны уже полностью исчезнуть. Одновременно с этим, как только человек прекращает пользоваться подобного рода функциями, закрывается вход и для поступления новых частиц, стремящихся повторять указанные действия. Пусть это и *частный* случай, связанный с определёнными "пороками", но воздержание от "грубых" действий (если мы воспользуемся выведенным Дарвином общеизвестным законом атрофии функций при их неиспользовании) приведёт в целом к снижению того, что мы называем "относительной" плотностью и силой сцепления во внешней оболочке (в результате более редкого использования её молекул). В то же время уменьшение количества образующих эту оболочку компонентов будет

"компенсироваться" (в чём можно убедиться с помощью весов) за счёт увеличения притока более тонкоматериальных частиц.

От каких же физических желаний необходимо избавляться и в какой последовательности? Первое и самое главное — человек должен отказаться от употребления алкоголя в любом его виде: он не служит источником ни питания, ни непосредственного удовольствия (если не говорить о свойственных винам сладости, аромате и проч., но к ним алкоголь как таковой прямого отношения не имеет) даже для самых грубых элементов "физической" оболочки, а лишь вызывает усиленную бурность действий, как бы обострённую стремительность жизни — а подобное напряжение способны переносить только самые вялые, грубые и плотные элементы, и, кроме того, в соответствии с законом действия и противодействия (в коммерции это называется "спросом и предложением") подобное напряжение способно вызывать из окружающего универсума элементы соответствующего же рода, напрямую, таким образом, мешая нам достичь поставленной цели.

Во-вторых, от мясоедения — по той же самой причине, но в чуть меньшей степени. Оно ускоряет течение жизни, повышает энергию деятельности и усиливает горячность страстей. Оно может быть полезно для какого-нибудь воина-героя, которому предстоит вступить в схватку с врагом и пасть на поле боя, но не для кандидата в мудрецы, который должен жить и . . .

Затем в порядке очерёдности следует половое влечение, ибо мало того, что оно вызывает значительное перенаправление энергии (витальной силы[24]), которая начинает течь самыми разными способами по другим каналам, минуя главный (подобная же растрата нашей жизненной энергии впустую случается и в минуты, когда мы пребываем в состоянии напряжённого ожидания или испытываем чувство ревности и проч.) — но, главное, половое влечение напрямую притягивает к себе некое грубое свойство изначальной материи Вселенной, и происходит это по той простой причине, что самые сладостные физические ощущения возможны лишь на этом этапе уплотнения [вселенской материи — *перев.*]. Наряду с искоренением этих и многих других чувств, требующих своего удовлетворения — а в их число входят не только те чувства, которые у нас принято называть "порочными", но также и все те, что обычно считаются вполне "невинными", но при этом обладают одним существенным изъяном: они усиливают процесс услаждения плоти, и ориентиром здесь должно служить следующее: отказ от самых безвредных для окружающих и наименее "грубых" следует в каждом отдельном случае оставлять напоследок — должно осуществляться нравственное очищение.

При этом, однако, не следует полагать, будто "умерщвление плоти" в обычном его понимании может в большинстве случаев так уж сильно

способствовать процессу "утончения" [состава человеческой природы — *перев.*]. На этом споткнулось немало восточных эзотерических школ, учения которых в результате этого вырождались, превращаясь в самые нелепые предрассудки. И западные монахи, и восточные йоги, полагающие, будто смогут достичь вершин всемогущества, лишь созерцая собственный пупок или стоя на одной ноге, используют практики, преследующие лишь одну задачу: укрепление силы воли, а она может порой применяться и в самых гнусных целях. И первые, и вторые могут служить лишь примерами однобокого и неполноценного развития. Какой смысл поститься, если *вы всё равно испытываете потребность в еде?* И только прекращение всякого желания принимать пищу — при условии, если оно совершенно безвредно для здоровья — служит верным указателем того, что человек может принимать пищу во всё меньших объёмах, пока не сведёт их к крайнему пределу, необходимому для поддержания жизни. В конце концов он достигнет такого состояния, при котором потребной ему окажется одна лишь вода.

Не принесёт большой пользы на пути к обретению долголетия и отказ от аморальных поступков, коли в сердце своём человек всё равно тянется к ним. Это же касается и всех иных внутренних побуждений, ищущих своего удовлетворения. Главное — это избавиться от внутренней тяги, а без этого любое притворство есть лишь чистое лицемерие и никчёмное рабство.

Точно так же необходимо поступать и в деле нравственного очищения сердца. Первыми должны уйти самые "подлые" наклонности — затем все остальные. Сначала алчность, затем страх, потом зависть, суетная гордыня, душевная чёрствость, ненависть, а под конец — поочерёдно честолюбие и любопытство.

Одновременно с этим должно происходить и укрепление более тонких — так называемых "духовных" — составляющих человека. Необходимо упражнять и поощрять в себе умение медитировать, то есть логически рассуждать, мысленно двигаясь от известного к неизвестному. Медитация — это невыразимо острая жажда внутреннего Человека "вырваться [из своего тесного узилища, физического тела — *перев.*] и соединиться с бесконечным", и в стародавние времена именно под нею и понималось поклонение Божеству, тогда как сегодня это понятие уже не имеет синонима ни в одном из европейских языков, ибо ничего подобного на Западе больше не существует: само понятие "поклонение" оказалось настолько опошлено, что стало обозначать нечто притворно-фальшивое — молитву, славословие и покаяние. Проходя через все этапы обучения, вы должны сохранять в себе равновесие сознания — убеждённость в том, что всё в Космосе *не может* не быть устроено правильно, а значит, так же устроены и вы сами, его частица. Течение жизни необходимо по возможности замедлять, а не ускорять. Обратное, хоть и может принести

пользу другим, и, возможно, даже вам самим — правда, уже в иных сферах, — лишь ускорит ход *вашего* распада в этой.

Не следует на этом первом этапе пренебрегать и внешними факторами. Необходимо помнить о том, что, хотя любой адепт уже самим своим "существованием" и должен людям обычным являть собою пример бессмертия, он точно так же не застрахован от воздействий извне. И вся его закалка, направленная на продление срока жизни, сама по себе ещё не гарантирует ему полную защиту от несчастных случаев. Если мы говорим о подготовке его физического организма, то здесь нельзя забывать о том, что в мире всё ещё существуют и острый клинок, и опасная болезнь, и коварный яд. Это прекрасно и очень точно описано в романе "Занони", что вполне справедливо и не может быть иначе, если только мы не будем воспринимать всё, что связано с адептами, лишь как пустые рассказы. Вероятно, адепт и вправду более надёжно защищён от обычной опасности по сравнению с простым смертным, но этим он обязан лишь тому наивысшему знанию, тому спокойствию, хладнокровию и пронизательному чутью, которые приходят к нему с увеличенным сроком жизни и всем остальным, что эта долгая жизнь несёт с собой, а вовсе не какой-то защитной силе, которую могут ему якобы даровать подготовительные практики сами по себе. Защищённость его — это защищённость вооружённого винтовкой человека, стоящего против безоружного бабуина, но это не та защищённость, которой, как принято считать, должен обладать дэва (бог) по сравнению с обычным человеком.

Если всё обстоит именно так, когда дело идёт даже о высочайшем адепте, то что уж тут говорить о неофите, для которого задача обеспечения не только собственной защиты, но и использования всех возможных средств для соответствующего продления срока своей жизни многократно усложняется, если он твёрдо намерен в конце концов овладеть секретом феномена, который мы называем смертью!

Но почему же, спросят нас, такую защиту не могут ему обеспечить высочайшие адепты? Вероятно, они и *предпринимают* кое-какие меры в этом отношении, однако ребёнок должен научиться ходить самостоятельно. Обеспечить ему полную безопасность независимо от собственных усилий значило бы отменить один из необходимых для его развития элементов, — выработки чувства ответственности. Какой отваги, какой доблести можно ожидать от брошенного в бой человека, если в руках он держит непобедимое оружие и облачён в непробиваемые доспехи?

А значит, неофит должен по возможности соблюдать все без исключения санитарно-гигиенические правила, установленные современной наукой. Чистый воздух, чистая вода, чистая пища, умеренная физическая нагрузка, правильный режим дня, приятные занятия и окружающая среда, — всё это

если в конечном счёте и не определяет, то, по крайней мере, способствует его успешному развитию. Именно ради этого, как и из потребности обрести покой и одиночество, боги, пророки и оккультисты всех веков по возможности и удалялись из городов, стремясь погрузиться в тишь природы, в прохладу пещер, укрыться в непроходимых дебрях лесов, в безлюдных просторах пустынь и на неприступных горных вершинах. Разве не показательно то, что излюбленными у богов местами всегда были "высоты", "возвышенные места", а в наши дни наивысшая на земле община оккультного Братства обитает именно на горном плато — высочайшем на земле?[25]

Не должен начинающий чураться и медицины, как и лечения с помощью добрых лекарственных препаратов. Он по-прежнему — всё ещё простой смертный и всё так же нуждается в обычной для простого смертного помощи.

Наконец читатель может спросить: "Допустим, однако, что все перечисленные и любые иные необходимые условия (а процесс очищения может потребовать такого обилия и разнообразия необходимых условий, что всего здесь и не перечислишь) соблюдены, и каковы же должны быть его следующие шаги?" Что ж, если неофит аккуратно и последовательно соблюдает все предписанные процедуры, то в нём должны наступить следующие физические изменения.

Во-первых, он станет получать больше удовольствия от вещей чистых и духовных. Мало-помалу занятия грубые и материальные станут для него не то что нежелательными или запретными, но будут внушать ему отвращение в самом прямом и буквальном смысле этого слова. Гораздо больше удовольствия он станет находить в самых простых ощущениях от окружающей природы — нечто похожее, если помните, мы ощущали в детстве. Он станет более жизнерадостным, более уверенным в своих силах и более счастливым. Однако пусть он остережётся этого ощущения возврата ушедшей юности, ибо оно может увести его в сторону — туда, где его ждёт иная угроза: опасность пуститься во все тяжкие и пасть в совсем уж неодолимую пропасть порока. "Действие равно противодействию".

Далее у него начнёт пропадать потребность в пище. Процесс этот должен протекать постепенно — поститься не нужно. Ешьте всё, что вам хочется. Но любимой у вас станет пища самая незамысловатая и простая — в первую очередь фрукты и молоко. Так же, как до этого момента вы занимались упрощением качества пищи, теперь постепенно — очень постепенно — по мере возможности переходите к уменьшению её количества.

Может возникнуть вопрос: "А способен ли человек вовсе обходиться без еды?" Нет, но, предупреждая возможные насмешки с вашей стороны, хочу

попросить вас задуматься о самом характере процесса питания. Общеизвестно, что у многих низших и простейших организмов начисто отсутствуют выделения. Ярким примером здесь может служить самый обыкновенный гвинейский червь или ришта.[26] Он имеет довольно сложно устроенный организм и при этом не имеет выделительного канала. Всё, что он потребляет — самые бедные вещества человеческого тела, — идёт у него на рост и размножение. Живя в тканях человеческого тела, он не выводит из себя остатки переваренной пищи. В похожем состоянии на определённой фазе своего развития оказывается и неофит-человек с тем лишь отличием (или с теми же отличиями), что выделения-то у него всё-таки *происходят*, но происходят они через поры кожи, и через них же к нему поступают уже утончённые частицы материи, необходимые для поддержки его организма.[27] Другими словами, всего объёма потреблённых пищи и жидкостей ему хватает лишь на то, чтобы поддерживать в равновесии те "грубые" части его физического тела, которые у него остаются для того, чтобы восполнять потерю кутикулы[28] при посредстве крови. Позднее в процессе формирования клеток его [физической] оболочки происходит поворот: поворот к лучшему — это похоже на то, как в ходе болезни, бывает, происходит, наоборот, поворот к худшему — он начинает жить и ощущать жизнь *всем* своим существом, а питание он теперь начинает получать из эфира (*акаши*). Но до этого этапа нашему неофиту ещё предстоит шагать и шагать.

Вероятно, задолго до наступления этого периода в организме происходят и другие изменения, не менее поразительные, а то и просто невероятные, с точки зрения непосвящённого, и они придают неофиту смелости и уверенности, пока он решает свою трудную задачу. Не хочется впасть в банальности и повторять здесь всё то, что много раз сказано (при полном незнании истинной *сути дела*) сотнями и сотнями разных авторов о том, какое счастье и удовлетворение приносит-де неофиту непорочный и чистый образ жизни. Нередко, однако, уже в самом начале происходит какое-то реальное физическое изменение, которого неофит не ожидает и о котором даже не помышляет. Может случиться так, что какая-то затяжная болезнь, ранее казавшаяся неизлечимой, вдруг приобретает благоприятное течение; у самого неофита могут вдруг выработаться месмерические способности к исцелению болезней, а то в нём вдруг пробуждается до того неведомая ему острота чувств, и всё это не может не радовать его. *Рациональное объяснение* этих явлений, как уже сказано выше, не имеет никакого касательства к чуду и вполне доступно разумному пониманию.

Во-первых, не может пройти бесследно внезапное изменение в направленности действия жизненной энергии индивида (которая, что бы мы сами ни думали о ней и её источнике, признаётся всеми школами философии за самый малоизученный вид энергии и даже считается движущей силой любого организма). Во-вторых, как мы уже говорили, теософия учит, что любого человека образуют несколько человек, которые

свободно пронизывают друг друга, и, исходя из этой точки зрения (даже если её и очень трудно объяснить словами), вполне естественно предположить, что по мере утончения самых грубых и плотных частей человеческой природы должно происходить и соответствующее расширение свободы в самом прямом смысле этого слова для остальных составляющих человека элементов. Табуну лошадей может легко преградить путь плотная людская толпа — сквозь неё лошадям будет пробиться весьма нелегко. Но представим себе, что каждый человек в этой толпе вдруг превратился в бесплотный призрак, и в этом случае лошади могут проскочить через толпу без малейшей задержки. И поскольку каждая последующая внутренняя сущность человека отличается более тонкой материальностью, большей активностью и летучестью по сравнению с её предыдущей внешней сущностью и поскольку каждая из них связана с различными элементами, пространствами и свойствами Космоса, о чём подробно говорится во многих других статьях об оккультизме, то читатель может себе представить, — хотя перо писателя неспособно выразить это и в дюжине томов — насколько величественны те возможности, что постепенно разворачиваются перед неофитом.

Многими из открывающихся таким образом возможностей неофит может воспользоваться и для упрочения собственной безопасности, и ради простой забавы, и на благо окружающих его людей. Но *то, как он распорядится* ими, и определит степень его зрелости — в этом и состоит ещё одно испытание, через которое должен пройти неофит, и если он злоупотребит этими приобретёнными способностями, то самым естественным исходом испытания станет для него полная утрата этих способностей. *Иччха* ("желание"), вновь пробуждённое в неофите широко раскрывающимися перед ним перспективами, либо затормозит ход его развития, либо отбросит назад, в самое его начало.

Но имеется ещё одна сторона той Великой Тайны, которой мы должны здесь коснуться, и *сегодня*, впервые в долгой череде минувших веков, её позволено открыть миру, ибо час для этого пробил.

Нет нужды напоминать просвещённому читателю об одном из величайших открытий, обессмертившем имя Дарвина. Я говорю о законе, согласно которому любой организм в соответствующий период своей жизни всегда стремится повторить то или иное действие своих предков — и тем сильнее и увереннее, чем ближе к нему они стоят на лестнице жизни. Следствием этого является то, что у живых организмов в целом смерть наступает примерно (в среднем) в тот же период, что и у их предков. Да, верно, в том, что касается *фактического* возраста, в котором принадлежащий к тому или иному виду индивид умирает, существует огромный разброс данных. Главными факторами, вызывающими смерть, являются болезни, несчастные случаи и голод. Однако каждый вид имеет хорошо известный промежуток времени, в границах которого протекает его жизнь, и на

сегодняшний день не известно ни единого случая, когда представитель того или иного вида пережил бы установленный для этого вида срок. Закон этот в равной степени распространяется на человеческий вид, как и на любой прочий.

Но представим себе человека с самым обыкновенным телом, который учёл все, какие только возможно, санитарно-гигиенические требования и которому удалось избежать всех несчастных случаев и болезней, но, тем не менее, в каждом конкретном случае, как это хорошо известно врачам, всё равно должен наступить такой период, когда частицы его тела вдруг ощутят наследственное стремление совершить то, что неминуемо приведёт к распаду, и они *вынуждены будут этому стремлению покориться*.

Любому здравомыслящему человеку должно быть очевидно, что если *каким-то особым способом* этот критический, переломный период удастся благополучно миновать, то последующая угроза "смерти" будет с годами становится всё слабее и слабее. Однако то, что невозможно для обычного неподготовленного ума и тела, оказывается подчас возможным для воли и организма человека, прошедшего особую подготовку. Теперь в его организме осталось намного меньше грубых частиц, способных поддаваться наследственной тяге, а кроме того, его видимая внешняя оболочка получает поддержку со стороны значительно укрепившихся "внутренних людей" (которым обыкновенно отведён гораздо более долгий срок жизни даже в тех случаях, когда по естественным причинам наступает смерть [физического человека]), и, наконец, имеется вымуштрованная и неукротимая Воля для того, чтобы направлять и не выпускать из рук весь процесс.[29]

Начиная с этого этапа, маршрут, по которому должен двигаться искатель "бессмертия", становится яснее. К этому моменту он уже успевает победить "Стража Порога"[30] — наследственного врага рода человеческого, и, хотя на своём пути к нирване человек пока ещё не защищён ни от одной опасности, он всё-таки окрылён собственной победой, и, вдохновляемый новым ощущением уверенности в своих силах, чувством, что сумеет эту победу ещё не раз подкрепить новыми достижениями, он может устремляться вперёд к собственному совершенству.

И действительно, нельзя забывать о том, что природа во всём следует Закону и что тот процесс очищения, который мы здесь описываем применительно к внешнему материальному телу, происходит одновременно и в его внутренних, невидимых учёному, оболочках, но только в несколько иных формах. Всё приходит в движение, и метаморфозы, переживаемые более тонкими телами (причём изменения протекают тем медленнее, чем тоньше тело), в точности повторяют путь, по которому движется более грубое тело. Они приобретают всё более широкий диапазон связей с окружающим космосом, пока наконец

индивид, достигший максимально возможного состояния разрежённости, не сливается в нирване с БЕСКОНЕЧНЫМ ЦЕЛОКУПНЫМ ВСЁ.

Из вышеизложенного читатель сам способен сделать логический вывод касательно того, почему "Адептов" так редко можно видеть в обычной жизни. Дело в том, что *pari passu*[31] с утончением их тел и развитием у них особых способностей они начинают испытывать всевозрастающее отвращение — своего рода "презрение" — ко всему, что принадлежит к сфере нашего обычного мирского существования. Как рвущийся на волю беглец срывает с себя один за другим все мешающие ему предметы, начиная с самых тяжёлых, так и ускользнувший из лап "Смерти" человек стремится оставить всё, за что та может ещё ухватиться. Всё, с чем мы раз и навсегда покончили, принесёт нам облегчение на восходящем пути Самоотречения.

Как мы уже сказали, адепт не обретает "бессмертия" в обычном понимании этого слова. Примерно в то время, когда он наконец перешагивает установленный для человека порог, ведущий от жизни к смерти, адепт *фактически умирает* в самом прямом смысле этого слова, то есть избавляется от всех или почти всех таких материальных частиц, которые при своём распаде повлекли бы за собой муки умирания. Он продолжает медленно умирать в течение всего периода посвящения. Но двух финалов быть не может, и он просто растягивает на долгие годы мягкий процесс распада, который другие переживают либо мгновенно, либо в течение нескольких часов.

Если говорить о наивысших Адептах, то, собственно говоря, они, подобно мертвецам, абсолютно равнодушны к миру, они держат его совершенно вне собственного сознания, не замечают его прелестей, им нипочём его страдания в сентиментальном, разумеется, смысле — словом, им чужды всякие сантименты, и одно только неистребимое чувство Долга заставляет их ни на минуту не забывать о самом факте существования этого мира. Ибо новые, тонкие органы чувств в той же мере широко распахиваются у них для восприятия иных, более обширных сфер, в какой наши собственные сосредоточены на Бесконечно Малом. Вместе с новыми ощущениями и новыми органами восприятия возникают новые желания и наслаждения, новые опасности и точки преткновения, и лишь где-то далеко-далеко внизу видится им окутанная туманной дымкой — и в буквальном, и в фигуральном смысле — та самая маленькая грязнёнькая земля, которую они покинули для того, чтобы в прямом смысле этого слова "соединиться с богами".

Неужели и это объяснение не показывает со всей очевидностью, сколь глупо со стороны людей было бы требовать от теософов "обеспечить им сообщение с высочайшими адептами"? Только страдания мира одни лишь, пожалуй, и могут с величайшим трудом побудить одного-двух из них

нарушить мерную поступь своего восхождения вмешательством в мирские дела. Обычный читатель может на это заметить: "Но так не ведут себя боги. Это же верх эгоизма!"

Однако пусть он задумается вот над чем: любому самому высокому Адепту, взявшемуся за задачу преобразования мира, придётся столкнуться с неизбежностью рождения в новом теле. Но всё то, через что ему уже довелось пройти в прошлой череде воплощений, способно ли оно дать ему достаточно сил, чтобы побудить его к новой попытке?

Глубокое осмысление всего здесь сказанного поможет и теософам лучше понять, чего они, в сущности, требуют, когда просят предоставить им возможность *практически* овладеть "наивысшими способностями". Что ж, им сказано яснее ясного: этот Путь существует... Вот только будет ли им по силам пройти его?

Необходимо со всей откровенностью упомянуть и о том, что путь неопита устлан такими опасностями, искушениями и силами сопротивления, о которых обычный смертный даже не догадывается. И в этом нет ничего странного, так как причина проста: он, по сути дела, приобретает новые органы чувств, но пока что не умеет ими правильно воспользоваться, ибо до этого момента ему ещё никогда не приходилось видеть всё то, что созерцает теперь. Так слепой от рождения человек, которому внезапно открылось зрение, не сразу овладеет представлением о законах перспективы и, как малое дитя, в одних случаях станет полагать, будто может легко дотронуться до Луны, а в других с наивной неосторожностью может хвататься голыми руками за горящий уголь.

И здесь меня могут спросить: а что же взамен? Чем могут компенсировать ему это отречение от всех радостей жизни, этот холодный отказ от всех мирских интересов, эта устремлённость к некоей неведомой цели, которая представляется всё более недостижимой? Ведь в отличие от того или иного учения об антропоморфном Боге оккультизм не сулит своим служителям никакого вечного и неизменного рая со всеми его материальными прелестями, в который человек попадает мгновенно, одним прыжком из могилы. Известно немало случаев, когда люди бывали готовы умереть *сию же минуту* ради обретения рая сразу после смерти. Оккультизм, однако, никогда не предлагает перспективы мгновенно и задарма ниспосланного права перейти в мир бесконечного наслаждения, неисчерпаемой мудрости и вечного бытия. Он обещает только одно: и наслаждения, и мудрость, и бытие будут для человека лишь постепенно расширяться и, подобно длинной галерее сводчатых коридоров, разделённых между собой непроницаемой пеленой, они в своей непрерывной череде будут восходить всё дальше и дальше вверх — туда, где в конце долгого пути брезжит вход в нирвану. Вдобавок ко всему, будет расширяться и круг ответственности неопита, ведь вновь

открывающиеся у него способности будут налагать на него и новую ответственность, а всё более и более обостряющаяся способность переживать наслаждение влечёт за собой и точно такую же способность обострённо ощущать боль.

А значит, на поставленный вопрос можно дать лишь один ответ, который, подобно медали, имеет две стороны: (1) осознание своих способностей уже само по себе представляет собой изысканнейшее из наслаждений, которое непрерывно находит для себя удовлетворение в ходе продвижения вперёд вместе с вновь возникающими средствами для реализации этих способностей; и (2) как уже было сказано, это — единственный путь, дающий хотя бы малейшую научно подтверждённую вероятность избежания "смерти", обретения не затухающей в вечности памяти, постижения бесконечной мудрости, а значит, и возможности помогать человечеству в том случае, когда неопиту удаётся благополучно миновать поворотную точку. Логика — как с позиции мыслителя-физика, так и метафизика — равно предполагает и утверждает, что лишь при постепенном погружении в бесконечность каждая отдельная часть способна понять Целое и лишь то, что уже сегодня представляет собой *нечто*, одно только и будет способно ощущать, познавать и с наслаждением переживать **Всё**, когда затеряется в абсолютной целокупности мироздания, захваченное вихрем того *неизменного круговорота*, в котором наше нынешнее знание обращается в незнание, а то, что мы сегодня истолковываем как Ничто, на самом-то деле и есть **Всё**.

Эгоистично ли желание "жить"? [32]

Е.П. Блаватская

Слова: "Жить — жить — жить: вот каким должно быть неколебимое внутреннее решение", сказанные в статье "Эликсир жизни", часто цитируются поверхностными и не сочувствующими Теософскому обществу читателями в доказательство того, что оккультные учения якобы представляют собой образчики эгоизма в самой его концентрированной форме. Для того чтобы определиться, правы наши критики или неправы, давайте сначала разберёмся в том, что, вообще, такое "эгоизм".

Как утверждает один авторитетный источник, эгоизм есть "исключительное внимание субъекта к собственным интересам и благополучию, предельное себялюбие и выпячивание собственного "я", заставляющие субъекта направлять все свои усилия на обеспечение собственных интересов, собственной власти или благополучия, не считаясь при этом ни с интересами, ни с благополучием других".

Одним словом, законченный эгоист — это человек, который заботится только о самом себе и ни о ком больше, то есть, иначе говоря, такой субъект пропитан столь острым ощущением важности собственной персоны, что последняя в его глазах становится пределом всех его мыслей, желаний и устремлений, а всё остальное, что выходит за границы этой его персоны, — ничто, пустое место.

Но можно ли в таком случае назвать эгоистом оккультиста, движимого желанием *жить* в том смысле, в каком это слово употреблено автором статьи "Эликсир жизни"? Уже много раз было сказано о том, что задачей задач любого искателя оккультных знаний является достижение *нирваны* или *мукти*, когда освобождённый от любых *майявических упадхи* [33] человек целиком сливается с *параматманом* [34] — или, пользуясь христианской фразеологией, когда Сын становится единосущным Отцу. Для достижения этой цели человек должен сорвать все покровы иллюзии, порождающие в нём ощущение собственной отдельности, отделённости от всеобщего **Всё**. Другими словами, искатель оккультных знаний должен постепенно освобождаться от любого ощущения самости, которым все мы в той или иной степени заражены.

Как учит нас Закон космической эволюции, чем выше точка, которой достигает всё в Космосе в ходе своей эволюции, тем сильнее в ней проявляется тенденция к единению всего. Собственно говоря, Единство есть предельное состояние, в котором возможно существование Природы, и те, кто в силу собственного тщеславия и себялюбия идут наперекор её задачам, не могут не претерпеть от неё кары в виде уничтожения, аннигиляции. Поэтому оккультист отчётливо осознаёт, что основу нашего бытия составляют именно бескорыстие и чувство любви ко всему человечеству, а поэтому и все его действия направлены на то, чтобы попытаться разрушить те цепи эгоизма, которые выковала для всех нас *майя*. [35] А значит, и борьба между Добром и Злом, Богом и сатаной, *сурами* и *асурами*, *дэвами* и *дайтьями*, — та борьба, о которой рассказывают священные книги всех народов и рас, — это не что иное, как символ того противоборства между наклонностями к потаканию собственному "я" и самоотречению, что разгорается в человеке, пытающемся жить в согласии с наивысшими задачами Природы, и продолжается в нём до тех самых пор, пока он не одержит окончательной победы над порождёнными собственным эгоизмом низшими животными наклонностями и не разгромит в пух и прах своего врага, сокрушив его раз и навсегда.

В различных работах, посвящённых теософским и иным оккультным вопросам, так же часто высказывалась и мысль о том, что вся разница между обычным человеком, старательно трудящимся в согласии с задачами Природы на том или ином этапе эволюции Космоса, и оккультистом состоит в том, что последний, пользуясь своими высшими

знаниями, применяет такие методы самотренировки и самообучения, которые ускоряют процесс его собственной эволюции, и, таким образом, за сравнительно короткий срок он успевает достигнуть таких вершин, взойти на которые обычному человеку бывает под силу лишь, пожалуй, по истечении миллиардов лет. Одним словом, за какие-нибудь пару-тройку тысяч лет он может приблизиться к такому эволюционному типу, какого обычное человечество достигнет только в шестом или седьмом Круге *манвантары*, т.е. последовательности эволюционных циклов. [36]

Очевидно, что обычный человек не может стать *Махатмой* в течение лишь одной своей жизни (точнее, одного своего воплощения). Но те, кто знаком с оккультными учениями о *девачане* и о наших посмертных состояниях, должен помнить, что между каждыми двумя воплощениями человека наступает значительный период его субъективного существования. Чем больше таких периодов, которые человек проводит в *девачане*, тем на большее количество лет растягивается и процесс его эволюции. Следовательно, главной задачей оккультиста становится задача осуществления им такого контроля над самим собой, который обеспечивал бы ему возможность регулировать длительность своих будущих ["посмертных"] состояний и тем самым позволил бы ему постепенно сократить срок его пребывания в *девачане* между воплощениями.

В ходе развития оккультиста наступает однажды такой момент, когда в промежутке между своей физической смертью и последующим перевоплощением он погружается уже не в *девачан*, а в состояние некоего духовного сна — то есть переживаемый им во время умирания шок, так сказать, настолько оглушает его, что он вначале полностью утрачивает сознание. Однако, мало-помалу придя в себя, он обнаруживает, что уже перевоплотился и может продолжать свои прерванные усилия дальше. Продолжительность подобного сна может колебаться от двадцати пяти до двухсот лет — это зависит от степени его продвинутости. Но даже и этот период, можно сказать, — пустая потеря времени, а поэтому все его усилия направлены на то, чтобы сократить и этот срок и постепенно достичь такого этапа в собственной эволюции, когда переход из одного состояния существования в другое происходит уже почти незаметно. Это и является как бы последним его воплощением, ибо отныне его уже не способен оглушить никакой шок смерти. Именно эту мысль и хочет нам передать автор статьи "Эликсир жизни", когда пишет:

"Примерно в то время, когда он наконец перешагивает установленный для человека порог, ведущий от жизни к смерти, адепт *фактически умирает* в самом прямом смысле этого слова, то есть избавляется от всех или почти всех таких материальных частиц, которые при своём распаде повлекли бы за собой муки умирания. Он продолжает медленно умирать в течение всего периода посвящения. Но двух финалов быть не может, и он просто

растягивает на долгие годы мягкий процесс распада, который другие переживают либо мгновенно, либо в течение нескольких часов.

Если говорить о наивысших Адептах, то, собственно говоря, они, подобно мертвецам, абсолютно равнодушны к миру, они держат его совершенно вне собственного сознания, не замечают его прелестей, им нипочём его страдания в сентиментальном, разумеется, смысле — словом, им чужды всякие сантименты, и одно только неистребимое чувство Долга заставляет их ни на минуту не забывать о самом факте существования этого мира".

Тот процесс испускания и привлечения к себе атомов, который происходит под контролем оккультиста, получил подробное освещение как в упомянутой статье, так и в других работах теософов. Именно этим способом он постепенно и избавляется от всех старых, грубых частиц своего тела, заменяя их на более тонкие, более невесомые, пока наконец окончательно не умирает и не разлагается его прежняя *стхула шарира* и оккультист не начинает жить в новом теле, целиком созданном им самим и прекрасно приспособленном для выполнения его, оккультиста, задач. И с этой точки зрения, такое тело приобретает крайне важное значение. Как сказано в "Эликсире жизни",

" . . . как и во всём остальном, чтобы творить добро, человек *должен располагать* временем и соответствующим материалом, и только при их наличии он может овладеть теми способностями, которые и позволят ему творить добро в бесконечно большем масштабе, чем без оных. А с овладением этими способностями открываются и новые возможности для их применения. . . ."

В качестве же практических инструкций в этом направлении та же упомянутая нами статья сообщает следующее:

"Физический человек должен приобрести более тонкоматериальную и более тонко чувствующую природу; умственный человек должен научиться острее и глубже проникать в суть вещей; а нравственный человек должен научиться большему самопожертвованию и приобрести более философский подход к жизни".

Упуская, однако, из виду вышеизложенные важные мотивы оккультиста, критики полностью извращают смысл следующего фрагмента:

"Неужели и это объяснение не показывает со всей очевидностью, сколь глупо со стороны людей было бы требовать от теософов "обеспечить им сообщение с высочайшими адептами"? Только страдания мира одни лишь, пожалуй, и могут с величайшим трудом

побудить одного-двух из них нарушить мерную поступь своего восхождение вмешательством в мирские дела. Обычный читатель может на это заметить: "Но так не ведут себя *боги*. Это же верх эгоизма!"

Однако пусть он задумается вот над чем: любому самому высокому Адепту, взявшемуся за задачу преобразования мира, придётся столкнуться с неизбежностью рождения в новом теле. Но всё то, через что ему уже довелось пройти в прошлой череде воплощений, способно ли оно дать ему достаточно сил, чтобы побудить его к новой попытке?"

Набрасываясь на вышеприведённый фрагмент, полагая, что в нём насаждается идея эгоизма, наши поверхностные критики игнорируют целый ряд глубочайших истин. Во-первых, они забывают о других фрагментах процитированной нами статьи, в которых необходимым условием успеха объявляется идея *самоотречения* и говорится о том, что по мере своего продвижения вперёд оккультист приобретает новые органы чувств и новые способности, позволяющие ему творить неизмеримо больше добра, чем он мог бы это сделать при их отсутствии. Чем выше степень духовности, обретаемая Адептом, тем менее он способен вмешиваться в ход *грубых мирских* дел и тем более строго он вынужден ограничивать себя исключительно духовной работой.

Сегодня уже и не сосчитать, сколько раз мы повторяли одну и ту же мысль: работа на духовном плане, по своему значению, настолько же превосходит работу на интеллектуальном плане, насколько последняя превосходит работу на плане физическом. А следовательно, наивысочайшие Адепты действительно помогают человечеству, но делают это *исключительно духовно*: в силу устройства своих организмов они просто не в состоянии вмешиваться в *мирские* дела. Однако это относится лишь к чрезвычайно *высоким* Адептам. Адепты же могут принадлежать к различным степеням посвящения, а поэтому Адепты каждого уровня действуют лишь на тех планах бытия, которые уже стали для них достижимыми.

В миру могут жить только *челá*, да и то лишь до тех пор, пока не достигают соответствующей степени посвящения. И именно потому, что Адептам *есть дело* до мира, они и заставляют своих *челá* жить в миру и трудиться во его благо, как об этом хорошо известно многим, кто занимался изучением этого предмета.

Каждый цикл порождает для себя собственных оккультистов, способных трудиться на благо современного им человечества на всех разнообразных планах бытия. Когда же Адепты предвидят, что в какой-то конкретный период времени человечество окажется не в силах выдвинуть из своих рядов оккультистов, необходимых для работы на том или ином

конкретном плане, то в подобных случаях они выдвигают оккультистов из собственных рядов: они либо добровольно отказываются от собственного продвижения вперёд и готовы ждать, пока человечество подтянется до необходимой точки эволюции, либо отрекаются от *нирваны* и смиряются с необходимостью пережить новое воплощение с тем, чтобы быть всегда готовыми приступить к работе, как только наступит для этого срок. Обо всём этом мир может даже не догадываться, но и сегодня есть Адепты, которые предпочли задержаться в своём развитии на уже достигнутой ими ступени и отказались от восхождения к более высоким степеням ради блага будущих поколений человечества. Словом, благодаря именно слаженному труду Адептов, благодаря тому, что краеугольным законом их бытия является единство, они как бы следуют принципу разделения труда, при котором каждый из них трудится *на собственном плане бытия* во имя обеспечения духовного подъёма для всех нас. А тот процесс достижения долголетия, о котором рассказывается в "Эликсире жизни", представляет собой всего лишь средство для достижения цели, которая не только не имеет ничего общего с эгоизмом, но и является наиболеескоростной из всех задач, во имя которых человеку стоит трудиться.

Созерцание[37]

Дамодар К. Маваланкар

В вопросе этом, судя по всему, царит сегодня полная неразбериха. Считается, что человеку, дескать, нужно лишь на время удалиться в отдельное помещение, а затем безучастно взирать на собственный нос, на какое-нибудь пятно на стене или, возможно, на кристалл — вот это в представлении людей и есть самое настоящее созерцание, как его предписывает *раджа-йога*. Многие никак не могут понять одной вещи: подлинный оккультизм требует, чтобы в развитии человека одновременно участвовали и его физическая, и умственно-психическая, и нравственная, и духовная природа, а потому они и калечат себя — как физически, так и духовно, — практикуя то, что по ошибке принимают за подлинную *дхьяну*. [38] Здесь можно упомянуть лишь несколько ярких примеров, и пусть они послужат предостережением всем тем, кто не знает меры в собственном усердии.

В Барели автор этих строк встретился с одним из членов Теософского общества, что действует в Фаррухабаде, и тот поведал ему о своём печальном опыте и пролил немало горьких слёз, раскаиваясь в прошлых своих безумствах — именно так он и выразился. Как следует из его рассказа, лет пятнадцать-двадцать тому назад он прочитал "Бхагавадгиту", из которой и узнал о существовании практики созерцания. Тогда-то он и решил начать заниматься ею, не представляя себе её подлинного

эзотерического смысла. Так продолжалось несколько лет. Поначалу он испытывал чувство удовольствия, но одновременно стал обнаруживать, что постепенно теряет контроль над собой. А ещё через несколько лет он к немалому удивлению для себя с грустью понял, что *больше не принадлежит самому себе*. Он стал ощущать на сердце растущую тяжесть, словно кто-то возложил на него тяжкий груз. Он перестал управлять собственными ощущениями — как будто оборвалась связь между мозгом и сердцем. Дела шли всё хуже и хуже, и тогда он прекратил свои занятия "созерцанием", проникшись к нему глубочайшим отвращением. Случилось это ровно семь лет тому назад, и, хотя с тех пор состояние его перестало ухудшаться, он так и не смог вернуть себе былого физического и психического здоровья.

Другой случай произошёл в Джабалпуре. Человек, о котором пойдёт речь, прочитал Патанджали[39] и ещё несколько книг на эту же тему и решил заняться практикой "созерцания". Вскоре ему начали являться необычные видения, и он стал слышать музыкальный перезвон колокольчиков, однако ни эти феномены, ни собственные ощущения он контролировать не мог. Он не был способен по собственной воле ни производить эти явления, ни прекращать их, когда они случались сами собой.

Подобных примеров здесь можно было бы привести великое множество. Прямо сейчас, когда автор пишет эти строки, на столе у него лежат два письма на ту же самую тему — одно было послано ему из Морадабада, а другое из Трихинополя. В общем, можно сказать одно: все эти беды проистекают из-за того, что люди неверно представляют себе, что такое подлинное созерцание — созерцание в том виде, в каком этому учат все школы оккультной философии. И для того, чтобы человек мог яснее взглянуть на реальность, пробившись сквозь ту плотную завесу, что окутывает таинства этой "науки наук", и была написана статья "Эликсир жизни". К великому же нашему сожалению, мы видим слишком много примеров того, что семя, похоже, упало на бесплодную почву. Некоторые читатели уцепились, в частности, за следующую фразу в статье:

"Необходимо упражнять и поощрять в себе умение медитировать, то есть логически рассуждать, мысленно двигаясь от известного к неизвестному".

Но увы! Их изначально неверный подход помешал им правильно понять смысл того, что представляет собою медитация. Они позабыли, что в статье говорится о медитации как о "невыразимо острой жажде внутреннего Человека "вырваться [из своего тесного узилища, физического тела — *перев.*] и соединиться с бесконечным", и в стародавние времена именно под нею и понималось поклонение Божеству" — как гласит следующее предложение в той статье. Весь этот вопрос может значительно проясниться, если читатель вернётся на несколько

страниц назад, ближе к началу статьи, и внимательно перечитает следующий фрагмент:

"Итак, допустим, в жизни нашей наступает момент, когда мы решаемся разбить — причём *не* в фигуральном, а в самом что ни на есть буквальном смысле этого слова — свою внешнюю оболочку, хорошо известную нам смертную "обмотку", то есть наше тело, и мы готовы вылупиться из него, одетые в следующее своё тело. Это "следующее" тело не имеет никакого отношения к духовности — это просто ещё одна наша форма, только более тонкоматериальная. В ходе длительной тренировки и практики нам, допустим, удаётся приспособить это "новое" тело к жизни в условиях нашей земной атмосферы, и в течение всего этого времени мы должны будем особым образом ... заставить свою прежнюю внешнюю оболочку начать постепенно отмирать, а значит, нам придётся подготовить себя к этой физиологической трансформации.

Как же нам этого добиться? Прежде всего, мы видим, что у нас есть вполне реальное, зримое материальное тело — так сказать, "человек", хотя в сущности это всего лишь его внешняя оболочка, и вот ею-то нам и предстоит заняться. Давайте вспомним, что нам об этом говорит наука? А наука учит, что мы, как какие-нибудь змеи, целиком *меняем свою кожу* примерно каждые семь лет. Однако процесс этот протекает столь постепенно и незаметно, что если бы наука не завершила нас в этом, опираясь на долгие годы кропотливых исследований и наблюдений, то ни у одного человека не зародилось бы даже тени подозрения на этот счёт...

А это означает вот что: если после частичной потери кожи человек может порой не только выживать, но и покрываться новым слоем кожи, то точно так же мы можем заставить и наше астральное, витальное тело... уплотнить... собственные частицы, приспособив их к изменившейся атмосфере. Весь секрет заключается лишь в том, чтобы сначала успешно выделить его из зримого тела, а затем отделить одно тело от другого, и, хотя его обыкновенно невидимые атомы продолжают всё больше уплотняться, превращаясь в компактную массу, необходимо постепенно избавляться от старых частиц нашей зримой оболочки, заставляя их отмирать и исчезать прежде, чем успевают образоваться им в замену новый набор частиц. Большого мы сказать не можем".

Если читатель правильно уловит смысл вышеописанного научного процесса, то получит верный ключ к пониманию того, что собой представляет медитация, или созерцание, с эзотерической точки зрения. Как учит наука, физическое тело человека находится в процессе

постоянного изменения, но изменения эти так постепенны, что протекают почти незаметно для человека. Однако разве нельзя сказать того же самого и о *внутреннем человеке*? Последний точно так же развивается, и у него точно так же каждую минуту происходит замена атомов. А процесс притяжения этих новых наборов атомов подчиняется "закону притяжения подобного к подобному" — сами желания человека притягивают к его телесной обители лишь такие частицы, которые необходимы ему для того, чтобы эти желания получили своё выражение.

"Как показывает наука, мысль обладает динамической силой, и испускаемая нервной системой сила мысли способна вырваться наружу и неизбежно повлиять на состояние молекул, из которых образован физический человек. *Внутренние же люди*, каким бы тонким ни был их организм, состоят всё-таки из реальных, а не гипотетических, частиц, и они точно так же подвержены закону повторяемости "действия", то есть обладают способностью вызывать аналогичное действие и в более грубой "оболочке", с которой взаимодействуют и внутри которой незримо пребывают. — ("Эликсир жизни").

Что же ещё может составлять главную цель для любого стремящегося познать *йога-видью*, как не обретение *мукти*[40] путём постепенного перехода из более грубого в следующее, менее грубое, тело, в результате чего последовательно удаляются все покровы майи и его *атман* сливается с *параматманом*? Но может ли он рассчитывать на то, что эта грандиозная задача может быть решена в течение двух-четырёх часов созерцания? Должен ли этот процесс испускания атомов и их замены на другие прекращаться в оставшиеся двадцать-двадцать два часа, когда человек не запирается у себя в комнате для медитации? И если нет, то каким образом он надеется в течение всего этого времени притягивать к себе только те атомы, которые нужны ему для решения его главной задачи?

Все эти рассуждения приводят нас к очевидному выводу о том, что точно так же, как физическое тело требует к себе неослабного внимания, дабы не допустить внедрения в него какой-нибудь болезни, так и *внутренний человек* требует для себя неусыпного надзора, дабы ни одна сознательная или бессознательная мысль не могла привлечь к себе атомы, которые помешали бы ему двигаться вперёд. В этом-то и состоит подлинный смысл созерцания.

Первостепенным фактором, позволяющим направлять мысли в должном направлении, является Воля.

"Если её нет, то ничто уже не поможет. Причём для успеха дела это должно быть не сиюминутное решение, не кратковременное, пусть и яростное, желание — а *устойчивое и продолжительное напряжение, способное длиться в течение долгого периода, всё*

время усиливаясь и не расслабляясь ни на миг".

Изучающему оккультную философию следует обратить особое внимание на выделенную курсивом последнюю фразу в приведённой выше цитате. А нижеследующий фрагмент должен неизгладимо запечатлеться в его сознании:

"Какой смысл поститься, если вы всё равно испытываете потребность в еде?.. Главное — это избавиться от внутренней тяги, а без этого любое притворство есть лишь чистое лицемерие и никчёмное рабство".

Не осознав значения этого важнейшего условия, любой человек, способный во всякое время легко найти повод для ссоры с близкими, страдающий от ущемлённого тщеславия, готовый ради сиюминутного всплеска чувств или из корыстных соображений воспользоваться божественной силой ради грубых целей, должен быть крайне осторожен: ибо едва лишь он погрузится в созерцание, как тут же вдребезги разобьётся о скалу, отделяющую вѣдомое от невѣдомого. Погрязнув в трясине своих экзотерических представлений, он и ведать не ведаёт того, что значит жить в этом мире и всё же быть не от мира сего. Иными словами, профан не может до конца понять смысл аксиомы: *"храни себя от самого себя"*.

Индусам будет легче понять эту мысль на примере жизни Джанаки,^[41] который, хотя и был царём, удостоился, тем не менее, звания *раджарши*^[42] и, как известно, достиг нирваны. Прослышав о его громкой славе, несколько религиозных фанатиков решили отправиться к нему во дворец, чтобы испытать его йогические способности. Однако благодаря способности, которую на определённом этапе приобретает любой *челá*, царь сразу же прочитал их мысли, и, едва они прибыли во дворец, тайно отдал своим приближённым такой наказ: "Пусть на такую-то улицу приведут самых красивых девушек и пусть по обе стороны от дороги они танцуют и распевают самые сладострастные песни, какие только умеют". После этого он велел взять несколько *гар* (кувшинов) и наполнить их водою до самых краёв, чтобы вода могла легко расплескаться даже при самом слабом толчке. "И пусть," — сказал он, — "каждый из этих умников поставит кувшины себе на голову, а солдаты пусть поведут их по улице, и если хоть капля воды прольётся из кувшинов, велите солдатам тут же отсечь виновному голову".

Однако несчастные бедолаги успешно прошли это испытание и, когда явились во дворец, царь-адепт обратился к ним с таким вопросом: "Что вы видели, когда вас вели по той улице?" Услышав эти слова, они ответили в сердцах царю: "Мы так испугались, что солдаты изрубят нас на куски, что и думать не могли ни о чём другом, как лишь о кувшинах у нас на голове, и следили за ними с таким вниманием, что уж больше не замечали на

улице ничего другого". И тогда Джанака объяснил им, что на этом примере им должно быть понятно, каким образом он мог оставаться оккультистом, хотя внешне одновременно и занимался государственными делами. Пребывая, как и они, *внутри* этого мира, он при этом оставался не *от* мира сего. Иными словами, именно внутренние устремления и ввели его непрестанно к той цели, на которой было целиком сосредоточено его внутреннее "я".

Раджа-йога не приветствует никакого притворства, она не требует от человека напрягать собственное физическое тело, заставляя его принимать какие-то особые позы. Она имеет дело с внутренним человеком, сфера действия которого заключена в мире мысли. Ставить перед собой высочайший идеал и безустанно стремиться к тому, чтобы возвыситься до него, — вот единственный истинный вид сосредоточения, который признаётся эзотерической философией, имеющей дело с внутренним миром *ноуменов*, а не с наружными оболочками из мира *феноменов*.

Первым требованием здесь является полнейшая чистота сердца. Изучающий оккультизм мог бы с полным правом повторить вслед за Зороастром, что чистая мысль, чистое слово и чистое дело — таковы главные условия, которым должен отвечать всякий желающий подняться выше среднего уровня и соединиться с "богами". Для этого существует единственный путь — возвращать в себе чувство бескорыстной любви к человечеству, ибо лишь один этот путь только и способен привести к рождению Вселенской Любви, сила которой и составляет главный смысл движения человека вперёд, к освобождению от тех оков, в которые *майя* (иллюзия) заковала Эго. Никому не под силу достичь этого сразу, но, как отмечает в "Оккультном мире" наш высокочтимый Махатма,

"...чем бóльшая часть пути будет пройдена в направлении к освобождению, тем меньше будет оставаться от этого прежнего положения вещей, и в конце концов все эти человеческие и чисто личные чувства, связывающие людей друг с другом, — кровные узы и дружба, чувство патриотизма и национальные чувства — несомненно, уйдут, слившись в едином всемирном чувстве, единственно верном и святом, единственно бескорыстном и Вечном — в чувстве Любви, Безмерной Любви к человечеству — как к единому Целому!".^[43]

Одним словом, индивид сливается с бесконечным Всё.

Да, разумеется, созерцание в обычном понимании этого слова не лишено отдельных известных достоинств. Оно способно сформировать в человеке набор некоторых физических способностей подобно тому, как гимнастика способна закалить его мышцы. Оно может вполне сгодиться и для задач чисто физического месмеризма, но, о чём уже догадался проницательный читатель, оно никак не в силах помочь человеку обрести особые

психологические способности. Вместе с тем, даже когда человек практикует его для решения обычных задач, ему всегда следует помнить, что полной безопасности оно гарантировать ему не может. Если, как кое-кто полагает, практикующий созерцание человек должен в течение всего процесса оставаться совершенно пассивным и полностью раствориться в находящемся перед его взором предмете, то он не должен забывать, что, стимулируя в себе таким методом пассивность, он, в сущности, будет лишь способствовать формированию у себя медиумических способностей. Как уже не раз подчёркивалось, Адепт и медиум представляют собой два диаметрально противоположных полюса: если первый действует чрезвычайно активно и тем самым сохраняет за собой способность контролировать действия элементалов, то последний, наоборот, пребывая в состоянии полнейшей пассивности, рискует оказаться жертвой капризных, злобных и своевольных зачатков человеческих существ,[44] а также элементариев.[45]

Отсюда со всей очевидностью следует, что медитировать в полном смысле этого слова означает "логически рассуждать, мысленно двигаясь от известного к неизвестному". "Известное" — это тот мир феноменов, который мы способны познавать с помощью своих пяти органов чувств. Всё, что мы видим в нашем проявленном мире, — это лишь следствия, причины которых следует искать в мире ноуменов, в непроявленном, "неизвестном" мире: именно это и происходит при медитации, то есть при длительном сосредоточении внимания на том или ином вопросе.

В этих целях оккультизм пользуется как дедуктивным, так и индуктивным методами, не ограничиваясь каким-то одним из них. Для начала изучающий оккультную философию должен познакомиться с самыми общими аксиомами, исчерпывающе изложенными в "Эликсире жизни" и прочих оккультных работах. Он прежде всего должен *осмыслить* эти аксиомы и, пользуясь дедуктивным методом, следовать от общего к частному. Он должен логически рассуждать, двигаясь от "известного к неизвестному", но оставаясь всегда готовым при необходимости применить индуктивный метод, то есть двигаться, наоборот, от частного к общему, если логика аксиомы потребует этого. Этот процесс и составляет начальный этап подлинного созерцания. Человек должен вначале ухватить суть вопроса интеллектуально, прежде чем может рассчитывать на практическую реализацию своих устремлений.

По выполнении этих требований наступает следующий этап медитации — "невыразимо острая жажда внутреннего Человека "вырваться из своего тесного узилища и соединиться с бесконечным". Но перед тем как направить эту жажду в верное русло, человек должен вначале точно определить свою главную цель. Наивысшая же стадия медитации состоит, собственно говоря, в практическом осуществлении того, что уже им было осознано на первых этапах. Коротко говоря, верно понимать смысл

созерцания — это значит признавать справедливость следующего высказывания Элифаса Леви:

"Вера без знания — слабость, вера же, вооружённая знанием, — сила".

В "Эликсире жизни" не только указываются начальные шаги, которые должны быть предприняты для овладения процессом *созерцания*, но и даются читателю советы о том, как необходимо *понимать* наивысшие стадии этого процесса. Через процесс созерцания статья словно бы намечает контуры того, каким образом человек, — т.е. "известное", проявленное, феноменальное — соотносится с "неизвестным" — непроявленным, ноуменальным. Она указывает начинающему оккультисту на тот идеал, который должен стать для него предметом созерцания и каким образом он может возвыситься до него. В ней рассказывается о природе внутренних способностей человека и объясняется, каким образом они могут быть развиты.

Поверхностному читателю всё это, вероятно, может представиться верхом эгоизма. Однако, глубже поразмыслив над этим вопросом, он поймёт, что дело обстоит ровным счётом наоборот. Ведь, как учит статья, ноуменальный мир никогда не откроется пониманию изучающего оккультизм человека, пока последний не сольётся в единстве с Природой. И на самого себя он должен смотреть не как на нечто, существующее отдельно от всего, а как на частицу Единого Целого. Ибо, оказываясь в мире непроявленном, человек со всей ясностью начинает осознавать, что всё бытие подчинено "закону сродства", закону притяжения подобного к подобному. Всё там — Бесконечная Любовь, понимаемая в истинном её смысле.

Коротко повторим теперь то, о чём у нас шла речь выше. Итак, начинать нужно с внимательного изучения аксиом оккультизма, осмысляя их с помощью дедуктивного и индуктивного методов — именно в этом и заключается подлинный смысл созерцания. Действенная же сторона этого процесса состоит в том, чтобы всё усвоенное в теории осуществить на практике.

Чела и мирские чела[46]

Итак, "челА" — это человек, предлагающий учителю собственную кандидатуру для прохождения у него ученичества, желая практически овладеть "скрытыми тайнами природы и дремлющими в человеке особыми психическими способностями". Духовный же учитель, к которому человек поступает в ученичество, называется в Индии "гуру". Подлинный гуру

— это всегда искушённый знаток оккультных наук: глубоко овладевший как экзотерическими, так и эзотерическими (последними в особенности) знаниями; целиком подчинивший свою телесную природу Воле; выработавший в себе такие способности (*сиддхи*), которые позволяют ему не только управлять силами природы, но и постигать её секреты с помощью когда-то дремавших, а ныне пробуждённых к активной деятельности сил его собственной внутренней природы — таков он есть, подлинный *гуру*.

Предложить себя кандидатом в ученики — дело не сложное, а вот превратиться в адепта — это задача наисложнейшая из всех, какие только способен поставить перед собою человек. Существуют десятки людей, которые уже рождаются на свет поэтами, математиками, механиками, государственными деятелями и проч. Родиться же готовым адептом практически невозможно. В самом деле, хоть мы, бывает, и слышим о редчайших случаях появления человека, от рождения наделённого исключительными способностями к овладению оккультными знаниями и способностями, но даже он должен проходить те же испытания и то же обучение, что и менее одарённые его собратья, стремящиеся овладеть тайнами оккультизма. Здесь не существует проторённых путей и здесь все равны.

Отбор *чела*, не принадлежащих к группе потомственных храмовых (*гон-па*) учеников, на протяжении веков производился самими же гималайскими Махатмами из числа природных мистиков (довольно многочисленных, если говорить о Тибете). Редкими исключениями здесь стали такие западные фигуры, как Фладд,^[47] Томас Воган,^[48] Парацельс,^[49] Пико делла Мирандола,^[50] граф Сен-Жермен и проч., природная предрасположенность которых к этой божественной науке в большей или меньшей степени побуждала далёких Адептов вступать с ними в личные отношения, благодаря чему первые могли получать от них крупинки целостной истины — кто в большем, кто в меньшем объёме, в зависимости от того, насколько позволяли им это делать окружающие социальные условия.

Как мы узнаём из книги IV "Гью-де" (глава "Законы упасан"^[51]), существовали определённые требования, которым должен был отвечать *чела*. Они включают в себя:

- (1) наличие безупречного физического здоровья;
- (2) абсолютную чистоту мыслей и тела;
- (3) отсутствие своекорыстных побуждений; всепоглощающее чувство милосердия; сострадание ко всему живому;
- (4) правдивость и несгибаемую веру в силу закона кармы,

действующего самостоятельно и стоящего превыше любых сил и могуществ природы: помешать осуществлению этого закона не в силах даже самые высокие разумные сущности и отменить его действие не в состоянии никакие молитвы и никакие экзотерические церемонии по умилоствлению богов;

(5) несокрушимое мужество, проявляемое в минуту любой опасности, даже при наличии угрозы для жизни;

(6) интуитивное ощущение себя как носителя проявленного Авалокитешвары,^[52] то есть божественного атмана (божественного духа);

(7) умение, сохраняя невозмутимую беспристрастность, выносить справедливое суждение в отношении всего, что образует объективный и временный мир во всех его связях и отношениях с незримыми сферами бытия.

Таковы минимальные критерии, которым должен был отвечать человек, стремящийся пройти полный курс ученичества. Единственное исключение могло быть сделано лишь в отношении первого требования, которое в редких и исключительных случаях могло быть смягчено, но все указанные пункты были обязательны, и необходимые качества должны были в той или иной степени формироваться во внутренней природе чела благодаря его собственным и *самостоятельным усилиям*. Только после этого он допускался к настоящим испытаниям.

Когда такой формирующий сам себя аскет — живя как в миру, так и вне его — по своим природным способностям оказывается в состоянии подняться над собой, то есть когда он уже может подчинять себе свои (1) тело — *шариру*; (2) чувства — *индрия*; (3) недостатки — *доша*; и (4) ощущения боли — *дуккха*; когда он уже готов к слиянию со своим умом — *манасом*; мыслетворчеством, или духовным разумом — *буддхи*; и наивысшей душой (т.е. духом) — *атманом*; когда он уже готов к пониманию того, что наивысшим правителем в мире чувственных восприятий является *атман*, а его наивысшей исполнительной силой, энергией, является воля, то тогда по правилам, освящённым веками традиции, его может взять под свой присмотр один из Посвящённых. Только после этого ему, возможно, будет указан тот таинственный путь, лишь в самом конце которого *чела* сможет научиться безошибочно определять плоды (*пхала*) порождаемых человеком причин, обрести средства для освобождения (*апаварга*) от страданий, приносимых повторными рождениями (чего не обладающий знанием человек сделать не сможет), и тем самым избежать новых перевоплощений (*претьябхава*).

Однако со времени учреждения
Теософского общества, одной из

Генри Стил Олкотт (1832-1907)

самых труднодостижимых задач которого является попытка пробудить в арийском сознании дремлющую в нём память о существовании этой науки и этих трансцендентных человеческих способностях, правила отбора *чела* были несколько смягчены в одном отношении. Многие члены Общества, у которых в ином случае не было бы вообще никаких шансов когда-либо стать учениками, получили практические доказательства реальности вышесказанного и, вполне справедливо полагая, что если указанной цели до сих пор достигали другие, то и они — а вдруг их тоже сочтут готовыми к этому? — могут добиться того же, следуя тем же путём, а потому и стали настойчиво домогаться

принятия их в кандидаты. А поскольку отказать им в праве хотя бы попытаться было бы чистейшим вмешательством в работу кармы, то, учитывая их настойчивость, такой шанс им был дан. Однако достигнутые на сегодняшний день результаты нас далеко не радуют, и для того, чтобы указать им на причину их неудачи и одновременно предостеречь остальных от необдуманных и скоропалительных решений, которые и их обрекли бы на ту же судьбу, и было велено написать эту статью.

Те кандидаты, о которых мы говорим, были обо всём откровенно предупреждены изначально, и, тем не менее, все они совершили ошибку, рассчитывая на удовлетворение своих своекорыстных интересов в будущем, но закрывая при этом глаза на собственное прошлое. Они позабыли о том, что сами пока что не сделали ещё ничего для того, чтобы заслужить редкую честь оказаться в числе избранных, у них на счету не было ровно ничего, что позволило бы им рассчитывать на подобную привилегию, и ни одним из вышеперечисленных достоинств они не могли бы похвастаться. Выходцы из корыстолюбивого чувственного мира, все они — женатые и холостяки, коммерсанты и чиновники, военнотружущие и представители учёных профессий — уже имели за плечами ту школу жизни, которая была в первую очередь рассчитана на закрепление в них именно животного начала, а вовсе не на развитие их духовного потенциала. Однако голос тщеславия у всех у них оказался так силён, что

заставил их предположить, будто для них-то уж наверняка будет сделано исключение из того закона, который действует на протяжении неисчислимых веков — можно подумать, в их лице мир должен был обрести нового *аватару!*[53] Они рассчитывали на то, что их всё-таки станут обучать тайным знаниям и что они смогут обрести необыкновенные способности по одной-единственной причине — они, видите ли, состоят в Теософском обществе. Хотя при этом кое-кто — и нужно отдать им должное — действительно искренне хотел изменить свой жизненный уклад к лучшему и был решительно готов отказаться от прежнего дурного образа жизни

Поначалу всем им было сказано твёрдое "нет" — и прежде всего самому президенту Общества, полковнику Г. Олкотту, и только спустя год с лишним он был уверенно допущен к испытаниям и официально принят в ученичество, чего заслужил своей преданностью делу и кипучей энергией, для которой не существовало слов "не могу". Вот тут-то и посыпались жалобы со всех сторон — от индусов, полагающих, будто они в этих вопросах разбираются лучше всех, и от европейцев, которые, разумеется, в этих правилах не разбирались вообще.

Пошли на этот счёт разные пересуды — дескать, если хотя бы нескольким теософам не предоставить случая попытать удачи, то Общество тут же рухнет. Все остальные благородные и совестливые требования нашей программы, взывавшие к долгу перед своим ближним, перед отечеством, к долгу помогать, просвещать, ободрять и выручать слабых и менее удачливых — всё было отброшено в той бешеной лихорадке, когда каждый был обуреваем желанием всенепременно стать адептом. Из каждого угла раздавались требования: феноменов! феноменов! Основателям Общества[54] не давали спокойно работать, назойливо домогаясь их ходатайства перед Махатмами, которые-то и стали вызывать главную досаду, хотя изрядно доставалось на

Е.П. Блаватская (1831-1891)

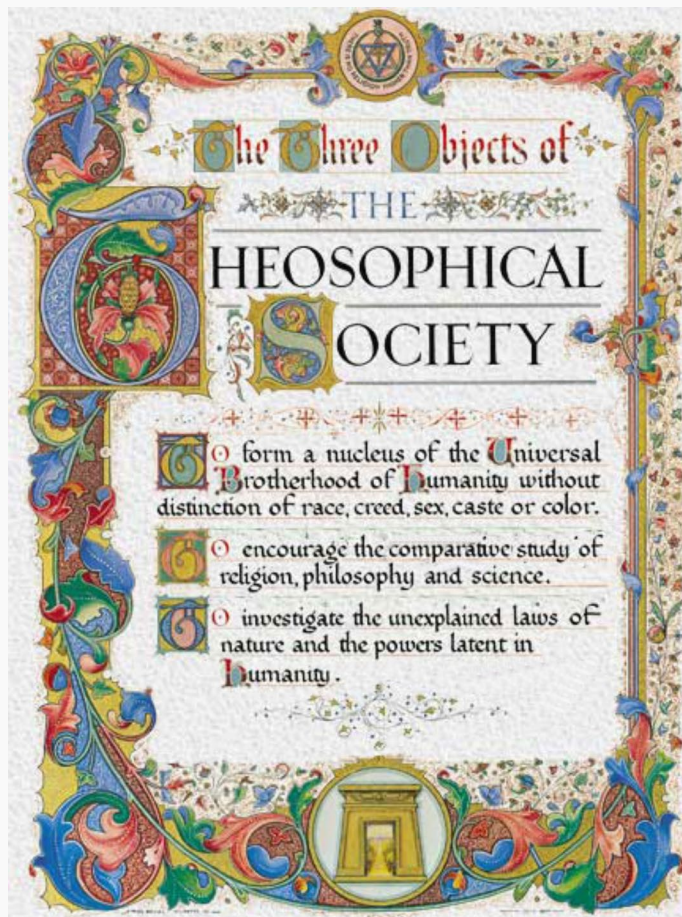
орехи и их несчастным представителям.

Наконец от высших иерархов пришло решение поймать на слове наиболее докучливых просителей. Результаты этого эксперимента, пожалуй, лучше любых проповедей объяснят, что значит быть *чела* на самом деле и каковы могут быть последствия своекорыстных устремлений и опрометчивых решений. Каждого кандидата сразу же предупредили о том, что ему в любом случае придётся прождать несколько лет, пока проверкой не будет установлено, насколько он готов к ученичеству, а для этого ему придётся пройти ряд испытаний, которые должны будут выявить в нём все стороны его натуры — и добрые, и дурные. Почти все они оказались женатыми мужчинами, а потому и стали именоваться "мирскими *чела*" — термин этот, новый в английском языке, имеет, однако, древние эквиваленты в азиатских языках.

Мирским *чела* называют любого живущего в миру человека, который подтверждает своё желание овладеть духовными знаниями. Собственно говоря, всякий член Теософского общества, согласный с второй из трёх его "Провозглашённых Задач", [55] как раз и является таким мирским *чела*, ведь, даже не принадлежа к числу "*чела*" в полном смысле этого слова, он, тем не менее, имеет все возможности стать таковым, ибо считается, что он уже перешагнул черту, прежде отделявшую его от Махатм, и как бы оказался в их поле зрения. Вступив в Общество и связав себя обязательством содействовать его работе, он тем самым уже дал обещание действовать в какой-то мере воедино с Махатмами, по указанию которых Теософское общество было учреждено и под условной защитой которых оно действует.

Членство в Обществе, следовательно, — это только лишь начало, тогда как всё остальное целиком зависит от самого человека, и ни одному *чела* никогда не следует рассчитывать даже на самую малую "благосклонность" со стороны наших ли или каких-либо иных Махатм, действующих в мире — если только последние пожелают ради этого выйти из тени своей безвестности — пока не окажется достоин того исключительно благодаря собственным заслугам. *Махатмы — всего лишь слуги Закона Кармы, а не арбитры, вершащие от его имени свой суд.* Положение мирского *чела* дарует соискателю лишь одну-единственную привилегию — достойно трудиться под наблюдением Учителя. И неважно, предстаёт ли Учитель зримо перед своим *чела* или нет, на конечных результатах это никак не скажется: всё равно добрые мысли ученика, его добрые слова и дела принесут свои плоды, а недобрые — свои. Если же мирской *чела* начнёт хвастаться своим положением, выставлять его на показ, то это будет означать для него лишь одно: все его отношения с гуру превратятся в пустой звук, поскольку такие действия окажутся *primâ facie* [56] доказательством тщеславных стремлений ученика и его неготовности к дальнейшему развитию. Долгие годы мы проповедуем всюду, где только

можно, одну и ту же максиму: "Сперва заслужи, а потом уж и желай" близости к Махатмам.

Три задачи Теософского общества

заклѹчѸн.

Ни один человек — будь он мужчиной или женщиной — никогда не знает наперѸд, сколь силѸн или слаб его моральный дух, пока соответствующие обстоятельства не *испытают* его на прочность. Тысячи и тысячи людей могут вполне благополучно прожить свою жизнь, окружѸнные всеобщим уважением, лишь только потому, что, как говорится, никогда по-настоящему не попадали в переплѸт. ВсѸ это, разумеется, уже набившая оскомину истина, однако она имеет самое прямое отношение к предмету нашего разговора. Человек, вознамерившийся попытать свои силы в качестве *чела*, уже самым этим обстоятельством пробуждает и доводит до отчаянности все дотолѸ дремавшие в нѸм животные страсти. Ибо это решение *чела* возвещает начало разворачивающейся в нѸм борьбы за

А теперѸ мы должны рассказать читателю об одном законе, действующем в природе: закон этот беспощаден, но обойти его невозможно. Он-то и поможет нам разгадать на первый взгляд странную загадку: как так могло получиться, что при отборе "чела" в течение последних нескольких лет выбор пал именно на таких людей, которые на поверку оказались далеко не лучшими представителями человеческой нравственности? Читатель наверняка помнит поговорку: "не буди лиха", но даже не представляет себе, насколько глубокий оккультный смысл в ней

обладание им — борьбы, в которой половинчатой победы быть не может. Здесь требуется или всё, или ничего, вопрос поставлен предельно остро: "быть или не быть". Взять верх, покорить животную природу — значит стать адептом; потерпеть крах — значит окунуться в позор мучительного поражения, поскольку пасть жертвой сладострастия, гордыни, алчности, тщеславия, себялюбия, трусости и любой другой человеческой слабости означает действительно позор, если мерить его эталоном истинного человека.

Чела предстоит столкнуться лицом к лицу не только со всеми дремавшими в нём скверными свойствами его собственной природы, но и, в добавок ко всему, ещё и с полным набором тех злоторных качеств, что накопились к этому моменту в его родной общине, в собственном народе. Ведь он — неотъемлемая частица коллектива людей, и всё, что воздействует на одного человека, на одну группу людей (город или страну), отзывается и на всех остальных. И в данном случае все направленные к благу усилия *чела* лишь растрavляют те наклонности ко злу, которые могут быть свойственны его окружению, вызывая со стороны последнего ответную ярость. Если человек согласен и дальше плыть по течению в одной лодке со своими ближними, ничуть не отличаясь от прочих — ну, может быть, оставаясь чуть лучше или чуть хуже среднестатистического человека — то никто ему и слова дурного не скажет. Но едва лишь станет известно, что ему оказалось по силам углядеть пустоту и притворство в жизни окружающего его общества, распознать его лицемерие, своекорыстие, устремлённость к чувственным ощущениям, алчность и прочие скверные качества, едва лишь он вознамерится потянуться к чему-то высокому, как тут же общество обрушится на него со всей своей ненавистью, и порочная, фанатичная или злобная натура каждого направит на него противоположный поток воли, исполненной злоторной силы.

Если он окажется внутренне силён, то даже не заметит её, как не замечает силы сопротивления и могучий пловец, плывущий против течения, способного унести в открытое море более слабого. Но окажись только у *чела* хотя бы один-единственный скрытый порок, то что ни делай, он в этой нравственной битве *должен* проявиться и непременно *проявится*. Внешний лоск тех условностей, который наложила на всех нас "цивилизация", должен сойти без остатка, — вот тогда только и раскроется внутреннее "Я" человека, оно предстанет во всей своей наготе, не прикрытое ни малейшим покровом, скрывающим его неоспоримую реальность.

Те общественные нормы, которые в какой-то мере позволяют удерживать людей в моральной узде и заставляют их, и хороших, и дурных, хотя бы для виду воздавать должное добродетели, могут теперь оказаться легко позабыты человеком, проходящим своё суровое ученичество, и не такой уж жёсткой может показаться узда, избавиться от которой не составляет и

труда. *Чела* погружён в атмосферу иллюзий — *майю*. Порок нацепляет на себя самую обольстительную маску, а прельщающие страсти пытаются соблазнить неискнутого искателя знаний и утащить его в бездны психических аномалий.

Шахматисты (Фридрих Август Мориц Ретч)

Всё происходит не совсем так, как изобразил на своём полотне один великий художник, где сатана играет в шахматы с молодым человеком, поставившим на кон собственную душу, а подле него стоит помогающий ему в игре добрый ангел. Ибо поединок в данном случае происходит между волей *чела* и его плотью, и при этом закон кармы не разрешает какому бы то ни было ангелу или гуру вмешиваться в процесс до тех пор, пока не станет известен итог этой битвы. Пользуясь своей яркой поэтической фантазией, Э. Булвер-Литтон[57] воссоздал этот процесс в своём романе "Занони", который будет вечно пользоваться признанием среди оккультистов, а в другом своём романе, "Странный случай", он с равной поэтической силой изобразил тёмную сторону оккультных изысканий и те смертельные опасности, которые подстерегают человека на этом пути.

Ученичество, как недавно сформулировал один из Махатм, подобно некоему "психическому растворителю, разъедающему любую грязь и оставляющему после себя одно лишь чистейшее золото". Если в кандидате скрытно присутствуют тяга к деньгам, политическое крючкотворство, материалистический скептицизм, тщеславие, лживость, жестокость или жажда чувственных наслаждений любого рода, то их малейший зародыш, почти несомненно, даст видимый росток — то же самое происходит и со всеми благородными свойствами человеческой натуры. На свет выходит человек во всём своём истинном облике.

В самом деле, ну, разве это не верх безумия — сойти с накатанного пути серого, обывательского существования только ради того, чтобы карабкаться по обрывистым скалам ученичества, не будучи при этом вполне убеждённым, что ты действительно сделан из нужного для этого материала? Верно сказано в Библии: "кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"[58] — над этими словами должен хорошо поразмыслить каждый кандидат в ученики, прежде чем без оглядки бросаться в бой. Кое-кому из наших мирских *чела*, право, стоило в своё время подумать дважды прежде чем с риском для себя соглашаться на испытания. *Мы можем вспомнить сразу несколько случаев, когда попытка пройти необходимые испытания заканчивалась для кандидата самым печальным образом — и всё это лишь за один последний год.* Один сошёл с ума и отрёкся от тех благородных мыслей, которые высказывал всего лишь за пару недель до того, после чего принял ту самую религию, к которой прежде испытывал презрение и считал однозначно ложной. Второй растратил деньги хозяина фирмы, в которой служил, и сбежал вместе с ними от преследования — кстати, хозяин компании тоже является теософом. Третий пустился в самый откровенный разгул, в чём, вздыхая и проливая бессильные слёзы, он и признался гуру, которого сам же и выбрал для себя. Четвёртый, запутавшись в любовных делах, рассорился со своими самыми близкими и верными друзьями. Пятый стал вдруг проявлять признаки умопомешательства и был отдан под суд по обвинению в непристойном поведении. Шестой совершил преступление и застрелился, оказавшись на грани разоблачения.

Этот список мы могли бы продолжать и продолжать. А ведь всё это были, казалось бы, искренние искатели истины и слыли в миру почтенными членами общества. Внешне все они выглядели вполне достойными кандидатами в ученики, но это — лишь снаружи, а "внутри полны костей мёртвых и всякой нечистоты".[59] Снаружи их покрывал такой густой слой мирского глянца, что было совершенно незаметно отсутствие под ним чистого золота. Однако "растворитель" сделал своё дело и оказалось, что в каждом отдельном случае человек под внешней своей позолотой скрывал нравственную мерзость, поразившую его насквозь до самой глубины...

Всё сказанное относится, разумеется, к неудачам, постигшим только мирских *чела*. Среди них имеются, правда, и случаи частичного успеха, и эти люди сейчас мало-помалу проходят начальные этапы своего испытания. Кто-то из них своим добрым примером уже служит назиданием людям и тем приносит пользу как самому Теософскому обществу, так и миру в целом. Если они устоят, будет хорошо для них, хорошо для нас. Да, трудности, которые стоят у них на пути, страшно велики, однако "нет ничего невозможного для того, кто дерзает". Эти трудности на пути ученичества уменьшатся лишь тогда, когда изменится сама человеческая природа и когда возникнет новый тип человека.

Возможно, именно к *чела* и относятся слова ап. Павла (Рим. 7, 18,19), когда он говорил: "...желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю".

И, как написано у Бхарави в его мудрой "Киратарджунии",^[60]

Победить нелегко тех врагов, что главу поднимают в теле из плоти,

...

Но волей могучею страсти злые должны быть повержены в прах,
Властелином миров станет тот, кто их одолеет. (xi, 32).

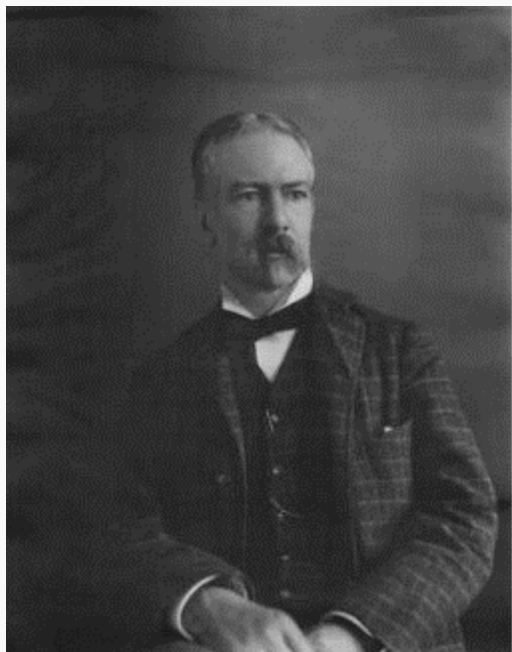

Воззрения древних на природу психических тел^[61]

Ч.К. Мэсси^[62]

Современному спиритуализму, нужно признать, весьма не хватает тех самых идей, на которые намекает его же собственное возвышенное наименование. Сосредоточившись главным образом на задачах получения и подтверждения доказательств посмертной жизни, которые он черпает из феноменального мира, спиритуализм особо не затрудняет себя рассуждениями на тему различий между материей и духом и скорее даже гордится тем, как ему удалось разгромить материализм без всякой помощи метафизики. Философ-платоник мог бы, пожалуй, заметить на это, что признание идеи посмертного существования может вполне сочетаться с самым практическим и даже догматическим материализмом, однако, боюсь, материализм такого рода едва ли способен всерьёз нарушить тот духовно-интеллектуальный покой, в коем пребывают наши современные феноменалисты.^[63] Если мы говорим о сознании и обо всех его органах чувств как о чём-то, уютно устроившемся в психическом теле, которое со всей очевидностью не умирает вместе со своей физической оболочкой, то мы уподобляемся спасшимся от кораблекрушения людям — они в первые минуты благодарят судьбу и радуются своему спасению, нimalo не

задумываясь над тем, а куда их, собственно говоря, прийдёт: к гостеприимному берегу, к безжизненной скале или к населённому каннибалами острову?

Чарльз Карлтон Мэсси (1838-1905)

Разумеется, столь "убогая" идея бессмертия не может удовлетворить те многочисленные пытливые умы, благодаря активной деятельности которых наше движение живёт и развивается. Она способна разве лишь помочь вздохнуть с облегчением всем тем людям, которые, живя в век всеобщих сомнений, вдруг обнаруживают, что могут обрести новую жизнь. На вопрос: "каким образом люди восстанут из мёртвых и в каком теле будут при этом пребывать?" современный спиритуализм с его эмпирическими методами дать адекватный ответ не в состоянии. Однако задолго до того, как свой ответ на него предложил ап.

Павел, вопрос этот оставался предметом особого внимания со стороны самых знаменитых философских школ, и пусть даже их суждения на эту тему не находят себе полного подтверждения, они не лишены известного интереса для нас, переживающих, собственно говоря, лишь пору раннего младенчества в начавшейся эпохе возрождения духовных исканий.

В этой моей преамбуле не было бы никакой нужды, если бы не та частота, с какой мы вновь и вновь слышим о том, что выражение "духовное тело" заключает в себе терминологическое противоречие. Функция тела состоит в том, чтобы служить связующим звеном между духом и объективным миром. Философы-платоники обычно применяют к нему термин *охема* [64] — "носитель". Он служит средством как для совершения действий, так и для получения чувственных ощущений. В их философии, в отличие от нашей, душа понималась не просто как имматериальный субъект сознания. С какой осторожностью толкователь должен вступать на эту почву, хорошо знает всякий, кому случалось хотя бы слегка погружаться в те споры, что шли между самими же платониками.

Все соглашались с тем, что душа имеет две различающиеся между собой части, или два принципа: разумную часть и неразумную. Последняя включает в себя, во-первых, чувствительность, способность к ощущениям,

и, во-вторых, пластичную часть, то есть ту силу, которая, подчиняясь испытываемым ею симпатиям, позволяет душе притягиваться к подходящему ей телу и вводить в него те субстанции универсума, которые наилучшим образом с нею гармонируют. Гораздо труднее, однако, определить, считал ли Платон и его главные последователи разумную душу, *нус*, самостоятельной и способной существовать отдельно сущностью, то есть тем, что иногда определяется как "дух".

Д-р Генри Мор,[\[65\]](#) далеко не самый последний авторитет в этой области, отвергает подобную интерпретацию. Он говорит:

"Нет ничего более чудовищного, чем разделять душу в человеке на две — на чувственную и рациональную, проводя между ними реальное различие, — и называть первую астральным духом, поскольку у человека нет никакого астрального духа, а есть только пластичная часть самой души, которая никогда не способна отделяться от её разумной составляющей. Да и нет никаких оснований называть её астральной из-за того только, что она подвержена влиянию тех телесных качеств, которые проистекают от звёзд, а вернее сказать, от любых материальных воздействий вообще, поскольку она ещё не успела в достаточной степени соединиться с божественным телом — носителем божественной силы или божественных качеств".

Исходя из этого, он утверждает, что каббалистическая концепция трёх душ — *нефеш*, *руах* и *нешама* — возникла как результат непонимания истинного учения Платона, утверждающего идею триединой "гармонии жизненных начал". Три эти начала соответствуют трём степеням телесного существования, то есть трём "носителям" — земному, воздушному и эфириобразному. Последний ["носитель"] — это *авгоэйд*, то есть лучистый носитель очищенной души, неразумная часть которой приведена в полное подчинение разумной. В воздушном же носителе оказывается подавляющее большинство людей при разложении земного тела: не завершившемуся в этом носителе процессу очищения ещё предстоит продлиться долгие века, в течение которых душа будет подготавливаться к возвращению в своё изначальное эфириобразное состояние. Ибо следует помнить о том, что идея предсуществования душ является

Генри Мор

характерной концепцией как этой философии, так и каббалы.

Душа "погрузилась в материю". Своё наивысшее исходное состояние душа покинула в результате того, что была пробуждена к этому бунтом её неразумной природы, в ходе которого у неё последовательно сформировалась "гармония жизненных начал" с соответствующими областями внизу по мере того, как она с помощью своего "пластичного" элемента переходила сначала в воздушное, а впоследствии и в земное состояния. Каждая из этих областей кишит жизнью и в каждой имеется собственная популяция живых существ, которые в отличие от земных душ, никогда не переходят из одного состояния в другое: "боги", "демоны" и животные.[66] Что касается продолжительности жизни, то "короче всех она у земного носителя. В воздушном душа может пребывать, по тамошним меркам, в течение нескольких веков, а в эфириобразном — вечно". Говоря о втором теле, Генри Мор отмечает:

"астральный носитель души обладает такой степенью разрежённости, что сама душа способна столь же легко проходить через мельчайшие поры тела, как свет проходит сквозь стекло или молния сквозь ножны меча, не разрушая и не обжигая их".

Или:

"Со всей смелостью я могу утверждать, что душа может жить как в воздушном, так и в эфириобразном носителе; что лишь редчайшим душам выпадает наивысшее счастье по оставлении ими земного носителя тут же обретать небесный; что небесная колесница неизбежно несёт нас с триумфом к наивысшему блаженству, какое только способна испытывать душа человека, и такое счастье выпадало бы всем людям без разбору, и хорошим, и дурным, если бы, расставаясь с нашим земным телом, мы могли бы вдруг воссесть на небесную колесницу. Благодаря же справедливой Немезиде, души людей, не отличающихся героической добродетелью, оказываются ограниченными рамками этого мутного воздуха, как подсказывает и сам разум, и единодушно определяют платоники".

Так же говорит и Томас Тэйлор, самый проникательный и, вероятно, самый глубокий знаток доктрин Платона из всех современных последователей этого философа (Введение к диалогу "Федон"):

"А далее наш божественный философ сообщает, что чистая душа после смерти возвращается в чистые и вечные природы, тогда как душа нечистая, проникнутая земными привязанностями, тянется вниз, к родственной природе, и облачается в грубый носитель, видимый телесному глазу.[67] Ибо сохраняющаяся в душе тяга к телу заставляет её притягивать к себе определённый носитель: либо

воздушной природы, либо состоящий из духа и паров её земного тела, либо образованный из того, что недавно собрано из окружающего воздуха, так как, согласно секретам философии Платона, между эфириобразным телом — простым и нематериальным, вечным, прирождённым носителем души — и земным телом, материальным, сложносоставным и кратко живущим, существует ещё воздушное тело, которое, да, материально, но является простым и более долговечным. И в этом теле неочищенная душа пребывает ещё долгое время по выходе отсюда — до тех пор, пока этот носитель души не растворится, после чего она снова облачается в сложное тело, тогда как очищенная душа, наоборот, немедленно восходит к небесным областям в одном лишь своём эфириобразном носителе".

Характер тела всегда определяется именно склонностями души. Вот что об этом говорит Порфирий (в переводе Кадворта):

"Какими привязанностями душа обладает, такое подходящее для себя тело она всегда и находит, которое соответствует её нынешним склонностям; а потому очищенная душа естественным образом обретает для себя тело почти что нематериальное, то есть эфириобразное".[68]

И далее тот же автор утверждает:

"Душа никогда не бывает голой, не покрытой телом, она всегда соединена с тем или иным телом, соответствующим и сообразным её нынешним склонностям (либо чистым, либо нечистым). Но по первом её выходе из грубого земного тела сопровождающее её (в качестве носителя) духоподобное (spirituous) тело неизбежно уходит от неё прочь, осквернённое и уплотнённое за счёт её мути и паров [и находится вдали от неё], пока душа затем мало-помалу не очистится и не превратится наконец в сухое сияние, лишённое всякой туманности и не отбрасывающее тени".[69]

Как мы видим, здесь уже теряется конкретное различие между двумя посмертными носителями: эфириобразный считается просто сублимацией воздушного. Это, однако, противоречит единодушному мнению комментаторов Платона. Иногда понятие эфириобразного тела, авгоэйда, присваивается разумной душе, то есть духу, который, следовательно, должен рассматриваться как некая самостоятельная сущность, способная отделяться от низшей души. Вот что говорит об этом христианский автор, Филопон:[70]

"...Разумная душа, благодаря своей энергии, способна отделяться от всяких тел, тогда как не обладающая разумом её часть, то есть жизнь, может отделяться лишь от грубого тела, а не от всякого

тела, однако после смерти имеет духоподобное или воздушное тело, пребывая в котором и действует — таково, говорю я, воззрение истинное, которое будет ниже доказано нами... Неразумная жизнь души бытие своё имеет не в одном только нашем грубом земном теле, но продолжается и по выходе из него, когда она обретает для себя в качестве носителя и посредника духоподобное тело, которое само также образовано из четырёх элементов, однако название своё оно получает от преобладающей в нём части, а именно: воздуха, тогда как это грубое наше тело именуется земным благодаря тому элементу, что преобладает в нём".[71]

Из того же источника мы узнаём и следующее:

"Вот почему эти древние говорят, что нечистые души по выходе своём из нашего тела и пребывая в своём духоподобном, парообразном воздушном теле, блуждают здесь, оказываясь то тут, то там в определённых местностях, появляясь вблизи могил и навещая места своего прежнего обитания. А потому и существует важная причина, по которой мы должны заботиться о том, чтобы вести добрый образ жизни и отказываться от нечистой и наиболее грубой пищи. Эти древние говорят нам также, что это наше духоподобное тело, будучи осквернённым и утяжелённым из-за гадкой пищи, способно делать душу при нашей жизни более податливой к волнениям страстей.

Они говорят дальше о том, что существует нечто вроде растительной[72] или пластичной жизни, которую также проживает душа, пребывая в этих духоподобных или воздушных телах после смерти; тела эти, кроме того, получают питание, но не совсем так, как наши грубые земные тела, а питаются парами, причём не через какие-то особые части или органы, а всеми собою (подобно губке) впитывают эти пары отовсюду. По каковой причине мудрые также заботятся при своей жизни принимать наиболее тонкую и сухую пищу с тем, чтобы духоподобное тело (которое мы имеем прямо сейчас внутри собственно тела) не засорялось и не огрублялось, а утончалось. Вдобавок ко всему, эти древние применяли *катармы*,[73] то есть очистительные процедуры, выполняющие те же задачи и преследующие те же цели. Ибо так же, как наше земное тело омывается водой, так и это духоподобное тело очищается катартическими парами — так как одни пары являются питательными, а другие очистительными.

Кроме того, эти древние дальше утверждают, что это духоподобное тело не имеет отдельных согласованно действующих органов, но всё совершает с помощью каждой своей части, которые выполняют

функции чувств: душа слышит, видит, воспринимает любой частью своего [духоподобного] тела. По каковой причине сам Аристотель в своей "Метафизике" утверждает, что, собственно говоря, существуют одно чувство и один орган чувств. Под этим органом чувств он понимает дух, то есть тонкое воздушное тело, в котором чувствительная способность всё делает посредством всего этого тела и немедленно схватывает всё разнообразие чувственно воспринимаемых предметов. А когда спрашивали, отчего же этот дух принимает организованную форму близ могил, и чаще всего это бывает форма человеческая, а порой и облик разных животных, то на это древние отвечали: их [духоподобных тел — *перев.*] столь частое появление в человеческом облике происходило из-за того, что они пропитались грубой пищей и на них как бы отпечаталась форма того внешнего тела, в котором оно пребывает. Так кристалл обретает форму и цвета тех вещей, в которых он закреплён — то есть отражает их образ. А то, что порой они принимают разные другие формы, проистекает из-за того, что сама душа обладает способностью к фантазии, она-то и преобразует духоподобное тело, придавая ему любую форму, какую только ей заблагорассудится. Будучи воздушной, когда сгущена и твёрдо зафиксирована, она становится видимой, а потом снова становится незримой, исчезая из поля зрения, когда расширяется и становится более разрежённой".[74]

И затем Кадворт заключает:

"Хотя духи и призраки имеют определённые мягкие, податливые тела, которые они в состоянии сгущать настолько, чтобы делать их зримыми, тем не менее, разумно полагать, что они не могут уплотнять или фиксировать их до плотности, грубости и твёрдости плоти и костей, в которых они могли бы продолжить своё существование, а если и могут пытаться это делать, то лишь с великим трудом и усилиями. При этом, однако, мы не можем отрицать, что, вероятно, они могут иногда пользоваться другими плотными телами, могут двигать их и действовать в них, как это происходит в поведанной Флегонтом[75] знаменитой истории, в которой тело исчезло не так, как обычно исчезает тело у других призраков, а оставив после себя телесный труп".[76]

Во всех этих рассуждениях видная роль принадлежит Мировой душе — *Anima Mundi*. Она выступает источником и принципом существования всех животных душ, в том числе и неразумной человеческой души. Однако в человеке, который в ином случае ничем не отличался бы от всех прочих земных животных, эта душа причастна наивысшему принципу, который стремится возвысить её и обратить в себя. Для понимания природы этого союза или гипостасиса требуется глубокое овладение философией

Платона, содержащейся в его диалогах "Парменид" и "Тимей", и говорить, не имея этой тщательной предварительной подготовки, о Платоне как о защитнике идеи безусловного бессмертия означало бы беззастенчиво догматизировать взгляды Платона. В "Федоне" — диалоге, как принято считать, содержащем учение Платона на эту тему, — то бессмертие, которое отводится нечистой душе, определённо носит весьма сомнительный характер, и из приведённого там рассказа мы скорее должны заключить, что, во всяком случае, человеческая личность утрачивается в процессе последовательных погружений в "материю".

Следующий отрывок из Плутарха (он цитируется г-жой Блаватской в: "Isis Unveiled," vol. ii, p. 284),^[77] по крайней мере, доказывает древность тех представлений, которые в последнее время по ошибке принимаются за новомодные фантазии:

"Всякая душа причастна к разуму [*нусу* — *Е.П.Б.*], и без него человек не человек, но та часть её, которая смешается с плотью и страстями, изменяясь под воздействием наслаждений и страданий, утрачивает разумное. Но смешение с плотью не у всех душ одинаково: одни полностью погружаются в тело и, придя в смятение до самой глубины, всю жизнь терзаемы страстями; иные же, частично смешавшись, самую чистую часть оставляют вне тела. Она не даёт себя увлечь в тело, а как бы плавает сверху, затрагивая [*осеняя собою* — *Е.П.Б.*] только самую верхнюю часть головы человека, и служит как бы канатом, за который держится и которым управляется погружившаяся в тело часть души, и, пока последняя ей повинуетя, она не подчиняется страстям плоти. И вот часть, погружённая в тело, носит название души, а часть, сохранённую от порчи, называют умом [*нусом* — *Е.П.Б.*], и профаны считают, что он находится у них внутри, как будто бы то, что отражено в зеркале, действительно там существовало; но те, что понимают правильно, говорят о демоне, находящемся вне человека".^[78]

И в том же учёном труде ("Разоблачённой Исиде") нам сообщают о двух христианских авторитетах: об Иринее и Оригене, приведённые цитаты из которых подчёркивают различие между духом и душой, выражающееся в способности первого существовать отдельно от второго. Для мало-мальски информированного читателя в самой идее этого различия нет ничего нового. Об этом же говорят и многие современные работы, в числе которых мы можем упомянуть "Трихотомию человека" Херда (Heard's "Trichotomy of Man") и "Духовную философию" Грина (Green's "Spiritual Philosophy") — последняя работа представляет собой расширенное изложение взглядов Кольриджа на эту тему и смежные с ней вопросы. Но вся трудность рассмотрения этих двух принципов как отделимых друг от друга и по факту, и по логике вытекает из наших чувственных ощущений,

если восприятие человеком себя как личности не является, вообще, иллюзией. С тем обстоятельством, что мы представляем собой частицу, лишь одна часть которой обладает бессмертием, не может примириться неметафизический ум, который отвергает эту идею с негодованием, на которое всегда следует ответное утверждение, одновременно и лишённое вкуса, и невразумительное. Хотя, возможно, в этой идее нет ничего более трудного для понимания, чем в тех суровых словах, что так смутили Никодима[79] и служат с тех самых пор камертоном для мистического религиозного сознания. Однако вопрос этот, разумеется, слишком обширен и глубок для того, чтобы можно было пытаться осветить его в данной статье, главной задачей которой было лишь привлечь внимание к тому, сколь неоднозначным в глазах древних мыслителей был вопрос тела как инструмента или "носителя" души. Любой спиритуалист согласится с тем, что, пожалуй, действительно между духовным состоянием человека и объективной деятельностью медиума существует определённая аналогия, и вполне может статься, что имеющиеся возможности и способы сообщения духов с нами помогут нам лучше понять природу нашего будущего посмертного состояния.

Нильгирийские санньясины[80]

Дословный перевод истории, поведанной окружным чиновником

Эллен Г. Морган.

На горе под названием Велли Маллаи Хиллз, что в округе Коимбатур,[81] можно, слышал я, иногда повстречаться с санньясинами.[82] В надежде встретиться с одним из них, я как-то раз и решил подняться на эту гору.

Взобравшись по её крутым склонам, я оказался перед расщелиной. Она была узкой и располагалась низко над землёй. На четвереньках я кое-как пролез через неё. Ярдах в двадцати выше находилась пещера. Подойдя к ней, я просунул туда головой по самые плечи. Мне удалось хорошенько рассмотреть её изнутри, и при этом я чувствовал, что мне в лицо дует ветерок, как будто внутри находилось ещё одно отверстие или щель. Я внимательно рассмотрел пещеру изнутри, но ничего примечательного там не увидел. Помещение было площадью примерно двенадцать квадратных футов. Внутри я решил не заходить. По бокам пещеры я увидел каменную кладку, камни в которой были с локоть в длину и поставлены вертикально один на другой. Немало огорчившись неудавшейся встречей с санньясином, я вернулся тем же способом, что и пробрался туда, то есть выполз из расщелины спиной вперёд, так как развернуться там не было никакой возможности.

В другой раз мне рассказывали, что видели санньясинов в глухих *шолах*

(лесных чащобах), но поскольку по работе мне приходилось частенько бывать в тех местах, то я решил продолжить свои поиски. Я упорно искал санньясинов, но, увы, без малейшего успеха.

Однажды по своим личным делам я отправился в Коимбатур. Зашагав вдоль по дороге, я надеялся остановить какую-нибудь повозку, чтобы доехать на ней до самого места. Сговориться с возчиком мне, однако, не удалось, а потому, распрощавшись с ним, я свернул на ловедельскую дорогу. Было это в шесть часов пополудни. Не прошагав и мили, я вдруг увидел человека, по одежде своей похожего на санньясина.

Остановившись, санньясин заговорил со мной. Он заметил кольцо на моём пальце и попросил подарить это кольцо ему. Я сказал, что с удовольствием подарю его, но в свою очередь спросил его, а что он может подарить мне взамен. В ответ он сказал:

— Да что угодно. Могу, например, понести за тебя муку и сахар, которые ты сейчас несёшь в узелке за спиной.

— Что ж, я буду только рад.

С этими словами я снял со спины свой узел и передал его санньясину.

— Мне хватит и половины, — сказал он, но затем, очевидно, передумав, добавил:

— Но позволь мне взглянуть, что ещё есть в твоём узелке.

И он указал на ещё один свёрток.

— А вот этого я отдать тебе не могу, — сказал я.

— Отчего же ты не хочешь подарить мне твой свами (семейный идол)? — спросил он.

— Это мой свами, — сказал я, — и я скорее умру, чем соглашусь расстаться с ним.

После этих моих слов тон его переменялся, и он перестал донимать меня своими просьбами.

— Тебе лучше вернуться домой, — сказал он.

— Я не хочу уходить от тебя, — ответил я.

— Но ты должен уйти, — продолжал настаивать он. — Ведь ты умрёшь здесь от голода.

— Не беда. Семи смертям не бывать.

— У тебя нет одежды, и ты замёрзнешь под ветром и дождём. Тебя

может подкараулить тигр, — продолжал он уговаривать меня.

— Вздор. От смерти не убежишь. Какая разница, в каком виде она явится?

Не успел я произнести эти слова, как он, взяв меня за руку, заключил в свои объятия. В тот же миг сознание оставило меня.

Когда я пришёл в себя, то увидел подле себя санньясина. Мы находились в каком-то незнакомом мне месте в горах. Рядом возвышалась скала, а дальше расстилались густые лесные дебри (*шола*). В этих дебрях прямо перед нами я увидел огромный столб огня, по виду напоминавший дерево. Я спросил у санньясина:

— Что это такое? Похоже на сильный пожар.

— Скорее всего, — сказал он, — это горит какое-то дерево. Его, вероятно, поджёг по небрежности какой-нибудь лесоруб.

— Нет, — возразил ему я, — на обычный пожар это не похоже. Там не видно ни дыма, ни пламени. Да и по цвету это не похоже на простой огонь — там ведь нет обычных огненно-красных всполохов. Надо сходить и посмотреть поближе.

— Нет, — сказал он. — Ты никуда не пойдёшь. Если подступишься близко к этому огню, то назад живым не вернёшься.

— Давай пойдём вместе, — упрашивал его я.

— Нет, не могу, — ответил мне он. — Если уж ты так сильно хочешь подойти к этому огню, то должен отправиться туда в одиночестве на свой страх и риск. Дерево это есть древо знания. Оно источает из себя молоко жизни, и тот, кто напьётся этого молока, никогда больше уж не будет испытывать голода.

И я с благоговением воззрелся на то дерево.

Вдруг я заметил, что в нашу сторону движутся пять санньясинов. Они подошли к нам, расположились и вступили в разговор. Наконец, они вынули свои *хука* и закурили. Они спросили у меня, курю ли я. Я сказал, что нет, не курю. Затем один из них обратился ко мне со словами:

— Покажи нам того свами, что лежит у тебя в узелке (здесь следует описание свами).

— Нет, — сказал я, — я не могу этого сделать, я недостаточно для этого чист.

— Ну так спустись к ручью и соверши в нём положенные омовения, — предложили они. — Тебе достаточно будет опрыснуть водой лоб.

Я спустился к ручью, омыл водою руки и ноги, окропил голову и после этого показал им свами.

И в тот же миг они исчезли.

— Уже поздно, — обратился ко мне мой первый друг, — и тебе пора возвращаться домой.

— Нет, — ответил ему я, — теперь, когда я нашёл *тебя*, я уже никуда от тебя не уйду.

— Нет-нет, — продолжал настаивать он, — ты обязан вернуться домой. Тебе ещё должно оставаться в миру. Ты ведь отец и супруг, и тебе положено прилежно исполнять свои мирские обязанности. Следуй по стопам своего покойного почтенного дядюшки. Ведь он не пренебрегал мирскими делами, хотя и заботился о своей душе. Сейчас ты должен уйти, но мы ещё встретимся снова, когда ты получишь свой двухнедельный отпуск.

С этими словами он заключил меня в объятия, и я вновь лишился чувств.

Придя в себя, я увидел, что стою на границе кофейной плантации полковника Джонса, расположенной по пути в Кунор. Здесь санньясин распрощался со мной и, указав на петлявшую внизу главную дорогу, сказал:

— Теперь ты не заблудишься.

Однако я не желал расставаться с ним.

— Всё это как будто пригрезилось мне, и я ни за что не поверю, пока ты не назначишь мне день и не пообещаешь, что встретишься со мной в этом месте ещё раз.

— *Обещаю*, — ответил он.

— Нет, ты поклянись мне на голове моего идола.

Он повторил своё обещание и притронулся к голове моего идола.

— Будь здесь день в день через две недели.

Когда наступил этот день, я, как было уговорено, отправился к тому месту и, сев на придорожный камень, стал ждать. Ждал я ждал, но так ничего и не дождался. Наконец я сказал себе:

— Он обманул меня. Он не придёт. Он нарушил клятву.

И с этими словами я совершил обряд *пуджа*.

Но не успели эти мысли пронестись у меня в голове, как в ту же минуту — о чудо! — он уже стоял прямо передо мной.

— Значит, ты усомнился во мне, — произнёс он. — Не печалься.

Я пал к его ногам, я признался ему, что действительно усомнился в нём и молил его о прощении. Он простил и утешил меня, а затем наказал мне держаться всегда правых путей, добавив, что во всём станет мне помогать. Он дал мне наставления касательно личных моих дел, о которых я не говорил ему ни слова. Он дал мне также снадобье для моего друга — когда тот занемог, я обещал ему достать нужные лекарства, но по рассеянности так и не выполнил своего обещания. Я передал снадобье своему другу, и сегодня он пребывает в полном здравии.

Колдовство на Нильгири[83]

Эллен Г. Морган

Прожив долгие тридцать лет на Нильгири в окружении разноплеменных туземцев, которых я нанимала для работы на своих плантациях, и выучившись говорить на их языках, я получила возможность не раз наблюдать их быт и нравы, как и частые случаи применения демонологии и колдовства среди них.

На склонах Нильгири проживает несколько полудиких народов: (1) "курумбы", которые частенько нанимаются работать в соседних плантациях. Они славятся как первоклассные лесорубы; (2) "тейны"-курумбы (от слова "тейн", т.е. "мёд"), которые живут, занимаясь сбором мёда и кореньев, и никогда не появляются в цивилизованных областях страны; и (3) "муллу-курумбы", которых редко можно увидеть на горных склонах, зато они во множестве встречаются в Виньяде, расположенном ниже на плоскогорье. У них в широком ходу лук и стрелы, и они славятся как страстные охотники. По рассказам, они чаще всего охотятся на тигров: целой оравой они набрасываются на загнанную дичь, направляя в неё тучу стрел с близкого расстояния. Охваченные азартом, они нередко и сами становятся добычей этого зверя. Однако считается, что они обладают властью над любым диким зверем, слонами и тиграми в особенности, а по словам туземцев, умеют ещё и принимать облик самых разных животных.[84] К их помощи постоянно прибегают как первые из вышеперечисленных курумбов, так и туземцы вообще, когда хотят отомстить врагу.

Помимо этих разновидностей курумбов, в горах живёт и множество других племён, которых я не стану здесь перечислять, поскольку они не имеют прямого отношения к нашему рассказу.

В моём Уттакамандском поместье работала артель молодых баддагов, человек тридцать молодых парней. Они работали у меня с детства и со временем выросли в толковых молодцов, хорошо знавших своё дело. Но неделя за неделей я стала вдруг недосчитываться то одного, то другого среди них. Когда я навела справки, мне ответили, что сначала этих парней сваливала какая-то болезнь, а потом один за другим все они умирали!

В один из базарных дней мне встретился монегар[85] той самой деревни, откуда родом была вся моя артель. Он вместе с другими своими односельчанами возвращался домой с покупками. Завидя меня, он остановился, затем подошёл ко мне.

— Матушка, — начал он, — у меня большое горе и я попал в беду. Научите, что мне делать?

— Что случилось, расскажи по порядку! — воскликнула я.

— Все мои парни умирают один за другим, а я не могу ни помочь им, ни защитить их. На них действуют чары зловредных курумбов, которые убивают их. И я здесь бессилён.

— Да объясни же наконец, — спросила я, — почему так себя ведут курумбы и что они творят с твоими людьми?

— Ах, госпожа, — сказал он, — они безжалостно вымогают у нас деньги. Они просят денег всё больше и больше. Мы уже отдали им всё, что у нас было, теперь ничего не осталось. Уж я говорил им, что нет у нас больше денег. Они же в ответ пригрозили: дескать, *хорошо, будь по-вашему, поживём — увидим*. Но мы-то уж в точности знаем, что за этим последует. По ночам, когда все спят, мы, бывает, вдруг просыпаемся и видим: в середине комнаты посреди спящих, в самой нашей гуще, стоит какой-нибудь курумба.

— А что же вы не запираете двери на замки и запоры? — спросила я его.

— Да разве замки да запоры им помеха? Они ведь сквозь каменные стены проходят . . . Уж мы и двери запирали на все замки, но от курумбов просто спасу нет. Вот, бывает, кто-нибудь из них стоит, пальцем тычет в кого-то из нас — в Маду, в Куриру или в Джоги — и не говорит ни слова. А как заметит, что мы смотрим, тут и след его простыл! Зато через пару дней кто-то из этих трёх человек обязательно заболит, и начнёт его пожирать лихорадка, живот вздуется, а там и смерть недалёко. Восемнадцать молодых ребят, краса всей деревни, уже вот так сгинули за этот год. Коли побывал у нас курумба ночью — жди беды.

— А что же вы не пожалуетесь правительству? — спросила я.

— Да что проку? Их всё равно не поймать.

— Так отдайте им в этот раз те двести рупий, о которых они просят, но возьмите с них твёрдое слово, что больше они вымогать с вас ничего не будут.

— Наверное, да, нужно где-то раздобыть эти деньги, — сказал он и горько понурился.

... Некий г-н К*** владеет кофейной плантацией в этих местах и, как и у многих других плантаторов, у него трудится немало бюргеров.[86] Один раз по случаю отправился он в горы поохотиться на буйволов и на другую крупную дичь. С собою он прихватил человек семь-восемь бюргеров, чтобы те несли ружья (а также и другие предметы первой необходимости в джунглях — топоры, чтобы расчищать себе путь, ножи, верёвки и проч.). Он приискал и *тяжело* ранил великолепного слона с бивнями. Желая заполучить эти бивни, он решил преследовать свою добычу, но бюргеры решительно не желали углубляться в лесную чащу, страшась встречи с "муллу-курумбами", которые жили в тех местах. Уговаривал он их уговаривал, и под конец угрозами и посулами заставил-таки идти вперёд. Они же, не встретив на пути ни одного курумбу, осмелели, страхи их рассеялись, и так подошли они к тому месту, где лежал мёртвый слон (на их беду!). Однако вокруг поверженного зверя уже расположилась стайка муллу-курумбов. Они деловито вырезали из туши бивни, и один из бивней уже почти отделили от тела!

В ужасе бюргеры отпрянули назад, и никакие уговоры, никакие угрозы со стороны г-на К*** не были в состоянии заставить бюргеров подойти к слону, которого курумбы твёрдо объявили собственной добычей. По их словам, именно они убили его. Вероятнее всего, они просто встретили этого слона, уже едва стоявшего на ногах из-за нанесённых ему тяжких ран, и просто прикончили его. Г-н К***, однако, был ничуть не намерен так легко уступать им свою добычу. Поэтому он с угрожающим видом подошёл к курумбам, принудил их ретироваться и одновременно подозвал к себе своих бюргеров.

— Посмейте лишь притронуться к этому слону, — только и сказали курумбы, после чего удалились.

Вслед за этим г-н К*** вырезал из туши оставшийся бивень, с немалым трудом взвалил оба бивня на шесты, и стал уговаривать туземцев нести добычу домой. Он всю вину взял на себя, всячески демонстрируя своим туземцам, что *они* не прикасались к убитому зверю, и в конце концов заявил, что готов скорее провести здесь всю ночь, чем потерять эти бивни. Мысль о том, что им придётся провести целую ночь по соседству с муллу-курумбами навела такой страх на бюргеров, что они наконец

подняли шесты с бивнями и зашагали по направлению к дому. Но с того самого дня все они, кроме одного-единственного человека, несшего ружьё, стали вдруг хиреть, стали ходить точно привидения с выражением обречённости на их бледных, зелёных лицах, и не прошло и месяца, как все они умерли за одним-единственным исключением.

А несколько месяцев назад жуткая трагедия разыгралась в деревне Эванауд, что в паре миль отсюда. Там заболел и умер ребёнок монегара, то есть местного старосты. Событию этому предшествовало несколько смертей, которые приписывались зловредному влиянию со стороны ближайшей деревни курумбов. И бюргеры решили тогда истребить их всех поголовно, не пощадив ни единой души. Как всегда в подобных случаях, они заручились поддержкой *тоддов*, так как убеждены, что *без* их помощи курумбы так и останутся для них неуязвимыми. Ночью они пробрались в деревню курумбов и подожгли все их хижины, а если кто-то из этих несчастных пытался спастись бегством, то они загоняли таких назад в огонь или забивали своими дубинами. Лишь одной старухе удалось в суматохе незаметно спрятаться в росших поблизости кустарниках. На следующее утро она донесла о случившемся властям и опознала семерых бюргеров, в числе которых оказались староста деревни и один *тодда*. Все они были отданы под суд по обвинению в убийстве — избежал суда один только староста, который умер ещё до того, как суд состоялся. Все они были осуждены, а трое бюргеров вместе с *тоддой* казнены как зачинщики массового убийства.

Два года тому назад почти такая же история приключилась и в местечке под названием Котагери почти с такими же последствиями — правда, последовавшее наказание не возымело на туземцев *никакого* устрашающего воздействия. Они потребовали для себя оправдания ввиду того, что оказались жертвами колдовства. Однако наше правительство смотрит сквозь пальцы на все эти оккультные проделки и не верит ни в какие злые силы туземцев. Вот в России к таким вещам относятся совсем по-другому — там, например, недавно состоялся суд почти по такому же делу, который признал колдовство отягчающим обстоятельством, а посеми и все обвиняемые в сожжении колдуньи были этим судом признаны невиновными. Но *все* туземцы, к какой бы касте ни принадлежали, отлично знакомы с силой колдовства и частенько сами пользуются ею — гораздо чаще, чем об этом принято думать.

Раз я ехала верхом и наткнулась на странный и жуткий предмет — то была корзина, в которой лежала окровавленная голова чёрного барана, затем кокосовый орех, десять рупий серебром, рис и цветы. Эти более мелкие предметы я сразу не разглядела, так как не очень-то и хотелось к этой корзине приглядываться. Но, как мне впоследствии рассказали туземцы, эти вещи также находились в корзине. Корзина эта была поставлена у верхнего угла треугольника, составленного из трёх тонких ниток,

привязанных к трём колышкам. Всё это было расположено так, что кто бы ни шёл с той или с другой стороны дороги, должен был непременно наткнуться на эти нитки, порвать их и, таким образом, получить удар во всей его силе от убийственного сунниума, как этот род колдовства называется у нас. Это средство самое обыкновенное у туземцев. К нему прибегают весьма часто в случае болезней, исход которых грозит смертью. Тогда готовят сунниум. И горе тому, кто до него дотронется, хотя до одной их ниток, ибо он получит болезнь, тогда как больной выздоравливает!^[87]

Шаманизм и колдовство среди коларийских племён^[88]

Э.Д. Юэн^[89]

Мне довелось несколько лет прожить бок о бок с племенами мунда и хо, что населяют Сингбхум и Чота Нагпур,^[90] и внимание моё невольно привлекали к себе их обычаи, которые в чём-то значительно отличаются, а в чём-то очевидно сходятся с нравами нильгирийских "курумбов", о которых в своей статье рассказывает миссис Морган. Я не хочу сказать, что обычаи эти свойственны исключительно коларийским племенам,^[91] поскольку мне хорошо известно, что и среди ораонов (дравидского племени), и среди различных индусских каст, соседствующих с колами, во множестве встречаются искусные колдуны, но то небольшое, что мне довелось узнать об этих любопытных ритуалах, я почерпнул именно от мунда и хо, причём наилучшими знатоками среди них оказались новообращённые христиане. Хоть сами люди и говорят, что обычаи эти являются характерной чертой именно их народа и не были заимствованы у вытеснивших их с плоскогорья^[92] захватчиков-индусов, я всё же склонен полагать, что, по крайней мере, отдельные их традиции несут на себе явный налёт тантрической чёрной магии, хотя занимающиеся этим люди зачастую не владеют ни одним из индусских языков.

Заметки мои следует начать с краткого описания религиозного культа, бытующего в племени кол. Из того, что мне довелось увидеть или услышать, я понял, что у них нет никаких изображений божества, которому поклоняются. При этом, однако, они время от времени совершают жертвоприношения целому ряду духов стихий, поскольку считают, что в каждом камне и в каждом дереве, что растёт в их стране, живёт определённый дух. В целом этих духов они не считают злыми, но полагают, что если их как следует не "накормить" или не умиловить, то они вполне в состоянии проявить свою злую силу.

Главным среди этих духов является Синг Бонга (букв. "дух солнца" или "дух света"), за которым идут Буру Бонга ("дух гор") и Икхир Бонга ("дух

глубин"). А уж дальше следуют *дархи*, при этом у каждого семейства имеется свой собственный *дарха*, так что эти духи во многом напоминают ларов и пенатов.[93] В каждом месте, где они молотят или толкут зерно, где выжимают масло, обитает особый дух, и его следует вдоволь кормить, чтобы не случилось несчастья. В честь Синг Бонги и его помощников они устраивают большой праздник ("кара"), и первые же слова, которыми по такому случаю начинает свою речь жрец, убедительно доказывают, что Синг Бонга считается у них творцом людей и всего сущего. *Múnúre Singbonga manokoa luekidkoa* ("В начале Синг Бонга сотворил людей").

У каждой деревни имеется своя *сарна*, священная роща, где ради благополучия всей деревни наследственный жрец время от времени совершает обряд жертвоприношения. Но это относится только к духам, непосредственно связанным с деревней. Что же касается трёх вышеупомянутых духов, то им, самым главным из всех духов, пища приносится раз в три года, а то и ещё реже, и делается это всегда на какой-нибудь важной оживлённой дороге или в ином общественном месте. А раз в десять лет раньше *приносилась* (а кое-кто утверждает, что *приносится* и теперь) человеческая жертва, дабы снискать к себе милостивое отношение со стороны всего мира духов.

Официальными служителями духов являются сельские священники, *паханы*, но есть также и люди, которые, как считается, могут по-своему оказывать влияние на духов и даже иметь власть над ними: это *наджо*, *деоны* и *бхагаты*. Первая и самая низшая категория этих ведунов называется *наджо* (слово это можно перевести одним ясным и понятным словом: колдуны). Зачастую это бывают женщины. Как и "муллу курумбов", их обвиняют в вымогательстве зерна и денег в больших количествах, а также во многих других грехах, и если люди отказываются выполнить их требования, то они уходят прочь с такими примерно словами: "сейчас у вас много и скота, и зерна, но поглядим на вас через месяц-два". И тогда скот у заколдованного человека может вдруг заболеть какой-то болезнью, среди него начнётся падёж, или может заболеть тот или иной член его семьи, а то и ещё как-нибудь пострадать самым необъяснимым образом. После этого перепуганная на смерть жертва хватается горсть сырого риса и отправляется к *деоне* или *мату* (как человек этот называется на разных наречиях этой провинции) — в ведовстве он на одну ступень стоит выше *наджо* — и, пообещав ему награду в случае успеха, просит его о помощи. Если *деона* откликается на просьбу, то дальше происходит следующее. Взяв принесённое масло, *деона* зажигает небольшой светильник и усаживается рядом, держа в руках *сурпу* (веялку) с рисом. Несколько минут он не отрываясь смотрит на пламя в светильнике и начинает нараспев произносить что-то вроде заклинания, в которой перечисляет поимённо всех духов. Каждый раз, как он произносит имя того или иного духа, он бросает в светильник несколько рисинок. Если при каком-то имени пламя вдруг вспыхивает ярче и взмывает вверх,

то это верный знак того, что наведший порчу дух тем самым установлен. После этого *деона* берёт ещё несколько рисинок, заворачивает их в лист дерева сал (*Shorea robusta*)[94] и отправляется к ближайшему новопостроенному термитнику. Он срезает с термитника верхушку и вставляет в отверстие свёрток таким образом, что одна его половинка оказывается внутри термитника, а другая остаётся снаружи, после чего удаляется. Примерно через полчаса он возвращается на место, чтобы посмотреть, съеден ли рис, и в зависимости от того, с какой быстротой тот бывает съеден, назначает вид жертвоприношения, долженствующего умиротворить духа. Для жертвоприношения может сгодиться любое животное, начиная от домашней птицы до буйвола, но в любом случае обряд должен обязательно сопровождаться пролитием крови. Нужно подчеркнуть, однако, что *мати* никогда не называет имени той *наджо*, которая и вызвала зловердные действия со стороны духа.

Самой же важной и лакомой частью ремесла у *деон* считается изгнание злых духов, которое в этих местах называется по-разному: *ашаб* или *лангхан*. Признаками одержимости, как правило, считают психическое расстройство, сопровождающееся (в тяжёлых случаях) одновременно трясучкой и произвольным движением конечностей либо необъяснимым разбуханием всего тела. Но, какими бы ни были симптомы, метод исцеления остаётся во многом одним и тем же. При проявлении указанных симптомов в дом приглашается *деона*, которому затем в присутствии заболевшего и его друзей вручаются заключённый в *сурпе* рис, немного масла, киноварь, а *деона* вынимает собственные припасы порошка серы, железную трубку длиной около четырёх дюймов и два *тикли*. [95]

Перед началом обряда все вышеперечисленные предметы обмакиваются в киноварь, и с нею же смешивается небольшое количество риса. Затем в трубку кладутся три-четыре рисинки и один *тикли*, рядом с заболевшим зажигается светильник, и *деона* начинает нараспев читать свои заклинания. При упоминании имени каждого духа он бросает в светильник несколько рисинок, а когда пламя вспыхивает особенно ярко, кидает в огонь и на заболевшего по шепотке порошка серы. Больной после этого начинает корчиться в судорогах, его всего начинает трясти, изо рта его вырываются бессвязные фразы. А *деона* между тем читает свои заклинания всё громче и громче. Но вот судороги и заклинания внезапно обрываются, и *деона* тщательно собирает с тела больного небольшую щепоть порошка серы, кладёт его в трубку, которую запечатывает с другого конца вторым *тикли*. После этого *деона* вместе с одним из друзей заболевшего выходят из хижины, забирая с собой и железную трубку, и остатки риса. Считается, что дух покинул человека и теперь запечатан в железной трубке. Они быстро уходят в безлюдную местность и долго идут по ней, пока не оставляют хижину на много миль позади себя. Затем они подходят к краю какого-нибудь пруда или реки — к любому месту, куда, как они знают, часто приходят люди, чтобы искупаться, и там после

исполнения ещё одного ритуала они втыкают железную трубку в землю и оставляют её там. И всё это они делают из самых благих побуждений, желая, чтобы дух переключил своё внимание на того несчастного, которому случится задеть трубку во время купания. Как мне сказали, дух в таких случаях выбирает для себя в виде жертвы человека молодого и здорового. Если же *деона* полагает, что духу так и не удалось устроиться в новом обиталище, то в базарный день после совершения известного обряда колдун смешивается с толпой и, беря в руки одну за другой окрашенные киноварью рисинки, щелчком пальцев незаметно "отстреливает" их в окружающих так, чтобы они попали на одежду или тело людей. Для верности он повторяет это действие несколько раз. После этого *деона* объявляет, что своё дело он сделал, и его, как правило, угощают самым лучшим обедом, какой только могут позволить себе друзья больного. Рассказывают, что тот человек, на которого одним или другим способом переносится дух, может не почувствовать ничего дурного ещё несколько недель, а то и месяцев. Но в один прекрасный день, посреди обычной своей работы, он может вдруг остановиться, прокрутиться волчком вокруг себя два-три раза, а затем свалиться на землю в корчах, которые могут быть весьма велики. С этой минуты он станет мучиться так же, как прежде мучился человек, из которого был изгнан терзавший его дух.

Ну, а теперь, когда мы ближе познакомились с *деоной*, мы можем перейти к *бхагату*, которого индусы называют *сокха* и *сивнатх*. Это — наивысшая ступень, которой может достичь человек, причём необходимо особо подчеркнуть, что знание (*илм*), которым обладают *деоны* и *бхагаты*, можно обрести, только став регулярным *чела* ведуна, и, как мне дали понять, чем больше усердия проявляет сам *чела*, тем быстрее он достигает окончательного посвящения. Посвящение в степень *сокхи* сопровождается определённым ритуалом: он совершается ночью и с использованием человеческих трупов — это и дало мне некоторые основания полагать, что, по крайней мере, отчасти этот вид ведовства связан с тантрической чёрной магией.

Бхагат выполняет две отличающиеся друг от друга функции: (1) вид гадания, который носит название *бхао* (на языке хинди произносится так же), и (2) вид шаманизма, который на хинди называется *дараста*, а на языке *хорокаджи*[96] — *бхаротан*. К последнему, однако, прибегают в крайне редких случаях, когда, например, сразу несколько семей жалуются на то, что оказались жертвой порчи, наведённой одним и тем же *наджо*.

Бхао совершается следующим образом. Человек, желающий получить ответ на свой вопрос, prepares нечто вроде небольшого блюда из листа дерева сал и кладёт в него немного сырого риса и несколько мелких медных монет, *пайс*. С ними он отправляется к *бхагату* и раскладывает всё это перед ним, одновременно задавая ведуну свой вопрос. *Бхагат* велит

посетителю выйти наружу и принести ему два цветка *голайчи* (разновидность *Posinia*) (поэтому *бхагаты* обычно высаживают рядом со своим домом дерево *голайчи*). После того как цветы принесены, *бхагат* усаживается, пододвинув рис поближе к посетителю, и после некоторого размышления выбирает один из цветков. Держа его за стебель в левой руке на расстоянии примерно фута от своих глаз, он вращает его между большим пальцем и остальными пальцами руки, иногда при этом правой рукой бросая на него одну-две рисинки.[97] Через несколько минут глаза у него закрываются, и он начинает говорить — вначале, как правило, слова его не имеют никакого отношения к заданному вопросу, но через пару минут он вдруг выкрикивает ответ и тут же, не проронив ни слова, удаляется. Посетителю остаётся лишь самому разбираться с полученным ответом, который, полагаю, всегда носит весьма неопределённый характер.

Что же касается ритуала *бхаротан*, то, как я уже сказал, к нему прибегают только в тех случаях, когда необходимо разрешить вопрос чрезвычайной важности, и плату за один подобный сеанс *бхагат* берёт весьма высокую. Представим себе, что три-четыре проживающих в деревне семьи приходят к заключению, что на них была наведена порча какой-то *наджо*, и тогда они решают обратиться за помощью к *бхагату*, чтобы выяснить, какая именно ведьма в этом виновна. В назначенный день каждая из пяти близлежащих деревень присылает по два своих делегата, чтобы те препроводили пострадавших в дом *бхагата*. С собой они берут подношение, *дали*, состоящее в основном из овощей, и по прибытии торжественно вручают его шаману. Затем делегаты занимают места в направлении четырёх стран света — по два в каждой точке, а два оставшихся вместе с пострадавшими становятся по правую руку от *бхагата*, тогда как сам он занимает место в центре помещения вместе с четырьмя-пятью своих *чела*. По левую руку от него пространство остаётся свободным. Затем один из *чела* приносит глиняный горшочек, наполненный горящими углями, и ставит его перед *бхагатом*. Здесь же уже разложены стружки мангового дерева, лежит шарик, скатанный из *дхуни* (смолы растения *Shorea robusta*), *гуп* (патока), *ги* (очищенное сливочное масло), а также, возможно, ещё какие-то ингредиенты. Вся одежда *бхагата* состоит из одной лишь жалкой *ленгути* (набедренной повязки), ожерелья из крупных деревянных бусин вроде тех, что обычно носят факиры, и нескольких перекинутых через шею гирлянд из цветов *голайчи*. Волосы на голове у *бхагата* необычно длинные и спутаны. Подле него стоит воткнутый в землю жезл. Один из *чела* склоняется над горшочком, держа в руке сплетённый из бамбука веер, другой следит за кучкой стружек, третий наблюдает за шариком, а один-два других усаживаются позади *бхагата*, держа в руках барабан и другие музыкальные инструменты.

Когда всё готово, пострадавших просят изложить свою жалобу. Те,

исполнив, что им велено, обращаются с мольбами к *бхагату*, прося его назвать им имя *наджо*, который наслал (или наслала) на них духа, чтобы можно было покарать его (или её). Тогда *бхагат* подаёт знак своим чела, и те, что находятся у него за спиной, своими музыкальными инструментами поднимают страшный шум и грохот, из щепок разжигают костёр, в который время от времени чела бросают кусочки смолы, которые отщипывают от шарика, после чего из огня начинает тянуться густой серовато-синий дым. Своим веером чела усердно раздувает костёр, направляя дым в сторону *бхагата*, и, когда плотный дым почти скрывает его из виду, он закрывает глаза и, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, потихоньку затягивает свои заклинания. Голос его звучит всё громче, тело раскачивается всё энергичнее, и шаман мало-помалу доводит себя до состояния полного иступления. Затем он начинает трястись всем телом, бешено вращать головой во все стороны, и принимается громко нараспев рассказывать о том, как некий *наджо* (он называет его имя) потребовал с этих людей денег, как они отказали ему, как он тогда наслал неких духов (он также называет их поимённо), чтобы те причинили этим людям вред, как они убили таких-то и таких-то буйволов, ещё такую-то овцу и наслали болезнь на такого-то ребёнка. Дальше, обращаясь к *наджо*, он велит ему явиться и ответить за свои злодеяния. Одновременно с этим он поднимается на ноги, продолжая вызывать к себе *наджо*. При этом он, не переставая, кружится вокруг себя, как волчок. Вдруг он падает на землю и лежит не шевелясь, лишь изредка бормоча и подвывая: "Я вижу его! Он идёт!"

В этом состоянии он может оставаться и час, и дольше. Но вот наконец *бхагат* поднимается с земли, садится и объявляет всем: *наджо* явился! И тут же в комнату бешено врывается человек. Вид у него безумный — такой встречается у людей, находящихся под сильным действием алкоголя. Человек бросается ниц перед *бхагатом*. Он стонет и хрипит, точно его что-то отчаянно душит. В этом человеке пострадавшая сторона нередко признаёт собственного соседа или даже родственника, но кто бы он ни был, люди уже поклялись покарать его. Затем *бхагат* велит ему рассказать обо всём им содеянном, а на случай отказа одновременно грозит ему своим жезлом. И тот, словно оцепенев, подробно рассказывает о своих действиях, которые полностью совпадают с тем, что выкрикивал и сам *бхагат* в иступлении. Затем *наджо* отпускают, и тот покидает дом с той же стремительностью, с какой и явился туда.

После этого делегаты держат совет, на котором, как правило, *наджо* приговаривается к штрафу — зачастую весьма высокому, в результате которого у того не остаётся ни гроша за душой — и к изгнанию из деревни. До прихода британцев разоблачённому *наджо* редко удавалось остаться в живых в таких случаях, да и во время восстания^[98] люди племени хо в Сингбхуме, воспользовавшись отсутствием британцев в округе, свели немало старых счётов — соответствующие данные об этом

доступны в "Статистическом отчёте по Бенгалии" ("Statistical Account of Bengal," vol. xvii. p. 52).

В заключение мне остаётся лишь добавить, что сведения свои я получил от непосредственных участников описанных событий, в том числе и от человека, жившего в той же деревне, в которой тогда проживал и я сам. Он был осуждён к изгнанию и потерял всё своё движимое имущество. А его родственник, оказавшийся одной из его жертв, сидел рядом со мной, пока я описывал все вышеизложенные события.

Махатмы и чела[99]

(автор не указан)

МАХАТМА — это человек, благодаря особой тренировке и обучению сумевший развить в себе наивысшие способности и успевший достичь такого духовного знания, которое обычное человечество сможет обрести, лишь пройдя через бесчисленный ряд перевоплощений в рамках процесса эволюции космоса, — разумеется, при условии, если такой человек не будет при этом противодействовать задачам Природы, ибо в подобном случае он лишь навлечёт на себя собственную погибель. Этот процесс саморазвития растягивается у Махатмы на ряд "перевоплощений", хотя таких "перевоплощений" у него бывает сравнительно не так уж и много.

Но что же именно в человеке претерпевает перевоплощение? Как указывает оккультное учение — в том объёме, в каком оно на сегодняшний день нам изложено, — в момент того, что мы называем физическим смертью, так или иначе умирают все первые три принципа.[100] Четвёртый же принцип, вместе с низшими частями пятого, — в которых пребывают животные наклонности человека — в качестве своей обители получает *кама-локу*, где и переживает все муки собственного распада, а они тем тяжелее, чем сильнее в нём говорят его низшие влечения. И только высший *манас*, *очищенный человек*, объединившись с шестым и седьмым принципами, переходит в *девачан* для того, чтобы сначала насладиться там последствиями своей доброй *кармы*, а затем перевоплотиться в иную личность, стоящую уже на одну ступеньку выше прежней.

И вот оказывается, что у той самой сущности, которая в процессе своего последовательного перевоплощения из личности в личность продолжает своё оккультное обучение, с каждым перевоплощением остаётся всё меньше и меньше этого низшего *манаса*. А затем наконец наступает и время, когда *весь манас целиком* приобретает у человека возвышенный характер и становится центром его индивидуальности — вот о таком

человеке уже и можно сказать, что он превратился в МАХАТМУ.

Когда в момент физической смерти МАХАТМЫ гибнут все его четыре низших принципа, он не испытывает ни малейших страданий, поскольку принципы эти становятся для него, по сути, обычными предметами одежды, которые он может то надевать, то снимать по собственной воле. Таким образом, подлинный МАХАТМА — это вовсе не его физическое тело, а тот наивысший *манас*, который неразрывно связан с *атмой* и его носителем (шестым принципом). Этого объединения он добивается за сравнительно весьма короткий период времени, пока следует по пути саморазвития, начертанному ему оккультной философией.

Вот почему люди, когда выражают желание "увидеть Махатму", на самом-то деле, похоже, сами не понимают того, о чём просят. Как могут они надеяться своими физическими глазами увидеть то, что *находится за пределами* возможностей их зрения? Им что, больше всего на свете хочется увидеть тело — простую внешнюю оболочку, маску? Ну, хорошо, допустим, они увидят перед собой тело МАХАТМЫ, но откуда им знать, скрывается ли под этой маской действительно какая-то высокая сущность? По каким признакам они смогут точно определить, что тот, кого они видят перед собою, — это истинный МАХАТМА, а не простое его отражение, нарисованное *иллюзией-майей*? А может быть, всё физическое — это, вообще, одна сплошная *майя*? Кто здесь может что-либо сказать наверняка?

Высокое можно воспринять, лишь обладая особым органом чувств, сопричастным миру этих высоких вещей. Чтобы видеть МАХАТМУ в его подлинном виде, человек должен пользоваться зрением *ума*. Он должен поднять свой *манас* на такую высь, где все горизонты чисты, где способности этого принципа к восприятию [бытия] ничто не мешает и где от сотворённого *майей* тумана не осталось даже следа. Только тогда зрение у человека станет ясным, и только тогда он сможет увидеть МАХАТМУ, где бы тот ни находился, ибо МАХАТМА, слившийся с не ведающими расстояний шестым и седьмым принципами, можно сказать, пребывает везде.

Стоя на вершине горы и окидывая оттуда взором всю расстилающуюся перед нами равнину, мы не различаем на ней ни отдельных деревьев, ни отдельных мест, поскольку при таком обзоре всё внизу сливается для нас в одно сплошное целое, и тогда внимание наше может привлечь к себе только что-то, выбивающееся из обычного ряда вещей. Точно так же и МАХАТМА: да, полем зрения его ума охвачен весь род людской, но мы не можем ждать от него, что он станет обращать особое внимание на каждого отдельно взятого человека, пока тот или иной человек сам не привлечёт к себе внимания каким-то своим действием. Наивысшие интересы человечества в целом остаются предметом особой заботы МАХАТМЫ,

слившегося с той Мировой Душой, что пропитывает собою всё человечество, и чтобы привлечь внимание МАХАТМЫ к себе, человек должен и действовать через ту самую Душу.

Подобное мировосприятие через призму *манаса* можно назвать и "верой", но её не следует путать со *слепой верой*. Это выражение, "слепая вера", порой применяется для обозначения верований, не подкреплённых ни восприятием, ни пониманием. Точное же понимание термина *манас* описывается выражением "просвещённое верование" — оно-то и является ключевым для правильного понимания слова "вера". Это верование должно одновременно опираться на *знание*, то есть на опыт, ибо лишь "истинное *знание* порождает веру". Вера — это такое мировосприятие, которое формируется с помощью *манаса* (пятого принципа), тогда как знание, в строгом смысле этого слова, есть способность *ума*, то есть продукт духовного восприятия.[101] Одним словом, индивидуальность человека, образованная из его высшего *манаса*, а также из шестого и седьмого принципов, должна действовать как единое целое, и лишь только тогда она сможет обрести "божественную мудрость", ибо божественное может быть почувствовано лишь с помощью божественных способностей. А это значит, что *чела* должно снедать одно-единственное желание — желание понять, как действует Закон космической эволюции, ибо, только поняв это, он будет в состоянии трудиться в сознательном и гармоничном согласии с Природой.

Брахманский шнур[102]

А. Сарман (член Т.О.)

I. Ритуал вручения этого шнура чаще всего называют термином *упанаяна*, а человека, которому вручается этот шнур, именуют *упанита*, что значит "приблизившийся" или "притянувшийся (к своему гуру)", то есть этот шнур символически указывает на внутреннее состояние его носителя.

II. Шнур этот носит несколько различных названий, и одним из них является выражение *яджня-сутра*. Слово *яджня* обозначает "Брахман", "верховный дух", а *сутра* — "шнур", "связующая нить", "уза". А всё вместе это выражение означает: "то, что связывает человека с его духом, с его богом".

Сам шнур сплетён из трёх нитей, и если соединить и связать друг с другом оба конца этого шнура, то образуется круг. Символический смысл круга известен любому теософу, а потому здесь нет необходимости вновь останавливаться на этом вопросе отдельно. Теософ легко поймёт и всё остальное, в том числе и то, какое отношение эти нити имеют к

мистическому посвящению. Нити эти обозначают великий принцип "три в одном и единое в трёх". Иными словами, самым первым триединым является *атма*, который включает в себя три атрибута: *манас* (ум), *буддхи* (разум) и *аханкару* (самость). В свою очередь, *манас* характеризуется тремя качествами: *саттва* (благо), *раджас* (скверна) и *тамас* (мрак). *Буддхи* имеет следующие три атрибута: *пратьякша* (восприятие), *упамити* (аналогия) и *анумити* (вывод). *Аханкара* также имеет три своих атрибута: *джнята* (субъект познания), *джнея* (объект познания) и *джнян* (обретённое знание).

III. Этот священный шнур ещё по-другому называют *триданди*. *Три* означает "три", а *данда* — "кара", "исправление" или "покорение". Такое наименование шнура напоминает его носителю о трёх великих "исправлениях" или покорениях, которые он должен совершить: (1) *вакья саньяма*;[103] (2) *манас саньяма*; и (3) *индрия* (или *деха*) *саньяма*. *Вакья* — это речь, *манас* — ум, а *деха* (букв. "тело") или *индрия* — чувства. Эти три покорения, следовательно, означают обретение контроля над своей речью, мыслями и поступками.

Шнур этот служит также напоминанием человеку и о его мирских обязанностях, а следовательно, даже материал, из которого он изготавливается, может быть самым различным в зависимости от основного рода занятий его носителя. Так, нить брахмана изготавливается из чистого хлопка, нить кшатриев (воинов) — из льна, который служит также для изготовления тетивы лука; а шнур у вайшьев (торговцев и скотоводов) — из шерсти. Из этого вовсе не следует, будто каста изначально задумывалась как что-то чисто наследственное. В древние времена всё зависело от качеств самого человека. В зависимости от своих личных достоинств или недостатков человек мог переходить или в более высокую, или в более низкую касту, и при этом совершенно не имело значения, к какой касте принадлежали его родители. Существует множество примеров того, как человек выбивался наверх, даже принадлежа к самой низшей из четырёх каст (Вишвамित्रа Риши, Парашара, Вьяса, Сатьякам и др.). Слова, сказанные об этом *Юдхиштхирой*, когда он отвечал на вопросы великого змея в *Араньяпарве* "Махабхараты",[104] как и высказывание Ману по этому же предмету,[105] слишком широко известны, чтобы следовало здесь особо останавливаться на этом. Как "Ману",[106] так и "Махабхарата" — эти главнейшие скрепы индуизма — недвусмысленно утверждают, что, благодаря своим достоинствам, человек способен самостоятельно добиваться перехода из одной касты в другую, невзирая на своё происхождение.

Быстро приближается день, когда перед судом арийских риши всем этим так называемым брахманам придётся на деле доказывать, почему они не должны быть лишены того шнура, которого ничем не заслужили. Более того, недолжное употребление этого шнура привело их самих к

разложению. Вот тогда-то люди и оценят по достоинству ту великую честь, которая оказывается носителю этого шнура.

Нет недостатка в примерах того, что высочайшие знаки отличия носят на себе люди, вовсе недостойные этого. Именно таких и можно увидеть сплошь и рядом среди аристократий как Европы, так и Азии.

Чтение письма в запечатанном конверте[107]

П. Шринавас Роу (член Т.О.)

Несколько лет тому назад в один небольшой городишко в округе Беллари,[108] где я в то время служил, явился астролог-брахман. Звали его Венката Нарасимла Джоси, и родом он был из деревни Перьясамудрам, что находится в провинции Майсур. Он писал прекрасные стихи на санскрите, телугу и каннарском языке,[109] был превосходным знатоком ведийских ритуалов, великолепно разбирался в индийской астрономии и называл себя астрологом.

Но, помимо этого, он обладал ещё одной способностью: он мог прочитать любое запечатанное в конверте письмо. Обычно бывало так. Мы брали листок бумаги и писали на нём всё, что нам взбрёт в голову. Затем листок этот вкладывали в один, два или три конверта, каждый конверт тщательно заклеивали, запечатывали печатью и вручали всё это нашему астрологу. Он просил нас назвать ему любое число от одного до девяти и после этого удалялся на короткое время в какое-то уединённое место. Когда же он возвращался, то в одной руке держал лист бумаги, весь испещрённый какими-то числами, а в другой — копию того, что было заключено в запечатанных конвертах. И всё точно сходилось — буква в букву и слово в слово! Я, как и многие другие, не раз пытался поймать его на каком-нибудь обмане, но каждый раз все мы убеждались в его неизменной точности, и никакого жульничества не оказывалось и в помине.

Примерно тогда же к нам с очередной инспекцией приехал некий г-н Тейягараджа Мудальяр. Он служил инспектором в департаменте общественных работ, занимался исследованиями английской словесности и писал превосходные стихи на санскрите и телугу.

Прослышав о способностях нашего астролога, он тоже решил испытать его и выбрал для этого способ, который полагал самым убедительным для себя. В одно прекрасное утро он вручил ему конверт, запечатанный самым небрежным образом, и обратился к нему с такими словами:

— Вы можете взять этот конверт с собою. А теперь отправляйтесь

домой и в полдень возвращайтесь со своей копией написанного мною текста.

Та небрежность, с которой был заклеен конверт, и разрешение взять его с собою домой на несколько часов немало удивили брахмана, и он воскликнул:

— Зачем же нести его домой? Лучше запечатайте конверт как следует и предоставьте мне какую-нибудь комнату здесь же. Мне не потребуется много времени.

— Нет, — возразил Мудальяр, — возьмите именно этот конверт и возвращайтесь, когда вам будет угодно. А я уж найду способ определить обман, если таковой будет иметь место.

Так астролог и отправился к себе домой вместе с этим конвертом. К Мудальяру он вернулся ровно в полдень. Я и ещё человек двадцать моих товарищей уже были на месте в назначенное время. Астролог с подчёркнутой бережностью вручил Мудальяру конверт и попросил проверить его, всё ли с тем в порядке.

— В этом нет никакой необходимости, — ответил тот. — Я в любом случае обнаружу обман. Где ваш текст?

Тогда астролог передал Мудальяру листок бумаги, на котором были написаны четыре строчки текста, утверждая, что это и есть копия той самой записки, которая была вложена в принадлежащий Мудальяру конверт. Четыре же написанные строчки представляли собой отрывок из одной старинной поэмы.

Мудальяр прочитал текст один раз, потом другой. Лицо его лучилось выражением полного удовлетворения, и он просидел так, не издавая ни звука, несколько секунд. Он, похоже, никак не мог прийти в себя от крайнего изумления. Но вскоре выражение на его лице переменилось, он вскрыл конверт и бросил его содержимое астрологу, насмешливо говоря при этом:

— А вот вам и сам оригинал, с которого вы сняли свою копию!

Перед нашими глазами на столе лежал лист бумаги, и он был *совершенно чист*! На чистойшей его поверхности не было написано ни одного слова, ни единой буквы!

Грустное разочарование читалось на лицах всех поклонников нашего астролога. Сам же астролог стоял, как громом поражённый. Он задумчиво взял листок в руки, внимательно рассмотрел его с обеих сторон, а затем в припадке ярости швырнул его наземь. Потом вдруг поднялся и воскликнул:

— Выходит, моё *видья* (тайное знание, магия) — это обман, а сам я — лжец!

Последующее поведение несчастного перепугало нас не на шутку. Переживаемое им крайнее разочарование, казалось, могло подвигнуть его на самый безрассудный поступок. Он и в самом деле порывался броситься головой вниз в колодец, не переставая кричать, что отныне он обесчещен.

Пока мы пытались его успокоить, Мудальяр вдруг вышел вперёд, ухватил его за руки и умоляющим голосом принялся упрашивать его спокойно сесть и выслушать собственное его, Мудальяра, объяснение, говоря при этом, что никакой брахман *не* лжец, а написанный им текст безупречно точен. Но астролог всё не унимался, решив, что таким способом его пытаются просто успокоить, и он не переставал самыми последними словами клясть и себя самого, и горькую свою судьбу. Впрочем, через несколько минут он немного приутих и уже был в состоянии выслушать объяснение Мудальяра, которое в главных своих чертах состояло в следующем.

Как скептик мог бы объяснить данный феномен? Для этого существовал лишь один способ: предположить, что астролог умел каким-то ловким приёмом вскрывать конверты и затем знакомиться с их содержимым. "Поэтому," — рассказывал Мудальяр, — "я и решил воспользоваться нитратом серебра, чтобы написать четыре строчки из какой-нибудь старинной поэмы. Невидимый текст может проявиться только при солнечном свете — здесь-то астролог и поймается на обмане, каким бы хитрым приёмом ни пытался он вскрыть конверт, чтобы узнать содержание вложенной туда записки. Ведь вскрый он только конверт и взгляни на бумагу, как тут же увидел бы, что лист совершенно чист. Тогда он вновь запечатал бы конверт и во всеуслышанье объявил, что во вложенной записке ничего не написано. Но лишь положи он, намеренно или случайно, листок бумаги на солнечный свет, как текст тогда отчётливо проявился бы, он легко снял бы с него свою копию и заявил, что сделал это с помощью своего *видьи*. Но при любом раскладе дела проявившийся текст так и остался бы на бумаге, обман с его стороны оказался бы совершенно явным, и всем стало бы вполне очевидно, что он *на самом деле* вскрывал конверт. В данном же случае результат нашего испытания служит лучшим подтверждением того, что конверт не вскрывался вовсе".

[Объяснение это, вполне удовлетворившее многих из нас, не возымело никакого действия на астролога. Он ничего не хотел знать ни о нитрате серебра, ни о каких-либо его свойствах. Он требовал наглядных доказательств, и те вскоре были ему представлены. Не успели мы вместе с этим злосчастным листком выйти в открытый двор и подставить бумагу под лучи солнца, как — о чудо! — на ней стали проступать буква за буквой и слово за

словом. И когда таким образом проявились все письмена, то оказалось, что они в точности совпадают с той запиской, которую ранее предъявил наш астролог в качестве копии оригинала.

Если астролог наш сперва чуть не сошёл с ума от горя, то теперь он вконец обезумел от радости. Слёзы благодарности ручьём катились у него из глаз, пока он принимал из наших уст бесчисленные похвалы в адрес его *видьи*, и того гуру, что передал это *видья* ему. Разумеется, способности его, продемонстрированные в этом феномене, были по достоинству оценены и Мудальяром, и всеми присутствующими; и с того самого дня слава его росла всё шире, и уже никто более не подвергал сомнению его *видью*.

Как мне рассказывали, в провинции Майсур сегодня живёт ещё несколько человек, проявляющих такое же умение в оккультных вопросах. А в Президентском колледже в Мадрасе среди профессоров-индусов трудится и некий брамин, владеющий этим видом *видьи* в совершенстве. В течение многих лет он даже демонстрировал это своё умение с большим успехом.][110]

Двенадцать знаков зодиака[111]

Т. Субба Роу

Практика деления зодиака на ряд различных знаков восходит к незапамятной древности. С тех пор она прижилась во всём мире, и сегодня её можно встретить в астрологических системах самых разных народов. Антикварию приписывают изобретение зодиака, как и его знаков, различным народам. Некоторые утверждают, что изначально знаков было только десять, но позднее один из них был разбит на два отдельных, и к общему их ряду оказался затем добавлен ещё один, новый, знак, дабы углубить эзотерический смысл всей системы и при этом как можно надёжнее скрыть его от непосвящённой публики.

Что же касается подлинной философской идеи подобного деления, то своим происхождением она вполне могла быть обязана какому-то одному конкретному народу, а уж затем названия всех этих разнообразных знаков могли быть просто переведены на языки других народов. Однако главной задачей этой статьи является вовсе не выяснение вопроса о том, какому именно народу принадлежит честь изобретения этих знаков, а попытка *несколько* приоткрыть читателю заключённый в них подлинный философский смысл и *чуть-чуть* подсказать ему путь, по которому стоит идти, чтобы раскрыть для себя также и ту часть общего смысла этих знаков, которая остаётся пока ещё скрытой от него. Впрочем, из сказанного в данной статье читатель может сделать вполне справедливый

вывод о том, что, как и многие другие философские мифы и иносказания, зодиак с его знаками обязан своим происхождением древней Индии.

Так каковы же его подлинные истоки и какова та философская идея, которую должен выражать зодиак с его знаками? Призваны ли все эти знаки лишь указывать на внешнюю форму относящихся к ним созвездий и на характер расположения в них звёзд? Или всё это просто маски, долженствующие скрывать под собой какой-то тайный смысл?

Что касается первого из двух этих предположений, то оно представляется совершенно несостоятельным по следующим двум причинам:

I. Индусы были прекрасно знакомы с таким явлением, как предварение равноденствий, в чём можно легко убедиться, обратившись к их астрономическим трактатам и опубликованным альманахам. А значит, им было отлично известно, что связанные с зодиакальными знаками созвездия не стоят на месте. Вот почему этим движущимся группам зафиксированных звёзд и не могли приписываться никакие конкретные очертания с привязкой к тем или иным знакам зодиака. Тем не менее, названия зодиакальных знаков на протяжении всего времени не менялись. Из этого мы можем заключить, что наименования всех этих знаков не имеют ни малейшего отношения к характеру расположения звёзд в связанных с ними созвездиях.

II. Писавшие на санскрите древние авторы давали знакам зодиака следующие названия и присваивали им следующие экзотерические, то есть буквальные, значения:

Наименования знаков	Их экзотерическое или буквальные значения
1 Меша	Баран, Овен (<i>Aries</i>)
2 Ришабха	Бык, Телец (<i>Taurus</i>)
3 Митхуна	Близнецы (<i>Gemini</i>) (мужчина и женщина).
4 Каркатака	Краб, Рак (<i>Cancer</i>)
5 Симха	Лев (<i>Leo</i>)
6 Канья	Дева (<i>Virgo</i>) ^[112]
7 Тула	Весы (<i>Libra</i>)
8 Вришчика	Скорпион (<i>Scorpio</i>)
9 Дханус	Стрелец (<i>Sagittarius</i>)
10 Макара	<i>Козерог (Capricornus)</i> (на санскрите — Крокодил)
11 Кумбха	Водолей (<i>Aquarius</i>)
12 Мина	Рыбы (<i>Pisces</i>)

Ни одно из созвездий, включённых в этот список при самом первом

формировании зодиака, по своим очертаниям ничуть не напоминает ни животных, ни пресмыкающихся, ни какие-либо иные предметы или существа, от которых получили своё название знаки зодиака. В справедливости нашего утверждения можно легко убедиться, если взглянуть в очертания различных созвездий. Может быть, в воображении наблюдателя, устремлявшего свой взор на звёзды, и возникал образ крокодила[113] или рака, но чрезвычайно маловероятно, чтобы звёзды, сияющие на синем куполе небосвода, сами выстроились так, чтобы своим очертанием навести наблюдателя на мысль об этих существах.

Итак, если очертания созвездий не имеют никакого отношения к происхождению наименований зодиакальных знаков, то, значит, нам нужно поискать какой-то другой породивший их источник. А стало быть, передо мной встаёт задача развеять известную таинственность, связанную с этими зодиакальными знаками, и приоткрыть читателю некоторые высокие идеи древнеиндийской философии, из которых эти названия и родились.

Каждый знак зодиака включает в себе не одно, а несколько значений. С одной стороны, они показывают нам те различные стадии, которые прошла эволюция к моменту, когда наша нынешняя материальная Вселенная вместе со своими пятью первоэлементами вступила в стадию феноменального существования. Как указывает автор "Разоблачённой Иисиды" во втором томе своей превосходной книги, "ключ должен быть повернут *семь раз*" для того, чтобы нам во всей полноте открылась философия, лежащая в основе этих знаков. Я же поверну ключ лишь на один оборот и изложу здесь содержание только *первой главы* Истории Эволюции.

Нам очень повезло, что санскритские названия, присвоенные арийскими философами различным знакам зодиака, уже сами содержат в себе ключ к решению этого вопроса. Те из моих читателей, которые смогли хотя бы бегло познакомиться с древнеиндийскими мантра- и тантра-шастрами[114], уже знают, что очень часто санскритским словам можно придавать дополнительный тайный смысл с помощью хорошо известных и тщательно разработанных методов, а также используя некоторую негласную договорённость, и при этом буквальный смысл тех же самых слов в корне изменяется. Вот несколько правил, которые могут помочь исследователю выявить глубинный смысл того или иного старинного санскритского термина, встречающегося в древнеарийских мифах и иносказаниях.

1. Поиск синонимов интересующего вас слова, которые могут иметь и иные значения.
2. Установление числового значения составляющих слово букв по методике, указанной в древних работах по тантрике.

3. Анализ древних мифов и иносказаний, если таковые имеются, которые могут иметь прямое отношение к тому слову, смысл которого выясняется.

4. Пермутация[115] различных составляющих слово слогов и анализ вновь образованных сочетаний и их смысла и проч. и проч.

А сейчас я с помощью некоторых из вышеперечисленных правил проанализирую названия двенадцати знаков зодиака.

I. *Меша*. — Одним из синонимов этого слова является слово *аджа*. А слово *аджа* в буквальном смысле означает "нерождённое" и в некоторых разделах упанишад применяется по отношению к вечному Брахману. Следовательно, под первым знаком мы должны понимать *Парабрахмана* — самосушую, вечную и самодостаточную причину всего.

II. *Ришабха*. [116] — Это слово неоднократно употребляется в упанишадах и ведах для обозначения *пранавы* (Аум). [117] Именно так толковал это слово и Шанкарачарья в ряде мест своего комментария. [118]

III. *Митхуна*. — Как показывает уже само это слово, [119] знак этот должен обозначать первого андрогина, Ардханаришвару, указывать на двуполость Сфиры-Адама Кадмона.

IV. *Каркатака*. — Если, пользуясь общим правилом трансмутации, столь часто упоминаемой в "мантра-шастре", перевести слоги этого слова в соответствующие числа, то окажется, что слово это можно представить в следующем виде: // // // // . Знак этот со всей очевидностью должен обозначать священную *Тетраграмму*; *Парабрахматхараку*. [120] Это *пранава*, разложенный на четыре отдельных сущности, соответствующие его *четырем матрам*. [121] Это *четыре авастхи*: [122] джаграта авастха (состояние бодрствования), свапна авастха (состояние сна со сновидениями), сусупти авастха (состояние глубокого сна без сновидений) и турия авастха (последняя стадия, т.е. нирвана; это состояние пока ещё находится в потенциальности); *четыре состояния Брахмана*: вайшванара, [123] тайджаса [124] (или хираньягарбха), праджня [125] и ишвара, [126] которые представлены в лице Брахмы, Вишну, Махишвары и Садашивы. [127] Это *четыре аспекта Парабрахмана*: стхула (грубый), сукшма (тонкий), виджа [128] (семя), и сакши (свидетель). [129] Это *четыре стадии* [развёртывания] *или состояния Священного Слова*: пара, пашьянти, мадхьяма и вайкхари; [130] *надам, бинду, шакти и кала*. [131] Этим знаком завершается символизация первой четверицы.

V. *Симха*. [132] — Это слово включает в себе целую бездну оккультного смысла, но с моей стороны было бы весьма неосмотрительным раскрывать здесь его значение в полном объёме. Для выполнения нашей задачи будет вполне достаточно указать на его смысл в самых общих чертах.

У этого слова есть два синонима — *панчасья*[133] и *хари*,[134] однако его место в порядке зодиакальных знаков (а он стоит пятым по счёту) ясно указывает на первый синоним. Как показывает нам этот синоним (*панчасья*), под знаком Симха понимаются *пять Брахм*: Ишана, Агхора, Татпуруша, Вамадева и Садьеджата — *пять будд*.

Второй же синоним указывает на то, что здесь подразумевается Нараяна — *дживатма* или *пратьягатма*. [135] Судя по "Шукарахасья-упанишаде", древнеарийские философы толковали Нараяну как дживатму. [136] С этим могут не согласиться вишнуиты. Однако, будучи адвайта-ведантистом, я не вижу ни малейшего различия между *дживатмой* и *параматмой*, если мы говорим об их истинной сущности, истинной эссенции, очищенной от её иллюзорных атрибутов, порождаемых *аджняной* или *авидьей* — неведением. Дживатма совершенно справедливо размещается под пятым знаком, если считать от Меши, поскольку пятый знак — это *путрастхана*[137] — то есть, согласно правилам индуcской астрологии, сыновний дом. Этот знак символизирует собой *дживатму* — как бы сына *параматмы*. [138] (Я мог бы также добавить, что он символизирует и подлинного Христа, помазанника чистым духом, хотя подобное толкование может покоробить многих христиан). [139] Скажу только, что без полного понимания характера этого знака будет невозможно понять и верный порядок следования дальнейших трёх знаков и их глубокий смысл. Те элементы или сущности, которые в этом знаке обладают лишь чисто потенциальным существованием, превращаются в следующих трёх знаках в самостоятельные отдельные сущности. Объедините их в единую сущность — и погибнет феноменальная Вселенная, поскольку останется один только чистый дух, тогда как их разделение имеет противоположный эффект: оно порождает материальное, исключительно земное бытие, а вместе с ним и калейдоскоп картин, нарисованных *авидьей* (незнанием) и *майей* (иллюзией). При правильном понимании самого написания наименования этого знака будет легко заметить, что следующие три знака не вполне такие, какими они должны были бы быть. Канья (Дева) и Вришчика (Скорпион) должны образовывать один единый знак, а Весы (Тула) должны были бы следовать за ним, если вообще есть нужда в том, чтобы иметь знак под таким именем. Однако было произведено разделение этого единого знака, и между Каньей и Вришчиковой был вставлен знак Тула. Смысл этого разделения станет ясен, если мы обратимся к значениям этих трёх знаков.

VI. *Канья*. — Этот знак обозначает непорочную девственницу и символизирует собою *шакти*, или *махамайю*. Рассматриваемый знак является шестым *раши* (делением) по счёту и указывает на существование шести первосил в природе. В санскритской философии существуют несколько наборов наименований для обозначения этих сил, и, по одной из терминологических систем, эти силы имеют следующие названия: [140]

— (1) пара-шакти; (2) джняна-шакти; (3) иччха-шакти (сила воли); (4) крия-шакти; (5) кундалини-шакти; и (6) матрика-шакти. Синтезом же шести сил является *астральный свет*.^[141]

VII. *Тула*. — Если, по упомянутому выше методу, представить наименование этого знака в числовом выражении, то мы увидим, что у нас получится число 36. А значит, этот знак со всей очевидностью должен символизировать 36 *таттв*.^[142] (Количество таттв может различаться от взглядов различных философов, но шактисты^[143] в целом, как и ряд древних риши (Агастья, Дурваса, Парашурама и др.), насчитывают 36 таттв.) Различие между дживатмой и параматмой^[144] — или, иначе говоря, между "баддха" и "мукта"^[145] — состоит в том, что первый [дживатма] как бы помещён внутри этих 36 таттв, а второй свободен. Этим знаком открывается дорога к земному Адаму — Наре,^[146] и в качестве эмблемы Нары этот знак занимает своё законное седьмое место.

VIII. *Вришчика*. — По словам древних философов, Солнце, когда оно находится в этом *раши* (знаке), носит имя Вишну (см. скандху [книгу или песню — *перев.*] XII "Бхагавата-пураны"). Этот знак и назначен символизировать Вишну. Имя Вишну в буквальном переводе означает *расширенный, расширившийся* — расширившийся как *вишва, Вселенная*. Собственно говоря, вишва — это и есть сам Вишну (см. комментарий Шанкарачарьи к "Вишну-сахасранаме"^[147]). Как я уже дал понять выше, Вишну олицетворяет собой *сваннавахту*, то есть *состояние сна со сновидениями*. Этот знак и обозначает Вселенную, покоящуюся в мысли, в божественном замысле.

Вполне справедливо, что знак этот располагается как раз против знака Ришабха, знака пранавы. Следуя аналитическим путём, спускаясь от пранавы ниже, мы приходим к покоящейся в мысли Вселенной, а следуя синтетическим путём и поднимаясь вверх, мы приходим к пранаве (Аум). Итак, мы подошли к тому идеальному состоянию Вселенной, которое предваряет её переход к материальному существованию. Расширение виджи, то есть перевозачатка, и превращение его во Вселенную возможно лишь в том случае, когда майя соединится с дживатмой через 36 "таттв"^[148]. Состояние сна со сновидениями наводится как раз посредством этих "таттв". Именно существование этих таттв и позволяет возникнуть *хамсе*. Уберите эти таттвы — и начнётся процесс синтеза в сторону пранавы и Брахмана, а *хамса* трансформируется в *сохам*.^[149]

Задачей трёх этих знаков — Каны, Тулы и Вришчики — является увековечить различные стадии эволюции, протекающей от Брахмана до материальной Вселенной, а потому они и размещены в сегодняшнем порядке, то есть как три самостоятельных знака.

IX. *Дханус* (Стрелец). — В числовом выражении наименование этого знака означает 9, и знак этот стоит девятым по счёту, начиная со знака Меша. А

значит, знак этот со всей очевидностью указывает на существование девяти *Брахм* — девяти праджапати, помогавшим демиургу выстраивать материальную Вселенную.

Х. Макара. [150] — Истолковать смысл этого знака не так-то легко. Тем не менее, уже в самом его наименовании содержится ключ к верной интерпретации. В числовом выражении буква "ма" [151] означает число 5, а *кара* значит "рука". Но в санскрите есть слово *трибхуджа*, которое означает "треугольник", а слово *бхуджа* (или его синоним, *кара*) значит "сторона". Таким образом, слово макара (или панчакара) обозначает *пятиугольник*. [152]

Далее, знак Макара занимает десятое место в зодиаке, но дело в том, что в санскрите есть особый термин, который широко применяли древние философы для обозначения граней или сторон Вселенной: это слово *дашадиша*. [153] Этот знак должен символизировать стороны Вселенной и указывать на то, что форма Вселенной определяется *пятиугольниками*. Допустим, что это правильные пятиугольники (исходя из предположения, что Вселенная симметрична по своему строению), и тогда материальная Вселенная, разумеется, примет форму двенадцатигранника, *додекаэдра* — то есть ту геометрическую форму, по образцу которой демиург выстраивал материальную Вселенную.

Если знак Тула был изобретён гораздо позднее всех остальных знаков зодиака и вместо трёх отдельных знаков — Канья, Тула и Вришчика — раньше стоял всего лишь один знак, совмещавший в себе знаки Канья и Вришчика, то рассматриваемый нами знак Макара в прежней системе занимал восьмое место, и в этом смысле примечательно, что санскритские авторы широко употребляют также и термин "аштадиша", то есть "восемь сторон", определяющих форму пространства. Вполне возможно, что число этих "диша", сторон, было заменено с 8 на 10 после того, как прежний знак, Дева-Скорпион, был разбит на три отдельных знака.

С другой стороны, под словом *кара* можно понимать также и те треугольники, что образуют пятиконечную звезду. Эта фигура с тем же правом может рассматриваться как своего рода правильный пятиугольник (см. Todhunter, "Spherical Trigonometry" ["Сферическая тригонометрия"], p. 143). Если согласиться с подобным толкованием, то этот наш *раши*, или знак, Макара, будет обозначать "микрокосм". Однако "микрокосм", то есть покоящийся в мысли мир, на самом деле уже обозначен знаком Вришчика. В объективированном же смысле "микрокосм" символически выражен в форме человеческого тела, и знак Макара мы можем принять как обозначение одновременно и микрокосма, и макрокосма — как совокупности внешних объектов восприятия.

В связи с этим знаком мне хотелось бы ещё упомянуть несколько важных фактов, которые я прошу иметь в виду всех интересующихся оккультными

науками древней Индии. Среди древних философов широко бытовало мнение, что макрокосм подобен микрокосму, и подобие это заключается в том, что макрокосм, как и микрокосм, обладает собственной *стхула шарирой* и *сукшма шарирой*. [154] Весь зримый универсум представляет собой *стхула-шариру вишвы*, но, как полагали древние философы, существует ещё и другая Вселенная, служащая субстратом видимой. Вероятно, мы могли бы назвать её Вселенной астрального света — это реальная Вселенная ноуменов, она является как бы душой нашей видимой Вселенной.

В ряде мест вед и упанишад можно встретить глухой намёк на то, что эту скрытую Вселенную астрального света можно представить себе в виде двадцатигранника, *икосаэдра*. Дело в том, что между икосаэдром и додекаэдром существует весьма необычная и любопытная связь, хотя обе фигуры внешне как будто совсем и не похожи друг на друга. Однако связь эту можно увидеть с помощью следующего геометрического построения. Опишите вокруг икосаэдра сферу, затем к граням икосаэдра прочертите перпендикуляры от центра сферы так, чтобы они соединились с поверхностью сферы. Если, далее, соединить между собой все точки пересечения, то внутри сферы у нас образуется додекаэдр. Точно таким же образом можно из додекаэдра получить икосаэдр (см. Todhunter, "Spherical Trigonometry," p. 141, art. 193). Построенную вышеуказанным способом фигуру мы и будем понимать как образ материальной Вселенной и Вселенной астрального света в том виде, в каком они фактически существуют. Однако я не стану здесь разъяснять, каким образом можно икосаэдр представить в виде символа Вселенной астрального света. Скажу только, что от этой древнеарийской философской концепции нельзя отмахиваться как от какой-то "богословской галиматши" или плода безумной фантазии. Думаю, подлинный смысл этой концепции можно разъяснить, лишь обратившись к психологии и физической науке древности. Но здесь я должен остановиться и перейти к описанию значений двух последних знаков.

XI. *Кумбха* [155] (Водолей). — В числовом выражении это слово эквивалентно 14. А значит, как можно легко догадаться, знак этот символизирует "чатурдаша бхувана", то есть 14 лок, о которых говорится в санскритской литературе.

XII. *Мина* [156] (Рыбы). — Опять-таки числовое значение этого слова — 5, и очевидно, что оно должно передавать идею "панчамахабхута", то есть пяти первоэлементов. [157] Этот знак также предполагает, что вода (но не обычная вода, а тот великий растворитель, о котором говорили древние алхимики) — это важнейший элемент из всех существующих.

На этом я завершаю свою статью, выполнив, таким образом, стоящую передо мной задачу. Целью моей не являлось разъяснение собственно

древней теории эволюции, я хотел лишь указать на связь, существующую между этой теорией и принципами деления зодиака на отдельные знаки. В этой статье я осветил лишь самую малую часть той философии, которая воплощена в этих знаках. Тот покров, что был искусно наброшен древними философами на отдельные вопросы, связанные с тайной этих знаков, *никогда не будет приподнят ради удовлетворения праздного любопытства или просвещения непосвящённой аудитории.*

А теперь подведём краткий итог того, о чём было рассказано в этой статье — то есть того, что составляет содержание первой главы книги истории нашей Вселенной:

1. Самосущий, вечный Брахман.
2. Пранава (Аум).
3. Андрогин Брахма (или двуполоый Адам Кадмон-Сфера).
4. Священная тетраграмма — четыре матры пранавы — четыре авастхи — четыре состояния Брахмы — священный дхарак. [158]
5. Пять Брахм — пять Будд, символизирующих в своей совокупности дживатму.
6. Астральный свет — святая Дева — шесть сил природы.
7. Тридцать шесть таттв, рождаемых авидьей.
8. Вселенная, покоящаяся в мысли — свапна авастха — микрокосм при взгляде на него с субъективной стороны.
9. Девять праджапати — помощники демиурга. [159]
10. Та материальная Вселенная, что покоится в уме демиурга, имеет форму додекаэдра.
11. Четырнадцать лок.
12. Пять элементов.

Книга истории сотворения — в том числе и нашего мира — от её начала до наших дней заключает в себе *семь* глав. *Седьмая* глава ещё не дописана до конца.

Трипликан, Мадрас, 14 сентября 1881 г.

Здесь мы хотим выразить признательность учёному председателю общества "Ади Брахмо Самаджи" за любезность, которую он оказал нам, прислав в редакцию журнала следующие два рассказа о йогах, один из которых совершил немыслимое: силой воли поднял своё тело в воздух и удерживал его там, обходясь без малейшей видимой опоры. Принимаемая йогом поза, когда он готовится к медитации, то есть к сосредоточению на духовных предметах, называется асана. В числе этих поз есть так называемая падмасана,^[161] а также целый ряд других. Бабу Раджнараин Босе перевёл этот рассказ, взяв его из одного очень старого номера "Татвабодhini Патрика" — выходящего в Калькутте печатного органа общества "Брахмо Самадж". Автором статьи был тогдашний редактор "Патрики", Бабу Аккхая Кумар Далта, о котором Бабу Раджнараин весьма уважительно отзывается в следующих словах: "Человек, для которого истина неизменно стояла на первом месте, дотошный наблюдатель, всегда отличавшийся строгой точностью в передаче деталей всего того, что ему доводилось лично наблюдать".

Йог по имени Сишал

Несколько лет тому назад некий декканский йог по имени Сишал на виду у многочисленных зрителей, включавших в себя как индусов, так и англичан, в Мадрасе поднялся в воздух, не меняя своей первоначальной асаны. Рисунок, запечатлевший этого йога, позу, которую он занимал, а также ряд других связанных с ним подробностей, можно увидеть в "Сэтердэй Мэгэзин" на 28-й странице. Тело его целиком находилось в воздухе, и одной только правой рукой он слегка касался свёрнутой в трубку оленьей шкуры, которая была прочно привязана к медному стержню, накрепко вставленному в деревянный столик, стоявший на земле на всех своих четырёх ножках. Пребывая в этом положении, йог и совершал свой *джана* (мистическое созерцание), при этом глаза его были полузакрыты. В ту минуту, когда он отрывался от земли и когда, возвращаясь, касался её, ученики накрывали его одеялом. "Татвабодhini Патрика", месяц *чайтра* года 1768 эры Шакабда^[162] (что соответствует марту 1847 г.)

Бхукайласский йог

У многих ещё, вероятно, свежа память о необыкновенных способностях святого, появившегося в Бхукайласе, что в Киддерпуре, около 14 лет тому назад. В месяце *асар* года 1754 эры Шакабда (в 1834 году по христианскому календарю) он был приведён в Бхукайлас из Ширпура, где жил под покровительством Хари Сингха, *дурвана* (привратника) м-ра Джонса. Обходясь без пищи и питья, он в течение трёх дней подряд с закрытыми глазами расхаживал по округе, после чего ему насильно влили в горло немного молока. Когда его не кормили насильно, он не принимал пищи вовсе. Казалось, он не сознавал ничего, что происходит вокруг него.

Чтобы вывести его из этого состояния, д-р Грэм попытался было применить нашатырь, однако после этого тот лишь начал дрожать всем телом, но из своего йогического состояния так и не вышел. Лишь три дня спустя ему удалось вернуть дар речи. Он сказал, что зовут его Дулла Набаб, а когда его принялись донимать другими вопросами, он произнёс лишь одно-единственное слово, из чего было сделано заключение, что родом он из Пенджаба. Когда же он слёг во время приступа подагры, за ним ухаживал д-р Грэм, однако йог отказался принимать лекарства как в виде порошков, так и микстуры. От болезни он был исцелён только с помощью прописанных ему доктором мазей и притираний. Умер он от холеры[163] в месяце *чайтра* года 1755 эры Шакабда (что соответствует марту 1847 г. по христианскому календарю).

---

[1] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 3, No. 6 (30), March, 1882. P. 140-142; No. 7 (31), April, 1882. P. 168-171 (*примеч. перев.*).

[2] Чела — ученик посвящённого гуру, или учителя — *Ред. Теос.*

[3] Олкотт, 2016. С. 174-177 (*примеч. перев.*).

[4] ТД., II, 1. С. 506-507, примеч. (*примеч. перев.*).

[5] ТД., II, 2. С. 144, примеч. (*примеч. перев.*).

[6] Mirza Moorad Alee Beg, 1881 (*примеч. перев.*).

[7] BCW, vol. VI. P. 241-244 (*примеч. перев.*).

[8] Ср.: "И ходил Енох пред Богом; и не стало его, потому что Бог взял его" (Быт. 5, 24) (*примеч. перев.*).

[9] То есть так, как об этом говорят Е.П. Блаватская, Махатмы, А.П. Синнетт и др. в своих книгах и статьях (*примеч. перев.*).

[10] Занони — имя посвящённого оккультиста, персонажа одноимённого романа Э.Б. Литтона. (Литтон, 1994; Lytton, 1842) (*примеч. перев.*).

[11] Мысль, доведённая до абсурда (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[12] Исходя из приведённой в Приложении № 2 классификации, астральное тело должно быть не "четвёртым", как сказано у автора статьи, а третьим "из семи". А под "вторым" в статье со всей очевидностью подразумевается прана (*примеч. перев.*).

[13] Вероятно, намёк на семь "злых духов" или "бесов", которые были изгнаны Иисусом из Марии Магдалины. См. Лук. 8,2: "После сего Он

проходил по городам и селениям, проповедуя и благовествуя Царствие Божие, и с Ним двенадцать, и некоторые женщины, которых Он исцелил от злых духов и болезней: Мария, называемая Магдалиною, из которой вышли семь бесов ..." (*примеч. перев.*).

[14] Эти слова не следует понимать в том смысле, что подобные люди могут быть начисто лишены одного или нескольких из семи своих принципов. Родившийся безруким человек, тем не менее, имеет аналог своей отсутствующей руки в тонком теле — просто он настолько латентен, что не смог развиваться, а потому о нём и говорят как о не существующем — Ред. *Теос*.

[15] Дхату — семь главных субстанций, образующих человеческое тело: лимфа, плоть, кровь, жир, кости, костный мозг, семя — *Г.М.*

[16] По-видимому, в тех случаях, когда радость бывает столь велика, что переживание её исчерпывает до дна запас жизненных сил человека (*примеч. перев.*).

[17] Эту способность Воли к созиданию, а вернее к восстановлению, афористически описал в своём "Буддистском катехизисе" полк-к Олкотт. В нём он показывает — рассуждая, разумеется, с позиций южного буддизма — что эта воля к жизни, если только она в человеке ещё окончательно не угасла, способна помочь ему перескочить через пропасть телесной смерти и изменить набор скандх, то есть группу качеств, которые и придают человеку всю его неповторимость, обратив его в новую личность. Человек, таким образом, может заново родиться, благодаря собственной неудовлетворённой жажде объективного существования. Полк-к Олкотт излагает это так:

Q. 123 *Что порождает у человека впечатление о наличии у него постоянной индивидуальности?*

А. *Таньха*, то есть неудовлетворённое желание жить. Совершив действие, за которое в будущем должна последовать либо награда, либо кара, обладающее *таньхой* существо должно повторно родиться в силу действия кармы.

Q. 124. *Что же именно должно повторно родиться?*

А. Новый набор скандх (то есть индивид), определяемый последним горячим желанием умирающего.

Q. 128. *Чем мы должны объяснить то различие в комбинациях пяти скандх, благодаря которым каждый отдельно взятый индивид отличается от всех остальных?*

А. Карме индивида, сформировавшейся в его последней предыдущей

жизни.

Q. 129. *Что это за сила или энергия, которая под действием кармы производит на свет новое существо?*

А. *Таньха* — "Воля к жизни". — Г.М.

[18] На с. 151 книги г-на Синнетта "Оккультный мир" многожды оболганный его корреспондент, само существование которого ставится под ещё больший вопрос, заверяет автора в том, что "ни один из достигших нашей степени посвящения непохож на сурового героя романа Бульвера" (Занони), — одного из . . . "тех бессердечных и душевно усохших мумий, какими чья-то фантазия хочет нас обрисовать", и, как он говорит, "мало кто из нас хотел бы играть в жизни роль иссохшей фиалки, заложенной между листками тома с трогательными стихами" [см. ПМ, № 8 — *перев.*]. Но наш адепт упускает один момент: он умалчивает о том, что поднимись он лишь на *одну-две ступени выше*, и ему пришлось бы смириться и подвергнуть себя в течение долгих лет подобной мумификации, не задумай он и в самом деле добровольно отречься от своих многолетних трудов и — умереть — Ред. *Теос*.

[19] *Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27, 46) (*примеч. перев.*).

[20] *Испытаниями* (*примеч. перев.*).

[21] *Иными словами, мысль способна породить действие.* — Г.М.

[22] Мы употребляем это слово во множественном числе, поскольку — напомним читателю — согласно нашему учению, человек имеет семеричную природу. — Г.М.

[23] Полк-к Олкотт в ясном и сжатом виде излагает буддийское учение о *заслугах* и *карме* в своём "Буддийском катехизисе" (Вопрос 83) — Г.М.

[К сожалению, автор неверно указывает номер вопроса, где излагается вышеуказанное учение. Теме "заслуг" посвящён целый ряд вопросов и ответов в "Катехизисе". Наиболее соответствующими данному контексту нам представляются вопросы и ответы, указанные под номерами 158-159, которые и хотим привести здесь для удобства читателя:

"158. *Вопр.:* Как охарактеризовал бы буддист истинную заслугу?

Отв.: Нет великой заслуги в одном только внешнем действии; всё зависит от внутренней мотивации, приводящей к тем или иным действиям.

159. *Вопр.:* Вы могли бы привести пример?

Отв.: Богатый человек может тратить лакхи [сотни тысяч] рупий на

строительство дагоб или вихар [святилищ и монастырей], на возведение статуй Будды, на праздники и процессии, на пропитание священников, на раздачу милостыни нищим или на посадку деревьев, на рытьё водоёмов или строительство постоянных дворов для странствующих, однако заслуга его окажется сравнительно невысокой, если всё это будет совершаться лишь напоказ или из желания поласкать свой слух людской похвалой или из каких-либо иных корыстных побуждений. Тот же, кто свершит малейшее из этих дел, но с добрым побуждением — например, во имя любви к своим собратьям — приобретёт великую заслугу. Любое доброе дело, совершаемое из дурных намерений, может принести пользу кому угодно, но только не тому, кто его совершает. Тот, кто одобряет добрые деяния, сделанные другими людьми, тот разделяет с ними и их заслуги, но лишь в том случае, *если сочувствие его истинно, а не притворно*. То же правило относится и к дурным поступкам" (Олкотт, Буддийский катехизис. Перевод с изменениями) (*примеч. перев.*).

[24] Жизненной силы или силы жизни (*примеч. перев.*).

[25] Строгий запрет евреям **служить** "богам своим, на высоких горах и на холмах" восходит к нежеланию их древних старейшин позволять людям, в большинстве своём неготовым к пути адепта, вести аскетический образ жизни и давать обет безбрачия — иными словами, стремиться стать адептами. Этот запрет изначально имел эзотерический подтекст, прежде чем его истинный смысл был окончательно забыт и от запрета осталась одна только ничего никому не говорящая мёртвая буква: ведь не одни только сыны Индии воздавали божественные почести Мудрейшим, но и все народы Земли почитали своих адептов и посвящённых как божеств. — Г.М.

"Истребите все места, где народы, которыми вы овладеете, служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом..." (Втор. 12, 2) (*примеч. перев.*).

[26] Паразитический круглый червь, возбудитель дракункулёза (*примеч. перев.*).

[27] Он пребывает в состоянии, похожем на физическое состояние человеческого внутриутробного плода. — *примеч. Г.М.*

[28] Кутикула — плотное образование на поверхности клеток эпителиальной ткани, покрывающей внутренние органы. Выполняет главным образом защитную и опорную функции (*примеч. перев.*).

[29] В этой связи нам хотелось бы показать читателю, что говорит современная наука, в частности физиология, о значении человеческой силы воли. "Сила воли — это могучий фактор, определяющий срок жизни человека. Это, пожалуй, единственный момент, по которому не может

быть двух мнений: если мы возьмём двух человек, во всех отношениях похожих друг на друга и находящихся в одинаковых обстоятельствах, то увидим, что тот, у кого окажется больше мужества и твёрдости характера, тот и проживёт дольше другого. Не нужно быть особенно искушённым медиком, чтобы заметить вот какую вещь: случается, что умирают люди, которые могли бы ещё жить и жить, обладай только они твёрдой решимостью к тому, и десятки тысяч инвалидов могли бы пойти на поправку, если бы у них оказалась врождённая или приобретённая воля и они могли бы твёрдо сказать самим себе: "Я буду жить". Есть люди, у которых в организме не осталось уже ничего пригодного для жизни, почти все телесные органы у них поражены болезнью, каждый прожитый день доставляет им одно лишь мучение, они находятся в таких условиях, которые лишь укорачивают им срок жизни, и, тем не менее, они живут — живут *одной только* волей к жизни". — *Д-р Джордж М. Биэрд* [очевидно, примечание принадлежит Г.М. — Пер.].

[30] Вот как описывает "Стража Порога" Т. Субба Роу в своих "Комментариях к "Бхагавадгите":

"Многие наши читатели, вероятно, наслышаны о так называемом "Страже Порога", столь ярко описанном в романе Булвер-Литтона "Занони". Судя по авторскому описанию, "Страж Порога" — это некий дух стихий или загадочное чудовище иного рода, которое предстаёт перед глазами неофита в тот самый миг, когда тот готов уже вот-вот вступить в какую-то таинственную страну. "Страж Порога" пытается поколебать его решимость, грозя ему неведомыми опасностями, которые неизбежно обрушатся на него в том случае, если он окажется внутренне неготовым к этому шагу.

В действительности же такого чудовища не существует. Это описание следует воспринимать метафорически. И, тем не менее, нечто подобное "Стражу Порога" действительно существует, и воздействие его на психику бывает гораздо сильнее любого ужаса, испытываемого человеком на физическом плане. Настоящий "Страж Порога" рождается из чувства отчаяния и упадка духа, переживаемого неофитом, от которого требуется навсегда порвать с прежней привязанностью к близким, родителям и детям, а также покончить со всем тем, к чему по-мирски тщеславно тянулся прежде, несмотря на то, что всё вместе это неизменно сопровождало его на протяжении, возможно, не одного его воплощения. Когда же от него требуют поставить на всём этом крест, то его охватывает ощущение пустоты, которое развеется лишь позже, когда у него сложится осознание своих новых, возросших возможностей. Порвав со всем тем, что неотступно сопутствовало ему до сих пор, он перестаёт видеть какой бы то ни было смысл в самой жизни. Он словно бы утрачивает всякую надежду, перестаёт понимать, ради чего стоит жить и трудиться. Он не замечает ни одного-единого знака, который сулил бы ему хоть какой-нибудь успех в

грядущем. Перед глазами его стоит один лишь непроглядный мрак, а на душе лежит тяжесть, под грузом которой она никнет в бессилии, и зачастую такой человек готов уже сдаться и похоронить все свои былые мечтания о движении вперёд. Но если на его месте окажется человек, не готовый сдать своё поле боя без борьбы, то он победит собственное отчаяние и у него найдутся силы, чтобы не свернуть со своего Пути" (Subba Row, 1886. P. 281-282) (*примеч. перев.*).

[31] Параллельно с (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[32] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 10(58), July, 1884. P. 242-243. Текст статьи, включённой в сборник "Пять лет теософии", в незначительных деталях отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[33] То есть иллюзорных внешних оболочек, скрывающих внутри себя внутреннего человека, его истинное и бессмертное "я". См. также УТ (*примеч. перев.*).

[34] Параматман [от *парама* "наивысший" + *атман* "я"] Наивысшее "Я"; то "Я", которое выше "я" человеческого эго. Применительно к человеческой структуре под *параматманом* понимаются три наивысших принципа, в которых главная роль принадлежит *атману*. Таким образом, эта не имеющая формы ("*арупа*") триада обобщённо называется *параматманом* и выступает вершиной той иерархии, которую представляет собой человек. Также понимается как первоисточник, из которого возникает сам *атман* в триаде *арупа*. Следовательно, *параматман* — то, что стоит даже выше и находится вне пределов *атмана* (наивысшего "Я") в любой иерархии, это первый (или непроявленный) логос Вселенной (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[35] Великая иллюзия существования (*санскр.*) (*примеч. перев.*).

[36] Иначе говоря, на шестом или седьмом витке текущей эволюционной спирали между двумя периодами "ничто" (праляями). Мы же, согласно эзотерической философии, пока пребываем лишь на четвёртом витке, то есть в четвёртом Круге (*примеч. перев.*).

[37] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 5(53), February, 1884. P. 112-114. Текст статьи, включённой в настоящий сборник, в незначительных деталях отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[38] Созерцание (*примеч. перев.*).

[39] Патанджали — автор произведения "Йога-сутра" (ок. II в. до н.э.) (*примеч. перев.*).

[40] Мукти (*санскрит*) — освобождение от необходимости повторного

перевоплощения (*примеч. перев.*).

[41] Широко известный в Индии персонаж эпоса и упанишад. Мудрый царь-философ Видехи, отец Ситы (*примеч. перев.*).

[42] Раджарши (*санскр.*) — "царственный мудрец". См. также УТ (*примеч. перев.*).

[43] ПМ, № 8 (*примеч. перев.*).

[44] Вероятно, имеются в виду так называемые духи стихий, находящиеся на крайне низком уровне развития и действующие бессознательно, полусознательно или сознательно, которые когда-то в отдалённом будущем, через зоны и эоны, возможно, достигнут так называемой "человеческой" стадии развития (*примеч. перев.*).

[45] Элементарии — пребывающие в кама-локе пустые астральные оболочки бывших людей. После физической смерти они лишены не только физического тела, но и триады высших принципов человеческой структуры. Именно они чаще всего и являются в виде "призраков" во время спиритических сеансов (*примеч. перев.*).

[46] Впервые статья опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, Supplement to No. 10, July, 1883. P. 10-11. Текст, опубликованный в сборнике "Пять лет теософии", незначительно отличается от журнального варианта. Имя автора статьи ни в журнале, ни в сборнике не указано, однако она включена Б.М. Цирковым в Собрание трудов Е.П. Блаватской (BCW, vol. IV. P. 606-614). Приведённые изображения отсутствуют в оригинале и добавлены в этом издании как дополнительный материал в помощь читателю (*примеч. перев.*).

[47] Роберт Фладд (Robert Fludd) (1574-1637) — английский врач, философ-мистик, астролог, теоретик музыки (*примеч. перев.*).

[48] Томас Воган (Thomas Vaughan) (1622-1666) — английский священник, розенкрейцер, алхимик и мистик, писавший в основном под псевдонимом Eugenius Philalethes (Евгений Филалет) (*примеч. перев.*).

[49] Парацельс (лат. Paracelsus). Настоящее имя Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гёгенгейм, (лат. Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim) (1493-1541) — швейцарский алхимик, врач, философ, естествоиспытатель, натурфилософ эпохи Возрождения (*примеч. перев.*).

[50] Джованни Пико делла Мирандола (итал. Giovanni Pico della Mirandola) (1463-1494) — философ, в круг интересов которого входили платонизм, герметизм, каббала, магия и проч. (*примеч. перев.*).

[51] Упасана (*санскр.*) — поклонение, почитание (*примеч. перев.*).

[52] Авалокитешвара (санскр. Avalokitesvara — Владыка, милостиво взирающий на существа, Владыка, внимающий мольбам страждущих, тиб. Ченресик — Смотрящий проникающим взглядом, монг. Арья-Боло, Хоншим/Хонгшим, кит. Гуань-инь — Внимающий зову/звукам, кор. Кваным, яп. Каннон). В махаяне просветленное существо, давшее обет бодхисаттвы не уходить в нирвану, а остаться в сансаре, чтобы помогать живым существам освободиться от страданий. А. олицетворяет идеал вселенского сострадания, его считают эманацией будды Амитабхи . . . Его изображают в человеч. облике с непрменным лотосом в руке, четверо-, шести- и тысячеруким, одиннадцатиликим (или одиннадцатиглавым). Руки символизируют готовность содействовать каждому просящему, головы — присутствие в разных сферах существования. А. может воплощаться в разные формы (всего 32), а также принимать облик индуистских богов Брахмы, Вишну, Шивы и др. (Андросов В.П., 2011. С. 77, 78) *(примеч. перев.)*.

[53] Аватара (санскр. avatara — "нисхождение") — наиболее популярная индуистская модель манифестации божественной сущности в мире,.. означающая полное или частичное воплощение божества в зооморфных и антропоморфных формах с целью периодических восстановлений периодически деградирующего мира (Шохин В.К., 2009а. С. 42-43) *(примеч. перев.)*.

[54] Основателями Теософского общества являются Е.П. Блаватская и полковник Г.С. Олкотт *(примеч. перев.)*.

[55] Такими задачами являются: (1) формирование ядра Всемирного братства человечества без различия расы, вероисповедания, пола, касты и цвета кожи; (2) стимулирование сравнительных исследований религии, философии и науки; (3) изучение не получивших своего объяснения законов природы и скрытых способностей человека *(примеч. перев.)*.

[56] Здесь: прежде всего *(лат.) (примеч. перев.)*.

[57] Эдуард Джордж Эрл Литтон Булвер-Литтон, 1-й барон Литтон (англ. Edward George Earle Lytton Bulwer-Lytton, 1st Baron Lytton) (1803 — 1873), — английский писатель-романист и политический деятель *(примеч. перев.)*.

[58] 1 Кор. 10, 12 *(примеч. перев.)*.

[59] Мф 23, 27: "Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты" *(примеч. перев.)*.

[60] Поэма "Киратарджуния" (на сюжет "Сказания о Кирате" из третьей книги "Махабхараты") написана индийским поэтом VI в. н.э. Бхарави. В центре повествования находится поединок героя Арджуны с богом Шивой,

принявшим обличье кираты (представителя одного из монголоидных племён) (Русанов М. А. Бхарави) (*примеч. перев.*).

[61] Впервые статья опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 1, No. 3, December, 1879. P. 63-65 (*примеч. перев.*).

[62] Основатель и первый председатель Британского отделения Теософского общества (*примеч. перев.*).

[63] "Я боюсь," — пишет Томас Тэйлор в своём Введении к диалогу "Федон", — "что в наши дни едва ли найдётся кто-то, кто понимал бы, что одно дело, когда душа отделяется от тела, и совсем другое, когда тело отделяется от души, и первое отнюдь не является обязательным следствием второго". — *примеч. Ч.К.М.*

[64] ὄχημα (*греч.*): 1) средство передвижения, колесница, повозка; 2) опора; 3) проводник (*примеч. перев.*).

[65] Генри Мор (Henry More) (1614-1687), английский философ, принадлежавший к Кембриджской платонической школе (*примеч. перев.*).

[66] Намёк на жизнь существ, принадлежащих к нескольким царствам стихий, которых мы, теософы, вслед за каббалистами называем "элементами". Они никогда не становятся людьми. — Ред. *Theos.*

[67] Такова же и индуистская теория, присутствующая почти в каждой арийской философии. — Ред. *Theos.*

[68] *The Works of Ralph Cudworth*. P. 527. Приведённый фрагмент относится к трактату Порфирия "Отправные точки [в движении] к умопостигаемому" (*In Sententiis ad Intelligibilia ducentibus*, § 32, p. 233) (*примеч. перев.*).

[69] Там же. P. 511-512 (*примеч. перев.*).

[70] Иоанн Филопон (Ἰωάννης ὁ Φιλόπονος), Иоанн Грамматик — греч. философ и богослов; род. ок. 490, Александрия, ум. ок. 570 там же (Куртик Г., 2005. С. 397) (*примеч. перев.*).

[71] *The Works of Ralph Cudworth*. P. 511 (*примеч. перев.*).

[72] φυτικός. См. также УТ (*примеч. перев.*).

[73] От греч. καθαρμός — очищение, очистительная жертва, очистительный ритуал (*примеч. перев.*).

[74] Proem in Aristotele's *de Anima*. — *The Works of Ralph Cudworth*. Ibid. P. 514-516) (*примеч. перев.*).

[75] См. Флегонт из Тралл, 2001.

Самым известным произведением, принадлежащим древнеримскому писателю Флегонту из Тралл (II в. н.э.), являются "Удивительные истории" (Περὶ θαυμασίων). В упомянутой выше истории рассказывается о том, как юная девушка по имени Филиннион через шесть месяцев после того, как умерла и была похоронена в семейном склепе, три ночи подряд являлась к юноше, гостившему в её родном доме у отца и матери. Когда же была признана родителями, она умерла вторично на глазах у всех очевидцев, которые собственными глазами видели перед собой её труп. В семейном же склепе, как рассказывает автор, её трупа не оказалось. (*примеч. перев.*).

[76] Хотя текст заключён в кавычки, в указанном сочинении он отсутствует. Очевидно, что автор просто суммирует вывод Кадворта собственными словами (*примеч. перев.*).

[77] РИ, 2. С. 364-365 (*примеч. перев.*).

[78] Перевод (с изменениями) по: Плутарх. О демоне Сократа. С. 700-701 (*примеч. перев.*).

[79] Ин., гл. 3 (*примеч. перев.*).

[80] Впервые рассказ был опубликован в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 6 (54), March, 1884. P. 153 (*примеч. перев.*).

[81] Так эта местность официально называется сегодня. Е.П. Блаватская в своей книге "Загадочные племена на "Голубых горах" называет эти места Куимбатур (*примеч. перев.*).

[82] Санньясин — аскет, последняя, четвёртая ступень в законе четырёх стадий жизни (*варна-ашрама-дхарма*). Проведя три стадии жизни, изучив надлежащим образом священные тексты и выполнив предписанные обряды, человеку следовало покинуть лесную обитель и стать бездомным странником. Обзаведясь посохом и сосудом для воды, аскет должен странствовать один, без товарищей, при полном молчании и в небрежении к своей плоти. Отринув все земные притязания, следовало оставаться равнодушным и бесстрастным ко всему окружающему. Следуя наставлениям упанишад, человек в этой стадии должен устремляться к конечной цели своей жизни — освобождению из круговорота рождений и смертей (*мокше*) (Альбедиль М., 1996б. С. 390) (*примеч. перев.*).

[83] Статья была впервые напечатана в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 12 (48), September, 1883. P. 320-321 (*примеч. перев.*).

Большинство изложенных в статье фактов было использовано, со ссылкой на автора статьи, Е.П. Блаватской в её книге "Загадочные племена на "Голубых горах", в которой приводятся обширные данные об этих таинственных горских племенах.

Вот в каких тёплых словах отзывается об авторе этой статьи, Эллен Морган, Е.П. Блаватская в своей книге: "Мистрисс Морган и её дочери, которые все родились на этих горах и говорят на языке баддагов, как и на тамильском, много мне помогали и старались обогащать ежедневно наш запас фактов. Всё, что я узнала от них лично и от других, а также и почерпнутое из доставленных мне рукописей, собрано мною здесь. Отдаю эти факты на рассмотрение читателей . . . Это семейство, начиная самым заслуженным генералом Родесом Е. Морганом и его милою и образованною женой и кончая восемью замужними дочерьми и женатыми сыновьями, имеет свой особый, давно уже установившийся взгляд на тоддов, как и на курумбов, особенно на последних . . . Мистрисс Морган — женщина с удивительною наблюдательностью и памятью, женщина энергичная, в высшей степени деятельная и храбрая. А надо иметь большой запас этого качества, чтобы ратовать, как то она делала, во имя правды и человеколюбия в продолжение сорока лет против англо-индийских понятий об общественных приличиях и установленных правилах жизни . . . Добрая мистрисс Морган очень любит свои горы и гордится ими. Она сроднилась с ними и считает всех тоддов и даже баддагов-рабочих как бы частью своего семейства" (Блаватская Е.П., 1994. С. 67, 69-70, 77).

В своём переводе мы пользуемся написанием местных географических названий и наименований племён в том виде, в каком они упоминаются в указанной книге Е.П. Блаватской. (*примеч. перев.*).

[84] "Посредством ликантропии (оборотничества) они совершают безнаказанно много преступлений. Они очень мстительны и злы," — добавляет Е.П. Блаватская (указ. соч. С. 71) (*примеч. перев.*).

[85] Староста (Блаватская, указ. соч. С. 72) (*примеч. перев.*).

[86] Баддаги, ныне почему-то называемые бюргерами (указ. соч. С. 68) (*примеч. перев.*).

[87] Перевод последнего абзаца почти целиком взят из вышеуказанной книги Е.П. Блаватской (*примеч. перев.*).

[88] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 3 (51), December, 1883. P. 89-91 (*примеч. перев.*).

[89] Eric David Ewen, член Теософского общества (*примеч. перев.*).

[90] Сингбхум и Чота Нагпур — административные районы в Западной Бенгалии (*примеч. перев.*).

[91] Прежнее название племён кол и мунда (Фрэзер, 1989. С. 233) (*примеч. перев.*).

[92] С плато Чота Нагпур (*примеч. перев.*).

[93] Духи-хранители домашнего очага в Древнем Риме (*примеч. перев.*).

[94] Сал, или шорей исполинская — вид деревьев семейства Диптерокарповые (*примеч. перев.*).

[95] *Тикли* — это кружок, вырезанный из золочёной бумаги, который обычно женщины в этой провинции приклеивают между бровями и носят в качестве украшения. — *примеч. Э.Д.Ю.*

[96] Так свой язык называет само племя мунда: *хорокаджи* переводится как язык *хороко*, "людей" (Campbell, 2000. P. 1169) (*примеч. перев.*).

[97] Таким способом *бхагат* месмеризует себя. — *примеч. Э.Д.Ю.*

[98] Восстания сипаев (1857 — 1859) (*примеч. перев.*).

[99] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 10 (58), July, 1884. P. 233. Публикуемый в сборнике текст незначительно отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[100] См. ниже Приложение. Классификация семичастного состава человека (*примеч. перев.*).

[101] Исходя из смысла вышесказанного и следующей фразы, под первым, вероятно, понимается низший манас, *кама-манас*, а под вторым — высший манас, *манас-буддхи* (*примеч. перев.*).

[102] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 5 (41), February, 1883. P. 109. Публикуемый в сборнике текст незначительно отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[103] Слова *данда* и *саньяма* являются синонимами — А. С.

[104] Эта сцена описана в гл. 177 *Араньякапарвы*, то есть третьей книги "Махабхараты", которая называется "Лесная книга". По словам Юдхиштхиры, "у людей трудно установить происхождение — настолько перемешались все варны". Благородство человека не определяется его происхождением. "(Родившийся) по природе — все равно что шудра, пока он не приобщился к Ведам". "И, следовательно, тот, кто ведёт достойный, праведный образ жизни, и есть брахман". Подлинным же брахманом считается "тот, кому свойственны правдивость и щедрость, смирение, праведность и незлобивость, сдержанность и сострадание". (Махабхарата, 1987. С. 363, 362) (*примеч. перев.*).

[105] В той же сцене Юдхиштхира, ссылаясь на Ману, говорит: "По этому поводу, о Индра змеев, ввиду расхождения мнений Ману, сын Самосущего, сказал: "Варны (различаются) отношением к долгу. Если

образ жизни не самоочевиден, то налицо глубокое смешение варн" (там же. С. 363) (*примеч. перев.*).

[106] Имеются в виду "Законы Ману" (*примеч. перев.*).

[107] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 8 (44), May, 1883. P. 192-193. Публикуемый в сборнике текст отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[108] Округ в индийском штате Карнатака (*примеч. перев.*).

[109] Телугу — третий самый распространённый язык в Индии. На нём говорят в индийских штатах Андхра-Прадеш и Телингана. Каннарский язык (или *каннара*) сегодня называется *кánнада*. Он является официальным языком штата Карнатака (*примеч. перев.*).

[110] Взятый в квадратные скобки текст не вошёл в окончательный текст сборника (*примеч. перев.*).

[111] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 3, No. 2 (26), November, 1881, pp. 41-44 (*примеч. перев.*).

[112] В те времена, когда никто, кроме посвящённых, не знал о существовании двенадцати знаков, этот знак назывался Дева-Скорпион. Для непосвящённых за знаком Дева-Скорпион непосредственно следовал Стрелец. В середине или на стыке [между знаком Дева-Скорпион и знаком Стрелец — *перев.*] — там, где сегодня стоит знак Весы, и у знака, который сегодня называется Дева, — были вставлены два мистических знака [знак Весы и знак Скорпион], неизвестных непосвящённым. — Ред. *Теос.*

[113] Древние западные астрономы никогда не называли это созвездие Крокодиллом, предпочитая описывать его через образ рогатого козла. Так они это созвездие и называли — Козерог. — Ред. *Теос.*

[114] Книгами, посвящёнными вопросам заклинаний и магии. — *примеч. Т.С.Р.*

[115] Перестановка (*примеч. перев.*).

[116] В буквальном переводе с санскрита "сила", "превосходство" (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[117] Пранава — мистический священный слог "Ом" или "Аум", который произносят брамины, йоги и др. при медитации. В философии веданты и в упанишадах этот термин используется в другом смысле: "В одном случае *пранава* может символически обозначать макрокосм, а в другом — микрокосм . . ." (Row, T. Subba, 1887. P. 307) (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[118] Например: "*Ришабхасья* — Чандасам Ришабхасья Прадханасья

Пранавасья". — примеч. Т.С.Р.

[119] В буквальном переводе с санскрита "пара" (ETG) (примеч. перев.).

[120] Парабрахмадхарака (санскрит) [от *парабрахман* "безымянный универсальный духовный принцип" + *дхарака* "содержащий", "несущий в себе"]. Термин, придуманный Субба Роу для обозначения космического носителя или контейнера и связи между *парабрахманом* и любой космической иерархией. Таким образом, слово *дхарака* здесь является эквивалентом космической иерархии (ETG) (примеч. перев.).

[121] Матра (*Mātra*) [от глагольн. корня *tā* "измерять"] — "мера" любого рода. У Субба Роу это слово имеет значение "степень" или "состояние" пранавы (ETG) (примеч. перев.).

[122] Четыре состояния сознания (примеч. перев.).

[123] Бодрствование (примеч. перев.).

[124] Сон со сновидениями (примеч. перев.).

[125] Сон без сновидений (примеч. перев.).

[126] Первые три "состояния, относящиеся к феноменальной действительности, несут на себе печать неведения (*авидья*) и качественно отличны от 4-го (*турия*) состояния, к-рое определяется по преимуществу апофатически: как недвойственное (*адвайта*), неразделимое (*абхеда*), бескачественное (*ниргуна*), лишённое свойств (*нирупадхика*). Это 4-е состояние не поддаётся рациональному осмыслению и не может быть выражено вербально; вместе с тем оно реально и есть не что иное, как высшая сущность — *Атман*, тождественный *Брахману*. Одним из способов приближения к этому состоянию служит медитация на связанный слог Ом, когда каждое из трёх первых состояний ассоциируется с одним из звуков, на которые он раскладывается по правилам санскр. фонетики (а-у-м)" (Исаева Н.В., 2009. С. 254) (примеч. перев.).

[127] Махешвара и Садашива — эпитеты Шивы: "Великий Господь" и "вечный Шива" (примеч. перев.).

[128] Или *биджа* (примеч. перев.).

[129] Сознание как свидетель. Относится к понятию "пратьякша", восприятие (примеч. перев.).

[130] Четырёхзвенная структура фонической энергии, лежащей в основе Вселенной (*вайкхари*, или "проявленная", реально произносимая речь; *мадхьяма*, т. е. "срединная" речь, как бы мысленное говорение "про себя"; *пашьянти*, или речь "видящая", "провидческая" [доступная только

йогинам — *перев.*]; наконец, *пара вач* [или вач], или "Высшая Речь" [недоступная даже йогинам — *перев.*], объемлющая собою три предыдущие формы, снова и снова порождающая их в усилии творения) (Исаева Н.В., 2010. С. 386).

Пара-вач — это глубинный первоисточник любой высказанной вслух (*вайкхари*) речи. Пара-вач соответствует Брахману в приложении к космосу, а в космологическом и космогоническом смысле понятие "*вач*" тесно сближается с греческим космическим логосом (космическим Словом) . . . Форма речи *пашьянти* в космологическом смысле представляет собой первый проявленный логос космоса . . . *Мадхьяма-вач* выполняет роль связи между ментальной формой (в логосе) и проявленной формой (в материи). Мистически она соответствует свету логоса. Хотя *вач* зачастую и выступает эквивалентом логоса, она является женским аспектом Брахмы, мужской стороны логоса. Таким образом, *вач* представляет собой духовный аспект пракрити . . . *Вайкхари* представляет собой ту высказанную вслух, ясно выраженную или каким-либо иным способом проявленную форму речи как носителя мысли. В качестве одного из четырёх главных аспектов космического логоса *вайкхари-вач* понимается как вся совокупность космоса в его объективной или проявленной форме (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[131] Чистая материя звука; непроявленный центр мироздания; динамическая сила; и время, т.е. вечность и даже вневременность (*примеч. перев.*).

[132] В буквальном переводе с санскрита "лев" (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[133] Пятирукий, пятиголовый, пятиконечный (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[134] Хари (*санскрит*) [от глагольн корня *hr* "брать", "убирать"; "быть жёлтым", "желтеть"] Прежде всего, эпитет Кришны как аватары Вишну. Также применяется по отношению к другим божествам: как правило, к Шиве. Кроме того, является альтернативным наименованием зодиакального знака *Симха*, "Лев". Слово "симха", помимо того, что переводится как "лев", служит также для обозначения солнца, луны, коней Индры и одной из девяти *варш* (т.е. частей) мира (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[135] Дживатма (*санскрит*) [от *джива* "живое существо" + *атман* "я"] Духовное эго человека, остающееся бессмертным на протяжении всей солнечной махаманвантары. Строго говоря, это духовная монада, пребывающая в своём носителе, принципе буддхи, семени и плоде манаса. Диапазон его сознания охватывает собою всю солнечную систему.

Пратьягатма (*санскрит*) [от *пратьяк* "внутренний" + *атман* "я"] Дживатма или духовная монада. Иногда отождествляется с Логосом (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[136] В его низшем и самом материальном состоянии — как жизненный принцип, одушевляющий материальные тела животного и растительного миров и т.д. — Ред. *Теос*.

[137] От *пур* "сын" + *стхана* "место", "жилище", "астрологический дом" (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[138] Параматман (*санскрит*) [от *парама* "наивысший" + *атман* "я"]
Наивысшее "я"; то "я", которое выше, чем "я" человеческого эго.
Применительно к человеческой структуре *параматман* означает три наивысших принципа с особым акцентом на атмане, а поэтому и вся эта не обладающая формой (*арупа*) триада в целом и носит название "параматман", понимаемый как вершина, как соцветие всей иерархии, т.е. человека. Кроме того, указанный термин понимается и как то, куда своими корнями восходит атман, как то, откуда исходит атман триады *арупа*. Таким образом, *параматман* есть нечто, ещё более далёкое и высокое, чем даже атман (наивысшее "я") любой иерархии — первый или непроявленный логос Вселенной (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[139] И, тем не менее, указанное толкование абсолютно верно. *Дживатма* в *микрокосме* (человеке) — эта всё та же самая духовная эссенция, которая даёт жизнь и макрокосму (Вселенной), а особое различие между обоими *дживатмами* проявляется лишь в двух состояниях, в которых пребывает одна и та же сила. А значит, "этот сын параматмы" выступает вечной корреляцией [парой — *перев.*] Причины-Отца. Пуруша проявляет себя как Брахма, который возникает из "золотого яйца" и затем превращается в Вираджа — Вселенную. Все мы "рождены от Адити из вод" (*Hymns of the Maruts*, X, 63, 2) [*Rig-Veda-Sanhita*, 1869. P. 240 — *перев.*], и "бытие родилось из небытия" (*Rig-Veda, Mandala I, Sukta 166*) [*ibid.*, P. 235 — *перев.*]. — Ред. *Теос*.

Вираджд (*санскрит*) Верховный, ослепительный. В индуистской мифологии сын Брахмы, аналогичным образом становящийся Ману. Согласно "Законам Ману", Брахма разделяет своё тело на мужскую и женскую части и в женской части (Вач) создаёт Вираджа, который представляет собой всё того же Брахму как архетипа всех мужчин, тогда как Вач выступает архетипом всех женщин. "Ману — по его же собственному утверждению — был сотворён Вираджем, то есть *вайшванарой* ("духом человечества"), а это означает, что его монада возникает как прямая эманация не знающего покоя Принципа в начале каждого нового цикла активности космоса — как тот *Логос*, или мировая монада (коллективный элохим), который затем и излучает *изнутри себя* все те космические монады, которые и становятся центрами активности — родоначальниками будущих бесчисленных солнечных систем, а также прародителями пока ещё недифференцированных *человеческих* монад различных планетарных цепей и всего того, чему в этих цепях предстоит

существовать когда-либо в будущем" (ТД, II, 1. С. 636). В одном из стихов "Ригведы" (X, 90, 5) говорится о том, что Вираджд родился из Пуруши, а Пуруша родился из Вираджда. В некоторых чертах Вираджд похож на египетского Гора и соответствует Третьему Логосу (ETG) (*примеч. перев.*).

[140] *Пара-шакти*. — Буквально: великая или верховная сила или энергия. Она обозначает и включает в себя *силы света и теплоты*.

Джняна-шакти. — Буквально: сила ума или сила подлинной мудрости, знания. Она имеет два аспекта:

I. *Под влиянием или в условиях материальности* она может проявляться, в том числе, как:

(а) способность ума интерпретировать наши ощущения; (б) способность ума, выражающаяся в умении воспроизводить идеи прошлого (память) и прогнозировать будущее; (в) его способность, проявляющаяся в том, что современные психологи называют "законами ассоциации": она-то и позволяет уму формировать *устойчивые* связи между различными группами ощущений и возможностями ощущений и, таким образом, выводить представление или идею о внешнем предмете; (г) его способность связывать между собой различные идеи с помощью таинственных звеньев памяти и выводить, таким образом, представление о собственном "я", то есть о собственной индивидуальности.

II. Когда же джняна-шакти оказывается свободной *от пут материи*, то *некоторые* её проявления включают в себя:

(а) ясновидение, (б) психометрию.

Иччха-шакти. — Буквально: *сила воли*. Самое обычное её проявление заключается в возбуждении определённых нервных токов, которые задействуют именно те мышцы, что необходимы нам для выполнения той или иной задачи.

Крия-шакти. — Таинственная сила мысли, позволяющая ей производить внешние, чувственно воспринимаемые, феноменальные результаты при помощи собственной имманентной энергии. Древние утверждали, что любая идея способна проявиться *внешне*, если человек глубоко сосредоточится на ней. Аналогично этому и любой интенсивный волевой акт приведёт к необходимому результату.

Йоги обычно совершают свои чудеса при помощи иччха-шакти и крия-шакти.

Кундалини-шакти. — Способность или сила, которая движется по спирали или по кривой. Это такой принцип мировой Жизни, который проявляется повсюду в природе. Этот вид шакти включает в себя две великие силы:

силу притяжения и силу отталкивания. Электричество и магнетизм — всего лишь отдельные проявления этой силы. Эта способность позволяет производить то "непрерывное приноравливание *внутренних отношений к внешним*", которое и составляет, по Герберту Спенсеру, сущность жизни, и это самое "непрерывное приноравливание *внутренних отношений к внешним*" лежит в основе концепции трансмиграции души, *пунарджанман* (перевоплощения), описанной в доктринах древнеиндийских философов.

Йог должен научиться полностью подчинять себе эту силу, прежде чем сможет достичь *мокши*. По сути дела, эта сила и есть тот самый великий змей, о котором говорится в Библии.

Матрика-шакти. Сила букв, речи или музыки. Именно об этой силе во всех её проявлениях и говорится в древней "мантра-шаштре". Та сила Слова, о которой говорит Иисус Христос, и есть этот вид шакти. Воздействие, производимое мелодией, — одно из её обычных проявлений. Венцом этой шакти выступает сила "неизреченного имени".

Современной наукой лишь отчасти исследованы первая, вторая и пятая из вышеперечисленных сил, но ей пока ничего неизвестно об остальных. — *примеч. Т.С.Р.*

[141] Уже само название этого знака, Канья (Дева), показывает, насколько единодушно древние эзотерические системы сходились между собой во всех своих фундаментальных доктринах. Каббалисты и философы-герметики называют астральный свет "небесной Девой". Астральный свет как единица [синтез — *перев.*], является седьмой силой. Отсюда и семь принципов, рассеянных в любой единице, то есть шесть плюс один — два треугольника и венец. — ED. *Theos*.

[142] Таттва (*санскрит*) [от *tat* "то"] "Нездешность", "не от мира сего"; реальность, лежащая по ту сторону феноменальной видимости. Таттвы описывают ту сторону бытия, которая связана с сознанием, силой или духом, и это отличает их от дхату или бхут, которые в качестве элементов связаны с материальной стороной природы, выступающей в роли носителей первых. По этой причине таттвы называются принципами природы, а дхату (бхуты) — элементами природы. Таттвы и дхату (бхуты) неотделимы друг от друга и всегда действуют только в паре, поскольку дух и материя представляют собой фундаментальное единство. Эзотерически таттв обычно насчитывают пять, но эзотерически их семь: ади-таттва (изначальная), аупадука-таттва ("безродная" или не развернувшаяся), акаша-таттва (эфир), тайджаса-таттва (огонь), ваю-таттва (воздух), апас-таттва (вода) и притхиви-таттва (земля). Каждая из этих таттв отражена и активно действует в составе человеческой природы, поскольку человек представляет собою копию космоса в миниатюре (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[143] Шактизм — одно из важнейших направлений индуизма, в основе которого лежит культ верховной Богини (Шакти) (Пахомов С.В., 2009б. С. 856) (*примеч. перев.*).

[144] Это такое же различие, какое существует между бесконечным и конечным, между безусловным и качественно обусловленным. — Ред. *Теос.*

[145] Баддха — привязанный к миру, мукта — освобождённый (Псху Р.В., 2009. С. 679) (*примеч. перев.*).

[146] Нара [ср.: санскр. *nr*, авестийск. *nar*, греч. ἀνὴρ (*анер*), лат. *nero*] — человек (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[147] "Вишну-сахасранама-стотра" — "Восхваление тысячи имён Вишну". Сборник гимнов (Ватман С.В., 2009. С. 138) (*примеч. перев.*).

[148] Число 36 означает: три раза по 12, то есть девять тетрактисов или 12 триад. Это самое сакральное число в каббалистической и пифагорейской нумерологии. — Ред. *Теос.*

[149] То есть "я есть он" трансформируется в "я есть я" "в вечности времён" (ТД, I, 1. С. 78). Иначе говоря, произойдёт обратная трансформация объективности в вечную субъективность (*примеч. перев.*).

[150] В буквальном переводе с санскрита "некий вид морского животного" (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[151] Санскрит имеет слоговое письмо, где "буква" обозначает не отдельный звук, а слог (*примеч. перев.*).

[152] Пятиконечная звезда (пентаграмма) символизировала пять конечностей человека. — Ред. *Теос.*

[153] Дашадиш [от *даша* "десять" + *диш* "указывать", "обозначать"] (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[154] Сукшма-шарира — призрачное иллюзорное тело, в которое облачены низшие дхьяни небесной иерархии (ТД, I, 1. С. 264, *примеч.*) (*примеч. перев.*).

[155] В буквальном переводе с санскрита означает "лейка" (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[156] В буквальном переводе с санскрита "рыба" (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[157] Точнее, "пяти великих первоэлементов" (*примеч. перев.*).

[158] Дхарака (*санскрит*) — Вместителище, ёмкость, сосуд. Во-вторых, то

же, что *дхара* — "наивысшая точка", "вершина". Тот священный *дхарак*, о котором говорит Субба Роу, есть то же самое, что и священная еврейская тетраграмма [тетраграмматон — *перев.*], иначе говоря, четыре матры пранавы, четыре меры или качества мистического и священного слога Ом (*ETG*) (*примеч. перев.*).

[159] То же самое, что и девять каббалистических сфирот, эманировавших из Сфиры, 10-й по счёту [строго говоря, Сфира является не десятой, а самой первой, но при этом она является 10-й как синтез всех сфирот, то есть девять плюс одна — *перев.*] и выступающей главой всех сфирот. Три троицы или триады вместе со своим эманационным первоначалом-принципом [Сфирой — *перев.*] образуют пифагорейскую мистическую *декаду* — сумму *всего*, что составляет целокупный *Космос*. — Ред. *Теос*.

[160] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 3, No. 11 (35), August, 1882. P. 274 (*примеч. перев.*).

[161] Поза лотоса (*примеч. перев.*).

[162] Индуистская система летоисчисления (*примеч. перев.*).

[163] Все вышеописанные подробности об этом святом были получены из не подлежащих никакому сомнению источников — Ред. *Татв. Патр*.

[Следующий раздел](#)

[Содержание](#)

ФИЛОСОФИЯ

Личность истинная и ложная [1]

Ч.К. Мэсси

Предмет наш — как подсказывает само название, предвещающее эти мои сегодняшние рассуждения, — нуждается, очевидно, в каком-то более метафизическом освещении, чем то, к которому мы можем прибегнуть в данном случае. Но дело в том, что учение о триединстве, о трихотомии человека, проводящее отчётливый водораздел между душой и духом, мы получаем из столь весомого, столь почитаемого и даже столь священного источника, что на сегодняшний день нам лучше ограничиться лишь такими доводами, которые оказались бы понятны всем, а потому самые абстрактные, самые тёмные вопросы, разделившие между собой наивысшие столпы философской мысли, мы лучше оставим на потом.

Мы не станем сегодня задаваться вопросами о том, какова природа этого различия [между душой и духом — *перев.*] и связано ли оно с какими-то состояниями или сущностями; является ли феноменальное сознание — то есть сознание ума — просто внешним состоянием единого и неделимого *эго* или своим происхождением и природой оно обязано какому-то совершенно иному принципу: если, с одной стороны, дух, то есть бессмертная наша часть, имеет божественное происхождение, то, с другой стороны, наши чувства и рассудок вместе с относящимся к ним сознанием — "ахамкарой" — происходят из некой Мировой души, *Anima Mundi*, или "пракрита", как она именуется в философии санххья.

Самые смелые мои ожидания будут вполне удовлетворены, если хоть какие-то из высказанных здесь соображений прольют чуть больше света на суть этой великой проблемы. Может быть, уже сама несовместимость всего, что свойственно временному *эго*, с условиями наивысшей жизни — если мне удастся это наглядно показать — заставит вас посмотреть на это *эго* как на Искупителя, который и в самом деле должен рождаться внутри нас именно ради спасения и бессмертия нашего, и тогда вы увидите в нём нечто большее, чем просто принцип — принцип, глубоко спрятанный в нас, составляющий сердцевину нашей феноменальной жизни и неотделимый от неё. Возможно, в свете этих размышлений нам и удастся уничтожить ту непреодолимую пропасть, что пролегает между ощущением себя как "я" и существующим представлением о его случайности, то есть признанием того, что само по себе сознание, если оно неспособно связать себя с каким-то наивысшим принципом, ещё не может служить гарантией существования вечной индивидуальности.

Имманентную ничтожность индивидуальности [2] мы сможем осознать не иначе, как через анализ самой индивидуальности как источника всех наших чувств, мыслей и действий. И только когда, реально ощутив, мы признаем это как факт, мы с полным пониманием сможем отнестись и к "жёстким словам", высказанным нашим священным авторитетом, — к словам, призывающим нас "умереть для самих себя" и провозглашающим необходимость нового — подлинного — рождения. [3] Эта концепция мистической смерти-рождения красной нитью проходит через всё глубокое религиозное учение, но в том-то и заключается различие между обычным религиозным умом и духовной интуицией, что первый стремится толковать эти

слова лишь как обычные фигуры речи либо старается, по сути дела, не замечать их вовсе.

Что же касается современного спиритуализма, который, по мысли некоторых, способен лишь предложить перспективу слишком приземлённого индивидуального бессмертия, то из всех обрушивающихся на него упрёков мы менее всего можем позволить себе мириться с такими, которые выставляют подобное бессмертие в качестве идеала, апеллирующего лишь к человеку эгоистичному и *borné*.^[4] Нужно признать несправедливость раздающейся в наш адрес критики, поскольку она не принимает в расчёт наших расширившихся представлений о развитии души, а ведь рассуждения отдельных спиритуалистов совпадают с положениями целого ряда замечательных учений о духе. Представления эти, вне сомнения, являют собой огромный шаг вперёд по сравнению с общераспространёнными богословскими воззрениями, и некоторые из них вполне способны даже оправдать стремление спиритуализма играть роль некой религии.

Тем не менее, точно такое же пренебрежительное отношение к индивидуальности в том виде, в каком мы знаем её, — отношение, легко смыкающееся с материализмом, — характерно и для духовного идеализма, и, на первый взгляд, входит как бы в противоречие со спиритуализмом, придающим чрезмерное значение сделанному им открытию о том, что чисто психическая составляющая человека не умирает при смерти его физического тела.

Идеалист вполне может признавать такого рода неумирание, но, признавая его или не признавая, он находится в заведомо выигрышной позиции, когда говорит, что это не имеет ровно никакого решающего значения. Ведь, как и спиритуалист, предъявляющий свои "осязаемые доказательства бессмертия", он связывает это неумирание всего лишь с временным сознанием, сознанием, целиком обращённым к собственному "я" — к осознаваемым им чувствам, желаниям, наслаждениям и привязанностям, а эти последние действительно *не имеют* абсолютной значимости, поскольку всё их относительное значение исчерпывается лишь применительно к индивиду.

В самом деле, трудно найти более типичное порождение материализма, чем то его направление, которое в центр телеологических поисков ставит индивида. Идеи в этом случае сводятся к чистейшим абстракциям, а единственная реальность сужается до чего-то бесконечно малого. Так утилитаризм может видеть в государстве одно лишь скопище индивидов, "наивысшее счастье" для которых заключается в том, чтобы, взаимно ограничивая свободу действий друг друга, они приноравливались бы к требованиям "большинства", что и становится наивысшей целью правительства и закона.

Полагаю, нам не стоит в этом смысле обманываться и на счёт спиритуалистов: им в целом пока ещё не удалось продвинуться дальше и увидеть за относительным абсолютное. Их "добрые вести" о "великой радости"^[5] носят не вполне религиозный характер. Они говорят об увековечении во времени всё того же низшего сознания, проявления которого, радости которого и активность которого происходят во времени и связаны со временем. Славное их послание, в сущности, ничем не отличается от, скажем, послания какого-нибудь алхимика, объявившего об открытии секрета того, как можно даровать нам и нашим друзьям вечную земную молодость и земное здоровье. Главный же религиозный его [спиритуализма — *перев.*] посыл состоит в том, что он расширяет горизонт представлений о наших возможностях. И в этом своём качестве он достоин того, чтобы мы приветствовали его с чувством

благодарности и облегчения, но если мы не хотим поставить под угрозу собственное спасение, чтобы не сказать бессмертие, то давайте не будем слишком уж полагаться на перспективу, которая в лучшем случае предполагает необходимость новых трудов, испытаний и усилий, направленных на то, чтобы освободиться всё от той же самой жизни, единственная ценность которой состоит в предлагаемых ею возможностях.

Определяя ценность индивидуальности, лучшее, что мы можем сделать, это рассматривать человека во всей совокупности его земных отношений, полагая, что любое из них могло бы стать центральным движущим фокусом его существа — его "властительницей-любовью", как сказал бы Сведенборг [6] — заменив собою как таковой его эгоизм, то есть любовь к себе, сместив его из центра на периферию и как бы отождествив человека с тем кругом интересов, с которыми он связан всеми своими силами и привязанностями. Как можно предположить, вне этого замещённого эго у человека уже не останется ни совести, ни желаний, ни воли. Точно так же, как законченный эгоист смотрит на жизнь как на нечто такое, что способно его заинтересовать лишь с точки зрения собственного его благополучия, так и наш предполагаемый человек, всецело отдающий себя семье, тому или иному обществу, церкви, государству, станет равнодушен к любым истинам, любым интересам, абстрактным или индивидуализированным, кроме всего того, наглядным воплощением чего он становится.

И история даёт нам примеры личностей, приближающихся к этому образцу идеального человека. С одной стороны, таким, на мой взгляд, был Лойола, а с другой — возможно, Бисмарк. Всё это люди, переставшие быть индивидами в собственных глазах в том смысле, что их собственные узко направленные индивидуальности отрешились от каких-либо иных ценностей. Это подвижники. Они претерпели некое "обращение", в результате которого из простых индивидов они превратились в этакие "образцы" людей. Мы же — обычные индивиды — чтим их ровно в той мере, в какой движущий ими дух отдалился от индивидуализма.

По мере того, как расширяется круг интересов, которым эти люди "всецело служат", — то есть по мере того, как эти люди очищаются от шлаков индивидуализма, — мы начинаем относиться к ним со всё большей терпимостью, со всё большим уважением, восхищением или любовью. От собственного "я" к семье, от семьи к секте или к тому или иному обществу, от секты и общества к церкви (в целом, без различия конфессий) и государству — так и протягивается восходящая лестница, всё более расширяется круг, возникают последовательные переходы, в которых значение индивида определяется степенью подавления его индивидуальности ещё более всеохватной душой или духом. Даже сама та скромность, с какой мы, общаясь с другими, стараемся по мере возможности избегать личных местоимений, подсказывает нашим чувствам, что мы пытаемся не выпячивать нечто предельно незначительное и неважное — нечто такое, что, вообще, имеет право на существование разве лишь в минуты нашей полной уединённости, то есть в том, что составляет скорее состояние сна или покоя, чем собственно жизни.

Увы, но даже в вышеупомянутых случаях, даже в примерах максимальной удалённости от низменно-убогой индивидуальности, эти люди всё ещё очень далеки от того идеально-абстрактного, универсального существа, преображённого в славе божественной личности, у которого начинает теряться даже само представление о частичности и атомарности.

Вы, разумеется, знакомы с тем, как Сведенборг проводит различие между

дискретностью и непрерывностью. До сих пор мы наблюдали примеры того, как человек — индивид — способен возвышаться непрерывно, всем своим сердцем и душой отдаваясь интересам живого мира, как он способен всё успешнее преодолевать собственную ограниченность, впитывая в себя всё больше и больше от более широкого мирского духа. Но, увы, оказывается, что, поднимаясь всё выше и выше, он всего лишь приближается к своему же собственному мирскому источнику, к той душе мира — пракрити, — к которой, не особенно настаивая на её буквальном понимании, я могу прибегнуть как к удобной фигуре речи. А вот для того, чтобы подняться ещё выше, требуются шаги, которые должны уже носить дискретный характер. Никаким простым "улучшением" обычного своего "я", при котором это "я" всё ещё остаётся в качестве фокуса (во французском языке для этого существует очень выразительное слово "foyer"[7]) мира человеческих мыслей и поступков, и никаким отождествлением даже с высшими интересами мирского плана, о которых мы только что говорили, человек не может и близко подойти к реализации своего божественного идеала. Это "улучшение" нашей нынешней природы, когда оно одно только и считается главным — если вообще достижимым — средством "совершенствования", есть просто банальность или, выражаясь принятым сегодня термином, "фарисейство". Это — подмена дискретности непрерывностью. Это компромисс человека с собственным "я" — с собою любимым.

"Но Саул и народ пощадили Агага и лучших из овец и волов и откормленных ягнят, и всё хорошее, и не хотели истребить, а все вещи маловажные и худые истребили".[8]

Мы знаем, сколь мало приемлемым этот компромисс оказался для Бога Израилева, и трудно найти лучшей тому иллюстрации, чем приведённый выше отрывок, который мы вполне склонны считать скорее архетипическим, чем историческим. Архетипическим в смысле той безраздельной и радикальной жертвы, то есть "очищения" нашей низшей природы, о которой как о единственно необходимой вещи настойчиво говорят все — или почти все[9] — великие мировые религии. Кажется, невозможно подобрать более точных слов для описания самой природы индивида — а не отдельных её случайных пороков, — которая должна быть отброшена и истреблена. Нет, то, что заслуживало пощады, было действительно хорошо, — этого никто не отрицает; никто не говорит о том, что вся Вселенная заражена физическим или моральным злом; речь идёт лишь о том, что всё доброе и полезное, но имеющее отношение к низшему состоянию бытия, должно погибнуть вместе с ним, коли оно должно расчистить путь для чего-то лучшего.

Приведённая иллюстрация эта тем более уместна, что целью наших рассуждений является вовсе не этическая сторона дела. Задача наша состоит в другом: в том, чтобы подчеркнуть некий метафизический вывод, пусть даже и без всякой попытки дать развёрнутое изложение метафизического аспекта этого вопроса. Речь идёт не о моральных качествах — они не отрицаются, но и не подчёркиваются. Например, некий индивид "А", оцениваемый по наивысшим моральным стандартам, может быть признан самым что ни на есть добродетельным и почтенным человеком. А индивид "Б" представляет собою антипод первого и, с точки зрения его нравственных качеств, получает самую низшую оценку. И тогда весь диапазон моральных качеств, который простирается между ними, предстанет перед нами в виде того, что я вслед за Сведенборгом, назвал бы "непрерывной шкалой". И, пожалуй, различие это станет для нас ещё более отчётливым, если мы снова обратимся к той Книге, которую мы, изучающие теософию, отнюдь не считаем менее почитаемой лишь из-за того, что склонны всегда бурно протестовать против любых

притязаний религиозных систем на монополию в этих вопросах.

Тот человек, который при всей своей добродетельности ещё, однако, не становится подлинным "сыном Божиим", всё-таки находится "под стражею закона" — того нравственного закона, который имеет просветительскую и подготовительную задачу, это и есть тот самый "детоводитель"[10] ко Христу",[11] собственный наш дух Божий — то есть наша наивысшая личность. Понять различие между двумя этими состояниями значит постичь точный смысл того, что подразумевается под личностью ложной, временной, и личностью истинной, вечной, как и тот смысл, в каком мы здесь употребляем само это слово, "личность". Нам не дано знать, сохраним мы или не сохраним ощущение своей тождественности с нашими прошлыми и навсегда отвергнутыми "я", когда пройдем через это великое изменение, когда великий труд[12] нашей жизни будет завершён — сейчас ли или когда-либо в жизни загробной.

Выражаясь философским языком, исчезнуть должна будет "материя", а меняться будет сама "форма". Ответ на вопрос, сохраняется ли наша трансцендентная тождественность с нынешним[13] "А" или "Б", должен зависеть от ответа на другой высказанный выше вопрос: чем является дух Божий, нашей изначальной, стержневой сущностью или некой ипостасью? Но нахождение "под стражею закона" означает для нас невозможность действовать непосредственно и по собственной воле — в этом случае мы можем действовать лишь косвенно, то есть в добровольном согласии с чужой волей. Та воля, в соответствии с которой мы по природе своей привыкли действовать, — т.е. наша собственная воля — должна пониматься не как простое волеизъявление, а как вся наша природа — т.е. как та самая "властительница-любовь", которая то-то и то-то делает для нас притягательным, а всё остальное отталкивающим.

Пребывая "под стражею закона", эта природа находится в подвешенном, "замороженном" состоянии, а поскольку это состояние относится только к её деятельности и проявлениям, но при этом отнюдь не отменяется, то закон этот — как замена чужой воли — нам необходим. Собственная наша воля (то есть наша природа) продолжает оставаться в нас центральной, а то, чему мы подчиняемся — старательно или идя противу самих себя — является скорее периферийным или ипостатическим. Постоянство, с которым мы либо подчиняемся, либо сопротивляемся, заставляет периферийное выдвигаться всё более и более к центру, после чего и происходит тот самый "взрыв", о котором писал Сен-Мартен. Под действием этого "взрыва" наша природная воля навсегда рассеивается и истребляется вследствие соприкосновения с божественным, и последнее отныне становится уже нашим собственным. Так "детоводитель" приводит нас "ко Христу", и если под "Христом" мы будем понимать не историческую божественную личность, а логос, слово или проявления Бога *внутри нас*, — то тогда, полагаю, мы и приходим к той главной истине, которую проповедовали *веданта*, Капила, Будда, Конфуций, Платон и Иисус.

Ту же самую истину можно изложить и чуть иначе, и указанием на это я обязан брату нашему Дж.У. Фаркухару. Это указание содержится у Сведенборга в его "Апокалипсисе объяснённом" ("Apocalypse Explained") под номером 527:

"Всякий человек имеет ум низший, внешний, и ум высший, внутренний. Оба эти ума совершенно непохожи друг на друга. Низший ум позволяет человеку пребывать в естественном мире среди живущих в нём людей; тогда как ум высший позволяет ему пребывать в мире духовном среди обитающих там

ангелов. Оба эти ума столь отличны друг от друга, что человек, покуда он живёт в этом мире, не ведаёт того, что происходит внутри него в его высшем уме. Но когда человек становится духом, а это имеет место незамедлительно после его смерти, он уже не ведаёт того, что происходит в его [низшем] уме".[14]

Определение сознания "высшего ума" как следствия отделения от земного тела, разумеется, не исчерпывает сути этого возвышенного состояния, предполагающего отделение от чего-то гораздо большего, нежели обычные внешние одежды плоти, но, с другой стороны, это различие между двумя жизнями, двумя умами, судя по всему, соответствует тому, о чём мы сейчас говорим.

Так что же нас так особенно поражает в этой замене природно-человеческой личности на личность божественно-человеческую? Может быть, утрата индивидуализма? (Индивидуализма, подчёркиваю, а не индивидуальности).

У Иисуса мы встречаем ряд высказываний, которые многих из нас ранили в самое сердце, хотя не все могли в этом признаться даже самим себе. "Что Мне и Тебе, Жено?" [15] как и ряд других высказываний, в которых он отрекается от всяких уз и отношений с кем бы то ни было, что и не позволяет нам, глубоко почитающим его, проникнуться искренним сочувствием к его словам. В этом его отречении от индивидуализма, даже в самом дружеском кругу, есть что-то жуткое и непостижимое. Но как раз в арийских-то философиях мы и обнаруживаем то же самое отречение от всего того, что мы связываем с жизнью индивидуальной, и отречение это выражено в самой яркой и категоричной форме. И действительно, что как не эта невозможность описать достигшую *мокши* (освободившаяся от земных оков) душу иначе, чем с помощью негативных характеристик, и побудила усматривать в этом индуистском высочайшем свершении души утрату всякой индивидуальности и всякого осознаваемого существования? Нам нелегко развести между собой понятия "индивидуальность" и "индивидуализм", вот почему мы и отворачиваемся от возвышенных представлений первобытной философии как от чего-то, что имеет к нам отношения не больше, чем та нескончаемо действующая и постоянно зреющая в мозгах у других мысль, отброшенная и отрезанная от своего мыслящего источника — а именно такое бессмертие и обещает г-н Фредерик Гаррисон [16] избранному кругу человечества, которое способно производить мысли, обладающие хоть какой-то репродуктивной силой.

Нет, конечно же, эта горячая устремлённость индусского ума к нирване питается вовсе не их предпочтением идеи "ничто", бессознательного поглощения, а не идеи ограниченности (limitation) [нашего понимания]. Даже в упанишадах имеется множество примеров, свидетельствующих об обратном, а афоризмы Капилы у санкхьяиков недвусмысленно утверждают идею индивидуальности души (духа). Индивидуальность сознания сохраняется и, вероятно, бесконечно усиливается, но его "материя" уже перестаёт носить личный характер. Попробуйте-ка просто представить себе, что такое "свобода от желаний" — а это излюбленное выражение, с помощью которого в этих системах выражается отрицание индивидуализма. Даже в этой деятельной форме служения Божеству душа, как предостерегает её "Бхагавидгита", должна оставаться безразличной к конечному результату.

О чём-то похожем свидетельствует и современный спиритуализм. Как говорит нам один из самых даровитых, искушённых и страстных его сторонников,

"порой свидетельство может поступать из какого-то безличного источника, от

некоего наставника, уже миновавшего тот план, на котором способна проявляться индивидуальность".[17]

А в другом месте он опять же пишет:

"И если ему (исследователю — *Ч.К.М.*) удаётся проникнуть достаточно глубоко, то он тогда оказывается в такой области, к которой его нынешнее воплощённое состояние совершенно непригодно: это область, в которой целиком растворена сама индивидуальность, а самые высокие, самые тонкие истины не заперты на замок в одной-единственной груди, но эмануруют из всего пребывающего там сообщества, сферы жизни которого переплетены между собой".[18]

Под словом "переплетены" автор, разумеется, понимает просто-напросто полнейшее одиночество и единомыслие, и я, несомненно, извратил бы процитированную авторскую мысль, заявив я сейчас здесь о том, что идея, которую он стремится передать, и то, о чём мы здесь говорим, — это одно и то же. Но, в конце концов, а что такое сочувствие, как не ослабление того жёсткого "вяжущего" свойства (выражаясь терминологией Бёме), которое, собственно говоря, и составляет индивидуализм? И, подобно тем случаям, когда мы переживаем подлинное сочувствие, благодаря частичному подавлению индивидуализма и того, что является неотъемлемыми свойствами индивида, мы и способны переживать возвышенный восторг и ощущать своё бытие во всей его остроте. Так, возможно, и распрощавшись со всем, что запирает нас наглухо в духовной обители эго — *целиком*, без остатка — мы можем впервые понять, что есть жизнь истинная и какими несказанными преимуществами она располагает.

И всё же это ещё не та почва, на которой можно надеяться обрести полное общественное признание, поскольку эта концепция бессмертия, представленная мною здесь столь пунктирно и расплывчато, будет противоречить *обывательскому, буржуазному* представлению о вечности с его индивидуализмом и семейными привязанностями — а последние, вероятно, и составляют главное очарование спиритуализма в глазах у большинства его прозелитов. Весьма сомнительно, чтобы вещи, которых "не видел глаз, не слышало ухо", [19] когда-либо особенно занимали воображение человека или примиряли его с утратой всего того, что отчётливо ассоциируется с радостью и движением жизни. И обитатель низшего плана едва ли будет доволен трансцендентной жизнью, усматривая в ней наивысшее блаженство. В лучшем случае он может лишь повторить то откровение, что посетило смятенный ум в романе "Sartor Resartus": "Человек может обойтись без счастья и взамен него найти блаженство". [20] Это никакая не сублимация надежды, а всего лишь потребность мысли — она-то и заставляет нас искать состояние истинного бытия и бессмертия где-то за пределами тех доказательств, которыми оперирует индивидуализм. Истинная личность может существовать в сознании лишь при участии того, что мы можем определить только как именно отрицание индивидуальности — отрицание во всех смыслах, в каких она способна пониматься нами. Что же до того, что составляет содержание или "материю" сознания, то определить это мы можем только с помощью одного-единственного туманного слова "идеальный". Но мы с уверенностью можем сказать, что в той области индивидуальные интересы и заботы уже не найдут для себя места. Более того, мы можем утверждать, что именно после того, как исчезнут все те помехи, что несёт с собой индивидуализм, этот приток новой жизни и получит для себя свободный канал. А отсюда и необходимость мистической смерти — такой же подлинной смерти, как и та, что возвращает наше

физическое тело к первоэлементам.

Один индусский теософ (Пири Чанд Митра) хорошо объяснил эти слова:

"Ни я сам, и ничто иное не есть моё, и нет меня самого"[21]

следующим образом:

"...при достижении духовного состояния перестают действовать понятия "Я" и "моё", которые принадлежат *уму конечному*, и тогда душа, в *универсуме* живущая и в вечности сопричастная Богу, проявляет своё состояние бесконечности".[22]

Не могу удержаться, чтобы не процитировать ещё один отрывок из того же глубокого писателя-мыслителя:

"У каждого человека есть душа. Когда она существует в неразрывной связке с мозгом и нервами, то это ум, *дживатма* — то есть чувствующая душа. Когда же с помощью *йоги* она возвращается к своему изначально духовному состоянию, душа освобождается от своих оков и начинает проявлять божественную сущность. Она воспаряет над любыми феноменальными состояниями — над радостью, печалью, горем, страхом, надеждой, то есть она превышает всех состояний, приносящих человеку боль или наслаждение, и испытывает блаженство от осознания бессмертия, бесконечности и благословенности той мудрости, что пребывает внутри неё. Чувствующая же душа находится под воздействием нервов, ощущений, эмоций, впечатлений и происходящих вокруг неё явлений. Именно она образует жизнь природы, и сама по себе невечна. Таким образом, то, что есть душа, и то, что не есть душа, суть два разных состояния. То, что не есть душа, называется *пракрити*, то есть "сотворённое". Не всякому человеку дано познать, что есть такое душа, а потому миллионы людей и живут, и умирают, обладая умом, сформированным интеллектом и чувствами, но не возвысившимся до состояния души. Чем свободнее человеческая душа от *пракрити*, то есть от оков чувственности, тем ближе такой человек к истинному состоянию души. Именно в этом коренится неравенство людей в смысле их интеллектуальной, нравственной и религиозной культуры, и именно от этого зависит их близость к Богу".[23]

Цитирует он также и слова Фихте, свидетельствующие о том, что к подобному же выводу пришла и философия западного идеализма:

"Тот истинный дух, что являет себя в человеческом сознании, необходимо считать безличным *pneuma* — универсальным, вселенским разумом, и даже более того — самим духом Божиим, а посему задачей всего процесса развития человека не может быть ничто иное, как замена индивидуального сознания на универсальное".[24]

То, что могут и даже должны быть какие-то промежуточные этапы, состояния, дискретные фазы — это, разумеется, понятно. В своих заметках я стремился привлечь внимание именно к абстрактному состоянию пребывающего в бессмертии сознания. Да, я описываю его в негативных терминах, но именно поэтому смысл его и становится более понятным с практической точки зрения.

Теософское общество связывают со спиритуалистическим движением узы столь

глубокого взаимопонимания, что нижеследующие мысли можно было бы отнести к ним обоим без всякого страха нанести обиду тому или другому. Одна из этих мыслей состоит в том, что бессмертие не может быть доказано никакими феноменальными средствами. То, что я назвал психическим неумиранием, вполне имеет право на существование и, вероятно, существует. Однако подлинное бессмертие есть достижение такого состояния, которое является именно отрицанием феноменального бытия.

Другим же следствием этого является то направление, которое должна принять вся наша культура. Мы должны спокойно примириться с фактом смерти. Ни больше, ни меньше. Каждый из нас представляет собою сложный набор различных желаний, страстей, интересов, образов мышления и мироощущений, мнений, предрассудков, суждений о ближних, симпатий и антипатий, привязанностей и целей как в общественной жизни, так и в жизни личной. Всё это, как и многое другое, что составляет осознаваемое нами содержание своих нынешних временных индивидуальностей, служит лишь умалению наших представлений об идеальном безличном бытии — всё, кроме сознания, то есть проявления бытия. В каком-то мелком, несовершенном, относительном и почти что никчёмном смысле мы, возможно, принимаем правильные решения в своих суждениях и остаёмся милейшими людьми в своих симпатиях и чувствах. Но даже в этом мы не можем быть уверены до конца. Вполне уверены в этом могут быть разве лишь люди, не привыкшие к самонаблюдению и самоанализу. Это всегда люди, склонные громче всех осуждать всё и вся вокруг и проявлять наибольшую безапелляционность в своих самоуверенных высказываниях. В каком-то грубом, примитивном смысле они бывают даже полезны, и по-видимому, это необходимо для жизнедеятельности мира, в которой и мы-то участвуем лишь в каком-то трансцендентном смысле.

Нам необходимо избавиться от всего этого и постараться обрести полнейшее бесстрашие и спокойствие. Только тогда сможем мы возлагать хоть какие-то надежды на смерть. С помощью медитации, если только она будет глубокой, продолжительной и достаточно регулярной, даже наш практичный западный ум сможет научиться понимать устремлённый к нирване ум индуса.

Лишь один-единственный бесконечно малый атом из всего огромного конгломерата человечества, наслаждающийся временной, чувственной жизнью со всеми её удовольствиями и волнениями подтвердит с неподдельной искренностью, что готов скорее быть целиком уничтоженным, чем вечно оставаться тем, каким он знает самого себя, или быть хотя бы узнаваемо похожим. И это ещё весьма средний образец нравственности.

Мне доводилось слышать такие слова: "Да вся эта мирская жизнь, все её дела и заботы тут же закончились бы, наступил бы конец всей его здоровой деятельности, конец коммерции, искусствам, промышленности, общественным связям, государственности, законам и наукам, посвяти мы, все мы, целиком себя занятиям йогой, которая мало чем отличается от ваших собственных представлений об идеале". И критика эта вполне справедлива и обоснована. Только, думаю, проблема гораздо глубже.

Не только различные виды деятельности этого мира, но и сам этот удерживаемый в нашем сознании феноменальный мир, целиком исчезли бы или приняли бы какие-то новые, более внутренние, более живые и более значительные — по крайней мере, для человечества — формы, будь только само сознание человечества способно возвыситься до более совершенного состояния. Думаю, почитатели Сен-Мартена,

как и читатели замечательной книги покойного Джеймса Хинтона "Человек и обитель его" [James Hinton, "Man and his Dwelling-Place"], не сочтут эту мою мысль слишком уж экстравагантной, особенно если им по случаю также доводилось изучать идеалистическую философию. Если бы весь мир наш состоял из одних только йогов, ему не нужны были бы никакие специальные виды деятельности, конечную цель и назначение которых наш критик, между прочим, затруднился бы и определить. И даже если из мира уйдут кое-какие виды наших занятий, то мир преспокойно обойдётся и без них. Но хватит об этом.

Давайте же перестанем говорить о том, что идеал безличного, универсального бытия, присутствующего в индивидуальном сознании, — это якобы лишь мечта, никем не засвидетельствованная грёза. Мы ясно ощущаем ограниченность этого мира, она раздражает нас, и всё это наилучшая гарантия неокончателности и преодолимости этой существующей ограниченности. Откуда же тогда у меня эта способность взглянуть на себя как бы со стороны, способность разглядеть всю никчёмность своих псевдосуждений, всех предрассудков моих с их зловещими всполохами страстей, моих сиюминутных интересов, скоротечных вожделений, всей этой чувственности эгоизма, которой я, тем не менее, поддаюсь настолько, что мне начинает казаться, будто это и есть моё истинное "я"? Вглядываясь в эту беспокойную атмосферу, я вижу, как за ней и далеко над ней высится *некто* — чистый, бесстрастный, точно отмеряющий пропорции и соотношения вещей. Для него, строго говоря, не существует ничего сиюминутного со всеми присущими этой сиюминутности фантазмами, фальшью и полуистинами. Он не несёт в себе ничего личного в том смысле, что не ощущает своей противопоставленности массе других связанных с ним личностей. Истину он провидит, а не продирается к ней с помощью логики, и истина эта такова, что я не в состоянии сейчас составить о ней даже приблизительного представления. Действия его не скованы никакими сомнениями ума, не извращены никаким моральным уродством. Ему нет и дела до последствий своих действий, ибо не ими он выверяет и оценивает свои действия. Язираю на него с чувством благоговения и страха, ибо в бесстрастии своём он, как мне кажется порой, чужд подлинной любви. Однако я знаю, что это не так — любовь его рассеяна по таким пространствам и в своей абстрактности парит на таких высотах, что ни мой взор, ни разумение не способны постигнуть её. В этом *некто* я и вижу своё идеальное, своё наивысшее, единственно истинное — одним словом, своё бессмертное "я".

Целомудрие[25]

Ф. Гартман

Идеальная женщина являет собою прекраснейший образец эволюции форм (в наши дни мы чаще всего видим её лишь запечатлённой в прекрасных произведениях искусства). Ничто не ласкает мужской взор с такою же чарующей, прельстительной силой, как красавица-женщина. В жизни своей я не встречал мужчины, который притязал бы на обладание мужской силой, энергией и отвагой и не испытывал бы при этом восхищения перед женщиной. Чураться женщины способен разве что законченный распутник, трус и размазня. Подлинный же герой, истинный *мужчина* может только склоняться в восторге перед женщиной и встречать ответное чувство с её стороны.

Фрианц Чартман (1838-1912)

Рассчитывать на женскую любовь может лишь тот, в ком полновесно развиты все составляющие человека принципы. Женская улыбка пробуждает в нём всю его мужскую природу: животные влечения, точно малые дети, начинают шумно требовать от него хлеба — они не желают оставаться голодными и настойчиво просят: накорми же нас поскорей! Всей своею душой мужчина устремляется навстречу этому чудному созданию, влекущему его к себе с почти неодолимой силой, и если у наивысших его принципов, у его божественного духа, не хватит сил противостоять этому, то душа его послушно поддастся искушениям физического тела. И в очередной раз случится победа животной природы над природой божественной. Женщина ликует в своём триумфе, мужчина же переживает стыд за собственную слабость и уже более не являет собой образец внутренней силы — он достоин одной лишь жалости.

Чтобы не растерять своей внутренней силы, мужчина должен бережно хранить её в себе, не забывая о том ни на миг. Утратив её, он заставит свою божественную природу капитулировать перед природой животной. И наоборот, обуздав собственные желания и сохранив эту внутреннюю силу в себе, он утвердит дарованное ему божественное право и сумеет вырасти в нечто большее, чем просто человек, — он станет богом.

Элифас Леви утверждает: "Коли хочешь пользоваться успехом у женщин — не возжелай ни одной из них", и всякий, кто имеет маломальский жизненный опыт, понимает, насколько тот прав. Женщине нужно лишь то, чего она не может получить сама — а что она способна получить сама, того ей и не нужно. Пожалуй, именно о наделённом духовной силой человеке и сказано в Библии: "Тому, кто имеет многое, многое и будет дано, а у того, кто имеет малое, это малое и отнимется".[26]

Чтобы достичь совершенства, не нужно быть уже от роду лишённым всяких животных желаний. Такое существо будет мало чем отличаться от идиота и вполне справедливо окажется предметом презрения и насмешек со стороны любого нормального человека — как мужчины, так и женщины. Нашей целью должно стать обретение такой внутренней силы, которая позволила бы нам самостоятельно управлять собственными желаниями, а не пребывать у них в рабстве. В том-то и заключается подлинная философия того, что принято называть искушением.

Если у какого-либо человека весь смысл жизни сводится к тому, чтобы лишь есть, пить и производить потомство, а все устремления и вожеления его сводятся к одному только желанию жить счастливой жизнью в лоне семьи, то ничего дурного в этом нет: он просто удовлетворяет потребности своей природы и живёт, не ропща на свою судьбу. Когда же он умрёт, то члены семьи вместе оплачут его, а друзья скажут, что он всегда был их добрым товарищем, закажут ему похороны по первому разряду, а на могильной плите, пожалуй, ещё и напишут эпитафию вроде той, что мне однажды случилось прочитать на погосте:

В могиле сей лежит Джон Фолл,

Он прожил жизнь, женился и ушёл.

И никогда больше не будет этого м-ра Джона Фолла, а в следующем своём воплощении он проснётся уже, может быть, каким-нибудь м-ром Джоном Смитом, Рамчандрой Роу или Патриком О'Фланнеганом — и останется он точно на том же уровне, на каком пребывал в своей прежней жизни.

Если же человек ставит перед собой более высокие жизненные цели, более высокие задачи, если он хочет выскользнуть из этого нескончаемого круговорота перевоплощений, если хочет он стать хозяином собственной судьбы, то тогда ему в первую очередь придётся научиться властвовать собою. Как может он рассчитывать справиться с внешними силами природы, когда ему невмочь совладать с теми жалкими и немногочисленными природными силами, что живут в его собственном ничтожном теле?

Как тут быть? Бежать от жены и семьи, оставляя их без куска хлеба? Но человек в этом случае начал бы свой путь к духу с несправедливого поступка — и поступок этот стал бы вечно преследовать его, словно призрак Банко,^[27] мешая ему двигаться вперёд. Нет, если уж ты принял на себя определённые обязательства, то обязан их выполнить до конца, а подобный трусливый поступок оказался бы скверным началом для дела, требующего немалого мужества.

Конечно, можно жить и целомудренным анахоретом. Такого не будут терзать никакие искушения, а все заботы у него сосредоточатся лишь на самом себе. Разумеется, у него окажутся несравненные преимущества для занятий медитацией и изучения оккультной философии. Закрыв себя от любых внешних раздражителей, он будет жить жизнью эгоиста, движимый одними только собственными духовными интересами. Но, исключив из своей жизни искушения любого рода, он тем самым лишит себя и возможности широко развивать свою силу воли. А между тем человек, со всех сторон окружённый искушениями, принуждённый ежедневно и ежечасно упражнять свою силу воли, сопротивляясь нарастающей ярости желаний, вполне сможет, если будет правильно использовать свои способности, набрать силу. Да, вероятно, у него нет всех тех возможностей для философских изысканий, какими располагает не состоящий в браке холостяк, и он сильнее погружён в круг материальных забот, но когда в следующем своём воплощении он достигнет более высокого состояния, то и сила воли у него окажется крепче, и тогда-то он уже полностью овладеет главным ключом к своей цели: искусством воздержания.

Раб не умеет управлять другими — для этого он должен быть свободным. Человек, находящийся в плену у собственных животных желаний, неспособен управлять животной природой других. Мышцы укрепляются только когда находятся в действии, инстинкты и привычки закрепляются тем сильнее, чем больше свободы им даёт человек, сила ума формируется практикой, а принцип воли закаляется упражнением — в этом и состоит главная ценность искушений. Обладать бурными страстями и уметь преодолевать их — это и значит быть героем. Половой инстинкт — сильнейший из всех, а потому и покоривший его становится богом.

Человеческая душа восхищается красотой форм, а значит, она поклоняется идолу.

Дух же человеческий поклоняется одному лишь принципу, а значит, поклоняется истинному божеству.

Брак есть союз мужского духа и женской души, и целью его является продление рода. Если же, напротив, он вырождается лишь в союз мужского и женского тел, то и

брак превращается в чисто животный акт, опускающий и мужчину, и женщину даже не до животного уровня, а много ниже, поскольку репродуктивные способности у животных проявляются лишь в определённый сезон, тогда как человек, наделённое разумом существо, может употреблять эти свои способности хоть на пользу себе, хоть во зло, в любое время.

Но много ли можем мы встретить таких браков, которые носили бы именно духовный характер, а не вызывались бы интересом к красоте форм или иными соображениями? И на который день после дня бракосочетания мужчина и женщина начинают вдруг питать отвращение друг к другу? Отчего это происходит? Супругами могут оказаться люди, резко отличающиеся друг от друга по своему характеру. Они могут иметь разные вкусы, разные мнения на тот или иной счёт, у них, наконец, могут оказаться разные увлечения. Все эти различия вполне способны со временем стираться, и, возможно, они действительно стираются, так как в ходе совместной жизни супруги привыкают друг к другу и становятся как бы одним человеком. Один влияет на другого, и так же, как, преодолев первоначальный ужас, человек может полюбить в качестве домашнего животного даже змею, так мужчина может со временем смириться с нелюбимой супругой и даже полюбить её.

Если, однако, человек даст полную волю своим животным страстям и станет безудержно осуществлять свои "законные права", то те самые животные влечения, которые поначалу так робко давали о себе знать, теперь, насытившись до отвала, улетят прочь, хохоча над несчастным глупцом, вскормившим их на своей груди. Супруга придёт к убеждению, что муж у неё просто тряпка, способный лишь беспомощно потакать своим не знающим пощады животными страстями. А поскольку женщина больше всего ценит в мужчине надёжность и силу, то чем больше муж будет охладевать к ней, тем меньше и она начнёт доверять ему. Он будет взирать на неё как на докучливую обузу, а она станет видеть в нём одно лишь отвратительное животное. Супружеское счастье их постепенно покинет, и венцом его станут страдания, развод или смерть.

Единственным средством против подобного исхода является воздержание, необходимость которого мы и стремились подчеркнуть в своей статье.

Зороастризм о семеричном составе человека[28]

Парс (член Т.О.)

Благодаря Теософскому обществу, мир познакомился с целым рядом эзотерических доктрин, и оказалось, что многие из них по своему духу чрезвычайно близки древнейшим религиям Востока — таким, в частности, как ведийская и авестийская. Не трогая первой, мне хотелось бы обратиться ко второй и на примере нескольких доктрин, изложенных в дошедших до нас авестийских текстах, показать их тесную близость с теми учениями, о которых мы узнали в последнее время.

Любой самый обычный парс, ежедневно читающий свои *ньяши*, *гахы* и *яшты*, [29] — дай он только себе труд полюбопытствовать о смысле того, что произносит, — без особых усилий заметил бы в них присутствие тех же самых идей, разве что по сравнению с этими учениями изложенных в чуть менее понятной и единообразной терминологии. Как показывает описание семеричного состава, конституции человека, которое мы обнаруживаем в 54-й главе *Ясны* — одной из важнейших книг

маздеистской религии — содержащиеся в Авесте доктрины ничем не отличаются от доктрин эзотерической философии, и мне как представителю маздеизма, право, неловко за то, что имея перед своими глазами столь неоспоримое и недвусмысленное свидетельство, никто из сегодняшних зороастрийцев так до сих пор и не воспользовался предложенной Теософским обществом возможностью, чтобы с его помощью и под его наблюдением пролить свет на свои же собственные священные писания, которые сегодня уже никто неспособен ни толком понять, ни верно интерпретировать.

Если бы знатоки и исследователи Авесты взяли на себя труд пуститься в самостоятельные изыскания, они, вероятно, нашли бы себе в помощь и соответствующих людей, располагающих единственно верным ключом к пониманию истинной, эзотерической мудрости. Эти люди всегда с радостью направили бы их по верному пути и помогли бы им докопаться до истинного, сокровенного смысла; они подсказали бы им и те недостающие звенья, из-за которых образовались те мучительные разрывы в течении мысли, те пропуски, что обесмысливают слова и фразы, а в головах вконец запутавшихся учеников порождают сомнения, заставляющие их разувериться в собственной религии и, в глубоком разочаровании, окончательно отвернуться от неё. Как знать, может быть, даже в среде своих же единоверцев они встретили бы людей, которые, удалившись от мирской жизни, ещё и сегодня хранят славные истины когда-то могучей религии? Затерявшись среди отрогов безлюдных гор, скрываясь в неведомых безмолвных пещерах, они, может быть, по сей день владеют — и продолжают пользоваться — могучими способностями, наследием древних *магов*? Как говорится в наших писаниях, древние *мобеды*[30] были йогами, которые обладали способностью появляться одновременно в разных местах, отделённых друг от друга сотнями миль, они умели исцелять больных и делать многое другое — одним словом, они, как мы сказали бы сегодня, творили чудеса. Каких-нибудь два-три века тому назад все эти *достоверные* случаи не вызывали ни у кого ни малейших сомнений — об этом знал каждый, читавший старинные книги (главным образом, персидские), а не верить им *a priori*[31] мог лишь человек, ум которого безнадежно скован границами, предписываемыми современным светским образованием. История, связанная, например, с *мобедом* и императором Акбаром, как и с обращением последнего, представляет собой столь общеизвестный исторический факт, что не нуждается в дополнительных доказательствах.

А начну я с того, что ниже расположу параллельные фрагменты, разъясняющие семеричную природу человека, которые я почерпнул из наших собственных писаний и из публикаций журнала *The Theosophist*:

Структура семеричного человека по культурной философии

1. Физическое тело, целиком состоящее из материи, представленной в её самой грубой, самой вещественной форме.
2. Жизненный принцип — (*джива*) — форма неразрушимой силы; когда у неё обрывается связь с одним набором атомов, она мгновенно связывается с другими.
3. Астральное тело (*линга шарира*), состоящее из чрезвычайно утончённой материи. В своём

Структура семеричного человека по Ясне (гл. 54, § I).

1. *Танва* — т.е. тело ("я"), состоящее из костей, самой грубой формы материи.
2. *Уитана* — жизненная теплота (сила).
3. *Кехерна* — тонко-воздушная форма, лекало, трафарет (перс.

обычно пассивном состоянии представляет собой совершеннейший (но только призрачно-тонкий) дубликат физического тела. Его функция — придавать конкретную форму, целиком определяемую *кама-рупой*.

4. Астральная форма (*кама-рупа*, т.е. тело желаний) — принцип, определяющий структуру...

5. Животного, т.е. физического рассудка, сознания, или эго. Он аналогичен разуму, инстинкту, памяти, воображению и т.д., имеющимся у высших животных, но занимает более высокое место с точки зрения диапазона чувств и места, которое человек занимает в животном мире.

6. Наивысший, т.е. духовный, разум, или сознание, духовное эго. Это и есть тот центр, в котором главным образом находится ощущение собственного сознания в совершенном человеке, хотя параллельно с ним в № 5 существует и низшее, более тусклое животное сознание.

7. Дух — эманация несотворённого абсолюта. Он вечен и представляет собой скорее состояние, чем некую сущность.

калеб).

4. *Тевииши* — воля; то, где формируется чувствующее сознание, а также способность провидеть будущее.

5. *Баодха* (на санскр.: *буддхи*) — тело физического сознания, восприятия посредством *чувств или животной души*.

6. *Уравани* (перс.: *раван*) — душа; то, что принимает награду или кару после смерти.

7. *Фраваши* или *фравахр* — дух (путеводная энергия, пребывающая с каждым человеком. Абсолютно самостоятелен. Не смешиваясь ни с чем мирским, направляет человека к благу. Искра божественности, присутствующая во всём сущем).

Всё приведённое выше изложено в Авесте в следующих словах:

"Мы объявляем и категорически утверждаем (что) мы препоручаем всё (наше) имущество (а именно:) тело ("я", включающее в себя) кости (*танва*), жизненную теплоту (*уштана*), воздушную форму (*кехернас*), знание (*тевиши*), сознание (*баодха*), душу (*урван*) и дух (*фраваши*) благим, истинным (и) чистым гатам (молитвам)".

Существующий сегодня общепринятый перевод на гуджарати[32] отличается от перевода Шпигеля,[33] однако этот последний *крайне мало* чем отличается от приведённого выше. Тем не менее, этот текст приводится здесь в своей оригинальной авестийской формулировке без каких-либо добавлений или пропусков. Сохранена также и грамматическая конструкция. Единственная разница между существующими переводами и приведённым здесь вариантом состоит в том, что *наш* перевод сделан с учётом правок, внесённых современными специалистами-филологами и делающих текст более понятным, а мысль совершенно ясной читателю.

Слово, которое мы перевели как "воздушная форма" дошло до нас в своём чистейшем изначальном смысле. Эквивалентом его является современное

персидское слово *калеб*, то есть лекало, трафарет, по которому вещи придают ту или иную форму.

Что же касается следующего слова, то в отношении его смысла существует широкий разброс мнений. Одни переводят его как "прочность", "долговечность", подразумевая под этим силу, придающую устойчивость нервной системе и питающую её своей энергией. Другие же толкуют его как особое качество облечённого властью и занимающего высокое положение человека, которое позволяет ему воспринимать последствия определённых событий (причин), это качество как бы подготавливает его к ним и помогает реагировать на них. Слово это можно толковать по-разному, но мы переводим его как "знание" и даже как "способность провидеть будущее", хотя и не настаиваем на своём варианте как на единственно точном.

С восьмым[34] словом всё понятно. Это то внутреннее чувство, которое подсказывает человеку, что он обладает знанием о том или ином предмете, что он совершил или может совершить то или иное действие, — это и есть восприятие или сознание. Это одновременно и внутреннее убеждение, знание и обладание ими.

Девятое слово также целиком сохранило своё изначальное значение и употребляется в живой речи по сей день. Как легко догадается читатель, именно от этого слова и происходит современное слово *раван*. Это (в фигуральном смысле) "царь" — он-то и выступает у человека в функции некоего "сознательного мотора" или движущей силы. Это нечто такое, что зависит от всех вышеперечисленных атрибутов и может либо выигрывать, либо проигрывать в зависимости от них. Зависит он от них в том смысле, что его собственное продвижение вперёд целиком заключается в максимальном развитии тех самых атрибутов. Если они не получают должного внимания, то и он становится всё слабее, деградирует, а затем исчезает вовсе. Однако если те поднимаются всё выше по нравственно-духовной лестнице, то и он становится всё сильнее, всё энергичнее и всё больше смешивается с божественной сущностью — седьмым принципом.

Но каким же образом он притягивается к своей монаде? На этот вопрос отвечает десятое слово.

Это растворённая в человеке божественная сущность. И, тем не менее, это всего лишь ни за что не несущий ответственности министр (если прибегнуть к той же метафоре). Подлинным же хозяином является "царь", духовная душа. Тот должен иметь и желание, и способность видеть курс, предначертанный ему чистым духом, и неуклонно следовать ему. Задача же визиря — лишь указывать царю точку притяжения, к которой тот должен стремиться. А дальше уже дело самого царя принимать окончательное решение и действовать соответственно ради собственной славы. Министр, то есть дух, не может ни принуждать, ни обязывать. Его задача — вдохновлять и побуждать к действию, а решение, стоит ли воспользоваться предлагаемыми благами или нет, остаётся за "царём", духовной душой.

Но если Авеста содержит в себе фрагмент, подобный приведённому выше, то это, очевидно, означает, что авторы её были явно знакомы и с учением о духовном человеке. В самом деле, разве можем мы приписать этот коротенький фрагмент древним маздеистам — *магам*, — не сделав при этом вывод об их глубоком знакомстве и со всей оккультной теорией, касающейся человека? И, право, очень странно, что те самые доктрины, которые маздеисты отлично знали и проповедовали многие тысячи лет тому назад — ведь процитированный отрывок принадлежит одному из древнейших священных текстов — сегодня разъясняют нам теософы. А

поскольку они излагают нам те самые идеи, смысл которых был почти целиком утерян и забыт даже самыми учёнейшими нашими мобедами, то необходимо признать, что теософы и вправду располагают, по крайней мере, частью того знания, ключ к которому был им поведан, а нами утрачен, но именно он и открывает двери к пониманию смысла тех до сих пор никем не истолкованных фраз и доктрин, что содержатся в наших древнейших писаниях. Нужно признать, что в этих вопросах мы блуждаем и будем продолжать блуждать в потёмках до тех пор, пока не прислушаемся к тому, о чём говорят нам теософы.

Однако приведённый выше фрагмент — это далеко не единственный пример, и та же самая идея встречается в целом ряде других мест Авесты. Чтобы доказать это, я приведу ещё один отрывок, в котором содержится то же самое учение, правда, изложенное более кратко. Пусть наши читатели-парсы откроют 26-ю главу *Ясны* и прочитают 6-й параграф, который звучит следующим образом:

"Мы воздаём хвалу жизни (*ахум*), знанию (*даэна*), сознанию (*баодха*), душе (*урвани*) и духу (*фраваши*) первейших в вероучении, первейших учителей и слушателей (учеников), тех святых мужчин и святых женщин, которые служили блюстителями чистоты здесь (в этом мире)".

Здесь говорится о человеке как о пятичастном существе, состоящем из того, что именуется следующим образом:

1. <i>Ахум</i> — существование, жизнь. Включает в себя:	}	1. Физическое тело.
2. <i>Даэна</i> — знание.		2. Жизненный принцип.
3. <i>Баодха</i> — сознание.		3. Астральное тело.
4. <i>Урвани</i> — душа.		4. Астральная форма или тело желаний.
5. <i>Фраваши</i> — дух.		5. Животный или физический разум; физическое сознание; эго.
		6. Наивысший или духовный разум; духовное сознание; духовное эго.
		7. Дух.

По этой классификации, первая триада — кости (грубая материя), скрепляющая их жизненная сила и эфириобразное тело — включены в единую категорию, именуемую "существованием" или "жизнью".

Вторая составляющая часть обозначает *четвёртый* принцип семеричного человека, определяющий характер его знаний и влечений.[35] Затем идут следующие три составные части: сознание (животная душа), (духовная) душа и чистейший дух — по своему смыслу они аналогичны терминам, упомянутым в первом процитированном выше фрагменте. Так почему же каждая из этих четырёх составных частей упоминается отдельно, и все они не объединяются в нечто одно, как это сделано с первой частью?

Как разъясняют нам священные писания, во время смерти первая из этих пяти частей исчезает и рано или поздно гибнет в земной атмосфере. Грубая элементарная материя (оболочка) должна совершать свои кругообороты, оставаясь в пределах зоны притяжения земли — поэтому-то *ахум* и отделяется от наивысших частей и затем пропадает. Вторая часть (или *четвёртая* по семеричной классификации) не умирает, но и не соединяется с духовной душой. Она продолжает занимать своё законное место в гигантской кладовой Вселенной. И именно она, эта вторая часть, *даэна*, и

предстаёт перед (духовной) душой в образе прекрасной девы или безобразной старухи. А заставляет эту *даэну* предстать лицом к лицу с (духовной) душой как раз третья часть (*пята* по семеричной классификации) — *баодха*. Иными словами, духовная душа сохраняет при себе (или внутри себя) подлинное сознание, которое и помогает ей обозреть весь опыт своего физического бытия. Таким образом, это сознание, эта способность хранить память, всегда находится рядом — иными словами, она составляет неотъемлемую часть самой души. Поэтому-то она и не смешивается ни с одной из остальных составных частей, поэтому-то она и продолжает существовать после физической смерти человека.[36]

Брахманизм о семичастном составе человека[37]

Т. Субба Роу

Теперь уже очень трудно сказать, что собой представляла древнеарийская доктрина в подлинном своём виде. Вздумай исследователь отыскать ответ на этот вопрос путём анализа и сопоставления всего разнообразия господствующих в Индии эзотерических систем, то он очень скоро заблудился бы в лабиринте вопросов — вопросов тёмных и не имеющих для себя определённого ответа. Нам не удастся сопоставить, например, подлинное наше брахманистское эзотерическое учение с эзотерическим учением Тибета до тех самых пор, пока мы со всей ясностью не установим, какие именно учения относятся к так называемой "арийской доктрине", ... и не постигнем древнеарийской философии во всём её *полном объёме*. И санкхья Капили, и "йога-философия" Патанджали, и различные направления философии шактизма, и разнообразные *агамы* и *тантры* — всё это лишь только её отдельные ответвления.

Но существует, однако, некая доктрина, которая служит всем им изначальным фундаментом. Нам хватило бы её одной, чтобы разгадать секреты всех этих различных философских направлений и свести все их учения к единому знаменателю. Она существовала, вероятно, задолго до того, как были составлены первые тексты вед, и именно её изучали наши древние риши, формулируя индуистские священные писания. А восходит она, как считается, к некоему таинственному персонажу по имени Маха.[38] ...

Без некоторого знакомства с *той доктриной* нам едва ли удастся понять упанишады, как и те разделы вед, которые не целиком посвящены описанию древнеарийских ритуалов. Но даже если взять и упоминаемые в ведах грандиозные ритуалы, то без дополнительных сведений нам никогда не разгадать их подлинного смысла... Вероятнее всего, веды в первую очередь предназначались для участвовавших в публичных ритуалах жрецов, но в них также содержится и ряд глубочайших выводов, к которым пришла наша подлинная тайная доктрина. Как мне рассказывали сведущие в этих вопросах люди, веды явно имеют двойной смысл: один выражается через буквальный смысл слов, а другой обозначается с помощью метрики стихов и *свары* (интонации), и считается, что эти последние и составляют как бы подлинную жизнь вед... Учёные пандиты и филологи, разумеется, всячески отрицают какую бы то ни было связь между *сварой* и философией (то есть древними эзотерическими учениями), однако в числе наиболее глубоких секретов этой философии как раз и находится таинственная связь между *сварой* и *светом*.

Итак, сегодня уже исключительно трудно установить, кто у кого заимствовал эту доктрину: тибетцы ли у древнеиндийских риши или древние брахманы почерпнули свою оккультную науку у тибетских адептов. А может быть, адепты обеих стран и вовсе изначально проповедовали одну и ту же доктрину, которую заимствовали из какого-то общего источника.[39]

Поезжайте в Шравана Балагулу[40] и спросите там у джайнских пандитов: кто, мол, является автором вед и откуда ведёт своё начало брахманистская эзотерическая доктрина, и, скорее всего, Вы[41] услышите в ответ: веды, дескать, — это сочинение *ракиасов*[42] или *дайтьев*, у них-то брахманы и нахватались своих тайных знаний.[43] Надо ли понимать их слова в том смысле, что веды и брахманистские эзотерические учения и впрямь возникли в погибшей Атлантиде — континенте, когда-то занимавшем значительную часть пространства Южного (т.е. Индийского — *перев.*) и Тихого океанов? А упоминание в "Разоблачённой Исиде" о санскрите как о языке жителей упомянутого континента может навести кое-кого на мысль о том, что именно там-то и возникли веды — откуда же ещё мог бы взяться арийский эзотеризм, как не там?[44]

И всё-таки подлинная эзотерическая доктрина, как и мистическая философия ведийских иносказаний, происходят совсем из другого источника. Откуда? Да откуда угодно — возможно, что и от божественных обитателей (богов) того священного острова, что некогда существовал в море, во дни оны покрывавшем собою нынешние пространства песка, которые зовутся сегодня пустыней Гоби. Но, как бы то ни было, те знания об *окультных силах природы*, которыми владели жители погибшей Атлантиды, были всё-таки усвоены адептами древней Индии: они-то и присовокупили их к той эзотерической доктрине, с которой их познакомили обитатели священного острова.[45] Тибетские же адепты отказались принять эту добавку к своей эзотерической доктрине — вот почему между обеими доктринами и не может не существовать различия, и мы должны быть готовы это признать.[46]

В брахманистской оккультной доктрине, по всей вероятности, содержится всё, что было известно относительно *сил природы* и её законов либо на таинственном северном острове, либо на столь же таинственном южном материке. И если уж Вы собираетесь сопоставлять арийскую и тибетскую доктрины в части, касающейся их учений об оккультных силах природы, то вначале должны проанализировать все существующие на сегодняшний день классификации этих сил, классификации управляющих ими законов и классификации форм проявления этих сил, равно как и подлинный смысл тех разнообразных терминов, под которые они фигурируют в арийской доктрине. Вот список лишь некоторых классификаций, содержащихся в брахманистской философской системе [Классификация оккультных сил]:

I. Относящихся к *Парабрахману* и дей-ствующим в Макрокосме.

II. Относящихся к человеку и дей-ствующим в Микрокосме.

III. Применительно к *тарака-йоге* или *пранава-йоге*.

IV. Применительно к *санкхья-йоге* (в которой они выступают как бы имманентными атрибутами *пракрити*).

V. Применительно к *хатха-йоге*.

VI. Применительно к *Каула-агаме*.[47]

VII. Применительно к *Шакта-агаме*.

VIII. Применительно к *Шайва-агаме*.

IX. Применительно к *шричакре*[48] (то, что говорится о *шричакре* в "Разоблачённой Исиде", не представляет собой ту *подлинную эзотерическую шричакру*, о которой рассказывают древние адепты Арьяварты).[49]

X. Описываемых в "Атхарваведе" и т.д.

По мере углубления знаний о первосилах и их новых сочетаниях в самых разнообразных пропорциях уточнялись и все эти классификации, которые стали делиться практически на бесконечное количество групп и подгрупп.

Однако здесь я должен поставить точку и перейти к обсуждению статьи "Фрагменты оккультной истины" (позднее более подробно изложенной в книге "Эзотерический буддизм"[50] — Ред. *Теос.*).

Я тщательно проанализировал статью и вижу, что выводы её (выдержанные в духе буддийской доктрины) не слишком-то сильно отличаются от той позиции, которой по этим вопросам придерживается наша арийская философия.[51] хотя наш способ аргументации может и несколько отличаться по форме. Я сейчас буду рассматривать этот вопрос так, как вижу его лично я, хотя ради удобства сопоставления и обсуждения буду здесь следовать порядку, принятому в *семеричной* классификации образующих человека сущностей, или принципов, которой пользуется и автор "Фрагментов".

В статье на обсуждение поставлены два вопроса: (1) действительно ли то, что появляется в комнатах во время спиритических сеансов и в других местах, является человеческими *развоплощёнными духами* (как называют их спиритуалисты); и (2) действительно ли происходящие при этом явления производятся целиком или частично посредством их?

На эти два вопроса мы едва ли сможем дать удовлетворительный ответ, пока со всей точностью не определимся в том, какой конкретный смысл вкладывается в выражение "человеческие развоплощённые духи". Сами эти термины, *спиритуализм* и *дух (spirit)*, несут в себе чересчур неопределённый смысл. До тех пор, пока английские авторы вообще и спиритуалисты в частности не объяснят со всей определённости, какую *коннотацию* они придают слову *дух*, путанице в этом вопросе не будет конца, и подлинной природы этих так называемых спиритуалистических феноменов, как и их *modus occurrendi*.[52] нам так и не удастся окончательно установить.

Религиозные христианские авторы, как правило, говорят лишь о *двух* составляющих человека сущностях — о теле и *душе* или *духе* (и, похоже, не видят никакой разницы между последними двумя). Философы же в Европе обычно говорят о *теле* и *уме*, утверждая, что только ум и может быть душой или духом. Рассуждать же о *лингашарипе*[53] они считают делом крайне нефилософским. Разумеется, эти взгляды ошибочны, они построены на ничем не подкреплённых предположениях о возможностях природы и на неполном понимании её законов.

А теперь я перейду к анализу (с точки зрения брахманистской эзотерической доктрины) духовной составляющей человека и тех разнообразных сущностей (или принципов), что существуют в нём, а затем мы посмотрим, *способна* ли хоть одна из

этих образующих его сущностей появляться на земле после его смерти, а если способна, то *что это за сущность, являющаяся подобным образом.*

Профессор Гиндаль в своих великолепных статьях, посвящённых, по его собственной терминологии, "теории зародышей", следующим образом описывает выводы, к которым он пришёл в результате целого ряда хорошо организованных экспериментов. Даже в самом малом объёме пространства, говорит он, существуют мириады зародышей протоплазмы, которые плавают в эфире. Если они получают доступ, скажем, к воде (к чистой воде) и попадут в неё, то из них образуется та или иная форма жизни.

Так что же это за факторы, позволяющие подобной жизни обрести бытие? Очевидно, они включают в себя:

I. *Воду*, служащую удобным, так сказать, полем для развития жизни.

II. Зародыш протоплазмы, из которого должна возникнуть или развиться какая-то жизнь, какой-то живой организм. И наконец:

III. Сила, энергия, способность, тенденция, которая активизируется при соприкосновении или при соединении этого зародыша протоплазмы с водой, благодаря чему образуются или развиваются жизнь и её природные свойства.

Аналогично этому существуют и три первопричины, которые приводят и человека в состояние бытия. Ради удобства я обозначу их под следующими наименованиями:

(1) *Парабрахман*, универсальный дух.

(2) *Шакти*, вершина астрального света, объединяющая в себе все силы природы.

(3) *Пракрити*, которая в своей изначальной, самой первичной форме представлена *акашей*. (Любая вообще форма материи, по сути дела, может быть в конечном счёте сведена к *акаше*)^[54]

Обычно *пракрити* (или *акашу*) уподобляют *кшетре*.^[55] то есть называют основанием, что у нас соответствует воде в приведённом выше примере: зародыш — *Брахман*, а сила или энергия, возникающая при их [т.е. *Брахмана с кшетрой* или зародыша с водой — *перев.*] объединении или контакте — это *шакти*.^[56]

Однако в упанишадах всё обстоит не так: там *кшетрой*, или основанием, выступает *Брахман*^[57], зародышем или семенем — *акаша (пракрити)*, а *шакти* — это та сила, что образуется благодаря их соединению или контакту. Таков истинно научный и философский способ изложения вопроса.

Далее, по словам адептов древней Арьяварты, из этих трёх первосущностей возникают *семь принципов*. Как объясняет алгебра, число *комбинаций*, образующихся из определённого количества (*n*) предметов — одного, двух, трёх и т.д. — определяется по формуле: $2^n - 1$.

Применив эту формулу к данному случаю, мы узнаём, что количество сущностей, образующихся из различных сочетаний этих трёх первопричин, составляет: $2^3 - 1 = 8 - 1 = 7$.

Каждый раз, когда в древнеиндийской оккультной науке мы встречаем — в какой угодно связи — упоминание о *семи* сущностях, мы должны взять себе за общее

правило предполагать, что семь этих сущностей должны были возникнуть из *трёх первосущностей*, а эти три сущности, в свою очередь, должны возникать из некой *единой сущности* — Монады.

Возьмём всем знакомый пример: семь цветных лучей, из которых состоит единый солнечный луч, образуются из *трёх основных цветных* лучей, а эти три основных цвета существуют в солнечном луче параллельно с четырьмя дополнительными цветами. Аналогичным образом и те три первосущности, благодаря которым и возникает человек как живое существо, присутствуют в нём параллельно с *четырьмя дополнительными* сущностями, возникающими из различных сочетаний трёх первосущностей.

Семь этих сущностей, которые в своей совокупности образуют состав, конституцию человека, приводятся ниже. Я перечислю их в том же порядке, в каком они приводятся во "Фрагментах", [58] поскольку брахманистская и тибетская системы в этом полностью совпадают:

Соответствующие наименования, под которыми они приводятся в книге "Эзотерический буддизм"

I. *Пракрити.*

Стхулашарира (физическое тело).

II. Сущность, возникающая из сочетания *пракрити* с *шакти*.

Сукимашарира или *лингашарира* (астральное тело).

III. *Шакти.*

Камарупа (*периспри*[59]).

IV. Сущность, возникающая из сочетания *Брахмана*, *шакти* и *пракрити*.

Джива (*жизненная душа*).

V. Сущность, возникающая из сочетания *Брахмана* и *пракрити*.

Физический разум (или животная душа).

VI. Сущность, возникающая из сочетания *Брахмана* и *шакти*.

Духовный разум (или душа).

VII. *Брахман.*

Эманация Абсолюта и т.д. (чистейший дух).

Перед тем как мы перейдём к анализу природы этих семи сущностей, нам настоятельно необходимо сделать несколько разъяснений общего характера.

I. Те дополнительные принципы, что возникают из сочетания первопринципов, по своей природе ничем не похожи на сами те сущности, из сочетания которых они возникают. Не следует думать, будто они образуются чисто механически — как если бы мы просто поставили их рядом друг с другом, природа у них иная. Это даже не

химические соединения. А следовательно, никаких правомерных выводов относительно природы всех этих сочетаний мы сделать не сможем, опираясь на аналогичное природное разнообразие подобных сочетаний.

II. Общее положение, согласно которому при устранении причины исчезает и её следствие, справедливо не всегда. Возьмём, к примеру, следующий случай. Если мы передаём некое количество движения мячу, то в результате этого он начнёт двигаться в каком-то направлении с какой-то скоростью. Но вот, скажем, после завершения мгновенного импульса или удара по мячу, передавшего ему известное количество движения, вдруг исчезает причина этого движения. По *первому закону* Ньютона, мяч будет всё равно продолжать двигаться дальше и дальше всё с той же скоростью и в том же направлении, пока не возникнет какая-то дополнительная причина, которая может изменить первоначально переданное мячу количество движения, уменьшить его, уравновесить или начать противодействовать ему. Таким образом, если даже мяч и остановится, то это произойдёт не из-за исчезновения причины движения, а из-за появления других причин, которые и произведут указанный результат.

Опять же возьмём пример *субъективных явлений*.

Вот передо мной стоит чернильница. Она производит во мне, в моём уме, мысленный образ своей формы, величины, цвета и т.д. Чернильницу можно убрать со стола, но её мысленный образ всё равно будет продолжать существовать. Как мы видим, и в этом случае следствие не исчезает вместе с породившей его причиной. Более того, это следствие мы можем возвращать к актуальному бытию в любое время, и это совершенно не зависит от присутствия или отсутствия первопричины.

А теперь давайте обратимся к упомянутому выше пятому принципу — той сущности, которая возникает при соединении *Брахмана с пракрити*. Если общее положение (изложенное в "Фрагментах оккультной истины") верно, то этот принцип, соответствующий *физическому разуму*, должен тут же переставать существовать, как только для данного индивида перестанет существовать *Брахман* — седьмой принцип. Однако этого, разумеется, не происходит. Это общее положение во "Фрагментах" приводится в поддержку утверждения о том, что если для индивида перестаёт существовать седьмой принцип, то для него тут же прекратит своё существование также и шестой принцип. Утверждение это, несомненно, справедливо, однако сама форма, в которой оно излагается, а также приводимые в его доказательство основания, представляются мне весьма спорными.

Нередко приходится слышать о том, что в тех случаях, когда ум человека проявляет исключительно материалистическую направленность и его отличает полное отсутствие каких бы то ни было духовных запросов и мыслей, то седьмой принцип покидает его либо до, либо в момент смерти, а вместе с ним исчезает и шестой принцип. Но ведь уже само суждение об *исключительной* материалистичности ума у того или иного индивида подразумевает отсутствие у него духовного разума, духовного *эго*, а значит, так и следовало прямо сказать: когда у того или иного индивида перестаёт действовать или существовать духовный разум, то для такого индивида перестаёт существовать и седьмой принцип во всех смыслах. Нет, разумеется, он никуда не отлетает от него прочь. *Брахман* никуда не девается и его положение ничуть не изменяется. [60] Утверждение это нужно понимать лишь в том смысле, что если человек полностью перестаёт внутренне ощущать присутствие *Брахмана*, духа, не тянется к духовной жизни и утрачивает духовное сознание, то это означает, что седьмой принцип уже больше не влияет на судьбу подобного индивида

и не управляет ею.

И вот теперь я перейду к вышеперечисленным семи принципам и объясню, что под ними понимается (в арийской доктрине).

I. *Пракрити*. Она составляет основу *стхулашариры* и под именем последней представлена в указанной классификации.

II. *Пракрити* и *шакти*. Это *лингашарира* (астральное тело).

III. *Шакти*. Этот принцип соответствует Вашей[61] *камарупе*. Древними оккультистами эта сила или способность помещалась в *набхичакре*. [62] Эта сила способна собирать [из пространства — *перев.*] *акашу* (*пракрити*) и придавать ей любую необходимую форму. Она теснейшим образом симпатически связана с пятым принципом, который способен её подчинять себе и заставлять её действовать под своим влиянием и контролем.

IV. *Брахман*, *шакти* и *пракрити*. Опять-таки это соответствует Вашему второму принципу, *дживе*. Под этой силой понимается существующий в природе универсальный жизненный принцип. Вместилищем его [в человеке — *перев.*] является *анахатачакра* (сердце). Эта сила и создаёт то, что известно как *джива*, то есть жизнь. Она, как Вы справедливо говорите, неразрушима, и во время смерти [организма] деятельность её просто переносится на другой набор атомов, и тогда образуется ещё один какой-то организм. [63]

V. *Брахман* и *пракрити*. В нашей арийской системе это соответствует Вашему пятому принципу, называемому *физическим разумом*. По словам наших философов, именно в этой сущности и располагается вместилище, основание, того, что известно как *ум*. Этот принцип труднее всех остальных поддаётся объяснению, и от того, как мы определим его, будет зависеть и исход всей нашей дискуссии. [64]

Итак, что же такое ум? Это то таинственное нечто, которое, как считается, и служит вместилищем сознания — ощущений, эмоций, волевых импульсов и мыслей. Как показывает психологический анализ, ум, по всей очевидности, представляет собой некую совокупность состояний мыслительной деятельности — а также самих возможностей подобных состояний, — связанных между собой тем, что мы называем памятью и что, как считается, может существовать отдельно от любого из конкретных состояний [мыслительной деятельности] и идей.

Но в какой же именно сущности это таинственное нечто может существовать хоть потенциально, хоть актуально? Должны же где-то иметь место своего пребывания наша *память* и те наши *расчёты на будущее*, которые и образуют как бы подлинное основание для того, что именуется индивидуальностью (*аханкараной*)? Современные европейские психологи, как правило, говорят, что вместилищем для ума служит материальное вещество *мозга* — именно в нём, по их мнению, и хранится весь прошлый *субъективный опыт*, к которому может обращаться память, а вся совокупность этого опыта и образует то, что именуется *индивидуальностью*. Кроме того, этот прошлый опыт существует там в виде неких неразличимых таинственных впечатлений и изменений в нервной системе и нервных центрах, расположенных в полушариях головного мозга. Следовательно, как они говорят, с разрушением тела происходит и разрушение ума — ума отдельного индивида, — а значит, никакое существование после смерти невозможно.

Однако среди данных, которые подтверждаются самими же этими философами,

имеются и факты, вполне позволяющие нам разбить их теорию начисто. Дело в том, что в каждой частице человеческого тела постоянно происходят какие-то изменения, и изменения эти не прерываются ни на одно мгновение. Эти нескончаемые изменения претерпевает каждая ткань организма — каждая мышечная ткань, каждая нервная трубка, каждый ганглионарный центр мозга. В течение жизни у человека может несколько раз *полностью обновиться* вещество мозга. Тем не менее, на памяти человека о его прошлых ментальных состояниях это никак не сказывается. К его прежнему субъективному опыту может добавляться новый, человек может совершенно забыть какие-то свои прошлые ментальные состояния, но ни одно из его ментальных состояний само не претерпевает никаких изменений. Какие бы изменения ни происходили непрерывно у человека в веществе его мозга,^[65] ощущение собственной личности у него остаётся всегда одним и тем же. Оно благополучно сохраняется, невзирая ни на какие изменения и, более того, способно сохраняться даже при полном разрушении материального вещества мозга.

Как утверждают наши философы, местом пребывания для этой индивидуальности, которая рождается из совокупности ментального сознания индивида, служит некая *окультная сила*, которая как бы ведёт своеобразный журнал регистраций, куда заносит все наши ментальные впечатления. Сама по себе эта сила неразрушима, но под действием некоторых противодействующих ей факторов регистрируемые ею впечатления могут со временем стираться — либо частично, либо целиком.

В этом смысле я хотел бы отметить, что наши философы связали вышеупомянутые семь принципов (сущностей) с семью *окультными* силами. Семь этих окультных сил, действуя в пределах микрокосма, выступают аналогами или партнёрами тех окультных сил, что действуют в масштабах макрокосма. Когда же сковывающие индивидуальность рамки исчезают и когда между семью силами микрокосма устанавливается связь с семью силами макрокосма, то ментально-духовное сознание индивида превращается в общее сознание *Брахмана*.

В самом том обстоятельстве, что существует некая сила, *шакти*, способная выступать носителем впечатлений, оставленных чувствами, идеями, мыслями и прочими субъективными переживаниями, нет ничего необычного. Сегодня уже никого не удивляет тот факт, что с помощью электрического или магнитного тока можно каким-то таинственным образом передавать впечатления звука и речи, сохраняя при этом все индивидуальные особенности говорящего. Точно так же я могу послать Вам и свои мысли, передав их с помощью энергии или силы.

Итак, пятым принципом в нашей философии выступает *ум* — а точнее говоря, та вышеописанная сила, которая заключает в себе запечатлённые ментальные состояния человека и представление его о собственной личности (*аханкару*), возникающее под совокупным воздействием этих состояний.

Во "Фрагментах" этот принцип обозначен просто как *физический разум*. Не знаю, что на самом деле подразумевается под этим выражением. Это можно понимать как разум, находящийся на очень низком уровне развития и присутствующий у низших животных. *Ум* действительно может находиться на самых разных уровнях развития, начиная с самых низших его форм, присущих органической жизни, где признаки его наличия и действия едва-едва различимы, и кончая человеком, в котором он достигает наивысшей стадии развития.

Собственно говоря, весь процесс эволюции, начиная с момента первого появления жизни^[66] вплоть до состояния нирваны (*турия авастха*),^[67] носит как бы

непрерывный характер. В своём развитии мы поднимаемся от этого принципа к седьмому постепенными шажками — так, что эти переходы практически незаметны. Но на всём пути эволюции различаются четыре особенных этапа, на которых отмечаются изменения такого рода, что приковывают к себе особое внимание наблюдателя. Эти этапы можно описать следующим образом:

- (1) Этап, на котором жизнь (четвёртый принцип) только-только появляется.
- (2) Этап, на котором наряду с жизнью уже отчётливо ощущается присутствие ума.
- (3) Этап, на котором достигает своей вершины состояние абстрактного мышления и начинается уже состояние *духовного сознания*.
- (4) Этап, на котором исчезает и духовное сознание, и остаётся один лишь седьмой принцип, пребывающий во всей своей чистейшей наготе в глубочайшем состоянии *нирваны*.

Таким образом, как утверждают наши философы, под пятым принципом мы должны понимать *ум, находящийся в одном из всех возможных для него состояний развития — начиная с второго и заканчивая третьим этапом*.

VI. *Брахман и шакти*. Этот принцип соответствует тому, что Вы определяете как "духовный разум". По сути дела, это — *буддхи* (этот термин, *буддхи*, я употребляю сейчас не в обычном его смысле, а в том, в каком он понимается нашими древними философами). Иными словами, он служит вместилищем для того, что именуется *бодха* и *атмабодха*. Человек, в полном объёме обладающий *атмабодха*, становится *буддой*. *Буддисты очень хорошо знают, какой смысл вкладывается в этот термин*. Во "Фрагментах" этот принцип характеризуется как сущность, возникающая из соединения *Брахмана* и *пракрити*. Я, опять-таки, не знаю, в каком конкретном смысле слово *пракрити* применяется в этой связи. Согласно нашим философам, эта сущность возникает из соединения *Брахмана* и *шакти*. Выше я уже разъяснил, какой смысл вкладывают наши философы в термины *пракрити* и *шакти*.

Как я отметил, в своём *первичном* состоянии *пракрити* представляет собой *акашу*.^[68]

Если же рассматривать *акашу* как силу, *шакти*,^[69] то мои слова о ней как о первичном состоянии *пракрити* могут вызвать недоумение и непонимание, а значит, я должен объяснить, в чём состоит разница между *акашей* и *шакти*. Строго говоря, *акаша* не венчает собою астральный свет и *сама по себе* не образует ни одну из *шести первосил*. Но, не вдаваясь в частности, скажем так: каждый раз, когда производится тот или иной *феномен*,^[70] то вместе с *акашей* действует и *шакти*. Более того, *акаша* служит основанием или *адхиштханой*^[71] для передачи силовых токов и формирования, продуцирования силовых корреляций.^[72]

В "Мантра-шастре" буква *ха* символически обозначает *акашу*, и этот слог можно встретить в составе большинства священных формул, которые должны произноситься во время производства феноменов. Взятая же сама по себе, *акаша* не является никакой *шакти*. Если угодно, Вы можете назвать *шакти* атрибутом *акаши*.

Думаю, что на самом-то деле нет никакой особой разницы между тем, как на природу этого принципа смотрят буддийские и брахманистские философы.

И буддийские, и брахманистские посвящённые очень хорошо знают о состоящем из двух полусфер таинственном круглом зеркале, в котором как бы отражаются лучи,

исходящие и из "неопалимой купины", и из пылающей звезды — духовного солнца, что сияет в чид-АКАШЕ.[73]

Те духовные впечатления, что образуют этот принцип, хранятся в некоей оккультной силе, связанной с рассматриваемой нами сущностью. Весь ряд последовательных воплощений Будды означает, по сути дела, ряд последовательных передач этой таинственной силы, а вернее, заключённых в ней впечатлений. Такая передача возможна только в том случае, когда осуществляющий передачу *махатма*[74] целиком отождествляет себя с седьмым принципом — то есть уничтожает, испепеляет собственную личность-*аханкару* в чидагникунде[75] — и только когда ему удаётся привести собственные мысли в созвучие с вечными законами природы, он становится сподвижником природы. То есть, иными словами, когда он *достигает состояния нирваны, состояния окончательного отречения — отречения от индивидуального, обособленного, существования.*[76]

VII. *Атма.* — Эманация Абсолюта, соответствующая седьмому принципу. Что касается этой сущности, то здесь нет решительно никакого различия между взглядами тибетских адептов-буддистов и нашими древними риши.

А вот теперь давайте и посмотрим, которая же из всех этих сущностей после смерти индивида может появляться во время спиритических сеансов и производить так называемые спиритуалистические феномены.

Из утверждений спиритуалистов о том, что в комнатах для спиритических сеансов якобы появляются "развоплощённые духи" конкретных людей, с неизбежностью следует, что появляющиеся таким образом сущности должны нести на себе печать какой-то конкретной личности.

Поэтому прежде всего мы должны установить, какая именно сущность — или сущности — может служить вместилищем для личности. Очевидно, что она должна заключаться в теле человека — причём тело это должно обладать вполне конкретными внешними особенностями, — а также в его субъективно пережитом опыте (совокупно образующем его ум). После того, как человек умирает, тело его претерпевает разрушение, а с разложением и его *лингашариры* происходит высвобождение связанной с ней силы, которая вливается в поток соответствующей силы макрокосма. Аналогичным образом происходит и растворение третьего и четвёртого принципов в соответствующих им силах макрокосма. Эти сущности [принципы] могут затем повторно образовывать новые и новые организмы. Поскольку же сущности эти не несут на себе никакого отпечатка личности, то спиритуалисты не имеют права и говорить о появлении именно человеческого *развоплощённого духа*, когда какая-либо из этих сущностей появляется в комнате во время спиритического сеанса. У них просто нет никаких средств для точного установления, что именно эта сущность когда-то принадлежала именно этому конкретному индивиду.

Таким образом, нам остаётся лишь решить, а не может ли какая-нибудь из трёх последних сущностей [т.е. джива, линга-шарира и кама-рупа. См. Приложение — *перев.*] являться к спиритуалистам для того, чтобы либо развлечь их, либо преподать им какой-то урок. Возьмём для примера трёх разных человек и посмотрим, что происходит с упомянутыми выше тремя принципами после смерти [индивида].

I. У первого человека, скажем, духовные пристрастия всегда берут верх над

земными.

II. У второго человека также имеются какие-то духовные устремления, но они у него никогда не стоят на первом месте, и круг его интересов по большей части составляют чисто земные пристрастия.

III. У третьего человека никаких духовных устремлений нет вообще, и он не ощущает в себе никакого присутствия духовного эго — оно как бы умерло для него.

Говорить о *совершенном адепте* мы в данном случае не будем.

У первых двух человек, согласно нашим условиям, присутствуют одновременно и духовный, и ментальный [психический — *перев.*] опыт. Если в человеке присутствует духовное сознание, то, значит, седьмой принцип человеком осознаётся, и в этом случае седьмой принцип продолжает сохранять сообщение и с пятым, и с шестым принципами. Однако всё ещё сохраняющееся присутствие земных пристрастий говорит о необходимости *пунарджанмы* (перевоплощения), что означает формирование нового набора объективного и субъективного опыта, предполагающего новое сочетание внешних обстоятельств жизни — одним словом, новый мир. Весь период между смертью и новым последующим рождением занят подготовкой, необходимой как раз для формирования этого нового опыта. В течение всего этого периода инкубации, созревания, как Вы называете его, дух [развоплощённый "дух" — *перев.*] сам по себе никогда не появляется в нашем мире — *да он и не может этого сделать.*

Дело в том, что во Вселенной действует великий закон, по которому субъективные переживания редуцируются, преобразуются в объективные явления, а из последних формируются первые.[77] Иначе он называется "необходимостью циклов". На человека этот закон действует до тех пор, пока он не ничем не мешает и не противодействует обычному ходу предопределённой ему судьбы, и вырваться из-под его власти над собой он может лишь одним способом: целиком подавив в себе любые свои земные пристрастия. Новое сочетание условий, в которые он готовится быть помещённым, может оказаться лучше или хуже тех земных условий, в которых он жил [в прожитой перед тем жизни — *перев.*], но, двигаясь вперёд, к новому миру, он, будьте уверены, никогда не обернётся, чтобы взглянуть на своих приятелей-спиритуалистов.

Третий же наш человек, как мы выше условились, не ощущает в себе никакого духовного сознания, никакого духа, а поэтому для него лично они напрочь отсутствуют. Это похоже на то, как тот или иной орган или та или иная способность из-за долгого неиспользования практически отмирает.

В тех случаях, когда три эти [последние, т.е. 5, 6 и 7 — *перев.*] сущности отмечены печатью признания человеком, они как бы становятся его собственностью и остаются в его владении. В противном же случае индивидуальность человека целиком сосредотачивается в одном лишь его пятом принципе, и *всё, что* после смерти *остаётся* от такого индивида, — это его пятый принцип.

Сам по себе он не может сформировать для себя никакого нового набора объективного опыта или — что то же самое — неспособен к *пунарджанме*. Вот такая-то сущность и может появляться во время спиритических сеансов, но называть её *развоплощённым духом* просто нелепо.[78] Это — всего лишь сила, сохранившая в себе впечатления от мыслей и идей того индивида, в состав которого первоначально входила. Порой она может призывать к себе на помощь силу *камарупы* и создавать

для себя какую-то конкретную эфиробразную форму (не обязательно человеческую).

Направленность её действий будет аналогична тем же наклонностям, которые присутствовали в уме индивида при его жизни. Эта сущность продолжает существовать всё то время, пока сохраняются её впечатления, остающиеся в связанной с пятым принципом силе. С течением времени они стираются, и тогда сила эта вливается в поток соответствующей ей силы МАКРОКОСМА, где и теряется, подобно выпадающей в море реке. Подобные сущности могут проявлять признаки, свидетельствующие о значительных интеллектуальных способностях того индивида, которому раньше принадлежали, поскольку даже самые высокие интеллектуальные способности могут вполне ужиться с полнейшим отсутствием духовного сознания. Из этого, однако, вовсе не следует, будто либо духи, либо духовные эго покойных могут и в самом деле появляться в комнатах для спиритических сеансов.

В Индии есть люди, которые занимаются подробным исследованием природы подобных сущностей (известных как *пишачи*). Я лично мало что знаю о них, поскольку в вопросе этом не имею никакого опыта. Я всегда старался держаться подальше от этой малопривлекательной, малополезной и опасной области исследований.

Спиритуалисты, право, не ведают, что творят. Рано или поздно эти изыскания приведут их, скорее всего, к самому чёрному колдовству, то есть к полнейшей духовной гибели тысяч мужчин и женщин.[79]

Как писали наши древние мыслители, изложенные здесь учения в той же мере определяют ход жизни человека, в какой солнце определяет орбитальное движение вокруг него той или иной планеты. Притяжение к духу они называли центростремительной силой, а притяжение к земле — центробежной. Если центростремительная сила берёт верх над центробежной, то планета становится ближе к солнцу — то есть индивид поднимается на более высокий план бытия. Если же, наоборот, верх берёт центробежная сила, то планета удаляется от солнца и так и движется там по своей орбите вдали от солнца — то есть индивид спускается на более низкий уровень бытия. Это видно на примере первых двух человек, о которых мы говорили выше.

Теперь же нам осталось лишь рассмотреть два самых крайних случая.

Если, *приближаясь* к солнцу, планета пересекает черту, в которой центростремительная и центробежная силы полностью уравниваются друг друга, и на неё уже начинает действовать одна только центростремительная сила, то планета эта со всевозрастающей скоростью устремляется к солнцу, пока наконец целиком не сливается с массой солнечного тела. Так происходит с совершенным *адептом*.

Если же, наоборот, *удаляясь* от солнца, планета достигает точки, в которой действует одна только центробежная сила, то она по касательной срывается со своей орбиты и улетает в глубины пространственной пустоты. А оказавшись вне зоны влияния солнца, она мало-помалу отдаёт всю свою животворную теплоту и созидательную энергию, которую изначально черпала из солнца, и остаётся лишь блуждающим по пространству холодным сгустком материальных частиц, которые в конце концов распадаются на отдельные атомы. Под этой холодной массой и следует понимать оказавшийся в подобных условиях пятый принцип, а покинувшие его теплота, свет и энергия — это шестой и седьмой принципы.

Однако ни в случае обретения новой орбиты, ни в ходе отклонения от прежней орбиты к новой планета никогда уже более не возвращается ни к одной точке своей старой орбиты, поскольку все эти орбиты лежат на различных планах и никогда не пересекаются между собой.

Эти образные примеры точно отражают суть древней брахманистской теории по этому вопросу. Это лишь один частный случай того, что древние мистики называли Великим Законом Вселенной.

Дополнение

Е.П. Блаватская

Примечание I

В этой связи следует обратить особое внимание читателя на то обстоятельство, что страна, которую китайцы называют "Сицзан", а западные географы — Тибетом, упоминается уже в старинных книгах, сохранившихся в провинции Фуцзянь (центральной части территории, на которой проживает исконное население Китая), где именуется важнейшим очагом оккультного знания, восходящим к эпохам архаической древности. Как говорится в этих книгах, населяют эту страну "Учители Света", "Сыны Мудрости" и "Братья Солнца".

Считается, что император Юй "Великий" (2207 г. до Р.Х.), благочестивый мистик, был во многом обязан именно Сицзану, откуда он и почерпнул свою оккультную мудрость и перенял теократическую систему, поскольку первым в Китае объединил духовную власть с властью мирских государей. Это была та же система, что существовала у древних египтян и халдеев. Она существовала в брахманистский период в Индии, а сегодня ещё существует в Тибете: система, при которой вся учёность, вся власть, вся мудрость — как мирская, так и тайная — сосредоточены в руках иерархии жрецов и являются достоянием одной только этой касты.

Что же собой представляют исконные обитатели Тибета? Сегодня на этот вопрос вам не даст точного ответа ни один этнограф. Они остаются последователями религии Бон, которая существовала задолго до прихода туда буддизма, и встретить их можно в основном в провинции Кам. Вот и всё, что известно о них. Но и этого довольно для предположения о том, что представляют они собой просто-напросто выродившихся потомков некогда могучих и премудрых праотцов. Они не являются чистыми туранцами, на что указывает их этнический тип, а ритуалы их — замешанные на колдовстве, заклинаниях и культе сил природы — напоминают, по некоторым оценкам, скорее обычные обряды вавилонян (судя по надписям на найденных во время раскопок цилиндрах), чем религиозные практики китайских даосов (вера которых покоилась на чистом разуме и духовности).

Как правило, даже кьелангские[80] [христиане-]миссионеры, тесно общающиеся с этими людьми на границе с британским Лахулом[81] и, казалось бы, знакомые с ними ближе других, мало отличают — а то и не отличают вовсе — приверженцев религии бон от двух соперничающих между собой направлений буддизма — "жёлтошапочников" и "красношапочников". Последние с самого начала выступали против реформы, которую проводил Цонкапа, и всегда тяготели к старому буддизму, сегодня тесно связанному с практиками последователей бон.

Будь наши востоковеды ближе знакомы с ними и сопоставь они только древневавилонский культ Бела или Ваала с ритуалами приверженцев бон, они

увидели бы между ними неопровержимую связь. В нашу задачу не входит начинать здесь спор относительно происхождения исконного населения Тибета и связывать его с какой-либо из трёх последовавших одна за другой великих рас Вавилона: либо с аккадцами (термин Ф. Ленормана), либо с первобытными туранцами, халдеями или ассирийцами. Как бы то ни было, есть веские основания называть существующую за Гималайским хребтом эзотерическую доктрину халдейско-тибетской. А если мы вспомним, что согласно всем преданиям, веды пришли из находящейся в Тибете области озера Мансаравара, а сами брахманы — с крайнего Севера, то мы с полным правом можем утверждать, что эзотерическая доктрина у любого когда-либо имевшего или по сей день имеющего её народа восходит к одному и тому же источнику, а поэтому мы и вправе назвать её "арийско-халдейско-тибетской" доктриной — или всемирной Мудростью-Религией. "Ищите Потерянное Слово среди иерофантов Тартарии, Китая и Тибета!" — так советовал провидец Сведенборг.

Примечание II

Да, как мы и сказали, необязательно. И веды, и брахманизм, и пришедший вместе с ними санскрит — всё это было привнесено извне на ту территорию, которая сегодня известна под названием Индии. Они не выросли на этой почве. Было время, когда под общим названием "Индия" древние западные народы понимали целый ряд азиатских стран, сегодня носящих свои собственные имена. Даже в относительно недавние времена, в период походов Александра Великого, существовала Индия Верхняя, Нижняя и Западная, а у некоторых античных классиков под названием "Западная Индия" упоминается Персия (Иран). Тогда считалось, что страны, называемые Тибетом, Монголией и Великой Тартарией, входили в состав Индии. Поэтому, когда мы говорим о том, что именно Индия цивилизовала весь мир, что именно она оказалась *Alma Mater* цивилизаций, искусств и наук, расцветших затем у других народов (в том числе в Вавилоне и даже в Египте), мы не должны забывать, что под Индией мы подразумеваем Индию эпохи архаики, доисторическую Индию, Индию тех времён, когда великая пустыня Гоби была морем, а погибшая "Атлантида" входила в состав некоего континента, непрерывно тянувшегося от Гималаев, проходившего по Южной Индии, Цейлону, Яве и уходившего затем к далёкой Тасмании.

Примечание III

Чтобы разобраться во всех этих спорных вопросах, нужно заглянуть в китайские священные и исторические хроники и внимательно их изучить. А китайцы — это народ, который начал отсчитывать собственную историю почти 4600 лет тому назад (с 2697 года до Р.Х.). Не следует забывать и о том, что Китай предвосхитил целый ряд важнейших *изобретений* современной Европы, и предметы особой гордости её современной науки: и компас, и порох, и фарфор, и бумага, и книгопечатание и проч. — всё это было хорошо известно и широко применялось в Китае за тысячи лет до того, как было заново открыто европейцами. Так что народ этот отличается особой точностью, и хроники его вполне заслуживают доверия с нашей стороны.

А литература Китая — от Лао-Цзы до Сюаньцзана — полна упоминаний об этом острове и ссылок на мудрость гималайских адептов. В "Корпусе буддийских писаний Китая", [82] составленном преп. Самюэлем Билом, имеется раздел, озаглавленный "О буддийской школе тяньтай" (с.с. 244-258), которую следовало бы прочитать нашим оппонентам. И вот во время перевода уставов этой самой знаменитой священной школы и религиозного направления в Китае, учреждённого в 575 году н.э. Чжичжэ-даши, известным также под именем Чжи ("Премудрым"), С. Бил дошёл до

фразы, которая звучит следующим образом: "Что же касается некоего одеяния (бесшовного), носимого великими учителями со Снежных Гор из школы Хаймаватов" (с. 256), и после этих слов наш европейский переводчик поставил знак вопроса, и вполне оправданно. В общих индийских хрониках, перечисляющих различные существующие школы, нет никаких подробностей, касающихся этой самой школы "Хаймаватов" — то есть нашего гималайского братства. А ниже С. Бил приводит перевод устава, относящегося к "великим учителям из высшего ордена, живущего в горных дебрях вдали от людей" — об *араньяках*, то есть отшельниках.

Так что, если не касаться упоминаний в строго *исторических* (а именно так к ним и относились) записях, сохранившихся в китайских и тибетских священных книгах, существовали ещё и предания об этом острове, и легенда о нём по сей день жива у народа Тибета.

Да, этого прекрасного острова больше нет, но страна-то, в которой он некогда благоденствовал, всё ещё существует, и местонахождение его прекрасно известно кое-кому "из великих учителей со Снежных Гор", хотя топография его и изменилась до неузнаваемости в результате ужасного катаклизма.

Рассказывают, что один раз в *семь* лет эти учителя собираются вместе в ШАМ-БХА-ЛЕ, "Счастливой Земле". Согласно распространённому верованию, находится она в северо-западной части Тибета. Одни помещают её в неизведанных просторах глубинной части страны, недоступных даже для бесстрашных кочевников. Другие ограничивают её горной грядой Гангдисе на юге и северной оконечностью пустыни Гоби на севере, а также более густонаселёнными районами Кундуза и Кашмира, *Gua-Pheling* (Британская Индия) на западе и Китае на востоке, предоставляя тем самым любопытствующему на выбор огромное пространство для определения её местоположения. Третьи помещают её между горами Намур-Нур и Куньлунем, но все как один твёрдо верят в Шам-бха-лу и говорят о ней как о плодородной, почти что сказочной стране, бывшей когда-то островом, а теперь представляющей собой оазис неопикуемой красоты, где проводят свои встречи теперешние наследники той эзотерической мудрости, которой владели богоподобные обитатели легендарного острова.

В связи с древнейшей легендой об Азиатском море и материком Атлантиды было бы бесполезно привести одно обстоятельство, хорошо известное всем современным геологам: склоны Гималаев содержат в себе геологическое доказательство того, что их величественные вершины когда-то составляли ложе океана.

Примечание IV

Мы уже ранее отмечали, что, по нашему мнению, вся разница между воззрениями буддийских и ведантистских философов состоит в том, что взгляды первых можно охарактеризовать как своего рода *рационалистическую* веданту, а взгляды вторых — как *трансцендентальный* буддизм. Если в арийском эзотеризме термин *дживатма* применяется по отношению к седьмому принципу — к чистейшему духу, который *per se*^[83] не обладает никаким сознанием — то лишь потому, что веданта, постулирующая три вида бытия:

- (1) *парамартхика* (истинное, единственно реальное),
- (2) *вьявахарика* (практическое), и
- (3) *пратибхасика* (мнимая, иллюзорная жизнь),

только первую *жизнь (джибу)* считает истинным бытием. Брахман, то есть "Я Единого,[84] как раз и выступает единственным её [*парамартхики — перев.*] представителем во Вселенной, поскольку являет собой *универсальную жизнь in toto*,[85] тогда как два других — это лишь "феноменальные проявления" первого, они воображаемы и порождаются неведением. Это лишь чистейшие иллюзии, внушаемые нам нашими же слепыми органами чувств.

Буддисты же, со своей стороны, отказывают как в субъективной, так и в объективной реальности даже этому единому Самобытию, Самосущему.[86] Как заявляет Будда, нет ни Творца, ни абсолютного бытия. Буддийский рационализм всегда остро ощущал, к какой неразрешимой проблеме может привести признание единого абсолютного сознания — как эту мысль выразил Флинт, "там, где есть сознание, там возникает отношение, а там, где возникает отношение, там возникает дуализм". Единое бытие может быть либо "мукта" (абсолютным и ничем не обусловленным), а значит, не могущим иметь отношения к чему или к кому бы то ни было, либо "баддха" (ограниченным и чем-либо обусловленным), а значит, не имеющим права называться абсолютным.

Ограниченность же, кроме всего прочего, неизбежно требует существования какого-то ещё столь же могущественного, как и первое, божества, на которого можно было бы списать всё существующее в мире зло. Вот почему в своей тайной космогонической доктрине архаты допускают лишь единый абсолютный, неразрушимый, вечный и никем и ничем не созданный первоэлемент (это слово мы используем только за отсутствием лучшего термина), пребывающий в бессознании (в буквальном переводе),[87] абсолютно не зависящий от чего бы то ни было ещё в универсуме — нечто, вечно сущее и вездесущее; Присутствие, которое вечно было, есть и будет независимо от того, существует ли какой-то единый Бог, сонм богов или ни того, ни другого нет вообще; существует ли Вселенная или нет. Этот "первоэлемент" существует на протяжении вечных циклов *маха-юг* и одинаково как в периоды *пралай*, так и в периоды *манвантар*.

И "первоэлементом" этим является пространство — поле деятельности вечных Сил и Закона природы. Это то *основание*[88] (по точному определению г-на Субба Роу), на котором и происходит вечное взаимодействие *акаши с пракрити*, направляемое бессознательными регулярными пульсациями *шакти* — дыхания или силы обладающего сознанием божества, как сказали бы теисты, или вечной энергии вечного и бессознательно действующего Закона, как говорят буддисты.

Таким образом, именно пространство — или "Fan, Bar-nang"[89] (*Маха Шуньята*), или, как его называет Лао-цзы, "Пустота" — и составляет природу буддийского Абсолюта (см. Конфуций, "Хвала бездне").[90] А значит, термин *джива* и не мог никогда прилагаться архатами к *Седьмому* принципу, поскольку как раз благодаря своей корреляции или контакту с материей *Фо-хат* (буддийская активная энергия) и способен порождать активную и *обладающую сознанием* жизнь. Стало быть, на вопрос: "Каким образом *бессознательное* могло произвести *сознательное*?" должно отвечать другим вопросом: "А обладало ли самосознанием семя, породившее какого-нибудь Бэкона или Ньютона?"

Примечание V

Те наши европейские читатели, которых может сбить с толку фонетическое сходство имён, должны понимать, что Брахман — это не Брахма, то есть *Ишвара*, личный Бог. В упанишадах — священных писаниях веданты — нет ни одного упоминания о

подобном Боге, и читатель напрасно пытался бы отыскать в них хоть какой-то намёк на существование обладающего сознанием божества. Брахман или Парабрахман, ведантистский Абсолют, не имеет ни пола, ни сознания и никоим образом не связан с Брахмой-мужчиной из индуистской триады, *Тримурти*. Некоторые востоковеды вполне справедливо выводят имя *Брахман* из глагола *брих*, что значит "расти", "увеличиваться", и в этом смысле он понимается как *действующая в природе универсальная сила расширения*. Это тот духовный принцип, та духовная сила, которая рассеяна по всему универсуму и всему в нём передаёт жизнь, а взятая в своей целокупности, она и составляет единую абсолютность, единую Жизнь и единственную Реальность.

Принцип семеричности с точки зрения различных индийских систем[91]

Т. Субба Роу

Ниже мы приводим в виде таблицы классификацию принципов человека, принятую буддийскими и ведантистскими учителями:

КЛАССИФИКАЦИЯ, ПРИВЕДЁННАЯ В КНИЖЕ "ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ"	ВЕДАНТА	ТАРАКА-РАДЖА ЙОГА
(1) Стхула-шарира	Аннамайя-коша	} Стхулопадхи
(2) Прана	} Пранамайя-коша	
(3) Носитель праны		
(4) Кама-рупа	} Маномайя-коша	} Суккшмопадхи
(5) Ум { (а) Желания, чувства и т.д.		
{ (б) Виджнянам		
(6) Духовная душа	Анандамайякоша	Каранопадхи
(7) Атма	Атма	Атма

Как видно из вышеприведённой таблицы, принцип, стоящий третьим в буддийской классификации, не выделяется отдельно в системе ведантистов, так как он является простым носителем *праны*. Четвёртый же принцип, как мы видим, включён в третью *кошу* (оболочку), поскольку он является всего лишь проводником силы воли и желания, которые суть не что иное как энергия ума. Необходимо также отметить, что *виджнянамайя-кошу* следует считать самостоятельной по отношению к *маномайя-коше*, так как после смерти происходит разделение ума на его как бы низшую часть, тяготеющую больше к четвёртому принципу, чем к шестому, и на его высшую часть, стремящуюся к последнему и выступающую, по сути дела, в качестве основания, базиса, высшей духовной индивидуальности человека.

Здесь мы также можем указать читателю на то, что классификация, приведённая в третьей колонке, практически связана с раджа йогой и является наилучшей и простейшей. Хотя в человеке присутствуют семь принципов, в нём насчитывается всего только три упадхи (оснований), в каждом из которых его *атма* может действовать отдельно от остальных. Адепт способен отделять эти три упадхи друг от друга безо всякого риска для собственной жизни. Отделить же друг от друга все семь своих принципов он не может, не разрушив при этом своей внутренней структуры.

Принцип семеричности в эзотеризме^[92]

Е.П. Блаватская

С тех пор как начался нынешний процесс знакомства с эзотерической доктриной архатов, многие, прежде ничего не знавшие об оккультной основе философии индуизма, вообразили, будто между указанной доктриной и философией существуют какие-то противоречия.

Кое-кто из числа наиболее рьяных [оппонентов — *перев.*] открыто обвинил оккультистов из Теософского общества в пропаганде дремучей буддийской ереси и даже зашёл в этом так далеко, что стал утверждать, будто и всё теософское движение задумано с одной лишь целью — затеять скрытую пропаганду буддизма. Град насмешек посыпался на нас как со стороны невежественных браминов, так и со стороны учёных европейцев: дескать, всё это наше семеричное деление природы и всего в ней сущего, в том числе и человека, носит совершенно произвольный характер и не подкрепляется ни одной древнейшей религиозной системой Востока.

В этой статье мы собираемся предложить беглый обзор вед, упанишад, "Законов Ману" и, в частности, философии веданты с тем, чтобы показать читателю, как все они высказывают идеи, поддерживающие нашу позицию. Даже они, образчики откровенного экзотеризма, содержат в себе утверждения, недвусмысленно говорящие в пользу принципа семеричности. Мы могли бы подтвердить это, приводя цитату за цитатой. Таинственное это число, как мы увидим, фигурирует не только на каждой странице древнеарийских священных писаний, но и повсеместно присутствует в древнейших зороастрийских памятниках, в надписях на дошедших до нас цилиндрах из древнего Вавилона и Халдеи; в древнеегипетской "Книге мёртвых" и в тамошнем ритуализме. Его можно обнаружить даже в книгах Моисея, не говоря уже о древнееврейском тайном знании, каббале.

За отсутствием места мы можем позволить себе лишь пунктирно обозначить некоторые цитаты, а уж о том, чтобы дать им подробные пояснения, и помышлять нечего. Не будет преувеличением сказать, что по каждому случаю, упоминаемому в приведённых здесь шлоках лишь в виде косвенного намёка, можно было бы написать отдельный пухлый том.

Если мы начнём с широко известного "Гимна времени" ("Атхарваведа", XIX, 53):

"Время подобно сверкающему *семью* лучами жеребцу.
Плодоносное, оно несёт всё сущее дальше и дальше.

* * * * *

Время подобно колеснице о *семи* колёсах и *семи* ступицах,
Мчится оно всё вперёд и вперёд.
Вращающиеся колёса его — это все миры.
А осью ему служит само бессмертие...",[93]

а затем перейдём к Ману, "первому и седьмому человеку", к ведам, упаниадамам и ко всем позднейшим философским системам, то увидим, что все они изобилуют ссылками на это самое число.

Кто такой Ману, сын Сваямбхувы? Как сообщает нам сокровенное учение, *этот* Ману человеком никогда и не был. Это просто символ первых человеческих рас, возникших благодаря помощи дхьян-коганов (*дэв*) в самом начале первого Круга. Однако из его же "Законов" (Кн. 1, 80)[94] мы узнаём, что в каждой калье — промежутке времени от одного сотворения мира до другого (иначе говоря, от одной *малой* "пралай" до другой) — насчитывалось четырнадцать ману, и в нынешнем божественном веке до сих пор было лишь семь ману.

Смысл того, о чём мы будем говорить далее, будет легче понять тем нашим читателям, кто уже знает о существовании семи Кругов, из которых мы на данный момент миновали только три и сейчас пребываем в четвёртом. Хорошо, если кто-то прочно усвоил из учения, что существуют семь утренних рассветов и семь предвечерних сумерек — итого четырнадцать *манвантар*; что в начале каждого Круга и в его конце на планетах[95] и между ними происходит "пробуждение к иллюзорной жизни" и "пробуждение к жизни *подлинной*"; и что существуют "корневые ману" и те, кого в нашем переводе мы так нескладно нарекли "ману-сеятелями" — *семенами, уготовленными для человеческих рас грядущего Круга* (что составляет тайну, раскрываемую лишь тем, кто уже прошёл третью ступень посвящения).

Из священных индуистских писаний мы знаем, что "самый первый ману произвёл на свет *шесть* других ману (итого: *семь* первых ману), а затем каждый из этих семерых произвёл, в свою очередь, *семь* других ману" (Кн. 1, 61-63),[96] что в оккультных трактатах обозначается как 7 x 7.

Отсюда следует, что ману — тот, что является на сегодняшний день последним и выступает родоначальником человечества нашего четвёртого Круга — должен быть по счёту *седьмым*, поскольку мы проходим сейчас свой четвёртый Круг, и при этом в каждой глобосфере "А" должен быть *корневой* ману, а в каждой глобосфере "G" — *ману-сеятель*.

Точно так же, как каждый планетарный Круг начинается с появления "корневого ману" (дхьян-когана) и завершается появлением "ману-сеятеля", так и на любой отдельно взятой планете начало и конец человеческого периода знаменуются появлением *корневого* ману и *ману-сеятеля* соответственно.

Из сказанного со всей очевидностью следует, что сам термин "*ману-антарный* период" обозначает промежуток времени *между* появлениями двух ману (дхьян-коганов). Следовательно, *малая ману-антара* — это тот отрезок времени, за который проходят свою эволюцию *семь* [человеческих] рас на одной конкретно взятой планете, а *большая ману-антара* — это тот период времени, за который человечество совершает один круг по всей планетарной цепи.

Далее, если мы говорим, что каждый из семерых ману *творит* ещё 7 ману (7x 7) и в течение каждого Круга на семи планетах свою эволюцию проходят 49 корневых рас,

то, значит, у каждой корневой расы имеется свой ману. Нынешний — седьмой — ману носит имя "Вайвасвата", и в экзотерических текстах Индии он обозначает того ману, который сыграл ту же роль, что и вавилонский Ксисутр или иудейский Ной.

Однако из эзотерической литературы мы узнаём о том, что ману Вайвасвата, родоначальник нашей *пятой* расы — тот самый, который спас её от потопа, почти целиком погубившего четвертую расу (атлантов) — это вовсе не тот седьмой ману, который упоминается в списке корневых (или первоначальных) ману, а один из тех 49 ману, которые эманировали из этого корневого ману.

Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, приведём здесь имена четырнадцати ману в порядке их очерёдности и в связи с каждым Кругом:

1-й Круг	{	1-й (корневой) ману на планете А — Сваямбхува
		1-й ману (сеятель) на планете G — Сварочи (или) Сварочиша
2-й Круг	{	2-й (корневой) ману на планете А — Уттама
		2-й ману (сеятель) на планете G — Тамаса.
3-й Круг	{	3-й (корневой) ману на планете А — Райвата
		3-й ману (сеятель) на планете G — Чакшуша
4-й Круг	{	4-й (корневой) ману на планете А — Вайвасвата (наш прародитель).
		4-й ману (сеятель) на планете G — Саварни
5-й Круг	{	5-й (корневой) ману на планете А — Дакша Саварни
		5-й ману (сеятель) на планете G — Брахма Саварни
6-й Круг	{	6-й (корневой) ману на планете А — Дхарма Саварни
		6-й ману (сеятель) на планете G — Рудра Саварни
7-й Круг	{	7-й (корневой) ману на планете А — Раучья
		7-й ману (сеятель) на планете G — Бхаутья

Таким образом, Вайвасвата, хоть он и стоит седьмым в указанной очерёдности, является, собственно говоря, первым, корневым, ману нашей четвертой, человеческой, волны (читатель не должен забывать о том, что ману — это не человек, а человечество в обобщённом смысле), тогда как *наш* Вайвасвата — это лишь один из тех семи *малых* ману, которые изображаются в виде хранителей семи рас нашей планеты-глобосферы.[97] Каждый из них должен стать свидетелем одного из периодически повторяющихся катаклизмов (вызываемых либо огнём, либо водой), знаменующих собой конец жизненного цикла каждой корневой расы. И вот этот-то Вайвасвата — персонифицированный образ, олицетворение этой индуистской идеи, известный также как Ксисутр, Девкалион и Ной, а также носящий множество других имён — как раз и представляет собой аллегорический образ человека, спасшего нашу расу в тот момент, когда почти всё население одного полушария земли погибло в водах потопа, а население второго полушария пробуждалось из состояния временной обскурации.

Не заметить явной повторяемости числа *семь* невозможно и при сравнении, даже самом беглом, халдейского описания потопа (легенды об Издубаре,[98] см. 11-я табличку) с тем, как оно изложено в так называемых книгах Моисея. И там, и там оно играет самую заметную роль. Так, чистого скота, а также птиц, берётся по *семи*. Через *семь* дней, как обещано Ною, на землю начинает изливаться дождь. Выходить

из ковчега он сначала "медлит" "ещё *семь* дней других", а потом и "ещё *семь* дней других". В халдейской же версии рассказа о потопе на *седьмой* день прекращается дождь. На *седьмой* день из ковчега выпускается голубь. По *семи* забирает Ксисутр и "кувшинов с вином" для жертвенника и т.д.

Откуда же такое совпадение?

И как мы можем верить европейским востоковедам, когда, вынося своё суждение, например, по поводу вавилонской и арийской систем летоисчисления, они называют и ту, и другую одинаково "нелепой и надуманной"? Тем не менее, мы не услышали от них ни единого слова разъяснений относительно удивительного сходства общей продолжительности *семитской*, халдейской и *арийско-индуистской* систем летоисчисления — да и само это сходство, насколько мы знаем, ими никогда отмечено не было. Однако изучающие оккультную философию усматривают чрезвычайно важный смысл в следующем, например, обстоятельстве.

Так, период правления десяти допотопных вавилонских царей оценивается в 432 тысячи лет.[99] Ровно столько же, говорят нам, — 432 тысячи лет — должна длиться и начавшаяся после потопа эпоха кали-юги, а суммарный период четырёх эпох (одной божественной *маха-юги*) составляет в общей сложности 4 320 000 лет. Так почему же эти цифры — "нелепые и надуманные" — везде одни и те же, ведь ни арии, ни вавилоняне, разумеется, ничего не заимствовали друг у друга? Пусть наши оккультисты обратят внимание на эти три указанные цифры: на четвёрку, символизирующую совершенный квадрат; на тройку, обозначающую триаду (вспомним семь принципов, образующих универсум и индивида); и двойку, символ нашего иллюзорного мира — число, которое Пифагор всегда игнорировал и отвергал.

Однако существуют ещё *упанишады* и *веданта* — вот к ним-то мы и должны обратиться в поисках наилучших подтверждений оккультных учений. В той мистической доктрине, что именуется *рахасья*[100] (т.е. упанишады) — по вынужденному признанию Монье-Вильямса, "единственной на сегодняшний день веде, пользующейся безраздельным авторитетом у любого вдумчивого индуиста", [101] — каждое слово таит под собой сокровенный смысл (на что указывает уже само название доктрины [102]). И целиком смысл этот может открыться лишь тому, кто сумеет целиком познать *прану*, единую жизнь — "ступицу с закреплёнными на ней *семью* спицами Мирового Колеса". [103]

Даже по признанию европейских востоковедов, все существующие в Индии [религиозно-философские] системы наделяют человеческое тело:

- (а) внешним или грубым телом (*стхула-шарирой*);
- (б) внутренним или призрачным телом (*сукшма- или линга-шарирой*) (носителем), накрепко спаянным с
- (в) жизнью (*дживой* или *карана-шарирой*, т.е. "каузальным телом"). [104]

Всё это оккультная система (или эзотеризм) помещает в рамки семеричности, добавляя к указанным также *каму*, *манас*, *буддхи* и *атмана*.

В трактовке философии ньяя двенадцать различных *прамей* (с помощью которых достигается правильное понимание объектов и субъектов *прамана*) [105] включают в себя *семь* следующих "корневых принципов" (см. 9-я сутра):

- (1) душа (*атман*) и
- (2) её наивысший дух (*дживатман*);
- (3) тело (*шарира*);
- (4) чувства (*индрия*);
- (5) деятельность или воля (*павритти*);
- (6) ум (*манас*);
- (7) мыслительная деятельность (*буддхи*).

А те семь *падартх*[106] (вопросов или утверждений о предметах сущего), которые перечисляет Канада в "Вайшешиках", [107] в оккультной доктрине обозначают семь качеств или атрибутов, присущих семи принципам:

- (1) субстанция (*дравья*) — относится к телу (*стхула-шарира*);
- (2) качество или свойство (*гуна*) — относится к жизненному принципу (*дживе*);
- (3) действие или поступок (*карма*) — относится к *линга-шарира*;
- (4) общая совокупность или соединение свойств (*саманья*) — относится к *кама-рупе*;
- (5) личность или обладающая сознанием индивидуальность (*вишеша*) — относится к *манасу*;
- (6) неотделимость или постоянная внутренняя присущность (*самавая*) — относится к *буддхи*, носителю *атмана* и неотделимому от него;
- (7) несуществование или *небытие* в объективном или субстанциональном смысле и мыслимое как нечто, независимое от объективности и субстанциональности (*абхава*), — относится к наивысшей монаде (*атману*).

Таким образом, как бы мы ни рассматривали Единое: как ведийского Пурушу или Брахмана (безличного), понимаемого как "всепроницающая эссенция-сущность"; или как мировой дух, "свет светов" (*джьётишам джьётис*), ни с чем не связанное целокупное всё, каким оно описывается в упанишадах; или как ведантистского *параматмана*; или как *адришту* в описании у Канады, т.е. "незримую силу", божественный атом; или как *пракрити*, "вечно сущую эссенцию" у Капилы — мы во всех этих *безличных* универсальных принципах обнаруживаем одну и ту же латентную способность порождать из самого себя "шесть лучей" (при этом порождающее начало всегда является *седьмым*). А значит, в третьем афоризме из "Санхья-карики", гласящем, что *пракрити* является "корнем и субстанцией всего сущего", что она не является чем-то *производным*, а сама производит "семь вещей, и, произведённые ею, они также становятся производителями". [108] заложен чистейший оккультный смысл.

Так что же это за "производители", что развёртываются из этого универсального корня-принципа, *мула-пракрити*, этой недифференцированной *космической первоматери*, которая разворачивает из самой себя сознание и ум, которая широко известна как "пракрити", как "корень без корня" (*амула мула*), как "взявшийся ниоткуда развёртыватель" (*авьякта*[109]) и т.д.?

Как мы узнаём, первым производителем, которого производит из самой себя эта первосущность (*самттва*), это "вечно сущее "то", эта неведомая эссенция, является *буддхи* — "разум" — который мы называем шестым принципом как макро-, так и микрокосма.

Это первое производное затем уже само производит из себя (или выступает источником, порождающим) *аханкару*, "самосознание", и *манас*, "ум".

Мы просим читателя всегда помнить о том, что махат, великий первоисточник этих двух внутренних способностей, то есть "*буддхи*", сам по себе не может обладать ни самосознанием, ни умом. Иначе говоря, заложенный в человеке 6-й принцип способен сохранять эссенцию *личного* самосознания ("индивидуальной личности"), лишь впитывая в себя родные ему воды, уже омывшие собою и протёкшие через эту *конечную, не вечную*, способность. Ведь *аханкара*, восприятие себя как "я", ощущение себя как индивидуальной личности, справедливо определяемое термином "самость", принадлежит *второму*, а точнее, третьему производному из семи — 5-му принципу, *манасу*. Подобно пауку, испускающему из себя паутину, *манас* и извлекает из себя, выстраивая по всей длине нити "принципа-основы", *пракрити*, тонкие принципы или частички первоэлементов (*танматры*), из которых затем разворачиваются принципы "третьего ряда", уже плотные принципы или частицы первоэлементов (*махабхуты*), [110] а вернее, *шариры* и *рупы*: *кама*, *линга*, *джива* и *стхула-шарира*. А по всему шнуру, через все семь (а вернее, шесть) человеческих принципов проходят три *гуны* "пракрити" — *самттва*, *раджас* и *тамас* (чистота, исполненная страстей деятельность и неведение, или тьма), — вплетённые в этот трёхжильный шнур, или "верёвку".

И один только 5-й принцип — *манас* или *аханкара*, "я" — способен утончить сплетённую из гун "верёвку" до одной-единственной нити, *самтвы*, чтобы слиться с тем самым "взявшимся ниоткуда развёртывателем" и, таким образом, обрести бессмертие — наполненное сознанием существование. Потерпев же неудачу, он опять разложится на свои *махабхутические* сущности.

До тех пор, покуда эта тройная верёвка не будет окончательно распутана, дух (божественная монада), подобно скрученному верёвками животному (*пуруша пашу*), [111] так и будет оставаться связанным присутствующими в принципах гунами. Взятый как на макро-, так и на *микроскопическом* уровне, дух — *атман* или *дживатман* (7-й плюс 6-й принципы) — пусть и опутанный этими гунами в период объективной проявленности Вселенной или человека, тем не менее, целиком свободен от них (*ниргуна*).

Из всех трёх производителей или развёртывателей — *пракрити*, *буддхи* и *аханкары* — только последний может быть пойман (если говорить применительно к человеку) и уничтожен, когда воплощён в *личности*.

"Божественная монада" целиком лишена качеств (*агуна*), однако *пракрити* — как только из пассивной мулапракрити она превращается в активного развёртывателя (*авьякта*) — качествами наделена (*гунават*). С *пракрити* пуруша (атман) не может взаимодействовать никаким образом (поскольку он, разумеется, не может даже воспринимать её, когда та пребывает в этом своём *гунаватическом* состоянии). Что же до *мулапракрити* (недифференцированной космической эссенции), то с ней он взаимодействовать может, поскольку он ей *единосущен* и идентичен.

В трактате "Атмабодха" (или "Знание души"), написанном великим Шанкарачарьей,

отчётливо говорится об образующих человека семи принципах (см. 14-й стих).[112] В трактате они называются пятью оболочками (*панчакоша*), в которые заключена божественная монада — *атман* и *буддхи*, 7-й и 6-й принципы, то есть индивидуализированная душа, когда она уже начинает отличаться (вследствие *авидьи*, *майи* и наличия *гун*) от верховной души — *Парабрахмана*. [113]

Первая оболочка называется *ананда-майя* — "иллюзия наивысшего блаженства". Это *манас* (или, как говорят оккультисты, 5-й принцип), слитый с *буддхи*.

Вторая оболочка, *виджняна-майя-коша* ("оболочка самообмана"), — это *манас*, ошибочно принимающий себя за "я" *личности*, её *эго*, и слитый с носителем последнего. [114]

Третья оболочка — *mano-майя*. Она состоит из "иллюзорного ума", соединённого с органами действия и воли. Это — соединение *кама-рупы* и *линга-шариры*, в результате порождающее иллюзорное "я" (*майяви-рупу*).

Четвёртая оболочка называется *прана-майя* ("иллюзорная жизнь"). Это наш *второй* жизненный принцип (*джива*), в котором и пребывает жизнь. Это оболочка "дыхания".

Пятая *коша* носит название *анна-майя*. Свою жизнедеятельность она обеспечивает за счёт принятия пищи. Это — наше плотное материальное тело.

Все эти оболочки производят на свет ряд других, более мелких оболочек: по шесть атрибутов или качеств каждая, но *седьмой* по счёту всегда выступает *корневая* оболочка. Атман же (или дух) пронизывает собою все эти тончайшие эфириобразные тела, проходя сквозь них подобно нити, за что и называется "нитью-душой" (*сутратманом*).

На этом, пожалуй, мы и поставим точку в нашей демонстрации [принципа семеричности]. Остаётся лишь сказать, что и саму эзотерическую доктрину с полным правом можно было бы назвать "нитью-доктриной", поскольку, подобно *сутратману* или *пранатману*, она пронизывает собой и скрепляет друг с другом все древнейшие философско-религиозные системы. Скажем больше, она устраняет противоречия между этими системами и проясняет их смысл. Пусть они внешне и выглядят столь непохожими друг на друга, но все эти системы имеют под собой одну и ту же основу, а о значимости последней, о её глубине, обширности и истинной природе хорошо знают все те, кто, подобно "восточным мудрецам", и сам стал адептом оккультной науки.

Бог личный и Бог безличный [115]

Т. Субба-Роу

Для начала я хотел бы обратиться к своим читателям (по крайней мере, к тем из них, кто не знаком с космологическими теориями европейских мыслителей-идеалистов) со следующей просьбой: прежде чем приступать к попыткам осмысления адвайтистской доктрины, пусть они сперва внимательно прочитают книгу Джона Стюарта Милля, в которой он анализирует философию сэра Уильяма Гамильтона и излагает собственные взгляды по космологическим вопросам. [116] Кроме того, хочу сразу же предупредить читателей о том, что, разъясняя те или иные положения

указанной доктрины, я, по мере возможности, буду пользоваться терминологией, принятой у тех английских психологов, которые принадлежат именно к идеалистической школе.

Рассматривая явления, происходящие на нашем нынешнем плане бытия, Джон Стюарт Милль в конце концов приходит к убеждению, что материя, то есть все так называемые внешние явления, есть не что иное, как лишь продукт нашего ума; что всё это — лишь проявления нашего субъективного "я", пребывающего в той или иной своей фазе: то есть через материю как раз и проявляются все наши мысли, чаяния, ощущения и эмоции, которые в сумме своей и составляют основу этого эго. Материя, таким образом, есть то, через что и становятся возможными любые наши ощущения, а так называемые законы материи — это, строго говоря, такие законы, которые управляют лишь состояниями нашего сознания: как их последовательностью, так и одновременностью. И далее Милль заключает, что, строго говоря, никакого ноуменального эго нет вообще. Да и саму идею существования ума как отдельной сущности, отличной от тех состояний сознания, которые полагаются имманентными ему, он считает такой же иллюзией, как и идею возможности существования любого внешнего предмета, который должен был бы восприниматься нашими органами чувств.

Таким образом, идеи ума и материи, субъекта и объекта, эго и внешнего мира на самом деле порождаются лишь совокупностью ментальных состояний, которые и являются единственными реальностями для нас.

Вся цепочка наших ментальных состояний (т.е. состояний сознания), по выражению профессора Бэйна, представляет собой "двуглавого дракона", ибо выступает в двух различных аспектах: один из которых объективный, а второй субъективный. На этом г-н Милль и останавливается, признавая, что психологический анализ дальше этого не идёт. Однако то таинственное звено, которое соединяет друг с другом различные потоки состояний нашего сознания и порождает нашу аханкару в данных условиях бытия, всё ещё остаётся неразрешимой загадкой для западных психологов, да и само наличие этого звена лишь едва-едва нашупывается в субъективных феноменах памяти и предощущениях будущего.

С другой стороны, крупнейшие физики Европы всё больше приходят к убеждению,^[117] что ум есть продукт материи, то есть представляет собой один из атрибутов материи, пребывающей в каком-то особом своём состоянии. Таким образом, если верить западным психологам, то материя есть продукт ума, а если обратиться к западным физикам, то окажется, что это ум продукт материи.

Очевидно, однако, что два этих положения совместить друг с другом невозможно. Оба — и Милль, и Тиндаль — признают, что западной науке пока ещё не под силу глубоко разобраться в этом вопросе. Но и позднее разрешить эту загадку ей скорее всего не удастся — до тех самых пор, пока она не призовет к себе на помощь оккультную науку Востока и не сформирует более широкого взгляда как на способности, которыми обладает реальное субъективное "я" человека, так и на всё разнообразие аспектов, в которых представлен великий объективный универсум.

Та связь, что существует между объективным и субъективным во всём многообразии условий бытия в нашей солнечной системе, где мы и наблюдаем эту дифференциацию, была глубоко исследована величайшими философами-адвайтистами древней Арьяварты. Как человек сложен из семи принципов, так и дифференцированная материя в нашей солнечной системе

существует, пребывая в семи различных состояниях. Да, не все эти различные состояния материи доступны нашему сегодняшнему объективному сознанию, но, тем не менее, они вполне могут объективно восприниматься заключённым в человеке духовным *эго*. Объектом восприятия для высвобожденной монады человека (а равно и для дхьян-коганов) служит всё, что только есть материального во Вселенной, в каком бы состоянии материи оно там ни пребывало.

Далее, *праджня* (способность восприятия) выступает в семи различных аспектах, соответствующих семи состояниям материи. Строго говоря, таких состояний материи насчитывается только шесть, поскольку так называемым "седьмым" состоянием является тот аспект, в котором космическая материя представлена в своём изначальном, недифференцированном состоянии. Соответственно и дифференцированная *праджня* имеет шесть состояний, так как седьмым является состояние совершеннейшей бессознательности. Под дифференцированной *праджней* я понимаю такое состояние, в котором *праджня* разбивается на несколько различных состояний сознания.

Итак, у нас имеются (*а*) шесть состояний сознания — пока что они бывают для нас, смотря по обстоятельствам, либо объективными, либо субъективными, — и (*б*) состояние полнейшей бессознательности, которое есть начало и конец всех мыслимых состояний сознания. Они соответствуют состояниям дифференцированной материи и её изначальной недифференцированной первооснове, которая есть начало и конец всех эволюционных преобразований в космосе.

Отсюда легко сделать вывод о том, что процесс дифференциации на объективное и субъективное требует наличия сознания. Отсюда и две эти фазы, представленные в шести различных состояниях каждая, тогда как в последнем, седьмом, состоянии, как указано выше, процесс дифференциации прекращается, поскольку в нём отсутствует сознание.

Количество этих разнообразных состояний сознания в различных философских системах может быть различным. Но на какое бы количество градаций они ни разбивались, все эти состояния простираются между состоянием абсолютной бессознательности на одном конце "провода" и нашим нынешним состоянием сознания (*бахирпраджня*)^[118] — на другом.

Чтобы лучше понять подлинную природу этих различных состояний сознания, я попрошу своих читателей сравнить сознание обычного человека с сознанием человека астрального или, опять-таки, сравните сознание астрального человека с сознанием заключённого в человеке духовного *эго*. В трёх этих состояниях сознания объективная Вселенная будет предстать далеко не одной и той же. Однако общим для всех этих состояний будет различие между *эго* и *не-эго*.

Следовательно, вполне признавая справедливость хода рассуждений Милля относительно субъективного и объективного применительно к нашему нынешнему плану сознания, великие индийские адвайтисты, тем не менее, распространили ту же логику и на другие состояния сознания. В конце концов они пришли к заключению, что все многообразные состояния *эго* и *не-эго* суть лишь различные формы проявления одной и той же сущности — последнего, седьмого, состояния сознания, состояния бессознательности.^[119]

Эта сущность не является ни материей, ни духом, ни *эго*, ни *не-эго*, ни объективным,

ни субъективным. Говоря языком философов-индуистов, это — изначальное и вечное сочетание пуруши и пракрити.[120] Поскольку с точки зрения адвайтистов любой внешний объект есть лишь продукт наших ментальных состояний,[121] то пракрити — это не что иное, как иллюзия, и единственной реальностью является пуруша. Пуруша — это *единственное* сущее, остающееся вечным в нашем универсуме Идей. А значит, эта сущность и является адвайтистским Парабрахманом. Существой какой угодно личный Бог с каким-либо подобием материального *упадхи* (физического[122] субстрата какой угодно формы), у адвайтиста будет столько же оснований усомниться в ноуменальности существования такого Бога, как и какого угодно иного предмета. С его точки зрения, обладающий сознанием Бог не может выступать источником происхождения Вселенной уже по той причине, что в этом случае его эго оказалось бы следствием какой-то предыдущей причины, если только слово "сознание" мы будем понимать в его общепринятом смысле. Адвайтист не может признать божеством всю целокупность разнообразнейших состояний сознания во Вселенной, поскольку состояния эти непрестанно изменяются, а с каждым наступлением пралаи заканчивается и генерация идей в космосе.[123] Во Вселенной есть лишь одно неизменное состояние — состояние, по сути, абсолютной бессознательности, чистейшее *чид-акаша* (поле сознания).[124]

Если мои читатели осознают тот факт, что вся наша величественная Вселенная — это на самом деле не что иное, как гигантский конгломерат разнообразнейших состояний сознания, то им не покажется удивительным, что это нулевое состояние сознания адвайтистами считается Парабрахманом.

Идея некоего Бога, Божества, ишвары или какого-то безличного Бога (если одним из его атрибутов является сознание) несёт в себе идею облечённости эго или не-эго в ту или иную форму, а поскольку любое мыслимое эго или не-эго возникает из этого первоэлемента (за отсутствием лучшего термина приходится пользоваться этим), то идея существования какого-то внекомического бога, который обладал бы подобными атрибутами ещё до перехода в это состояние, представляется абсолютно немислимой.

Хоть я и называю этот первоэлемент состоянием бессознательности, он, строго говоря, представляет собой те самые *чид-акашу* и *чинматру*, о которых говорят философы-индуисты. По их мнению, он заключает в себе потенциальность любого состояния "праджни" и в конечном счёте трансформируется в сознание, с одной стороны, и в объективную Вселенную, с другой, — под действием собственной латентной *чит-шакти* (силы, порождающей мысль).

Прежде чем перейти к обсуждению природы Парабрахмана, необходимо указать, что, с точки зрения адвайтистов, полное подтверждение их взглядов на этот вопрос содержится в упанишадах и "Брахма-сутрах".[125] В упанишадах со всей отчётливостью подчёркивается, что Парабрахман (всего лишь чистейшая потенциальность праджни[126]) не является аспектом праджни или эго, представленным в какой угодно форме, и не обладает ни жизнью, ни сознанием. Убедиться в том, что дело обстоит именно так, читатель может, внимательно прочитав "Мундака-упанишаду" и "Мандукья-упанишаду". Правда, отдельные выражения, которые встречаются то здесь, то там в упанишадах, могут нас сбить с толку и заставить думать, будто выражения эти указывают на существование некоего наделённого сознанием ишвары. Зачем же тогда в упанишадах использовались такие выражения? Возможно, это станет понятнее читателю, если он ознакомится со следующими нашими соображениями.

При внимательном ознакомлении с космологической теорией Милля мы не можем не заметить, что из неё вытекает одна трудность, которую мы уже указали выше: как, опираясь на его теорию, можно удовлетворительно объяснить возникновение различных состояний сознания у любого человека? Принято считать, что наши ощущения возникают в результате воздействия на нас со стороны окружающих внешних предметов: все ощущения, дескать, — следствия впечатлений, производимых на наши органы чувств тем объективным миром, в котором все мы существуем. Всё довольно просто для обычного человека даже с учётом всех сложностей объяснения того, каким именно образом нервные токи головного мозга способны трансформироваться в то или иное состояние сознания.

Но всё дело в том, что из теории Милля не вытекает ни одного доказательства, подтверждающего сам факт существования какого бы то ни было внешнего предмета: мы не можем быть твёрдо уверены даже в объективном существовании наших собственных органов чувств. Как же нам тогда объяснить и понять происхождение наших ментальных состояний, коли, кроме них, в этом мире нет никаких других сущностей вообще? Мы, по сути дела, ничего не объясним, если скажем, что одно ментальное состояние порождается другим ментальным состоянием, отчасти оправданно ссылаясь на действие "закона ассоциаций", как его называют психологи. Западная психология честно признаётся, что дальше этого дело психологического анализа не идёт. Впрочем, из упомянутой теории мы можем заключить, что для существования ума и состояний сознания вовсе не обязательно наличие какого бы то ни было материального *упадхи* (субстрата).

Как уже было указано, арийские психологи возводят этот поток ментальных состояний к его первоисточнику — к вечному *чинматре*, пребывающему повсюду в пространстве. Когда наступает срок для начала эволюции, этот зародыш *праджни* разворачивается изнутри самого себя и, в конце концов, трансформируется в *идеацию* [*генерацию идей, мыслетворчество*] *Космоса*. Космические идеи представляют собой концепции любых состояний бытия в Космосе, и существуют эти идеи в том, что мы могли бы назвать умом универсума (умом демиурга, выражаясь языком западных каббалистов).

Этот чинматра пребывает как бы в любой геометрической точке бесконечной *чид-акаши*. Принцип этот представлен в двух главных аспектах. Если под ним понимать нечто объективное, то это *вечный асам*^[127] — *мулапракрити*, то есть *недифференцированная космическая материя*. Если же взглянуть на него как на нечто субъективное, то толковать его можно двояко. Как поле, на котором происходит космическая идеация, это *чид-акаша*. А как зародыш, из которого возникает космическая идеация, это *чинматра*. Три этих аспекта и образуют наивысшую Троицу арийских философов-адвайтистов.^[128]

Легко заметить, что как раз последний из вышеупомянутых аспектов этого принципа и имеет для нас первостепенное значение, так как именно в этом аспекте рассматриваемый нами принцип служит как бы воплощением великого Закона космической эволюции (закона развёртывания Космоса из его свёртки — *перев.*). А потому философы-адвайтисты и рассматривали его главным образом в этом свете, излагая свою космогонию именно в ключе субъективности.

Однако, следуя этим путём, они неизбежно приходят к необходимости говорить об уме универсума, мировом уме (то есть творце-Брахме) и его идеации. Из этого, впрочем, вовсе не следует вывод о том, что этот мировой ум непременно должен принадлежать какому-то вездесущему, живому и наделённому сознанием Творцу по

той лишь причине, что в обычном языке ум всегда ассоциируется с каким-то конкретным живым существом. Нет никаких оснований утверждать, что без некоего материального *упадхи* не могут существовать ни ум, ни какие-либо ментальные состояния, коль скоро уже сама объективная Вселенная применительно к нам является результатом состояний нашего собственного сознания. Вот почему и не стоит так буквально истолковывать выражения, в разных местах встречающиеся в упанишадах, относительно существования наделённого сознанием *шивары*.

А теперь нам остаётся лишь рассмотреть вопрос о том, как адвайтисты объясняют происхождение ментальных состояний, переживаемых отдельным индивидом.

Очевидно, что ум конкретного индивида — это не мировой ум. Тем не менее, именно в космической идеации, по сути дела, и берут своё начало все разнообразные состояния сознания, переживаемые каждым индивидом. Процессом космической идеации охвачено всё пространство, но, ограниченная тем или иным материальным *упадхи*, космическая идеация трансформируется в то индивидуальное состояние сознания, которое имманентно конкретному *упадхи*. Строго говоря, ни один адвайтист не признаёт объективного существования этого материального *упадхи*. С его точки зрения, это — майя (иллюзия), которая существует как *необходимое условие* для возникновения праджни. Во избежание путаницы объясним всё это более простым языком, и, возможно, из следующего примера читателю удастся лучше понять главную мысль.

Представим себе, что в центре комнаты стоит яркий светильник, но со всех сторон он закрыт занавеской. Характер того света, который пробивается сквозь эту занавеску и виден стоящему снаружи человеку, зависит от характера ткани занавески. Если мы будем последовательно закрывать светильник всё большим количеством занавесок, то свету придётся пробиваться сквозь всех них, и стоящий снаружи человек будет получать только тот свет, которому удастся свободно пройти сквозь все наши занавески. Чем больше занавесок окажется перед глазами у наблюдателя, тем всё тусклее и тусклее будет светить стоящий в середине светильник, а по мере того, как занавеска за занавеской будут удаляться от светильника, пробивающийся сквозь них свет будет каждый раз становиться всё ярче и ярче, пока не достигнет своей естественной яркости.

То же самое происходит и с мировым умом, или космической идеацией: они сужаются в своём диапазоне и видоизменяются в своей природе под воздействием тех различных *упадхи*, из которых состоит человек, и если конкретному индивиду удастся успешно управлять воздействием или влиянием этих *упадхи*, то ум его войдёт в прямой контакт (*en rapport*) с умом универсума, а собственная его идеация целиком сольётся с космической идеацией.

Как я уже сказал выше, все эти *упадхи* представляют собой, строго говоря, лишь условия для постепенного развития и возникновения *бахипраджни*^[129] — то есть сознания, существующего на нашем нынешнем плане бытия, — и все они берут начало в изначальном и вечном *чинмаптре*, который является седьмым принципом человека, а у адвайтистов считается *Парабрахманом*.

Так на этот вопрос смотрит философия адвайты, и, по моему скромному мнению, взгляд этот ничуть не противоречит учению архатов в этом же самом вопросе. Их учение исходит из того, что вся бесконечная ширь пространства заполнена космической материей, которая пребывает в нём в недифференцированном состоянии. Пространство и время — всего лишь её аспекты, но в этом океане

космической материи пребывает в латентном виде жизнь *пуруши* — седьмого принципа Вселенной.

Указанное учение трактует космогонию в объективном ключе. Когда наступает период активности, то под действием латентного закона от единого целого начинают отделяться (дифференцироваться) отдельные части. Как только запускается процесс дифференциации, в мировом уме начинает действовать сокровенная мудрость (латентная *чит-шакти*), а из дифференцированных принципов космической материи космическая энергия (*фохат*) начинает выстраивать проявленную Вселенную в соответствии с теми концепциями, которые уже успели сформироваться в мировом уме. Эта проявленная Вселенная образует солнечную систему.

Когда же наступает период пралаи, то процесс дифференциации останавливается и вместе с этим прекращается космическая идеация, а при наступлении *брахмепралаи* (*махепралаи*) всю свою дифференциацию утрачивают даже частицы материи, и вся наполняющая солнечную систему материя возвращается в своё изначальное, недифференцированное состояние. И тогда вся прежняя схема [космоса — *перев.*] продолжает латентно существовать лишь в одном-единственном нерождённом и вечном атоме — в том центре, который существует везде и нигде: он-то и представляет собой ту *единую и единственную жизнь*, что пребывает всюду.

А значит, нетрудно заметить, что эти самые недифференцированная космическая материя, *пуруша* и единая жизнь, о которых говорят философы-*архаты*, и представляют собой *мулапракрити*, *чидакашу* и *чинматру*, которыми оперируют философы-адвайтисты.

Что же касается космогонии, то архаты исходят из объективности, а адвайтисты — из субъективности. По космогонии *архатов*, из недифференцированной космической материи возникает проявленная солнечная система, а, по космогонии адвайтистов, из изначального *чинматры* возникает *бахипраджня*. Поскольку же различные состояния дифференцированной материи — это всего лишь различные аспекты разнообразных состояний *праджни*, то адвайтистская космогония — это просто дополнение к космогонии *архатов*. Вечный же принцип остаётся тем же самым в обеих системах, и обе сходятся в том, что одинаково отрицают существование какого бы то ни было внекосмического Бога.

Архаты называют себя *атеистами*, и такая позиция их вполне оправданна, если под *теизмом* понимать учение, внушающее человеку убеждение в существовании некоего наделённого разумом Бога, который могуществом своей воли правит Вселенной. В этом случае под ту же категорию подпадает и адвайта. "Атеизм" и "теизм" — это термины, которые можно понимать в самом разном смысле, и до тех пор, пока их значение чётко не определено, лучше всего их не применять ни к одной философской системе.

Пракрити и пуруша[130]

Т. Субба-Роу

Мы можем рассматривать пракрити и как *майю*, когда видим в ней *упадхи*[131] *Парабрахмана*, и как *авидью*, когда видим в ней *упадхи дживатмана* (7-го принципа в человеке).

Авидья — это неведение или иллюзия, порождаемая майей. Термин "майя", хоть иногда и используется в качестве синонима термина "авидья", применяется, строго говоря, по отношению к одной только пракрити. Между пракрити, майей и шакти нет никакой разницы, и древние философы-индуисты не проводили ни малейшего различия между материей и силой. В подтверждение своих слов я могу отослать учёного аскета к "Шветашватара-упанишаде" и к комментариям к ней Шанкарачарьи.

Если мы обратимся к принятой у философов-адвайтистов четверичной классификации, то легко заметим, что джаграта,[132] свапна[133] и сушупти авастхи[134] — это следствия авидьи, тогда как вайшванара,[135] хираньягарбха[136] и сутратма[137] — это формы, в которых проявляется Парабрахман в майе (или пракрити).

Проводя различие между авидьей и пракрити, я просто следую традиции всех великих философов-адвайтистов Арьяварты. Могу лишь сослаться на первую главу знаменитого ведантистского трактата "Панчадаши".[138]

На самом же деле, пракрити и пуруша — это не что иное как лишь два аспекта одной и той же единой реальности. Как справедливо отмечает наш великий Шанкарачарья в конце своего комментария к 23-й сутре первой главы "Брахма-сутр", "Парабрахман есть *карта (пуруша)*, поскольку за ним не стоит больше никаких других *адиштатх*,[139] и Парабрахман есть пракрити, поскольку за ним не стоит больше никаких других упадан[140]". Слова эти отчётливо указывают на связь "единой жизни" с "единым первоэлементом", о котором говорят философы-архаты. Теперь гораздо яснее становится и смысл столь часто цитируемого адвайтистами выражения: "сарвам кхалвитхам Брахма",[141] а равно и другого выражения, которое используют, когда говорят, что Брахман есть *упадана-карана* (материальная причина) Вселенной.

Мораль и пантеизм[142]

Мохини М. Чаттерджи

В последнее время то здесь, то там раздаются вопросы, ставящие под сомнение способность пантеизма (под которым понимаются эзотерический буддизм, адвайта-веданта и другие подобные религиозные системы) предложить внятные принципы морали.

Размытие границ между понятиями "meum" и "teum"[143] в философском смысле, как нам говорят, неизбежно влечёт за собой и их смешение в практической жизни, а значит, становятся дозволенными и любые проявления жестокости, и разбой и проч. и проч. Такая линия аргументации, однако, самым безошибочным образом указывает на то, что критический запал в головах у наших оппонентов соседствует с полнейшим незнанием тех систем, против которых они эту критику обращают, что мы и постараемся показать ниже.

Наивысшие ценности морали, как хорошо известно, вытекают из желания человека обрести счастье и избежать страданий. Однако понятие счастья разными школами определяется по-разному. Так, одни экзотерические религии за основу своей морали берут надежду человека на награду и его страх перед карой со стороны некоего

всемогущего правителя Вселенной: он для своих беззащитных подданных по собственному произволу установил некие правила, а те обязаны их безропотно исполнять. Другие, более поздние религии, обуславливают необходимость соблюдения морали чувством благодарности, питаемым к этому правителю за те блага, которые человек якобы от него получил.

Мохини М. Чаттерджи

Ничтожность подобных систем морали, не говоря уже об их лукавстве, очевидна сама собой. В качестве примера морали, покоящейся на чувствах надежды и страха, мы можем взять следующее высказывание из христианской Библии: "Благотворящий бедному даёт взаймы Господу".^[144] Обязанность помогать бедным здесь обуславливается расчётливо-благоразумными мотивами: "благотворящий бедному" как бы постепенно откладывает свои сбережения, загодя готовясь к тому времени, когда уже не сможет позаботиться о себе сам. Однако, как сказано в "Махабхарате", "благие поступки, совершённые единственно ради воздаяния за них, теряют всякую ценность, ибо совершающий их подобен торгующему товаром купцу". Чистейшие родники морали теряют всю свою животворную силу под воздействием столь преступного корыстолюбия, и все чистые, бескорыстные

души тут же в ужасе отлетят от них прочь.

Во избежание этого некоторыми религиозными реформаторами были позднее предприняты попытки подвести под мораль чувство благодарности к Господу. Но не нужно далеко ходить за примерами, чтобы убедиться в том, что их усилия переместить основание морали с одного места на другое, привели лишь к тому, что они лишили мораль всякого основания вообще. Человек должен совершать лишь то, что, как ему объяснили, "любезно Господу", из чувства благодарности за те многие милости, которыми Он якобы осыпал человека. Но ведь, как видит человек, Господь осыпал его не только милостями, но и столь же обильными карами. Какой-нибудь беззащитный сирота должен питать к нему благодарности за то, что тот лишил его опоры в жизни, родителей: ведь, утешают его, выпавшие на его долю страдания — это, мол, лишь кажущееся зло, а на самой-то деле Всемилосердный сокрыл под этим величайшее благо. С тем же успехом какой-нибудь проповедник мстителя-Ахримана мог бы заставить людей поверить, будто за *кажущимися* щедротами "милосердного" Отца на самом-то деле таится змей зла.

Современные утилитаристы, при всей узости своих взглядов, проявляют больше логики в своих учениях. Всё, что ведёт человека к счастью, то и есть благо и тому должно следовать, противное же есть зло, которого следует избегать. Что ж, спасибо и на этом. Однако практическое применение этой доктрины сопряжено с явным лукавством. Схема счастья утилитаристов — стиснутая, сдавленная, сплюснутая грубым материализмом в тесном промежутке времени между рождением и смертью — она предстаёт перед нами в виде безобразной массы, в которой, разумеется, никто не усмотрит тела прекрасной богини, которой мы могли бы поклоняться.

Единственно научную основу морали следует искать лишь в утешающих душу учениях Господа Будды и Шри Шанакарачарьи. Отправной точкой в "пантеистической" (я использую этот термин за неимением лучшего) системе морали служат, во-первых, ясное осмысление всеобщности той единой энергии, что действует в проявленном космосе — в том величественном творении, которое она непрестанно стремится произвести, а во-вторых, сродство бессмертного человеческого духа и пребывающих в нём латентных сил с этой энергией, как и способность этого духа действовать совместно с единой жизнью ради достижения своей великой цели.

Философы-адвайтисты подразделяют всё знание (*джняна*) на две категории: *парокша* и *апарокша*. Первый вид знания заключается в интеллектуальном приятии того или иного заявленного положения, а второй — в практическом его осуществлении. И йог-буддист, и йог-адвайтист ставят перед собой одну и ту же задачу: осуществить на практике единство бытия, а самым могучим средством на этом пути им служит, как мы покажем ниже, именно практическое следование морали.

Главным препятствием к осуществлению этого единства выступает врождённая привычка человека всегда помещать себя в центр Вселенной. Что бы человек ни делал, что бы ни думал и что бы ни чувствовал, его неугомная личность всегда, разумеется, стремится играть первую скрипку. Именно это, по здравом рассуждении, и оказывается тем главным барьером, что мешает любому индивиду отыскать во всей сфере бытия своё собственное место — то единственное место, которое по праву принадлежит ему одному и никому другому.

Осуществление этой гармонии и составляет практическую или объективную сторону великой задачи. Моральная практика как раз и служит человеку тем средством, с помощью которого он может отыскать это своё место. Мораль, по сути дела, служит ему легендарной нитью Ариадны в том критском лабиринте, в котором пребывает человек.

Изучая сокровенную философию Господа Будды и Шри Шанкары, человек обретает *парокша*-знание (а может быть, *веру*?) о единстве бытия, но в отрыве от моральной практики это знание не может трансформироваться в наивысший вид знания, в *апарокша джняна*, а значит, и не приведёт человека к обретению *мукти*.^[145] Если человек одним лишь умом затвердит себе, что он есть Всё, что он есть Брахман, то это не даст ему ровно ничего, пока он не осуществит этого принципа в своей практической жизни. Простое вульгарное смешение понятий "моё" и "твое" приведёт лишь к разрушению гармонии бытия за счёт ложного выпячивания собственного "я", а это столь же глупо, как и мечта отрастить себе ноги подлиннее, напрочь позабыв о руках. Слиться с единым "всё" невозможно до тех пор, пока ваши поступки, помыслы и чувства не синхронизированы с общим поступательным ходом природы. Понять истинный смысл слов: "*брахмаджнянин*^[146] недосягаем для кармы" сможет лишь тот, кто нашёл своё собственное место в гармонии с единой жизнью природы. Такой человек видит, что *брахмаджнянин* может действовать всегда только в унисон с природой и никогда не в разрез с ней: выражаясь языком древних оккультистов, *брахмаджнянин* — это подлинный "сподвижник природы".

Но есть одно досадное заблуждение, в которое впадают не только европейские санскритологи, но и йоги-экзотерики, полагая, будто, по мнению авторов священных книг, человек сможет избежать последствий закона кармы, если приведёт себя в

состояние совершенного бездействия. Они целиком упускают из виду то обстоятельство, что даже самый строгий отказ от физических действий не производит того же бездействия на более высоких планах бытия — астральном и духовном. В своих комментариях к "Бхагавадгите" Шри Шанкара убедительнейшим образом доказал, что такое представление — всего лишь заблуждение. Как показывает великий учитель, насильно подавляя активность своего физического тела, человек ничуть не освобождает себя от *васаны* или *вритти*[147] — природной склонности ума к активной деятельности. В каждом отделе природы существует тенденция к повторяемости действий. Обретённая в последнем предыдущем воплощении карма всегда стремится выковать свежие звенья в своей цепи и тем самым вызывает непрерывность материального существования. Противодествовать этой тенденции можно лишь бескорыстным исполнением всех обязанностей, относящихся к той сфере бытия, в которой рождается тот или иной человек, и, идя только этим путём, он сможет претерпеть очищение ума (*читта шуддхи*), без чего ему никогда не обрести способности к восприятию духовных истин.

Несколько слов мы здесь должны также сказать и о физическом бездействии йога или махатмы. Бездействие физического тела (*стхула шариря*) ещё не указывает на то, что аналогичное состояние бездействия имеет место также и на астральном или на духовном плане деятельности. Человеческий дух достигает максимальной степени активности именно в состоянии *самадхи* (глубочайшем трансе), а вовсе не в состоянии сна или покоя, как многие полагают.

Кроме того, если внимательно проанализировать природу оккультной динамики, то можно легко заметить, что энное количество энергии, затрачиваемое на духовном или астральном плане, производит гораздо более значительные результаты, чем такое же количество энергии, но затраченное на физическом, объективном плане бытия. Действуя заодно (*en rapport*) с мировым умом, адепт превращается в самую настоящую силу природы. Даже на объективном плане бытия очень ярко заметна разница между энергией мозга и мускульной энергией в том, что касается их способности производить широкомасштабные и далеко идущие результаты. То количество физической энергии, которое изобретатель парового двигателя затратил на своё изобретение, едва ли была больше той, которую обычно затрачивает какой-нибудь трудяга-подёнщик. Однако практические результаты труда такого подёнщика не могут идти ни в какое сравнение с последствиями изобретения парового двигателя. Точно так же и глубочайшие последствия, производимые духовной энергией, по своему значению бесконечно превышают любые плоды интеллектуальной энергии.

Из вышеизложенного становится предельно ясно, что та подготовка, которую перед своим посвящением проходит истинный ведантистский раджа-йог, должна состоять в разжигании в нём неутолимой, жгучей жажды сделать всё, что в его силах, дабы творить добро для человечества на обычном, физическом плане, но при этом по мере его развития деятельность его переносится и на более высокие планы бытия — на астральный и духовный планы. С течением времени Истина всё больше открывается йогу, он всё глубже уясняет для себя истинное положение дел в мироздании, и вот тогда он и становится уже недостижимым для какой бы то ни было критики со стороны обычного человека. В "Маханирвана-тантре" сказано:

"Для того, кто перешагнул за пределы трёх *гун* — *самты* (чувства удовлетворения), *раджаса* (исполненной страсти активности) и *тамаса* (косности) — какие могут существовать запреты и пределы?",

устанавливаемые людьми, зажатыми со всех сторон объективным планом бытия. Это вовсе не означает, что махатма вправе пренебрегать или что он фактически пренебрегает законами морали. Нет, это означает, что, слившись своим индивидуальным естеством с самой Великой Природой, он всем своим существом просто неспособен нарушить ни один закон морали и никто из людей не в праве судить о действиях Великого, не зная тех законов, что управляют всеми планами деятельности Природы. Как любой честный человек всегда поступает честно безо всякой оглядки на существование уголовного кодекса, так и махатма морально безупречен независимо от того, существует свод законов морали или нет.

Но это слишком высокие предметы. Мы же, прежде чем поставим точку, хотим вернуться к тем основаниям, которые побуждают обычных "пантеистов" стремиться к утверждению подлинной морали.

Для Джона Стюарта Милля счастье — это отсутствие сопротивления. Ману же формулирует это понятие более категорично:

"Человеку доставляет боль любой вид подчинения другому. Однако подчинение своему "я" есть счастье — вот, вкратце, что нужно знать об обоих". [148]

Общепризнанно, что вся система Природы движется в каком-то известном направлении, и, как нам объясняют, направление это определяется сочетанием двух сил: одна сила действует в направлении от того полюса бытия, который принято называть "материей", к тому полюсу, который называется "духом", а другая сила действует в противоположном направлении. Уже одно то, что природа не пребывает в состоянии покоя, а движется, указывает на неравенство этих сил по величине. Тот план бытия, на котором преобладающей является первая сила, в оккультных трактатах называется "восходящей дугой", а противоположный план, на котором господствует вторая сила, — "нисходящей дугой".

Немного поразмыслив, мы увидим, что эволюция начинается на нисходящей дуге, после чего она меняет направление и движется вверх по восходящей дуге. А это означает, что сила, действующая в направлении духа, пусть и не без известных усилий, в конечном счёте одерживает верх. В этом и состоит великая направляющая энергия Природы. Да, ей оказывает известное сопротивление её антипод, но уже само это сопротивление определяет и законы, по которым действует эта энергия. Противодействующая сила — это всего лишь отрицательный аспект той же силы, который лишь условно принято считать самостоятельной силой. Если же индивид попытается действовать не в том направлении, в котором движется Природа, он рано или поздно будет непременно раздавлен гигантским давлением этой противоборствующей силы. Нужно ли говорить, что в таком итоге для человека будет мало приятного?

А стало быть, единственный способ обретения счастья для человека состоит в том, чтобы всем своим естеством слиться с великой матушкой-Природой и идти вслед за ней в том же направлении, в котором движется она сама. Но и для этого человек должен привести свои собственные поступки в гармонию с триумфальной поступью Природы, ибо противоборствующая сила неизбежно потерпит крах с катастрофическими для неё последствиями. Усилия человека, направленные на то, чтобы привести свои индивидуальные правила поведения в гармонию с универсальными законами, как раз и принято называть моральной практикой. Признание индивидом этих универсальных законов и подчинение им и представляет

собой ту истинную религию, которая была определена Господом Буддой как "постижение Истины".

Вот лишь один пример, который может проиллюстрировать эту мысль. Вправе ли пантеист-практик, то есть, иными словами, оккультист, прибегать к заведомой лжи? Едва ли кто-нибудь будет спорить, что жизнь проявляется человеку через его способность получать ощущения, а когда эта способность пребывает в дремлющем состоянии, то какое-то время человек обречён прожить в неразумии. Если же человек, получив ряд тех или иных впечатлений, делает вид, будто они не таковы, каковы есть на самом деле, то в результате этого он и свою силу воли будет применять в разрез с тем законом природы, от которого, как мы показали, зависит жизнь, и тем самым он просто окажется самоубийцей в малом масштабе. К сожалению, объём статьи не позволяет нам развить этот вопрос более подробно, но скажем так: все десять смертных грехов, о которых говорят Ману и Будда, можно рассмотреть именно под таким углом зрения, какой мы предложили в данной статье.

Изучение оккультизма[149]

Мирской чела

Вопрос о том, способно ли оккультное учение оказать практическое влияние на повседневную жизнь человека, получает весьма разноречивые ответы со стороны различных людей, изучающих оккультную науку. За последнее время на Западе вышел целый ряд книг об эзотерической доктрине, и многие их читатели выражают сомнение в том, что оккультное учение может вообще хоть как-то повлиять на их практическую жизнь. Им порой представляется, будто учение это требует от всех искренних искателей истины подвергать себя тому же суровому аскетизму, что и проходящие регулярное ученичество туземцы, и требование это воспринимается людьми, привыкшими к жизни в условиях современной [западной] цивилизации, как непосильное бремя, а потому согласиться на него могут лишь редчайшие единицы энтузиастов.

Изучение этой сложнейшей философии можно рекомендовать кое-кому из числа интеллектуалов уже хотя бы благодаря интеллектуальному флёру этого философского учения несмотря на то, что только систематическое изучение этой философии, долженствующей заменить собою обычную религиозную веру, способно принести ощутимую пользу с точки зрения духовного благополучия в будущем.

Так что же, неужели и вправду оккультная философия способна обогатить собою лишь только тех, кто способен найти в себе достаточно сил и воли, чтобы во имя неё пожертвовать всем остальным в своей жизни? Тогда, право, незачем и передавать её миру вовсе.

На самом же деле, эзотерическая доктрина открывает перед человеком почти неисчерпаемое богатство новых возможностей для его духовного развития, и не может быть худшей ошибки для нынешнего [теософского] движения, чем полагать, будто это учение Адептов рассчитано на одних лишь самоотверженных героев. Нет, оно отнюдь не сковывает ничьих усилий, направленных на овладение высочайшими вершинами оккультного знания — были бы к этому готовы лишь сами западные оккультисты. Но здесь важнее другое: мы все должны ясно понять, что имеется и более низкий уровень возможностей, открытых как раз для тех людей, чьи амбиции

не простираются столь далеко.

Я абсолютно убеждён в том, что, если человек серьёзно уделит хотя бы частичку своего внимания исходящим сегодня от индийских Адептов наставлениям, то это с пользой скажется на его духовных принципах, ибо породит причины, способные оказать существенное влияние на его будущее состояние бытия. Всякий, кто достаточно глубоко изучил доктрину о девачане, легко уловит мою мысль, поскольку уже сама природа того духовного бытия, которым в обычном порядке вещей должна сменяться каждая прожитая в физическом мире жизнь, требует весьма значительного наращивания любых возможных на земле усилий к обретению подлинного знания. Я ещё напрямую вернусь к этому вопросу, а сейчас мне хотелось бы чуть подробнее развернуть ту линию аргументации, которую пытаюсь здесь предложить.

В том широком диапазоне новых возможностей, которые открывает перед нами изучение оккультных знаний, мы видим по одну сторону шкалы наивысшее состояние, которого способен достичь человек в своём развитии — состояние Адепта. А это означает, что достигший его человек сумел за короткий период времени придать своему духовному росту столь мощное ускорение, что тем самым ему удалось убыстрить ход всех тех процессов, на которые неторопливой природе потребовалась бы длиннейшая череда веков.

По другую сторону шкалы того же диапазона возможностей как раз и находится тот скромный итог, о котором я обмолвился чуть выше. Скорее, итог этот, можно сказать, всего лишь намечает некую общую тенденцию в направлении духовного совершенствования, чем олицетворяет собою само это совершенство. Но в том пространстве, что разделяет эти два столь различных между собой предела шкалы, мы ни в одной его точке не сможем провести черты, строго разграничивающей степени тех последствий, что порождаются занятиями оккультной наукой. Как мрак самой непроглядной ночи незаметными шажками уступает место ярчайшему зареву рассвета, так же точно и духовные последствия от пробуждения из апатии, навеянной нам то ли чистейшим материализмом, то ли тупым потворством нелепым [религиозным] догмам, незаметными шажками становятся всё ярче, всё заметнее, перерастая из едва видимых следов улучшения в девачане в ослепительное пламя того наивысшего совершенства, которого только способна достичь человеческая природа.

Мы можем даже не догадываться о том, что каждому человеческому эго уже всем ходом природы предписан последовательный ряд физических жизней и такой же последовательный ряд периодов духовного обновления. Мы можем не допускать даже теоретически, что эту поступь природы можно изменить одной лишь самой умеренной практикой изучения оккультизма, каковая вполне совместима с обычными условиями европейской жизни. Но в конечном счёте мы, тем не менее, убедимся в том, сколь обширными могут оказаться последствия, если на ходе своей эволюции нам удастся запечатлеть эту отчётливую тенденцию движения к наивысшему просветлению — конечному итогу всего того, что описывается как союз души человека с мировым духом.

Как следует из тех публичных разъяснений эзотерической доктрины, что были представлены нам в последнее время, человечество в массе своей уже достигло такой стадии великого эволюционного цикла, откуда оно имеет возможность в своём развитии двигаться вверх, в сторону окончательного совершенства. Разумеется, едва ли следует ожидать, что оно двинется по этому пути во всей своей массе: окончательное совершенство — это не такой дар, который присуждается кому ни

попадая, он должен быть заработан, и обретёт его лишь тот, кто страстно стремится к этому.

Теоретически это доступно всем. В мире сегодня не найдётся такого человека, о котором можно было бы сказать, что он неспособен овладеть теми наивысшими возможностями, которые заключает в себе Природа. Однако из этого вовсе не следует, что овладеть этими возможностями непременно удастся каждому индивиду. Если мы посмотрим на каждого человека как на отдельное семя некоего гигантского цветка, исторгающего из себя тысячи таких же семян, то станет очевидным, что лишь редкие сравнительно с их огромным числом единицы смогут в свою очередь превратиться в полноценно развитый цветок. Но не окажется несправедливо забытым и большинство людей. Каждый без исключения получит частицу главного итога далёкого будущего в точном соответствии с развитыми им на данный момент способностями. Однако конечной цели всё же достигнут лишь те, кто, предпринимая неустанные усилия на протяжении всей длинной череды своих жизней, в конце концов ярко выделится из общей массы. Но эти неустанные усилия должны с чего-то начаться, а когда начало им будет положено, то вполне можно будет предполагать и их регулярность. Да, дурные привычки мы усваиваем гораздо легче, чем полезные. Но даже если это и так, мы на опыте своей повседневной жизни знаем, что поддерживать эти полезные привычки не так и трудно, когда им уже положено начало.

Меня могут спросить: каким же образом всё это можно приложить к длинной череде жизней, да ещё и отделённых друг от друга периодом полнейшего забвения и потерей памяти о подробностях этих жизней? Да ведь к череде жизней всё это можно приложить так же легко, как и к череде дней, проживаемых нами в пределах одной жизни, хотя всё множество этих дней сменяется таким же множеством ночей. В каждом отдельно взятом *эго* определённым образом действуют такие личные предпочтения и склонности, совокупность которых в эзотерической доктрине описывается термином *карма*. Они-то и пробуждают прежние черты характера и мышления индивида по мере того, как одна его жизнь сменяется другой. Точно таким же образом и действующая в мозге живого человека нить памяти каждый день восстанавливает в себе впечатления ушедших дней.

Каким образом человеку прививается то или иное нравственное правило? Это может намеренно делать сам изучающий оккультную науку ученик, с тем чтобы правило это укоренялось в нём всё глубже и глубже на протяжении будущих веков, а может происходить и в результате одной лишь неосознанной тяги к благу — к счастью для человечества, тяга эта встречается в мире пока что гораздо чаще, чем изучение оккультных знаний, — но в каждом случае процесс этот протекает одинаково. Неосознанная тяга к благу укореняется в индивиду всё глубже, и следствием этого становится череда достойно проживаемых последующих жизней. Осознанная же тяга укореняется в индивиду точно таким же образом, но *в дополнение* к этому происходит ещё и наращение разума, и в этой особенности как раз и заключается вся бездна различия между развитием такой человеческой души, которая лишь послушно плывёт по течению времени, и такой, которая осознанно направляет своё кормило в сторону намеченной цели.

Такое человеческое *эго*, которое обретает привычку к поиску знаний, обогащается, от одной его жизни к другой, и особыми качествами, обеспечивающими ему успех в таком поиске. Но вот наступает время последнего успеха, достигаемого *эго* в какой-то решающий период его существования, и тогда успех этот переносит его уже

прямо в круг совершенных *Эго* — тех полностью раскрывшихся цветов, если пользоваться нашей прежней метафорой, тех, как и ожидалось, редких единиц из числа тысяч других семян. Как известно, даже на физическом плане слабый толчок в том или ином направлении порождает и столь же слабые последствия, сильный толчок — сильные. Это же самое правило относится и к формированию тех привычек, которые должны неослабно действовать в нас на протяжении всей череды жизней. Очевидно, что сильный толчок, порождаемый самой пылкой тягой к знанию, приведёт *эго* вернее, чем слабый, к победе над так называемыми превратностями Природы.

От этой мысли мы можем перебросить мостик к вопросу о тех жизненных правилах, которые люди чаще всего связывают с занятиями оккультной наукой. Когда мы говорим о человеке, занимающемся изучением оккультизма, то оказывается, что формирование склонностей к духовному направлению в его развитии очень мало зависит от внешних обстоятельств повседневной жизни. Однако процесс этот неразрывно связан с тем, что можно было бы назвать внешними обстоятельствами *нравственной* жизни ученика, ибо если он сознательно формирует в себе самые низкие *нравственные* качества, а поиски знания сочетает с практикой зла, то уже в силу этого его следует назвать учеником скорее колдовства, чем истинного оккультизма — кандидатом на эволюционирование в сторону сатанизма, а не совершенства.

Те правила, которым следует ученик в своей физической жизни, могут быть совершеннейшей противоположностью аскетизму, однако непрерывно происходящие в его интеллектуальной жизни мыслительные процессы всё время формируют в нём такие склонности, которые не могут не породить незаметных для внешнего глаза глубоких последствий, о которых мы упомянули выше.

Здесь следует сказать несколько слов об одном заблуждении, которое связано с тем, что нередко приходится слышать о практике аскетизма, принятой у тех, кто ставит своей задачей поступить в регулярное *ученичество* к восточным Адептам. Почему-то считается, что всё практикуемое учителем непременно должно быть рекомендовано и всем его ученикам. Однако к тем мирским ученикам, которые собираются вокруг получивших недавно широкую известность учителей оккультизма, это не имеет ни малейшего отношения. Да, конечно, ни один Адепт не стал бы отговаривать своих мирских учеников от практики аскетизма. Как мы отметили чуть выше, в диапазоне возможностей, открывающихся во всех своих разнообразных степенях интенсивности перед учеником в ходе изучения оккультизма, невозможно провести черту, жёстко отделяющую одну степень от другой. Точно так же обстоит дело и с практикой аскетизма, начинающейся с самых мягких правил самоограничения, способных сформировать у ученика стремление искать удовлетворения прежде всего в духовных, а не в материальных предметах, и кончая такими выдающимися достижениями в области аскетического подвижничества, которые уже служат ему паспортом в ученичество. Ни одна из подобных практик не может не отразиться во всезнающих скрижалях кармы. Однако в широком смысле аскетизм относится к такому роду усилий, к которым прибегает человек, стремящийся стать личным учеником своего учителя, а те практики, которые предусматривают терпеливое пробуждение духовных способностей в рамках неторопливой естественной эволюции, требуют в целом одной лишь интеллектуальной работы.

Всем, кто обратил внимание на открывшееся перед ними сегодня окно возможностей, позволяющее им придать ускорение собственной эволюции,

говорится лишь одно: это окно завтра может вновь захлопнуться, и, если они не воспользуются этим случаем, то благоприятное для них преимущество будет потеряно. Нет, разумеется, это не означает, что никто из тех, кто, двигаясь жизнь за жизнью, странствует по полю Природы под руководством более-менее благоприятной для него кармы, рано или поздно уж больше не встретится с теми же идеями, которые закладываются изучением оккультных наук. Нет, оккультисты не грозят никакими ужасными последствиями всем тем, кто сегодня не пожелает воспользоваться этими учениями. Они всего лишь говорят: прислушайтесь к нам, и тем самым вы сможете извлечь для себя пользу, соразмерную вашему усердию в усвоении оккультных знаний и чистоте ваших мотивов в распространении их среди других людей.

Не следует также полагать, будто всё описанное здесь как низший диапазон открывающихся с изучением оккультизма перед человеком возможностей, — это некий предел, закрывающий доступ к наивысшим возможностям и дающий лишь сравнительно слабую награду тем, кто считает, что сегодня ему ещё не под силу пройти необходимый испытательный срок для поступления в регулярное ученичество. Было бы грубейшим искажением той цели, с которой нынешний поток оккультного учения вливается в сознание мира, если бы мы стали считать её призывом ко всем без разбору действовать подобным образом. Никто из нас, не посвящённых, не может взять на себя право говорить с полной уверенностью о подлинных намерениях Адептов, но все внешние факты, связанные с ростом и развитием Теософского общества, указывают на то, что задачи его скорее связаны с распространением духовных устремлений как можно шире в мире, чем с разжиганием их с предельной остротой в отдельных людях.

Кроме того, по некоторым соображениям Адепты практически не в праве каким-либо образом подвигнуть людей, в которых подобные устремления действительно горят с предельной остротой, на то, чтобы те пошли на этот серьёзнейший шаг и поступили к ним в ученичество. Дело в том, что, совершив такой шаг, человек превратил бы себя в кандидата на получение чего-то большего, чем те максимальные преимущества, которые — в силу действия одних лишь законов природы — могли бы в изобилии прийти к нему сами собой. В этом случае он взял бы на себя право ускорять и без того благоприятную для него поступь Природы и добиться наивысшего совершенства насильственными и искусственными приёмами, тем самым поставив себя перед лицом многих опасностей, которых мог бы избежать, довольствуясь он лишь благоприятным для него естественным течением обстоятельств.

Судя по всему, для Адептов это всегда вопрос, требующий от них глубоких раздумий, — готовы ли они взять на себя ответственность за то, чтобы поставить перед лицом этих опасностей внутренне не подготовленного к этому человека? Необязательность же личной физической подготовки, о которой мы сказали выше, обычно заставляет связанные с этим соображения уходить на второй план у любого, кто уже твёрдо вознамерился предстать перед этими опасностями и получил на это позволение. А на первый план, становясь обязательными, *sine qua non*, у него выходят те аскетические практики, которые человек, стремящийся ни больше, ни меньше как добиться максимума от естественной эволюции, может применить с целью доведения своей духовной кармы до предельно возможной степени.

Но здесь мы конкретно говорим не о таком ходе развития. Задачей нашей было показать, что даже обычные люди могут щедро обогатить свою обычную жизнь

таким умеренным занятием оккультной философией, которое вполне совместимо с их обычным образом жизни, а также предостеречь от весьма ошибочного представления, будто не стоит даже начинать заниматься оккультной наукой, если конечным итогом этого не становится достижение состояния Адепта.

Несколько вопросов, навеянных сочинением г-на Синнетта "Эзотерический буддизм" [150]

Член английского Теософского общества

В связи с книгой "Эзотерический буддизм" у некоторых английских её читателей возник ряд вопросов, которые мы и хотели бы изложить в этом своём обращении в редакцию. По счастью, нам выпала возможность выслушать разъяснения по многим изрядно удивившим нас положениям из уст самого г-на Синнетта, и теперь именно с его одобрения мы и взяли на себя смелость попросить вас разъяснить нам — в рамках дозволенного — некоторые проблемы, которые, как мы понимаем, пока ещё не нашли своего окончательного разрешения. Мы не станем здесь касаться таких тем, любые расспросы по которым, как мы можем понять, ставятся Адептами под запрет, но поскольку интерес наш к настоящему предмету продиктован искренним желанием добраться до истины во всей возможной для нас полноте, то, смеем надеяться, наше недоумение будет сочтено достойным того, чтобы дать на него авторитетное разъяснение.

Начнём, пожалуй, с некоторых проблем сугубо *научного* свойства.

1. Отвергают ли Адепты небулярную теорию в том виде, в каком её сегодня принято понимать? Нам трудно вообразить себе, чтобы из центральной массы Солнца могли поочерёдно образовываться то планеты видимые и обладающие массой, то планеты невидимые и — судя по отсутствию их влияния на движение видимых планет — как будто не имеющие массы вообще.
2. Далее, время, отводимое для периода манвантары даже *одной* планетарной цепи, не говоря уже обо всех семи, на наш взгляд, намного превышает тот вероятный срок, в течение которого Солнце способно сохранять в себе собственную теплоту, если под Солнцем понимать обычную остывающую массу, не заимствующую сколь-нибудь значительного притока теплоты извне. Может быть, у Адептов имеется какая-то иная точка зрения на проблему сохранения Солнцем собственной теплоты?
3. Как утверждается в книге, смена различных человеческих рас, которые, следуя одна за другой, существуют на Земле, происходит в ходе катастроф, и чаще всего в результате погружения континентов под воду. Означает ли это, что подобные погружения происходят столь внезапно и непредсказуемо, что способны в одночасье стереть с лица Земли даже великие народы? А иначе как объяснить, что сегодня не осталось ни одного заметного следа от тех высокоразвитых цивилизаций, которые, по описаниям, существовали когда-то в прошлом? Предполагается ли, что и наша нынешняя европейская цивилизация вместе с её рассеянными по всей планете ответвлениями также может погибнуть в результате какого-то наводнения или гигантского пожара, после чего жизнь на Земле всё равно сохранится? Но неужели все виды нашего искусства, все существующие ныне языки обречены на гибель? Или же всё сказанное относится только к древним расам, периоды существования

которых отделялись один от другого столь резкими границами?

4. Как нам говорят, Луна представляет собой арену такой жизни, которая сравнительно с земной отличается гораздо большей материальностью. Значит ли это, что там существуют живые материальные организмы? Если это так, то как они обходятся без воздуха и воды и почему наши телескопы не отмечают никаких следов их жизнедеятельности? Нам очень хотелось бы получить более полное представление о точке зрения Адептов на Луну, тем более что о существующих на ней материальных условиях мы уже знаем достаточно много, и дополнительные знания о ней нам было бы усвоить гораздо легче, чем если бы мы говорили (к примеру) о планетах целиком невидимых.

5. Одобряют ли Адепты выражение "минеральная монада"? Если да, то какое отношение эта монада имеет к тому атому или молекуле, о которых в своих гипотезах сегодня говорит обычная наука? И действительно ли каждая минеральная монада в конце концов превращается в растительную монаду, а в завершение всего становится и человеческим существом?

А далее мы хотели бы обратиться к некоторым проблемам из области *истории* и получить ответы на следующие вопросы:

6. Нет ли какой-то путаницы в письме, что приводится в "Эзотерическом буддизме", где на с. 62 говорится, что "древние греки и римляне" были атлантами? И греки, и римляне были ведь наверняка такими же ариями, как Адепты и мы сами, а их языки можно было бы назвать переходными между санскритом и современными европейскими диалектами.

7. Как утверждается в книге (с. 141), Будда родился в 643 году до Р.Х. Насколько точна эта приведённая Адептами датировка? Что они думают о недавно обнаруженных надписях Ашоки (которые приводит генерал А. Каннингем в своей книге "Corpus Inscriptionum Indicanum," [151] том I, сс. 20-23), на основании которых Барт ("Religions of India," с. 106) датирует уход Будды в нирвану примерно 476 годом до Р.Х., а датой его рождения, соответственно, считает примерно 556 год до Р.Х.? Было бы исключительно интересно получить от Адептов хотя бы самое краткое описание истории Индии тех веков с подлинными датировками.

8. Период жизни Шанкарачарьи востоковедами датируется по-разному, но неизменно относится ими к *христианской* эре. Барт, к примеру, относит его рождение к 788 году по Р.Х. Однако в "Эзотерическом буддизме" (с. 149) утверждается, что он родился почти сразу же после смерти Будды. Как можно объяснить подобное расхождение? Разве учение Шанкарачарьи не принято относить к *вишнуизму*? И разве точно так же Гаудапада [152] не считается *шиваитом*? При этом и период его жизни датируется гораздо более поздним временем по сравнению с тем, что о нём говорится в "Эзотерическом буддизме" (с. 147).

Список подобных вопросов мы были бы готовы продолжать и далее, но почитаем наилучшим сначала дождаться ответа от Адептов и посмотреть, насколько согласны они разъяснить нам те или иные проблемы, связанные с историей религий Индии, а в этой области, как нам представляется, они наверняка должны обладать знаниями, которыми могли бы поделиться с мирскими учениками, не преступая при этом границ дозволенного.

А теперь мы переходим к вопросам, которые лежат вне пределов знаний обычной науки и истории, но по которым мы были бы чрезвычайно рады получить как можно

более подробные сведения.

9. Нам хотелось бы лучше понять природу того субъективного общения, что происходит в условиях девачана между близкими и глубоко любящими друг друга душами. Скажем, к примеру, я умираю и оставляю на земле своих малолетних детей. Должны ли эти дети представляться моему сознанию в девачане всё ещё детьми? Может быть, мне будет казаться, будто они умерли одновременно со мною? А если они будут представляться мне уже взрослыми, то не будет ли это лишь игрой *воображения*, и я ничего не буду знать о том, как именно сложилась их дальнейшая жизнь? Буду ли я скучать по ним в девачане всё то время, пока они будут жить на земле, и лишь только после их смерти я смогу узнать от них все подробности об их жизни, прошедшей между моей и их смертью?

10. Мы не вполне понимаем, какой объём *воспоминаний* сохраняется у души на различных этапах её развития. Сохраняют ли память о своих предыдущих воплощениях Адепты, которые, как мы предполагаем, по своему уровню развития соответствуют человечеству шестого круга? И все ли души, дожившие до шестого круга, обретут такую же память? А тот девачан, что наступает в конце каждого круга? Способен ли он вернуть память обо всех девачанах и обо всех воплощениях, происходивших в рамках данного круга? И позволит ли человеку его память так организовывать свои будущие воплощения, чтобы рядом с ним по-прежнему оставалась какая-то одна избранная им душа или группа душ?

У нас осталось ещё немало вопросов, на которые хотелось бы получить ответ, но чувство неловкости удерживает нас от дальнейших расспросов. А в заключение приведу здесь слова наших английских друзей, которые мы чаще всего слышим, когда рассказываем им об Адептах. Как мы замечаем, друзья наши зачастую вовсе не просят нас в доказательство истинности поразительных возможностей Адептов привести какие-нибудь *диковинные* случаи или случаи так называемых *чудес*. Нет, их интересует другое: зачем, говорят они, Адептам непременно доказывать своё превосходство над нами, пусть лучше докажут, что в тех всем известных и вполне определённых областях, которые открыла для себя западная наука, их знания окажутся хотя бы под стать нашим. Несколько ярких замечаний по химии, громогласное объявление о каком-то не открытом ещё законе электричества, который был бы легко доказать экспериментально, — и, говорят нам, этого с лихвой хватило бы для того, чтобы привлечь к себе внимание, внушить уважение и придать этому высокому учению веса и авторитетности, которых ему явно не видать, покада оно остаётся в таком уголке мира, где доказать что-либо вообще невозможно.

Мы глубоко признательны Адептам за тот вполне обоснованный выбор, который они сделали, назначив г-на Синнетта посредником между нами и ими. Им трудно было бы найти человека, по всем своим данным более отвечающего нашим западным интеллектуальным критериям, чем г-н Синнетт: взять ли ясность его письменной речи, обстоятельность в изложении фактов или неподдельную искренность его убеждений. Коль скоро до сего времени они со столь глубоким вниманием относились к нашим непривычным для них запросам, то, смеем надеяться, они сочтут возможным для себя и дальше адаптировать свои методы обучения к требованиям западного мышления.

Лондон, июль 1883 г.

Ответ члену английского Теософского общества

В самом начале, когда ещё только затевалась работа над "Фрагментами", [153] никак не предполагалось, что научные проблемы эволюции космоса должны будут освещаться с такой полнотой, каковую теперь, судя по всему, многие ожидают. Как хорошо известно г-ну Синнетту, твёрдо обещано было лишь одно: в самых общих чертах познакомить читателей с эзотерическими доктринами — и не более того. О многом предполагалось читателю рассказать, но о ещё большем — умолчать.

Это кажущееся на первый взгляд нежелание поделиться с миром некоторыми тайнами природы, которые могут составлять круг знаний небольшой горстки людей, объясняется вовсе не той причиной, которую, как правило, в этом случае называют. Дело вовсе не в эгоизме, который якобы и воздвигает китайскую стену между оккультной наукой и желающими познакомиться с ней поближе — при этом не делая в последнем случае никакого различия между просто любопытствующим "профаном" и вдумчивым, пылким искателем истины. Неправы и несправедливы все те, кто думает так; кто в дальновидном и продиктованном заботой о человечестве образе действий видит, наоборот, безразличие к судьбам людей; кто обвиняет хранителей высоких, но веками отвергаемых физических и духовных истин в том, что они будто бы держат эти истины на недосягаемой для всех остальных людей высоте.

Но ведь дотянуться до этих истин неспособны именно сами же их искатели. Главную причину (среди множества других) подобной скрытности — по крайней мере, в отношении тайн, связанных с физическими науками — следует искать в чём-то совсем ином. [154] Она целиком связана с одним-единственным обстоятельством: с *невозможностью* сообщить миру на данном этапе его развития всего того, что уже по самой своей природе выходит за пределы понимания возможных восприемников, каким бы интеллектуальным потенциалом те ни отличались и какой бы научной подготовкой ни обладали. Эта неразрешимая проблема и разъясняется сегодня тем немногим, кто не только прочитал книгу "Эзотерический буддизм", но и *понял* поведанные в ней отдельные аксиомы оккультизма. Широкий же читатель — и в том нет ни малейшего сомнения — даже и близко не подойдёт к пониманию этой книги, зато получит лишний повод, чтобы откровенно поглумиться над ней. Впрочем, уже получил.

Всё дело в том, что постепенное развитие семи принципов и физических органов чувств у человека *должно* совпадать и происходить параллельно с процессом смены кругов и корневых рас. Сегодня у нашей, *пятой* по счёту, расы развиты всего только *пять* чувств. Но если бы сейчас, в четвёртом круге, принцип *кама* (принцип *воли*) в своей эволюции уже достиг такой стадии, на которой любые автоматические действия, любые немотивированные инстинкты и импульсы — характерные для принципа *кама* в пору его детства и юности, — не следовали бы рабски одним лишь внешним раздражителям, а обратились бы в акты воли, формируемые неизменно в согласии с умом (*манасом*), то каждый принадлежащий к этой расе человек на земле превратился бы в *свободного деятеля*, в существо, *целиком* несущее ответственность за свои действия — но *кама* нашей далеко ещё не взрослой расы лишь только медленно приближается к такому состоянию.

Что же касается шестого чувства у этой (нашей) расы, то оно пробилось у неё не выше лишь самого верхнего материального слоя. Вот почему было бы в высшей степени неразумным ожидать от человечества пятой [расы] способности ощущать

имеющимися у него органами чувств природу и сущность того, что станет полностью *ощущаться* и восприниматься лишь шестой — и тем более седьмой, — [расой], а значит, и пользоваться законными плодами эволюции и талантами будущих рас, применяя для этого одни лишь ограниченные средства наших нынешних органов чувств, оно не в состоянии. Исключения из этого почти что универсального правила до сих пор встречались либо в редчайших случаях аномалий: у отдельных людей с преждевременно развившимися особенностями в строении организма, либо в тех случаях, когда с помощью рано начавшейся тренировки и особых методов обучения отдельные люди достигали уровня развития человечества пятого круга и у них, в дополнение к их природной одарённости, формировались (с помощью особых оккультных методов) шестое — а в ещё более редких случаях даже и седьмое — чувство. Примером первой категории людей может служить ясновидица из Префорста[155] — это *опередившее своё время* существо, редкий случай преждевременного развития, она была мало приспособлена к жизни в окружавшей её чуждой среде, а потому и стала вечно страдающей и болеющей мученицей. Примером другой категории исключений мы могли бы назвать графа Сен-Жермена.

Наряду с антропологическим и физиологическим развитием человек проходит также и свою духовную эволюцию, для которой развитие сугубо интеллектуальное является скорее помехой, чем подспорьем. Вот один лишь пример: лучистое вещество — "четвёртое состояние материи".[156] Оно открыто только что, но ни один человек — включая и знаменитого первооткрывателя — пока ещё так и не понял всей значимости этого события, не увидел открывающихся с этим новых возможностей, не разглядел его связи с физическими явлениями и не заметил, что оно способно дать ответ на самые запутанные проблемы науки. И что же тогда остаётся делать "Адепту", каким бы он ни был? Как он может изловчиться и доказать ошибочность многих положений небулярной теории и теории Солнца, когда единственным средством, позволяющим ему доказать безупречность своей позиции, может быть лишь ссылка на это шестое чувство-сознание и его демонстрация — но его-то физика и отвергает. Разве это не очевидно?

Следовательно, препятствием здесь является вовсе не желание "Адептов" "поставить любые расспросы под запрет". Мешает здесь скорее ограниченность чувств, характерная сегодня не только для среднестатистического человека, но даже и для деятелей науки. Пытаться разьяснить то, что с самого начала будет отвергнуто как физически невозможное, как результат галлюцинации, — и немудро, и даже вредно, поскольку преждевременно. Вот почему использование психических средств для производства физических феноменов — за исключением случаев крайней необходимости — и находится под строгим запретом.

И вот теперь "Адептов" просят вторгнуться в область астрономии — науки, из всех областей человеческих знаний предоставившей самые точные сведения, самые математически безупречные данные — и коснуться достижений, которые у деятелей науки являются предметом их вполне законной гордости! Да, верно, на счету у астрономии в целом намного больше блистательных побед, чем у многих прочих наук. Но если астрономия столь много сделала для удовлетворения пытливого и жадного ума человека и его благородных устремлений к знанию — физическому в важнейших его аспектах, — то она же неизменно и потешалась над жалкими потугами человека, тщась вырвать у Бесконечности её величайшие тайны с помощью одних лишь механических приборов.

Да, спектроскоп показал, что Земля и звёзды состоят, вероятно, из похожего вещества, однако с его помощью так и не удалось определить, каковы те химические реакции, что идут на небесных телах, находящихся на различных этапах своего развития, как не удалось и доказать, что это те же самые реакции, какие наблюдаются и на нашей собственной планете. В этом отношении весьма полезной могла бы оказаться эзотерическая психология. А кто из деятелей науки согласился бы побороться с ней, располагая для этого одними лишь ручными средствами, им же самим и сработанными? Кто из них оказался бы готов признать неоспоримую истинность и превосходство знаний Адептов над их собственными гипотезами? Ведь в свою очередь деятели науки смогли бы предъяснить лишь математическую точность своих дедуктивных рассуждений, сделанных на основе якобы безупречной точности их современных приборов, тогда как Адепты предъяснили бы всего лишь знание об изначальной природе тех материалов, с которыми работают уже многие века, да ещё феномены, производимые на основе этих знаний. Сколько бы ни говорилось о том, что полученные дедуктивным методом аргументы представляют собой лишь неполные формы силлогизма и, более того, зачастую противоречат имеющимся фактам, что такие суждения далеко не всегда верны при всей кажущейся верности предикатов таких умозаключений, учёные всё равно будут отстаивать свой спектральный анализ, не соглашаясь признаться, что он уступает чисто духовному методу исследования. Точно так же ни за что не признают они — пока у человека не разовьётся шестое чувство — и ошибочности своих теорий, связанных с солнечным спектром, ведь для этого им пришлось бы отказаться, хотя бы отчасти, от столь любимых ими условных и разделительных силлогизмов, порождающих бесконечные дилеммы.

Пока что "Адепты" не видят никакого выхода из сложившегося положения. Попробуй только они — эти "профаны", которых и видеть-то никто не видел и знать не знает — не то что открыто восстать против *dicta*[157] Королевского общества, но хотя бы даже просто заговорить о них, то наградой им будут одни лишь презрение и насмешки, сопровождаемые обвинениями в том, что они не знают элементарнейших принципов современной науки. А если найдутся желающие прислушаться к тому "бреду", который несут эти "профаны", то их тут же заклеят, обзвав "городскими сумасшедшими".

Ну, что тут можно поделать? Взять этих августейших учёных особ и одним махом посвятить во все великие таинства, чтобы без дальних околичностей, без всей обычной предварительной подготовки, без всякого обучения члены Королевского общества каким-то *чудом* оказались вдруг наделены шестым чувством? Иного способа Адепты, пожалуй, и не видят. Для суда первой инстанции они предоставили уже вполне достаточно материала — это только некоторым кажется, будто его всё ещё не хватает. Нескончаемая череда мучеников, принёсших себя в жертву во имя великих универсальных истин, продолжает пополняться всё новыми и новыми именами. Начинаясь с Галилея длинный перечень этих известных и безызвестных страдальцев сегодня завершается именем Цёлльнера.[158] А известна ли в мире науки истинная причина преждевременной смерти Цёлльнера? Когда четвёртое измерение пространства станет такой же научной реальностью, как и четвёртое состояние материи, он вполне заслужит того, чтобы благодарные потомки поставили ему памятник. Но ведь это не вернёт его к жизни, как не облегчит уж и тех терзаний ума, что днями и месяцами мучили душу этого скромного гения, наделённого даром интуиции и видевшего далеко вперёд. Но даже и после смерти он получил свою порцию пинков и оплеух: идеи его были извращены, а сам он был публично объявлен сумасшедшим.

До сих пор астрономия двигалась вперёд лишь наощупь, отличая свет от тени лишь с помощью не слишком-то надёжного проводника в виде аналогий. Она обстоятельно и математически точно описала физическое движение и траектории небесных тел — и не более того. Однако до сей поры ей так и не удалось более-менее верно определить физический состав ни Солнца, ни звёзд, ни даже кометного вещества. О последнем ей, похоже, известно не более того, чему пять тысяч лет назад учили официальные астрономы в древних Халдее и Египте, а именно: оно пребывает в парообразном состоянии, поскольку пропускает через себя свет звёзд и планет без каких-либо заметных помех. Но попросите сегодняшнего химика ответить на вопрос, связано ли как-то это вещество с веществом какого-нибудь известного ему газа, подобно ли оно ему или какому-нибудь твёрдому элементу, о котором говорит его химия? И ответ его, вероятнее всего, не прольёт никакого света на мировые загадки, поскольку какие бы гипотезы об обратном ни строила наука, кометное вещество не проявляет никаких признаков того, что подчиняется хотя бы общим законам молекулярного притяжения или химического сродства.

А причина этого до чрезвычайности проста. И истина должна была уже давным-давно прийти экспериментаторам в голову при виде того, что наш крохотный мир (мир, столь нередко посещаемый этими волосатыми и бородатыми странниками, облачёнными в хвостом тянущуюся за ними тончайшую пелену, или как-то иначе приходивший в соприкосновение с их веществом) так до сих пор и не задохнулся от дополнительного поступления газообразного азота, и не утонул в избытке водорода, и никак не пострадал от излишка кислорода. По своей сущности кометное вещество должно, по-видимому, в *корне отличаться* — а, как однозначно утверждают "Адепты", оно и *отличается* — от любых химико-физических характеристик, известных сегодня крупнейшим физикам и химикам Земли — наперекор всем последним гипотезам об обратном. Увы, прежде чем будет обнаружена истинная природа старшего детища *мулапракрити*, г-н Крукс, боимся, уже успеет открыть вещество в *пятом* и *последующих* состояниях лучистой материи.

Да, астрономы свершили буквально чудеса в своих усилиях проникнуть в загадку видимых глазом взаимоотношений небесных тел, но они так ничего и не узнали об их внутренней природе. Созданная ими наука сумела приблизить их к пониманию этих внутренних тайн не больше, чем наука геологов, способная лишь на то, чтобы поведать нам о самых внешних слоях поверхности Земли, или наука физиологов, до сих пор имеющая дело с одной лишь внешней оболочкой человека, *стхула-шарпирой*.

Как и прежде, оккультисты изо дня в день утверждают, что было бы ошибкой судить о сущности вещей по одним лишь их внешним проявлениям, об изначальной природе жизненного принципа — по циркуляции крови; о природе ума — по серому веществу мозга; о физическом составе Солнца, звёзд и комет — по данным нашей земной химии и веществу нашей собственной планеты. Право, никакие микроскопы, спектроскопы, телескопы, фотометры или какие-то другие физические приборы невозможно настроить и направить на наивысшие принципы как *макро-*, так и *микрокосма*: *майявирупа* ни того, ни другого никогда не раскроет своих тайн в ходе физического исследования.

Помочь здесь могут только духовные методы изысканий и наблюдения, производимые с помощью психологических средств. Чтобы чувствовать себя уверенно, мы вынуждены во всём следовать аналогии. Но очень скоро честные учёные должны обнаружить, что изучить парочку звёзд — это всё равно что зачерпнуть жалкую горстку песка из дальних просторов безбрежного космического

океана, и этого явно недостаточно для того, чтобы сделать вывод о полнейшем сходстве этих тел со всем множеством остальных звёзд, в том числе и с нашей Землёй. Они едва ли смогут сказать, что, измерив с помощью гигантской силы своих телескопов площадь лишь одного участка пространства, малой крупницы по сравнению со всей остальной ширью космоса, они сумеют тем самым углубить своё знание обо всём, что только существует хотя бы на этом клочке пространства. Потому что, по правде сказать, ничего в этом роде они так и не сделали. Они всего лишь бросили поверхностный взгляд на то, что в сегодняшних условиях им явлено в зримом виде, да и то только *в узких пределах их зрения*. И это не изменило бы сути дела, даже получи они в своё распоряжение телескопы, во сто крат превышающие возможности нынешнего телескопа лорда Росса,[159] или новейшую Ликскую астрономическую обсерваторию.[160]

Ни один физический прибор никогда не поможет астрономии глубоко исследовать те гигантские расстояния, что отделяют Землю от других небесных тел. Сириус, например, расположенный всего в каких-нибудь 130 125 000 000 000 милях от внешней границы небесной сферы, и даже α Капелла, расположенная всего на каких-то 295 355 000 000 000[161] миль ещё дальше, способны дать учёным, как они и сами это прекрасно понимают, лишь самое отдалённое представление о подлинных масштабах космоса. Адепт же — пусть он даже и неспособен пересечь телесно (то есть пребывая в своей астральной оболочке) границы Солнечной системы — тем не менее, *знает*, что там, дальше, в недостижимых для телескопа просторах, существует бесчисленное множество систем, и если взять самую малую из них и сравнить с системой Сириуса, то последняя покажется просто атомом из того песка, что заполняет собою великую пустыню Шамо.[162] Ни один астроном, полагающий, будто он тоже знает о существовании подобных систем, ни разу ещё не бросал своего взора ни на одну из них, никогда не улавливал из них хотя бы тот полупризрачный образ, причудливый и туманный, подобный смутному видению, что является уму в минуты дрёмы, какой ему до сих пор изредка удавалось уловить, когда он обозревал ближние системы. И он ещё вправду верит, будто сумел измерить Бесконечность! *Астральный* же астроном своим духовным оком видит все эти неизмеримо далёкие от нас миры так же отчётливо и близко, как изучающий растения ботаник ясно видит разбитую в двух шагах от него клумбу с маргаритками.

Да, "Адептам" нынешнего поколения едва ли удастся помочь не посвящённым в духовную науку астрономам, даже если и расскажет им об изначальной сущности звёздного вещества или хотя бы о материальном составе звёзд и планет, ведь европейская наука, не зная пока что ничего ни о существовании подобных субстанций, ни о различных их состояниях, не имеет для них специальных терминов и едва ли способна составить о них хотя бы приблизительное представление, даже если предоставить им это описание. Но, возможно, они смогут помочь, объяснив им, чем эта материя *не является* — этого будет более чем достаточно для решения сегодняшних задач. Ведь второй наилучший способ постичь истину — это сначала понять, что истиной *не является*.

Предвосхитив, таким образом, некоторые возражения самого общего характера и обозначив пределы возможных читательских ожиданий, можно частично ответить на вопросы, которые задаёт "член английского Т.О.", тем более что здесь нет никакой нужды напускать туману таинственности. Сам же отрицательный характер ответов на поставленные вопросы позволит провести чёткую грань между взглядами Адептов и позицией западной науки, тем самым помогая читателю хотя бы косвенным образом извлечь полезные для него сведения.

Вопрос I — Отвергают ли Адепты небулярную теорию?

Ответ: — Нет, они не отвергают ни её общих положений, ни относительной истинности высказанных наукой гипотез. Они не согласны лишь с тем, чтобы называть её окончательной, а всё множество так называемых "лопнувших" теорий, которые одна за другой стремительно выдвигались в прошлом веке, — целиком ошибочными.

Так, например, вместе с Лапласом, Гершелем и другими они не считают, что те изменчивые пятнышки света, которые наблюдаются на туманообразном фоне галактики, происходят из далёких миров, ещё пребывающих в состоянии формирования, и согласны с современной наукой в том, что эти пятна не являются продуктами агрегации бесформенной материи, а принадлежат к уже сформировавшимся "звёздным" скоплениям. При этом, добавляют они, многие подобные скопления, принимаемые астрофизиками за уже возникшие отдельные звёзды и миры, на самом-то деле представляют собой кладовые разнообразных материалов, уже готовых к постройке будущих миров. Это как бы уже обожжённые кирпичи, которые могут отличаться друг от друга по своему качеству, форме и цвету, но при этом уже не представляют собой, как прежде, одну лишь бесформенную глину: они превратились в готовые элементы будущей стены, и каждый из них имеет ясно предписанное ему пространство, которое будет занимать в каком-нибудь будущем здании, представляя собой отдельный и как будто бы взрослый мир.

Об относительной юности этих миров астроном может судить, пожалуй, лишь сравнивая различные звёздные скопления на основе принципов обычного орбитального движения и взаимной гравитации, а также отталкиваясь от таких скоплений, которые, если не ошибаюсь, вы называете неправильными, поскольку они весьма капризно меняют свой внешний облик. Сведённые вместе как будто по воле случая и являя собой, на первый взгляд, вопиющее противоречие с законом симметрии, они не поддаются наблюдению: это такие, например, скопления, как 5 М. созвездия Лира, 52 М. Цефея, Гантель и некоторые другие. Готовясь выслушать порцию категорических возражений и насмешек по поводу вышесказанного, думаем, было бы излишним определяться с природой и характером некоторых других, так называемых "временных", звёзд, периодичность которых, хотя так никогда и не была фактически установлена, почему-то ни у кого не вызывает сомнения. Что это за звёзды? Они то внезапно появляются во всём своём несравненном великолепии и блеске, то столь же внезапно и таинственно исчезают, не оставляя после себя ни единого следа? Откуда они приходят? В каких безднах пропадают? То один, то другой яркий "кирпичик" как будто оказывается в руке некоего каменщика, ведомого волей Архитектора Вселенной, который вечно эту Вселенную разрушает лишь для того, чтобы её перестроить заново. Каждый такой кирпичик находит своё законное место в мироздании и будет выполнять возложенную на него миссию до самого последнего часа *манвантары*.

А вот ещё одно положение, по которому "Адепты" самым категорическим образом не согласны с наукой, утверждающей, будто в видимом глазом пространстве небес существуют пустоты, в которых отсутствуют какие бы то ни было звёздные миры. Звёзды, миры и системы существуют как *внутри*, так и *вне* видимых человеку систем и, что бы там ни говорили физики, даже *внутри нашей собственной атмосферы*. Ортодоксальная (или так называемая официальная) наука, замечают в этой связи

"Адепты", весьма часто употребляет слово "бесконечность", не придавая ему того значения, которого оно на самом деле заслуживает. У них это обычная фигура речи, а не термин, обозначающий страшную, самую загадочную Реальность. Когда в очередном отчёте астронома мы встречаем слова о том, как он "измеряет *бесконечность*", то даже самые интуитивные его коллеги слишком часто склонны забывать, что меряют-то они всего лишь внешнюю плоскость весьма малого участка Вселенной и её видимых глазом глубин, но говорят о них так, словно описывают простые объёмы с поддающимся подсчёту количеством. Это прямое следствие сложившегося на сегодня представления о трёхмерном пространстве. Открытие четырёхмерного пространства уже не за горами, однако наука так и будет продолжать путаться в загадках до тех самых пор, пока не придёт к правильному пониманию естественной мерности видимого и невидимого пространства — во всей его семеричной полноте.

"Бесконечное и Абсолютное — это лишь слова, обозначающие две стороны одного и того же слабосилия человеческого (*непосвящённого*) ума", и считать их уже постигнутыми "свойствами природы вещей — двумя субъективными отрицаниями, обращёнными в объективные утверждения", как пишет сэр У. Гамильтон,^[163] это значит не понимать ничего о бесконечном многообразии деятельности освобождённого человеческого духа и о его свойствах, первой из которых является способность проникать *за пределы* того, что нам известно как материя и пространство по опыту одной лишь земной жизни. Как невозможен абсолютный вакуум *внизу*, так невозможен он и *вверху*. Но наши молекулы, те мельчайшие частицы, что составляют вакуум "внизу", заменяются гигантом-атомом Бесконечности "вверху". Будь только возможно продемонстрировать [человечеству] особенности четырёхмерного пространства, то концепция эта могла бы привести к открытию новых приборов для изучения той экстремально плотной материи, в окружении которой мы живём, — это как живёт, скажем, мошка в шарике смолы. Но поскольку мы знаем об этой материи лишь по тем её свойствам, которые она проявляет на Земле, то мы и называем её *чистой, ясной и прозрачной* атмосферой. И дело здесь не в психологии, а в одной лишь оккультной физике, которая никогда не спутает "вещество" с "центрами силы", если прибегнуть к терминологии западной науки, ничего не знающей *о майе*. Менее чем за одно столетие ко всем телескопам, микроскопам, микрографам и телефонам тогда добавился бы ещё и *эфироскоп*, за изобретение которого Королевскому обществу пришлось бы объявить особую премию.

Кроме того, отвечая на поставленный "членом английского Т.О." вопрос, необходимо также указать и на то, что "Адепты" Благого Закона отвергают и гравитацию в том виде, в каком она объясняется сегодня. Они не считают, что гипотезу гравитации можно подтвердить только с помощью так называемой "ударной теории". Если, говорят они, так до сих пор и не увенчались даже скромным успехом все усилия физиков, направленные на то, чтобы связать гравитацию с эфиром для объяснения электромагнитного воздействия на расстоянии, то это опять-таки следствие незнакомства нынешней расы с наивысшими состояниями материи в природе и в первую очередь результат незнания подлинной природы солнечного вещества. Убеждённые в том, что существует лишь закон взаимного электромагнитного притяжения и отталкивания, "Адепты" согласны с мнением тех, кто считает "всемирную гравитацию слабой силой", совершенно неспособной хотя бы отчасти объяснить связанные с движением явления.

Одновременно они вынуждены предположить, что наука может ошибаться и

придавая чересчур большое значение центробежной силе, которая не вписывается ни в универсальный, ни в сколь-нибудь последовательно действующий закон. Вот лишь один пример: действием этой силы невозможно объяснить то, почему некоторые планеты выглядят как сплюснутые сфероиды. Ведь если бы выпячивание экваториальных областей этих планет и сплюснутость на полюсах можно было отнести за счёт действия центробежной силы, а не мощного электромагнитного притяжения со стороны Солнца, "сбалансированного концентрическим спрямлением собственной гравитации каждой из планет, достигаемым за счёт её вращения вокруг собственной оси", если воспользоваться формулировкой, предложенной одним из астрономов (формулировкой и неясной, и неверной, но зато демонстрирующей ряд изъянов в существующей в системе, что мы и хотим показать), то отчего же тогда науке так трудно ответить на возражение, что наблюдаемые у различных планет различия в скорости движения их экваториальных областей и в их плотности прямо противоречат этой теории? Как долго ещё собираются даже крупные математики заниматься самообманом лишь для того только, чтобы чем-либо заполнить зияющий пробел в своих знаниях?

"Адепты" никогда не хвастались ни своим превосходством над западной астрономией и прочими науками, ни *каким-либо* близким знакомством с ними. Но ведь если мы обратимся даже к самым элементарным учебникам, по которым учатся в индийских школах, то обнаружим, что родившаяся на Западе центробежная теория неспособна устранить *все* противоречия, которые возникают в этом вопросе. Сама по себе она не *в состоянии* ни объяснить каждый отдельный случай сплюснутости у полюсов, ни разрешить ни одного явного противоречия, связанного с относительной плотностью отдельных планет. Ну каким, в самом деле, образом какие-либо расчёты центробежной силы могут нам объяснить, например, то, почему Меркурий, который, как нам говорят, "вращается на одну треть медленнее, чем Земля, и имеет плотность лишь на четверть выше земной", показывает сжатие у полюсов, *более чем в десять раз превышающее земное*? Или опять-таки почему Юпитер, у которого скорость вращения экваториальных областей, как нам говорят, "в двадцать семь раз выше, а плотность всего примерно в пять раз ниже, чем у Земли", сжат у полюсов в семнадцать раз сильнее, чем Земля? Или возьмём Сатурн, у которого скорость вращения экваториальных областей в пятьдесят пять раз выше, чем у Меркурия. Тогда как с точки зрения центробежной теории объяснить, почему сжатие полярных областей у него *всего лишь втрое превышает* тот же показатель у Меркурия?

Ну, и в довершение всего нам предлагается поверить нынешней западной концепции "центральных сил" даже наперекор сообщениям о том, что экваториальная масса Солнца — которая по своей скорости вращения более чем вчетверо превышает центробежную скорость экваториальной поверхности Земли и лишь примерно в четверть уступает гравитации земной экваториальной массы, — не проявляет никаких тенденций ни к выпячиванию в области солнечного экватора, ни к малейшему сплюсчиванию в районах полюсов. Проще говоря, Солнце с его плотностью, лишь вчетверо уступающей земной, не имеет сжатия у полюсов вообще, и где же здесь действие центробежной силы? Это возражение высказывалось далеко не одним астрономом, но на него, насколько "Адептам" известно, так до сих пор и не поступило удовлетворительного объяснения.

Вот почему они и говорят, что со стороны великих деятелей западной науки, ничего или почти ничего не знающих ни о веществе комет, ни о центробежных и центростремительных силах, ни о природе туманностей, ни о физическом составе Солнца, звёзд и даже Луны, было бы явной неосторожностью говорить в их

привычно уверенном тоне о том, что планеты, кометы и всё прочее образовались, оторвавшись от "центральной массы Солнца" и улетев от неё в пространство. И если уж нас просят высказать здесь своё скромное мнение по этому вопросу, то мы утверждаем: она ["центральная масса Солнца"] вырабатывает из себя один только *жизненный принцип, душу* этих тел, *отдавая и получая его обратно* в нашей крохотной Солнечной системе так же, как его отдаёт и получает назад "вселенский жизнедатель", Единая Жизнь, в бесконечности и вечности; и наша Солнечная система в той же мере является *микрокосмом* по отношению к Единому *макркосму*, в какой человек выступает *микрокосмом* в сравнении с тем крохотным солнечным космосом, в котором он живёт.

Каковы же аргументы науки? Солнечные пятна (такой же псевдотермин, как и многие другие)? Но о плотности "центральной массы" Солнца они говорят не больше, чем грозовые облака свидетельствуют о плотности скрывающихся над ними атмосферных масс. Может быть, дело в несоразмерности фактической величины солнечного тела и площади его мнимой светящейся области, по причине чего это "тело" и *представляется* "плотной массой, тёмной материальной сферой, заключённой внутри *огненной тюрьмы*, то есть как бы облачённой в наряд из яростных языков пламени?" Мы говорим: да, внутри Солнца действительно скрывается "узник", но "узник" этот ещё никогда не предстал перед *физическим* оком ни одного-единого смертного, ибо он позволяет увидеть в себе одно лишь гигантское *отражение*, обманчивый призрак "*чего-то ещё*", чем обладает Солнце", как честно пишет об этом г-н Проктор.[164] Прежде чем сказать что-либо ещё по этому поводу, давайте перейдём к следующему вопросу.

Вопрос II — Действительно ли Солнце — это всего-навсего остывающая масса?

Такова общепринятая теория современной науки, но не то, чему учат "Адепты". Первая гласит: Солнце "не получает никаких значимых поступлений теплоты извне". Вторые же на это замечают: "А Солнце в этом и не нуждается". Оно является столь же самодостаточным, сколь и самосветящимся [небесным телом]; и для поддержания собственного запаса теплоты оно вовсе не нуждается в помощи извне, как ему ничуть не требуется и поступление жизненной энергии со стороны, поскольку оно представляет собой сердце собственной системы, сердце, которое не перестанет биться до тех самых пор, пока для него не пробьёт час отдыха. Будь Солнце действительно некой "остывающей массой", то этот наш великий жизнедатель уже значительно потускнел бы со временем, и сегодня ему было бы весьма нелегко подыскивать топливо для поддержания огня в своих сигнальных кострах, освещающих путь для грядущих рас, чтобы те могли спокойно проходить свои циклы, а планетарные цепи переживали свои круги. В этом случае у человечества не осталось бы никаких надежд на эволюцию, — ну, может быть, некоторым утешением для него стало бы то, что выдаётся за науку в учебниках по астрономии, столь популярных в миссионерских школах, а именно: "Для того чтобы странствовать по своей орбите, у Солнца ещё есть сотня миллионов лет, а [Солнечной] системе нашей пока ещё всего только *семь тысяч лет* от роду!" (Prize Book, *Astronomy for General Readers* ["Астрономия для всех"]).

"Адепты" же, вынужденные, таким образом, вначале заниматься делом разрушения перед тем, как переходить к задаче реконструкции, самым решительным образом не

согласны с тем, что (а) на Солнце происходит процесс горения в любом традиционном значении этого слова; (б) оно находится в *раскалённом* состоянии или пребывает в *огне*, хотя при всём при этом и *излучает яркий свет*; (в) яркость его уже начала падать, а энергия горения может у него полностью истощиться за какое-то конкретное и поддающееся подсчёту время; и что даже (г) содержащиеся в его физико-химическом составе какие-нибудь элементы из земной химии находятся в известном химикам и физикам состоянии. Что касается последних, то они говорят ещё и о том, что, хотя образующие солнечное тело (которое ещё ни разу ни отражалось в изобретённых человеком телескопах и спектроскопах) земные элементы едва ли пребывают там в, строго говоря, известном химикам состоянии, все они, тем не менее, присутствуют во внешней оболочке Солнца наряду с огромным множеством других, пока не известных науке, элементов.

Право, не стоило так долго ждать, чтобы по совпадению принадлежащих этим элементам линий с тёмными линиями солнечного спектра *понять*, что на Солнце никогда не было недостатка в присутствии тех же элементов, что имеются и на Земле, хотя, с другой стороны, на Солнце встречается и множество других элементов, которые пока ещё либо не попали на Землю, либо не были на ней открыты. Какие-то из них могут отсутствовать на ещё не до конца сформировавшихся звёздах и других небесных телах или, строго говоря, хотя они там и присутствуют, но по причине своей недооформленности могут пока не проявляться в проводимых учёными обычных исследованиях.

Да разве же может на Земле оказаться то, чего никогда не присутствовало бы на Солнце? "Адепты" со всей решительностью утверждают, что подлинное *Солнце* — то невидимое небесное тело, о котором наука может пока судить лишь по его единственно видимой внешней оболочке, его внешнему обличью, его чисто внешнему облачению — скрывает в себе дух каждого элемента, какой только существует в нашей Солнечной системе, а его "хромосфера", как окрестил эту оболочку г-н Локьер,^[165] содержит в себе всё ровно то же самое, только находящееся в гораздо более высоком состоянии — состоянии, пока ещё недостижимом на Земле, и планете нашей ещё придётся долго ждать, долго расти и развиваться, прежде чем любой её элемент сможет быть сведён к такому состоянию, в котором он сегодня пребывает внутри этой хромосферы.

Да и ту субстанцию, что производит в последней свет разнообразных цветов и оттенков, невозможно назвать, строго говоря, ни твёрдой, ни жидкой, ни даже "газообразной", как полагают сегодня, поскольку она не представляет собой ни первое, ни второе, ни третье. За тысячи лет до Лавуазье^[166] и падре Секки^[167] древние арии, воспевая *Сурью*, говорили о нём такими словами: "Он прячет за одеждой йога^[168] голову свою, которой никто узреть не может". Как всем известно, аскеты носят облачение, окрашенное в яркий оранжевый цвет, а краситель имеет на себе розовые пятна, символически намекающие на присутствие *жизненного принципа* в крови человека — символ жизненного принципа, присутствующего на Солнце — вернее, в том, что сегодня называют хромосферой. Тот самый "розовый участок"! Но как же мало астрономам суждено когда-либо узнать о его подлинной природе, хотя сотни затмений Солнца приносят им *неопровержимые свидетельства* о его присутствии на нём. Солнце так плотно окружено *оболочкой* из этого "красного вещества", что, опираясь на одни лишь свои физические приборы, им не стоит даже браться за разгадку природы того, чего никогда не смогут ни увидеть, ни обнаружить обычным глазом смертного за этой областью ярко *светящегося* вещества.

Если вы спросите у "Адептов": какова же, по их мнению, природа нашего Солнца, и что там скрывается внутри, за этой сотканной из космической материи внешней пеленой, то они ответят вам: там, *за ней*, вращается и бьётся то, что является *сердцем и головою* нашей системы. Снаружи оно покрыто облачением, которое представляет собою не ту знакомую вам твёрдую, жидкую или газообразную материю, а *жизненное* электричество, которое уплотнено и сделано видимым.[169] А если на наше утверждение нам возразят: дескать, будь свечение Солнца обязано не *процессу горения* и пламени, то ни один сколь-нибудь известный западной науке физический закон не позволил бы ей объяснить наличие у Солнца столь чрезмерно высокой температуры *при отсутствии процесса горения*; дескать, при такой температуре Солнце не только сжигало бы своим светом и пламенем любой видимый объект в нашей Вселенной [Солнечной системе — *перев.*], но и проявляло бы повсюду однородную и единообразную светимость, чего на самом деле не наблюдается; дескать, волнения и возмущения в фотосфере, возникновение "протуберанцев", наблюдаемое на Солнце неистовое буйство горящих элементов с языками пламени, а также наличие пятен, во всём напоминающих циклонообразное движение, "солнечные бури", и проч. и проч., то на это можно дать только один ответ: да, всё это похоже на то, но, тем не менее, это не процесс горения.

Нет никакого сомнения, что если бы только можно было снять с Солнца то ослепительное облачение, которое сегодня покрывает собой солнечное тело целиком, или проделать хотя бы узенькую щёлку в той "сияющей атмосфере, которая и позволяет нам видеть Солнце" (как полагал сэр Уильям Гершель), то вся наша Вселенная тут же обратилась бы в пепел. *Громовержец Юпитер* всегда испепелял своих возлюбленных, когда являл им свой подлинный облик. Однако случиться такого не может никогда. Защитная оболочка столь плотна и расположена столь далеко от сердца Вселенной, что едва ли кто-нибудь из ваших математиков сможет когда-нибудь представить расчёты этих величин. Да и как могут они надеяться увидеть *внутреннее* солнечное тело (при том, что наука твёрдо доказала существование "хромосферы", пусть даже не установив всё ещё её фактическую плотность), когда один из крупнейших научных авторитетов (если не *самый* крупный), сэр Уильям Гершель, утверждает следующее:

"У Солнца также есть собственная *атмосфера*, и если одни образующие её флюиды обладают ярким блеском, а другие совершенно прозрачны, то *любая временная причина, способная удалить светящийся флюид, позволит нам увидеть солнечное тело* сквозь прозрачные флюиды".[170]

Подчёркнутые слова — а они были написаны почти восемьдесят лет тому назад — заключают в себе неверную гипотезу о том, что при таких условиях будто бы можно увидеть *солнечное тело*, тогда как на самом-то деле наблюдать в этом случае удалось бы лишь самые удалённые от него слои "светящегося флюида". А следующие слова великого астронома целиком сводят на нет первую часть его предположения:

"Если посадить на Луне наблюдателя, то твёрдое тело нашей Земли он увидел бы *лишь в тех местах, где ему позволили бы это сделать прозрачные флюиды атмосферы*. В остальных же местах непрозрачные пары отразили бы солнечный свет, так и не позволив наблюдателю своим взором проникнуть за них и добраться до поверхности нашей планеты".[171]

Итак, если атмосфера нашей Земли в сравнении с "атмосферой" (?) Солнца — это всё равно что тончайшая фруктовая кожура в сравнении с твердейшей скорлупой

кокосового ореха, и при этом она едва ли позволит находящемуся на Луне наблюдателю своим взором "добраться до поверхности нашей планеты", то с какой стати находящийся на Земле астроном может надеяться разглядеть поверхность Солнца, удалённую от него на расстояние от 85 до 95 млн миль,[172] тогда как Луна, говорят нам, находится примерно лишь в 238 тыс. миль от Земли? И относительно большие размеры Солнца отнюдь не облегчают задачу его наблюдения с помощью чисто физических методов. Как верно заметил сэр У. Гершель, "это, *по-видимому, лишь чисто метафорически* принято называть Солнце огненным шаром!"[173]

Что же касается тёмных пятен, то наука *предположила*, что это некие твёрдые тела, вращающиеся вблизи от солнечной поверхности.

"Считалось, что это дым от вулканов, что это какой-то шлак, плавающий на поверхности океана флюидической материи . . . Их *принимали* за облака . . . *Объясняли* тем, что это какие-то непрозрачные массы чего-то, плавающие во флюидической материи Солнца . . ." [174]

Когда же все эти антропоморфные концепции были отброшены, то оказалось, что ближе всех к истине подобрался сэр Джон Гершель,[175] *интуиция* которого была гораздо глубже его учёных знаний. Действительно, к истине он подобрался ближе всех современных астрономов, которые при всём своём восхищении его гигантскими познаниями не могли удержаться от улыбки, слушая его "неправдоподобные и сомнительные теории". Его единственной ошибкой, которую сегодня разделяет большинство астрономов, является то, что "тёмное тело", которое изредка удавалось разглядеть сквозь пелену "светящейся оболочки", он принял за само Солнце. Когда, рассуждая о теории ивовых листьев Несмита,[176] он говорил, что

"определённая форма этих объектов, их строгое сходство между собой . . . — всё это такие особенности, которые делают несостоятельным представление об их природе как о паре, тумане или флюиде".[177]

то духовная его интуиция подсказала ему много больше, чем все его замечательные познания в физической науке. Когда же он говорит далее:

"Нам не остаётся ничего другого, кроме как считать их *отдельными и самостоятельными* листьями, хлопьями,.. обладающими *некоторой плотностью* . . . Но чем бы они ни были, очевидно, что именно они и выступают *непосредственными источниками солнечного света и теплоты*".[178]

то произносит величайшую в области физики истину, какая только исходила из уст живущего на Земле астронома. А когда мы слышим от него такие, например, слова:

"при такой постановке вопроса мы не можем не считать их своеобразными, поразительными *организмами*; и, хотя было бы большой смелостью с нашей стороны утверждать, что подобная система организации может использовать ресурсы природы жизни, мы знаем, однако, что в ходе *витальных процессов вполне способны вырабатываться одновременно и теплота, и свет, и электричество*",[179]

то понимаем, что сэр Джон Гершель высказывает теорию, стоящую к оккультной истине гораздо ближе, чем любые теории незнакомых с духовной наукой учёных в области солнечной физики.

Эти "чудесные объекты" — вовсе не то, что утверждает современный астроном, видящий в словах сэра Джона Гершеля указание на каких-то "*солнечных обитателей*", огненный состав которых позволяет им освещать, согревать и обеспечивать электричеством всю Солнечную систему".[180] Нет, это не что иное как резервуары солнечной витальной энергии, кладовые того самого *витального* электричества, которым питается вся [Солнечная] система и в котором она живёт, дышит и существует.[181] Солнце, как мы и говорим, выступает кладовой нашего малого космоса, которая сама же и производит необходимый ему флюид, и Солнце всегда получает назад столько же, сколько и отдаёт.

Если же задать астрономам такой вопрос: какие определённые и надёжные данные лежат в основании их солнечной теории и что они знают о процессе горения на Солнце и о его атмосфере, то, взглянув под таким углом зрения на все собственные нынешние теории, они, скорее всего, просто разведут руками. Право, если коротко перечислить всё то, чего специалисты по солнечной физике *не знают*, то из этого можно легко заключить, что они, как всегда, очень далеки от ясного представления о составе и элементарной природе небесных тел. Позволим себе привести здесь краткий перечень таких моментов.

Начнём с того, что г-н Проктор справедливо называет "самым безумным из всех возможных предположений".[182] Оно заключается в том, что по закону аналогии должно существовать какое-то общее сходство между присутствующими на Солнце материалами и идущими на нём процессами, с одной стороны, и теми материалами, которые знакомы учёным, занимающимся земной химией и физикой, с другой. Что представляет собой тот массив данных, который уже собран в ходе спектроскопического и прочих видов анализа поверхности и внутренней части Солнца, и насколько позволяет он подтвердить хотя бы одну из существующих на сегодня *аксиом* относительно горения и постепенного затухания Солнца?

Судя по ежедневным признаниям учёных, у них нет никакого способа провести эксперимент на Солнце, а следовательно, и нет возможности установить его физическое состояние, поскольку (а) им неизвестны границы солнечной атмосферы; (б) будь даже доказан факт непрерывного падения на Солнце известной им *материи*, они, не зная ни истинной скорости, ни природы падающего на него материала, не могут "обсуждать вопрос о последствиях движений, многократно превышающих по скорости,.. чудовищно превосходящих даже невообразимую скорость многих метеоров";[183] (в) как следует из их же признаний, "они не располагают никакими средствами для того, чтобы определить, откуда исходит та часть света, которая даёт непрерывный спектр . . .".[184] а значит, "у них нет и никакого способа определить размеры того слоя солнечной поверхности, которая участвует в истечении этого света".[185] Свет этот "может исходить из одних только поверхностных слоёв", а "она [поверхность] может оказаться одной лишь внешней оболочкой" (вот именно!); и наконец (г) они ещё пока не установили, "в какой мере процесс собственно горения может иметь место внутри солнечной массы" и "происходят ли там только те процессы горения, которые мы (то есть они, учёные) считаем таковыми".[186]

На этом основании г-н Проктор, к примеру, в конце концов приходит к счастливой и разумной мысли:

"то, что ранее полагалось самым характерным признаком раскалённых твёрдых и жидких тел, теперь, возможно, следует считать признаком света, исходящего от раскалённого газа".[187]

Таким образом, теперь, когда рухнула вся основа их логических рассуждений (под давлением критики Франкленда[188]), у них, у астрономов, остаётся ещё шанс признать справедливость оккультной теории, то есть заняться поисками шестого состояния материи, которое и откроет перед ними истинную природу всех их "фотосфер", "хромосфер", "придатков", "протуберанцев", "проекций" и "рожков".

В самом деле, когда один из авторитетнейших физиков века, профессор Тиндаль, говорит, что

"ни одному из тех веществ, с которыми мы знакомы на Земле, как и ни одному из тех веществ, которые приносят с собою падающие на Землю метеориты, *никогда не удалось бы поддерживать* процесс горения на Солнце",[189]

или:

". . . как бы мы ни умножали свои энергии в миллионы миллионов раз, мы никогда не достигнем солнечных объёмов расхода ресурсов. Несмотря на гигантскую утечку этих ресурсов в пределах даже человеческой истории, мы, тем не менее, неспособны зафиксировать ни малейшего сокращения его запасов . . ." [190]

то на фоне этих слов утверждения учёных, продолжающих всё так же отстаивать свою теорию "остывания горячей планеты", не могут не вызывать чувства удивления перед такой непоследовательностью. И ведь прав этот великий физик, называя даже само Солнце всего лишь "крапинкой в бесконечной протяжённости пространства — одной лишь каплей в океане Вселенной".[191] По его словам,

"к Природе ничего нельзя добавить; от Природы ничего нельзя отнять. Объём её энергий постоянен. Самое большее, на что способен человек в поиске физической истины и в приложении своих физических знаний, — это лишь *изменять отдельные величины в рамках никогда не меняющейся итоговой суммы. Закон сохранения начисто исключает как сотворение, так и уничтожение . . . Истечение энергии остаётся вечно одним и тем же*".[192]

Г-н Тиндаль говорит здесь, как оккультист. И, тем не менее, всё то же самое *temento tori*[193] — "Солнце остывает . . . оно умирает! . . .", исходящее из уст трапистов[194] от западных науки, продолжает звучать всё так же громко.

Нет, говорим мы. До тех пор, пока на планете остаётся хотя бы один человек, Солнце не погаснет. Прежде чем на сторожевой башне Вечности пробьёт час "солнечной пралаи", все остальные миры в нашей системе будут, как и прежде, скользить в своих призрачных пеленах по безмолвным тропам Бесконечного Пространства. И прежде чем час этот пробьёт, могучий титан Атлант, сын Азии и питомец Эфира, успеет сбросить с своих плеч тяжкий манвантарный груз и — умереть, а Плеяды, семь блистательных сестёр, разбудив прячущуюся Астеропу, чтобы та разделила с ними их скорбь, и *сами умрут, не пережив утраты родного отца*. Геркулесу же, когда он *уберёт свою левую ногу*, придётся сдвинуться на небе и возвести на нём собственный погребальный костёр. И вот только тогда, окружённый стихией огня, прорывающейся сквозь сгущающийся сумрак наступающей пралаи, Геркулес и *испустит последний вздох, погибнув во всеобщем огне*, но принося тем самым и смерть нашему Солнцу: ибо *он своим уходом обнажит "Центральное Солнце"* — таинственный, вечно сокрытый центр притяжения для нашего Солнца и системы.

Басни? Обычный поэтический вымысел? Однако тот, кто знает, что наиточнейшие из наук, самые великие математические и астрономические истины пришли в этот мир к *hoi polloi*[195] из узкого круга жрецов-посвящённых, иерофантов *sanctum sanctorum*[196] в древних храмах, под обманчивой маской религиозных мифов, то было бы весьма нелишним поискать универсальные истины даже под шутовским одеянием вымышленных героев. Та же самая *басня* об этих *семи сёстрах*, Плеядах, об Атланте и Геркулесе, повествующая об одних и тех же событиях — лишь герои в них выведены под другими именами — присутствует и в священных индийских книгах и передаёт тот же самый оккультный смысл. Впрочем, если, по мнению *великого* санскритолога, профессора Вебера, "Рамаяна" была "заимствована из греческой "Илиады", а "Бхагавадгита" и Кришна украдены из Евангелия, то, кто знает, может, и рассказ о Плеядах и Геркулесе арии позаимствовали из того же источника?! А когда христианские востоковеды докажут, что брамины — это прямые потомки тевтонских крестоносцев, то тогда-то, по всей видимости, и закончится нынешний цикл доказательств, и исторические истины Запада окончательно восторжествуют!

Вопрос III. — Правда ли, что великие народы мира могут быть сметены с лика Земли в одночасье?

Нет, такого вздора никто и нигде не утверждал. Тот катаклизм, что уничтожил самые блестящие субрасы Четвёртой расы, расы атлантов, медленно подготавливался на протяжении веков — об этом можно легко прочитать в "Эзотерическом буддизме" (с. 54). А так называемый "Посейдонис" относится уже к историческим временам, хотя о его судьбе стали задумываться и строить догадки лишь теперь. Всё, что об этом было рассказано, остаётся в силе: каждая корневая раса отделяется от другой какой-то катастрофой, каким-то катаклизмом, которые и послужили исторической основой для всех тех мифов, что позднее оказались вплетены в ткань религиозных откровений у всех народов Земли, как цивилизованных, так и диких, под различными названиями: "потопов", "огненных дождей" и проч. и проч.

Почему же "сегодня не осталось ни одного заметного следа от тех высокоразвитых цивилизаций"? На то есть несколько причин. Одна из них связана в основном с неспособностью — а частично и с нежеланием (а может быть, и с врождённой духовной слепотой этого нашего века?) — современных археологов разобраться, какие из раскопанных артефактов и остатков сооружений имеют возраст 50, а какие — лишь 4 тысячи лет. Они не в силах точно датировать целый ряд важнейших архитектурных памятников, принадлежащих периоду архаики, а потому и не относят их к доисторическим временам. Тут нет никакой вины археологов — в самом деле, какими критериями, какими признаками они располагают для того, чтобы установить точную датировку какого-нибудь найденного в ходе раскопок здания, на котором нет ни одной надписи? И какие у широкой публики могут быть гарантии того, что специалисты по древности не ошиблись на какие-нибудь 20 тысяч лет? Ярким примером этого может служить *научно-историческая* характеристика циклопических сооружений. Традиционная археология, имеющая дело с монументальной архитектурой, здесь не поможет. Что же касается изустной литературы, народных преданий, баллад, обрядов, то всё это огульно причисляется к разряду обычных *сுவений*, так что древнее наследие народов превратилось в одни только "басни" и "фольклор".

Более грубый стиль кладки в таком, например, циклопическом сооружении, как стены упоминаемого Гомером Тира, позволил отнести их к самому древнему периоду — к временам, далеко предшествовавшим зарождению будущей древнеримской цивилизации, тогда как стены городов Эпира и Микен — к наиболее близкому нам историческому периоду. *Принято* считать, что возведены они были пеласгами, *вероятно*, где-то в I тысячелетии до начала западной эры. Что касается первых, то их максимально приближенная к нашим дням датировка исходит из датировки Ноева потопа. Как подсчитал в своей учёной схеме архиепископ Ашер, Земля и человек "были сотворены в 4004 году до Р.Х.", и вплоть до триумфальных идей г-на Дарвина такая датировка не просто бытовала в народных представлениях, но и фактически *навязывалась* просвещённым классам.

Если бы не усилия горстки александрийских и иных мистиков, платоников и других языческих философов, то Европа недосчиталась бы даже тех немногих произведений греко-римской классики, которыми сегодня обладает. А поскольку не все счастливо избежавшие своей гибели произведения отличались безупречной правдивостью — возможно, поэтому-то они и не были уничтожены — у западных учёных уже на самом раннем этапе вошло в обычай отвергать любые исходившие из уст языческих авторов сведения, когда истина приходила в противоречие с догматами их церквей.

Кроме того, необходимо опять же иметь в виду следующее обстоятельство: все современные археологи, востоковеды и историки являются *исключительно* европейцами и все они, хотя бы и номинально, — *исключительно* христиане. Так или иначе, но большинству из них очень не хочется относить памятники архаики к таким временам, когда вдруг окажется, что те значительно старше самых древних, по их мнению, иудейских источников. Именно к подобной позиции и скатилось большинство из них.

А следы древних цивилизаций существуют, и их немало. Но, как можно робко предположить, до тех пор, пока почтенные господа-клерикалы вольготно чувствуют себя в археологических и востоковедческих обществах; до тех пор, пока христианским епископам позволяется описывать всё то, что они полагают историей и религиями нехристианских народов, а также пока им никто не мешает верховодить в собраниях востоковедов — до тех самых пор во всех областях знания период архаики со всеми его памятниками будет оставаться на вторых ролях у древнего иудаизма и современного христианства.

Сегодня археология не знает ничего о том, где находились очаги иных, гораздо более древних цивилизаций. Исключение составляют лишь те из них, на которые она наткнулась случайно и которым приписала соответствующий возраст, опираясь главным образом на библейскую хронологию. Имел ли Запад *право* насильно навязывать *всемирной* истории ту недостоверную хронологию, которую почерпнул у немногочисленного и никому не ведомого еврейского племени, отвергая при этом любой факт и любую иную традицию, исходящие от классических авторов неиудейских и нехристианских народов, — это, конечно, вопрос дискуссионный. Но прими он с той же готовностью данные, исходящие из других источников, то в любом случае он к сегодняшнему дню смог бы уже убедиться, что не только в Италии и в других областях Европы, но даже и совсем рядом с теми районами, которые он привык считать очагами древнейших культур — Вавилоне и Ассирии — имеется множество мест, где он мог бы вести археологические раскопки с большой пользой для себя. Например, обширная "соляная долина" Дашт-Беяд[197] в Хорасане скрывает под собою остатки древнейших в мире цивилизаций; а с того дня,

когда самая *первая* цивилизация Пятой расы оставила свои сегодня уже невидимые и, вероятно, навсегда стёршиеся "следы" под многочисленными слоями песка, нынешняя пустыня Гоби успела превратиться из моря в сушу и из плодородных земель в мёртвую пустыню.

Времена изменились и продолжают меняться. Накапливается всё больше свидетельств существования древних цивилизаций и премудрости, восходящей к эпохам глубочайшей архаики. И хотя рукою оголтелой солдатни и проходимцев в сутанах было сожжено немало книг, осквернено немало старинных библиотек; хотя тлен и насекомые сделали своё дело, уничтожив множество бесценных древних рукописей; хотя уже в исторический период испанские варвары складывали целые костры из лучших литературных творений, созданных высокоразвитыми расами Америки в глубочайшей древности, которые, будь только сохранены, могли бы пролить свет не на одну историческую загадку; хотя Умар[198] месяцами топил александрийские бани литературными сокровищами Серапеума;[199] хотя в войнах погибли Сивиллины книги и другие мистические творения Греции и Рима; хотя южноиндийские захватчики Цейлона и занимались тем, что "сбрасывали написанные на пальмовых листах буддистские писания в одну грудку высотой с кокосовые пальмы", а затем предавали их огню во славу своих побед — тем самым стирая из мировой памяти человечества знание о ценнейших исторических записях и философских трактатах раннего буддизма; хотя пятно этого безжалостного и бессмысленного вандализма лежит на совести большинства воинствующих народов, тем не менее, несмотря ни на что, множеству памятников, свидетельствующих о глубочайшей истории человечества, всё-таки посчастливилось сохраниться, и, когда эти жалкие крохи теперь время от времени всё-таки поступают в распоряжение науки, та величает их "курьёзнейшими совпадениями".

Сегодня Европа едва ли может похвастать очень уж точным знанием собственной истории. Она мало что помнит о том, через какие невзгоды прошла и какие переломы судьбы испытала на своём веку, какие народы, сменяя друг друга, жили на её территории и чем они занимались. Да и какие памятники древности могли бы сохраниться в Европе при всех её свирепых войнах, при варварских нравах её уже исторически известных готам, гуннам, франкам и прочих воинственных народов? А возьмите тот целенаправленный литературный вандализм, которым из века в век занималось увенчанное тонзурами духовенство, словно ночной кошмар преследуя интеллектуальную жизнь Европы? И вот теперь, оставшись без собственного, ею самую зафиксированного Прошлого, Европа в лице своих критиков, историков и археологов, ничтоже сумняшеся, отрицает его у других — и так происходит каждый раз, как только малейшая уступка с её стороны угрожает обернуться ударом по престижу Библии.

Нам говорят, "от древних цивилизаций не осталось и следа"! А как же пеласги — прямые, по Геродоту, предки эллинов? А как же этруски — с точки зрения историка, загадочный и, если хотите, чудесный народ, корни которого составляют одну из самых неразрешимых сегодня проблем? А то, что сегодня известно о них, наводит на ясную мысль: за этим народом скрывается нечто такое, что могло бы привести к открытию длиннейшей вереницы доисторических цивилизаций.

Возьмём этот самый народ, который описывается сегодня как пеласги, — народ высокоинтеллектуальный, чуткий ко всему новому, не привыкший сидеть без дела, занятый главным образом сельским хозяйством, народ миролюбивый, но умевший, когда надо, и постоять за себя; умевший, как никто другой, строить искусственные

каналы, подземные водохранилища, возводить плотины, стены городов, невероятно прочные циклопические сооружения; народ, который, по некоторым *догадкам*, даже изобрёл так называемое кадмейское[200] или финикийское письмо, положившее начало алфавитам всех европейских народов — кем они были? Существует только способ доказать, что пеласги — это потомки библейского Фалека[201] (Быт. 10,25), и вот вам был бы уже пример восходящей к глубокой древности цивилизации, но, правда, при этом и древность её тут же съёжилась бы, поскольку начало её нас заставили бы отсчитывать от ничтожного 2247 года "до Р.Х.". А кем были этруски?

Должны ли хоть Восток, хоть Запад твёрдо уверовать в то, что между высоким уровнем цивилизаций доримских (а мы бы сказали — *доисторических*) времён — тирсенийцев,[202] как их называли греки, — с их уже *известными* истории двенадцатью великими городами, циклопическими по размерам зданиями, с их пластическими и изобразительными искусствами, и тем временем, когда они были ещё просто неким кочевым племенем, "впервые спустившимся в Италию из своих северных широт", минуло всего лишь несколько веков? Как можно продолжать настаивать на том, что финикийцы с их Тиром, основанным в 2750 году "до Р.Х." (хронология, принятая *западной* историографией), с их широкой торговлей, флотом, расцветом знаний, искусств и цивилизации, представляли собой всего за пару веков до строительства Тира лишь "малочисленное племя семитских рыбаков"? Или что Троянская война никак не могла начаться ранее 1184 г. до Р.Х., и, таким образом, возникновение Великой Греции, *Magna Graecia*, необходимо возводить именно к VII-IX векам "до Р.Х.", и ни в коем случае не на тысячелетия раньше, хотя именно о последнем и говорили Платон и Аристотель, Гомер и циклы поэм, сюжеты которых заимствовались из писаний, уходящих на тысячелетия в прошлое?

Если сбитый с толку своей хронологией христианский историк или лишённый необходимых сведений вольнодумец одинаково почитают своим долгом презрительно отзываться о любой нехристианской или незападной хронологии как о "явном вымысле" и "чистейшем мифе, не заслуживающем и минуты внимания", то каким же образом человеку, целиком зависящему от такого рода западных проводников, добраться до истины? Если же этим невежественным составителям всемирной истории и удаётся как-то убедить свою публику в достоверности западной хронологии и этнологических бредней, то с какой стати восточный исследователь, имеющий доступ к совершенно другим — и, смеем сказать, более достоверным — материалам, должен присоединяться к числу слепых защитников "непогрешимой" западной историографии? Опираясь на документальные свидетельства, оставленные в Индии Яваначарьей (Пифагором) за целых 607 лет "до Р.Х.", и полагаясь на те данные, что содержатся в "храмовых записях" своего собственного народа, этот восточный исследователь заключает, что Великая Греция и самая первая её колония, Кумы,[203] возникли вовсе не сотни лет назад, и здесь можно смело говорить о тысячелетиях. К тому моменту, когда великий ученик арийских Учителей, Пифагор, отправился в Кротон, цивилизация этой Великой Греции уже вступила в период своего упадка.

Но, свободный от библейских предубеждений, восточный исследователь исходит из совершенно других посылок. В самом деле, у населявших *Britannica Insulae*[204] кельтских и галльских племён ушло целых две тысячи лет на то, чтобы построить свои средневековые города, пусть и не идущие ни в какое сравнение с римскими, и две с половиной тысячи лет на то, чтобы хотя бы наполовину достичь уровня цивилизации Рима, и всё это при том, что племена эти имели перед своими глазами яркий пример уже готовой римской цивилизации, были знакомы с цивилизацией

финикийцев, с которыми начали торговать за тысячу лет до христианской эры, и, в довершение ко всему, позднее пользовались определённой помощью со стороны норманнов и саксонцев. А из этого следует, что весь тот гипотетический период, что был милостиво наречён периодом детства человечества, никак не мог быть близок по времени периоду жизни апостолов и первых отцов церкви — наоборот, его следует отодвинуть назад, в прошлое, на гигантский по длительности промежуток времени. Если у живших в Западной Европе варваров ушло столько веков на то, чтобы создать собственный язык и отстроить империи, то, право, кочевым племенам "мифических" времён должно было бы, по всей справедливости, понадобиться с десятков тысячелетий, чтобы возвести свои Тиры и Вейи,[205] Сидоны[206] и Карфагены, ведь они никогда не пользовались благодатным влиянием христианской церкви, в заслугу которой нам теперь и предлагается приписать всё научное просвещение этого века.

В Троаде[207] под самым поверхностным слоем руин древней Трои погребены остатки и других, ещё более древних "Трой". А в ходе раскопок, проведённых Мариетт-Беем, под верхним слоем песка были обнаружены иные, более высокоразвитые цивилизации, артефакты которых составили археологические коллекции Лепсиуса,[208] Эббота[209] и Британского музея. А глубоко под нынешним Дели скрываются от людского взора шесть других таких же городов. Их расположенные одни над другими останки послужили моголам-захватчикам пьедесталом для возведения той роскошной столицы,[210] руины которой и по сей день свидетельствуют о великолепии Дели времён Великих Моголов. Но ни один памятник, свидетельствующий о законе цикличности в развитии цивилизаций, так никогда и не будет обнаружен до тех самых пор, пока в душе фанатичных критиков наконец не уляжется ярость, а деятели западной науки не будут готовы к работе по описанию истории в интересах одной лишь истины. Сегодняшняя Флоренция своим прекрасным ликом склоняется над могилой этрусской Флоренции, а та в свою очередь произросла из ныне уже незримых останков ещё более древних городов. Те же слова можно отнести и к Ареццо, и к Перудже, и к Лукке, и ко множеству других мест в Европе, на которых раскинулись современные города и посёлки, но все они покоятся на останках древнейших цивилизаций, восходящих ко временам немыслимой давности, и имена их давно позабыла даже нимфа Эхо, и не может она уже более даже прошептать их нам на ухо, пробиваясь сквозь неведомые "коридоры Времени".

Когда западные историки окончательно и бесповоротно, с аргументами в руках, объяснят, кто такие были хотя бы пеласги, а кто — этруски, а равно и столь же загадочные япиги, народ, который, судя по оставленным ими надписям, и с письменностью-то, похоже, познакомился раньше финикийцев, вот только тогда они, возможно, и получат право навязывать историкам-азиатам свои высосанные из пальца "сведения" и догмы. И вот тогда-то они, возможно, и получат право на свой насмешливый вопрос: "Как же объяснить, что сегодня не осталось ни одного заметного следа от тех высокоразвитых цивилизаций, которые, по описаниям, существовали когда-то в прошлом?"

"Означает ли это, что и наша нынешняя европейская цивилизация с её ... ответвлениями может также погибнуть в результате какого-то наводнения или гигантского пожара?" Может, и даже быстрее, чем погибли многие прочие цивилизации. Ведь Европа не применяет в своих зданиях той кладки, что присутствует в циклопических и поистине титанических сооружениях древности. Не имеет она и пергамента, который мог бы сохранить свидетельства о "существующих

ныне её искусствах и языках". Цивилизация её ещё слишком молода, и развивается она слишком стремительно, чтобы заботиться ещё и об оставлении потомкам каких-либо действительно неразрушимых памятников своей архитектуры, искусств и наук. Что есть такого во всей Европе, что можно было бы счесть хотя бы относительно неразрушимым, не говоря уже о реликвиях, которые могли бы пережить глубокие смещения геологических слоёв, как правило, происходящие вслед за подобными катаклизмами? Уж не её ли эфемерные хрустальные дворцы,[211] её театры, железные дороги, хрупкая современная мебель? Или, может быть, это её электрические телеграфные аппараты, фонографы, телефоны и микрографы? Если все первые из перечисленного находятся целиком во власти огня и циклонов с их неистовыми ливнями, то упомянутые последними чудеса современной науки может легко уничтожить ребёнок, расколов их вдребезги. Если вспомнить о разрушении "семи чудес света", о гибели Фив, Тира, лабиринта,[212] египетских пирамид, храмов и гигантских дворцов, которые, как мы сегодня видим, медленно превращаются в пыль пустынь, сокрушаемые рукою Времени — рукою более лёгкою и милосердною в сравнении с любым катаклизмом, — то может показаться, что вопрос этот задаётся скорее из типичного для современности чувства гордыни, чем по зрелом размышлении.

А взять ваши ежедневные газеты с журналами? Они же спустя пару дней уже превращаются в жалкие клочья. А ваши столь непрочные книги, хранящие в себе все свидетельства о величии вашей цивилизации? Что останется от них после того, как ими пару раз полакомятся термиты? Неужто и их тоже следует считать неподвластными тлену? Да и с какой стати европейская цивилизация должна избежать общей участи? В основном уцелеют представители социальных низов, то есть те самые единицы, из которых и образуется основная масса народа, но они мало что знают об искусствах, науках и языках — владеют они языком разве лишь собственным, да и то далеко не блестяще. Искусства и науки — это та самая птица Феникс из старинных преданий: она умирает для того, чтобы возродиться вновь. И когда был впервые задан тот вопрос, который мы встречаем на с. 58 книги "Эзотерический буддизм", о "стремительном характере человеческого прогресса за последние две тысячи лет", корреспондент г-на Синнетта, пожалуй, мог бы дать на него следующий более исчерпывающий ответ:

"Эта стремительность, этот прогресс и та ненормальная быстрота, с которой одно открытие следует за другим, должны подсказать человеческой интуиции: то, что вы воспринимаете как "открытия нового" — это всего лишь *повторные открытия забытого старого*, которые, подчиняясь закону постепенного прогресса, вы делаете лишь чуть более совершенными, но, объявляя о них, вы должны знать: объясняете их вы далеко не первыми".

Легче всего мы усваиваем то, о чём уже слышали хотя бы раз прежде или узнали когда-то в детстве. Если, как утверждается, западные народы выделились из великой арийской ветви, то нетрудно догадаться, что первые населявшие Европу расы по своему развитию значительно уступали той корневой расе, что была обладательницей вед и имела у себя доисторических риши. Но те секреты, что передавались вашим далёким-далёким праотцам в тиши храмов, не были утеряны. Они дошли и до потомков, которые ныне занимаются лишь отработкой деталей полученных знаний

Вопрос IV. — Правда ли, что Луна глубоко погружена в материю?

Насколько известно авторам этих строк, ни один "Адепт" ещё никогда не излагал "мирским чела" своих "взглядов на Луну" для дальнейшей их публикации. С селенографией современная наука знакома очень хорошо — много лучше того, на что когда-либо мог бы рассчитывать любой ничтожный азиат-аскет. Боимся, что рассуждения, присутствующие на сс. 104 и 105 книги "Эзотерический буддизм", [213] не только весьма туманны, но и преждевременны. А потому давайте сразу перейдём к следующему вопросу —

Вопрос V. — О минеральной монаде [214]

Любое английское выражение, которое верно передаёт ту или иную идею, "получает одобрение со стороны Адептов". А что в этом не так? Термин "монада" обозначает всё ту же жизнь — дремлющую ли в минерале или присутствующую в растениях и животных. Моногенист может не соглашаться с таким термином и особенно с самой идеей "монады", тогда как у полигениста — если только он не законченный корпоралист — никаких возражений по этому вопросу возникнуть не должно. Что же до учёных других школ, то они отвергнут уже саму концепцию человеческой монады — просто назовут её "ненаучной".

Какое отношение имеет монада к атому? Ровно никакого — ни к атому, ни к молекуле в их современном научном понимании. Нельзя её уподобить и тому микроорганизму, который когда-то был отнесён к разряду полигастрических инфузорий, а сегодня считается растением и причисляется к водорослям. Но это и не совсем та "монада", о которой говорят перипатетики.

В физическом, структурном смысле минеральная монада, разумеется, отличается от человеческой, *которая* не имеет в себе ничего физического, а строение её невозможно описать с помощью каких бы то ни было химических символов или элементов. Коротко говоря, минеральная монада *едина, одна и та же* — монады же высших животных и человека бесчисленны. А иначе как ещё можно было бы объяснить и понять *математически* процесс эволюционного развития четырёх царств природы, к тому же, и происходящего *по спирали*? [215]

Монада — это соединение двух последних принципов в человеке: шестого и седьмого, и, строго говоря, термин "человеческая монада" относится только к духовной душе, а не к её жизнедателю — наивысшему духовному принципу. Но поскольку духовная душа не могла бы существовать, не могла бы *быть* в отрыве от последнего, то она называется всё-таки "монадой". По своему составу (если уж этот термин, "состав", способный шокировать любого азиата, нам так действительно необходим, когда мы хотим прояснить свою мысль европейцу) буддхи, то есть шестой принцип, представляет собой эссенцию того, что вы назвали бы материей (а скорее неким центром духовной силы), пребывающей в своих шестом и седьмом состояниях, тогда как питающий его [буддхи] жизнью атман составляет часть единой жизни, Парабрахмана. Но пусть даже эссенция монады (да простят нам это выражение), заключённая в минерале, растении и животном, и остаётся одной и той же на протяжении всех циклов эволюции — от самых низших элементалов до царства дэв, — она всё-таки различается уровнем своего развития.

Было бы глубоко ошибочным представлять себе монаду в виде некоего отдельного,

самостоятельного существа, медленно пробивающегося по какому-то своему особому пути в низших царствах, и полагать, будто спустя неисчислимое множество трансмиграций она достигает своего расцвета в виде человеческого существа — коротко говоря, было бы ошибкой полагать, будто монада, скажем, Гумбольдта может восходить к монаде атома какого-нибудь минерала вроде роговой обманки. С точки зрения физической науки, привыкшей строго отличать один атом от другого, корректнее было бы, разумеется, говорить не о той или иной [отдельно взятой — *перев.*] "минеральной монаде", а о *той единой* Монаде, которая в данном случае проявляет себя в особой форме пракрыти, называемой минеральным царством. Не следует думать, будто атом, молекула, в его обычном научном понимании — это эдакая частичка чего-то такого, что должно питаться жизнью от чего-то психического и что спустя долгие зоны должно неминуемо получить расцвет в виде той или иной человеческой личности. Нет, минеральная монада — это такое конкретизированное проявление универсальной, мировой энергии, которое пока ещё не обрело своей индивидуализации, это рядовое проявление единой мировой Монады.

Океан [первоматерии] начинает расщепляться на потенциально образующие его капли лишь после того, как волна импульса жизни достигает определённой стадии эволюции — стадии появления человека. Тенденция к индивидуализации монад набирает силу постепенно и почти что подходит к своему максимуму у высших животных. Перипатетики под словом "монада"[216] понимали весь Космос — в пантеистическом смысле. Оккультисты же, в принципе соглашаясь с таким взглядом на вещи, подразделяют весь процесс эволюции конкретного из абстрактного на ряд последовательных этапов, каждый из которых у них носит особое название, и одним из таких названий как раз и является термин "минеральная монада".

Термин этот означает всего лишь то, что приливная волна духовной эволюции в известный момент проходит именно по этой дуге своей цепи. Незаметно дифференцироваться "эссенция монады" начинает уже в растительном царстве. Поскольку же монада, по верному определению Лейбница, представляет собой нечто простое и несоставное, то жизнь свою на всех этапах дифференциации, в ходе которой и образуются собственно монады, она получает именно от духовной эссенции — а вовсе не от той или иной агрегации атомов, выступающей лишь *носителем* или субстанцией, через которую пробивается разум, достигший у одних монад более низкого, а у других — более высокого уровня.

Да, среди растений, проявляющих, как считается, чувствительность [к внешним раздражителям], существует некоторое число таких, которые действительно можно считать обладателями этого осознанного восприятия, которое Лейбниц называет *апшерцепцией*. Однако все остальные наделены такой внутренней деятельностью, которую можно назвать простой лишь нервной чувствительностью растений (и было бы ошибкой называть её даже *перцепцией*). И поэтому даже растительная монада остаётся по-прежнему всё той же самой *единственной монадой*, но находящейся теперь на втором этапе пробуждения чувствительности.

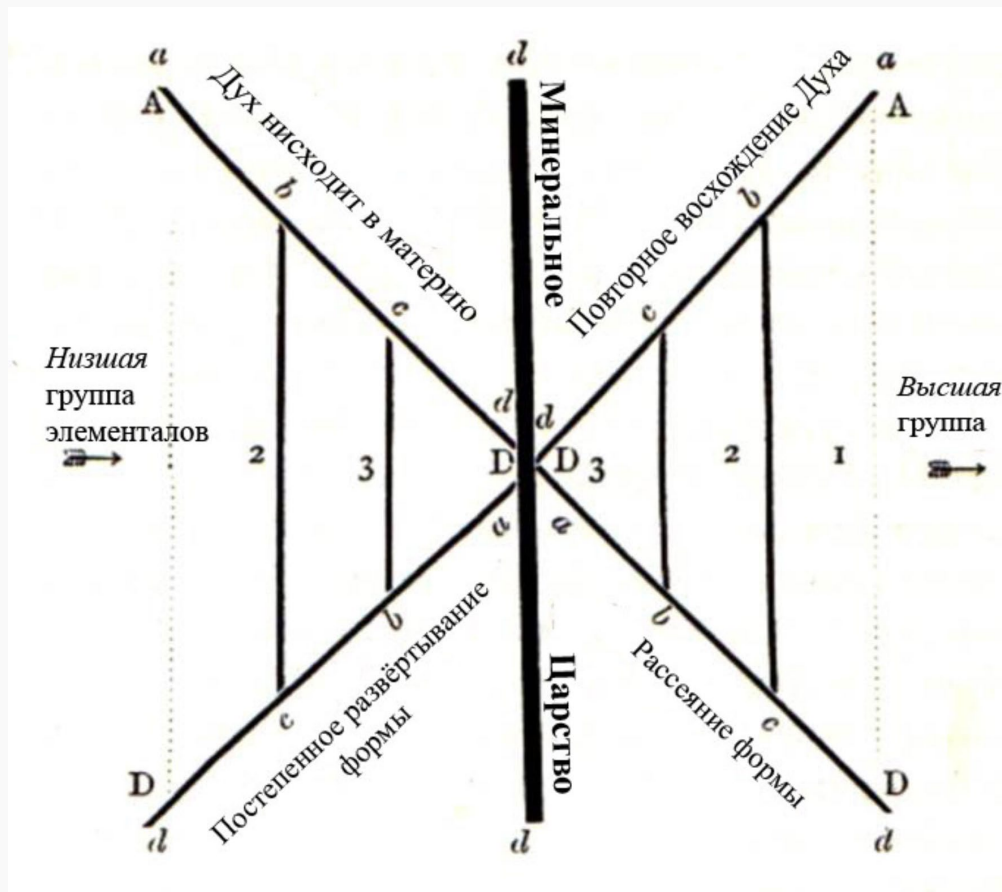
Лейбниц несколько раз подходил почти вплотную к истине, но всё-таки определял эволюцию монады неточно, а зачастую и глубоко ошибочно.

Всего существует *семь* царств [природы]. Первую группу образуют три класса элементаров (или нарождающихся центров силы), стоящих на разных ступенях эволюции — от первой фазы дифференциации *мулапракрыти* до её третьей степени, то есть включают в себя как то, что ещё начисто лишено сознания, так и то, что уже

обладает полуперцепцией. Вторая, более развитая группа охватывает собой все царства от растительного до человеческого. Таким образом, минеральное царство оказывается центральной или поворотной точкой в процессе развёртывания "эссенции монады" — если рассматривать последнюю как эволюционирующую энергию.

Итак, мы имеем: три этапа эволюции элементаров, минеральное царство, и три [последующих] этапа эволюции объективной физической природы — таковы те семь звеньев, которые и образуют всю эволюционную цепочку. Нисхождение духа в материю (равнозначное процессу восхождения [материи] в ходе физической эволюции); повторное восхождение [духа] из бездны бездн материальности (минеральности) назад, к *status quo ante*[217] с соответствующим рассеянием плотного организма — вверх, к нирване, точке исчезновения дифференцированной материи.

Быть может, нам будет легче представить себе весь этот процесс с помощью следующей несложной диаграммы:

Линия AD ["Дух нисходит в материю"] показывает постепенную обскурацию духа по мере его перехода в плотную материю, где точка D указывает на положение минерального царства в ходе его эволюции, начиная с точки его зарождения d и заканчивая точкой a , в которой это царство достигает своей предельной плотности. Точки c, b, a в левой части рисунка указывают на три стадии эволюции элементаров,

то есть на те три последовательных этапа, которые проходит духовный импульс (через царство элементаров, о котором мало что позволено говорить),^[218] после чего этот духовный импульс оказывается заточённым в самую плотную форму материи. Указанные же в правой части диаграммы точки *a*, *b*, *c* обозначают три фазы органической жизни: в виде растений, животных и человека. То, что является полной обскурацией для духа, означает достижение предельного совершенства для его антипода — материи. Эта идея передаётся линиями *AD* и *DA*.^[219] Стрелками же обозначена направленность движения эволюционного импульса, который переходит в состояние вихря [объективности], а затем вновь рассеивается в субъективность абсолюта. Центральной, самой толстой линией *dd* обозначено минеральное царство.

Времена моногенистов канули безвозвратно. Даже те, кто, как, например, профессор Агассис ещё верует в личного Бога, сегодня утверждают, что

" . . . существует очевидный прогресс в последовательной смене на поверхности Земли одних живых существ другими. Прогресс этот заключается в достижении всё большего сходства с ныне живущей фауной и — особенно у позвоночных — в их всё большем сходстве с человеком . . . Человек — вот та цель, к которой стремится весь животный мир, начиная с самого первого появления самых первых рыб палеозойской эры" ("Principles of Zoology", pp. 205-206).^[220]

Минеральная монада — это никакая не латентная индивидуальность, а такая всепроникающая сила, которая своим носителем на сегодняшний день имеет материю, пребывающую в своём самом низшем, самом плотном земном состоянии. В человеке монада достигает своего полнейшего потенциального развития, и в зависимости от своего носителя — пяти низших и наиболее физических человеческих принципов, — она может находиться либо в пассивном, либо в абсолютно активном состояниях. Своё полное освобождение монада получает в царстве дэв, где и пребывает в своём наивысшем состоянии — лишь на один шаг отстоя от единой мировой Жизни.^[221]

Вопрос VIII — Датировка периода жизни Шри Шанкарачарьи^[222]

Когда речь заходит о древнем периоде истории Индии, то не всегда бывает легко определить точную дату того или иного события. Однако трудность эта многократно усиливается ещё и спекуляциями европейских востоковедов, усилия которых в этом направлении немало поспособствовали внесению ещё большей сумятицы в и без того сложную картину, которая сложилась в области народных легенд и преданий, нередко изменявшихся и подправлявшихся в угоду спорящим друг с другом религиозным течениям. Причины этого станут понятны после того, как мы проанализируем те исходные посылки, на которых строятся эти спекуляции. Западные востоковеды в своих трудах зачастую выказывают не слишком-то глубокое знание индийской литературы, философии, религии и индийских преданий, проявляя при этом высокомерное невнимание к мнению индуистских писателей и пандитов. Весьма нередко они берут факты и даты из сочинений своих же предшественников или современников, пребывая в полной уверенности, что те точны, а потому и не утруждая себя их дополнительной проверкой. Даже в тех случаях, когда какой-нибудь автор приводит ту или иную дату, откровенно признаваясь при этом, что сам он не вполне убеждён в её точности, последователь его зачастую может ссылаться на эту же дату, как если бы она была абсолютно точна. Вот так одна

неверная дата порождает другую, столь же неверную, дату, и один неверно сделанный вывод приводит к другому, столь же безосновательному и нелогичному.

Стало быть, если мы хотим проверить точность даты, на которую ссылается тот или иной из числа этих авторов, то нам придётся для этого внимательно проанализировать всю построенную им структуру индийской хронологии. Мы считаем целесообразным перечислить вначале некоторые из упомянутых исходных посылок этих авторов, и лишь после этого перейдём к анализу их мнений относительно датировки периода жизни Шри Шанкарачарьи.

I. Многие из вышеуказанных авторов не вполне свободны от предубеждений, связанных с тем пагубным учением, которое они верно или неверно восприняли из Библии, а именно: будто наш мир имеет всего лишь шесть тысяч лет от роду. Мы вовсе не хотим этим сказать, будто каждый из числа этих авторов сегодня готов всерьёз защищать указанное учение. Тем не менее, на умы христианских авторов оно наложило столь заметный отпечаток, что и к исследованию сообщаемых азиатской хронологией сведений они приступают именно под этим своим углом зрения. Едва только высказывается утверждение, что то или иное событие из древней истории Египта, Индии или Китая произошло пять или шесть тысяч лет тому назад, как, разумеется, утверждение это тут же отбрасывается, а [христианские] авторы даже не удосуживаются провести хоть какое-нибудь исследование для проверки верности высказанного утверждения.

II. Они крайне не желают признавать того, что веды в любой своей части могут оказаться древнее Пятикнижия, и стоят на своём даже в тех случаях, когда в доказательство приоритета вед приводятся доводы, спорить с которыми не стал бы ни один беспристрастный исследователь с незамутнённым христианскими предубеждениями умом. Таким образом, древность индийской истории определяется, по их мнению, теми пределами, которые устанавливает для неё Ветхий Завет. Они буквально исходят из того, что любое произведение, входящее в корпус ведийской и санскритской литературы, а равно и почти любое событие из индийской истории, должны строго вписываться в тот промежуток, который пролегает между временами Ветхого Завета и сегодняшним днём.

III. Зачастую они без всяких на то оснований исходят из убеждения, будто любой фрагмент вед, содержащий в себе философские или метафизические рассуждения, должен рассматриваться как позднейшая вставка, и, вообще, ни одна посвящённая философским вопросам книга не могла быть написана ранее периода жизни Будды или до начала христианской эры. Цивилизация, философия и научное исследование, по мнению этих авторов, возникли лишь в те шесть-семь веков, что непосредственно предшествовали христианской эре, а человечество возникло, постепенно выйдя из "глубин животной дикости", лишь в последние четыре-пять тысяч лет.

IV. Они также исходят из того, что буддизм возник лишь вместе с Гаутамой Буддой. Любой факт, свидетельствующий о существовании буддизма, джайнизма и философии архатов в более ранние времена, напрочь отвергается как вздорная и смехотворная придумка буддистов и последователей других религий, якобы помышляющих таким образом приписать собственным верованиям исключительную древность. В этом неверном свете им представляется, будто ни одна индуистская книга, упоминающая доктрины буддизма, не могла быть написана ранее периода жизни Гаутамы Будды. Г-н Вебер, к примеру, полагает, будто Вьяса, автор "Брахма-сутр", написал своё произведение лишь в V веке по Р.Х. Вот уж, право, откровение так откровение для большинства индуистов.

V. Каждый раз, как оказывается, что авторство нескольких написанных на различные темы книг приписывается индуистской литературой или традицией одному и тому же человеку, они зачастую предполагают — причём в большинстве случаев голословно — что указанные произведения на самом-то деле принадлежат различным авторам. Рассуждая таким образом, они уже открыли двух Бадараян (Вьяс), двух Патанджали и трёх Вараручи. Мы далеки от мысли, что одноимённость всегда предполагает и несомненную тождественность лиц. Но мы не можем не протестовать против подобных предположений, когда они высказываются без приведения соответствующих доказательств и с единственной целью: подтвердить уже загодя подготовленный вывод или любимую гипотезу.

VI. В попытке установить хронологическую последовательность в исторических событиях древней Индии эти авторы нередко разбивают процесс развития или формирования санскрита и индийской литературы на разнообразные этапы. А то время, которое, по их мнению, необходимо для этого развития, они подсчитывают на манер геолога, подсчитывающего количество времени, необходимого для постепенного формирования того или иного слоя земной коры. Но в их расчётах мы не наблюдаем ничего похожего на строгий метод. Было бы ошибкой исходить из того, что процесс развития одного языка требует точно такого же количества времени, что и любой другой. Предпринимая расчёты подобного рода, необходимо тщательно учитывать характерные особенности того народа, который говорит на этом языке. Важна также и история этого народа. Если взглянуть на расчёты, сделанные Максом Мюллером для так называемых "периодов сутр, брахман, мантр и кханд", то всякому станет очевидно, что ни один из указанных выше факторов так и не был им принят во внимание. Все периоды времени, присвоенные этим четырём "слоям"[223] ведийской литературы, носят совершенно произвольный характер.

Таковы пороки, характерные для трудов европейских востоковедов, и мы привели их здесь для того, чтобы подвести читателя к единственной мысли: полагаться на точность выводов этих авторов в датировке истории древней Индии можно далеко не всегда.

Анализируя ссылки на литературные и традиционные источники, которыми во множестве оперируют европейские востоковеды в попытке установить годы жизни Шанкарачарьи, мы должны обращать особое внимание на то, является ли указываемая ими личность действительно тем самым первым Шанкарачарьей, который и является основоположником учения *адвайта*, или же речь идёт о каком-то простом его последователе, ставшим *адипати* (главой) одного из множества *матхов* (храмов), учреждённых Шанкарачарьей и его преемниками. Многие из последующих *матх-адипати*, придерживающихся учения *адвайта* (особенно принадлежащих к матху в Шрингери[224]), пользовались при жизни громкой славой и были широко известны в Индии. Все они зачастую были известны под именем "Шанкарачарья". А это значит, что любое упоминание о каком-либо из этих *матхадипати* можно легко по ошибке принять за упоминание о самом — первом — Шанкарачарье.

Что же касается г-на Барта, на точку зрения которого относительно периода жизни Шанкары ссылается в своём письме "член английского Т.О.", противопоставляя её датировке, приведённой в книге г-на Синнетта об эзотерическом буддизме, то складывается впечатление, что сам он не вполне знаком с историей вопроса. Приводимую им датировку он не подкрепляет никакими доказательствами и даже вскользь не упоминает о существовании более авторитетных научных и традиционных источников, которые расходятся с его собственной датировкой. Годы

жизни Шанкары он указывает в скромном примечании на с. 89 своей книги "Религии Индии", [225] где говорит:

"Период жизни Шанкарачарьи обычно датируют VIII веком; мы же, пожалуй, должны отнести его скорее к IX веку. Наиболее достоверная традиция считает датой его рождения 10 число месяца "мадхава" [апрель-май] [226] в 788 году по Р.Х. [Ind. Studien, t. xiv, p. 353]. Правда, другие источники относят годы его жизни к II и V векам [Ind. Antiq., i, 361; vii, 282]. С другой стороны, автор "Дабистана" [ii, 141] переносит период его жизни аж к началу XIV века".

Г-н Барт явно ошибается, утверждая, будто период жизни Шанкары принято датировать VIII веком. Существует столько же источников, относящих годы его жизни к тому или иному веку дохристианской эры, сколько и тех, что утверждают, будто жил он уже в христианские времена, но, как мы увидим ниже, свидетельства, склоняющиеся в пользу первого утверждения, всё-таки численно преобладают.

Нельзя сказать, чтобы у востоковедов в целом сложился какой-то чёткий собственный взгляд на рассматриваемый вопрос. Так, Макс Мюллер, похоже, вообще не уделял этой проблеме особого внимания. Монье-Вильямс просто копирует датировку г-на Уилсона, да и г-н Вебер, судя по всему, всецело полагается на тот же самый источник, не обременяя себя дополнительным исследованием этого вопроса. Единственным востоковедом, глубоко и внимательно изучившим проблему, является, пожалуй, г-н Уилсон, но и он сам честно признаётся, что установить "точный период его (Шанкары) жизни не представляется возможным" ("Essays on the Religion of the Hindoos", vol. I, p. 201) [227].

Таким образом, в свете сказанного приведённое выше примечание явно вводит читателя в заблуждение. Г-н Барт не сообщает своим читателям ни того, откуда он взял приводимую им традицию, ни оснований, по которым он полагает, будто речь в ней идёт именно о первом Шанкарачарье и будто это и есть "наиболее достоверная традиция". Ввиду же того, что вопрос остаётся по-прежнему открытым, г-ну Барту не следовало останавливаться ни на какой конкретной датировке, коль скоро он не готов ни обосновать, ни твёрдо подкрепить её соответствующими аргументами. Упоминаемые же им другие традиции явно не в силах ничем подтвердить авторитетность той традиции, на которую он ссылается вначале. Однако, судя по тому, как он сформулировал своё примечание, складывается впечатление, будто он осветил в нём все существующие по этому вопросу научные и традиционные источники, но, как мы покажем ниже, самые важные из них оказались вне поля зрения читателя. Никаких аргументов, подтверждающих его датировку периода жизнедеятельности Шанкары, мы не найдём и в остальных главах книги г-на Барта, кроме парочки отдельных пассажей, которые можно понимать как угодно: и как выводы из вышеприведённого утверждения, и как аргументы в его пользу, которые ещё только предстоит в этой связи проанализировать.

Г-н Барт усмотрел некую связь между появлением в Индии Шанкары и началом преследований буддистов, которое он, похоже, датирует VII-VIII веками. На с. 89 своей книги он говорит о "широко развернувшихся на Деканском плоскогорье преследованиях буддистов со стороны школ Кумарилы [228] и Шанкары в VII-VIII веках". А на с. 135 он даже пишет, что "ученики Кумарилы и Шанкары сформировали военные отряды и объявили себя яркими защитниками ортодоксии". Однако убедительность этих утверждений автор сам же и сводит на нет на сс. 89 и 134, где отмечает отсутствие в исследованных на сегодняшний день аутентичных

документах каких-либо следов, свидетельствующих о преследовании буддистов Шанкарой, и указывает на вздорность легенд, рисующих его в роли безжалостного истребителя буддистов на всей территории, простирающейся от Гималаев до мыса Коморин.[229]

Связывать Шанкару с Кумарилой, а именно это автор и делает в приведённых выше цитатах, просто смехотворно. Едва ли найдётся такой индуист, который не знал бы о том, что последователи пурва-мимансы (а у Кумарилы есть комментарии к сутрам) принадлежали к числу самых яростных, самых непримиримых противников Шанкары и его учения, и, судя по всему, г-н Барт совершенно незнаком со взглядами Кумарилы, не понимает, что такое школа пурва-мимансы, и не имеет ни малейшего представления о масштабе и идеях ведантистской философии Шанкары. Непонятно, на каком основании автор говорит о гонениях на буддистов в VII и VIII веках и о Шанкаре как их главном застрельщике. А некоторые места в его книге явно наводят на мысль, что его датировка не может считаться абсолютно верной.

Так, к примеру, на с. 135 он говорит, что гонения на буддистов начались уже во времена Ашоки.[230] Но в этом случае не может не озадачивать то обстоятельство, что индуисты-ортодоксы безропотно молчали почти десять веков, даже не помышляя о том, чтобы достойно ответить врагу. Политическое возвышение буддизма при Ашоке продолжалось недолго, а индуисты пользовались поддержкой со стороны самых могущественных царей как до, так и после начала христианской эры. Кроме того, как заявляет сам же автор на с. 132 своей книги, в VII веке буддизм переживал уже период упадка. Но в этом случае трудно поверить, чтобы гонения на буддистов начались аккуратно в тот момент, когда их религия уже и без того пребывала в упадке. Да какому же вероучителю или религиозному реформатору и в голову бы взбрело тратить своё время и силы на разрушение уже и без того развалившейся религии? И где свидетельства того, что Шанкару вообще занимала эта задача?

Будь действительно проповеди его главным образом направлены на то, чтобы пробудить гонения на буддизм, то, можно не сомневаться, он оставил бы после себя хоть какие-то сочинения, в которых подверг бы критике буддизм и разоблачил его пороки. С другой стороны, ни в одном из своих трудов он даже вскользь не упоминает о буддизме. Хотя он и был весьма плодовитым автором, во всём ряду его сочинений мы не встретим ни единой строчки, касающейся буддизма и его доктрин. Единственным исключением можно, пожалуй, считать несколько его замечаний по поводу отстаиваемой *некоторыми* буддистами теории, касающейся природы восприятия, — они содержатся в его комментарии к "Брахма-сутрам".

Но даже и эти несколько строк, присутствующие в его комментарии, были вызваны необходимостью дать толкование некоторым идеям, высказанным в "Сутрах". Поскольку же, по нашему скромному мнению, эти "Брахма-сутры" были написаны самим Вьясой (а не тем мнимым Вьясой, что якобы жил в V в. по Р.Х., — плодом фантазии г-на Вебера), то содержащиеся в них идеи относятся к тому буддизму, который существовал ещё до Гаутамы Будды. Из этих нескольких замечаний нашим читателям станет ясно, что Шанкарачарья не имел никакого отношения к гонениям на буддистов. В подтверждение своей позиции позволим себе процитировать несколько строк из предисловия г-на Уилсона к первому изданию его "Санскритского словаря". Вот что он пишет относительно участия Шанкары в преследовании буддистов:

"Хотя распространённое мнение и приписывает начало преследований Будды действиям Шанкарачарьи, мы в данном случае имеем некоторые основания

этому не поверить. Противоречит тому мягкий характер реформатора, который, по всем описаниям, был человеком тонким и веротерпимым. И, опираясь на свою пусть и слабую начитанность в области ведантистских трудов, но ещё больше на убедительные свидетельства Раммохана Роя,[231] которые привожу здесь с его позволения, я не думаю, что в собственных его трудах — в любых, какие только сохранились до наших дней, — мы найдём хоть какие-то следы, говорящие о его главенстве в гонениях на кого бы то ни было, при том, что и главной целью его трудов было вовсе не исправление буддизма или любого другого учения, отколовшегося от ортодоксии индуизма, а лишь словесное опровержение всех иных доктрин, кроме его собственной, и реформаторство, то есть воссоздание четвёртого религиозного ордена".[232]

А ниже он замечает, что

"было бы ошибкой приписывать ему участие в преследованиях. Судя по всему, он к этим мерзостям не имел никакого отношения и даже не вступал ни в какие споры ни с кем из буддистов".[233]

Как можно заключить из вышеприведённых строк, период начала преследования буддистов, будь мы даже в силах с точностью его определить, не может служить нам ориентиром для установления времени жизни Шанкары.

Если верить г-ну Барту, то он будто бы обнаружил некую связь, якобы существующую между возникновением систем Шанкары, Рамануджи[234] и Анандатиртхи,[235] с одной стороны, и появлением в Индии арабских купцов в первых веках хиджры, с другой, и, несомненно, достоин самых высших похвал за столь оригинальное открытие. Эта загадочная, таинственная связь между философией адвайты и арабской коммерцией описана на с. 212 его книги и, вероятно, могла бы иметь какое-то отношение к рассматриваемому вопросу, не будь она чистейшей игрой его воображения. И то единственное основание, которое он приводит в доказательство своей теории, на мой скромный взгляд, не выдерживает никакой критики. Жизнь Будды давала индуистам яркий пример широчайшего религиозного движения под водительством одного-единственного учителя, и им не было никакой нужды копировать у себя жизнеописание арабского пророка. В книге Барта можно лишь в ещё одном месте найти строки, имеющие некоторое отношение к периоду жизни Шанкары. На с. 207 он пишет следующее:

"Так, например, Шива, — тот самый Шива, которого молят спуститься в начале драмы о Шакунтале, который одновременно и бог, и жрец, и жертва и у которого тело составляет всю Вселенную, — воплощает в себе ведантийскую идею. Это свидетельство как-то упускается из виду, когда кое-кто утверждает, будто именно с Шанкары и начинается вся школа веданты".

Но столь же часто это свидетельство упускается из виду и когда кое-кто из подобных г-ну Барту востоковедов утверждает, будто Шанкара мог жить позднее автора "Шакунталы".

Как явствует из вышесказанного, точка зрения г-на Барта относительно периода жизни Шанкары лишена всяких оснований. Поскольку же, как мы видим, г-н Уилсон изучил этот предмет с большим тщанием и вниманием, то мы должны обратиться к его точке зрения и приглядеться, насколько надёжные аргументы лежат в её

основании. Предприняв попытку зафиксировать годы жизни Амара Синхи[236] (а попытка эта закончилась самой сокрушительной неудачей), он должен был установить и период жизни Шанкары. Соответственно, высказывания г-на Уилсона по поводу этого периода мы и находим в предисловии к первому изданию его санскритского словаря. Здесь мы воспроизведём несколько связанных с нашей темой фрагментов из этого предисловия и затем прокомментируем их. Вот что пишет г-н Уилсон:

"Для индуистов дата рождения Шанкары являет собой такое же яблоко раздора, как и любое другое заметное событие. Как утверждают кадалские (правильно: кудальские[237]) брамины, образующие объединение последователей и проповедников его системы, Шанкара появился на свет около 2 тысяч лет тому назад: кто-то считает, что он родился незадолго до начала христианской эры, а кто-то относит его к III-IV вв. по Р.Х.

Если верить рукописному жизнеописанию правителей Конги,[238] хранящемуся в коллекции полковника Маккензи, то Шанкара является современником Тиру Викрама Дэвы Чакраварти, правителя Скандапур в Декане (178 год по Р.Х.), и родился он в селении Шрингери, расположенном на границе Западных Гатов, находящихся сегодня на территории Майсура.[239] Там, по преданиям, он и основал свою школу, которая существует и поныне, выступая духовным центром для брахманов-смартов[240] всего полуострова. Как утверждает эта школа, Шанкара родился 1600 лет тому назад, тогда как, по общепринятой традиции, родился он 1200 лет тому назад.

"Бходжа Прабандха"[241] относит Шанкару к числу самых знаменитых персон и называет его современником царя. В этом случае годы его жизни можно датировать VIII-IX веками.

Последователи же Мадхвачарьи[242] в Тулуве,[243] как видно, попытались согласовать друг с другом эти противоречивые сведения, предположив, что он рождался трижды: сначала в Сивули, расположенном в Тулуве, 1500 лет тому назад; затем, несколько веков спустя, он снова родился в Малабаре;[244] и наконец, он в третий раз появился на свет в Падукачайтре (в Тулуве) не далее как 600 лет тому назад — последнее утверждение ими особо подчёркивается, поскольку основатель и их собственной школы родился тогда же, но своим утверждением они хотели почтить своего учителя, показывая, что тот ни в чём не уступает Шанкаре в свете надуманных споров о первенстве.

Брамины-вайшнавизма из Мадурой утверждают, что Шанкара появился на свет в IX веке Шаливаханы.[245] то есть в X в. по Р.Х. А, как полагает д-р Тэйлор, если мы будем говорить о 900 годах, то окажемся недалеко от истины, тогда как г-н Колбрук предпочитает говорить о 1000 лет. С этой последней датировкой как раз склонен соглашаться и мой друг Раммохан Рой, кропотливый исследователь творчества Шанкары и проповедник его философской доктрины. "Подсчитав количество духовных поколений среди последователей Шанкара Свами от его времён до наших дней", — заключает он, — "получается, что жил он где-то между VII и VIII вв. по Р.Х.". А этот период согласуется с теми сообщениями, которые получил д-р Бьюканен во время своей поездки на родину Шанкары, в Малабар, а также вписывается в свидетельство "Кералолпатти" — источника любопытных

историко-статистических сведений о провинции, в котором, судя по приводимым г-ном Дунканом цитатам, отмечается, что правила для каст в Малабаре были введены в действие философом примерно за 1000 лет до 1798 года.

С другой стороны, здесь нужно оговориться: как следует из хранящегося у полк-ка Маккензи рукописного перевода тех самых жизнеописаний, Шанкарачарья родился где-то в середине V века, то есть примерно 1300-1400 лет назад, что расходится с данными г-на Дункана. Расхождение это, правда, не столь уж и важное, поскольку упомянутая нами рукопись либо вследствие ошибки в оригинале или в силу погрешности перевода изобилует множеством явных ошибок, а стало быть, и твёрдо опираться на неё нельзя. Таким образом, чаша весов целиком склоняется в пользу датировки, по которой Шанкара родился примерно десять столетий тому назад, и я настроен на то, чтобы принять именно эту датировку периода жизни Шанкарачарьи, отнеся время его рождения к концу VIII — началу IX века христианской эры". [246]

Но мы положим на обе чаши весов для г-на Уилсона ещё несколько источников, после чего прокомментируем весь вышеприведённый фрагмент.

Так, в книге "Жизнеописания знаменитых писателей Индии", изданной в Бомбее Джанарданом Рамчендерджи [247] в 1860 году, отмечается, что Шанкара жил 2500 лет, а по некоторым источникам, 2200 лет тому назад. А в хрониках кумбаканамского [248] матха приводится список 66 матхадипати, от времён Шанкары и до наших дней, откуда следует, что Шанкара жил более 2 тысяч лет тому назад.

Упомянутый г-ном Уилсоном кудальский матх, находящийся под духовной властью шрингерийского матха, как раз и следует датировке этого последнего матха, поскольку традиция у них одна. Их расчёты вполне надёжны, поскольку подтверждаются датировками мест для погружения в самадхи (что-то вроде склепов), которыми пользовались из века в век гуру из шрингерийского матха, и всё это приводит нас к началу христианской эры.

Г-н Уилсон не приводит ничего конкретного ни о характере, ни о происхождении, ни о надёжности тех сообщений, которые относят период жизни Шанкары к III-IV вв. христианской эры или к самому её началу, да и не так уж очевидно, что в упомянутой им истории конгских правителей речь идёт именно о самом первом Шанкарачарье. Да, эти традиции явно противоречат выводам г-на Уилсона, но непонятно, на каком основании он их отвергает.

Г-н Уилсон явно ошибается, утверждая, будто шрингерийский матх отодвигает период жизни Шанкары на 1600 лет от наших дней. Выше мы уже приводили данные шрингерийского матха и убедились в том, что они целиком сходятся с данными кудальских браминов. Как мы выяснили, данные эти исходят от мадрасского представителя матха Шрингери, который не так давно опубликовал сохранившийся в этом матхе список учителей вместе с датами их жизни.

Далее, нам непонятно, по какой такой "общепринятой традиции" Шанкара "родился 1200 лет тому назад". Насколько нам известно, никакой общепринятой традиции в Индии не существует. На юге Индии большинство людей до сих пор полагаются на шрингерийские данные, а на севере никакой общепринятой традиции как будто не существует и вовсе. Масса разноречивых данных — вот и всё, что у нас есть.

Удивительно, что такой востоковед, каким себя считает г-н Уилсон, смешивает *поэта* по имени Шанкара, который и упоминается в "Бходжа Прабандхе", с великим учителем адвайты. Ни один индус никогда не допустил бы столь нелепой ошибки. Удивляет нас и то, что кое-кто из этих европейских востоковедов до сих пор там и сям ссылается на книги вроде "Бходжа Прабандха", "Катхасаритсагара", [249] "Раджатарангини" [250] и "Панчатантра" [251] как на серьёзные исторические источники. В другом месте своего предисловия г-н Уилсон сам же и говорит о полнейшей недостоверности "Бходжа Прабандхи", поскольку ряд содержащихся там утверждений не согласуется с его гипотетической датировкой периода жизни Амара Синхи, но он всё равно сознательно *цитирует недостоверный источник*, лишь бы только подтвердить собственный вывод о времени жизни Шанкары. Вообще, последовательность не входит в число главных достоинств большинства европейских востоковедов. В "Бходжа Прабандхе" упоминается человек, всегда фигурирующий под именем Шанкара-кави (поэт), но он никогда не именуется Шанкара-чарьей (учителем). Основоположник же адвайты ни в одной индуистской книге не называется Шанкара-кави.

Что же касается традиций Мадхвы и точек зрения браминов-вайшнавов из Мадуры относительно периода жизнедеятельности Шанкары, то о них нам и говорить-то незачем. На наш скромный взгляд, в вопросе об истории жизни Шанкары и его философии от последователей Мадхвы и вайшнавов всё равно не услышишь ни слова правды. Они ведь бьются из всех сил, лишь бы только доказать всему миру, будто их доктрины существовали уже задолго до рождения Шанкары, а философия адвайты — это всего лишь еретическое учение, отколовшееся от ранее сложившейся индуистской ортодоксии. Соответственно, они и утверждают, что жил он самое большее полторы тысячи лет назад и никак не ранее.

Непонятно также и то, почему д-р Тэйлор относит годы жизни Шанкары на 900 лет назад, а г-н Колбрук по каким-то причинам — примерно на тысячу. До тех пор, пока мы тщательно не просеем их аргументацию, мы не можем с полным основанием принять их датировки.

К счастью, г-н Уилсон приводит нам доводы, объясняющие позицию Раммохана Роя. Мы склонны верить тому, что подсчёты свои Раммохан Рой производил с учётом шрингерийского списка учителей (или гуру), поскольку на сегодняшний день опубликован только один этот список, а ни один другой матх, за исключением, пожалуй, лишь кумбаконамского, не располагает списком гуру, доходящим до наших дней в непрерывной последовательности. Но нам нет нужды слишком уж сильно полагаться на его расчёты (которые уже по самой сути своей не более чем гадание на бобах), коль скоро у нас есть сохранившийся в Шрингери древний список, в котором содержатся имена учителей вместе с датами их жизни. Поскольку же датировки эти до последнего времени не публиковались, и перед глазами Раммохана Роя была просто цепочка одних лишь имён, то, чтобы установить годы жизни Шанкары, ему пришлось наугад приписать каждому из учителей некое усреднённое число прожитых им лет. Таким образом, мнение его не имеет для нас вообще никакого значения теперь, когда мы располагаем свидетельствами шрингерийского матха, указывающими на то, что Шанкара, как уже было сказано, жил за несколько веков до наступления христианской эры. И даже если бы Раммохан Рой в своих расчётах исходил из того количества учителей, что упоминаются в кумбаконамском списке, то это всё равно ничего не изменило бы.

Не следует придавать слишком большого значения и тем устным свидетельствам,

которые д-р Бьюканен получил от неизвестных людей во время своей поездки в Малабар. И теперь нам остаётся лишь поразмыслить над тем, какие выводы мы можем для себя сделать на основании содержащихся в "Кералолпатти" данных. Различные рукописные копии этой книги, как мы видим, по-разному датируют годы жизни Шанкарачарьи, но даже если бы они целиком и сходились друг с другом, то мы всё равно не могли бы сколько-нибудь доверять этой книге в том числе и по следующим причинам:

I. Общеизвестно, что традиции Малабара отличаются большим своеобразием. Так, их защитники уверяют, что законы принёс в Малабар какой-то великий риши — великий древнеиндийский философ. Некоторые из них (вероятно, большинство) утверждают, будто часть этих традиций восходит к Парашураме,^[252] который оставил после себя некие особые священные тексты — смрити^[253] — для назидания малабарцам. По словам же других, эти особые традиции были введены в обиход Шанкарачарьей.

Почему выбор пал именно на этих двух лиц, понять нетрудно. Согласно индуистским пуранам, какое-то время Парашурама жил в Малабаре. А именно там, по индуистским преданиям, родился и Шанкара. Однако весьма сомнительно, чтобы либо один, либо другой действительно мог иметь хоть какое-то отношение к установлению традиций в Малабаре. В произведениях Шанкары не сказано ни единого слова ни о каких малабарских традициях. Он, как видим, сосредоточил всё своё внимание на религиозной реформе, и крайне маловероятно, чтобы он решился уделять время ещё и местным малабарским традициям. Пытаясь возродить философию древних риши, он едва ли мог одновременно закладывать основы и малабарских традиций, которые расходятся с правилами, изложенными в смрити теми же самыми риши, и, насколько нам известно, он не оставил после себя никаких письменных указаний, которые регулировали бы статус каст в Малабаре.

II. Содержащиеся в "Кералолпатти" сведения противоречат тем жизнеописаниям Шанкары, которые мы встречаем почти во всех исследованных на сегодняшний день "Шанкаравиджаях" (биографиях Шанкары): в "Шанкаравиджае" Видьяраньи, в "Шанкаравиджаявиласа" Читсухачарьи, в "Брихат Шанкаравиджае" и в проч. Согласно содержащимся в этих произведениях рассказам, Шанкара покинул Малабар в восьмилетнем возрасте, а вернулся в родное селение, когда мать его уже лежала на смертном одре, да и провёл он там в тот раз буквально несколько дней. В этом случае трудно понять, в какой же именно период своей жизни он мог бы заниматься вопросами регламентирования каст в Малабаре.

III. В этой книге Малабар изображён местом триумфа Бхаттапада над буддистами. Там говорится о том, как этот учитель утвердился в Малабаре и изгнал оттуда всех буддистов. Но уже одно только это должно ясно говорить читателю о том, что излагаемые в книге события носят целиком вымышленный характер. Все другие индуистские книги в один голос твердят о том, что великий учитель школы пурва-миманса родился на севере Индии; что именно в той части страны жили и практически все знаменитые его ученики и последователи, а умер Бхаттапада, по свидетельству Видьяраньи, в Аллахабаде.

По всем вышеизложенным причинам мы и не можем считать этот малабарский рассказ достойным хоть какого-то доверия.

На основании анализа традиций и иных приведённых выше свидетельств г-н Уилсон и приходит к заключению, что Шанкарачарья жил в конце VIII — начале IX вв.

христианской эры. Что же касается свидетельств со стороны шрингерийского, кудальского и кумбаконамского матхов, а также традиций, бытующих во всём бомбейском регионе, то, как показывают опубликованные в Бомбее жизнеописания, все они говорят за то, что Шанкара жил за несколько столетий до наступления христианской эры.

С другой же стороны, если верить "Кералолпатти", а также данным, полученным д-ром Бьюканеном во время его поездки в Малабар, как и высказанным д-ром Тэйлором и г-ном Колбруком оценкам, то получается, что Шанкара жил лишь около тысячи лет назад.

Остальные традиции, на которые ссылается г-н Уилсон, противоречат как его собственной позиции, так и датировкам, относящим период жизни Шанкары к дохристианским временам. Мы предоставляем читателям самим судить о том, насколько в данных обстоятельствах г-н Уилсон прав, утверждая, что "чаша весов целиком склоняется в пользу" его собственной версии.

Итак, мы осветили позиции практически всех европейских востоковедов, высказавшихся по данной теме, и констатировать теперь мы можем лишь одно: установить период жизни Шанкары до конца так и не удалось.

Однако мы обязаны подробнейшим образом прокомментировать все точки зрения европейских востоковедов по вопросу о периоде жизни Шанкары, поскольку в том случае, если возобладаст мнение, будто вопрос этот уже окончательно решён европейскими санскритологами, то не останется никакой надежды на то, что позиция индийских и тибетских посвящённых будет когда-нибудь принята во внимание.

Разумеется, Адепты, о которых упоминает "член английского Т.О.", в силах прояснить некоторые проблемы, существующие в истории индийских религий. Однако существует слишком мало шансов на то, что в сложившихся сегодня условиях их мнение будет принято во внимание широкой публикой — если, конечно, они не приведут такие свидетельства, которые находятся в пределах доступности для внешнего мира. Но не всегда бывает возможным отыскать именно такого рода свидетельства, а поэтому им нет никакого смысла и предавать гласности те сведения, которыми они обладают, до тех самых пор, пока публика не будет готова признать и принять древность и достоверность их традиций, масштаб их возможностей и обширность их знаний. А при отсутствии подобных свидетельств, как мы и сказали, мнение их скорее всего будет отвергнуто как вздорное и несостоятельное; движущие ими мотивы будут подвергнуты сомнению, а кое-кто склонится даже к тому, чтобы отвергнуть сам факт их существования.

Нередко как индусы, так и англичане задают один и тот же вопрос: почему эти Адепты так не хотят представить широкой публике свои знания в области физики. Задавая этот вопрос, они, по-видимому, не видят разницы между тем, какими методами добывают свои знания Адепты, и тем процессом современного научного исследования, в ходе которого фиксируются явления природы и открываются её законы. Но дело в том, что, пока Адепты не смогут доказать правоту своих умозаключений, используя те же способы логической аргументации, какие применяются и современной наукой, они так и будут оставаться в глазах внешнего мира недоказанными. Разумеется, Адепты не в силах сделать так, чтобы у значительного числа людей вдруг развились такие способности, с помощью которых они восприняли бы истину самостоятельно, да и не всегда эта задача — доказать истину — практически осуществима с помощью общепринятых научных методов,

ведь доказательства Адепта могут строиться на таких явлениях и законах, которые ещё не открыты современной наукой. Ни от одного Адепта нельзя требовать того, чтобы он опередил открытия, которым суждено случиться только в течение ближайших четырёх-пяти веков, и чтобы к вящему удовлетворению просвещённой публики они обосновали ту или иную великую истину, при этом доказывая каждое пока не открытое явление и закон природы именно таким методом логической аргументации, которая эту публику вполне бы устроила. И с подобной трудностью они волей-неволей сталкиваются каждый раз, когда сообщают любые данные, связанные с событиями древнеиндийской истории.

Как бы то ни было, прежде чем сообщать точную датировку периода жизни Шанкарачарьи, установленную индийскими и тибетскими посвящёнными, мы укажем читателю на те некоторые обстоятельства, которые и позволяют нам определить примерные годы его жизни. По нашему скромному мнению, на опубликованные до сих пор биографии Шанкары можно полагаться лишь в той мере, в какой, рисуя общую канву жизни Шанкары, они не противоречат друг другу.

Так, мы не можем с полным доверием отнестись к вышедшей в Калькутте "Шанкаравиджае", принадлежащей перу Анандагири. В некоторых весьма существенных моментах это калькуттское издание не только расходится с рукописными биографиями Шанкары, обнаруженными в Южной Индии, но противоречит и любой другой исследованной на сегодняшний день биографии философа. Очевидно, что и по своему стилю, и по некоторым содержащимся в ней утверждениям она не может принадлежать перу Анандагири — одного из четырёх главных учеников Шанкары и автора собственного комментария к комментариям Шанкары ("бхашьям") к упанишадам. Так, она, к примеру, приписывает Шанкаре известное стихотворение, которое содержится в "Адхикарана-ратнамала" Видьяраньи, написанной уже в XIV веке. Как утверждается в этой биографии, Шанкара наказал двум своим ученикам проповедовать учения вишишта-адвайты и двайты, которые напрямую противоречат его собственному учению. Если верить этой книге, то Шанкара отправился на свой триумфальный диспут с Мандана Мишрой^[254] якобы в сопровождении Сурешварачарьи, хотя "Сурешварачарья" — это имя всё того же Мандана Мишры, присвоенное ему при посвящении. Нам нет нужды перечислять здесь все ошибки и весь тот вздор, что содержится в этой книге. Достаточно лишь сказать, что, по нашему мнению, она не была написана Анандагири, а представляет собой вставку, сделанную каким-то неизвестным автором, который, судя по всему, не имел даже более-менее сносного представления об истории учения адвайты.

А вот "Шанкаравиджая", написанная Видьяраньей (или иначе Саяначарьей, известнейшим комментатором вед^[255]), — это, несомненно, самый надёжный источник сведений о главнейших событиях жизни Шанкары. Авторство здесь ни у кого не вызывает сомнений, а содержащиеся в ней сведения, как явствует из слов самого же автора книги, почерпнуты из некоторых древних биографий Шанкары, имевшихся в его распоряжении в период работы над книгой. Принимая во внимание обширные познания и осведомлённость автора, а также учитывая те возможности, которыми он располагал для сбора материала к своей книге, будучи главой шрингерийского мата, мы можем с полным основанием полагать, что в своём труде он охватил весь массив достоверных сведений, до которых мог дотянуться. Г-н Уилсон утверждает, однако, что в книге этой "слишком много поэзии и легенд", чтобы её можно было признать за самый надёжный источник. Да, мы признаём, она действительно написана в стиле высокой поэзии, но совершенно несогласны с тем,

что основу её составляют одни лишь легенды. Г-н Уилсон совершенно бездоказательно даёт ей указанную характеристику на одном лишь том основании, что автор описывает в ней некоторые продемонстрированные Шанкарой чудесные феномены. Но этот просвещённый востоковед, вероятно, едва ли согласился бы рассматривать в том же свете и библейский рассказ о Христе. Чудотворец как самый первый пропагандист учения — это привилегия далеко не одного только христианства. Ниже мы будем из его книги приводить любые факты, какие только сочтём нужными.

Принято считать, что наставником (гуру) Шанкары был человек по имени Говинда-йог, однако не все знают, что йогом этим был на самом-то деле не кто иной как Патанджали — тот самый великий автор "Махабхашьи" и "Йога-сутр", — но имевший ещё и это второе имя. Бытующая в Южной Индии традиция рисует Говинду-йога одним из учеников Патанджали, но весьма сомнительно, чтобы эта традиция имела под собой реальное основание. Так, из стихов 94-97 главы 5 "Шанкаравиджайи" Видьяранья следует со всей очевидностью, что Говинда-йог и Патанджали — это одно и то же лицо. По обычаю, соблюдающемуся с незапамятных времён всеми посвящёнными, Патанджали взял себе второе имя, Говинда-йог, после того как был введён в круг посвящённых своим наставником Гаудападой.[\[256\]](#)

Но зачем Видьяранья представляет Патанджали наставником Шанкары? Для того только, чтобы придать больший вес Шанкаре и его учению? Едва ли, ведь адвайтисты ставят Шанкару гораздо выше Патанджали и слова Видьяранья ничего не добавляют в их глазах к репутации Шанкары. Да и взгляды Патанджали не во всём совпадают с взглядами Шанкары. Так, судя по трудам Шанкары, он не придавал сколь-нибудь серьёзного значения практикам хатха-йоги, тогда как Патанджали посвятил ей свои "Йога-сутры". А значит, если бы у Видьяранья была возможность выбора наставника для Шанкары, то, вне сомнения, он выбрал бы на эту роль самого Вясу, который, как считается, жив до сих пор. Поэтому мы не видим ни малейшего основания ставить под сомнение вышеприведённое утверждение. Но если Шанкара был учеником Патанджали, а учителем последнего был Гаудапада, то годы жизни Патанджали позволяют нам датировать и период жизнедеятельности как Шанкары, так и Гаудапады. Здесь мы можем указать читателю на ошибку в книге г-на Синнетта "Эзотерический буддизм" (с. 148), допущенную автором в отношении Гаудапады. Там он представлен в виде гуру Шанкары. Г-ну Синнетту, как мы полагаем, было сообщено, что Гаудапада был парамагуру Шанкары,[\[257\]](#) но, очевидно, не вполне поняв смысл этого слова, г-н Синнетт написал, что тот якобы был гуру Шанкары.

Среди востоковедов принято считать, что Патанджали жил в дохристианские времена. Г-н Барт относит период его жизни к II веку до наступления христианской эры, соглашаясь в этом с Голдштюкером.[\[258\]](#) То же самое делает и Монье-Вильямс. Вебер же, который, судя по всему, тщательно изучил точки зрения всех остальных писавших на эту тему востоковедов, делает следующий вывод:

"мы должны пока остановиться на том, что "Бхашья" была написана между 140 годом до Р.Х. и 60 годом по Р.Х., и, учитывая, в каком ужасном состоянии пребывает хронология индийской литургии в целом, должны считать эту датировку всё-таки достаточно важной, несмотря на всю её неопределённость".[\[259\]](#)

Но даже эта датировка опирается всё-таки на умозаключения, сделанные из парочки случайных фраз, содержащихся именно в "Махабхашье" Патанджали. Делать выводы подобного рода — дело всегда небезопасное, особенно когда общеизвестно, что, по

бытующей среди индийских грамматистов традиции, отдельные места "Махабхашьи" были утрачены, а пропуски заполнены позднейшими вставками. Даже если предположить, что цитируемые фразы действительно написаны самим Патанджали, то мы всё равно ни в одной из этих фраз не обнаружим ничего, что помогло бы нам установить годы жизни писателя.

Так, к примеру, Гольдштюкер усматривает связь между выражением "*Arunad Yavanah Sáketam*" и военным походом Менандра[260] на Айодхью,[261] состоявшимся в 144-120 гг. до Р.Х., но связь эта — чистой выдумка. В этом выражении не найти ни одного намёка, указывающего на поход Менандра. Здесь, полагаем мы, Патанджали говорит о предпринятом *яванами*[262] походе на Айодхью, случившемся в период жизни отца Сагары[263] и описанном в "Хариванше".[264] Поход этот состоялся задолго до рождения Рамы, а потому никак и не может быть связан с Менандром. В своём умозаключении Гольдштюкер исходит из того, что никаких других известных Патанджали военных походов на Айодхью не было, однако из "Хариванши" (книги, написанной Вьясой) со всей очевидностью следует, что эта гипотеза не имеет под собой никакого основания. Следовательно, и версия, целиком построенная Гольдштюкером на этом слабом основании, лопается, как мыльный пузырь. На одном лишь перечне царских имён, содержащихся в "Махабхашье", безупречно точных выводов не построишь, пусть даже цари эти и восходят к самому Патанджали, поскольку в одной и той же династии будут встречаться цари с одинаковыми именами.

Как видит читатель, всё вышеизложенное не позволяет нам согласиться с Вебером, что 140 год до Р.Х. необходимо считать тем пределом, раньше которого Патанджали жить не мог. А теперь давайте посмотрим, существует ли какой-нибудь иной предел, установленный востоковедами.

Для установления этого предела невозможно отталкиваться от периода жизни Панини, поскольку годы его жизни до сих пор не установлены. Однако, по мнению некоторых востоковедов, Панини, вероятнее всего, жил уже после того, как состоялось вторжение Александра в Индию, и судят они об этом, исходя из толкования слова *яванани* в грамматике Панини. Нам очень жаль, что европейские востоковеды предприняли столько усилий для того, чтобы на этой зыбкой основе возвести свои теории, не установив при этом точного значения слова *явана* и времени, когда состоялось первое знакомство индусов с греками. Утверждать, что знакомство это началось лишь в период вторжения Александра, не приводя при этом никаких доказательств, едва ли разумно. В то же время имеются весьма веские основания полагать, что индусы знали о греках задолго до этого события. По бытующему среди индийских посвящённых преданию, в Индии побывал Пифагор, и в индийских трудах по астрологии он упоминается под именем *Яваначарья*.

Более того, откуда взялась уверенность, будто под словом *явана* древнеиндийские писатели понимали одних только греков? А может быть, изначально оно относилось к египтянам и эфиопам, а затем перешло сначала на греков Александра, а позднее и на всех остальных греков, персов и арабов? Помимо описанного в "Хариванше" нашествия *яванов* на Айодхью, был и ещё один поход в Индию, предпринятый позднее, уже в период жизни Кришны, неким *кала яваной* ("чёрным яваной") — этот поход описан в той же книге. Возможно, он был совершён эфиопами. В любом случае у нас, насколько мы можем судить, нет ни одного основания полагать, будто индусские писатели стали употреблять слово *явана* лишь после похода Александра.

Мы не можем ни в малейшей степени рассчитывать на то, что натолкнут нас на

датировку периодов жизни Панини и Катьяны (а оба они жили ранее Патанджали) могут сведения, содержащиеся в "Катха Сарит Сагаре" — сборнике обычных басен. Как понимают сегодня востоковеды, никаких точных выводов о том, когда жили Панини и Катьяна, не сделаешь и из того, о чём сообщает в своей книге Сюань-цзан,[265] а поэтому мы на нём здесь не будем даже останавливаться. А значит, периоды жизни и Панини, и Катьяны так до сих пор и не были установлены европейскими востоковедами. Возможно, прав Голдштюкер, полагая, что Панини жил ранее Будды, а сообщения буддистов хорошо согласуются с традициями посвящённых, утверждающих, что Катьяна является современником Будды. Из того же обстоятельства, что "Махабхашья" Патанджали была написана явно после того, как Панини сочинил свои "Сутры", а Катьяна составил свою "Варттику", мы можем лишь сделать вывод о том, что Патанджали писал свою "Махабхашью" уже после рождения Будды.

Есть, однако, несколько соображений, которые могут помочь нам установить, что Патанджали, скорее всего, жил примерно в V веке до Р.Х. Дело в том, что период сутр Макс Мюллер датирует VI-V веками до Р.Х. Мы согласны с его предположением, что период этот, вероятно, завершается в V веке до Р.Х., но трудно сказать, сколь далеко в глубины индийской истории простирается его начало. Патанджали действительно является автором "Йога-сутр", и факт этот до сих пор не был оспорен ни одним индийским писателем. Г-н Вебер *полагает*, однако, что автором "Йога-сутр" мог быть вовсе и не автор "Махабхашьи", хотя и не рискует при этом приводить аргументы в пользу собственного умозаключения. Мы очень глубоко сомневаемся в способности кого-либо из европейских востоковедов когда-либо обнаружить связь между первым разделом (ahnikā) "Махабхашьи" и подлинными секретами хатха-йоги, содержащимися в "Йога-сутрах". Никто, кроме посвящённых, не способен во всей полноте осознать смысл идеи, заложенной в указанном разделе, а принцип "вечности Логоса" (Шабда) представляет собой одну из основополагающих доктрин индийских гимнософистов,[266] в большинстве своём являвшихся последователями хатха-йоги. Индуистские писатели и пандиты считают Патанджали автором трёх работ: "Махабхашьи", "Йога-сутр" и ещё одной книги, посвящённой медицине и анатомии, и нет ни малейших оснований сомневаться в справедливости их точки зрения.

Таким образом, мы должны отнести время жизни Патанджали к периоду сутр, и наш вывод вполне подкрепляется традициями индийских посвящённых. Если Шанкарачарья был современником Патанджали (его учеником), то, значит, и жить он должен был в тот же период времени. Как мы показали выше, у нас нет никаких оснований относить период жизни Шанкары к VIII-IX векам по Р.Х., хотя именно так поступают некоторые европейские востоковеды. Далее, мы доказали, что Шанкара был учеником Патанджали, а значит, и датировать его период жизни мы должны, отталкиваясь от времени жизни Патанджали. Мы также показали, что ни 140 год до Р.Х., ни время военного похода Александра не могут служить тем пределом, раньше которого не мог бы родиться Шанкара. И, наконец, мы указали на некоторые обстоятельства, которые позволяют нам предположить, что годы жизни Патанджали и его ученика Шанкары следует отнести к периоду сутр.

Итак, мы можем рискнуть и представить читателю точную датировку периода жизни Шанкарачарьи, подтверждаемую посвящёнными Тибета и Индии. Как показывают находящиеся в их распоряжении исторические данные, он родился в 510 году до Р.Х. (спустя пятьдесят один год и два месяца после известной даты погружения Будды в нирвану), и мы полагаем, что сведения, убедительно подтверждающие нашу

датировку, можно легко получить в Индии — для этого достаточно лишь правильно расшифровать надписи, сохранившиеся в Кондживераме,[267] Шрингери, Джаганнатхе, Бенаресе, Кашмире и в других местах, где бывал Шанкара. Шанкара участвовал в строительстве Кондживерама — как считается, одного из древнейших городов Южной Индии, и при соответствующих усилиях можно точно установить время его строительства. Но уже даже те свидетельства, что мы представили читателю выше, убедительно подтверждают правоту упомянутой нами точки зрения посвящённых. Если Гаудапада был учителем учителя Шанкарачарьи, то его годы жизни можно установить по периоду жизни Шанкары, и, таким образом, у нас есть все основания полагать, что жил он ранее Будды.

Вопрос VI[268] — "Путаница в истории" — Откуда она происходит?

Вопрос формулируется следующим образом: нет ли "какой-то путаницы" в письме, что цитируется в "Эзотерическом буддизме" на с. 62, где говорится о "древних греках и римлянах" как об атлантах? Отвечаем: ни в малейшей степени. Слово "атлант" — это их обобщённое название. Возражать против такого их наименования, ссылаясь на то, что, дескать, древние греки и римляне были ариями, а "их языки являются промежуточными между санскритом и современными европейскими диалектами", бессмысленно. Какой-нибудь учёный из будущей Шестой расы, который и слыхом не слыхивал о том, что часть европейской Турции некогда погрузилась под воду (а это вполне возможно!), мог бы с таким же успехом возражать против наименования босфорских турок остатками европейцев. Представим себе, что через какие-нибудь 12 тысяч лет он о них скажет такими словами: "Но ведь турки — несомненно, семиты, а их язык является промежуточным между арабским и нашими современными диалектами Шестой расы".[269]

"Историческая путаница" может возникать в результате тех или иных авторитетных утверждений, высказанных востоковедами на чисто филологических основаниях. Профессор Макс Мюллер блестяще доказал, что санскрит является "старшим братом" — но ни в коем случае не отцом! — всех современных языков. "Отцом" же, как *предполагает* он сам вместе со своими коллегами, является некий "*сегодня уже мёртвый язык*", на котором, *возможно*, говорила только что народившаяся арийская раса".[270] На вопрос о том, что же это был за язык, западные учёные в один голос твердят: "Кто теперь это знает?" Да и на другой вопрос о том, "в какие геологические периоды существовала эта народившаяся раса?", мы слышим в ответ всё тот же многозначительный голос: "В те далёкие доисторические эпохи, продолжительность которых сегодня уже никто не в состоянии установить".

А ведь был это, очевидно, пусть и варварский, пусть и грубый, но всё-таки санскрит, и "бок о бок" с этой народившейся расой жили "предки греков, итальянцев, славян, германцев и кельтов",[271] — а отсюда и следы этого "языка богов" в речи любого арийского народа, как отмечают филологи, исходя из чисто языковых признаков. При этом, однако, те же самые востоковеды утверждают, будто классический санскрит якобы возник на самом рубеже христианской эры, тогда как ведийский санскрит, с их позволения, родился всего лишь за 3 тысячи лет (да и то неполных) до того.

Если, как утверждают сами "Адепты", Атлантида затонула более чем за 9 тысяч лет

до начала христианской эры,[272] то какие же тогда "древние греки и римляне" атланты? Как это может быть? Ведь и греки, и римляне — это арийские народы, а их собственные языки происходят из санскрита? Да и западные учёные уж точно *знают*, что и греческий язык, и латынь сформировались только в исторический период, а в XI тысячелетии до Р.Х. ни о каких греках и латинах как об отдельных народах и помину не было. А значит, те, кто выдвигает подобные тезисы, даже сами не понимают, с какими, право, глубоко *ненаучными* заявлениями они выступают!

Такова суть развернувшейся критики, такова "историческая путаница". Виновники, разумеется, уже живо чувствуют, как почва уходит у них из-под ног, но продолжают стоять на своём. В упрёк им можно поставить, в общем-то, лишь одно: они просто неверно именуют эти народы. Ведь называть далёких предков и их позднейших потомков одним и тем же именем, "греками и римлянами", — это столь же грубый анахронизм, как называть древних кельтов-галлов или инсубров французами.

По сути, всё это верно. Но, помимо того вполне объяснимого оправдания, что эти народы были так поименованы в сугубо частном письме, написанном, как обычно, в спешке и едва ли заслуживающем столь высокой чести быть процитированным дословно со всеми его недостатками, мы, пожалуй, можем привести и ещё более весомые возражения против того, чтобы называть упомянутые народы как-то иначе. Всё равно это были бы столь же неверные термины, и, будь древние греки и римляне названы в том частном письме древними эллинами из "Эллады" (или *Magna Græcia*) и латинами из Лация, то мало того, что это выглядело бы проявлением излишнего педантизма, но было бы ещё и по сути своей так же неверно, как и употребление вызвавших замечание наименований, хотя, вероятно, *звучало* бы на слух более "исторично".

Истина же состоит в том, что, как и предки почти всех *индоевропейцев* (или, быть может, их лучше называть *индогерманцами-яфетидами*?), вышеупомянутые греческая и римская субрасы возникли гораздо раньше, чем принято об этом говорить сегодня. Своими корнями они уходят в непроницаемый туман того "доисторического" периода, той *мифической* эпохи, к которой современный историк привык относиться с особой щепетильностью, и теперь всё, что только ни выплывает наружу из её бездонных глубин, он готов тут же отвергать как обманчивый призрак, как пустой *миф* или как *позднейшую басню, не заслуживающую сколь-нибудь серьёзного внимания*.

Атлантских "древних греков" нельзя даже обозначить как *автохтонов* — а это удобнейший термин, позволяющий снять с повестки дня любой вопрос о происхождении того или иного народа, когда не удаётся точно установить его древность, а применительно, по крайней мере, к эллинам определённо означающий далеко не просто "землёй рождённый", [273] то есть "коренной", "туземный".

И всё-таки так называемая *басня* о Девкалионе и Пирре повествует о событиях ничуть не более невероятных и волшебных, чем такая же басня об Адаме и Еве — да ещё сто лет назад ни одна живая душа не посмела бы даже подумать о том, чтобы поставить последнюю под сомнение. А по своему эзотерическому смыслу греческая традиция имеет, возможно, больше прав именоваться подлинно исторической, чем так называемые *исторические* события олимпийского периода [274] — пусть даже ни Гесиоду, ни Гомеру и не удалось запечатлеть эту традицию в полной мере в своих поэмах. Римлян нельзя назвать ни умбро-сабеллами, [275] ни даже *италийцами*. Узнай, например, историки чуть побольше об итальянских "автохтонах" — япигах, — и "древние римляне" стали бы, возможно, фигурировать именно под этим

последним наименованием. Правда, здесь опять-таки возникает новая трудность: история *знает*, что латинские захватчики вытеснили этот таинственный и несчастный народ с насиженных мест, заперев его в расселинах гор Калабрии и демонстрируя тем самым полное отсутствие какого-либо родства между ними и собой.

Кроме того, упорно держатся за своё и западные археологи, не удостоивая своим вниманием ничьё иное мнение, кроме собственных догадок. Потерпев неудачу в деле расшифровки надписей на памятниках япигов, которые упорно не поддавались никакой расшифровке, поскольку сделаны были странными буквами на никому неизвестном языке, они, так ничего в них и не поняв, многие годы объявляют о полной невозможности их прочтения. А потому любого, кто возьмётся за дело, в котором потерпели крах почтенные профессора, они и воспринимают как кость в горле — прямо по арабской пословице о непрошенном совете.

Таким образом, едва ли существует возможность обозначить "древних греков и римлян" под таким законным и истинным их наименованием, которое одновременно и не коробило бы "историков", и оставалось бы в рамках правды и факта. Но поскольку в предыдущих *Ответах* нам пришлось уже не раз шокировать науку своими самыми антинаучными заявлениями, а впереди в этой серии вопросов и ответов нам неизбежно придётся высказать ещё и множество других утверждений филологического, археологического и исторического свойства, которые науке будет нелегко принять, то, возможно, нам стоит расчехлить свою окультную артиллерию и покончить со всем разом прямо сейчас.

Итак, "Адепты", да, самым решительным образом отказывают западной науке даже в беглом знакомстве с процессом роста и развития индоарийской расы, которую эта наука вдруг обнаружила "на самой заре истории" пребывающей в "патриархальной простоте" на берегах Окса.[276] И прежде чем отвергать или даже оспаривать наши слова относительно "древних греков и римлян", пусть западные востоковеды поглубже разберутся в вопросе о подлинной древности и самой этой расы, и арийского языка, для чего им придётся заполнить бесчисленное множество пробелов в истории, которые едва ли возможно объяснить какими-либо гипотезами их собственного изготовления.

Несмотря, однако, на то, что в вопросах, касающихся древних предков индоевропейских народов, они сегодня проявляют полнейшее невежество и ни один историк так до сих пор и не рискнул хотя бы в самом первом приближении назвать тот период, когда произошло выделение арийских народов и возник санскрит, они даже и не помышляют о том, чтобы проявлять скромность, каковую в данных обстоятельствах можно было бы от них ожидать. Невзирая на то, что великое разделение народов они относят к столь древним временам, что называют их "первой зарёй легендарной истории",[277] а о ведийской эпохе говорят как о "предыстории всего индийского мира"[278] [о которой они, по их же собственным признаниям, ничегошеньки не знают — Ред. *Теос.*], они, тем не менее, не моргнув глазом, готовы любую песню из "Ригведы" отнести к новейшим временам — исходя якобы из их "внутренних признаков", и делают это, не задумываясь ни на минуту, как не задумывается и г-н Фергюсон, когда относит к христианским временам даже самые древние высеченные в скалах храмы Индии, опираясь на одну лишь их "внешнюю форму". А уж что касается их недостойных свар друг с другом, взаимных обвинений и переходов на личности в учёных диспутах, то об этом лучше вообще не говорить ни слова.

"Свидетельства языка неопровержимы", [279] — утверждает великий оксфордский санскритолог. Мы отвечаем ему на это: "При условии, что они не противоречат историческим фактам и данным этнологии". Возможно, он и прав (да нет, он, несомненно, прав, когда исходит из тех знаний, которыми *он* обладает) — в том, что "это единственные свидетельства, к которым стоит прислушаться, когда речь заходит о доисторических периодах". [280] Но когда кое-что, связанное с этими пресловутыми "доисторическими периодами", получает известность и когда то, что, как мы полагаем, *нам* достоверно известно о некоторых считающихся древними народах, приходит в явное противоречие с *его* "свидетельствами языка", тогда "Адепты", пожалуй, лучше позволяют себе держаться собственных взглядов и мнений, пусть даже и идущих в разрез с взглядами и мнениями величайшего из всех живущих санскритологов.

Изучение языков — это пусть и фундаментальная, но всё же лишь часть подлинной филологии. Чтобы приобрести целостный характер, последняя, по справедливому утверждению Бёкта, [281] должна превратиться почти что в синоним историографии. Мы с радостью признаём право на собственное мнение за западными филологами, вынужденными работать при полном отсутствии каких-либо исторических данных, ведь им приходится опираться лишь на сравнительную грамматику, устанавливая тождественность корней, лежащих в основе слов только тех языков, с которыми они знакомы или о существовании которых им известно, после чего выдают это за результат своего исследования, построенного исключительно на доступных им источниках. Но нам хотелось бы, чтобы такое же право они признавали и за исследователями, принадлежащими к другим расам, — пусть даже, по мнению начальствующего Запада, и *низишим* по отношению к европейским: а вдруг эти восточные исследователи, исходя из совершенно иных принципов и выстроив из своих знаний строгую систему, в которой нет места никаким гипотезам или голословным утверждениям, действительно сохранили точнейшую (в их глазах) летопись как раз тех самых периодов, которые их оппоненты считают доисторическими?

Сегодня западных деятелей науки принято именовать "учёными" и "комментаторами", тогда как о туземных санскритологах и археологах они упоминают лишь как о "калькуттских" или "индийских кружках *любителей*" — но это не только ничуть не доказывает неполноценности последних, а скорее свидетельствует о правоте китайской поговорки: "зазнайство редко дружит с учтивостью".

В сущности, "Адептам" *практически и не ведомы те путаницы*, что случаются в западной историографии. С высоты своих знаний — а в их основе лежат точно документированные источники, не нуждающиеся, как сказано, ни в каких гипотезах и сводящие даже психологический фактор на самые незаметные роли, — они ясно видят, что история и их собственного, и иных народов простирается неизмеримо дальше той едва различимой точки, что маячит на обозреваемом западным миром далёком горизонте как вежа, обозначающая начало *его* истории. Эти летописи, которые велись из века в век и делались на основе астрономической хронологии и зодиакальных расчётов, ошибаться не могут. [Что же до ещё одной "путаницы" — на сей раз палеографического характера, — которая могла возникнуть в связи с упоминанием о зодиакальных исследованиях в Индии и Центральной Азии дохристианских эпох, то о ней пойдёт речь в следующей статье. — Ред. *Теос*.]

Стало быть, главной на сегодняшний день является задача решить: так кто же скорее

всего ошибается — востоковеды или "Восток"? У "члена английского Т.О." имеются на выбор два источника сведений, две группы учителей. В одну группу входят западные историки с длинной свитой учёных: всевозможных этнологов, филологов, антропологов, археологов и востоковедов. Другая же состоит из каких-то никому неизвестных азиатов, принадлежащих к расе, которую многими жителями культурного Запада принято считать "неполноценной", невзирая ни на какие заверения г-на Макса Мюллера о том, что "и в жилах (английского солдата), и в жилах темнокожего бенгальца течёт одна и та же кровь", [282].

Может ли горстка людей рассчитывать на то, что доводы её будут с участием выслушаны, — особенно в том случае, когда вся их историография, религия, язык, культурные корни и науки оказались во власти захватчика и теперь искажаются и калечатся до неузнаваемости; если дожили они до такого дня, когда западный учёный может монопольно и самочинно решать: каков истинный смысл того или иного слова, насколько точна та или иная дата их летоисчисления и какова подлинная историческая ценность архитектурных и палеографических памятников их родины?

Да приходило ли в голову людям с Запада, что их собственные учёные до самого последнего времени действуют в жёстких тисках навязанного им церковью догматического прошлого, руины которого оставляют им слишком мало простора для полёта творческой мысли; что со всех сторон их плотно обступают ограничения "откровений", исходящих от самого Бога, "для которого тысяча лет, как один день", [283] а потому они и чувствуют себя обязанными ужимать тысячелетия в столетия, а сотни в единицы, и отводят в лучшем случае тысячу лет тому, что существует уже с десяток тысячелетий? И всё это единственно ради того, чтобы спасти от полного падения авторитет своей религии и сохранить свою репутацию, своё доброе имя в культурном обществе. Но даже и освободившись от предубеждений, они всё равно должны защищать честь иудейского божественного летоисчисления наперекор таким фактам, с которыми не поспоришь, — и остаются (нередко бессознательно для самих себя) рабами искусственной истории, втиснутой в узкие рамки того или иного религиозного догмата. Но никто ещё по-настоящему не задумался над той злой шуткой, которую сыграл над ними чисто психологический, но весьма немаловажный, фактор.

Все мы знаем, как они жонглируют фактами, как изымают из библиотек древние тексты, как с пеной у рта опровергают открытия в области филологии — лишь бы только не признать никакой связи между санскритом и языками готов, кельтов, греков, римлян и древних персов. Из наших далёких скитов мы слышали не раз, как Дугалд Стюарт [284] со своими коллегами, поняв, что такое открытие повлечёт за собой и обнаружение этнического родства и тем самым нанесёт удар по престижу трёх столпов мировых рас — Симу, Хаму и Иафету, — наперекор всем фактам объявил, что "санскрит никогда и не был живым разговорным языком", поддержав версию о том, что "он был просто придуман браминами, которые построили санскрит, взяв за образец греческий язык и латынь".

Известно нам опять-таки и о том — и мы можем это доказать, — что большинство востоковедов из кожи лезут вон, лишь бы только доказать: ни один памятник старины (то есть любые рукописи и надписи, принадлежащие как предметам искусства, так и учёным трудам) не может восходить к *дохристианским* временам. Что касается языческого мира, то всю его историю с момента возникновения они заставляют вертеться в узком круге нескольких веков "до Р.Х." в пределах той

плодовитой эпохи, когда мать-Земля, едва оправившись после своих тяжких родовых мук в период каменного века, родила на белый свет, как будто без всякого перехода, сразу множество высоко цивилизованных народов и столько же народов с аналогичными претензиями. Но точно так же и индийская археология втиснута ими в некий заколдованный круг, начинающийся с какого-то (востоковедам неизвестного) года эры *самват*[285] и кончающегося десятым веком западного летоисчисления.

Пытаясь распутать эту изрядную "историческую путаницу", [286] обвиняемые в ней могут в своё оправдание лишь повторить то, что они уже сказали раньше: всё зависит от того, какую точку отсчёта мы берём за начало исчисления истории и древности индоарийского народа. И первым делом необходимо установить, насколько хорошо сама Историография знает о том почти доисторическом периоде, когда на землю Европы ещё не успела ступить нога ни одного первобытного арийского племени. Из различных источников, начиная с самых свежих энциклопедий и кончая работами профессора Макса Мюллера и других востоковедов, мы приходим к следующим выводам. Они признают, что в какой-то неизмеримо далёкий от нас период — задолго до того, как арийские народы окончательно оторвались от общего родительского ствола (унося с собою зачатки индогерманских языков), и ещё прежде, чем они вдруг бросились врассыпную, заполняя собою Европу и Азию, в поисках нового пристанища, — существовал некий "единый варварский(?) народ, физически и политически представлявший народившуюся арийскую расу". [287] Говорил этот народ на "ныне уже мёртвом арийском языке", [288] из которого в ходе многочисленных трансформаций (требовавших наверняка намного больше тысячелетий, чем это готовы допустить наши путаники) постепенно и сформировались все последующие языки, на котором сегодня говорят народы, относящиеся к кавказской [289] расе.

Вот, пожалуй, и всё, что известно западному миру об истории его возникновения. Подобно брату Раваны, Кумбхакарне, [290] — этому индийскому Рипу ван Винклю [291] — она провела множество долгих веков, находясь в глубоком беспробудном сне. И когда наконец она пробудилась и сознание вернулось к ней, то оказалось, что "народившаяся арийская раса" уже успела распасться на десятки наций, народов и рас — однако и те в большинстве своём уже захирели и согнулись от старости, многие из них безвозвратно ушли в небытие, а глядя на молодые, западная историография уже была не в силах объяснить их истинное происхождение. Вот и всё, что касается "младшего брата".

Что же до "брата старшего, индуса", то, как объясняет нам профессор Макс Мюллер, он "*самым последним* покинул главное родовое гнездо ариев", [292] и теперь именитый филолог услужливо берётся поучать его о его же собственной истории. Но этот индус должен сегодня заявить во всеуслышанье, что, пока его индоевропейский родич крепко спал под спасительной сенью Ноева ковчега, он продолжал нести свою вахту, и от его цепкого взора, которым он окидывал мир с высот своих гималайских твердынь, не укрылось ни одно происходившее на Земле событие. Так велась летопись истории, записанная на языке столь же непонятном, как непонятны для индоевропейских пришельцев сегодня и надписи япиггов, но совершенно ясном для тех летописцев, что эту историю писали. Вот сегодня за это самое преступление его и осыпают упрёками, обвиняя в том, что он, дескать, подделал оставленные его праотцами летописи.

Для Индии была загодя оставлена специальная пустая страница в мировой историографии, которая будет "заполнена позднее, когда из руды брахманских

преувеличений и предрассудков будет наконец добыт чистый металл истории".[293] Не справившись с этой своей задачей, востоковеды убедили себя в том, что в "руде"-то этой и не было ничего ценного — так, один шлак. Более того, они вознамерились сопоставить брахманские "суеверия" и "рассказы" с боговдохновенными книгами Моисея и их летоисчислением. Так ведам была противопоставлена "Книга Бытия". Но всем их нелепым притязаниям на древность был немедленно положен конец, и возраст вед тут же скукожился до вполне приличных размеров — ведь не могли же они оказаться старше мира, который, как всякому известно, был сотворён в 4004 году до Р.Х. Что же до брахманских "суеверий и басен" о долголетьи арийских *риши*, то и здесь всё подверглось сокращению и разоблачению, ведь в "генеалогии патриархов от Адама до Ноя и их возрасте" содержатся безупречно точные исторические данные, свидетельствующие о том, что возраст их составлял соответственно 930 и 950 лет — правда, если не упоминать здесь Мафусаила, ибо преждевременная смерть унесла патриарха в могилу, когда ему исполнилось всего лишь 969 лет от роду.

Перед лицом такого разворота событий индус, нужно признать, имеет полное право отказаться от услуг западной историографии и системы летоисчисления, которые селятся навести порядок в его собственных анналах. Наоборот, он почтительно советует западным учёным не отвергать с порога слова азиатов о тех самых веках, которые представляются европейцам *доисторическими*, а первым делом доказать, насколько достоверными данными располагают они сами в том, что касается истории их же собственной расы. И если они согласятся, то у него, возможно, и найдутся свободное время и силы для того, чтобы помочь своим этническим ближним сделать правильную обрезку их генеалогическим древам.

Наши раджпуты, к примеру, хранят у себя самые достоверные семейные записи, по которым возводят свою непрерывную линию происхождения к II тысячелетию до Р.Х. и даже к ещё более ранним временам — об этом свидетельствуют данные, собранные полковником Тодом. И к записям этим с полным доверием относится даже Британское правительство, когда вступает с ними в деловые сношения.

Мало просто изучать разрозненные фрагменты той санскритской литературы, что попадает в руки иноземных исследователей — пусть даже количество их, согласно хвастливым признаниям востоковедов, и достигает 10 тысяч текстов, — чтобы говорить так самоуверенно об "ариях как первых поселенцах в Индии" и утверждать, что, "предоставленные лишь самим себе, ограничившись рамками собственного мирка, не умея взглянуть ни на *собственное прошлое*, ни на *будущее*(!), они были способны лишь на одно: погрузиться в размышления о самих себе",[294] а значит, они *ничегошеньки* и не могли знать о других народах. Для того чтобы верно осмыслить эти тексты и разобраться во *внутреннем* смысле большинства из них, нужно уметь понимать их в эзотерическом свете, а значит, необходимо перед этим овладеть *языком тайного кода брахманов* — "богословской тарабарщиной", как его принято сегодня презрительно называть.

И если уж кто-то хочет научиться верно судить о том, что древнейшие арии знали, а чего не знали; были ли у них в чести общественно-политические добродетели или нет; интересовались ли они историей или обходили её стороной, то для этого недостаточно заявлять о своём совершенном владении ведийским и классическим санскритом или пракритом с арья бхашей.[295] Эзотерический смысл древней брахманской литературы, как уже сказано, невозможно понять, пока не получишь ключа к брахманскому тайному коду. А владение специальной терминологией,

применяемой в пуранах, араньяках и упанишадах, уже само по себе составляет целую науку, причём гораздо более трудную, чем даже изучение 3996 афористических правил Панини или его алгебраических символов.

Да, верно, уже и сами брахманы в большинстве случаев не помнят точных трактовок своих же собственных священных текстов. Но они достаточно хорошо знают о двойном смысле своих писаний, а потому и следят с усмешкой за отчаянными усилиями европейских востоковедов, стремящихся отстоять первенство своей собственной историографии и достоинство собственной науки, для чего и толкуют индуистские иератические тексты со столь невиданной самоуверенностью.

Пусть мы покажемся непочтительными, но, тем не менее, нам хотелось бы обратиться к филологам с таким призывом: пусть они попробуют доказать нам, причём более убедительно, чем делали это до сих пор, что по уровню своих знаний они стоят гораздо выше хотя бы обычного, средней руки, индусского пандита-санскритолога и могут на самом деле здраво судить о возрасте "языка богов"; что они действительно в силах безошибочно проследить по линиям бесчисленных прошлых поколений тот путь, который прошёл "ныне уже мёртвый арийский язык" во всех своих многочисленных и разнообразных видоизменениях на Западе и как он превратился сначала в ведийский, а затем и в классический, санскрит на Востоке; и весь этот процесс, начиная с момента, когда основной поток стал разливаться на отдельные этнические рукава, они тщательно изучили. Они, востоковеды, ведь полагают, будто из отдельных фрагментов санскритской литературы им действительно удалось что-то усвоить, они убеждены, будто, строя на одном только этом основании все свои умозрительные толкования, они и в самом деле вправе судить о природе того, в чём не разобрались ни на грош, — то есть могут рассуждать о далёком прошлом народа, который они потеряли из виду, когда тот ещё пребывал в "состоянии новорождённого", а когда вновь обнаружили его, то тот уже находился на последнем этапе своего вырождения. Так вот пусть они наконец и докажут, что всё это им по силам, тогда как учёный туземец и знать не знает ничего о собственной истории и даже мечтать ни о чём подобном не может. И когда они всё это докажут, вот тогда только они и заслужат хоть какое-то право напускать на себя тот важный вид знатоков и выказывать то презрение, которое явственно читается почти в каждом их труде, посвящённом Индии и её истории.

Не имея ни малейшего представления о том неисчислимом множестве веков, что отделяют ария-брахмана центральноазиатского периода от брахмана непосредственно предбуддийских времён, они не вправе и утверждать, будто посвящённый индоарий знает о себе ничуть не больше того, что о нём известно иноплеменнику. Эти периоды для них — один сплошной чистый лист, а потому у них нет никаких сколь-нибудь веских оснований заявлять, будто арии никогда не знали собственной "политической истории", и, стало быть, их единственным занятием были "религия и философия", которым они предавались "в одиночестве и созерцании". [296] Счастливая мысль! Она, несомненно, навеяна востоковедам тем активным образом жизни, теми нескончаемыми войнами, победами и поражениями, что нашли своё отражение в древнейших песнях "Ригведы".

Как можно, вопреки всякой логике, утверждать, будто "Индия не играла никакой роли в политической истории мира" или что "Индия брахманского периода никак не отразилась в истории других народов того же периода, и стала давать о себе знать лишь после возникновения в Индии буддизма"? Ведь о "доисторической" истории "других народов" востоковеды знают не больше, чем знают о брахманском периоде

Индии. Все их умозаключения, все их домыслы и систематические правки предыдущих гипотез строятся вокруг периода, восходящего самое большее к II веку "до Р.Х.", и не имеют под собой ничего похожего на достоверные исторические основания. Так вот пусть они сперва представят свои доказательства, а потом уже претендуют на какое-то внимание с нашей стороны. А иначе какими бы "неопровержимыми" ни были "свидетельства языка", одного только наличия санскритских корней во всех европейских языках будет явно недостаточно для утверждения о том, что (а) до своего появления в *Семиречье* арии *никогда прежде не покидали своих северных земель*, как и для объяснения того, (б) с какой стати "старший брат, индус", "самым последним покинул главное родовое гнездо ариев".

Филологу это последнее предположение кажется "вполне естественным". Но не менее правы и брахманы, которые всё больше и больше начинают догадываться о том, что под всеми этими событиями, должно быть, кроются какие-то "подводные", оккультные причины. Они всё больше укрепляются во мнении, что лишь для того, чтобы отстоять свою собственную версию, востоковеды и вынуждены закреплять "старшего брата" на столь подозрительно долгий период времени на берегах Окса или где-либо ещё, куда "младшему брату" угодно было забросить "старшего" в его "состоянии новорождённого", после того, как этот "новорождённый" попрощался со "всеми братьями, двинувшимися в сторону заходящего солнца".[297]

Однако мы видим определённые основания полагать, что главной целью столь явной попытки как можно сильнее замедлить ход событий является стремление приблизить рождение народа к христианским временам. Нужно было показать этого "брата" именно бездеятельным и не интересующимся "ничем, кроме созерцания о самом себе", лишь бы только не допустить того, чтобы его подлинный возраст вместе с "пустопорожними языческими побасёнками" — а возможно, и с его преданиями о делах других народов — вдруг сказался на той системе летоисчисления, в которую он должен был вписаться. Подозрение это укрепляется в нас ещё сильнее, когда мы обнаруживаем в обильно цитируемой нами книге — произведении чисто научном и филологическом по своему характеру — множество ремарок и даже пророчеств вроде:

"История, похоже, учит тому, что всему роду человеческому понадобилось время, чтобы мало-помалу набраться таких знаний, которые позволили бы ему в конце концов прикоснуться к истинам христианства".[298]

Или чуть ниже:

"Древние мировые религии были лишь тем молоком Природы, которое в положенный срок должно было уступить место хлебу жизни".[299]

А вот ещё одно широкое обобщение, сформулированное следующим образом:

"некоторая *истина* есть и в буддизме, как и в любой другой *ложной мировой религии* . . ." [300]

Кажется, сам воздух Кембриджа и Оксфорда решительно мешает признать древность индийской истории и высокие достоинства философий, рождавшихся на её почве! [301]

Странички эзотерической истории

Вышесказанное — длинное, но необходимое отступление от главной темы

— должно показать читателю, что азиатский учёный совершенно прав, когда в большинстве случаев скрывает свои знания. Кроме того, оно должно показать, что "историческая путаница" вроде той, о которой нам задан вопрос, может зависеть не от одних только исторических фактов. Она может в значительной степени порождаться и, казалось бы, испытанными временем и общепринятыми гипотезами, которые нередко вырастают в непререкаемые исторические аксиомы. Очевидным становится также и то, что ни одно слово, исходящее из наших уст, не может даже надеяться на то, чтобы быть услышанным, пока не получит подтверждения со стороны полуразвалившихся, но всё ещё господствующих излюбленных теорий как, с натяжкой говоря, исторического, так и религиозного свойства.

Радует, однако, то, что после всех глупейших нападков, которым до сего дня подвергались оккультные науки — нападков, в которых аргументы подменялись бранью, а спокойное исследование упрямым "не может быть" — как оказалось, есть ещё на Западе люди, готовые, как и подобает подлинным философам, чутко и беспристрастно относиться к требованиям наших древнейших учений на уважение к себе, поскольку содержат в себе истину, а потому и заслуживают того же достойного к себе отношения, какого требует для себя и наука. И только такие люди, как они, движимые одним лишь горячим желанием найти истину, а не изрекать предвзятые суждения, вправе ожидать от нас откровенности. И, возвращаясь к главному предмету нашего разговора, мы, насколько позволено, сообщим этому меньшинству некоторые из малоизвестных фактов.

В своих хрониках оккультисты не делают никакого различия между "атлантическими" предками ни древних греков, ни римлян. Их хроники — в чём-то совпадающие с официально признанной историографией, а в чём-то и расходящиеся с ней — рассказывают о следующем. Существовал некогда такой древний народ, латины, — в классических легендах они выведены под именем италики. Одним словом, народ этот, перевалив через Апеннины (подобно их индоарийским братьям, которые — да будет известно — *много раньше них* перешли Гиндукуш), вступил на землю полуострова с севера. События эти, однако, состоялись так давно, так задолго до времени жизни Ромула, что от этого народа на тот момент сохранились *лишь одно его название и только что сформировавшийся язык*.

Если верить профанной историографии, то, оказавшись в богатых колониях *Magna Grecia*,^[302] латины "мифологической эпохи" столь сильно эллинизировались, что в конце концов в них не осталось ничего исконно латинского. Подлинными же предками римлян, продолжает она, явились собственно латины — то есть те доримские италийцы, которые, обосновавшись в Лации, изначально держались в стороне от влияния со стороны греков.

Возражая экзотерической историографии, оккультные хроники утверждают, что — в силу обстоятельств, которые долго и трудно здесь объяснять, — лацийские поселенцы сохраняли свою исконную национальную идентичность чуть дольше, чем те их братья, которые, двинувшись с Востока (*не являвшегося их подлинной родиной*), вместе с ними первыми вступили на землю полуострова, но очень быстро эту идентичность всё-таки утратили, но уже по другим причинам. Самниты поначалу их не тревожили, однако от набегов других захватчиков они уберечься не могли.

Если западный историк обычно занимается тем, что сваливает в одну кучу искажённые и неполные хроники различных народов и племён, а затем складывает из них хитрую мозаику, руководствуясь наилучшим из всех возможных и наиболее правдоподобным планом и при этом отсеивая целиком все сомнительные традиции,

то оккультист не удостоивает ни малейшим вниманием тщеславные высказывания и самовосхваления всех этих пресловутых завоевателей, а равно и все их высеченные на камнях надписи. Не желает он и рабски следовать тем случайным крохам так называемых исторических данных, которые зачастую бывают состряпаны преследующими собственными целями узкими группами и обнаруживаются то там, то сям в разрозненных произведениях классических писателей, у которых оригиналы и те не всегда встретишь в неиспорченном виде.

Оккультист гораздо легче ориентируется в линиях этнического родства и во всех их извилах, наблюдаемых у различных национальностей, рас и субрас. Он наблюдает всю картину столь же отчётливо, как и человек, рассматривающий географическую карту. Глядя на неё, такой человек ясно видит разноцветные очертания и границы всех стран и их владений, понимает, какова их поверхность, и замечает, какими морями они окружены, какие имеются там горы и какие реки в них протекают. Точно так же и оккультист, руководствуясь ясно различимыми (для него) и отчётливо видимыми *оттенками и переливами цвета в ауре внутреннего человека* может из всего многообразия семейств человечества, его отдельных групп и даже малых подгрупп безошибочно выбрать именно ту, к которой относится тот или иной народ, племя или человек.

Большинству людей, не имеющих ни малейшего представления о том, как широко способна варьировать нервная аура разных народов, наши слова могут показаться неясными и неправдоподобными, и им будет трудно поверить в какую-то теорию "внутреннего человека", научность которой признают лишь немногие. Всё, таким образом, упирается в вопрос: можно ли принимать за реальность существование того внутреннего человека, который был впервые обнаружен с помощью ясновидения, а реальность нервных эманаций которого ("одил") подтвердил фон Райхенбах.[303] Если же признать это за реальный факт и постараться интуитивно понять, что, раз *внутренний* тип стоит ближе к единой невидимой Реальности, раз он с нею связан много теснее, то, значит, он должен быть и более ярко выражен, чем тип внешний, физический, и тогда не составит никакого труда понять, что мы здесь имеем в виду.

Действительно, если, даже самый обычный наблюдатель, не говоря уже об опытном этнологе, может, пользуясь своим физическим зрением, как правило, точно определить национальную принадлежность отдельно взятого человека по его чисто физическим признакам и особенностям: англичанина обычно с первого взгляда можно отличить от француза, а немца от итальянца (и что уж тем более говорить о таких типичных различиях, которые существуют между корневыми семействами человечества[304] с антропологической точки зрения), то отсюда нетрудно понять, что точно такое же различие — только гораздо более ярко выраженное — типов и признаков должно существовать и между теми *внутренними* расами, которые обитают в своих "телесных обителях".

Помимо же этих легко заметных психологических и *астральных* различий, существуют ведь и хорошо документированные хроники, которые представляют собой непрерывную цепочку источников: они содержат в себе хронологические таблицы и повествуют об истории постепенного ответвления рас и субрас от своих трёх *геологических Проторас*, — это плоды труда посвящённых, которые, начиная с архаичных, а затем и древних эпох, по сей день собирают важные данные: позднее эти сведения были включены в нашу "Книгу чисел" и в другие тома.

Вот эти-то двоякого рода свидетельства (а западные учёные вольны их целиком отвергать, коли так душе их угодно) и позволяют сделать вывод о том, что благодаря

сильнейшему смешению с такими различными субрасами, как япиги, этруски, пеласги — а позднее к крови первоначальных лацыйских италиков добавилась ещё и примесь эллинского и кельто-галльского элемента, — у тех племён, что собрал вокруг себя Ромул на берегах Тибра, оставалось собственно латинского элемента немногим более, чем он сегодня присутствует у романского народа Валахии.

Если целиком отбросить историческую канву мифа о весталке Сильвии и двух её сыновьях-близнецах, а равно и легенды об основании Альба Лонги[305] сыном Энея, то, само собой разумеется, все наши утверждения должны будут выглядеть лишь современной переделкой тех совершеннейших небылиц, что пришли к нам из "эпохи легенд и мифов". Однако "небылицы" эти, по мнению пишущих эти строки, содержат в себе поболее фактической правды, чем её можно найти в пресловутых *исторических* источниках, относящихся к царскому периоду раннего Рима. Можно лишь сожалеть о том, что наши утверждения противоречат ряду авторитетных выводов, к которым приходят Моммзен[306] и другие историки. Тем не менее, "Адепты" излагают лишь то, что считают несомненным *фактом*, а значит, необходимо сразу же понять: всё (кроме вымышленной даты основания Рима: апрель 753 г. "до Р.Х."), что говорят древние традиции о померии[307] и о тройственном союзе Рамнов, Люцеров и Тициев,[308] известном по так называемым легендам о Ромуле, на самом деле стоит гораздо ближе к истине, чем то, что экзотерическая история принимает за *факты*, рассказывая о Пунических и Македонских войнах, потрясавших Римскую империю на всём протяжении её истории.

Основатели Рима представляли собой довольно *неструю смесь*. В их жилах уже в основном текла кровь разнообразных остатков более ранних племён, а из собственно латинских фамилий — потомков той отчётливо выраженной субрасы, что пришла вместе с умбро-сабеллами с Востока, — оставались лишь сущие единицы. Хотя этим последним и удавалось сохранять свой характерный цвет вплоть до Средневековья (благодаря сабинскому элементу, носители которого, проживая в горных регионах, сохранили свою кровь в первозданной чистоте), в жилах у собственно римлян с самого начала *текла эллинская кровь*.

Рассказы о знаменитом Латинском союзе — не вымысел, а чистая история. И династия царей, восходящих к троянскому Энею — достоверный факт, а потому считать Ромула просто символической фигурой, олицетворяющей собой отдельный народ, вроде Эола, Дора и Иона, а не видеть в нём живого человека, столь же безосновательно, сколь и неверно. Этой позиции могли бы, пожалуй, придерживаться лишь те историографы, что берут на себя грех, поддерживая *догмат* о Симе, Хаме и Иафете как о реальных, живых, исторических прародителях человечества, но склонны оправдывать себя тем, что бросают в жертвенный огонь любую исторически обоснованную, но *не* иудейскую, традицию, любую легенду и хронику, грозящие занять своё законное место на одном уровне с этими тремя привилегированными мореплывателями архаичных эпох — лишь бы только не пасть смиренно ниц к ногам "лживых мифов" и нянюшкиных сказок и предрассудков.

Таким образом, те вызвавшие возражения слова в книге "Эзотерический буддизм" (на сс. 56 и 62), которые якобы вызывают "историческую путаницу", были высказаны корреспондентом г-на Синнетта вовсе не для того, чтобы в очередной раз подтвердить западную версию, а именно потому, что он строго следует историческим *фактам*. Согласятся ли с ними в тех конкретных кругах, где критика, похоже, полагается целиком на одни лишь догадки (хотя и величаемые научными гипотезами), до этого авторам этих строк столь же мало дела, как и ваятелю фигуры

Сфинкса до тех недоброжелательных замечаний, какие может отпустить какой-нибудь случайный прохожий в адрес испещрённого временем лица этого возвышенного символа.

Реальный смысл выражений на тот счёт, что "греки и римляне представляли собой малые субрасы нашего собственного кавказского ствола" (с. 56)[309] и что они являлись "остатками атлантов (сегодняшние же относятся к пятой расе)" (с. 62),[310] — лежит на поверхности. Под древними греками, "остатками атлантов", подразумеваются *одноимённые* предки (как их и принято сегодня называть в Европе) золийцев, дорийцев и ионийцев. Под словами же о том, что древние греки и римляне — это нечто единое и между ними нет никакой разницы, следует понимать то обстоятельство, что первоначальные латины были целиком поглощены "Великой Грецией", Magna Græcia. А выражение "сегодняшние же относятся к пятой расе" — иначе говоря, что из жил обеих этих веточек была выдавлена последняя капля крови атлантов — обозначает, что у них уже не осталось ни одной капли крови *монголоидной* четвёртой расы.

В отличие от западных учёных оккультисты проводят различие между промежуточными расами, то есть расами переходными от одной корневой расы к следующей. "Древние римляне" были всё теми же эллинами, лишь скрывавшимися под новым этническим обликом, тогда как подлинными, кровными предками будущих римлян были ещё более древние греки. Прямое отношение к этому имеет и следующее обстоятельство, на котором в книге делается особое ударение — а это одно из того множества обстоятельств, которые имеют важнейшее значение для понимания истории той "мифической эпохи", к которой принадлежит Атлантида. Речь идёт об одной небылице, которую можно также считать повинной в возникшей исторической путанице. Однако она крайне успешно обрушивает все прежние этнологические и генеалогические системы классификации.

А вот теперь мы можем обратиться и к Посейдонису. Это было всё, что ещё оставалось от Атлантиды 12 тысяч лет тому назад. Но перед этим хотим попросить читателя обратить особое внимание на то обстоятельство, что, как и современная Европа, Атлантида включала в себя множество народов, говоривших на самых разных наречиях (восходивших к трём корневым протоязыкам 1-й, 2-й и 3-й рас).

Так же, как главным элементом в языках Пятой расы является арийский санскрит, на котором говорили представители "бело-коричневого" *геологического* ствола (или расы), так и в Атлантиде доминирующим был язык, дошедший до наших времён лишь в виде наречий, на которых теперь говорят отдельные племена американских краснокожих индейцев, а также сохранившихся в говоре континентальных китайцев, сегодня проживающих в виде отдельных племён в горных районах провинции Цзянси: это, как могли бы сказать современные филологи, агглютинативно-моносиллабический язык. Одним словом, то был язык второго, "красно-жёлтого" (или среднего) геологического ствола [мы настаиваем на термине "геологический" — Ред. *Теос.*].

Разумеется, среди ариев 5-й расы присутствовала и значительная доля представителей 4-й, *монголоидной*, корневой расы. Однако их присутствие отнюдь не мешало 5-й расе сохранять в себе беспримесный, чистейший арийский элемент.

На разбросанных по разные стороны от Посейдониса островах тогда уже никто не жил: население оттуда ушло, спасаясь от землетрясений, происходивших там задолго до окончательной катастрофы, которая, благодаря письменным хроникам, одна

только и осталась в человеческой памяти. Согласно дошедшей до нас традиции, одно из небольших племён (*эолийцы*), некогда обитавшее в странах крайнего Севера, покинуло обжитые места и поселилось было на этих островах, но теперь, опасаясь наводнения, вынуждено было вновь покинуть эти ставшие для них родными места.

Вопреки мнению востоковедов и предположению г-на Ф. Ленормана (который придумал даже название для народа, слабые следы которого он разглядел сквозь густой туман далёкого прошлого, и считает его предшественником вавилонян), мы утверждаем: тот арийский народ, что пришёл из Центральной Азии, колыбели 5-й расы человечества, принадлежит к "аккадским племенам". Правда, заявляя это, мы опасаемся, что положим начало ещё одной историко-этнологической путанице. И, тем не менее, мы со всей уверенностью утверждаем, что называть этих "аккадцев" "туранцами"[311] — такой же вздор, как и считать нынешних британцев потомками тех мифических десяти колен Израилевых, что столь явственно представлены в Библии, но напрочь отсутствуют в историографии.

И вот теперь, наблюдая эти замечательные *pacta conventa*[312] между точной (?) и древней оккультной науками, мы можем перейти и к нашей *небылице*.

Необходимо сказать, что эти древние эолийцы фактически принадлежали к 5-й расе и изначально восходили к арийскому, центральноазиатскому, стволу, но при всём при этом они были атлантами: не только в силу их длительного проживания — в течение нескольких тысячелетий — на ныне уже затонувшем континенте, но ещё и вследствие кровного смешения, заключения смешанных браков [с окружающим их в Атлантиде населением]. В этом смысле г-н Гексли, возможно, не так уж и неправ, считая своих меланохроидов (а в своей классификации он включал греков именно в эту категорию) уже "продуктом смешения ксантохроидов[313] с австралоидами", к которым он относил также и представителей южноиндийских *низших* классов и отчасти египтян. Но, как бы то ни было, атланты-эолийцы в целом оставались всё же ариями — в той же мере, в какой баски ("инородцы" (*allophylians*[314]), по определению д-ра Причарда) считаются сегодня южными европейцами, хотя изначально и восходят к южноиндийскому дравидскому стволу [предполагается, что баски поселились в Европе только после первого переселения ариев — Ред. *Теос*.].

Итак, напуганное частыми землетрясениями и явными признаками надвигающейся беды, племя это, как сказывают, погрузилось на свою морскую флотилию и отправилось в путь из мест, расположенных за Геркулесовыми Столбами. Плыли они вдоль побережья и через несколько лет плавания высадились на берега Эгейского моря в Пирре (ныне Фессалии), которую и называли Эолией. Оттуда они и проследовали на гору Олимп на совет с богами.

Здесь, во избежание новой "географической путаницы", следует заметить, что в те мифические времена и Греция, и Крит, и Сицилия, и Сардиния, как и множество других средиземноморских островов, были не чем иным, как заморскими владениями, колониями Атлантиды. А дальше "небылица" повествует о том, как на всём протяжении своего пути вдоль побережья [нынешних] Испании, Франции и Италии эолийцы делали в тамошних местах частые остановки, и память об их "волшебствах" ещё жива среди потомков древних массалийцев,[315] племён, населявших Новый Карфаген,[316] и жителей портов Этрурии и Сиракуз.

Заметим в очередной раз, что даже теперь было бы не так, вероятно, и плохо, если бы археологи, с разрешения антропологических обществ, проследили корни этих различных "автохтонов", опираясь на их фольклор и легенды, ведь те могут

оказаться на этот раз более разговорчивыми и надёжными, чем их же "не поддающиеся расшифровке" памятники.

Самые смутные очертания именно этих "автохтонов" история успела запечатлеть лишь такими, какими они стали только тысячелетия спустя после того, как осели в древней Греции, то есть уже в те времена, когда эпирейцы[317] перевалили через Пинд, дабы прогнать чёрных магов с своей земли в Беотию. Однако историки никогда не прислушивались к тем народным легендам, которые повествуют об ушедших "окаанных колдунах", оставивших в наследство немало секретов своего дьявольского ремесла, память о которых, пережив века, всё-таки стала достоянием истории — или, если угодно, классической греко-римской *мифологии*. Народное предание ещё и сегодня рассказывает о том, как столь славившиеся своими магами прапращуры фессалоникийцев некогда явились из краёв, лежащих далеко за Геркулесовыми Столбами, прося великого Зевса о помощи и укрытии, а также моля отца богов спасти их от потопа. "Отец", однако, изгнал их с Олимпа, позволив их племени поселиться лишь у подножия этой горы, в долинах и по берегам Эгейского моря.

Таково старейшее предание о древних фессалоникийцах. Но вот вопрос: а на каком языке говорили атланты-эолийцы? История не знает ответа. Тем не менее, мы просто напомним читателю о некоторых общеизвестных и кое-каких пока неизвестных ему фактах, и, возможно, интуиция поможет ему прояснить всю картину.

Как сегодня доказано, в древности господствовало всеобщее представление о том, что человек был *рождён землёю*. Таково и существующее сегодня профанированное толкование термина "автохтон". Почти каждое вульгаризованное народное предание — начиная с санскритских традиций об *арье*, "рождённом землёю" (или в каком-то смысле "властелине почвы"), или с древнейших греческих мифов об Эрехтее,[318] которому поклонялись с первых дней существования Акрополя и которого, по словам Гомера, "матерь земля родила"[319] (Ил. II, 548), и кончая преданием о вылепленном из "красной земли" Адаме[320] — каждый рассказ о начале бытия включает в себе глубокий оккультный смысл и косвенное указание на происхождение человека и последующих рас. Таким образом, *мифы* об ЭлLINE,[321] сыне *красной* Пирры[322] (а в древнейшие времена так называлась вся Фессалия[323]), и славном прародителе германцев Манне, который был сыном Туистона,[324] "краснокожего сына земли", не только имеют самое прямое отношение к нашему преданию об Атлантиде, но и несколько проясняет то деление человечества на *геологические* группы, какое принято у оккультистов. Но только она, эта классификация, и способна объяснить нашим западным "учителям" причину столь странного, если не сказать нелепого, совпадения, когда *семитский* Адам, персонаж божественного откровения, вдруг связывается с *красной землёй* и оказывается в одной компании с *арьей*, Пиррой, Туистоном и проч. — мифическими героями "глупых" побасёнок.

Более того, эта восточно-оккультная классификация, в которой люди 5-й расы описываются как "бело-коричневые", а представители 4-й расы — как "красно-жёлтые" корневые расы, едва ли покажется фантастичной тем, кто понимает смысл стиха и его оккультную основу из вед — III, 34.9,[325] а равно и смысл другого стиха, в котором *дасью* именуется "жёлтыми". *Hatvi Dasyún prá áryam varanam ávat* — вот что говорится об Индре, который, убив *дасью*, защитил *цвет арьев*. И, опять-таки, Индра "открыл свет для *арьев*, тогда как *дасью* остались по левую руку" (ii. 11, 18).[326]

Изучающему оккультизм следует помнить и о том, что Девкалион, этот греческий Ной, супруг Пирры, был прославленным сыном того самого Прометея, который похитил небесный *огонь* (иначе говоря, сокровенную Мудрость "правой руки", т.е. оккультные знания); что Прометей приходится братом Атланту; что он, кроме того, является сыном Асии и титана Иапета (с образа которого иудеи и *списали* своего Иафета, дабы под этим образом скрыть каббалистический, халдейский смысл своего собственного предания); и что, наконец, он является также прототипом Девкалиона. Именно Прометей[327] сотворил человека из земли и воды,[328] а после того, как похитил *огонь* с Олимпа — *горы, находящейся в Греции, — был прикован к горе, расположенной далеко на Кавказе*. Расстояние между Олимпом и Казбеком немалое. Если — утверждают оккультисты — 4-я раса возникла и укрепилась на Атлантическом континенте, то мы, пятая раса — в каком-то смысле "антиподы" — возникли и сформировались в Азии. [Древнегреческий географ Страбон, например, именует Арианой, то есть землёй ариев, всю огромную территорию, раскинувшуюся между Индийским океаном на юге, Гиндукушем и Паропамисом на севере, рекой Инд на востоке и Каспийскими воротами, Карманией[329] и устьем Персидского залива на западе. — Ред. *Теос*.][330]

Миф о Прометее связан с вымиранием цивилизованных народов 4-й расы, которую Зевс, вознамерившись сотворить *новую расу* людей, хотел было уничтожить всю целиком, но Прометей (обладавший священным огнём знания) спас некоторую её часть в качестве "семени для будущего". Но дело всё в том, что миф этот возник много раньше реального разрушения Посейдониса: более чем за семьдесят тысяч лет до фактического события — как бы невероятно это кому-то ни показалось. В "Вишну-пуране"[331] рассказывается о семи континентах, составлявших некогда мир, — в их числе находится и Атлантида, но, разумеется, там она представлена совсем под другим именем. Есть два санскритских слова "Ила" и "Ира", которые являются синонимами (см. *Амаракоша*[332]) и оба несут в себе один и тот же смысл: "земля" или "родная земля", и в состав *Илы*, составлявшей центральную точку Индии (*Джамбудвипы*), входит "Илаврита"[333]. Сама же Индия, окружённая семью огромными континентами, расположена посередине — такова была картина мира до погружения в воды океана великого континента Атлантида, тогда как Посейдонис представлял собой лишь незначительную её часть. Всё это понятно любому брамину. Но в помощь европейцам мы хотели бы теперь представить ещё несколько пояснений.

Если "член английского Т.О." обратится к столь порицаемой всеми "Разоблачённой Исиде" и откроет её том I на с. 589,[334] то найдёт там пересказ ещё одной древней восточной легенды. В ней говорится о некоем острове (расположенном там, где сегодня раскинулась пустыня Гоби), на котором проживали последние остатки той расы, что предшествовала нашей: то была горстка "Адептов" — "Сынов Божьих", которые сегодня известны под названием *брахманы-питри*, а также под ещё одним именем, передающим тот же смысл, но которое упоминается уже в книгах халдейской каббалы. Тем, кто незнаком с оккультными науками, "Разоблачённая Исида" может показаться книгой довольно путаной и противоречивой. В глазах же оккультиста она точна, и, да, несколько огрехов действительно были намеренно оставлены в ней (поскольку это была самая первая робкая попытка осветить знания Запада слабым лучом восточного эзотеризма), но при всём при этом она содержит в себе множество таких данных, которые никогда не сообщались до неё.

Стоит лишь прочитать эти страницы, и всё прояснится. Упомянутые Ману "шесть таких рас"[335] относятся к субрасам *четвёртой* расы (с. 590). Кроме того, читатель

должен обратиться к статье "Принцип семеричности в эзотеризме" и внимательно познакомиться с перечнем имён "ману", относящихся к нашему *четвёртому* Кругу, и тогда, возможно, забрезжит какой-то свет, соединяющий сказанное с "Исидой". На её сс. 590-596 он найдёт слова об упоминании Атлантиды в сокровенных книгах Востока (а это огромная, ещё не тронутая жадной западной рукой целина), но только она упомянута там под другим названием, принадлежащим к сокровенному *иератическому* (жреческому) языку. И тогда ему станет понятно, что под Атлантидой понимался не просто один какой-то остров, а целый материк, отдельные острова и островки которого дожили и до наших дней.

Глубочайшие предки ныне ютящихся в жалких хижинах рыбаков в местечке Акла[336] (когда-то "*Атлан*") близ залива Ураба[337] когда-то свободно общались как с древними греками и римлянами, так и с теми "исконными континентальными китайцами", о которых говорится на с. 57 "Эзотерического буддизма".

Америку считали частью Индии, и впервые её название было указано лишь на географической карте, опубликованной в Базеле в 1522 году, и как ни покажется странным тому, кто не замечает таинственной работы человеческого ума и бессознательных проблесков в нём тайных истин, даже коренные жители нового континента, краснокожие племена — те самые "монголоиды" по классификации г-на Гексли — именовались *Indians*. [338] Сегодня это кажется случайным совпадением, однако широкий же смысл оказался у этого слова!

Совпадение действительно поразительное, — может подумать человек, не знающий (а наука пока отказывается давать своё благословение этой безумной гипотезе) о том, что было время, когда Индийский полуостров с одного конца и Южная Америка с другого соединялись друг с другом целой грядой островов и континентов. В доисторические эпохи Индия включала в себя истоки Окса и Яксарта.[339] а уже в исторические времена, на человеческой памяти, существовали верхняя, нижняя и западная Индии. А ещё ранее она двойной нитью была связана сразу с обеими Америками.

От Кашмира вплоть до глубинных районов (нынешней) пустыни Шамо[340] простирались земли, где жили далёкие предки "брахманов Верхней Индии" (по выражению Аммиана Марцеллина).[341] Житель севера (Индии — *перев.*) в те дни мог бы пешком пересечь всю Манчжурию, пройти через *будущий* Татарский пролив и — даже не замочив себе ноги — по Курильским и Алеутским островам добраться до Аляски. А другой человек, имея в своём распоряжении одну лишь лодку, мог бы, отправившись с юга, пешком пройти по всему Сиаму, доплыть до Полинезийских островов, а там уже добраться до любой точки южноамериканского материка.

На сс. 592-593 первого тома "Исиды" наряду с "Сыновьями Божьими", брахманами-питри упоминаются также злобные и злокозненные боги, тевататы, сохранившиеся и в этрусском пантеоне. Все эти боги — *Involute* (сокровенные, потаённые боги), а также *Consentes*, *Complices*, и *Novensiles*, [342] — не что иное, как остатки религии атлантов, лишь представленные в ином облике. А между тем сами этрусские формулировки "Дисциплины", [343] которую людям открыл Таг, откровенно и неприкрыто исходят от царя атлантов Теветата, "незримого" дракона, имя которого до сих пор хорошо известно в Сиаме и Бирме, как оно сохранилось и в джатаках, аллегорических рассказах буддистов, где он выведен в образе противоборствующей силы под именем *Дэвадатта*. Кроме того, этот Таг [344] был сыном Теветата, прежде чем стать внуком Юпитера-Тина. [345]

Пробовали ли когда-нибудь западные востоковеды обнаружить связь между всеми этими драконами и змеями, между "силами Зла", представленными в эпических циклах что у персов, что у индийцев, что у греков, что у евреев? Пытались ли они когда-нибудь понять, что такое битва Индры с великаном, что связывает между собой арийских нагов и персидского Ажи-Дахака, гватемальского дракона и змея из Книги Бытия — и проч., и проч.?

Профессор Макс Мюллер отрицает наличие такой связи. Что ж, пусть будет так. Однако в священной книге гватемальцев, "Пополь-Вух", рассказывается о четвёртой расе человечества — о "людях", обладавших ничем не ограниченным зрением и умевших всё тайное и всё явное познавать мгновенно. А вавилонский Кисутр, как и значительно более поздний еврейский Ной, индуистский Вайвасвата и греческий Девкалион — это всё тот же самый великий Отец тлинкитов,[346] о котором повествует "Пополь-Вух": как и остальным аллегорическим (но отнюдь не мифическим) патриархам, ему также в своё время пришлось погрузиться на огромную лодку и спастись от последнего Великого потопа — погружения в воды океана Атлантиды.

Для того чтобы Вайвасвата мог считаться индоарием, ему отнюдь не обязательно было встречаться со своим спасителем (Вишну, принявшим облик рыбы) именно в пределах нынешней Индии и, вообще, в какой-либо части азиатского континента. Для этого не нужно даже признавать его седьмым по счёту ману (см. каталог ману в вышеупомянутой статье "Принцип семеричности в эзотеризме"). Достаточно лишь сказать, что *индуистский* Ной принадлежал к роду Вайвасвата и олицетворяет собою *пятую* расу.

Итак, последний остров Атлантиды погиб около 11 тысяч лет тому назад. Пятая же раса, возглавляемая ариями, начала свою эволюцию даже не 900 тысяч, а скорее миллион лет тому назад — так, опираясь на твёрдое знание, утверждают "Адепты". Но даже наилберальнейшие из всех либеральных историков и антропологов ни за что не согласятся выделить для эволюции всего нашего человечества более 20-100 тысяч лет. Вот мы и поставим перед ними вполне законный вопрос: так в какой же точке из предполагаемого ими *лака*[347] лет они способны зафиксировать зарождение потомственной линии предков у собственно "древних греков и римлян"? Кто они были такие? Что известно, хотя бы по "догадкам", о территории их расселения после того, как состоялось разделение арийских народов? Где обитали предки семитов и туранцев? В опровержение чужого утверждения мало просто заявить, что вторые жили отдельно от первых, и на этом поставить точку — так лишь возникает ещё одно белое пятно в этнологической истории человечества.

Азию порой называют колыбелью человечества, и действительно, *как установлено*, Центральная Азия стала колыбелью одновременно и для семитов, и для туранцев (ибо так утверждается в "Книге Бытия"). Да, действительно, по версии ассириологов, туранцы явились *предшественниками* вавилонских семитов. Но где, в какой части света эти семито-туранцы оторвались от общего родительского ствола и что с этим стволом случилось впоследствии? Нельзя же считать им это малочисленное еврейское племя патриархов! И, пока не будет доказано, что сад Эдема также располагался на берегах Окса или Евфрата, отгороженных от остальных занятых каиновым потомством земель, мы вправе считать, что филологи, тщющиеся заполнить пробелы во всемирной истории своими предвзятыми догадками, столь же не берут в расчёт эту деталь, как не учитывают её и многие другие, которых они берутся просвещать.

Если исходить из логики, то предки всех этих ныне разнообразных групп должны

были в те далёкие времена проживать сообща, а значит, эти самые корни общего родительского ствола должны были бы просматриваться в их ныне усовершенствованных языках с той же ясностью, с какой эти корни просматриваются в индоевропейских языках. В общем, куда ни глянь, всюду натыкаешься на одно лишь беспокойное море догадок. Берега его — сплошь предательские зыбучие пески гипотез, а горизонт со всех сторон усеян лишь воображаемыми руинами-вехами, на которых отмечены высосанные из пальца даты. Вот потому-то "Адепты" и спрашивают: отчего же, под властью каких таких чар необходимо принимать за наивысший критерий то, что в Европе почитается за самую авторитетную науку? О ней — за исключением, пожалуй, лишь чистой математики и физики — азиат-учёный может сказать лишь одно: она немногим лучше тайного союза, в котором одни его члены должны поддерживать или восхищаться другими. Он склоняется в нижайшем почтительном поклоне перед Королевскими обществами физиков, химиков и в какой-то мере даже естествоиспытателей. Но он отказывается удостаивать и малейшим вниманием чисто спекулятивные и построенные на одних лишь догадках, с позволения сказать, науки вроде современных физиологии, этнологии, филологии и проч. — весь этот хор самозванных Эдипов, которым не дано разгадать загадки Сфинкса Природы и которые в отместку просто душат его.

С учётом того, что было сказано выше, и, бросая некоторый пророческий взгляд в будущее, обвиняемая в рассматриваемом нами деле сторона[348] полагает, что было бы явно недостаточно в очередной раз просто утвердительно констатировать: да, эта "историческая путаница" вызвана именно неисторическими утверждениями. Она прекрасно понимает, что шансов быть услышанной у неё очень немного и рассчитывать она может лишь на доверие единиц, а когда большинство относится к ней с откровенной враждебностью, то никакие слова "мы утверждаем" ей не помогут, пока западные профессора утверждают обратное. Со стороны, так сказать, "недипломированных" проповедников и исследователей наук, никем не признанных и неавторитетных, было бы беспримерной дерзостью выказывать готовность вступить в битву с царственным сонмом всемирно признанных оракулов. А стало быть, их взаимные притязания можно было бы прежде всего рассматривать как нечто совершенно ничтожное (как в данном, так и во всех прочих случаях) — пусть так, но если бы здесь не присутствовал психологический фактор. Столкнувшись с адептами голословных наук (А.Г.Н.), адептам оккультных искусств лучше было бы вообще помалкивать, а то ненароком они могут продемонстрировать, хотя бы и отчасти, всю ненадёжность первых, доказав, что *dicta*[349] такого рода наук зачастую строятся на весьма зыбкой почве. А что если они заронят в сознание людей подозрение, будто "адепты оккультных искусств" и в самом деле могут оказаться не так уж и неправы?

Но и полное молчание, которое нам сегодня рекомендуют хранить, могло бы иметь самые роковые последствия. Во-первых, оно могло бы быть истолковано как наша неспособность достойно ответить, а во-вторых, породило бы новые сожаления в рядах немногочисленных наших сторонников и привело бы к дополнительным обвинениям нас в *эгоизме*. Вот почему "Адепты" и согласились хотя бы отчасти прояснить некоторые самые кричащие случаи путаницы и указать тот ясный путь, который поможет избежать их в дальнейшем, для чего необходимо изучать пусть и "неисторические", но отражающие истинное положение дел источники, а вовсе не "исторические", но, по сути своей, мифологические фрагменты всемирной истории. И задачу эту им удалось, как они полагают, решить, ответив, по крайней мере, на некоторые заданные вопросы и показав, а вернее, напомним о том, что, коль скоро ни один исторический факт как таковой не противоречит "предположениям" "Адептов",

то в их утверждениях не может быть ни малейшего места для какой бы то ни было *исторической* путаницы, тогда как историки, по их же собственным признаниям, не могут сказать ничего определённого об исторических корнях предшественников римлян и греков, скрывающихся за призрачными тенями этрусков и пеласгов.

От тех своих критиков, которые не состоят в [Теософском] Обществе, авторы этих строк и не требуют, и не ждут милосердия. "Адептам" незачем вымаливать крохи снисхождения из рук представителей голословной науки, но и от членов "Лондонской ложи" — ни от одного из них — они не требуют слепой веры к тому, о чём они говорят, ибо главной максимой им служат слова: сначала исследование, а потом — вера. "Адепты" были бы более чем рады, если бы им позволили и дальше пребывать в молчании, храня всё, что, возможно, они знают, при себе — до тех пор, пока их не попросит поделиться своими знаниями какой-то достойный искатель истины. Так поступали они веками и вполне могли бы помолчать ещё немного. Больше того, им вовсе не хочется сегодня ни "притягивать внимание" к собственным персонам, ни "вызывать к себе уважение". А посему они и оставляют за своим читателем право сперва самостоятельно проверить каждое их заявление в лучах яркого, но столь неровного света современной науки, а потом уж решать по собственной воле, принимать или не принимать представленные ему факты. Одним словом, "Адептам" — настоящим "Адептам" — и дела не может быть до того, как отнесутся к их словам. Они рассказывают лишь о том, что позволяет им закон, и дело имеют с одними лишь *фактами*.

Ну, а теперь нашего внимания требуют филологические и археологические "путаницы".

Вопрос VII[350]

Филологические и археологические "путаницы"

Здесь два вопроса в одном. Выше мы уже показали причины, заставляющие исследователя-азиата отказаться следовать по стопам западной историографии. Теперь же остаётся лишь объяснить причины его столь же непоколебимого упрямства в отношении филологии и археологии. Выражая, с одной стороны, самое искреннее восхищение перед теми изошрёнными методами, которые позволяют современной науке раскрывать историческое прошлое народов, по большей части уже не существующих, а также проследивать возникновение и развитие их языков, которые, по большей части, сегодня уже мертвы, учёный-индус, с другой стороны, — пусть даже занимающийся в области профанной науки, но хорошо знакомый со своей национальной литературой, — едва ли может разделить то доверие, с которым западные филологи относятся к этим объединённым методам исследования, когда те применяются по отношению к его собственной стране и к санскритской литературе. Эту веру в западные методы особенно подрывают, по крайней мере, три следующих обстоятельства, не говоря о многих других:

1. Среди нескольких дюжин именитых востоковедов не найти и двух человек, которые согласились бы между собой даже по поводу *дословного* перевода того или иного санскритского текста. Тем более между нет никакого единодушия и в интерпретации возможного смысла *сомнительных* мест.
2. Из некоторых прочих отраслей науки, пожалуй, наименее подверженной пустым

домыслам является нумизматика — а если она привязана к точно установленным узловым датировкам, то её вполне можно назвать даже и точной (ведь она способна подсказывать безошибочно точные датировки — в нашем случае применительно к индийским древностям). Тем не менее, археологам так до сих пор и не удалось воспользоваться предоставляемыми ею возможностями. По их собственным признаниям, они едва ли вправе брать за ориентиры эры *самват* и *шаливахана*, поскольку-де изначальные точки обеих эр проверить невозможно, ибо те выходят далеко за пределы досягаемости для европейских востоковедов. Тем не менее, они по умолчанию продолжают брать всё те же самые даты — "57 год до Р.Х. и 78 год по Р.Х." соответственно — и приписывают археологическим памятникам самый вздорный возраст.

3. Два самых крупных авторитета в области индийской археологии и архитектуры — генерал Каннингем и г-н Фергюссон — приходят в своих изысканиях к диаметрально противоположным выводам. Казалось бы, задача археологии — представлять науке достоверные данные, а вовсе не изумлять и не ставить её в тупик. Пусть западные исследователи укажут нам хотя бы одну-единственную реликвию индийского прошлого — письменную хронику или памятник, на котором присутствуют или отсутствуют какие-либо надписи — возраст которой не представлял бы предмета для неутихающих споров. Не успеет один археолог установить какую-нибудь дату — ну, скажем, I век, — как тут же его собрат по профессии пытается передвинуть её поближе к X или даже XIV веку христианской эры. Если генерал Каннингем датирует возведение нынешнего храма в Будда Гая[351] I веком по Р.Х., то, по мнению г-на Фергюссона, *внешний облик* храма ясно указывает на его принадлежность к XIV веку — и несчастному стороннему наблюдателю только и остаётся, что развести руками, так ничего и не уразумев.

Указывая на отмеченное расхождение в "Отчёте об археологических изысканиях в Индии" ("Report on the Archæological Survey of India", vol. viii. p. 60), совестливый и толковый главный инженер Будда Гаи, г-н Дж.В. Беглар, отмечает, что "при всём нашем пиетете к его (Фергюссона) высокому авторитету, мнение его должно быть решительно отклонено", и тут же, не моргнув глазом, он относит здание, о котором идёт речь, к VI веку. Получается, один археолог называет догадки другого "неверными от начала и до конца", но тут же его собственная интерпретация буддийских реликвий, в свою очередь, отвергается третьим коллегой как "совершенно несостоятельная". И так происходит буквально с каждым памятником любой древности.

Вот когда эти "признанные" авторитеты придут к доброму согласию — хотя бы между собой, — тогда только и настанет время указать, насколько глубоко ошибаются они все вместе. А до тех пор — коль скоро догадки эти никоим образом не влияют на реальную историю — пусть всё остаётся, как есть, ибо у "Адептов" нет ни времени, ни желания, отложив свои более важные дела, заниматься борьбой с пустыми спекуляциями, а домыслов здесь ровно столько же, сколько и претендентов на звание авторитета. Пусть слепцы ведут за собой слепцов, коли не в силах воспринять свет.[352]

Обращаясь к этой новой "археологической путанице" — то есть к очевидному отсутствию синхронизма в датировке времени рождения нашего Господа[353], — мы опять-таки упираемся всё в тех же "древних греков и римлян", с которыми была связана "историческая" путаница. Хоть и младшие по возрасту в сравнении с нашими друзьями-атлантами, они, однако, и представляются более опасными, поскольку

открыто выступают на стороне филологов в нашем споре о буддийской истории.

Как уведомляет нас профессор Макс Мюллер — а по своей искренности он является, пожалуй, самым честным да и самым учёным из санскритологов (причём большинство даже его соперников, как ни удивительно, сходится с его мнением по данному конкретному вопросу) — "всё в индийской хронологии зависит от датировки периода жизни Чандрагупты", [354] известным грекам под именем "Сандракоттос".

"Ни одна из этих датировок [ни китайская, ни цейлонская] невозможна, поскольку не согласуется с греческой хронологией" ("Hist. of the Sans. Lit.," p. 275).

Следовательно, "из ряда вон выходящие" высказывания "Адептов" должны быть теперь внимательно проанализированы в ясном свете новоявленного "александрийского маяка" — тех редких случаев синхронизма, что изредка предоставляются греко-римскими классическими авторами.

Историческая жизнь буддизма, как полагают западные востоковеды, начинается лишь с Ашоки, а что там творилось до Чандрагупты, то разглядеть им не по силам — не помогают даже греческие очки. Стало быть,

"существовавшая до того времени буддийская хронология носила чисто *традиционный* характер и полна была всякого вздора". [355]

Хуже того, в *брахманах* нет ни одного упоминания о "боддах" (Buddhas) [356] — *ergo*, [357] их и не существовало до "Сандракоттоса", а значит, ни у буддистов, ни у брахманов нет и никакого права на собственную историографию, кроме той, что родилась в западных умах. "Историки" откровенно признаются в собственном бессилии заполнить тот гигантский пробел, что существует между периодом, когда произошёл предполагаемый массовый переход идоариев через Гиндукуш, и воцарением Ашоки — муза истории словно на время отвела свой взор в сторону, не замечая, как у неё за спиной проплывают разнообразие события одно за другим. Не имея у себя под ногами никакой твёрдой почвы, историки прибегают к противоречивым умозаключениям и спекуляциям.

Однако прапрадеды оккультистов Востока бережно сохранили скрижали музыки истории, а потому они — и даже некоторые учёные пандиты — полагают, что у них есть чем заполнить эти лакуны. Правда, к этим уверенным их словам [на Западе] не считают достойным для себя прислушаться. А что касается вышеупомянутой традиционной истории (*смрити*), которая для умеющего верно истолковать её иносказания полна безупречных *исторических* свидетельств, то она стала единодушно считаться не нитью Ариадны, помогающей историку не заплутать в извилистом лабиринте прошлого, а мешаниной небылиц, чудовищного вранья и "грубых фальшивок, относящихся к первым векам христианской эры". Сегодня открыто заявляют о её полной никчёмности: она, дескать, не годится ни для восстановления точной хронологии событий, ни для решения задач историографии в целом. Востоковеды примеряют на себя мантию пророков от филологии, имеющих право осуждать всё, что им угодно, исходя из собственных вздорных толкований (зачастую на основе чисто религиозных предубеждений). Их учёные капризы обходятся нам недёшево, поскольку они стремительно вытесняют — даже из сознания многих европеизированных индусов — целый ряд важнейших исторических фактов, сокрытых под экзотерической фразеологией пуран и другой

литературы, входящей в корпус *смрити*.

А посему для начала восточные посвящённые объявляют ничтожными и не заслуживающими ни малейшего внимания свидетельства всех тех востоковедов, кто, пользуясь самочинно присвоенными себе правами, пускает по ветру самые священные их реликвии. И прежде чем перейти к изложению *своих* фактов, они хотят, чтобы учёные санскритологи и археологи в Европе уяснили для себя следующее: что касается вопроса хронологии, то разноречия в сумме всего ряда их надуманных исторических событий доказывают ошибочность позиции этих учёных от первого до последнего слова. Как им должно быть известно, даже одна-единственная неверная цифра в арифметическом ряду способна свести на нет любые расчёты, а умножение даёт, как правило, нечто и вовсе неожиданное в конечном итоге.

Ярким примером этого может, пожалуй, служить вопрос, которого мы вскользь уже касались выше, а именно: датировка некоторых индуистских эр как точка отсчёта для их предположительной хронологии. При определении даты того или иного текста или памятника, востоковедам, разумеется, приходится — сознательно или бессознательно — отталкиваться от одной из дохристианских индийских эр. Но, тем не менее, — в одном, по крайней мере случае — они то и дело жалуются на то, что ничегошеньки не знают о реальной начальной точке важнейшей из этих эр. Точное время жизни, например, Викрамадитьи, [358] период царствования которого и определяет начало эры *самват*, и в самом деле им неизвестно. Если верить одним востоковедам, то расцвет правления Викрамадитьи приходится на 56 год "до Р.Х.", по другим данным — на 86; третьи же утверждают, что речь идёт о VI веке христианской эры, тогда как г-н Фергюссон, вообще, отказывается относить начало эры *самват* к периоду более раннему, чем "X век по Р.Х." Словом, как пишет д-р Вебер, [359] у востоковедов

"нет ни одного-единственного достоверного свидетельства, которое указывало бы на то, с чего начинается эра Викрамадитьи: с года его рождения, с даты какого-то выдающегося свершения, с года его смерти? А может быть, эта эра была введена им, вообще, по каким-то астрономическим соображениям?".

А дело всё в том, что в индийской истории существовало несколько Викрамадитьев или Викрам, [360] поскольку, как сегодня впервые узнают об этом востоковеды, это не личное имя человека, а почётный титул. А значит, любое умозаключение относительно хронологии, сделанное на столь шатких основаниях, и не может не оказаться недостоверным, тем более, когда — как в случае с эрой *самват* — исходная дата, по милости востоковедов, размазана по всей шкале времени, простирающейся между I и X веками.

Сказанное, казалось бы, ясно доказывает, что, датируя индийские памятники старины, как англо-индийские, так и европейские археологи зачастую впадают в самый нелепый анахронизм. А также, наконец, что до сих пор они всё ещё продолжают предлагать историографии *арифметический метод*, совершенно не представляя себе почти в каждом отдельном случае, от какой именно точки им следует отталкиваться! И, тем не менее, исследователям-азиатам предлагается перепроверить и подправить их же *собственные* датировки в неверном свете этих блуждающих болотных огоньков. Ну уж нет, господа.

"Член английского Т.О.", разумеется, не ожидает от нас того, чтобы в требующих

предельной точности вопросах мы стали когда-либо доверяться подобным западным "маякам"! Мы, с его позволения, лучше уж останемся при своих взглядах, ибо твёрдо знаем, что датировки наши построены не на голых догадках и не могут подвергаться пересмотру. Если даже такой человек, как генерал Каннингем, много лет посвятивший археологическим исследованиям, остаётся у своих коллег под подозрением, а выводы его открыто опровергаются, то назвать палеографию точной наукой уж точно язык не повернётся. Как профессор Вебер, так и другие востоковеды то и дело подвергают поношению этого неустанного исследователя старины за то, что тот безоговорочно принимает эту датировку эры *самват*. Но не отличаются мягкостью и другие востоковеды, которые — возможно, под воздействием своего былого в прошлом сочувствия к библейской хронологии — всё также предпочитают при датировке индийской истории поддаваться своим эмоциональным, но ненаучным оценкам.

Кое-кто пытается убедить нас в том, что нигде не видно, чтобы эра *самват* вообще "использовалась во времена, предшествующие христианской эре". Керн пытается доказать, будто индийские астрономы ввели эту эру "лишь после 1000 года *по Р.Х.*".[361] Профессор Вебер же, ссылаясь на генерала Каннингема, язвительно замечает:

"некоторые, однако, ничтоже сумняшеся, относят, где только возможно, любую надпись к эре *самват*, если только в ней самой говорится, что она сделана в эру *самват* или *самватсара*. Так, например, Каннингем (в своём "Arch. Survey of India," iii, 31, 39) прямо относит надпись, датированную 5-м годом *самват* к "52 году до *Р.Х.*"[362]

и заканчивает следующим плачем:

"Таким образом, сегодня, когда, к сожалению, у нас нет никакого иного ориентира (кроме этой неведомой эры), у нас нет и прямого ответа на вопрос: с какой эрой нам приходится иметь дело в каждой конкретной надписи и, следовательно, как эту надпись следует датировать".[363]

Признание красноречивое. Приятно обнаружить столь неподдельную искренность в голосе европейского востоковеда, как бы зловеще для индийской археологии его слова ни звучали. В вопросах периодизации своих эр посвящённые брахманы ориентируются превосходно, а потому они спокойны. Всё, что "Адептами" было сказано когда-то, сохраняет силу и сегодня, и ни новейшие открытия, ни в очередной раз пересмотренные догадки общепризнанных авторитетов никак не могут повлиять на принятые у "Адептов" датировки. Даже если западным археологам и нумизматам взбрёт в голову передвинуть время жизни Господа нашего и Благословенного Спасителя с VII века "до *Р.Х.*" на VII век "по *Р.Х.*", то у нас это вызовет лишь чувство восхищения перед столь замечательным даром играть датами и эрами, словно теннисными мячами.

Между тем, мы хотим прямо заявить всем искренним и бескорыстно ищущим истины теософам, что было бы бесполезно строить догадки относительно времени рождения нашего Господа Сангье,[364] *à priori*[365] отвергая брахманские, цейлонские, китайские и тибетские датировки. А разные отговорки вроде той, что эти датировки, дескать, расходятся с хронологией, составленной горсткой греков, побывавших в Индии 300 лет спустя после упомянутого события, слишком надуманны и безосновательны. Греция никогда напрямую не соприкасалась с буддизмом, и те немногочисленные датировки, которые указываются

древнегреческими классиками, почерпнуты ими из непроверенных данных их же собственных соотечественников — нескольких греков, живших за несколько веков до цитировавших их авторов. Но, помимо этого, и сама их хронология кишит ошибками, а исторические хроники, когда в них речь заходит о национальных триумфах, носят столь помпезный характер и столь резко расходятся с фактами, что способны вызывать доверие к себе лишь у таких предубеждённых персон, каковых мы обычно и встречаем в лице европейских востоковедов.

Попытки установить точные даты в индийской истории путём увязки её событий с мифическим "завоеванием" и одновременно признавать, что

"тщетно было бы искать в брахманской или буддийской литературе какие-либо намёки на поход Александра и . . . совершенно невозможно соотнести ни одно из поведанных спутниками Александра исторических событий с *исторической традицией* Индии", [366]

граничат с чем-то бóльшим, нежели простое проявление некомпетентности в этой области, и если бы эти слова не принадлежали профессору Максу Мюллеру, то мы могли бы сказать, что они звучат почти как преднамеренный обман.

Да, эти резкие слова способны шокировать немало европейских интеллектуалов, приученных взирать на так называемых "научных авторитетов", пожалуй, с тем же чувством, какое испытывает дикарь к своему родовому фетишу. Однако, как показывает целый ряд примеров, сказаны они вполне заслуженно. По отношению к интеллектуалу вроде профессора Вебера — которого мы числим главой германских востоковедов-"христофилов" — такое слово, как "тупость", определённо, не подойдёт. При виде того, как он обдуманно и *злонамеренно* извращает хронологию в угоду "греческому влиянию", христианским интересам и собственным предвзятым версиям, на язык просится другое, гораздо более крепкое словцо. Да и где найти эти самые резкие слова, чтобы выразить те чувства, которые невольно испытываешь, читая все эти случайные проговорки изворотливого ума — а у Вебера они встречаются то и дело (см. *The History of Indian Literature*) — когда, по его уверениям, *необходимо* признать, что такое-то и такое-то место "подправлено *позднейшей вставкой*", [367] или когда он втискивает очевидно древнейшие тексты в явно надуманные временные рамки —

"а иначе даты окажутся по времени или слишком близко к нам или слишком далеко!" [368]

Во всех своих действиях он руководствуется единственным лозунгом: *fiat hypothesis, ruat caelum!* [369]

С другой стороны, мы видим профессора Макса Мюллера, казалось бы, энтузиаста-"индофила", но и он тоже ухитряется втиснуть столетия в свой хронологический напёрсток, не мучась, похоже, ни малейшими угрызениями совести . . .

Таковы два наиболее наглядных примера, поскольку два этих востоковеда признаются главными светилами в области филологии и индийской палеографии. Под стать их мнению только и датируются сегодня наши национальные памятники, в угоду им подгоняется история наших предков. Всё это не может не иметь самых роковых последствий: по сегодняшним записям потомки едва ли сложат верное представление о собственной истории, поскольку подтасованные даты и перекроенные события будут восприниматься ими как истина в последней

инстанции, как результат самого беспристрастного, самого выдающегося критического анализа.

Если профессор Макс Мюллер признаёт один лишь греческий критерий для всей индийской хронологии, то профессор Вебер (см. указ соч.) обнаруживает греческое влияние — этакий универсальный растворитель — на всех этапах развития индийской религии, философии, литературы, астрономии, медицины, архитектуры и проч. Для подтверждения этой ошибочной точки зрения в ход у него идут любые средства: самая изощрённая софистика, самые вздорные умозаключения этимологического характера. Если сравнительной мифологией и было что-то в самом деле установлено, так это то, что все краеугольные религиозные идеи греков, как и большинство их богов, были заимствованы ими из религий, процветавших к северо-западу от Индии — там, где и находится подлинная колыбель основного эллинистического ствола. Но кто же станет прислушиваться к этому обстоятельству, ведь оно так грубо нарушает сладостную гармонию, царящую в головах у наших критиков. И хотя разумнее всего был бы вывод о равном же заимствовании греками астрономических терминов у родительского ствола, профессор Вебер силится убедить нас в том, что

"именно греческое влияние и вдохнуло подлинную жизнь в астрономию Индии"[370].

Одним словом, это убелённые сединами прапраотцы индусов позаимствовали свою астрономическую терминологию, познакомились с искусством наблюдения за звёздами и *даже* с зодиаком, благодаря младенцам-грекам! А из этого "тезиса" следует и другой: о древности того или иного текста отныне должно судить по тому, упоминаются там астеризмы[371] и зодиакальные знаки или нет, ибо наименования первых неприкрыто свидетельствуют-де об их греческом происхождении, а вторые, хоть и

"обозначены санскритскими именами, но всё это просто перевод с греческого"[372].

Так, поскольку "Законы Ману" ничего не знают о планетах",[373] то, значит, они древнее кодекса Яджнавалкьи,[374] который и "внедряет этот культ", и проч.

Однако санскритологи пошли ещё дальше и придумали критерий, с помощью которого можно с "безошибочной точностью" определить возраст текста, не обременяя себя всякими астеризмами и знаками зодиака: этим критерием стало любое случайное упоминание слова "явана", которое в любом случае понималось ими как "грек". Как нам объясняют, указанный критерий —

"единственно возможный наряду с *внутренней* хронологией, опирающейся на характер самих произведений и содержащихся в них цитат".[375]

А отсюда их вздорное заключение о том, что

"индийские астрономы то и дело говорят о яванах как о своих учителях". (р. 252).

Ergo, их учителями были греки, ведь для Вебера и прочих слова "явана" и "грек" являются синонимами.

Но дело-то всё в том, что слово "яваначарья" служило в Индии титулом для одного-единственного грека — Пифагора (так же как "Шанкарачарьей" величали

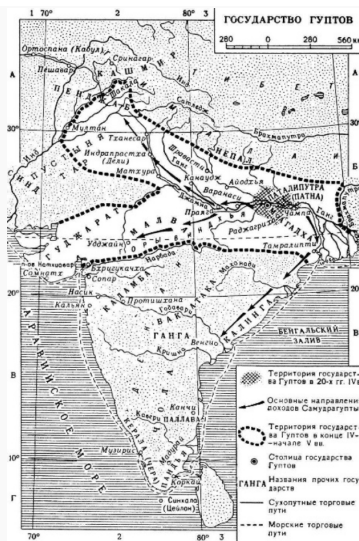
одного-единственного индийского философа). Древнеарийские же астрономы в своих книгах цитировали его утверждения, чтобы либо возразить ему, либо сопоставить его взгляды с положениями их собственной астрономической науки, которая была некогда унаследована от их далёких предков и достигла совершенства задолго до него. Да, его почтительно называли "ачарьей" ("учителем"), но точно так же называли и любого другого учёного астронома или мистика, и отсюда, разумеется, вовсе не следует, будто Пифагор или любой другой "Учитель"-грек был непременно *единственным* учителем у брахманов.

За множество веков до того, как "греки Александра" одарили "своим влиянием" Джамбудвипу, слово "явана" уже сложилось как нарицательное обозначение некой младшей расы, и слово это значило "юван", то есть "молодой" или *младший*. Они разделяли всех яван на северных, западных, южных и восточных, вот почему пришлые греки и получили это прозвище — так же, как персы, индоскифы и проч. стали подобным же образом именоваться ещё до греков.

То же самое можно наблюдать и в наши дни. Для тибетцев любой чужестранец, откуда бы тот ни пришёл, — *пелинг*. Китайцы называют европейцев "рыжими чертями", а мусульмане любого, не принявшего ислам, человека именуют *кафиром*. Вот пройдёт этак с десяток тысяч лет, и найдутся какие-нибудь новые Веберы, которые, следуя этому же примеру, станут, возможно, утверждать, ссылаясь на авторитет сохранившихся обрывков мусульманской литературы, что незадолго до наступления их эры существовал некогда Кафиристан, где жили англичане, французы, русские и немцы, и была у них Библия, которую они "придумали" и переводили на свои языки, находясь под "мусульманским влиянием". Раз в *Юга-пуране* "Гарги-самхиты"[376] говорится о военном походе яван, которые дошли "до самого Паталипутры", то, значит, Индия и была целиком покорена либо македонцами, либо селевкидами![377] Наш западный критик, разумеется, и ведать не ведаёт о том, что Айодхья (или Сакета Рамы) в течение двух тысячелетий отбивала набеги различных монгольских и иных туранских племён, не говоря уже об индоскифах, приходивших из-за Непала и Гималаев. Но, кажется, профессор Вебер и сам в конце концов испугался вызванного им призрака яван, поскольку задаётся вопросом:

"А действительно ли греки подразумеваются под этими яванами?.. Может быть, речь просто идёт об их индоскифских или каких-то иных потомках, которым и присвоили впоследствии это наименование?"[378]

А ведь это здравое сомнение, как мы полагаем, должно было бы смягчить его столь догматичный тон, который мы слышим от него в ряде других подобных случаев.

Карта Магадхи

Но что поделать с этими предубеждениями: ты их гонишь в дверь, а они — в окно! Именитый учёный, пусть на время и поколебленный прозрением истины, тут же сызнова переходит в атаку с новым пылом. Ну как не вздрогнуть при виде такого вот новейшего открытия: оказывается, Асурамайя,^[379] этот древнейший астроном, то и дело упоминающийся в индийском эпосе, на самом-то деле "скрывается под эллинизированным именем "Птолемаиос"?^[380] Объясняет он это тем, что

"это последнее имя, насколько мы можем судить по надписям Пиядаси, превратилось в Индии в имя "Турамайя", из которого очень легко могло образоваться и имя "Асурамайя"; а также поскольку, согласно более поздней традиции, само слово "Майя" чётко связывается с Ромака-пурой, расположенной на западе".^[381]

Но что если бы "надпись Пиядаси"^[382] была обнаружена на месте древнего Вавилона? В этом случае, вероятно, следовало бы предположить, что слово "Турамайя" произошло от "Тураномайя" — а скорее уж от слова *мания*. Поскольку же надписи Пиядаси находятся всё-таки, несомненно, в Индии, а этот титул носили всего только два царя — Чандрагупта и Дхармашока, — то какое отношение "грек-Птолемей" имеет к "Турамайе", а последний к "Асурамайе"? А не новый ли это предлог для того лишь, чтобы окружить индийского астронома тлетворной сенью анчара западной филологии с его дурманом "греческого влияния"?

А как мы узнаём далее,

"в одном месте Панини упоминает о яванах, то есть . . . ^[383] о греках, и даже объясняет образование слова "яванани", которое, согласно *Варттике*,^[384] требует для себя добавления слова *лпипи*, "письмо", "письменность", ^[385]

и, стало быть, это слово означает "письмо яван", т.е. *греков*, и никого больше.

Германские филологи (столь долго и столь безуспешно пытавшиеся верно истолковать смысл этого слова), вероятно, немало удивятся, если им сказать, что они всё так же безнадежно далеки от истины? Что слово "яванани" означает отнюдь не именно "греческое письмо", а вообще любая чужеземная письменность. Что

отсутствие слова "письмо" в старинных текстах (за исключением случаев, когда приводятся чужеземные имена) ничуть не означает того, что они были знакомы лишь исключительно с греческим письмом или что они не имели собственного и до самых времён Панини не умели ни читать, ни писать (теория профессора Макса Мюллера). Ибо алфавит деванагари столь же древен, как и сами веды, и почитался он настолько свято, что брахманам — сначала под страхом смерти, а позднее под угрозой вечного изгнания — не позволялось даже упоминать о нём в присутствии непосвящённых, и тем более рассказывать о существовании тайных храмовых библиотек. Так что под словом "яванани" ("которое, согласно *Варттике*, требует для себя добавления слова *липи*, "письмо") всегда понимается чужеземная — финикийская, римская или греческая — письменность вообще. Что же до ни с чем несообразной гипотезы профессора Макса Мюллера о том, будто до времён Панини (опять же со ссылкой на греческие авторитеты) "письмо в Индии в литературных целях не употреблялось", [386] то вопрос этот разбирается в отдельной статье.

В равной мере не знают они и о ряде других чрезвычайно важных фактов — какими бы сказочными те ни показались на первый взгляд.

Во-первых, о том, что арийская "великая война", Махабхарата, и воспетая Гомером Троянская война — невзирая на мифичность жизнеописаний героев и сказочность отдельных деталей — в главных своих чертах имеют совершенно исторический характер и принадлежат к одному и тому же циклу событий. Ибо события множества веков, в том числе и связанные с процессом размежевания бесчисленных народов и рас — процессом, ошибочно возводимым к одной только Центральной Азии, — в этих бессмертных поэмах спрессованы в отдельные человеческие драмы, разворачивающиеся на протяжении считанных лет.

Во-вторых, что во времена той немыслимой древности прапрадеды ариев-греков и ариев-брахманов жили по соседству друг с другом и перемешивались между собой, как живут сегодняшние арии и так называемые дравиды.

В-третьих, что ещё до времён *исторического* Рамы — а именно от него тянется непрерывная генеалогическая линия, к которой восходят удайпурские цари [387] — вся Раджпутана [388] была так же плотно заселена "греками", прямыми выходцами из Атлантиды, как и возникшие уже после Троянской войны, но задолго до образования *Великой Греции*, Кумы [389] и иные поселения были во множестве заселены стремительно эллинизирующимися предками нынешних раджпутов.

Когда вы знакомы с *подлинным* содержанием этих древних поэм, то у вас не может не возникнуть вопроса: кем эти интуитивисты-востоковеды пожелали бы назвать себя, обманщиками или обманутыми? Из милосердия к ним, уж так и быть, станем толковать все сомнения в их пользу. [390]

Но что же нам остаётся думать о профессоре Вебере, когда, пытаясь "точнее установить место, занимаемое "Рамаяной" (которую он называет "нарочито написанной поэмой") в истории литературы", он в конце концов приходит к следующему предположению:

" . . . она возникла благодаря знакомству с Троянским циклом легенд . . .

Вывод, к которому я прихожу, заключается в том, что время её сочинения следует отнести к началу христианской эры, к той эпохе, когда греческое влияние уже всюду сказывалось в Индии!" (с. 194.)

Такому человеку уже ничем не поможешь. Если "внутренняя хронология" и, добавим

мы, внешняя законченность, представленные в индийской поэтической трилогии, так и не открыли глаза этим закоренелым скептикам-профессорам на множество исторических фактов, облачённых в поразительные образы-аллегии; если красноречивые упоминания о "чёрных яванах" и "белых яванах", указывающие на совершенно различные народы, целиком прошли мимо их внимания;^[391] а перечисление целого сонма племён, народов, родов и семейств, упоминаемых в "Махабхарате" под их различными санскритскими наименованиями, не побудило их попытаться установить их этнические корни и отождествить с их ныне живущими потомками-европейцами, то едва ли можно всерьёз надеяться на то, что все их знания способны породить на свет нечто большее, чем пёструю мозаику учёных догадок.

Если следовать их *научным* критическим выкладкам, то в один прекрасный день все они хором возвестят нам о том, будто буддизм целиком возник из написанной Иоанном Дамаскином "Повести о Варлааме и Иоасафе",^[392] или что религия наша целиком почерпнута из этой знаменитой римско-католической легенды VIII века, в которой наш Господь Будда предстаёт в образе христианского святого. А ещё лучше — пусть уж прямо так и скажут: мол, и веды были написаны в Афинах под благословенным покровительством Георгия Победоносца, славного наследника героя Тесея. Опасаясь, как бы не упустить какой-нибудь аргумент для доказательства полнейшего поглощения Джамбудвипы демоном "греческого влияния", мстительный д-р Вебер бросает последнюю издёвку в лицо Индии: дескать, *если*

"западноевропейские колокольни обязаны своим происхождением подражанию буддийским ступам^[393]. . . то, с другой стороны, в *древнейших архитектурных сооружениях Индии* безошибочно узнаётся присутствие греческого влияния" (с. 274).

И пусть д-р Раджендралала Митра сколько угодно "опровергает наличие *какого бы то ни было* греческого влияния на развитие индийской архитектуры!"^[394] Если уж его отеческую литературу приписали-таки "греческому влиянию", то пусть хотя бы оставят в покое храмы! Можно легко понять, что Египетский Зал^[395] в Лондоне отражает на себе влияние храмов, развалины которых до сих пор стоят на Ниле, но доказать, что древнейшие сооружения Арьяварты уже были предвидены гением покойного сэра Кристофера Рена^[396] — такой подвиг окажется не по плечу даже германскому профессору!

В результате этого палеографического грабежа в Индии уже не осталось ровным счётом ничего, что она могла бы назвать своим. Даже медицина и та возникла под греческим влиянием. Как нам говорят — теперь устами Рота (Roth) —

"только сравнение индийских принципов медицины *с греческими* и позволяет нам судить о происхождении, возрасте и ценности первых",^[397]

и, добавляет д-р Вебер,

"если уж говорить о предписаниях Чараки по поводу обязанностей врача перед больным, то он *просто повторяет поразительно схожие выражения из клятвы Асклепиада*^[398]".^[399]

Итак, вердикт вынесен. Индия *эллинизирована* с головы до ног и не имела своих врачей, пока не явились доктора из Греции.

Шакьямуни и его место в истории[400]

Среди востоковедов не найти другого человека (за исключением, пожалуй, лишь всё того же профессора Вебера — учёного высокоумного, хотя и не сказать чтобы очень глубокого), который с такой же яростью противостоял бы индуистской и буддистской хронологии, как это делает профессор Макс Мюллер. Оно и понятно: быть индофилом отнюдь не означает быть ещё и буддофилом. В этом с ним заодно и генерал Каннингем, который в своих археологических изысканиях занимает, впрочем, вполне самостоятельную позицию. Право, это согласие между ними выглядит весьма неосмотрительным в виду того, что, *возможно*, готовят нам открытия будущих лет.^[401] Мы же постараемся со своей стороны опровергнуть домыслы этого великого оксфордского профессора.

Всем тем свидетельствам, что представлены в пуранах и в "Махавансе"^[402] (которую он считает столь же безнадежно путаной и противоречивой, хотя безупречную историческую точность этого цейлонского памятника горячо подтвердил историк сэр Эмерсон Теннент^[403]) он противопоставляет греческую классику с её хронологией. У него всё крутится вокруг "похода Александра", "покорённых Александром земель" и "Мегасфена, посланника Селевка Никатора",^[404] тогда как в брахманских анналах просто блещут своим отсутствием даже слабейшие намёки на какое-либо "покорение". И хотя в одной из надписей Пиядаси действительно приводятся имена Антиоха,^[405] Птолемея,^[406] Магаса,^[407] Антигона^[408] и даже самого Александра Великого в качестве вассалов царя Пиядаси, Македонца, тем не менее, по сей день продолжают именовать "покорителем Индии". Иначе говоря, если какой-нибудь малозначительный греческий писатель случайно упомянет те или иные связанные с Индией события, то его словам должно верить безоговорочно. Однако при этом ни один индийский памятник — литературный или архитектурный — не заслуживает ни малейшего внимания. И, пока он не пройдет проверки оселком эллинской непогрешимости, его, по словам профессора Вебера, следует считать "разумеется, пустопорожним бахвальством". Вот оно, это западное чувство справедливости, во всей своей красе!^[409]

Оккультные же анналы говорят совсем о другом. И подтверждают они нечто прямо противоположное: Александру так и не удалось продвинуться в Индии дальше *Таксилы*,^[410] то есть проник он не дальше даже современного Аттока. Ропот недовольства в войске Македонца возник именно там, а вовсе не на берегах Гифасиса,^[411] как об этом принято говорить. Не мог он дойти и до Сатледжа, поскольку так и не вышел даже к берегам р. Гидасп (Джелам). Не учреждал Александр в Пенджабе и никаких сатрапий, не основывал никаких греческих колоний. Единственные оставшиеся после него колонии, более-менее известные брахманам, сводились лишь к нескольким дюжинам солдат-калек, расселившихся там и сям по приграничным территориям вместе с ими же изнасилованными туземками-жёнами: их поселения были разбросаны вокруг пустынь Кармании и Дрангарии,^[412] служивших тогда естественными границами Индии. И если История не будет считать колонистами тысячи и тысячи погибших, а также тех, что нашли себе вечный *приют* в жарких песках Гедросии,^[413] то других-то и не было — всё это лишь плод богатого воображения греческих *историков*. Хвалёное "покорение Индии" свелось лишь к захвату областей, лежавших между Карманией и Аттоком (с востока и запада), а также между Белуджистаном и Гиндукушем (с юга и севера):

тогдашние греки все эти земли считали Индией. Строительство им *флота* на Гидаспе — чистейший вымысел, такой же, как и рассказы о его "победном шествии на плечах у сражающегося индийского войска". Однако интересует нас сейчас не столько личность этого "покорителя мира", сколько предполагаемая точность и даже случайная правдивость сведений, исходящих от его ближайших соратников и соотечественников, путаные воспоминания которых в произведениях классических авторов теперь возвысились до уровня безупречных свидетельств во всём, что касается хронологии раннего буддизма и древней Индии.

Из всех представленных классическими писателями свидетельств именно произведение Флавия Арриана используется сейчас как главное оружие, направленное против буддистско-китайской хронологии. Никто и слова дурного не сказал бы против *личных* свидетельств этого добросовестного автора, случись ему самому стать очевидцем тех событий вместо Мегасфена. И здесь с особенной ясностью понимаешь, на какую зыбкую почву опираются западные авторитеты в своих попытках выстроить индийскую хронологию, когда узнаёшь о том, что Арриан набирал свои сведения из ныне утраченных трудов Аристобулоса и Птолемея, а те черпали свои данные из текстов таких авторов, которые сами *и в глаза не видели ни строчки из написанного Мегасфеном или Неархом*, и, зная обо всём этом, мы слышим от западных историков слова о том, будто из всех трудов Арриана именно книга VII "Похода Александра" является "самым авторитетным источником по вопросу покорения Индии — хотя, к сожалению, и имеющим *пробел* в двенадцатой главе".

Но дело в том, что сам Арриан^[414] жил через 600 с лишним лет после смерти Будды, Страбон — через 500 (55 год "до Р.Х.");^[415] Диодор Сикул^[416] — вполне достоверный историограф! — жил примерно в I веке; Плутарх^[417] — свыше 700 лет "от лета Будды", а Квинт Курций^[418] — более тысячелетия спустя! И когда, венчая всё это воинство "очевидцев", свидетельствующих против буддийских анналов, читатель узнаёт от олимпийцев-критиков ещё и о том, что труды этого последнего поименованного нами автора — а более ошибающегося (в области географии, хронологии и истории) и свет белый не выдывал — "составляют вместе с греческой историей Арриана *самый ценный источник сведений* по вопросу военной деятельности Александра Великого" — то тогда впору удивляться лишь тому, что этот великий покоритель не был представлен его биографами ещё и этаким царём Леонидом, преградившим путь первым ведийским браминам "с берегов Окса" в гиндукушских "Фермопилах".

Вообще, указанные в буддийских источниках даты либо напрочь отвергаются, либо принимаются только *pro tempore*.^[419] Индусам остаётся только негодовать по поводу того предпочтения, которое отдаётся грекам — а с ними (по меньшей мере, с некоторыми из них) индийская история знакома больше как с поставщиками в Джамбудвипу всех возможных и невозможных пороков, какие только существовали в Греции и Риме в те времена — перед их собственными национальными памятниками и историей. А, право, в этом и в одном только этом и сказались всё "греческое влияние" в Индии. Те греческие девицы, что упоминаются как статья широчайшего экспорта в Индию — персидские и греческие *явани*, — как раз и стали праматерями всех этих современных храмовых танцовщиц, которые до того оставались целомудренными девами внутренних храмов. И тот плод, что принесли Индии союзы с разными Антиохами и Селевками Никаторами, оказался ничуть не лучше червивого яблока содомского: город Паталипутра, как и предсказывал Гаутама Будда, нашёл свою судьбу в водах Ганга, а перед тем был дважды снесён

почти до основания, подобно тому же Содому, огнём небесным.

Но вернёмся к нашей главной теме. Что касается "противоречий", существующих между цейлонской и тибето-китайской хронологиями, то они ничего не доказывают по существу. Если китайские историки династии Суй[420] и ошиблись, отнеся не к Тибету, а к Китаю пророчество Господа нашего о том, что "тысячелетие спустя после достижения Им нирваны Его учения достигнут Севера", то в большинстве храмовых хронологий ошибка эта была исправлена уже после XI века по китайскому летоисчислению. Кроме того, слова эти могут относиться и к другим событиям, связанным с буддизмом, о которых Европа и знать не знает. Китай (или государство Цинь) возводит своё наименование только к 296 году буддистского летоисчисления[421] (экзотерическая хронология относит его ко времени восхождения на престол первого хуана[422] из династии Цинь), а значит, Татхагата[423] не мог указать на Китай под этим наименованием в своём известном пророчестве.

Но если это пророчество и оказалось непонято даже некоторыми буддийскими комментаторами, то его исконный смысл был всё-таки сохранён его [Будды] собственными ближайшими архатами. Преславный имел в виду страну, раскинувшуюся далеко от озера Мансаровара,[424] — она лежала далеко за пределами области Химават, там, где с незапамятных времён обитали великие "учителя Снежной Горной Гряды". То были великие шраманаচারьи,[425] которые предшествовали Ему и были Его учителями, тогда как их преемники и по сей день своими скромными силами пытаются сохранить на века их и Его учения. Пророчество же сбылось с точностью до самого указанного Им дня, что и подтверждается как математической, так и исторической хронологией Тибета — а также столь же точной китайской хронологией.

В год 683 по китайскому календарю (или в год 436 западного летоисчисления), как и провидел наш Господь, архат Кашьяпа,[426] принадлежавший к династии Морьев (Moryas), основанной одним из Чандрагупт[427] близ Паталипутры, покинул монастырь Панч-Куккутурама, дабы выполнить возложенную на него миссию. В том же году он добрался до великого озера Бод-Юл.[428] Ровно в тот самый период и истекало предсказанное тысячелетие. С собою архат нёс статуэтку Шакья Муни — пятью из семи золотых статуэток, изготовленных после его телесной смерти по решению первого Совета. Архат закопал статуэтку в земле, в том самом месте, где семь лет спустя был возведён первый гунпа (монастырь), ставший обителью для самых первых буддийских лам. И, хотя обращение всей страны состоялось лишь в начале VII века (западной эры), благой Закон всё-таки достиг Севера именно в предначертанный срок, и ни днём раньше. Действительно, первая золотая статуэтка была похищена у бхикшу Сали Шуки разбойниками из народа сюньюнь[429] и переплавлена уже во времена Дхармашоки,[430] который отправил миссионеров далеко за пределы Непала. Та же судьба постигла и вторую статуэтку в Гар-же (Ghar-zha) ещё до того, как она достигла пределов Бод-Юл. Третья была спасена после того, как некий китайский военачальник отнял её у варварского племени "бон", которое он преследовал вплоть до пустынь Шамо примерно в 423 году буддийской эры (в 120 году "до Р.Х."). Четвёртая утонула в III веке христианской эры вместе с кораблём, направлявшимся из Магадхи к холмам Читтагонга.[431] Пятая день в день достигла места своего назначения вместе с архатом Кашьяпой. То же случилось и с оставшимися двумя[432]. . . .

Со своей стороны, южные буддисты во главе с буддистами Цейлона начинают свои

летописи с рассказа о следующем событии.

Они утверждают, что, *согласно их собственной хронологии*, царь Синхабаху [Sinhabahu], владевший небольшим царством (*Raj*) под названием Лала, стоявшим на реке Гандак в Магадхе, отправил в изгнание своего сына, Виджаю, за его буйный нрав и совершаемые им всяческие непотребства. Он заставил сына и его сотоварищей обрить себе головы на манер буддистов-бхикшу в знак раскаяния, а затем велел бросить их посреди океана. Волны вынесли их к берегам Ланки. Выбравшись на сушу, он с сотоварищами покорил и легко овладел островом, населённым нецивилизованными племенами — якшами. И это — в какую бы эпоху и в какой бы год ни случилось — является *историческим* фактом, и, как сообщают цейлонские хроники независимо от буддийской хронологии, произошло это за 382 года до Душтагамани[433] (т.е. в 543 году до христианской эры).

В буддийских священных хрониках запечатлены слова, которые наш Господь произнёс незадолго до смерти. В "Махавансе" рассказывается, что обращения они были Шакре и произнесены во время великого собрания дэват (дхьян коганов), когда Господь уже пребывал "в превышней и неизменяемой нирване, восседая на престоле, на коем и достигается нирвана".[434] В наших же текстах Татхагата обращается с этими словами к собравшимся рядом с ним архатам и бхикшу за несколько дней до своего окончательного освобождения:

"Некто Виджая, сын Синхабаху, царя земли Лала, вместе с 700 сопровождающими только что высадился в Ланке. О Господь дхьян будд (дэв)! Учение моё утвердится в Ланке. Охрани же его [Виджаю — *перев.*] и Ланку!"[435]

Таковы слова, которые он произнёс и которые позже оказались пророческими. Сегодня, когда ясновидческое провидение грядущего стало уже достаточно известным явлением, способным без помощи ненаучной теории чуда легко объяснить естественную природу пророчества, некоторым востоковедам лучше было бы попридержать свой смех. Аналогичные поэтично-религиозные приёмы украшения, какие мы встречаем в "Махавансе", присущи и письменным памятникам, относящимся к любой религии — в том числе и в той же мере, как и к христианству. И прежде, чем встречать их насмешками и презрительным недоверием, непредвзятый ум лучше попытался бы вначале проникнуть в их истинный и не слишком-то глубоко спрятанный смысл.

Кроме того, тибетцы располагают и более сдержанно изложенным текстом этого пророчества, содержащимся в уже упомянутых нами *Записках*, которые оставлены племянником царя Аджаташатру, благоговейно ловившим каждое слово Учителя. Записки эти, как уже было сказано выше, находятся во владении лам того монастыря, что был возведён архатом Кашьяпой, а поскольку они находятся в более прямом родстве с родом Морьев и их потомками, чем раджпуты Гаутамы, владельцы Нагары (поселения, отождествляемого с Капилавасту[436]), то они и имеют больше законных прав на владение этими "записками". И то, о чём они повествуют, представляет собой исторический факт от первого и до последнего слова. Буддист-эзотерик слышит эти слова даже сегодня — они всё ещё вибрируют в пространстве, и эти пророческие слова вместе с подлинным обликом произнёсшего их Сугаты[437] до сих пор присутствуют в ауре каждого атома связанных с Ним реликвий. Но, спешим оговориться, доказательство это чисто психологического свойства. При этом, однако, есть и иные исторические свидетельства: совокупный корпус данных, приведённых в наших религиозных хрониках. Их не видел ещё ни

один филолог, но это не означает, что их не существует вообще.

Ошибка южных буддистов состоит в том, что они отсчитывают день, когда Сангье Панчен[438] достиг *нирваны*, от самого дня его смерти, хотя, как уже было сказано выше, Он достиг её ещё за двадцать с лишним лет до своего освобождения от тела. С точки зрения хронологии, южане правы, устанавливая, что годом его смерти следует считать 543 год "до Р.Х.". Правы они и в том, что один из великих Соборов состоялся действительно сто лет спустя после этого события. Но тибетские чоханы, которые обладают всеми документами, касающимися последних двадцати четырёх лет Его *внешней* и *внутренней* жизни — о чём не имеет никакого представления ни один филолог — способны доказать, что, вопреки утверждениям западных востоковедов,[439] нет, по сути дела, никакого расхождения между тибетской и цейлонской хронологиями. С точки зрения профана, Возвышенный родился в 68 году бирманской эры *Eeatana*, установленной *Eeatana* (Анджаной), царём Дэвадахи. С точки же зрения *посвящённого*, Он родился в мае, в день прибывающей Луны, в пятницу 48 года бирманской эры. И как раз в 563 году до начала христианской эры Татхагата и достиг полной *нирваны*, умерев, как верно говорит "Махаванса", в 543 году в тот самый день, когда Виджая вместе с сотоварищами вступил на землю Цейлона — как и было предсказано Локанатхой,[440] нашим Буддой.

В словах профессора Макса Мюллера об этом пророчестве сквозит явная издёвка. В той главе своей книги, которая посвящена буддизму ("лже"-религии), именитый учёный говорит таким тоном, словно столь *неслыханное* утверждение вызывает у него немалую досаду. Как он пишет,

"А дальше нас стараются уверить в том, будто цейлонские историки относят учреждение династии Виджай на Цейлоне к 543 году в соответствии со своей священной хронологией (т.е. пророчеством Будды — Ред. *Теос.*)! При этом нам (филологам — Ред. *Теос.*), однако, не сообщают, *по каким каналам* цейлонцы могли получить известие о точной дате смерти Будды".[441]

В этом его язвительном высказывании можно уловить два намёка: (а) высказанное нашим Господом пророчество является ложным; и (б) хронологические записи были бесчестно подтасованы на манер знаменитого Евсевия, епископа Кесарийского, обвиняемого историками в "искажении каждой египетской хронологической таблицы ради обеспечения синхронизации исторических событий".

Что касается *первого* обвинения, то ему можно было бы задать вопрос, по какой такой причине пророчество нашего Шакьясинхи[442] не заслуживает того же доверия, с каковым мы должны относиться к пророчествам Спасителя его собственной религии, реши мы однажды написать правдивое жизнеописание этого архата-"Галилеянина"?

По *второму* же пункту обвинения мы хотели бы напомнить выдающемуся филологу об опасности бросаться камнями тем, кто живёт в стеклянном доме, а ведь и он сам, и все остальные христианские хронологи — обитатели именно такого дома. Они не в состоянии привести — даже своим же собственным единоверцам — ни одного-единственного доказательств, подтверждающего, что 25 декабря является реальной датой Рождества Христова, а потому не могут и определить ни количества лет, прожитых их Аватарой, ни года его смерти. В отношении же Будды нам это сделать гораздо легче — и нам есть, что предъявить даже иноверцам. Проявляемая с их стороны полнейшая неспособность доказать сам факт его исторически

недоказанного — хотя и вполне вероятного — существования, кроме как на основе бытующих *традиций*, должна бы заставить их взглянуть на вещи более непредвзятым взором. И лишь когда на основе неопровержимых *исторических* источников историкам-христианам удастся доказать правоту библейской и церковной хронологии — вот тогда только в их арсеналах, возможно, и появятся более действенные, нежели теперь, средства, чтобы потешить себя попыткой разгромить языческие хронологии в пух и прах.

А тем "каналом", по которому цейлонцы получали свои сведения, послужили два бхикшу, которые вслед за своими опальными собратьями отправились из Магадхи в изгнание. Не нужно обладать особым даром воображения, чтобы допустить, что способность архатов Сиддхартхи Будды передавать сведения с помощью психических токов ничуть не уступала, а то и превосходила, такие же способности пророка Илии, который, как нас уверяют, умел узнавать обо всём, что творилось в царской опочивальне, с любого расстояния. Ни один-единственный востоковед, полагаясь на один и тот же принцип доказательства, не вправе отвергать свидетельства священных писаний других народов, пока сам он питает безусловное доверие к гораздо более противоречивым и путаным свидетельствам своей собственной религии. Если профессор Мюллер является в глубине души завзятым скептиком, то пусть он бесстрашно объявит об этом во всеулышанье, ибо именно скептик, во всём действующий как иконоборец, один только и мог бы по праву высказываться о любой нехристианской религии в подобном презрительном тоне.

Лишь в назидание непредвзятым искателям истины представляется нам полезным представить здесь те свидетельства, в основе которых лежат именно исторические — не психологические — данные. Одновременно с этим мы проанализируем некоторые возражения и разоблачим опасную логику нашего критика, чтобы тем самым предложить вниманию теософов ещё несколько фактов, связанных с предметом нашего обсуждения.

Теперь, когда мы в общих чертах познакомились с точкой зрения профессора Макса Мюллера на, так сказать, Пролог к той *Драме*, где главным героем выступает Виджая, давайте посмотрим, что он говорит в отношении отдельных деталей этого сюжета. Каким оружием он пользуется для того, чтобы расшатать самое его основание, на котором покоятся и от которого зависят все остальные датировки буддистов? Где лежит точка опоры азиатской историографии? Мы изложим здесь одну за другой три его главных утверждения, и к каждому приложим свои ответы. Начинает он со следующей своей предпосылки:

(1)

"Если таким образом уже изначальная точка отсчёта хронологии северных буддистов оказывается чистой гипотезой, поскольку покоится на одном лишь пророчестве *Будды*, то трудно не сделать того же вывода и в отношении датировки смерти Будды, которую указывают буддисты Цейлона и Бирмы". [443]

"Махаванса" начинается с рассказа о трёх чудесных посещениях Буддой Цейлона". [444]

"Имя основателя первой династии (на Цейлоне — Ред. *Теос.*), *Виджая*, в переводе значит "завоевание", и, следовательно, такого человека, *скорее*

всего, существовать не могло".[445]

Всё это, по его мнению, лишает буддийскую хронологию всякого доверия.

В ответ на это мы можем предложить его вниманию следующую историческую параллель.

Король Англии Вильгельм I сегодня широко известен под именем "Завоеватель". Кроме того, он был незаконным сыном герцога Нормандии, Роберта, прозванного *le Diable* — "Дьяволом". Как мы слышали, целая опера — "Роберт-дьявол"[446] — была сочинена на этот сюжет, полный всяческих чудесных событий, ясно показывающих, что в основе её лежит устная традиция. Так вправе ли мы утверждать, что и Эдуард Исповедник, и саксонцы,[447] и всё остальное вплоть до объединения династий Йорков и Ланкастеров при Генрихе VII — после чего наступил уже новый период в истории Англии — всего лишь "сказки" и "бредни" и "такого человека, как Вильгельм Завоеватель, скорее всего, существовать не могло"?

(2) Что касается китайской хронологии, продолжает своё препарирование критик, то

"в сохранившемся списке из имён тридцати трёх буддийских патриархов . . . — начиная с Шакьямуни, который умер в 950 году до Р.Х., и кончая Хуэй-нэном, умершим в 713 году по Р.Х., — указаны даты их смерти. Как и всё китайское, список этот составлен с точнейшей хронологической последовательностью. Однако сомнения вызывает уже самое первое звено в этой длинной цепи патриархов".[448]

С точки зрения западной историографии,

"если . . . точная цейлонская хронология начинается со 161 года до Р.Х., то разумно предположить, что на Цейлоне существовала и какая-то традиционная туземная хронология, восходящая к более ранним временам, чем эта указанная дата . . ." [449]

"Следовательно, . . . всё, что было до этой даты, . . . — всего лишь бесосновательная традиция".[450]

Хронология христианских апостолов да и сам факт их существования до сих пор так и не получили исторического подтверждения. По собственным же признаниям [западных историков — *перев.*], история папства "темна". Эннодий Павийский (V в.) первым называет "папой" римского епископа (Симмаха), стоящего пятьдесят первым в списке апостолов. Таким образом, вздумай мы написать историю христианства и реши мы прокомментировать его хронологию, то мы могли бы указать, что до него не было ни одного папы, а список апостолов начинается лишь с Симмаха (498 год по Р.Х.),[451] и, следовательно, все христианские хроники, начиная с Рождества Христова и кончая VI веком, — не что иное как "бесосновательные традиции", а вся христианская хронология — лишь "чистейшая гипотеза"

(3) Оксфордский профессор презрительно указывает на две разноречивые даты в буддийской хронологии. Высадка Виджай на Ланке, говорит он, которая состоялась именно в тот день, когда Будда достиг нирваны (умер), стала следствием исполнения пророчества Будды, а значит

"если Будда — *подлинный пророк*, то цейлонцы правы, утверждая, что он *должен был умереть в год завоевания*, то есть в 543 году до Р.Х." [452]

С другой стороны, у китайцев имеется собственная буддийская хронология, однако она не согласуется с цейлонской.

"Датировка периода жизни Будды с 1029 по 950 гг. исходит из его пророчества о том, что с момента его смерти до обращения Китая [в буддизм — *перев.*] должно будет пройти целое тысячелетие. А значит, если Будда — *подлинный пророк, то он должен был жить около 1000 года до Р.Х.*".[453]

Однако эта дата расходится с цейлонской хронологией, — *ergo*, Будда является *лжепророком*. Что же до того "первого и важнейшего звена" как в цейлонской, так и в китайской хронологиях, то "оно чрезвычайно слабое".[454] . . . Видяе нужно было придать какую-то "чудесную генеалогию", и "как следствие, было придумано пророчество".[455]

Следуя той же самой логике, можно было бы сказать, что и никакой генеалогии Иисуса — "ни точной, ни неточной" — мы не встречаем ни в одной летописи мира, кроме тех, что носят названия Евангелий от Св. Матфея (I, 1-17) и Св. Луки (III, 23-38). Однако они резко расходятся друг с другом, хотя героем их является самая заметная фигура в западной историографии, и в данном случае следовало бы ожидать от неё максимальной точности. Следовательно, в полном согласии с ядовитой логикой профессора Макса Мюллера, если Иисус *подлинный пророк, то он должен* восходить к роду Давидову через Иосифа (Матфей), и опять же если он — *подлинный пророк*, то, значит, христиане совершенно правы, утверждая, что он должен восходить к Давиду через Марию (Лука).

Поскольку же обе эти генеалогии с очевидностью расходятся между собой, а пророчества в данном случае были на самом деле "придуманы" богословами уже в постапостольские времена [или, если угодно, древние пророчества Исаии и других ветхозаветных пророков, не соответствующие истории жизни Иисуса, были *подстроены* под него — а такие признания мы не так давно услышали из уст библейских редакторов, английских комментаторов (носящих, между прочим, духовный сан)], и, кроме того, если — строго следуя линии аргументации, которой придерживался профессор, — буддийская и брахманская хронологии оказываются на поверку "основанными на традиции и полными всяческого вздора,[456] . . . и все попытки привести их к единому знаменателю закончились полным провалом[457]", то разве нельзя те же слова отнести и к библейским хронологии и генеалогии? И разве не можем мы с тем же правом возразить [профессору], сказав, что, следуя этой логике, он изображает Гаутаму Будду *лжепророком*, то таким же "лжепророком" должен оказаться и Иисус? И если, невзирая на всю существующую в первоисточниках путаницу, Иисус считается всё-таки *подлинным пророком*, то на каком таком основании нельзя считать столь же *подлинным пророком* и Будду? Если уж начинать развенчивать пророчества Будды, то и христианские пророчества не должны оставаться в стороне.

Высказывания древней Пифии сегодня способны вызвать лишь улыбку на устах у учёных мужей. Однако ни один треножник, когда-либо водружавшийся этой пророчицей в стародавние времена, не оказывался столь же шатким, как та хронологическая триада, на которую взбирается этот востоковед, чтобы, опираясь на неё, изрекать свои оракулы. Более того, аргументы его, как мы показали, обоюдоостры. Если твердыня буддизма и может пасть из-за подведённых под неё профессором Максом Мюллером хитроумных подкопов, то *pari passu*[458] под теми же руинами окажется погрёбён и бастион христианства. Или христиане обладают

монополией на "вздорные" религиозные "придумки" и защиту от посягательств на свои суверенные права?

Подводя итог сказанному, укажем, что в своей книге г-н Синнетт верно назвал год смерти Будды, поскольку "Эзотерический буддизм" и должен был следовать именно эзотерической хронологии. И расчёты эти, при верном их понимании, одни только и способны поставить окончательную точку под любой критикой, начиная с "Санскритской литературы" профессора Макса Мюллера и кончая самыми последними "свидетельствами" — аргументами, приведёнными в "Отчётах об археологических исследованиях в Индии".

Цейлонское летоисчисление, на котором построена "Махаванса", верно во всём, за исключением лишь умолчания о том, что было выше сказано о нирване — о величайшем таинстве *Самма-Самбудды*[459] и *Абхиджни*,[460] остающемся и по сей день загадкой для непосвящённого. И, хотя тайна эта была определённо известна дяде царя Дхатусены — бхикшу Маханаме, — разъяснять её открыто в такой книге, как "Махаванса", было нельзя. Кроме того, сингальская хронология во всех подробностях совпадает с бирманской.

Но независимо от религиозного летоисчисления, начинающегося от даты смерти Будды (она называется "*эрой нирваны*"), существовали, как теперь показал епископ Биганде ("*Life of Gaudama*"), и две исторические эры. Одна из них продолжалась 1362 года, и её последний год совпадает с 1156 годом христианской эры. Другая же — подразделяемая на две следующие одна за другой малые эры — продолжается по сей день. Первая [малая эра — *перев.*] длилась 562 года, и начало её совпадает с 79 годом по Р.Х. и служит точкой отсчёта для индийской эры Шака. Соответственно, учёный епископ, которого едва ли можно заподозрить в особом сочувствии буддизму, признаёт 543 год временем перехода Будды в нирвану. Этой же точки зрения придерживаются и г-н Тёрнер, и профессор Лассен, и др.

Пресловутые расхождения между четырнадцатью разными датировками нирваны, собранные Чомой де Кёрёшем, не имеют вообще ни малейшего отношения к *Nur-Nyang*. Всё это расчёты, связанные с переходом в нирвану предшественников [Шакьямуни — *перев.*] — бодхисатв и предыдущих воплощений Сангье: венгр обнаружил их в различных книгах и неверно приписал последнему Будде. Европейцы не должны забывать о том, что этот энтузиаст всё время, пока находился среди лам, действовал вопреки их желанию, и, кроме того, большую часть своих знаний он почерпнул из доктрин еретиков-дугпа, а не из ортодоксальных учений гелугпа. Слова этого "крупнейшего авторитета (!) в области тибетского буддизма", как его называют, о том, что у Гаутамы якобы было *три жены*, которых он называет поимённо, а затем, противореча самому же себе, указывает (см. "*Tibetan Grammar*", p. 162, note), что первые две жены "представляют собой одного и того же человека", — это яркое свидетельство того, что мнение о нём как об "авторитете" имеет под собой довольно слабые основания. Он так и не понял, что "Гопа, Яшодхара и Утпала-варна" — это названия трёх мистических способностей. Точно так же не разобрался он и с "расхождениями" в датировках. Из упомянутых им 64 датировок лишь две относятся к Шакьямуни: 576 и 546 годы, да и те приведены им неверно. На самом же деле речь идёт о годах 564 и 543. Что же до остальных, то они имеют отношение к семи *ku-sum*, то есть к трём различным формам состояния нирваны и к их соответствующей продолжительности, и связаны они с такими доктринами, о которых востоковеды не имеют ни малейшего представления.

Таким образом, получается, что востоковеды до сего дня так практически ничего и

не почерпнули от северных буддистов, которые, по признанию профессора Вебера, "одни только и владеют *полным* собранием (буддийских) писаний, сохранив более точные сведения об обстоятельствах их редакционных правок".[461]

Как утверждают тибетцы, Татхагата стал в полном смысле Буддой — то есть достиг *абсолютной* нирваны — в 2544 году эпохи кали (согласно хронологии саурамана). Таким образом, он действительно *прожил* именно *восемьдесят* лет, поскольку ни один *нирвани*, достигший *седьмой степени*, уже не может причисляться к *живым* (т.е. существующим) людям. Но было бы чистейшим домыслом утверждать, будто брахманам не приходило и в голову зафиксировать день, когда родился Будда, "так же, как не приходило в голову ни римлянам, ни даже евреям, сохранить в памяти дату рождения Иисуса до тех самых пор, пока он не стал основателем отдельной религии".[462]

Действительно, если евреи изначально отвергали те претензии на мессианство, о которых говорили ученики еврейского пророка, и вовсе не ожидали прихода своего Мессии в то время, то брахманы (во всяком случае, посвящённые) знали о приходе того, в ком видели воплощение божественной мудрости, а потому и были прекрасно знакомы с астрологической датой его рождения. Да, в своей бессильной ярости они позднее уничтожили все доступные им следы рождения, жизни и смерти Того, Кто в своём безграничном милосердии ко всему сущему раскрыл тщательно оберегаемые брахманами тайны и учения, дабы положить конец тому всё более ширящемуся потоку суеверий, что исходил от духовенства, но было время, когда и они воспринимали его как Аватару. Да, они *разрушали, зато были и другие, кто сохранял*.

И все эти тысяча и один домысел, порождённые археологами и палеографами, все их поправки, лишь корёжащие экзотерические тексты, ничуть не возместят им времени, потраченного на собственные изыскания.

В индийской историографии царь Аджаташатру представлен современником Будды, но был и другой Аджаташатру, который помогал в подготовке собора, состоявшегося 100 лет спустя после смерти Учителя. Эти цари-князья были правителями Магадхи и не имеют никакого отношения к тому Аджаташатру, о котором мы читаем в "Брихад-араньяке" и "Квушитака-упанишаде" — тот Аджаташатру был царём Каши,[463] а вот "сын Аджаташатру", Бхадрасена, который был проклят Аруни, может иметь к своему тёзке, "наследнику Чандрагупты", гораздо больше отношения, чем об этом принято полагать.

Профессор Макс Мюллер отрицает существование двух Ашок. Он не признаёт никакого Калашоки и считает, что существовал только Дхармашока, — в полном соответствии с "греческой", но в прямом противоречии с буддийской хронологией. Ему невдомёк (а может, он и просто игнорирует этот факт), что, кроме этих двух Ашок, существовало ещё и несколько других царей, носивших имена *Чандрагупта* и *Чандрамаса*. Плутарх им отодвигается в сторону, поскольку противоречит более удобной для него версии, и оставляются лишь свидетельства Юстина.

Однако существовал и Калашока, которого одни называют Чандрамасой, а другие Чандрагуптой. Его сына, Нанду, сменил на троне двоюродный брат Нанды — он-то и был тем самым Чандрагуптой, о котором мы знаем в связи с Селевком. При его правлении как раз и состоялся собор в г. Вайшали — "при поддержке царя Нанды", как справедливо указывает Таранатха.[464] (Ни один из них никогда не был шудрой — это чистейшая выдумка брахманов). Последний же из этих Чандрагупт взял себе

имя *Викрама*. С него и берёт начало новая эра, Викрамадитья или Самват, а также новая династия со столицей в г. Паталипутра (318 год до Р.Х.) — *согласно некоторым европейским "авторитетным источникам"*. После него царствовал его сын, Биндусара (или Бхадрасена), также принадлежавший к роду Чандрагупта, а после него трон унаследовал Дхармашока Чандрагупта.

Кроме того, было и два Пиядаси — один "Сандракоттос"[465]-Чандрагупта, а другой Ашока. Если же востоковеды станут это оспаривать, то пусть они тогда объяснят следующую странную непоследовательность. Если единственным "Пиядаси" был Ашока, и именно он строил памятники и наносил наскальные надписи под этим именем, а взшёл на трон он, как предполагает профессор Макс Мюллер, около 259 года до Р.Х., то, другими словами, это означает, что правил он на 60-70 лет позже, чем любой из царей, упомянутых в памятниках Пиядаси. Какое в этом случае отношение может он иметь к вопросу о вассальном или невассальном положении этих царей и как, вообще, он может быть с ними связан? Договорные отношения с ними на самом деле установил ещё его дед примерно за семьдесят лет до него — с учётом того, что буддистом Ашока стал лишь через десять лет после своего восшествия на престол.

И, наконец, можно доказать существование трёх хорошо известных Бхадрасен. В зависимости от своего диалекта и национальной принадлежности разные писатели по-разному пишут и произносят это имя, порождая в итоге разнообразие имён: и Биндусара, и Бимбисара, и Виндусара, и Бхадрасена, и, как он зовётся в "Ваю-пуране", Бхадрасара. Но всё это синонимы.

Казалось бы, чего проще: взять да и вычеркнуть из анналов истории какое-нибудь живое действующее лицо, но так представляется лишь на первый взгляд. Не так-то легко будет доказать небытие Калашоки, просто приклеив к нему ярлык "лже", в отличие от второго, "реального", Ашоки перед лицом таких свидетелей, как пураны, написанные злейшими врагами буддистов — тогдашними брахманами. Дело в том, что оба они упоминаются в списках царствующих особ династий Нанда и Морьев не только в "Ваю-пуране", но и в "Матсья-пуране". Пусть даже они и связывают Чандрагупту с *шудрой* Нандой, однако сам факт существования Калашоки ими отнюдь не отрицается, хотя в этом случае было бы так легко опровергнуть всю буддийскую хронологию. И какими бы искажёнными ни были дошедшие до нас тексты обеих этих пуран, но, отталкиваясь при всём при том от их "подлинного смысла", который профессор Макс Мюллер (невзирая на всю свою уверенность) не может уловить, ни одна из этих пуран ничуть *не* "противоречит буддийской хронологии событий, случившихся до Чандрагупты".[466] По крайней мере в тех случаях, когда речь идёт о *реальном* Чандрагупте, а не о выдуманном греками Сандракоттосе.

В исторических анналах как у брахманов, так и у бирманцев и тибетцев — совершенно независимо от буддийской версии — упоминается один и тот же исторический факт: в год 63 от рождения Будды народом Паталипутры был избран на царство Шишунага из Бенареса, который положил конец правлению династии Аджаташатру. Этот Шишунага перенёс столицу Магадхи из Раджагрихи в г. Вайшали, а его преемник, Калашока, перенёс её в свою очередь в г. Паталипутра. И вот при его-то правлении и сбылось пророчество Будды в отношении Паталибата (Паталипутры) — небольшой деревушки в Его времена (см. "Махапариниббана-сутта").

Придёт время, и будет нетрудно дать достойный ответ всем этим фомам

неверующим, востоковедам, положив перед ними необходимые доказательства и документы. Они [востоковеды Запада — *перев.*] обвиняют буддистов и брахманов в разгуле буйной фантазии и нелепом приукрашивании событий. В ответ брахманы могут заявить им следующее:

"Самые безумные теории как раз строятся теми, кто, в упор не видя очевидные факты, склоняется к оценкам, категорически несовместимым с нравственными устоями народа и идущим целиком вразрез с самыми яркими особенностями характера брахманической Индии — а именно: к утверждениям о якобы заимствовании ею чуждых ей традиций и подражательстве другим народам. На взгляд любого мало-мальски знакомого с этим предметом человека, их суждения о "Ригведе", об исторических памятниках Цейлона, о трудах Панини и Ма Дуаньлиня[467] — буквально на каждой странице, вышедшей из-под пера их учёных мужей-комментаторов, — выглядят чудовищной мешаниной досужих и беспочвенных домыслов".

Вот почему, невзирая ни на какую греческую хронологию и фигуру Чандрагупты — период жизни которого выдаётся за "главный якорь всей индийской хронологии", который "ничто неспособно разрушить"[468] — мы, боимся, вынуждены заявить о том, что в случае с Индией хронологический корабль [западных — *перев.*] санскритологов уже давно оторвало от надёжного причала, и он теперь носится по воле волн вместе со всей его драгоценной оснасткой, состоящей из догадок и гипотез. Корабль этот несётся навстречу опасности. Сегодня мы стоим у завершения одного цикла — геологического и проч. — и у начала другого. Должна последовать цепь катаклизмов. Долго сдерживаемые силы рвутся наружу во многих частях Земли, но грядущие бедствия будут состоять не только в том, что они поглотят жизни и похоронят тысячи людей; не только в том, что приведут к появлению "новых" и исчезновению "старых" земель; и не только в том, что разбудят вулканы и породят приливные волны. Помимо этого, они, к неудовольствию западных прожектёров и посрамлению царственной науки, приведут ещё и к открытию секретов неожиданного прошлого. И все увидят, как этот дрейфующий корабль сядет на мель, когда на поверхность океана выйдут следы древних цивилизаций — там-то корабль этот и развалится на куски. Отнюдь *не* претендуя на лавры пророка, мы, *тем не менее*, хотим, чтобы слова наши были восприняты как пророчество.

Надпись, обнаруженная генералом А. Каннингемом[469]

Т. Субба Роу, бакалавр искусств, бакалавр права, член Т.О.

Мы внимательно исследовали эту обнаруженную генералом А. Каннингемом надпись, на основании которой принятая у буддийских авторов дата смерти Будды была объявлена неверной, и полагаем, что указанная надпись не только не доказывает ошибочность буддийских традиций, но лишь подтверждает их правоту. Вот что пишет упомянутый нами археолог относительно этой надписи в первом томе своих отчётов:

"Самой интересной из найденных (в Гае[470]) надписей является длинная и прекрасно сохранившаяся надпись, которая датируется эрой *нирваны* (то есть смерти) Будды. Эту дату я интерпретирую следующим образом: "*Бхагавати Паринирвритте Самват 1819 Карттике бади 1 Будхи*" — то есть "в год 1819

от Освобождения Бхагавата, состоявшегося в среду, в первый день убывающей Луны месяца *картика*^[471]". Если использованная здесь система летоисчисления аналогична той, которой придерживаются буддисты Цейлона и Бирмы, — а она начинается с 543 года до Р.Х., — то дата этой надписи должна составлять $1819 - 543 = 1276$ год по Р.Х.

Буквы написаны стилем, который соответствует этой датировке, но совершенно расходится с той эрой, которую мы определяем на основании китайских источников. Китайцы отодвигают дату смерти Будды на тысячелетие от даты Рождества Христова, и если верить им, то надпись эта должна датироваться примерно 800 годом по Р.Х., то есть периодом слишком ранним для того, чтобы буквы в этой надписи могли быть написаны данным стилем. Но, поскольку, на наше счастье, здесь указан и день недели, то дату можно уточнить путём расчётов. По моим подсчётам, дата надписи соответствует среде, 17 сентября 1342 года по Р.Х. А из этого следует, что переход Будды в нирвану состоялся в 477 году до Р.Х., то есть в том самом году, который я сам изначально и предположил в качестве наиболее вероятной даты этого события. Эта исправленная дата была признана профессором Максом Мюллером".^[472]

Причины, по которым некоторые востоковеды сочли эту так называемую "исправленную датировку" реальной датой смерти Будды, уже были освещены и подвергнуты критике в предыдущей статье. Нам же остаётся только посмотреть, действительно ли эта новая надпись опровергает прежнюю датировку.

Генерал-майор Каннингем — насколько позволяют об этом судить его сегодняшние расчёты — очевидно, исходит из того, что подсчёт количества дней в году в Магадхе и в буддийской литературе вообще ведётся по тому же принципу, по какому определяется количество дней в современной Англии. Эта ложная установка и породила просчёты в его вычислениях, приведя в итоге к неверному заключению.

Во времена Будды в Индии применялись три разных метода расчётов — ими пользуются и до сих пор в некоторых частях страны. Эти методы называются: *саурамана*, *чандрамана* и *бархаспатьямана*.^[473] Как определяется в индуистских астрономических трудах, один год по календарю *саурамана*, состоит из 365 дней, 15 гхатик^[474] и 31 вигхатики. По календарю *чандрамана*, год состоит из 360 дней, а если исчислять год методом *бархаспатьямана*, то окажется, что он состоит из 361 дня и почти 11 гхатик.

Вот почему перед тем, как садиться за собственные расчёты, генералу Каннингему следовало взять на себя труд установить, какой конкретно *маной* (мерой) пользовались магадхские и цейлонские авторы, сообщая о дате смерти Будды, а также какой *маной* определялось количество лет в той *буддийской эре*, о которой говорится в упомянутой надписи. Вместо того, чтобы поставить себя на место автора этой надписи и производить соответствующие расчёты, исходя из его точки зрения, он занялся вычислениями, опираясь на те же самые принципы, с помощью которых английский джентльмен XIX века рассчитывал бы время по своему собственному календарю.

Будь эти расчёты произведены правильно, они показали бы ему, что упомянутая надпись в точности соответствует утверждению о смерти Будды в 543 году до Р.Х., определяемой с помощью *бархаспатьяманы* (единственной *маны*, которой пользовались в Магадхе и в палийской литературе в целом). В точности этого

утверждения мы убедимся, если проанализируем следующие вычисления.

По *бархаспатьямане*, 543 года соответствуют 536 годам и (почти) 8 месяцам *саурамамы*.

Соответственно и 1819 лет, по первой *мане*, составляют 1798 лет, исчисленных по второй *мане*.

Поскольку христианское летоисчисление начинается с 3102 года кали-юги (по *саурамане*), то получается, что Будда умер в 2565 году кали-юги, а надпись была сделана в 4362 году кали-юги (по *саурамане*). Но теперь возникает вопрос, а выпадает ли, по *Индийскому альманаху*,^[475] первый день убывающей Луны месяца *картика* на среду?

Согласно "Сурья-Сиддханте", от начала кали-юги до полуночи 15 дня растущей Луны месяца *ашвина*^[476] прошло 1 593 072 дня, включая 1608 набежавших за это время дополнительных месяцев (*адхикамаса*^[477]) и 25 323 *кишятитхи*.^[478]

Если разделить это число на семь, то в остатке получится 5. Поскольку начало кали-юги пришлось на пятницу, то вышеуказанный период времени завершился во вторник, так как, по "Сурье-Сиддханте", счёт суток производится от полуночи до следующей полуночи.

Следует подчеркнуть, что в случае, если применяется календарь *бархаспатьямана*, то счёт ведётся, начиная с *кришнапакши* (т.е. двух недель убывающей Луны), за чем следует *шуклапакши* (период растущей Луны).

Таким образом, сутки, следующие за 15-м днём растущей Луны месяца *ашвина*, окажутся первым днём убывающей Луны месяца *картика* — у тех, кто руководствуется календарём *бархаспатьямана*. А значит, последняя дата — дата, упоминаемая в надписи, — была средой в 4362 году кали-юги.

Геоцентрическая долгота Солнца в период его прохождения меридиана на указанную дату составляла $174^{\circ} 20' 16''$, а долгота Луны — $70^{\circ} 51' 42''$ (согласно "Сурья-Сиддханте"), откуда легко понять, что тогда в Гае наступил *падьямититхи* (первый день убывающей Луны) и прошло почти 7 гхатик и 50 вигхатик после восхода Солнца.

Из приведённых выше расчётов становится очевидным, что в 4362 году кали-юги (то есть в 1261 году по христианскому летоисчислению) "Картик 1 Бади" выпадал на среду, и для делавшего указанную надпись человека это был 1819 год по буддийскому летоисчислению. Следовательно, эта новая надпись подтверждает правоту датировки смерти Будды буддийскими авторами. Генерал-майору Каннингему следовало бы вначале внимательно приглядеться к основе собственных вычислений, прежде чем во всеуслышанье объявлять миру о недостоверности буддийских расчётов.

О различении духа и не-духа^[479]

(перевод с санскритского оригинала, принадлежащего Шанкарачарье)

Мохини М. Чаттерджи

[Едва ли требуются какие-либо дополнительные пояснения в связи с осуществлением перевода знаменитого труда Шанкарачарьи, известного под названием "Атма-анатма-вивека" — краткого свода главных идей ведантизма. В этом небольшом по объёму трактате лаконичным языком очерчен весь круг проблем, которыми занимается философия веданты, и тот набор задач, которые она ставит перед собой. Учитывая имя автора, как и собственные немалые достоинства этого труда, можно лишь удивляться тому обстоятельству, что перевод этого сочинения не был до сих пор осуществлён каким-либо компетентным учёным. Нынешний перевод, хоть и не претендующий на особую учёность, в каждом слове своём почтительно следует оригиналу, и единственным исключением, пожалуй, является то, что в нём опущены несколько строк, касающихся обсуждения этимологии терминов "шарира" и "деха", как и ряда некоторых других вопросов, которые, пусть и интересны сами по себе, не имеют, однако, прямого отношения к главному предмету рассмотрения — ПЕРЕВ.[480]

Ничто не есть дух, если способно выступать объектом сознания. Тому, кто наделён способностью верно различать, ясно, что дух может выступать лишь субъектом познания. Таково точное разграничение между духом и не-духом, сформулированное в миллионах трактатов.

Ниже приводится это разграничение между духом и не-духом.

Вопрос: Отчего дух ощущает боль?

Ответ: Оттого, что он занимает собою тело. Сказано в шрути:[481] "Не в этом (состоянии бытия) прекратятся наслаждение и боль для живого существа, обладающего телом".[482]

Вопрос: Вследствие чего происходит это занятие тела?

Ответ: *Вследствие кармы*.[483]

Вопрос: Почему вследствие *кармы* это происходит именно так?

Ответ: Из-за желания и остальных (страстей).

Вопрос: Чем же порождаются желание и остальные?

Ответ: Эгоизмом.

Вопрос: А чем же, в свою очередь, порождается эгоизм?

Ответ: Отсутствием способности к чёткому различению.

Вопрос: Чем же порождается это отсутствие способности к чёткому различению?

Ответ: Неведением.

Вопрос: А что же неведение, оно тоже чем-то порождается?

Ответ: Нет, оно ничем не порождается. Неведение не имеет своего начала и не поддаётся твёрдому определению, поскольку пребывает в виде смеси реального (*сам*) и нереального (*асам*).[484] Это нечто воплощает в себе три качества,[485] и о нём говорится, что оно противостоит Мудрости в той мере, в какой порождает понятие: "я — невежда". В шрути сказано: "(Неведение) есть сила Божества, и оно

сокрыто под пеленой своих собственных качеств".[486]

Итак, происхождение боли можно возвести к неведению, и ей не будет конца до тех пор, пока целиком не рассеется неведение, а случится это не раньше, чем будет в полной мере осознана тождественность "Я" и Брахмана (мирового духа).[487] В упреждение возражений против того положения, что вечные действия (т.е. те, что предписаны ведами) верны, а потому и приведут к разрушению неведения, сказано, что неведение не может быть рассеяно *кармой* (предписанными религией действиями).

Вопрос: Отчего же?

Ответ: По причине отсутствия логической противоположности между неведением и действием. Очевидно поэтому, что неведение может быть устранено одной лишь Мудростью.

Вопрос: Каким же образом можно обрести эту Мудрость?

Ответ: Рассуждением. Рассуждением о природе духа и не-духа.

Вопрос: Кто же достоин заниматься подобным рассуждением?

Ответ: Тот, кто обрёл четыре качества.

Вопрос: Что это за четыре качества?

Ответ: (1) Умение верно различать непреходящее и преходящее. (2) Нежелание наслаждаться плодами собственных поступков ни здесь, ни там[488]. (3) Овладение качеством *шама* и другими пятью качествами. (4) Горячее желание обрести свободу (от качественно обусловленного бытия).

(1) Вопрос: Что представляет собой умение верно различать непреходящее и преходящее?

Ответ: Убеждённость в том, что материальная Вселенная не подлинна и мнима, а единственной реальностью является Брахман.

(2.) Нежелание наслаждаться плодами собственных поступков в этом мире означает питать к предметам мирских вожделений (например, к цветочным гирляндам, к сандаловой пасте, к женщинам и проч.) — кроме тех, что абсолютно необходимы для сохранения жизни, — такое же отвращение, какое человек питает к блевоте и проч. Точно такое же отвращение [должно быть и] к общению с Рамбхой, Урваши и прочими небесными нимфами в вышних сферах жизни, начиная со *Сварга-локи* и кончая *Брахма-локой*. [489]

(3) Вопрос: А каковы те шесть качеств, что начинаются с *шамы*?

Ответ: Шама, дама, упарати, титикша, самадхана и шраддха.

Шама — это подавление того внутреннего чувства, что зовётся *манасом*. Иначе говоря, наделённый этим качеством не позволяет манасу сосредотачиваться ни на чём ином, кроме *шраваны* (слушания того, что говорят о духе мудрецы), *мананы* (размышления об услышанном), *нидидхьясаны* (медитации об услышанном). Дама же — это подавление внешних чувств.

Вопрос: Что такое внешние чувства?

Ответ: Существуют пять органов восприятия и пять телесных органов для совершения внешних действий. Отключение их от всех прочих вещей, кроме *шраваны* и остальных, есть *дама*.

Упарати — это принципиальный отказ от любых действий и церемоний, предписанных *шастрами*. Иначе говоря, это такое состояние ума, при котором он постоянно погружён в *шравану* и остальные, ни разу не отклоняясь от них.

Титикша (буквально желание уйти) — это равнодушное отношение к любым парам противоположностей (таким как удовольствие и боль, жара и холод и проч.). В другом смысле это проявление терпимости по отношению к заслуживающему наказания человеку.

Всякий раз, когда ум, занятый *шраваной* и остальными, начинает блуждать и, блуждая, приходит к какому-нибудь предмету мирских желаний, а сочтя его недостойным, возвращается к исполнению трёх упражнений, то такое возвращение именуется *самадхана*.

Шраддха — это беспредельная вера в истинность того, о чём говорит твой *гуру* и философия веданты.

(4.) Безудержное стремление к освобождению называется *мумукушатвой*.

Обладающие этими четырьмя качествами достойны заниматься рассуждением относительно природы духа и не-духа, и, подобно брахмачаринам, они не имеют никаких других обязанностей (кроме такого рода рассуждений). Впрочем, и домохозяйину не только не возбраняется заниматься подобными рассуждениями, но, наоборот, такие занятия считаются для него чрезвычайно похвальными. Ибо сказано: всякий, кто с должным почтением погружается в рассуждения по поводу вопросов, трактуемых в философии веданты, и верно служит своему *гуру*, пожнёт добрые плоды. Рассуждения относительно природы духа и не-духа являются, следовательно, важным долгом.

Вопрос: Что же такое дух?

Ответ: Это тот самый принцип, что входит в состав человека. Он, однако, не заключён ни в одном из *трёх тел* и не имеет ничего общего с пятью оболочками (*коша*), ибо он есть *сам* (бытие), [490] *чит* (сознание), [491] и *ánанда* (блаженство), [492] а также свидетель этих *трёх состояний*.

Вопрос: Что это за три тела?

Ответ: Плотное (*стхула*), тонкое (*сукшма*) и причинное (*ка́рана*).

Вопрос: Что такое *плотное тело*?

Ответ: Это результат дифференциации *махабхут* (тонких первоэлементов), которые в ходе этого процесса превращаются в пять плотных элементов (*панчикрита*). [493] Оно [плотное тело — *перев.*] рождается кармой и, с момента своего рождения, подвергается шести изменениям. [494] Сказано:

Произведённое (тонкими) первоэлементами в ходе дифференциации превращается в пять плотных. Оно достигается действием *кармы*, выступает мерой [назначенных кармой — *перев.*] наслаждения и боли и преимущественно называется телом (*шарирой*).

Вопрос: А что такое *тонкое тело*?

Ответ: Это продукт тех первоэлементов, которые ещё не претерпели дифференциации и не превратились в пять [плотных — *перев.*]. Они имеют семнадцать характерных признаков (*линга*).

Вопрос: Каковы же эти семнадцать?

Ответ: Это — пять каналов познания (*джнянендриа*), пять *органов действия*, пять *жизненных токов* (начиная с *праны*) плюс *манас* и *буддхи*.

Вопрос: Что же собой представляют *джнянендрии*?

Ответ: (Духовные) ухо, кожа, глаз, язык и нос.

Вопрос: Что такое *ухо*?

Ответ: Это такой канал познания, который выходит за пределы (физического) уха. Он ограничивается ушным отверстием, через которое воздействует *акаша* и происходит восприятие звука.

Вопрос: А *кожа*?

Ответ: Это то, что выходит за пределы той [физической — *перев.*] кожи, через которую осуществляется восприятие [духовной — *перев.*] кожей и которая простирается от головы до ног и обладает способностью воспринимать тепло и холод.

Вопрос: А *глаз*?

Ответ: Это то, что выходит за пределы глазного яблока, через которое осуществляется восприятие [духовным — *перев.*] глазом, расположенным перед чёрным зрачком, способным воспринимать формы.

Вопрос: А *язык*?

Ответ: Это то, что выходит за пределы [физического — *перев.*] языка и способно воспринимать вкус.

Вопрос: А *нос*?

Ответ: Это то, что выходит за пределы [физического — *перев.*] носа и способно воспринимать запах.

Вопрос: Что же представляют собой органы действия?

Ответ: Они включают в себя орган речи (*вач*), руки, ноги и проч.

Вопрос: Что же такое *вач*?

Ответ: Это то, что выходит за пределы [физической — *перев.*] речи, в которой пребывает речь [духовная — *перев.*]. Оно располагается в *восьми различных центрах*^[495] и обладает речевой способностью.

Вопрос: А каковы эти *восемь центров*?

Ответ: Грудь, гортань, голова, верхняя и нижняя губы, уздечка языка (*frænum*), крепление языка к нижней челюсти и язык.

Вопрос: Что такое орган, отвечающий за действия рук (кистей)?

Ответ: Это то, что выходит за пределы [физических — *перев.*] рук, на которых расположены пальцы. Он обладает способностью отдавать и брать... (Остальные органы описываются аналогично этому).

Вопрос: Что такое *антахкарана*?[496]

Ответ: Образуют его *манас*, *буддхи*, *читта* и *аханкара*. Вместительством *манаса* является корень гортани; *буддхи* — лицо; *читты* — пупок; *аханкары* — грудная клетка. Функциями этих четырёх составляющих антахкарану являются соответственно сомнение, уверенность, чувство собственности, эгоизм.

Вопрос: А как называются те пять жизненных токов,[497] что начинаются с *праны*?

Ответ: *Прана*, *апана*, *вяна*, *удана* и *самана*. Они, как говорят, имеют следующие вместительности: *прана* — грудную клетку; *апана* — нижнюю часть тела (*fundamentum*); *самана* — пупок; *удана* — гортань, тогда как *вяна* распределена по всему телу. Функции у них следующие: *прана* исходит наружу; *апана* спускается вниз; *удана* поднимается вверх; *самана* переводит съеденную пищу в неразличимое состояние, тогда как *вяна* циркулирует по всему телу. У этих пяти главных жизненных токов есть пять вспомогательных: *нага*, *курма*, *крикара*, *дэвадатта* и *дхананджая*. Они выполняют следующие функции: с помощью *наги* производятся удаления из организма; с помощью *курмы* открывается зрение; с помощью *дхананджайи* происходит усвоение пищи; *дэвадатта* вызывает зевоту; а *крикара* пробуждает аппетит — так говорят люди, сведущие в йоге.

Над этими пятью каналами познания и прочими стоят (выступают аналогами в макром мире) *дик* (акаша) и остальные. *Дик*, *вата* (воздух), *арка* (Солнце), *прачетá* (вода), *Ашвини*, *бахни* (огонь), *Индра*, *Упендра*, *Мритью* (смерть), *Чандра* (Луна), *Брахма*, *Рудра* и *Кшетражнешивара*,[498] т.е. великий Творец и причина всего сущего. Таковы силы, управляющие слухом и прочими в порядке их разворачивания.

Вместе взятые, все они образуют *линга-шариру*. [499] Кроме того, в *шастрах* сказано:

Эти пять жизненных токов, а также *манас*, *буддхи* и десять органов, образуют тонкое тело, которое рождается из тонких первоэлементов, ещё не превратившихся в ходе дифференциации в пять плотных. Это [тонкое] тело и есть то, через что воспринимаются наслаждение и боль.

Вопрос: А что такое *карана-шарира*?

Ответ: Именно неведение (о существовании различных монад) (*авидья*) и выступает причиной появления двух других тел. Не имеющее начала (в нынешней *манвантаре*),[500] не формулируемое в словах [неведение], является отражением (Брахмана), порождающим представление о нетождественности "я" и Брахмана. Сказано также:

"Это не имеющее начала, неопределимое неведение, *авидья*, именуется *упадхи-карана* (носителем-причиной). Знайте же, что дух воистину отличен от этих трёх *упадхи*, т.е. тел".

Вопрос: Что же такое *не-дух*?

Ответ: Это три (вышеописанных) тела, которые являются преходящими,

неодушевлёнными (*джада*), по самой природе своей приносящими боль и подверженными то объединению между собой, то обособлению друг от друга.

Вопрос: Что значит быть *преходящим*?

Ответ: Это значит не оставаться в одном и том же состоянии в трёх разделах времени (а именно: в настоящем, в прошедшем и в будущем).

Вопрос: А что такое *неодушевлённое* (*джада*)?

Ответ: Это всё то, что неспособно видеть различие между объектами собственного познания и объектами познания другими...

Вопрос: Каковы же эти три состояния (свидетелем которых, как сказано выше, является дух)?

Ответ: Бодрствование (*джаграта*), сон со сновидениями (*сванна*), а также состояние дрёмы без сновидений (*сушупти*).

Вопрос: Что такое состояние *бодрствования*?

Ответ: Это такое состояние, в котором предметы познаются посредством (физических) органов чувств.

Вопрос: А состояние *сна*?

Ответ: В этом состоянии предметы воспринимаются в силу тех желаний, что порождаются впечатлениями, возникшими в состоянии бодрствования.

Вопрос: Что же такое состояние *дрёмы без сновидений*?

Ответ: Это такое состояние, при котором напрочь отсутствует восприятие каких бы то ни было предметов.

Представление о "я", формирующееся в состоянии бодрствования в плотном теле, определяется как *вишва* (предметный мир);[501] в тонком теле во время сна представление о "я" определяется как *тайджас* (магнетический огонь), а в причинном теле во время сна без сновидений — как *праджня* (единая жизнь).

Вопрос: А что такое пять оболочек?

Ответ: [Они именуются] *аннамайя*, *пранамайя*, *маномайя*, *виджнянамайя* и *анандамайя*.

Аннамайя связана с понятием *анна*[502] (пища), *пранамайя* — с *праной* (жизнью), *маномайя* — с *манасом*, *виджнянамайя* — с понятием *виджняна* (восприятие чего-либо как конечного), *анандамайя* — с понятием *ананда* (иллюзорное блаженство).

Вопрос: Что представляет собой оболочка, именуемая *аннамайей*?

Ответ: Это плотное тело.

Вопрос: Почему?

Ответ: Съедаемая отцом и матерью пища преобразуется в семя и кровь, а сочетание последних преобразуется в форму некоего тела. Последняя обладает способностью окутывать со всех сторон, как оболочка, а потому так и называется. И вот эта

преобразованная пища и окутывает со всех сторон дух наподобие оболочки — и тогда дух начинает выглядеть как нечто конечное, хотя сам он бесконечен; как нечто, подверженное шести изменениям, начиная с рождения, хотя сам дух им не подвержен; как нечто, способное испытывать три вида боли,[503] хотя сам дух их испытывать неспособен. Подобно оболочке, она прячет в себе дух так же, как ножны прячут в себе меч, семенная оболочка скрывает под собой зерно, а матка окутывает собою внутриутробный плод.

Вопрос: Какова же следующая оболочка?

Ответ: Это оболочка, которую называют *пранамайя*. Её образуют сочетание пяти органов действия и пяти жизненных токов.

При проявлении через *прану* дух начинает представляться как нечто, способное говорить, хотя сам дух даром речи не обладает; как нечто, способное отдавать, хотя сам дух ничего не отдаёт; как нечто, способное двигаться, хотя сам дух недвижим; как нечто, способное испытывать голод и жажду, хотя сам дух подобных ощущений лишён.

Вопрос: Какова же третья оболочка?

Ответ: Это пять (тонких) органов чувств (*джнянендрия*) и манас.

При проявлении через эту оболочку (*викару*[504]) дух представляется как нечто, подверженное сомнению, хотя сам дух чувства сомнения лишён; как нечто, способное горевать и впадать в заблуждения, хотя сам дух ничего подобного не испытывает; как нечто, способное видеть, хотя сам дух зрением не обладает.

Вопрос: А что представляет собой оболочка *виджнянамайя*?

Ответ: Эту оболочку образует (эссенция) пяти органов чувств в сочетании с *буддхи*.

Вопрос: Отчего эту оболочку называют личным эго (*дживой*), которое, мысля себя как нечто, способное самостоятельно действовать, чувствовать и проч., то уходит в другую *локу*, то возвращается снова в эту?[505]

Ответ: Она обволакивает собою дух, в результате чего тот начинает выглядеть как нечто, способное действовать самостоятельно, хотя сам дух никогда не предпринимает никаких действий; как нечто, обладающее сознанием, хотя сам дух ничего вне себя осознавать [или познавать — *перев.*] не может; как нечто, способное испытывать уверенность, хотя самому духу это понятие неведомо; как нечто, представляющее собой либо зло, либо неодушевлённое, хотя сам дух не есть ни то, ни другое.

Вопрос: А что такое оболочка *анандамайя*?

Ответ: Это *антахкарана*, где преобладает неведение и где возникают ощущения удовлетворения, наслаждения и проч. Она обволакивает собою дух, который в результате начинает представляться как нечто, способное испытывать желания, наслаждение и удовлетворение, хотя сам дух ничего подобного не испытывает; как нечто, способное переживать условное счастье, хотя сам дух ничего подобного не переживает.

Вопрос: Почему считается, что дух отличен от трёх тел?

Ответ: То, что есть истина, не может быть ложным; то, что есть знание, не может

быть неведением; то, что есть блаженство, не может быть страданием, и наоборот.

Вопрос: Отчего дух зовут свидетелем трёх состояний?

Ответ: Являясь хозяином трёх состояний, он является и знанием об этих трёх состояниях как существующих в настоящем, прошедшем и будущем. [506]

Вопрос: Чем дух отличается от этих пяти оболочек?

Ответ: Это можно показать на следующем примере.

[Говорят:] "Это моя корова", "это мой телёнок", "это мой сын или моя дочь", "это моя супруга", "это моя оболочка *анандамайя*" и т.д. [507] [Однако] дух никогда не может быть связан с подобным пониманием. Он отличен от них всех и свидетель над всеми. Ибо сказано в упанишаде: (Дух) "не имеет ничего от звука, от осязания, от формы, от цвета, от вкуса, от запаха. Он вечно сущ, не имеет ни начала, ни конца; он стоит (в порядке субъективности) над *пракрити* (дифференцированной материей); и тот, кто верно понимает его таким, тот достигнет *мукти* (освобождения)". Кроме того, дух называют (см. выше) *сам*, *чит* и *ананда*.

Вопрос: Что имеют в виду, когда его называют *сам* (присутствием)?

Ответ: То, что он не подвержен никаким изменениям в трёх подразделениях времени и нет ничего иного, что могло бы влиять на него.

Вопрос: А что подразумевают, когда его называют *чит* (сознанием)?

Ответ: То, что его проявление не зависит ни от чего иного и он сам содержит в себе зародыш всего.

Вопрос: А что означает, когда называют его *ананда* (блаженством)?

Ответ: Блаженство *ne plus ultra*. [508]

Тот, кто знает об этом без сомнения и не представляет его иным; кто знает, что "я" нераздельно от Брахмана (или духа); кто знает, что дух вечен, недвойствен и ничем не обусловлен, достигнет *мокиши* (освобождения от качественно обусловленного бытия).

Была ли известна письменность до Панини? [509]

Чела

Передо мной поставлена задача представить здесь некоторые факты, которые подтвердили бы, что искусство письма было известно в Индии задолго до времени жизни нашего грамматиста — Панини, ученика самого бога Шивы. Профессор Макс Мюллер придерживается противоположной точки зрения, которую он неоднократно высказывал, начиная с 1856 года, и встретил в этом поддержку со стороны ряда других блестящих западных исследователей. Коротко говоря, их позиция заключается в том, что уже сам факт отсутствия в ведах и на всём протяжении брахманического периода каких-либо упоминаний о "письме, чтении, бумаге и писчем перо", как и почти полное умолчание о них в период сутр,

"заставляет нас предположить, что даже тогда [в период сутр], когда уже

начало обретать известность искусство письма, индийская литература продолжала сохраняться исключительно благодаря устной традиции" ("Hist. Sans. Lit.," p. 501).[510]

Для подтверждения этой своей теории он расширяет объём памяти наших почтенных праотцов до таких феноменальных размеров, что с помощью особой мнемонической техники она уже была якобы способна вместить в себя целый город спасительных сведений, в который незадачливые мудрецы могли нырять в случае особой нужды — и как тут не вспомнить о бычьей шкуре царицы Дидоны.[511] Но какой же гигантской памятью в этом случае они должны были бы обладать, если, по признанию профессора Вебера, — а он, как мы видим, большой любитель перегонять чистейшую эссенцию арийских эонов в эфирное масло столь жалкого по продолжительности промежутка времени, как библейский период, — Европа уже сегодня обладает десятью тысячами санскритских текстов, к которым следует присовокупить и те десятки тысяч, которые по скупости своей карма пока что не решилась отдавать в европейские музеи и библиотеки!

Пусть меня поправят, если я ошибаюсь, но смею утверждать, что, во-первых, Панини — а он причислялся к самим риши — является величайшим грамматистом Индии, который не имел себе равных ни в древней, ни в новой истории, и, во-вторых, современные учёные в один голос признают санскрит самым совершенным из всех существующих ныне языков. Вот почему при всём нашем глубочайшем почтении к западному мнению мы испытываем немалое разочарование, когда читаем такие, например, строки, в которых профессор Мюллер утверждает, будто

"в терминологии Панини не встречается ни одного-единственного слова, которое предполагало бы существование письменности" (ibid. P. 507).

В самом деле, нам трудно убедить себя в том, что столь великий мыслитель, как Панини, оказался совершенно неспособным придумать буквы для сохранения собственной же системы грамматики (если только допустить, что таковых ещё не существовало в его время), поскольку именно его гению и принадлежит честь изобретения классического санскрита.

Профессора Мюллера нимало не смущает упоминание такого слова, как *грантха*, а ведь именно под этим словом и понималась в позднейшей индийской литературе любая изложенная на письме или переплетённая книга, и Панини употребляет это слово применительно к ведам (I, 3, 75); к любому литературному произведению (IV, 3, 87); к литературному произведению конкретного автора (IV, 3, 116); а также к любому исследуемому литературному произведению (IV, 3, 79). Профессор же Мюллер понимает это слово как простой сюжет, который может передаваться потомкам и изустно.

Из всего этого мы, стало быть, должны заключить, что Панини был неграмотен, хотя при этом и является автором самой разработанной, самой совершенной научной грамматической системы, которая только известна человечеству, а все свои 3996 правил он просто зафиксировал на зыбучих песках "молекул серого вещества своего мозга" и передал ученикам с помощью воздушных вибраций — то есть в виде изустного учения!

Ну, разумеется, проще и быть не может — мысль, вполне доступная любому простаку! При наличии столь блестящей гипотезы кажется даже досадным признание автора (там же, с. 523) в том, что, "вполне возможно", он

"упустил из виду какие-то слова в брахманах и сутрах, которые могли бы доказать наличие письменной литературы и до Панини".

Всё это похоже на военную стратегию наших старых добрых воинов, которые, совершая смелое нападение на противника, всё же старались держать свои тылы открытыми на случай возможного отступления.

И эта мера предосторожности оказалась отнюдь не излишней, поскольку письменная литература действительно *существовала* за многие века до той эпохи, когда на небосклоне арийской культуры взошло это яркое солнце, осветившее собой весь его век. Литература эта и вправду существовала, но тщетно востоковеды пытались бы отыскать доказательства этого среди *экзотерических* слов в нашей ранней литературе. Ведь и египетские иерофанты имели свой набор тайных иератических знаков, и даже основатель христианства предпочитал говорить с толпой притчами, мистический смысл которых был понятен лишь избранным. Вот и у брахманов имелась (и имеется до сих пор) некая мистическая терминология, сложенная из казалось бы обычных слов, однако если выражения эти поставить в речи в такой последовательности, что между многими их значениями начинают возникать особые взаимосвязи, то непосвящённому эта речь так и останется непонятной.

Наличие особого ключа, которым обладают брахманы, доказывает лишь одно: как это обстоит и с религиозно-философскими системами архаичных времён у других народов, душа индуизма отлетела (к его первовестникам — посвящённым), а на долю духовно выродившегося потомства досталось всего лишь немощное тело.^[512]

Я в полной мере осознаю, сколь трудно будет мне убедить европейских филологов в том, что, как я и сам уже сказал, они не в состоянии будут перепроверить. Об этом мы судим по нынешним умонастроениям наших брахманов. Но я попробую представить здесь несколько таких общепринятых обстоятельств, которые, пусть и не позволят послужить нам твёрдым фундаментом для доказательства древности санскритской письменности, всё же, по крайней мере, продемонстрируют несостоятельность западной теории.

В подтверждение наших слов можно привести три важных аргумента — пусть даже они и покажутся нашим оппонентам лишь косвенными доказательствами.

I. — Можно показать, что в тех финикийских поселениях, с которыми впервые познакомилась западная историография, письменность уже существовала. По европейскому летоисчислению, это, по-видимому, 2760 год до Р.Х. — год основания Тира.

II. — Судя по признаниям наших оппонентов, они и сами не знают, откуда пришёл к финикийцам их собственный алфавит.

III. — Можно доказать, что в те времена, когда языки ещё окончательно не разделились и не оформились, у каждого народа существовало по два языка: (а) профанный (или общенародный) язык толпы; и (б) жреческий (или сокровенный) язык посвящённых, которым пользовались в храмах и во время проведения мистерий — *причём этот последний был единым, универсальным языком для всех народов Земли.*

Иными словами, у каждого великого народа — например, у египтян — существовал демотический^[513] и иератический язык со своей письменностью. Вначале письменность существовала в виде рисунков, иероглифов, однако позднее развился и

фонетический алфавит.

И нужно обладать уж совсем предвзятым мнением, чтобы совершенно беспочвенно утверждать, будто арийские брахманы — эти глубочайшие мистики и метафизики — одни только и пребывали в полном неведении о существовании как жреческого языка, так и значков, с помощью которых тот фиксировался на письме. Против столь безосновательного предположения мы могли бы привести целое море аргументов. Можно доказать, что арии никогда не заимствовали свою письменность ни у эллинов, ни у финикийцев, точно так же как в своих искусствах и науках не испытали на себе ни малейшего влияния со стороны первых (даже если согласиться с "индо-греческим периодом", предложенным г-ном Каннингемом, поскольку, по его же собственным словам, тот продолжался всего лишь с 250 по 50 год до Р.Х.).

Именно жреческий язык (известный посвящённым под своим особым названием) и явился прямым предком ведийского санскрита. *Вач* — его *alter ego* или "мистическое "я", жреческая речь посвящённых брахманов — превратилась со временем в тот язык, на котором проводились мистерии во внутренних храмах; его изучали посвящённые Египта и Халдеи, финикийцев и этрусков, пеласгов и народа Паленке — одним словом, во всех концах света. А его название, ДЕВАНАГАРИ, синонимично и тождественно названию НЕТЕР-КХАРИ — "божественной речи", использовавшейся герметиками и жречеством Египта.

Поскольку обсуждение нашего вопроса тематически распадается на два направления — хотя в итоге мы и придём к завершающему синтезу обоих, — то начнём с первого направления, а именно: с заявления о том, что алфавит санскрита был якобы заимствован у финикийцев.

Когда западный филолог делает утверждение о том, что до такого-то и такого-то периода письменности не существовало, то, мы полагаем, он должен обладать какими-то пусть и приблизительными сведениями о том, когда письменность была изобретена на самом деле. На практике же всё обстоит далеко не так, поскольку, по общему признанию, ни один из них не имеет ни малейшего представления о том, у кого же сами финикийцы выучились своему письму, которое сегодня выдаётся (прежде всего Гезениусом[514]) за тот первоисточник, откуда и были заимствованы алфавиты всех современных языков. Судя по исследованиям де Руже,[515] скорее всего "образцом [для финикийского алфавита — *перев.*] послужила какая-то египетская иероглифика доисторических времён, она-то и была ими перенята, а вернее, приспособлена к собственным нуждам". Эта теория находит себе прочную поддержку со стороны "древнейшего из существующих" папируса Присса,[516] благодаря его "поразительному сходству с финикийским письмом". Однако тот же автор относит возникновение письменности ещё на один шаг в прошлое. По его словам, уже сам тот факт, что искусство письма приписывается (мифотворцами) Тоту или Кадму, "служит прямым указанием на их веру в то, что оно было принесено с Востока ("кедема"), а возможно, и существовало от века". Но нет никакой уверенности даже в том, существовало ли, хоть в изначальные, хоть в архаичные времена,

"сразу несколько оригинальных систем алфавита, или следует считать, что существовала какая-то одна система, которая и положила начало всему последующему разнообразию видов письменности".

Ну, а коль скоро во всей этой области царствуют одни лишь догадки, то мы едва ли проявим неуважение со своей стороны, если откажемся следовать по стопам

именитых западных джентльменов, которые при всей своей учёной премудрости всего лишь гадают по поводу происхождения вещей. Некоторые из них утверждают, будто финикийцы заимствовали своё кадмейское или финикийское алфавитное письмо у пеласгов, которые, как считается, также могли либо изобрести, либо, по крайней мере, усовершенствовать так называемый кадмейский алфавит. При этом, однако, они признаются в том, что факт этот *не доказан* и известно им лишь то, что пеласги владели искусством письма в те времена, когда ещё даже не забрезжила "заря истории". Давайте посмотрим, а что же, вообще, известно как о финикийцах, так и о пеласагах.

В поисках ответа на вопрос, что собой представляли финикийцы, мы узнаём о них следующее. Если вначале, опираясь на авторитет Библии, их считали хамитами, то затем они неожиданно превратились в семитов — уже по географическим и филологическим признакам(?). Рассказывают, будто происхождение своё они ведут с берегов Эритрейского моря, а море это раскинулось от восточных берегов Египта до западных берегов Индии. Финикийцы слыли лучшими в мире мореходами. И, да, *они* в совершенстве владели искусством письма — этого у них никто не отнимет.

Исторический же период города Сидон[517] начинается с XV века до Р.Х. Твёрдо установлено, что к 1250 году Санхуниатон[518] уже собрал из исторических и государственных архивов, имевшихся в каждом финикийском городе, все записи, касавшиеся их религии. Писал Санхуниатон по-финикийски, и позднее труды его с ошибками были переведены на греческий Филоном Библским,[519] после чего все они погибли — все за исключением одного-единственного небольшого фрагмента, сохранённого Евсевием, этим литературным Шивой, *истребившим* почти все попадавшиеся ему на глаза *языческие* документы.[520]

Что же до того прямого влияния, которое якобы оказали "культурные" финикийцы на "неграмотных" арийских брахманов, то по этому вопросу следует лишь обратиться к "европейской всеобщей истории" — пусть и скупой на отдельные детали и не шибко-то осведомлённой в целом, но всё же, полагаю, никто не станет оспаривать приведённых в ней исторических данных. Так, у Иосифа Флавия в виде отдельных фрагментов сохранились труды Дия — финикийца, написавшего историю Тира, из чего следует, что начало активной жизни Тира относится к XI веку до Р.Х., то есть к первой половине так называемого третьего периода финикийской истории. А к этому времени, как рассказывают нам, Финикия переживала уже расцвет своего могущества: её корабли бороздили просторы всех морей, своей торговой сетью она охватила всю землю, и богатые её колонии располагались и там, и сям. Даже Библия рассказывает, как ради интересов торговли с Соломоном они *через Красное море плавали в Индию*, и было это примерно за целое тысячелетие до начала западного летоисчисления. Этих данных не станет опровергать ни один представитель науки.

Мы касаемся сейчас только тех исторических событий, которые считаются общепризнанными в западном мире, оставляя в стороне тысячу и одно документальное доказательство, которое мы могли бы здесь привести на основании *наших* собственных древнейших трудов по оккультным наукам, а также хроник, запечатлённых на табличках и проч. Но если обратиться к "Махабхарате", датировка которой (по воле фантазии, родившейся в глубинах сознания германских учёных, усмотревших в словах "явана" и проч., встречающихся этом великом эпосе, доказательства того, что она якобы была сфабрикована в позднейшие времена) была пересмотрена и перенесена с конца 4-го тысячелетия до Р.Х. (3300 годов до Р.Х.) к первым векам по Р.Х.(!!!), то мы в ней обнаружим: (1) обширные свидетельства того,

что древние индусы уже в те далёкие времена (когда не существовало ещё никакой кастовой системы) с успехом выходили в открытое море, doplывая до побережий Северного Ледовитого океана, и поддерживали сообщение с Европой; и (2) что власть Пандавов в те времена уже распространялась на весь мир и они *обучали жертвенным мистериям другие народы земли* (см. "Махабхарата", кн. XIV,). И вот, располагая подобными доказательствами наличия обширных международных сообщений и более чем доказанных связей индоариев с финикийцами, египтянами и другими культурными народами, мы вдруг с изумлением слышим утверждения о том, будто наши праотцы брахманического периода *совершенно не умели писать*.

Хорошо, давайте допустим — лишь на минуту, — что финикийцы были действительно единственными хранителями славного искусства письма и что купцы их торговали с Индией. Но какой же товар, осмелюсь спросить, они могли бы предложить тогда народу, возглавляемому брахманами, — товар столь драгоценный и столь живо востребованный, — как не то самое искусство искусств, с помощью которого они были бы в состоянии сохранить бесценную мудрость риши, защитив её от всех превратностей несовершенной изустной передачи? Но даже если допустить, что арии научились письму у финикийцев — что является полнейшим вздором для любого просвещённого индуса, — то, значит, арии должны были бы овладеть этим искусством уже за две или, по меньшей мере, за одну тысячу лет до того времени, который ему отведён западными критиками. Доказательство от противного? Согласен, но оно ничуть не менее убедительное, чем их собственные, и даже весьма красноречивое.

А теперь мы можем обратиться и к пеласгам. Невзирая на слова Нибура,^[521] который, упрекая историков в целом, говорит, что все они *терпеть не могут* "эту лживую филологию, из которой и рождаются претензии на какое-либо знание об этих вымерших народах", можно всё же предположить, что своё начало они ведут от: (а) смуглых азиатов (*Pellicci*); либо от каких-то (б) мореходов (от греческого слова *пеллагос*, "море"), либо их происхождение следует искать в (в) библейском имени *Фалек!*^[522] Единственным божеством из их пантеона, хорошо известным западной историографии, является Орфей (тоже "смуглый" или "темнокожий"), а черты пеласгов запечатлены в *ксоане*,^[523] их "образе божества".

Однако если пеласги были выходцами из Азии, то, значит, они должны были быть либо туранцами, либо семитами, либо ариями. То, что ни первыми, ни вторыми они быть не могли, а *должны* были быть третьими, следует из свидетельства Геродота, который называл их праотцами греков — хотя, отмечал он, те и изыскались на "самом варварском наречии".^[524]

Далее, как показывает *непогрешимая* филология, то обилие общих корней, что присутствуют в словах как греческого, так и латинского языков, можно легко объяснить, предположив, что оба народа имеют общее пеласгийское лингво-этническое происхождение. На что же в этом случае указывают санскритские корни, которые мы наблюдаем в словах и греческого языка, и латыни? На то, что те же самые корни должны были присутствовать также и в языках пеласгов.

Поскольку мы выносим происхождение пеласгов далеко за пределы того библейского рва, который был вырыт для исторической хронологии, то у нас есть все основания полагать, что упомянутое Геродотом "варварское наречие" представляло собой просто-напросто "первобытный и ныне мёртвый арийский язык", предшественник ведийского санскрита.

Кем же они могли быть, эти пеласги? Имеющиеся на сей счёт скудные сведения рисуют их в целом народом высокоинтеллектуальным, чутким ко всему новому, не привыкшим сидеть без дела, занятым главным образом сельским хозяйством, народом миролюбивым, но умевшим, когда надо, и постоять за себя. По рассказам, они строили искусственные каналы и подземные водохранилища, возводили плотины, невероятно прочные стены городов и совершенно восхитительные архитектурные сооружения. Их религиозные воззрения и культовые церемониалы изначально состояли в мистическом служении силам природы — Солнцу, ветру, воде и воздуху (нашим Сурье, марутам, Варуне и Ваю), действие которых проявляется в росте плодов земли. Кроме того, *во главе одних их племён стояли жрецы, другими же по патриархальным законам управляли главы родов*. Всё это изрядно напоминает один из кочевых народов — древний народ ариев-брахманов, находившийся под крылом своих риши, которым подчинялся каждый отдельный род или племя.

Итак, считается, что пеласги были знакомы с искусством письма, а *значит*, и "владели мощным культурным элементом ещё до того, как забрезжила первая заря истории". О наших же пращурах те же самые филологи говорят как о людях, так и прозябавших, не умея писать, до самого появления христианства!

Ну, а пеласгийский язык, то самое "варварское наречие", на котором изъяснялся этот таинственный народ, каким же ещё мог он быть, как не арийским? Вернее, которым из арийских языков он был? Конечно же, в нём, как и в греческом, должно было присутствовать такое же количество слов с санскритскими корнями, а то и ещё больше. Не будем забывать о том, что эолийский греческий — это ещё не язык Эхила, это не аттический диалект и даже не древний язык Гомера. Точно так же как и оскский язык, на котором говорили "варвары"-сабины, — это был ещё не совсем тот итальянский, на котором писал Данте, и не латынь Вергилия. Или же индоарии должны прийти к печальному выводу о том, что обычный западный востоковед готов скорее прослыть невеждой, чем признать древность ведийского санскрита и наличие гигантского по протяжённости периода времени, какое отделяло это грубое и неказистое по сравнению с классическим санскритом наречие от славных дней "ныне мёртвого арийского языка"?

Между языком Древнего Лация,[\[525\]](#) о котором писал Плиний,[\[526\]](#) и эолийским диалектом греческих автохтонов, как нам говорят, существовало ближайшее родство. У обоих этих языков имелся общий предок — пеласгийский язык. А от какого же ещё языка мог тогда произойти этот последний, как не от того, "на котором одно время говорили все народы Европы — ещё до своего разделения"? Хоть мы и не можем привести здесь какие бы то ни было явные доказательства этого, всё же брахманы к "Ригведе",[\[527\]](#) "Махабхарата" и любой *нирукта*[\[528\]](#) заслуживают более вдумчивого отношения к себе, чем то, каким они пользуются сегодня.

Сегодня всеми признаётся, что язык древнейших мест "Ригведы" при всей архаичности его грамматических конструкций и всём его несовершенстве по сравнению с классическим санскритом Панини, — это тот же самый язык, на котором написаны и все позднейшие тексты. Понятно — и этого просто невозможно не видеть и не понимать, — что, если из всех языков выжить и сохраниться во всей своей сложности и совершенстве удалось одному только санскриту, то, значит, в своём развитии он должен был пройти через несколько поочерёдных циклов своих взлётов и падений. Нужно лишь немного напрячь свою интуицию, чтобы увидеть, что такое явление, как "мёртвый язык", — это аномалия, самая бесполезная часть

природы, и этот "мёртвый" язык никогда не возродился бы вновь, не имея он своего особого предназначения, заложенного в законах, неумолимо управляющих последовательностью циклов, и санскрит, — язык, для мира исчезнувший было почти совсем, — сегодня потихоньку распространяется в Европе, и настанет день, когда он вновь обретёт то же значение, какое имел и многие-многие тысячелетия тому назад, — вновь став *всемирным языком*.

В равной мере всё вышесказанное относится и к греческому языку, и к латыни: придёт время, и на греческом языке Эсхила (причём ещё более прекрасном в своих грядущих формах) заговорит всё население Южной Европы, тогда как санскрит перейдёт в цикл отдыха — в очередной период своей *пранаи*. А за аттическим языком настанет черёд и латыни Вергилия. И что-то подсказывает нам, что было также и такое время — задолго до того, как чистоту священного "санскрита-бхаша"[529] нарушили самые первые арии-поселенцы, что расселились среди дравидского и иного туземного населения, позднее допущенного к таинствам брахманического посвящения, — когда санскрит звучал во всей своей беспримесной изначальной чистоте, а значит, он не раз переживал эти свои периоды взлёта и падения. И на то была одна простая причина: классический санскрит, пусть в чём-то и усовершенствованный Панини, был им лишь *восстановлен*. Ни Панини, ни Катьяяна,[530] ни Патанджали не создавали его, поскольку он сохранялся на протяжении всех циклов и пройдёт через немало новых циклов в грядущем.

Профессор Макс Мюллер готов признать, что за четырнадцать веков до года 1 западного летоисчисления существовало кочевое племя семитов, хорошо знакомых с искусством письма, и они — что *исторически и научно доказано* — располагали "книгой Завета" и скрижалями "*с написанными на них словами Божьими*".[531]

И при этом тот же самый автор сообщает нам о том, что арии не умели ни читать, ни писать вплоть до самого конца брахманического периода. "Во всей брахманической литературе до периода жизни Панини (филологи) не могут найти ни одного следа, свидетельствующего о существовании письменности".[532]

Что ж, очень хорошо. Но каков же тот период времени, в который, с позволения востоковедов, должен был трудиться этот мудрец, ученик самого бога Шивы? Один востоковед (Бётлингк[533]) относит его середине IV века до Р.Х., тогда как более суровые исследователи (вроде профессора Вебера) помещают время жизни грамматиста ни больше ни меньше как в середине II века христианской эры.

Да вот только, устанавливая время жизни Панини в столь примечательном соответствии с хронологией (другие расчёты приходятся на промежуток между IV веком до Р.Х. и второй половиной V века по Р.Х.), востоковеды неизбежно оказываются между двух огней. Действительно, живи Панини хоть в середине IV века до Р.Х., хоть в конце II века по Р.Х., он не мог не знать грамоты. *Во-первых*, потому что в "Лалита-вистаре"[534] — то есть в признаваемом всеми санскритологами каноническом труде, который Макс Мюллер относит ко времени *третьего* буддийского собора (и, к тому же, труд этот переведён на тибетский язык) — рассказывается о том, как наш Господь Будда изучал, помимо деванагари, ещё и шестьдесят три других алфавита, по описанию, бытовавших в различных районах Индии. *Во-вторых* же, потому что, хоть Мегасфен с Непархом и утверждают, будто в их время "Законы Ману" ещё не существовали в письменном и общедоступном виде (Страбон, XV, 66 и 73)[535], но, тем не менее, Непарх приводит описание индийских приёмов изготовления бумаги из хлопка. Кроме того, он рассказывает, что письма свои индийцы писали на плотно свитых между собой кусочках хлопка (Страбон, XV,

Если следовать логике рассуждения Макса Мюллера, то всё это, разумеется, не могло иметь места раньше позднейшего периода сутр. Но может ли почтенный учёный сослаться на какой-либо памятник этого сравнительно недавнего периода времени, где указывалось бы имя изобретателя этой бумаги-хлопка и время замечательного открытия? А ведь столь важное событие, как это, столь памятное нововведение не могло бы остаться никем не замеченным. Казалось бы, в отсутствие каких бы то ни было хроник такого рода нет иного выхода, как принять альтернативную теорию — а мы, арийские исследователи, считаем её бесспорным историческим фактом, — по которой письменность и соответствующие материалы для письма, как отмечено выше, были известны браминам с незапамятной древности — за много веков до той эпохи, которую прославил собой Панини.

Выше мы уже просили читателя обратить внимание на то любопытное обстоятельство, что бога Орфея, "фракийца"(?), называют "темнокожим". Неужели так никто и не заметил, что это и есть "*предполагаемый ведийский Рибху*[537] *или Арбху, то есть он носит эпитет, применяемый как к Индре, так и к Солнцу*"?[538] А если это именно он "придумал буквы" и "жил в догомеровские и догесиодовские времена", то что из этого следует? Неужели то, что под видом Орфея[539] фракийских пеласгов обучал письму сам Индра, но своих собственных рупоров, собственных глашатаев — брахманов — так и оставил безграмотными вплоть до "рассвета христианства"? Или то, что почтенные господа с Запада в области хронологии больше рассчитывают на собственную интуицию, нежели на беспристрастное исследование?

Согласно исправленной мифологии, Орфей — в Греции — считался сыном Аполлона (или Гелиоса), бога Солнца, и получил от него форминкс, или *семиструнную* лиру — то есть, в соответствии с оккультной фразеологией, семеричное таинство, открываемое при посвящении. Индра же правит светлым сводом небесным, разгоняет облака и "возвращает солнце на небеса". В самхите "Шатапатха-брахмана" он отождествляется с Арджуной (хоть профессор Вебер и не верит в то, что когда-либо существовал такой человек, как Арджуна, хотим его уверить: такой человек действительно был), а Арджуна был главой Пандавов.[540] И, хотя в роли его отца выступает *белокожий* Панду, Арджуна всё же считается сыном именно Индры.

Подобно тому, как разбросанные по всей Индии циклопические сооружения и по сей день приписываются Пандавам, так и все подобные постройки на Западе в древности приписывались пеласгам. Более того, как убедительно показал Покок в своей книге[541] — многожды осмеянной, поскольку содержит в себе слишком много интуитивных проблесков истины, да и филологическая учёность автора, очевидно, вызвала слишком много вопросов — Пандавы находились в Греции, где ещё и сегодня сохраняется много следов их присутствия.

Если Арджуну в "Махабхарате" обучает оккультной философии Кришна (воплощение универсального божественного принципа), то Орфей в менее мифологизированном облике предстаёт перед нами как

"божественный бард или жрец, находившийся на службе у Загрея,[542].. учредитель мистерий,.. изобретатель, по сути дела, всего того, что должно было способствовать формированию цивилизации и привитию более гуманной формы поклонения божеству".[543]

Разве можно не заметить всех этих поразительных параллелей, как и того многозначительного факта, что и Арджуне, и Орфею учителями мистерий были привиты более возвышенные аспекты религии и оккультные методы их постижения? Подлинный деванагари — нефонетический алфавит — понимался в прежние времена как что-то вроде внешних символов — *значков, применявшихся в сообщении между богами и посвящёнными смертными*. Отсюда и их глубокая сакральность, и то молчание, что на протяжении ведийского и брахманического периодов окружала всё, связанное или имеющее хоть какое-то отношение к чтению и письму. Ведь то был *сам язык богов*. Если бы только нашим западным критикам удалось понять, что древние индусы понимали под словом *Bhūtalipi*, столь часто встречающимся в их мистических трудах, то они смогли бы установить и тот источник, из которого индусы впервые почерпнули свои знания о письменности.

Было время, когда в мире царил некий тайный язык, общий для всех оккультных школ. А значит, Орфей выучил "буквы" в ходе своего посвящения. Он тождествен Индре, а, по Геродоту, это именно он и принёс в Грецию из Индии искусство письма. Цвет его кожи — более смуглый, чем у фракийцев — указывает на его индоарийское происхождение и выдаёт в нём прежде всего "барда и жреца", а не бога. Пеласги же, по рассказам, вышли из Фракии. Как полагают (на Западе), именно они первыми овладели искусством письма, которому затем и обучили финикийцев, а от последних уже берут начало и все современные алфавиты.

И теперь в свете всех перечисленных совпадений и следствий я хочу задать вопрос: так в чью же пользу склоняются чаши весов? В пользу теории, по которой именно арии передали искусство письма народу Запада, или в пользу тех, кто утверждает, будто они вместе со своей кастой учёных брахманов, вместе с их благородным жреческим языком, восходящим к глубочайшей древности, вместе с их богатейшей и восхитительной литературой и знакомством с самыми поразительными, самыми невообразимыми потенциями человеческого духа так и оставались безграмотными вплоть до самой эпохи Панини — великого грамматиста и последнего из риши? Пусть достославные теоретики из западных колледжей сначала покажут нам реку, которая текла бы обратно от устья к жалкому горному родничку, своему первоистоку, вот тогда только мы, пожалуй, и поверим в их теорию арийской неграмотности.

Вся история интеллектуального развития человечества свидетельствует о том, что прежде, чем прийти к курсивному письму, люди всегда проходят стадии идеографического и пиктографического письма. А значит, это именно западные критики, отрицающие древность арийских письменных памятников, и должны предъявить нам доказательства пиктографического письма в подтверждение своей правоты. Ввиду же явного отсутствия последних, они, похоже, пытаются уверить нас в том, будто предки наши одним махом перешли от полной неграмотности к алфавиту деванагари времён Панини.

Востоковедам негоже забывать те выводы, что сделал Мьюэр на основании тщательного исследования "Махабхараты" в своих "Санскритских текстах" (т. I, сс. 390, 480 и 482).^[544] С помощью "Махабхараты" можно убедительно доказать, что те самые *яваны* (которых Индия якобы и в глаза не видывала вплоть до времён Александра Македонского!) принадлежат к числу таких племён кшатриев, которые не только сами избегали общения с браминами, но порой и вызывали резкое неприятие со стороны последних, а потому уже давно из *дважды рождённых* превратились во "вришал" — то есть в *отверженных изгоев* (*Mahābhārata*

Anuśāsanaparva, verses 2103 ff):

"Sakah Yavana-Kambojas tastah kshattriya jatayah Vrishalatvam parigatah
Brahmánanam adarsana. Dravidas cha Kalindas cha Pulindas chapy Usinarah
Kalisarpa Mahishakas tastah kshattriya jatayah" и т.д.[545]

Ссылку на то же самое можно встретить и в стихах 2158-2159. Как показывает "Махабхарата", *яваны* вели своё происхождение от Турвасу — некогда кшатрия, впоследствии опустившегося и превратившегося во *вришалу*.

В "Хариванше" рассказывается о том, когда и при каких обстоятельствах яваны были отлучены от духовной жизни всего племени. Как можно понять из содержащегося там рассказа о предпринятом яванами военном походе на Айодхью и последующих действиях Сагары,[546] до этого похода яваны представляли собой кшатриев, подвластных могучим царям Айодхьи. Однако они восстали против своего повелителя и напали на его столицу, после чего они и оказались прокляты Сагарой, который успешно изгнал их из Айодхьи по совету первого министра и *гуру* отца Сагары, Васиштхи. И теперь соединить пеласгов с этими кшатриями Раджпутаны и возвести их происхождение к последним мешают усилия востоковедов, которые выстраивают ложную и ни на чём не основанную хронологию, демонстрируя тем самым лишь собственное незнание как с реальной историей мира, так и с историей Индии даже в рамках исторических периодов.

А чего стоит эта хронология — в которой "первобытный индогерманский период" оказывается впереди *древневедийского* периода(!) — мы можем в заключение продемонстрировать на следующем примере. Ввиду приблизительности предложенных расчётов, просто невозможно и далее углубляться в эту тему, оставаясь в рекомендованных нам узких рамках статьи и не прибегая к данным, недоступным для широкой публики. Выражаясь словами профессора Макса Мюллера,

"Законы Ману" — это, пожалуй, единственное произведение санскритской литературы, которое до сих пор не подверглось нападкам со стороны критиков, сомневающих в древности всего индийского. Ни один историк пока ещё не оспорил того раннего периода, который изначально был приписан "Законам" сэром Уильямом Джонсом" (Hist. Sans. Lit., p. 61).

Ну и каков же, скажите на милость, этот ранний период? "Период между 880 и 1280 годами до Р.Х.", — отвечают нам.

Что ж, примем пока условно этот авторитетный вывод. Однако предлагаем сперва обратить внимание на несколько легко проверяемых фактов:

(1) В длинном перечне всевозможных индийских народов, царств и местностей "Законы Ману" *ни разу не упоминают Бенгалию*. Просто к тому времени, когда составлялись эти "Законы", арийские брахманы ещё не достигли берегов Ганга и бенгальских равнин. Первым в *Бангу* (Бенгалию) проник Арджуна на своём жертвенном коне. (В "Раджадхарма Анушасанапарве"[547] *яваны* упоминаются как одно из населяющих Бенгалию племён).

(2) В "Aun" приводится список правивших в Бенгалии индийских царей. Теперь уже невозможно точно установить период правления самого первого царя Банги из-за огромных разрывов во времени между различными династиями, но, тем не менее, известно, что Бенгалия перестала существовать в качестве независимого индийского

царства в 1203 году по Р.Х. Если, игнорируя эти продолжительные и многочисленные пробелы, мы сложим одни только периоды царствования тех нескольких династий, о которых знает история, то мы получим следующие результаты:

24 царских рода кшатриев правили в течение	2418 лет
9 царей Кайста " " " "	250 "
11 родов Адисур " " " "	714 "
10 из рода Бхопал " " " "	689 "
10 из династии Пала (855 – 1040 гг. по Р.Х.) "	185 "
10 раджей Вайдья " " " " "	137 "
	4393

Если из полученной суммы вычесть 1203, то мы получим 3190 лет поочерёдного правления до Р.Х. Если на основании неопровержимых свидетельств санскритских текстов удастся доказать, что некоторые из этих правлений протекали *одновременно* и, следовательно, их линия преемственности не является последовательной (как уже однажды пытались это показать), то так тому и быть. Если хронология произвольно подгоняется под какую-то задачу или теорию, то что тут скажешь — тут и комментировать нечего. Но если попытка разобраться с цифрами и сопутствующими обстоятельствами предпринимается на основании действительно "серьёзных внутренних свидетельств", то в свете этих 3190 лет непрерывной линии преемственности могущественных и грозных индусских царей востоковедам придётся предъявить весьма вескую причину, объясняющую, отчего это авторы "Законов Ману", похоже, и слыхом не слыхивали ни о какой Бенгалии — коль скоро за время появления Бенгальского царства мы должны принять 1280 год до Р.Х. и не ранее! Правила в науке должны действовать одинаково и в случае Панини, и в случае любых иных попыток выстроить точную хронологию. Или же это одно из тех несчастных правил, которые годятся лишь для "единичных" случаев?

[1] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 1, No. 6, March, 1880. P. 137-140 (*примеч. перев.*).

Доклад, прочитанный в Британском теософском обществе в Лондоне. Его публикация неизбежно задержалась до настоящего времени — Ред. *Теос.*

[2] Под индивидуальностью Ч.К.М. понимает то, что в теософии принято определять как "эго личности" (*примеч. перев.*).

[3] Вероятно, имеется в виду Послание апостола Павла к римлянам, где апостолом подчёркивается мысль о том, что обрести бессмертие в духе человек может не раньше, чем отрешится от "помышлений плотских", то есть мирских, земных. Иначе говоря, в человеке должен умереть земной, "ветхий наш человек", чтобы открыться духу. "Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир" (Рим 8:5,6) (*примеч. перев.*).

[4] Ограниченному, недалёкому (*фр.*) (*примеч. перев.*).

[5] Аллюзия на Лук. 2,10: "И сказал им Ангел: не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям" (*примеч. перев.*).

[6] Swedenborg, 2009. P. 114 (*примеч. перев.*).

[7] Центр, средоточие, источник, очаг (*фр.*) (*примеч. перев.*).

[8] 1 Цар. 15, 9 (*примеч. перев.*).

[9] О великих религиозных учениях ислама мне неизвестно почти ничего, и поэтому я не знаю, распространяются ли на них мои слова. — *примеч. Ч.К.М.*

[10] παιδάγωγός — раб, провожавший ребёнка в школу и обратно; приставленный к ребёнку слуга (Дворецкий И.Х., 1958б. С. 1217) (*примеч. перев.*).

[11] Гал. 3, 23-26: "А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того [времени], как надлежало открыться вере... Итак закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою;.. по пришествии же веры, мы уже не под [руководством] детоводителя . . . Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса" (*примеч. перев.*).

[12] Сегодня имеется ясное понимание того, что тот "великий труд", о котором так часто говорят философы-герметики и точным архетипом которого выступает труд алхимический, т.е. превращение грубых металлов в золото, в той же мере относится и к превращению духовному. Кроме того, имеются твёрдые основания полагать, что и материальный процесс так же реален. — *примеч. Ч.К.М.*

[13] "Человек может уже обрести бессмертную жизнь и оставаться на протяжении вечности всё тем же *внутренним я*, каким он был на земле, но из этого вовсе не вытекает, что он непременно должен либо оставаться Смитом и Брауном, каким он был на земле, либо утратить свою индивидуальность" — *Isis Unveiled*, I. P. 316 [РИ, I. С. 450 — *перев.*] — *примеч. Ч.К.М.*

[14] Swedenborg, Emanuel, 2009. P. 1687 (*примеч. перев.*).

[15] Ин. 2,4 (*примеч. перев.*).

[16] Фредерик Гаррисон (Frederick Harrison) (1831-1923) — британский историк и юрист. Один из основателей общества позитивистов в Лондоне (*примеч. перев.*).

[17] М. А. Охон, "Spirit Identity," p. 7. — *примеч. Ч.К.М.* [Охон М.А., 1908. P. 6 — *перев.*].

[18] Ibid. P. 15. — *примеч. Ч.К.М.* [Ibid. P. 11 — *перев.*].

[19] 1Кор. 2,9 (*примеч. перев.*).

[20] Карлейль, 1902. С. 214 (*примеч. перев.*).

[21] Это выражение принадлежит "Санкхья-карике" Ишваракришны (карика 64) (Colebrooke, 1837. P. 259; Ишваракришна, 1995. С. 234) (*примеч. перев.*).

[22] Mitra, 1879. P. 107 (*примеч. перев.*).

[23] Spiritual Stray Leaves, Calcutta, 1879. — *примеч. Ч.К.М.* [Op. cit. P. 25-26 — *перев.*].

[24] Fichte, 1860. P. 8-9 (*примеч. перев.*).

[25] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 7, April, 1884. P. 161-162. В журнальном варианте автор статьи не указан по имени, а обозначен как "американский буддист" (*примеч. перев.*).

[26] Возможно, вольный парафраз Лук. 12,48: "...от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут...", хотя автор статьи вкладывает в свою фразу иной смысл (*примеч. перев.*).

[27] Персонаж трагедии У. Шекспира "Макбет" (*примеч. перев.*).

[28] Статья под этим названием, включённая в сборник "Пять лет теософии", представляет собой переработку статьи, впервые опубликованной под заголовком "Теософия и Авеста" ("Theosophy and the Avesta") в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 1 (37), October, 1882. P. 20-22 (*примеч. перев.*).

[29] Ньяиши — молитвы. Гахи — молитвы, посвящённые пяти стражам дня. Яшты — гимны (Авеста, 2005) (*примеч. перев.*).

[30] Мобед — жрец (*примеч. перев.*).

[31] Изначально (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[32] Один из 23 официальных языков Индии, распространён на западе страны. Официальный язык индийского штата Гуджарат (*примеч. перев.*).

[33] Фридрих (фон) Шпигель (1820 – 1905) — немецкий востоковед, один из пионеров в изучении иранской филологии. Ему принадлежат издание большей части сохранившегося текста Авесты вместе с её переводом на язык пехлеви (1853–1858), а также перевод Авесты на немецкий язык (1852–1863) и комментарии к ней (1865–1869) (*примеч. перев.*).

[34] Это слово "сознание" (*баодха*). В журнальном варианте все слова в приведённом фрагменте были пронумерованы (*примеч. перев.*).

[35] Об этом же говорит и современная наука, отмечая, что особенности некоторых внешних черт человека указывают и на определённые его качества. На этом построена вся физиогномика. По чертам лица можно предсказать и характер человека — то есть черты лица у человека формируются в зависимости от его индивидуальных наклонностей, качеств, пороков, образованности или невежества. — *примеч. автора.*

[36] Если брат наш обратится к древнейшим священным книгам Китая — например, к книге "И-Цзин" или "Книге перемен" (в переводе Джеймса Легга [James Legge]), написанной за 1200 лет до Р.Х., — то обнаружит, что в представленной там системе гадания упоминается то же самое *семеричное* деление человека. Термин *цзин*, вполне правильно переведённый как "сущность", "эссенция", обозначает наиболее тонкую и чистую часть материи — и самую грубую форму эфира. *Ци*, "дух", — это дыхание, ещё материальное, но уже более чистое по сравнению с *цзин*: он состоит из самой тонкой и наиболее активной формы эфира. *Ци* доминирует в *хунь*, то есть в душе (*анитус*), а *цзин* — в *по*, т.е. в животной душе. Во время смерти *хунь* (духовная душа) удаляется прочь, восходя вверх, а *по* (от этого корня происходит тибетское слово *фо-хат*) опускается вниз и превращается в тень-призрак (оболочку). Д-р Медхёрст ("Theology of the Chinese," pp. 10-12) полагает, что "гуй шэнь" представляют собой

"расширяющиеся и сокращающиеся принципы человеческой жизни!" *Гуй шэнь* порождаются растворением человеческого остова и состоят из расширяющейся и восходящей вверх *шэнь*, которая блуждает по пространству, и из сократившегося и съевшегося *гуй*, который возвращается на землю и утрачивает свою сущность. Таким образом, *гуй* — это физическое тело; *шэнь* — жизненный принцип; *гуй шэнь* — это *линга-шарира* (жизненная душа); *цзин* — это четвёртый принцип, то есть *кама-рупа*, эссенция воли; *по* — это животная душа; *ци* — это духовная душа; а *хунь* — это чистейший дух. Итого — все семь принципов нашего оккультного учения! — Ред. *Theos.* [The Yi King, 1882. P. 355 — *перев.*].

[37] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist* (vol. 3, No. 4 (28), January, 1882. P. 93-99) под заголовком "The Aryan-Arhat Esoteric Tenets on the Sevenfold Principle in Man". В своём редакторском примечании к этой публикации Е.П.Б. отмечает: "Здесь мы приводим лишь отдельные фрагменты из длинного письма вышеуказанного автора". Включённый в настоящий сборник текст несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[38] Досл. "Великому" (*примеч. перев.*).

Именно таким титулом обладает и нынешний глава эзотерического гималайского братства. — Ред. *Теос.*

[39] См. Дополнение. Примечание I — Ред. *Теос.*

[40] Иначе: Шравана Белагола (Śravaṇa Belāgoḷa) или Шравана Белгола (Śravaṇa Belgoḷa). Почитаемое и самое известное место поклонения джайнов в Южной Индии (штат Карнатака — *перев.*), создание которого пришлось на время правления Чадрагупты Маурьи (Синхараджа Таммита-Дельгода, 2010. С. 349) (*примеч. перев.*).

[41] Так пишет Т. Субба Роу в своём письме Е.П.Б. (*примеч. перев.*).

[42] Своего рода бесы — *дьяволы* — Ред. *Теос.*

[43] Точно так же поступают и христианские *падри* [т.е. *падре* во мн.ч. Так Е.П.Б. называет христианских миссионеров в Индии. См. её написанные на русском языке книги: "Из пещер и дебрей Индостана" и др. — *перев.*]. Вот только они ни за что не признаются, что образ своих "падших ангелов" они списали с *ракшасов*; что их дьявол — это незаконный сын сингальской демоницы *Девель*; а описание в Апокалипсисе "небесной войны", лежащей в основании всего христианского догмата о "падших ангелах", скопировано с индуистской истории о том, как Шива низверг взбунтовавшего против богов *Таракáсуру* в *Андханкáру*, обитель Тьмы, как об этом рассказывается в брахманистских *шастрах* — Ред. *Теос.*

[44] Не обязательно. (См. Дополнение. Примечание II). Оккультисты в целом разделяют мнение, что, начиная с глубокой древности, на санскрите говорило население Явы и близлежащих островов — Ред. *Теос.*

[45] Об этом месте в Тибете помнят до сих пор и называют его "Шам-бха-ла" — "Счастливая земля" (Дополнение. Примечание III). — Ред. *Теос.*

[46] Чтобы глубже понять эту мысль, рекомендуем читателю обратиться к тексту "Isis Unveiled" (vol. 1. P. 589-594) [РИ, 1. С. 784-790 — *перев.*] — Ред. *Теос.*

[47] Агама — название особой категории текстов, создававшихся с нач. I тыс. по Р. Х. и противопоставляемых текстам вед ... Тексты А[гам], состоящие обычно из

кратких изречений — сутр, относятся ко всем основным течениям индуизма: вишнуизму, шиваизму и шактизму. По содержанию А[гамы]. могут быть теолого-философскими, йогическими и ритуальными... Сторонники агамической секты "Каула" (название восходит к Кула — одному из имён Шакти, означающему родовое начало как таковое) поклонялись разрушительному, эротически-необузданному жен[скому] божеству. В дальнейшем именно секта "Каула" послужила основой главных религ[иозных] направлений в рамках кашмирского шиваизма (Исаева Н.В., 2000. С. 213-214) (*примеч. перев.*).

[48] Шричакра или шриятра "выглядит как множество взаимопересекающихся треугольников, исходящих из символической центральной точки-*бинду* и обозначающих мужское и женское начала" (Пахомов С.В., 2009в. С. 872) (*примеч. перев.*).

[49] Разумеется. Но кто же позволит представить "подлинно эзотерическую"? — Ред. *Теос.*

Арьяварта — "страна ариев" (*примеч. перев.*).

[50] Цикл статей, выходявших в журнале *The Theosophist* под названием "Фрагменты оккультной истины" принадлежит различным авторам. Выпуски I-III (с октября 1881 г. по сентябрь 1882 г.) были написаны А.О. Хьюмом, а выпуски IV-VIII (с октября 1882 г. по май 1883 г.) принадлежат А.П. Синнетту. Следовательно, Т. Субба Роу имеет в виду III выпуск цикла. Книга "Эзотерический буддизм" написана А.П. Синнеттом и вышла в свет в 1883 году (*примеч. перев.*).

[51] Автор статьи, Т. Субба Роу, принадлежал к философской школе *адвайта-веданта* (*примеч. перев.*).

[52] Способ протекания, форма проявления этих феноменов (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[53] О так называемом астральном теле — Ред. *Теос.*

[54] Как учит тибетская буддийская эзотерическая доктрина, *праkritи* представляет собой космическую материю, из которой производятся любые видимые формы, тогда как *акаша* — это та же самая космическая материя, но только пребывающая в состоянии большей субъективности — она, так сказать, дух космической материи. Если *праkritи* считать телом или *субстанцией*, то *акаша-шакти* — это душа *праkritи*, её энергия. — Ред. *Теос.*

[55] Кшетра (*санскр.*) — поле (Рудой В.И., 1999. С. 388) (*примеч. перев.*).

[56] Говоря иными словами, "*праkritи*, *свабхават* или *акаша* — всё это является Пространством (как говорят в Тибете). Это Пространство заполнено некой субстанцией или тем, что не является субстанцией вообще — субстанцией, столь не поддающейся восприятию, что различить в ней субстанцию способен один только метафизик. *Брахман* в этом случае будет выступать зародышем, семенем, брошенным в почву этого поля, а *шакти* — той таинственной энергией, силой, которая станет развивать его, и буддийскими архатами Тибета сила эта именуется *фо-хат*. То, что мы зовём формой (*рупой*), ничем не отличается от того, что мы называем пространством (*шуньята*) [т.е. "пустотностью" (Шохин В.К., 2009б. С. 144) — *перев.*] ... Пространство ничем не отличается от формы: форма — это то же самое, что пространство, а пространство есть то же самое, что форма. Точно так же дело обстоит и с остальными *скандхами*, будь то *ведана* или *санджня*, *санскара* или

виджняна — каждая из них есть то же самое, что и её антипод" (Книга "Синь цзин", или "Сутра сердца". Перевод на китайский язык "Маха-праджня-парамита-хридая-сутры". Глава, посвящённая Авалокитешваре, *проявленному Будде*). Таким образом, арийская и тибетская (архатская) доктрины полностью сходятся по сути, отличаясь лишь терминологией и способом изложения. — *Ред. Теос.*

["Бодхисаттва Авалокитешвара во время осуществления глубокой праджня-парамиты ясно увидел, что все пять скандх пусты. Тогда он избавился от всех страданий, перейдя на другой берег". (Примеч.: Здесь перечисляются пять скандх (кит. *юнь*), т.е. групп элементарных мгновенных психофизических состояний (*дхарм*), образующих эмпирическую личность: *рупа скандха* (*сэ*) — группа чувственно воспринимаемого; *ведана скандха* (*шоу*) — группа чувствительности (приятное, неприятное, нейтральное); *самджня скандха* (*сян*) — группа образования представлений и проведения различий; *самскара скандха* (*син*) — группа формирующих факторов, волевой аспект психики, формирующий *карму*, и *виджняна скандха* (*ши*) — группа сознания) (Сутра сердца праджня-парамиты, 2000. С. 31, 33) — *примеч. перев.*]

[57] См. Дополнение. Примечание IV. — *Ред. Теос.*

[58] А также в книге А.П. Синнетта "Эзотерический буддизм" (*примеч. перев.*).

[59] Перисприт — это термин, широко принятый у спиритуалистов. Вот как объясняет его Аллан Кардек: "Есть в человеке три существенные вещи: во-первых, душа или дух, т.е. разумное начало, в котором находится мысль, воля и нравственное чувство; во-вторых, тело или вещественная оболочка, тяжёлая и грубая, посредством которой дух входит в соотношение с внешним миром; в-третьих, *перисприт*, жидкая, лёгкая оболочка, служащая связью и посредством между духом и телом . . . Во время земной жизни дух, так сказать, сжат узами соединённого с ним вещества, делающего часто не действительными его способности; смерть тела избавляет его от этих уз; он освобождается и приобретает свою свободу, как бабочка выходя из своей куколки; но он оставляет только вещественное тело; сохраняя перисприт, составляющий для него род эфирного тела, воздушного, невесомого для нас, имеющего форму человеческого и, как кажется, первообразного тела. В нормальном состоянии, перисприт невидим, но дух может подчинить его некоторого рода изменениям, делающим его, временно, доступным зрению и даже осязанию, как это бывает со сгущённым паром; таким образом духи могут иногда нам показаться в своих появлениях. Посредством перисприга дух действует на бездушное вещество, и производит различные явления, как-то: шум, движение, письмо, и т.д." (Спиритисмъ, 1864. С. 7-8) (*примеч. перев.*).

[60] Это верно — с точки зрения арийского *эзотеризма* и упанишад, но несколько расходится с доктриной *архатов*, т.е. с тибетской эзотерической доктриной. Насколько мы знаем, это единственный момент, по которому эти два учения расходятся между собой. Различие между ними, правда, совсем ничтожное, и причина его состоит в том, что два этих учения по-разному трактуют один и тот же предмет из-за того, что рассматривают его в двух разных аспектах. (См. Дополнение. Примечание IV). — *Ред. Теос.*

[61] Не будем забывать о том, что данная статья представляет собой фрагменты письма, которое Т. Субба Роу направил Е.П.Б., о чём мы уже упоминали выше (*примеч. перев.*).

[62] Эта чакра, мистическое "колесо", или центр энергии, расположена у человека в почечной области (*примеч. перев.*).

[63] В журнальном варианте в описании этого принципа присутствует также следующее любопытное разъяснение Т. Субба Роу: "Но *дживатмой* этот принцип в нашей философии не называется. Термин *дживатма*, как правило, применяется нашими философами лишь по отношению к седьмому принципу, когда бывает необходимо отличить его от *Параматмы* или *Парабрахмана*". К этому разъяснению относится и следующее редакторское примечание Е.П.Б.: "Таким образом, безличный Парабрахман обособляется [арийскими философами — *перев.*] и превращается в личного *дживатму*, т.е. в личного бога любого человека. Это ещё одна точка расхождения, вызванная верой брахманов в некоего Бога (он у них может быть как личным, так и безличным). Поскольку же буддисты-архаты напрочь отвергают подобную идею, то и не признают *никакого* иного божества, кроме самого человека. — См. Дополнение. Примечание V" (*примеч. перев.*).

[64] Дискуссии по обозначенным выше вопросам, связанным с утверждениями спиритуалистов (*примеч. перев.*).

[65] То же самое об этом говорит и буддийская философия, которая под этим обновлением понимает изменение *скандх*. — Ред. Теос.

[66] В арийской доктрине, объединяющей *Брахмана*, *шакти* и *пракрити* в единое целое, это четвёртый принцип. В буддийском же эзотеризме это второй принцип в сочетании с первым. — Ред. Теос.

[67] О четырёх *авастхах* (состояниях сознания) см. выше статью Т. Субба Роу "Двенадцать знаков зодиака" (*примеч. перев.*).

[68] Согласно учению буддистов, в *акаше* заключена та вечная, потенциальная энергия, функция которой состоит в том, чтобы развернуть из себя всё видимое сущее — Ред. Теос.

[69] Как мы уже указали, она таковой никогда не считалась. Но поскольку "Фрагменты" написаны по-английски — т.е. на языке, который в отличие от санскрита не имеет того обилия метафизических терминов, с помощью которых можно было бы отразить малейшие изменения в форме, субстанции и состоянии, — то было решено без особой нужды не смущать западного читателя, неискущённого в восточных способах выражения мысли, описанием слишком уж тонких различий в значении технических терминов. Если мы говорим, что "в своём первичном состоянии *пракрити* представляет собой *акашу*", а *шакти* "является атрибутом акаши", то, очевидно, для непосвящённого человека всё это будет звучать как одно и то же. В самом деле, если мы будем подчёркивать, что это именно "союз *Брахмана* и *шакти*", а не "*Брахмана* и *пракрити*", то станет ли от этого понятнее мысль? Это всё равно, как если бы какой-нибудь теист написал, что "человек возник в результате соединения духа и материи", хотя эти его слова, если их выразить в ортодоксально религиозном смысле, должны были бы звучать следующим образом: "человек как живая душа был сотворён *властью* (дыханием) Божией над материей". — Ред. Теос.

[70] То есть любое явление, происходящее на любом проявленном (видимом или невидимом для нас) плане бытия, кроме Абсолюта, начиная с образования планетарных цепей и кончая тем фарфоровым чайником, который феноменальным

образом произвела Е.П.Б. в январе 1879 г. в Лондоне (ПМ, № 54) (*примеч. перев.*).

[71] То есть всё тем же *кшетрой*, "полем", для производства тех или иных действий. Этот исключительно важный термин, *адхиштхана*, использован, например, в "Бхагавадгите" (3, 40) для описания "чувств, манаса и буддхи" как местопребывания гнева, ослепляющего через них человека и скрывающего от него истинное знание (Философские тексты "Махабхараты", 1978. С. 94 и примеч. 566. С. 310) (*примеч. перев.*).

[72] Иначе говоря, арийский термин *акаша* — это просто ещё одно слово для обозначения буддийского пространства (в его метафизическом смысле) — Ред. *Теос*.

[73] О *чид-акаше* как о "поле сознания" более подробно см. ниже в статье Т. Субба Роу "Бог личный и Бог безличный" (*примеч. перев.*).

[74] Наивысший Адепт — Ред. *Теос*.

[75] См. УТ (*примеч. перев.*).

[76] Говоря словами агатхи [стиха] из "Махапаринирвана-сутры" ["Сутры о великой паринирване"],

"Мы достигаем состояния покоя,

Лежащего за гранью любого людского разумения" — Ред. *Теос*.

[77] Ключевая фраза для понимания сути всей оккультной философии (*примеч. перев.*).

[78] В этом конкретном вопросе арийская доктрина и доктрина архатов проявляют особенное единодушие. Излагаемые далее учение и аргументация во всех отношениях совпадают с позицией буддийского гималайского братства. — Ред. *Теос*.

[79] Мы целиком разделяем это мнение. — Ред. *Теос*.

[80] Кьеланг — небольшой населённый пункт в провинции Лахул (см. ниже) (*примеч. перев.*).

[81] "В то время как провинции центрального и восточного Тибета в течение долгого времени были закрыты для европейских учёных, провинции Индийского Тибета, такие как . . . Лахул, Спита, Рушцу и другие гималайские пограничные государства с тибетским населением, оставались открытыми для западных исследователей" (Рерих Ю.Н., 2002. С. 51) (*примеч. перев.*).

[82] *A Catena of Buddhist Scriptures from the Chinese*, by Samuel Beal. London, 1871 (*примеч. перев.*).

[83] Как таковой; сам по себе (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[84] Единого как единого Абсолюта, где не может быть второго Абсолюта (*примеч. перев.*).

[85] Взятую во всей её совокупности (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[86] Или бытию этого Единого "Я" (*примеч. перев.*).

[87] Как можно понять из контекста, этот первоэлемент лишён всякого, какого бы то ни было сознания вообще. В своей "Тайной доктрине" ЕПБ так поясняет эту мысль: "Вряд ли есть необходимость вновь напоминать читателю о том, что ни термин "божественная мысль", ни выражение "мировой ум" не могут иметь никакого, даже самого отдалённого, отношения к тому интеллектуальному процессу, который мы наблюдаем у человека. Как пишет фон Гартман, "Бессознательное" создаёт свой гигантский план творения — а вернее, эволюции, — "с помощью такой провидческой мудрости, которая превосходит любое сознание", то есть, выражаясь языком веданты, с помощью абсолютной мудрости. Лишь те, кто в состоянии осознать, как высоко способна воспарить интуиция над медленной рассудочной мыслью, только и могут получить хотя бы самое слабое представление о той абсолютной мудрости, которая сметает любые понятия о времени и пространстве" (ТД, I, 1, примеч. С. 68) (*примеч. перев.*).

[88] Тот самый "кшетра", или *поле* (*примеч. перев.*).

[89] *Тиб.*: Bar-snan (Tibetan-English Dictionary, 1902. P. 737). Этот же термин встречается в "Письмах Махатм". См. ПМ, Приложение № 2. Космологические комментарии: "Акаша (Bar-pang) — охватывающая весь космос атмосфера, она же "астральный свет", она же "небесный эфир" — пребывая то в латентном, то в активном состоянии, окружает и пронизывает собою всю движущуюся материю" (*примеч. перев.*).

[90] "Как родник, глубок он и подвижен, точно бездна . . . Назови его бездной, как он глубок! Назови его Небом, как он обширен!" (The Li Ki, 1885. P. 327) (*примеч. перев.*).

[91] Впервые эта статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 9 (57), June, 1884. P. 225, в виде приложения к редакционному ответу на одно из писем читателей (*примеч. перев.*).

[92] Впервые статья опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 10 (46), July, 1883. P. 253-256. Текст включённой в сборник статьи несколько отличается от его журнального варианта (*примеч. перев.*).

[93] *Ср.*: Hymns of the Atharva-Veda, 1896. P. 309-310; Hymns of the Atharva-Veda, 1897. P. 224 (*примеч. перев.*).

[94] Ману, 2002. С. 30. В указанном месте "Законов Ману" говорится лишь о бесчисленности манвантар и ничего не говорится о четырнадцати ману, но, как Е.П.Б. и обещала выше, она, не вдаваясь в подробности, просто бегло, пунктиром обозначает основные понятия (*примеч. перев.*).

[95] Имеются в виду глобосферы (то есть "тела" Земли, отличающиеся между собой степенью материальности бытия), входящие в состав нашей земной планетарной цепи (*примеч. перев.*).

[96] Ману, 2002. С. 26-27 (*примеч. перев.*).

Слова Ману о том, что вначале он был сотворён Вираджем, после чего уже он сам произвёл на свет десять праджапати, которые произвели ещё семь ману, а те, в свою очередь, породили семь других ману (Ману, I, 33-36) [там же. С. 22], относятся к другим, ещё более древним тайнствам и при этом служат *ширмой*, скрывающей за собой истинный смысл учения о семеричной [планетарной] цепи. — *Е.П.Б.*

[97] Иначе говоря, необходимо различать двух ману Вайвасвата: корневого Вайвасвату — аллегорический образ человечества, включающего в себя все семь рас 4-го Круга (в том числе и нашу, пятую), и "расового" корневого Вайвасвату — аллегорический образ человечества исключительно нашей, пятой, расы (*примеч. перев.*).

[98] Зиусудре. Имя "Издубар" связано с первоначально неверным прочтением имени этого героя. Как пишет Дж. Смит в своей книге "Халдейская версия начала бытия" (Smith, 1876. P. 167-168), "легенды об Издубаре излагают, на мой взгляд, историю библейского героя Нимрода. Они повествуют о приключениях знаменитого вавилонского царя, которого я временно именую Издубаром, поскольку пока невозможно точно передать фонетическое звучание его имени" (*курсив мой — перев.*).

Герой по имени Зиусудра связан с шумерским мифом о потопе, который, очевидно, лёг в основу вавилонского мифа, "известного в двух вариантах: в виде самостоятельного мифа об Атрахасисе, а также рассказа о потопе, вставленного в эпос о Гильгамеше (табл. XI ...) ... Он сохранился также в пересказах труда писавшего на греческом языке историка Бероса (4 - 3 вв. до н. э.)" (Афанасьева В.К., 1987. С. 468), где в греческой транскрипции имя героя превратилось уже в Ксисутра (*примеч. перев.*).

[99] См. George Smith, "Babylonia", p. 36. ["Согласно вавилонским источникам, до потопа существовало десять царей, первым из которых был Алорус. Своим числом они согласуются с упоминаемыми в книге "Бытие" десятью патриархами. Однако вавилоняне указывают какую-то запредельную продолжительность этого периода времени: по их оценкам, десять этих царей правили в течение 432 тысяч лет" (Smith, 1877. P. 36 — *перев.*)]. Но и здесь с 10 *праджанати* и с 10 упоминаемыми в "Книге чисел" *сфирот* происходит то же, что и с *ману*, — *их общее число ужимается опять-таки до семи!* — *Е.П.Б.*

[100] Упанишады считаются тайными, эзотерическими (*рахасья*) сочинениями, выражающими истинную суть вед (Пахомов С.В., 2009а. С. 822). Термины "упанишады" и "рахасья" выступают обычно как синонимы (Рамаяна, 2006. Примечания. С. 777) (*примеч. перев.*).

[101] Monier-Williams, 1875. P. 35 (*примеч. перев.*).

[102] Слово *упа-ни-шад*, согласно авторитетнейшим брахманским источникам, означает "побеждать неведение путём обнажения сокровенного *духовного* знания". По объяснению Монье-Вильямса [там же — *перев.*], это слово происходит от корня *шад* и предлогов *упа* и *ни* и означает "нечто мистическое, что скрывается или лежит под внешней поверхностью". — *Е.П.Б.*

[103] Гимн *пра́не* (Hymn to *Prána*, Atharva-Veda, XI. 4). — *Е.П.Б.*

[Ср.: "Вертится восьмиколёсное с одним ободом". (Атхарваведа (Шаунака), 2007. С. 145) — *перев.*].

[104] Непосвящённые частенько путают *карана-шариру* с *линга-шарирой*. Поскольку *карана-шарира* описывается как внутренний зачаточный, латентный зародыш тела, то они и принимают её за *линга-шариру*. Оккультисты же рассматривают её как

жизнь (жизненное тело), то есть *джи́ву*, которая в момент смерти исчезает, уходит прочь, предоставляя 1-му и 3-му принципам *разлагаться* и возвращаться к собственным первоэлементам. — *Е.П.Б.*

[105] Речь идёт о четырёх "метапараметрах" философии ньяя в области теории познания, которые определяются следующим образом: "субъект познания" (*праматри*), "источник знания" (*прамана*), "познаваемое" (*прамея*) и само "познание" (*прамити*) (Шохин В.К., 2009в. С. 238).

В "Ньяя-сутрах" перечисляются 12 основных *прамей*: Атман, тело, индрии, их объекты, познавательная способность (буддхи), ум-манас, деятельность, "дефекты" (*доша*), перевоплощение, "плоды" действий, страдание и освобождение (1.1.9) (Шохин В.К., 2009ж. С. 637; Ньяя-сутры, 2001. С. 157) (*примеч. перев.*).

[106] Падартха (санскр. padārtha — "объект слова") — термин инд. философии, имеющий грамматич. происхождение (от padasya arthaḥ — "значение слова", "референт" ...) Если в лингвистике на первый план в *падартхе* выступает слово, то в философии — объект слова . . . В своём "классификационном" значении термин *падартха* близок термину *таттва* (суть) (Лысенко В.Г., 2009б. С. 587) (*примеч. перев.*).

[107] "Вайшешика-сутрах" (*примеч. перев.*).

[108] "Корень-праkritи — не-модификация, семь начиная с Великого — модифицируемые-модификации, шестнадцать же — модификации, Пуруша — не-модифицируемое и не-модификация" (Ишваракришна, 1995. С. 119) (*примеч. перев.*).

[109] Дословно: "непроявленный" (*примеч. перев.*).

[110] Танматры — тонкие принципы, "сущности", известных пяти первоэлементов, а махабхуты — плотные "тела" этих же пяти первоэлементов. Согласно "Прашна-упанишаде", в высшем атмане объединено всё: "И земля, и частицы [т.е. тонкая сущность — *перев.*] земли, и вода, и частицы воды, и огонь, и частицы огня, и ветер, и частицы ветра, и пространство, и частицы пространства . . . " (Прашна-упанишада, 1992. С. 195).

"В буквальном смысле слово "танматра" обозначает прототип или зачаток элемента, лишённого каких бы то ни было качеств. В эзотерическом же смысле танматры — это самые первые ноумены того, что в ходе эволюции становится космическим элементом в древнем понимании этого термина, а не в том смысле, как его понимает физика. Это логосы — семь эманаций (лучей) Логоса" (ТД, I, 2. Об элементах и атомах. С. 454. Примечание) (*примеч. перев.*).

[111] Пуруша пашу (санскр.) [от *пуруша* "человек" + *пашу* "домашнее животное"] Человек-животное (*ETG*).

[112] "14. Вследствие соединения с пятью вместилищами чистый атман будто уподобляется каждому из них, словно кристалл, соединенный с синим или иного [цвета] одеянием" (Шанкара, 1969. С. 159) (*примеч. перев.*).

[113] См. также таблицу в статье Субба Роу "Принцип семеричности с точки зрения различных индийских систем" (*примеч. перев.*).

[114] С аханкарой (*примеч. перев.*).

[115] Впервые статья была опубликована в двух номерах журнала *The Theosophist*: vol. 4, No. 5 (41), February, 1883, P. 104-105 и No. 6 (42), March, 1883, P. 138-139 под заголовком "A Personal and an Impersonal God". Текст включённой в сборник статьи отличается от его журнального варианта (*примеч. перев.*).

[116] Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill, 1806 — 1873) был основателем позитивизма в Англии. Здесь речь идёт о его работе "Исследование философии сэра Гамильтона" (*An Examination of Sir W. Hamilton's Philosophy*, 1865) (*примеч. перев.*).

[117] См. "Белфастское выступление" Тиндаля — *T.C.P.*

[118] Буквально "внешнее" или "обращённое вовне" сознание. См. также УТ (*примеч. перев.*).

[119] Для удобства понимания и за неимением лучшего термина это последнее (*ultimate*), седьмое, состояние мы будем ниже называть "нулевым", тем более что этим термином пользовалась и ЕПБ, описывая это состояние *лайя* (*примеч. перев.*).

[120] Ср. с китайской концепцией "инь-ян" (*примеч. перев.*).

[121] Ещё раз напомним читателю, что под ментальным состоянием понимается то или иное *состояние сознания* (*примеч. перев.*).

[122] Под "физическим" Т. Субба Роу понимает не ту физическую материю, которая свойственна нашему физическому плану бытия, а некоторое тонкоматериальное, скорее субстанциальное, начало (*примеч. перев.*).

[123] То "мыслетворчество", о котором говорится в "Тайной доктрине" (*примеч. перев.*).

[124] Кшетра (см. выше статью "Брахманизм о семеричном принципе в человеке") (*примеч. перев.*).

[125] "Брахма-сутры" — базовый текст веданты, приписываемый Бадараяне (III-IV вв. н.э.) (Шохин В.К., Степанянц М.Т., 2009. С. 17) (*примеч. перев.*).

[126] Та сила или способность, которая порождает восприятие — *T.C.P.*

[127] Небытие (*санскрит*) (*примеч. перев.*).

[128] "Зародыш" (чинматра) космической идеации, сама космическая идеация и поле (чид-акаша), на котором последняя происходит (*примеч. перев.*).

[129] То же, что и *бахирпраджня* (*примеч. перев.*).

[130] Статья под этим названием ("Prakriti and Purusha") была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 10 (46), July 1883. P. 248-251. Тот вариант этой статьи, который был включён в сборник "Пять лет теософии", представляет собой два коротких фрагмента этой довольно длинной статьи. Сама же статья была написана Т. Субба-Роу как критический ответ на опубликованную в том же номере журнала статью "Альморский свами своим оппонентам" ("The Swami of Almora to his Opponents"). О личности этого "альморского свами" см.: ПМ, № 54 и 57 (*примеч. перев.*).

[131] *Упадху* — носитель — *T.C.P.*

[132] *Джаграта* — состояние бодрствования, то есть состояние, в котором возможно восприятие внешнего мира — *Т.С.Р.*

[133] *Свапна* — состояние сна, то есть состояние, в котором возможно ясновидческое восприятие астрального плана — *Т.С.Р.*

[134] *Сушупти* — экстатическое состояние; а *авастхи* — состояния *праджни* — *Т.С.Р.*

[135] *Вайшванара* — магнетический огонь, которым пронизана проявленная солнечная система — тот аспект единой жизни, в котором последняя представлена в самой объективной своей форме — *Т.С.Р.*

[136] *Хираньягарбха* — форма единой жизни, проявленная на плане астрального света — *Т.С.Р.*

[137] *Сутратма* — вечный зародыш проявленной Вселенной, пребывающий на поле *мулапракрити* — *Т.С.Р.*

[138] Букв. "Двадцать пять глав". Автором трактата является Мадхава Видьяранья Бхаратитиртха (сер. — 2-я пол. XIV в.) (Шохин В.К., 2009д. С. 489) (*примеч. перев.*).

[139] *Адиштитха* — то, что пребывает в другом принципе — действующий в *пракрити* активный агент — *Т.С.Р.* [То же, что и *адхиштана*. См. ниже УТ — *перев.*].

[140] *Упадана* (санскр.) — причина (*примеч. перев.*).

[141] *Всё во Вселенной есть Брахма* — *Т.С.Р.*

[142] Впервые эта статья ("Morality and Pantheism") была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 2 (50), November, 1883. Р. 33-34. Текст статьи незначительно отличается от её журнального варианта (*примеч. перев.*).

[143] Точнее, *tuum*. Имеется в виду принцип *meum et tuum* (досл.: "моё и твоё"), лежащий в основе понятия частной собственности (*примеч. перев.*).

[144] Притч., 19,17: "Благотворящий бедному даёт взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяние его" (*примеч. перев.*)

[145] *Мукти* или *мокша* — освобождение от качественно обусловленного бытия (*примеч. перев.*).

[146] *Обладатель священного знания* (*примеч. перев.*).

[147] Специальные термины, применяемые в индийской философии и психологии для описания различных состояний сознания, в подробности которых здесь нет необходимости входить (*примеч. перев.*).

[148] Ср.: "Все, зависящее от чужой воли, — зло, все, зависящее от своей воли, — благо; необходимо знать это краткое определение блага и зла" (Ману, 2002. Р. 160) (*примеч. перев.*).

[149] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 6 (54), March, 1884. Р. 131-133 (*примеч. перев.*).

[150] Впервые опубликовано в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 12(48), September,

1883. P. 295-310. Публикуемый в сборнике текст незначительно отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[151] Точнее, *Corpus Inscriptionum Indicarum*, 1877 (*примеч. перев.*).

[152] Гаудапада — учитель Говинды, наставника Шанкары. Жил, по преданию, в VI или VII в. Труды Гаудапады содержат первое систематическое изложение и истолкование философии адвайта-веданты (Альбедиль М., 1996а. С. 143) (*примеч. перев.*).

[153] "Фрагментами оккультной истины" (*примеч. перев.*).

[154] Едва ли нужно напоминать члену английского Т.О. о том, что речь здесь идёт лишь о таких тайнах, которые, даже будучи разглашены, не смогут обернуться оружием против человечества в целом или против его отдельных единиц — людей. Тайны же иного рода позволяется раскрывать в ходе серии посвящений лишь тем, кто состоит в регулярном ученичестве на протяжении многих лет. Человечество как единое целое должно вначале повзреть, достичь совершеннолетия, а это случится лишь ближе к началу шестой расы — и вот тогда только ему можно будет без страха открыть некоторые таинства подобного рода. Как знают некоторые чела (в том числе даже "мирские" чела), *врийл* — это не совсем выдумка. [*Примечание автора или авторов письма — примеч. перев.*]

[155] Фридерика Хауффе (Friederike Hauffe, 1801–1829). Всю свою недолгую жизнь, в течение которой страдала жесточайшими приступами судорог и нервной лихорадки, она пребывала в общении с миром духов. Подробно история её жизни описана Юстинусом Кернером (Justinus Kerner) в книге (в двух томах) "Die Seherin von Prevorst und ihre Gesichte in die Geisterwelt" ("Ясновидица из Префорста и её видения из мира духов") (1829). В английском переводе она известна под названием "The Seeress of Prevorst" (1845) ("Ясновидица из Префорста, или Откровения о внутренней жизни человека и о проникновении мира духов в тот мир, в котором обитаем мы"). На русском языке эта книга впервые вышла в России под названием "По ту сторону смерти. Записки ясновидящей" (СПб, 1909). В 2013 году русский перевод книги был опубликован в Москве под названием "Лишённые родины. Провидица из Префорста = Die Heimatlosen. Die Seherin von Prevorst" (*примеч. перев.*).

[156] Речь идёт об исследованиях сэра Уильяма Крукса (William Crookes, 1832-1919), выдающегося британского химика и физика, члена Теософского общества и члена Совета Лондонской ложи. В ходе более подробного изучения электрических разрядов в глубоком вакууме (трубка Крукса) он пришёл к выводу о существовании "четвёртого состояния материи", которое назвал "лучистой материей". Тем самым он проложил дорогу для открытия электрона. Своими бесстрашными исследованиями психических явлений (феноменов), которые он, невзирая на осуждение и насмешки со стороны науки, проводил при соблюдении строжайших условий испытания, У. Крукс привлек к себе внимание Учителей, которые, как явствует из их писем, определённым оккультным образом оказали ему помощь в его работе.

Имя У. Крукса упоминается, в частности, в следующих источниках: ПМ (№ 47 и 59), "Письма Е.П. Блаватской А.П. Синнетту" (№ 102 - 105, 107 и 108), а также в ТД, I, 2, Дополнения. Гл. IX "Солнечная теория"; гл. XII "Древняя мысль в современных одеждах" и гл. XV "Боги, монады и атомы" (*примеч. Б.М. Циркова*).

Здесь и далее примечания Б.М. Циркова приводятся по изданию: BCW, vol. V,

Compiler's Notes, pp. 263-275 (*примеч. перев.*).

[157] Зд.: Официальные предписания, циркуляры (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[158] Иоганн Карл Фридрих Цёлльнер (1834-1882) — знаменитый германский астрофизик. Помимо того, что этот учёный внёс неопределимый вклад в астрономию, он проявлял также серьёзный интерес к медиумическим явлениям. Вместе с известным медиумом, д-ром Генри Слейдом, он произвёл обширные исследования в этой области. Разработанная им теория четырёхмерного мира и его обитателей заслуживает гораздо большего внимания, чем она получила на сегодняшний день со стороны учёных. Эксперименты, которые он провёл совместно с д-ром Слейдом, Цёлльнер подробно описал в своей книге "Трансцендентальная физика". С немецкого языка на английский эта книга была переведена Чарльзом К. Мэсси (Johann Karl Friedrich Zöllner, *Transcendental Physics*, London, 1880). Кроме того, в журнале "The Theosophist" (vol. 2, February, 1881. P. 95-97) вышла подробная рецензия на неё, написанная Е.П.Б.

Своей работой с д-ром Слейдом Цёлльнер был в том числе и напрямую обязан Е.П.Б. и полк-ку Олкотту, поскольку именно они выбрали Слейда в качестве наиболее подходящего медиума для исследований, проводившихся в 1876-1877 годах в Санкт-Петербургском Императорском Университете.

Интерес Цёлльнера к проблемам медиумизма был враждебно встречен со стороны некоторых научных кругов, а кое-кто из числа его бывших коллег счёл его исследования простой причудой. Гонения, которым он подвергся, по-видимому, сильно подорвали его здоровье, и он внезапно скончался от удара, сидя прямо за рабочим столом, когда от роду ему было всего 48 лет (*примеч. Б.М. Циркова*).

Необходимо отметить в этой связи, что печальную научную судьбу Цёлльнера разделил и великий русский учёный-химик А.М. Бутлеров (Бутлеровъ А.М., 1889). О серьёзном интересе, проявлявшемся в России к проблемам медиумизма, свидетельствует в том числе и книга А.Н. Аксакова "Предвестники спиритизма за последние 250 лет" (Аксаковъ А.Н., 1895) (*примеч. перев.*).

[159] Телескоп-рефлектор диаметром 182 см с фокусным расстоянием 17 м, построенный в 1845 г. ирландским астрономом Уильямом Парсонсом (третий лорд Росс) в его родовом поместье Бёр-Касл. Этот телескоп впервые показал структуру галактик (Сурдин В., 2012. С. 44) (*примеч. перев.*).

[160] Оптическая астрономическая обсерватория, работающая под управлением Калифорнийского университета в Санта-Круз (США). Расположена на горе Маунт Гамильтон (Калифорния) на высоте 1290 м. Функционирует с 1880-х гг. (там же. С. 194) (*примеч. перев.*).

[161] Эти цифры приводятся на основании математических расчётов, выполненных экзотерической западной астрономией. Неточность этих данных когда-нибудь будет доказана экзотерической астрономией. — *Примеч. авт.*

[162] Пустыню Гоби (*примеч. перев.*).

[163] Цит. по: Cocker, В.Ф., 1870. P. 228 (*примеч. перев.*).

[164] Proctor, 1871. P. 252 (*примеч. перев.*).

[165] Джозеф Норман Локьер (sir Joseph Norman Lockyer) (1836 - 1920)

— английский астроном. Профессор Королевского колледжа, затем директор Солнечно-физической обсерватории в Южном Кенсингтоне. Занимался спектроскопией Солнца; независимо от П. Ж. Жансена открыл во время солнечного затмения протуберанцы и линии гелия в спектре Солнца до того, как этот элемент был обнаружен на Земле. Занимался также спектральной классификацией звёзд (Сурдин В., 2012. С. 197) (*примеч. перев.*).

[166] Урбен Жан Жозеф Лаверье (Le Verrier U. J. J.) (1811 - 1877) — французский астроном. Исследовав взаимные возмущения планет, доказал (1839) устойчивость Солнечной системы. Изучив отклонения в движении Урана, вычислил массу и положение неизвестной планеты, влияющей на Уран. По указанным координатам И. Г. Галле открыл (23 сентября 1846 г.) планету Нептун (там же. С. 191) (*примеч. перев.*).

[167] Пьетро Анджело Секки (Pietro Angelo Secchi) (1818 - 1878) — итальянский астроном, один из пионеров астрофизики, сделавший первый спектральный обзор звёзд и предложивший их классификацию в соответствии с видом спектра. В 1833 г. вступил в орден иезуитов, получил образование в Римском иезуитском колледже . . . В 1863-1868 гг. Секки визуально изучил спектры около 4000 звёзд и первым выдвинул идею классификации звёздных спектров, разделив их на пять основных типов приблизительно в порядке убывания температуры поверхности звезды (как это подтвердилось позже) . . . Многие годы Секки изучал поверхность Солнца (пятна, гранулы, протуберанцы), разработал теорию его строения, основанную на представлении о газе, находящемся в состоянии сильного сжатия. Он доказал, что протуберанцы, наблюдаемые во время полного солнечного затмения, принадлежат самому Солнцу. Секки открыл многие особенности поведения протуберанцев и подобных им более мелких газовых выбросов, названных позже спикулами. Свои взгляды на природу Солнца он изложил в труде «Солнце» (1870), который получил широкую известность. В 1860 г. он впервые сфотографировал солнечную корону (там же. С. 339) (*примеч. перев.*).

[168] В пуранах содержится любопытный рассказ, связанный с этой темой. Сказывают, что однажды дэвы попросили великого риши Васиштху переместить Солнце в Сатъя-локу. Риши передал эту просьбу богу Солнца. Тот, однако, ответил, что если он изменит своё местоположение, то все миры немедленно погибнут. И тогда риши вызвался прикрыть солнечный диск собственным платьем красного цвета (*Kashay Vastram*). Так он и сделал. С тех пор и считается, что это платье Васиштхи и является видимым телом Солнца. (В журнальном варианте статьи присутствует указание на то, что это примечание принадлежит и.о. редактора журнала Т. Субба Роу — *перев.*).

[169] Если бы "член английского Т.О." взял на себя труд обратиться к с. 11 книги "Magia Adamica", написанной его учёным соотечественником, Евгением Филалетом, то обнаружил бы там ясный намёк на различие между видимыми и невидимыми планетами — настолько ясный, насколько это было возможно сделать во времена, когда железные когти ортодоксии имели достаточно и власти, и желания, чтобы срывать живую плоть с костей еретиков. "Земля [как один из первоэлементов — *перев.*] невидима", — пишет он. Более того, "*глаз ни одного человека ещё не видел земли, да её и не увидишь, пока не обратишься к искусству [магии]. Как сделать этот элемент видимым? — в этом и состоит главнейшая тайна магии . . .* Что же до того отстойника, того грубого тела, по которому мы ходим, то это просто компост и никакая не земля, но *он скрывает внутри себя землю . . .* Одним словом, все

элементы видимы, кроме одного, а именно: земли. Когда же достигнешь ты столь высокого совершенства, что поймёшь, почему Бог поместил землю *in abscondito* [то есть скрыл — *перев.*], то получишь превосходную фигуру, с помощью которой и познаешь самого Бога, как и то, насколько он *видим* и насколько *невидим*". Курсив принадлежит самому автору, поскольку у алхимиков была привычка выделять зашифрованные ими слова, имевшие двойной смысл. Здесь под словами "сам Бог", *видимый* и *невидимый*, подразумевается их *lapis philosophorum* [философский камень — *перев.*] — седьмой принцип Природы. [The Magical Writings of Thomas Vaughan. P. 84 — *перев.*]. — *Примеч. авт.*

[170] Proctor, 1871. P. 175 (*примеч. перев.*).

[171] Там же (*примеч. перев.*).

[172] Верно, "об абсолютной точности в решении этой проблемы (проблемы расстояний между небесными телами и Землёй) *просто-напросто не может идти и речи*".

[173] Proctor, 1871. P. 174 (*примеч. перев.*).

[174] Там же (*примеч. перев.*).

[175] Сын Уильяма Гершеля (*примеч. перев.*).

[176] Джеймс Несмит (J. Nasmyth, 1808-1890) — шотландский инженер, конструктор парового молота и других станков для обработки металла, организатор и владелец машиностроительного предприятия в Манчестере, любитель астрономии, совместно с Дж. Карпентером написавший книгу о Луне и создавший гипсовую модель Луны (Сурдин В., 2012. С. 401). О его теории "ивовых листьев" см.: ТД I, 2, Дополнения, гл. VIII "Жизнь, сила или тяготение"; IX "Солнечная теория" и XIII "Научные и эзотерические свидетельства в пользу современной небулярной теории и возражения против неё" (*примеч. перев.*).

[177] Proctor, 1871. P. 224, fnote (*примеч. перев.*).

[178] Ibid. (*примеч. перев.*).

[179] Ibid (*примеч. перев.*).

[180] Ibid. P. 225, fnote continued (*примеч. перев.*).

[181] Эта фраза Махатм построена с явным намерением вызвать в памяти у читателя слова из Деяний святых апостолов: "ибо мы Им [в английском тексте: "в Нём" — *перев.*] живём и движемся и существуем" (17, 28), где речь идёт о том, как Павел, осматривая святыни афинян, нашёл жертвенник, на котором было написано "неведомому Богу". "Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам," — говорит Павел. Из этого читатель, очевидно, должен заключить, что не только в физическом, но и в метафизическом смысле Солнце и выступает таким "богом" в нашей Солнечной системе (*примеч. перев.*).

[182] Proctor. Op. cit. P. 386 (*примеч. перев.*).

[183] Ibid. P. 384 (*примеч. перев.*).

[184] Ibid. P. 387 (*примеч. перев.*).

- [185] Ibid. (*примеч. перев.*).
- [186] Ibid. P. 386 (*примеч. перев.*).
- [187] Ibid. P. 382 (*примеч. перев.*).
- [188] Эдуард Франкленд (Edward Frankland) (1825 –1899) — английский химик-органик, член Лондонского королевского общества (1853) и Парижской АН (1895) (*примеч. перев.*).
- [189] Proctor. Op. cit. P. 408 (*примеч. перев.*).
- [190] Ibid. P. 412 (*примеч. перев.*).
- [191] Ibid. (*примеч. перев.*).
- [192] Ibid. P. 412-413 (*примеч. перев.*).
- [193] "Помни о смерти" (*лат.*). Девиз философов-стоиков (*примеч. перев.*).
- [194] Монашеский орден, следующий строгим правилам аскетизма. "Т[рапписты] обязаны 11 часов в сутки проводить в молитве, а остальное время посвящать тяжёлым полевым работам; вечером они по уставу должны работать несколько минут над сооружением для себя могилы, а спать в гробу на соломе. Помимо молитв, песнопений и "*Memento mori*", которое заменяет у них приветствие, они должны хранить глубокое молчание". (ЭСБЕ, 1901. С. 727) (курсив наш — *перев.*).
- [195] Простонародье (*лат.*) (*примеч. перев.*).
- [196] Святая святых (*лат.*) (*примеч. перев.*).
- [197] Северо-восточная область Ирана. Ныне эта "соляная пустыня" носит название Деште-Кевир (*примеч. Б.М. Циркова*).
- [198] Халиф Умар ибн аль-Хаттаб, известный как Умар I (590-644) (*примеч. перев.*).
- [199] Серапеум или Серапей — главный храм Сераписа в Александрии (*примеч. перев.*).
- [200] По древним преданиям считается, что изобретателем греческого алфавита был финикиец Кадм. "А финикияне эти, прибывшие в Элладу с Кадмом,.. принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам". (Геродот. С. 254) (*примеч. перев.*).
- [201] Peleg (*примеч. перев.*).
- [202] Так греки называли этрусков. Tursenoī (от греч. Τυρσηνός). Кроме того, в ВСW, v. XV, рядом с этим словом указаны варианты *Turshas* и *Tyrsenii*, т.е. *Таршиас* и *Тирсений*. Кроме того, в Ветхом Завете (Ис. 23, 1) присутствует указание на г. Фарсис (иврит: שַׁרְשִׁישׁ — Тар-шиш) или Тирсений, то есть г. Тир (*примеч. перев.*).
- [203] Первая древнегреческая колония в Италии, на побережье Тирренского моря, в Кампании. До настоящего времени сохранились развалины храма Аполлона с оракулом, свод и проходы пещеры Сивиллы (*примеч. перев.*).
- [204] Британские острова (*лат.*) (*примеч. перев.*).
- [205] Вейи — древний город этрусков, расположенный к северу от Рима (*примеч.*

перев.).

[206] Сидон — город в Ливане, который сегодня называется Сайда (*примеч. перев.*).

[207] Троада — древняя область на северо-западе Малой Азии (*примеч. перев.*).

[208] Карл Рихард Лепсиус (Lepsius) (1810 – 1884), германский египтолог, археолог, филолог, член Прусской королевской Академии наук (*примеч. перев.*).

[209] Имеется в виду Музей египетского искусства Эббота (Abbott's Egyptian Museum), существовавший в Нью-Йорке с 1853 по 1860 гг. Основателем его был собиратель древностей британский врач Генри Уильям Чарльз Эббот (*примеч. перев.*).

[210] Город-крепость под названием Шахджаханабад, основанный в 1648 году (*примеч. перев.*).

[211] К Всемирной выставке 1851 года в лондонском Гайд-парке был построен Хрустальный дворец (*примеч. перев.*).

[212] Вероятно, имеется в виду Кносский лабиринт (*примеч. перев.*).

[213] Судя по всему, речь идёт о том месте книги, где А.П. Синнетт говорит о так называемой "восьмой сфере" (ближе к концу гл. VI. Кама-лока) (*примеч. перев.*).

[214] Автором ответа на этот вопрос является Е.П. Блаватская, как она прямо говорит об этом в "Тайной доктрине" (ТД, I, 1. С. 329) (*примеч. перев.*).

[215] В июньском номере журнала "Теософист" за 1883 год разгорелся спор по поводу учения Махатм о порядке прохождения импульса жизни по всей планетарной цепи Земли, а также по вопросу о присутствии представителей 5-го Круга среди человечества нынешнего 4-го Круга. Поводом к спору послужило письмо под заголовком "Космические кольца и круги" ("Cosmical Rings and Rounds"), направленное в редакцию журнала одним из читателей под псевдонимом "Исучающий оккультизм" ("A Student of Occultism"). В этом письме автор высказал ряд критических замечаний по поводу некоторых положений, изложенных в 7-м выпуске "Фрагментов оккультной истины". Сам 7-й выпуск "Фрагментов" был перед тем опубликован в апрельском номере журнала за тот же год, и автором его (точнее, выпусков IV-VIII) являлся А. Синнетт, подписывавшийся псевдонимом "Мирской чела" ("A Lay Chela"). В своём редакционном комментарии Е.П.Б. подчеркнула мнимость противоречий обеих сторон разгоревшегося спора, указав: ". . . у нас нет никаких сомнений в том, что при всех кажущихся разногласиях и "Исучающий оккультизм", и "Мирской чела" могли бы превосходно сойтись во взглядах, если бы они занимались изучением доктрины не урывками, как сейчас, на основе мелких и выдаваемых время от времени порций, а если бы они получили в своё распоряжение *целостное* учение и будь им объяснены те огромные различия, которые существуют между семью Кругами. Но таковы воля и желание тех, кто знает лучше нас о том, что годится к разглашению, а что следует ещё какое-то время придержать".

Разрешить спор между сторонами должен был "доверенный и высокий чела", С.Т.К. Чери (S.T.K*** Chary). Однако в своём письме-комментарии он сразу же указал на невозможность "предоставить хоть в какой-то степени удовлетворительное разъяснение" по указанным вопросам без соответствующего разрешения "Братьев". "Учителя", подчеркнул он, "на сегодняшний день обозначили своё учение по этому вопросу лишь в самых общих чертах, и в их намерениях в данное время вовсе не

входит давать разъяснения всего учения и во всех его подробностях. Никто, кроме доверенных учеников, не может всерьёз рассчитывать на получение от них таких разъяснений, которые связаны с тайнами посвящения, тем более, что такие разъяснения должны были бы оказаться разглашены всему миру. Те, кто уже получил содержащиеся во "Фрагментах" сведения, должны теперь сами воспользоваться собственной интуицией и самостоятельно определить с большей или меньшей точностью те детали учения, которые им не были сообщены."

Тем не менее, этот чела осветил отдельные вопросы этого учения, завершив своё письмо следующими словами: "Разумеется, высказанные здесь сомнения и разногласия могут получить своё удовлетворительное разъяснение в свете подлинного эзотерического учения по этому вопросу, и каждый продвинутый чела владеет им. Но поскольку эти священные числа и цифры могут быть предоставлены только доверенным и прошедшим посвящение ученикам, то помочь вашему корреспонденту мы можем лишь указанием на его заблуждения, не выдавая при этом того, к чему он должен прийти лишь собственным умом. Даже "Мирской чела" (то есть А. Синнетт) должен стараться посильно разобраться в этом учении с помощью собственной интуиции и умственных усилий" (*прим. перев.*).

[216] Μονάς [[монас]]. Слово же "монада" происходит от μονάς в родительном падеже — μονάδος (*примеч. перев.*).

[217] Первоначальному состоянию (*лат.*).

[218] В произведении "Роза мира" Д. Андреева они называются стихиялями. Вот как он описывает их: "Здесь мы касаемся тезиса, поддающегося изложению с некоторым трудом . . . Стихиялями называются те монады, которые проходят свой путь становления в Шаданакаре преимущественно сквозь царства Природы. При этом нельзя забывать, что аспектом своеобразного царства Природы является и человечество. Стихийные, именно стихийные силы, кипящие в нём и без которых немислимо его существование, выражают, хотя и не исчерпывают, этот его аспект. Неудивительно поэтому, что есть и такие стихияли, которые связаны не с природой в общепринятом смысле слова, а с человечеством, с его стихийным, природным аспектом" (С. 91-92) (*прим. пер.*).

[219] Скорее, на линиях AD и DD . На линии AD ("Дух нисходит в материю") дух достигает своей максимальной точки обскурации, нулевой точки D . Материя же на отрезке DD ("Постепенное развёртывание формы") в той же точке D достигает своего предельного совершенства. На линиях DA ("Повторное восхождение духа") и DD ("Рассеяние формы") демонстрируется диаметрально противоположный процесс (*примеч. перев.*).

[220] Agassiz & Gould, 1848. P. 205-206 (*примеч. перев.*).

[221] Приведённая диаграмма указывает лишь на логику схемы эволюции, а не на историю эволюции сознания.

[222] Автором ответа на этот вопрос является Т. Субба Роу, как это оговаривается в редакторском примечании к журнальному варианту статьи (*примеч. перев.*).

[223] Слово "слои" ("strata") присутствует в официальном издании сборника "Five Years of Theosophy", по которому и осуществляется настоящий перевод. В журнальном же варианте использовано невнятное слово "Srata", которое Б.М. Цирковым истолковано как "Sruti" ("шрути") и в таком виде опубликовано им в

BCW, vol. V, p. 179 (*примеч. перев.*).

[224] Шрингэри — "местечко в штате Карнатак, священное для шиваитов. В VIII в. Шанкара основал здесь храм богини Шарады (разновидность *Дурги*) и монастырь (*нитху*), где сейчас находится резиденция одного из *Шанкарачарий*" (Дубянский А., 1996б. С. 466-467) (*примеч. перев.*).

[225] Barth, 1882. P. 89, fnote (*примеч. перев.*).

[226] Здесь и ниже в квадратных скобках помещён текст, присутствующий в указ. соч., но выпущенный в сборнике (*примеч. перев.*).

[227] Wilson, 1862. P. 201. (*примеч. перев.*).

[228] Кумарила Бхатта (Kumarila Bhatta) (ок. 600 — 700) — индийский религиозный деятель и философ, один из крупнейших представителей мимансы. С именем К.Б. связаны многие стороны брахманистского ренессанса, и прежде всего победа ортодоксии над буддизмом, непримиримым врагом которого К.Б. оставался на протяжении всей жизни (Пименов А.В., 2009. С. 468) (*примеч. перев.*).

[229] Или мыс Кумари — южная оконечность полуострова Индостан (*примеч. перев.*).

[230] Ашока — правитель империи Маурьев с 273 по 232 год до н. э. (*примеч. перев.*).

[231] Рой Раммохан (Roy/Ray Mohan/Rammohun) (14.08.1774 — 27.09.1833) — философ-гуманист, социальный и религ. реформатор, просветитель, правовед (Скороходова Т.Г., 2009. С. 684) (*примеч. перев.*).

[232] Wilson, 1819. P. xvii (*примеч. перев.*).

[233] Ibid. P. xviii (*примеч. перев.*).

[234] Рамануджа (легенд. годы жизни 1017-1137, по совр. оценкам, 1077-1157) — вишнуитский философ, основатель и главный представитель школы вишишта-адвайта-веданта (Псху Р.В., 2009. С. 677) (*примеч. перев.*).

[235] Анандатиртха или Мадхва (Мадхвачарья) (Бхагвадгита, 1999. С. 124). Мадхва (традиц. датировка 1198-1278; более совр. версия 1238-1317) — основатель религ.-филос. школы двайта-веданта (Шохин В.К., 2009д. С. 490) (*примеч. перев.*).

[236] Древнеиндийский лексикограф, автор "Бессмертного словаря" ("Амаракоша"). "Время жизни Амары Синха различные исследователи относят к разным периодам: от I века до Р.Х. (Г. Уилсон) до середины III века по Р.Х. (К. Лассен) или ещё позднее" (Dowson, 1879. P. 11) (*примеч. перев.*).

[237] Замечание Т. Субббы Роу здесь едва ли справедливо, поскольку у Уилсона так и написано: *Kudali*. Кудали — один из диалектов языка маратхи, бытующий в округе Сатара (штат Махараштра) в районе поселения Кудал (*примеч. перев.*).

[238] Вероятно, имеется всё-таки в виду династия Ганга, столицей у которых был город Скандапура (*примеч. перев.*).

[239] Ныне Карнатака (*примеч. перев.*).

[240] Смарта (приверженность *смрити*) — вообще человек, придерживающийся

наставлений *смрити* [преданий — *перев.*], ортодоксальный брахман (Дубянский А., 1996а. С. 402) (*примеч. перев.*).

[241] Сборник литературных анекдотов о дхарском (Дхар — город в индийском штате Мадхья-Прадеш) царе Бходже. Сборник принадлежит перу Баллалы. (*примеч. перев.*).

[242] Анандатиртха или Мадхва. См. наше примечание выше (*примеч. перев.*).

[243] Область на юго-западном побережье Индии (*примеч. перев.*).

[244] Малабар — историческая область в Южной Индии между берегом Аравийского моря и горами Западные Гаты (*примеч. перев.*).

[245] Шаливахана — легендарный царь древней Индии. Именем его называется *шака*, то есть эра, начинающаяся с 78 г. н.э. (Dowson, 1879. P. 273) (*примеч. перев.*).

[246] Wilson, 1819. P. xv-xvi (*примеч. перев.*).

[247] Janardan Ramchenderjee. The Biographical Sketches of Eminent Hindu Authors (*примеч. перев.*).

[248] Город Кумбаконам находится в Южной Индии в штате Тамилнад (*примеч. перев.*).

[249] Или "Океан сказаний". Книга написана Сомадевой (XI в.) (*примеч. перев.*).

[250] Хроника, написанная кашмирским историком Калханой (XII в.) (*примеч. перев.*).

[251] Или "Пять книг". Сборник занимательных и дидактических рассказов. Авторство приписывается древнеиндийскому мудрецу Вишнушарману. Книга датируется примерно III-IV вв. н.э. (*примеч. перев.*).

[252] Парашурама — досл. "Рама с топором". Истребитель кшатриев. Одно из воплощений Вишну (*примеч. перев.*).

[253] Предание. В буквальном переводе "вспоминаемое". *Смрити* обычно противопоставляются *шрути* (букв. "услышанное") (*примеч. перев.*).

[254] Мандана Мишра (*санскр.* Mandana Misra) (кон. VI - нач. VII в.) — философ мимансы и адвайта-веданты, оказавший влияние на всю последующую традицию этих направлений (Шохин В.К., 2009е. С. 503) (*примеч. перев.*).

[255] Саяначарья (ок. XIV в.) — средневековый индийский комментатор вед, который создал наиболее авторитетный и наиболее полный комментарий к Ригведе, оказавший большое влияние и на современное толкование Вед (Ауробиндо, 2001. С. 401) (*примеч. перев.*).

[256] Гаудапада — учитель Говинды, наставника Шанкары. Жил, по преданию, в VI или VII в. Труды Гаудапады содержат первое систематическое изложение и истолкование философии адвайта-веданты (Альбедиль М., 1996а. С. 143) (*примеч. перев.*).

[257] "По ведантистской традиции, Гаудапада не был непосредственным наставником Шанкары и отделен от него по меньшей мере периодом жизни одного поколения. Под конец своего комментария к "Мандукья-карикам" Гаудапады

Шанкара приветствует его как *paramaguru* — "великого учителя", или же "учителя учителя" (в живой цепи ведантистов, передававших наставление изустно, между Шанкарой и Гаудападой стоит некий Говиндапада — Govindapāda) (Исаева Н.В., 1991. С. 27) (*примеч. перев.*).

[258] Теодор Голдштюкер (1821-1872) — германский санскритолог (*примеч. перев.*).

[259] Weber, 1878. P. 224, fnote (*примеч. перев.*).

[260] Менандр I (греч. Μένανδρος) — индо-греческий царь с 165 до 130 года до н. э. (*примеч. перев.*).

[261] Древний и священный для индуистов город, где, по преданию, родился бог Рама (*примеч. перев.*).

[262] О толковании слова "явана" см. ниже (*примеч. перев.*).

[263] Сágaра — в индуистской мифологии царь Солнечной династии (*примеч. перев.*).

[264] Narivamsha, 2016 (*примеч. перев.*).

[265] Сюань-цзан — буддийский монах, странствовавший в VII веке по ряду стран Центральной Азии. В своей книге "Записки о странах Запада" он изложил разнообразие сведения об увиденных им странах (*примеч. перев.*).

[266] Гимнософисты (*греч.*) — Букв. "нагие мудрецы". Под этим термином обычно понимают индийских приверженцев брахманизма, йогов и аскетов (*примеч. перев.*).

[267] Этот город также называется Канчипурам или просто Канчи (*примеч. перев.*).

[268] Впервые опубликовано в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 1(49), October, 1883. P. 3-10 (*примеч. перев.*).

[269] Эти слова не следует толковать в том смысле, что именно через 12 тысяч лет на Земле может найтись хотя бы один представитель Шестой расы, а Пятая уйдёт под воду. Эти цифры приводятся лишь для того, чтобы лучше понять смысл возражения, высказанного в связи с вопросом о грехах и Атлантиде. — *Примеч. авт.*

[270] Цитируемые слова нигде в работах М. Мюллера не обнаружены. Скорее всего, в кавычки заключена формулировка общего вывода, который делают "Адепты" (*примеч. перев.*).

[271] Müller, 1860. P. 13 (*примеч. перев.*).

[272] Не так давно на страницах журнала "Лайт" г-н Джеральд Мэсси изложил свою позицию по этому вопросу, которую мы считаем не вполне разумной. Так, по его мнению, история Атлантиды никак не связана с определённым геологическим событием, а представляет собой всего лишь древний астрономический миф. При всей своей интуиции и вопреки всем своим обширным познаниям г-н Мэсси всё-таки принадлежит к числу таких писателей, интенсивная исследовательская работа которых выработала некоторую односторонность мышления, затмевающую его трезвый рассудок. Если Геркулес сегодня представлен нам в виде созвездия, то из этого отнюдь не следует, что и героя с таким именем никогда не существовало. Если Всемирный потоп — Ноев потоп, — как доказано сегодня, является просто плодом воображения людей, незнакомых с геологическими и географическими реалиями, то это вовсе не означает, что в доисторические времена не случались какие-то местные

потопы, а их было действительно немало. В древности любое земное событие люди обычно связывали с небесными телами. Они внимательно прослеживали историю жизни своих великих героев, обожествляли их и увековечивали их память в виде тех или иных звёздных скоплений столь же часто, как и персонифицировали чистейшие мифы и очеловечивали природные объекты. Сначала необходимо понять разницу между этими двумя типами мышления, прежде чем пытаться зачислять их в одну общую категорию. Вот, например, в Зондском проливе только что произошло землетрясение, которое унесло жизни более 80 тысяч человек (87903). В основном это были малайцы, дикари, с которыми мало кто из остального мира поддерживал отношения, и это ужасное событие вскоре будет забыто. Однако представьте себе, что с лица Земли оказалась бы сметена часть Великобритании — да ведь тогда содрогнулся бы весь мир. Но всё равно по прошествии нескольких тысячелетий мало кто вспомнил бы даже о таком ужасном событии, и в будущем может найтись какой-нибудь новый Джеральд Мэсси, который стал бы рассуждать об астрономическом характере островов Уайт, Джерси или Мэн и смысле их названий, и, возможно, он принялся бы доказывать, что, по правде говоря, на этом последнем острове настоящие живые *люди* никогда и не селились. А остров Мэн [по-английски буквально: "человек" — *перев.*] — это, по сути дела, "чистейший астрономический миф", символизирующий "человека, погружённого в небесные воды". Если легенда о погибшей Атлантиде — всего лишь "одна из того же разряда легенд, что и Аирьяна-Ваэджо и Джамбу-двипа", то, значит, она носит вполне земной характер, а следовательно, и вопрос о "мифологическом происхождении легенды о Великом потопе" остаётся пока что недоказанным. Мы утверждаем, что он так и не представил ни одного "бесспорного доказательства", несмотря на приведённые красноречивые теоретические рассуждения. — *Примеч. авт.*

[273] "Автохтон" (αὐτός "сам" + γῆράν "земля") (*примеч. перев.*).

[274] Классический период истории древней Греции. "Тот период мировой истории, который был современен самой античной мифологии, разбивался ею прежде всего на два огромных периода, на *доолимпийский* и *олимпийский*, границей между которыми было воцарение и окончательное торжество так наз[ываемых] олимпийских богов. Доолимпийский период — это время смутных переворотов и взаимных стихийных ниспровержений". "Воцарение Зевса" знаменовало собой "начало олимпийского периода" (Лосев А.Ф., 1996. С. 683-684) (*примеч. перев.*).

[275] "Население Италии в раннеримские времена было чрезвычайно пёстрым. В долине По и несколько южнее жили племена кельтов (галлов) . . . К востоку и югу от них, занимая всю Среднюю Италию и часть Южной, находились многочисленные племена италиков: к востоку от Тибра — умбры . . . К югу от умбров . . . в восточной части Средней Италии, находилась большая группа родственных им италийских племён, которая в учёной латинской литературе называлась сабеллами" (Ковалёв С.И., 2002. С. 57) (*примеч. перев.*).

[276] Древнее название р. Амударья (*примеч. перев.*).

[277] Müller, 1860. P. 12 (*примеч. перев.*).

[278] Ibid. P. 10 (*примеч. перев.*).

[279] Ibid. P. 13 (*примеч. перев.*).

[280] Ibid. (*примеч. перев.*).

- [281] Несомненная опечатка. Имеется в виду явно Август Бёкх (August Böckh, 1785-1867), немецкий исследователь античной классики, филолог и антиквар (*примеч. перев.*).
- [282] Müller, 1860. P. 13 (*примеч. перев.*).
- [283] Выражение из Нового завета (2 Пет. 3, 8) в своей формулировке цитирует Макс Мюллер (*ibid.* P. 32) (*примеч. перев.*).
- [284] Дугалд Стюарт (1753 — 1828) — шотландский философ, представитель школы "здорового смысла". Упоминает его в "Тайной доктрине" и Е.П.Б.: "... профессор Макс Мюллер,.. касаясь полного фиаско идей Дугалда Стюарта и Ко. в этой области, отмечает: "Дугалд Стюарт был достаточно умён, чтобы не понимать: если всё, что говорится о санскрите, соответствует истине, то из этого должен последовать ряд неизбежных выводов. А посему он поставил под сомнение само существование такого языка, как санскрит, и в своём знаменитом эссе он попробовал даже доказать, будто санскрит был искусственно создан по образцу греческого языка и латыни этими отъявленными прохвостами и лжецами, брахманами, а вся санскритская литература — сплошное надувательство" (ТД, II, 1. С. 905) (*примеч. перев.*).
- [285] Или "виры самват" (конец VI в. до н.э.) (Лысенко В.Г. и др., 1994. С. 319) (*примеч. перев.*).
- [286] О которой и задавался вопрос "членом английского Т.О." (*примеч. перев.*).
- [287] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).
- [288] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).
- [289] Т.е. европеоидной (*примеч. перев.*).
- [290] Кумбхакарна — персонаж эпоса "Рамаяна". В своей книге "Загадочные племена на Голубых горах" Е.П.Б. в следующих словах упоминает об этом герое: "Кумбхакарна, проклятый Брамой и уснувший под этим проклятием до самого падения Ланки великан, когда его убил Рама" (*примеч. перев.*).
- [291] Рип ван Винкль — герой одноимённого рассказа Вашингтона Ирвинга. Однажды отправившись в горы, он заночевал там, и когда на следующее утро Рип ван Винкль вернулся в родную деревню, то оказалось, что прошло уже двадцать лет, за которые всё в стране переменялось, начиная с того, что Соединённые Штаты стали независимым государством (*примеч. перев.*).
- [292] Müller, 1860. P. 14. Курсив принадлежит ред. журн. "Теос." (*примеч. перев.*).
- [293] *Ibid.* P. 6: "Но и гораздо позднее находились люди, обладавшие осторожностью подлинного историка, вроде Нибура, которые предпочитали не выносить окончательного приговора по поводу истории такого народа, литература которого была только что возвращена миру, а потому и не успела ещё пройти через горнила филологической критики. В своих "Лекциях по античной истории" Нибур оставляет пустую страницу для истории Индии с тем, чтобы страница эта была заполнена позднее, когда из руды брахманских преувеличений и предрассудков будет наконец добыт чистый металл истории" (*примеч. перев.*).
- [294] *Ibid.* P. 16. Курсив принадлежит ред. журн. "Теос." (*примеч. перев.*).
- [295] Пракриты — среднеиндийские языки и диалекты, лёгшие в основу

новоиндийских языков [от санскр. *prakṛta* — простой, естественный] (Словарь русского языка, 1987. С. 357). *Арья бхааша* — "язык арьев" [bhāshā — речь, слово, говор, язык] (Махабхарата II, 1962. С. 160) (*примеч. перев.*).

[296] Цитируемый источник не установлен (*примеч. перев.*).

[297] Müller, 1860. P. 14 (*примеч. перев.*).

[298] Ibid. P. 32 (*примеч. перев.*).

[299] Ibid. (*примеч. перев.*).

[300] Max Müller's "History of Ancient Sanskrit Literature" — Ред. *Теос*.

Ibid. P. 33 (*примеч. перев.*).

[301] А как однобоки, как предвзяты в большинстве своём западные востоковеды! В этом убеждаешься, когда внимательно читаешь "Историю индийской литературы" Альбрехта Вебера — одного из наивысших, как считается, авторитетов в области санскритологии. Его постоянные перепевы одних и тех же мотивов христианства, которое он почти неприкрыто тщится выдать за единственный камертон, служащий мерилom для всех других *религий*, буквально насквозь пронизывают всю его книгу. Следы христианского влияния он усматривает не только в становлении буддизма и кришнаизма, но даже в формировании культа Шивы и связанных с ним легенд. Как он открыто заявляет, "вовсе не такой уж притянутой за уши гипотезой выглядит предположение о том, что исходят они от разбросанных по всей стране христианских миссионеров!" [Weber A., 1878. P. 307, note 360 — *перев.*]. Именитый востоковед, очевидно, забывает о том, что, невзирая ни на какие его усилия, ему никогда не удастся втиснуть ни ведийский период, ни периоды сутр и буддизма в эру христианства — в этакий мировой, как они полагают, контейнер всех древних вероучений, который кое-кто из востоковедов с такой охотой превратил бы в богадельню для всех древнейших религий и философий. Тибет и тот, как он полагает, не избежал "западного влияния". Но будем надеяться на прямо противоположное. Легко доказать, что ещё за два столетия до начала христианской эры буддийские миссионеры были столь же частыми гостями и в Палестине, и в Александрии, и в Персии, и даже в Греции, сколь многочисленны сегодня и христианские *падры* в странах Азии. Доктрины гностиков буквально пропитаны (как он вынужден в этом *признаться* сам) буддизмом. Учения Василида, Валентина, Бардесана и особенно манихеев — это же не что иное как простые *ответвления* от буддизма, и "в клятве отречения [от остальных учений] в этих доктринах, особенно у последних, отчётливо произносится имя Будды (*Бодда*)" [Ibid. P. 309, fnote 363 — *перев.*] — Ред. *Теос*.

[302] Или "Великая Греция" — историческая область с древнегреческими колониями, основанными в античный период. Великая Греция включала прибрежные территории южной части Апеннинского полуострова и Сицилии (*примеч. перев.*).

[303] Барон Карл фон Райхенбах (или Рейхенбах) (1788 – 1869) Немецкий химик, промышленник, естествоиспытатель, философ, член Прусской Академии наук. Известен своими открытиями целого ряда химических продуктов, имеющих экономическую ценность (парафин, фенол и проч.). Ему принадлежит также открытие некоей энергии (объединяющей природу электричества, магнетизма и теплоты), испускаемой всеми живыми существами, которую он назвал "од" или "одил". См. Reichenbach, 1851; Reichenbach, 1852; Reichenbach, 1968 (*примеч. перев.*).

[304] Строго говоря, эти семейства следует называть "геологическими расами", чтобы не смешивать их с позднейшими их продуктами — *корневыми расами*. Окультизм не признаёт библейской классификации с Симом, Хамом и Иафетом во главе, но восхищается (хотя также не принимает) недавней физиологической классификацией человеческих рас, разработанной Гексли, который подразделяет человечество на пять групп: австралоидов, негроидов, монголоидов, ксантохроидов и меланохроидов. При этом оно считает, что *троичная* система путаников-евреев всё же стоит ближе к истине. Окультизм знает лишь три резко различающихся между собой первобытных расы, возникновение, формирование и развитие которых протекало параллельно, *pari passu*, с возникновением, формированием и развитием трёх геологических слоёв: расы эти были чёрная, красно-жёлтая и бело-коричневая. — Ред. Теос.

[Об этом см. также: ТД, II, 1. С. 646, примеч. ЕПБ [397] (*примеч. перев.*)].

[305] Основание самого города Рима приписывалось Ромулу. Согласно легенде, девственная дочь царя города Альба-Лонги (весталка) Рея Сильвия, вследствие насилия, совершённого над ней богом Марсом, родила двоих близнецов: Ромула и Рема, которых злой правитель Альба-Лонги Амулий повелел бросить в воды реки Тибр. Но близнецы не погибли. Волна выбросила их на берег, где Ромула и Рема нашла и вскормила волчица, а позже воспитала пастушеская чета, Фавстул и Акка Ааренция . . . Через Альба-Лонгу легенда о Ромуле соединилась с преданиями об Энее (Всеобщая история религий мира, 2008. С. 241, 242) (*примеч. перев.*).

[306] Кристиан Маттиас Теодор Моммзен (1817–1903) — немецкий историк, филолог-классик, юрист и политик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1902 года за труд "Римская история", почётный гражданин Рима (*примеч. перев.*).

[307] Померий — священная черта города Рима (*примеч. перев.*).

[308] "Согласно некоторым нашим источникам, патриции делились на три трибы: Рамнов, Тициев и Люцеров. Уже древние толковали их как три племенных элемента: латинов, сабинов и этрусков. Такая точка зрения долго держалась в науке, но теперь она почти оставлена: если в коренном римском гражданстве можно установить присутствие двух этнических образований — латинского и сабинского, то этрусский элемент как нечто целое и компактное, по-видимому, отсутствовал. Поэтому в настоящее время склонны рассматривать три римские трибы как первичное деление одного племени. Такое же тройное деление мы находим у других итальянских племён: умбров, сабинов. Аналогичное положение встречается в Греции у дорян (три филы) и ионян (четыре филы)" (Ковалёв С.И., 2002. С. 90) (*примеч. перев.*).

[309] Страницы указаны по 1-му изданию. В 5-м издании см.: Sinnett, 1885. P. 66 (*примеч. перев.*).

[310] Ibid. P. 71 (*примеч. перев.*).

[311] Туранцы или туры — "кочевое племя, враждебное иранцам . . . Авестийские туры, по-видимому, тождественны *сакам*." "Саки — общее название ираноязычных кочевых племён так называемой "скифской" ветви. Первоначально саки, видимо, тождественны авестийским *турам*; в пехлевийских источниках под турами понимаются уже тюркские племена. В ахеменидских надписях "саками" называются все скифы" (Авеста в русских переводах, 1997. С. 464, 457) (*примеч. перев.*).

[312] Здесь: "мир и любовь" (от лат. выражения *pacta, conventa, stipulationes*

— договоры, соглашения и сделки) (*примеч. перев.*).

[313] Меланохроиды (или меланохрои) — тёмнопигментированные ("тёмные белые") группы. Ксантохроиды (или ксантохрои) — светлопигментированные ("настоящие белые") группы населения (*примеч. перев.*).

[314] От греч.: ἄλλος ("иной") + φύλη ("родовая фила"; (у римлян) "триба") (*примеч. перев.*).

[315] Массалия — ныне г. Марсель (*примеч. перев.*).

[316] Ныне г. Картахена (Испания) (*примеч. перев.*).

[317] Эпир — название региона, расположенного между горной грядой Пинд и Ионическим морем (*примеч. перев.*).

[318] Эрехтей — в греческой мифологии афинский царь . . . Эрехтей, возможно, ввёл Панафиней [самые крупные религиозно-политические празднества в античных Афинах, проводившиеся в честь покровительницы города богини Афины — *перев.*] и привил в Аттике культуру пшеницы (Тахо-Годи А.А., 1990а. С. 619) (*примеч. перев.*).

[319] Гомер, 1978. С. 58 (*примеч. перев.*).

[320] Адам [евр. אָדָם, 'ādām — букв. "красный", связано с 'ādāmāh — "земля", первоначально, по-видимому, "краснозём"] (Иванов М.С., 2000. С. 280) (*примеч. перев.*).

[321] Эллин — в греческой мифологии царь Фессалии, внук Прометея, сын Девкалиона (вариант: сын Зевса) и Пирры. Эллин — мифический родоначальник эллинов (Ботвинник М.Н., 1990. С. 615) (*примеч. перев.*).

[322] Имя "Пирра" (Πύρρα) связано со словами πυρ, πυρός "огонь", "пламя". Отсюда и слово πυρραῖος "огнецветный", "багряный" и целый ряд производных слов, связанных с цветом огня: рыжий, красный и т.д. (*примеч. перев.*).

[323] "Вот подробности о Фессалии. В целом же я могу сказать, что в древние времена она носила имя Пиррей по Пирре, супруге Девкалиона..." (Страбон, 1964. С. 420) (*примеч. перев.*).

[324] "В древних песнопениях ... они славят порождённого землёй бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа" (Тацит, 2010. С. 446) (*примеч. перев.*).

[325] "Он отдал коней, он также отдал Солнце, а также отдал Индра многопитательную корову, он отдал золотое сокровище, а, убив дасью, он защитил племя арийское" (Rig-Veda, 1857. Verse 9. P. 55). Ср.: "Он захватил скакунов, и солнце он захватил, Индра захватил корову, обильную питанием, И власть над золотом он захватил. Убив дасью, он поддержал арийскую расу" (Ригведа, 1989. Мандала III, 34.9. С. 326) (*примеч. перев.*).

[326] "Индра, герой, наберись силы, с которой ты раздавил Вриту, этого паука, сына Дану, и да откроется свет для арьи: дасью отодвинуты и поставлены по левую твою руку" (Rig-Veda, 1854. Verse 18. P. 233). Ср.: "Наберись силы, о герой, с помощью которой Ты рассёк Вритру, Дану, Аурнаваху! Ты раскрыл светило для ария. Дасью рухнул слева, о Индра" (Ригведа, 1989. Мандала II, 11.18. С. 248) (*примеч. перев.*).

[327] "Согласно ряду источников, Прометей как древнейшее божество сам вылепил первых людей из земли и воды (Apolloclod. I 7, 1), да ещё создал их смотрящими в небо, по подобию богов (Ovid. Met. I 81–88), но сделал это Прометей по воле Зевса (Fabulae Aesopicae 228 Hausrath.)" (Лосев А.Ф., 1990. С. 443) (*примеч. перев.*).

[328] Обратите внимание на слова Моисея о том, что для создания живого человека требуются земля и вода — Ред. *Теос*.

[329] Кармания (греч. Καρμανία) — древняя историческая область, которая располагается на юге современного Ирана (*примеч. перев.*).

[330] Страбон, 1964. Кн. XV, II, 8. С. 672 (*примеч. перев.*).

[331] Vishṇu Purāṇa, 1865. Ch. II. P. 111 и след. (*примеч. перев.*).

[332] "Это название можно толковать двояко: как "бессмертный словарь" или, что представляется более уместным, как "словарь, составленный Амарой или Амарой Синхой". Это древнейший из всех существующих на сегодняшний день словарь, один из самых знаменитых словарей классического санскрита" (Dowson, Amara-Kosha. P. 11). (*примеч. перев.*).

[333] "К северу от Ямакоти-паттаны находится Мальяват [гора], а к северу от Ромака [-паттаны] находится Гандхамаданна [гора]. Эти две горы окаймляются горами Нила и Нишадха, а пространство между двумя этими горами называется Илаврита [-варша]... Илаврита, окружённая горами Нишадха, Нила,.. отличается особым великолепием. Удивительный блеск этой стране придаёт её сверкающее золото, и вся она густо усеяна обителями бессмертных. В середине [Илавриты] стоит гора Меру, а состоит она из золота и драгоценных камней и служит обителью богам" (Vishṇu Purāṇa, 1865. P. 111, fnote.) (*примеч. перев.*).

[334] Гл. XV. Индия — колыбель человечества (*примеч. перев.*).

[335] Ману, 2002. Гл. I, 61-63. С. 26-27. В РИ ЕПБ приводит собственный английский перевод французского перевода (выполненного Loiseleur-Deslongchamps) "Законов Ману", о чём и указывает в примечании. (Lois de Manou, 1833. См.: РИ, 1, с. 785) (*примеч. перев.*).

[336] Аклá — древний город, расположенный в комарке [адм. районе] Куна-Яла на северо-востоке Панама, примерно в пятидесяти километрах к северу от залива Ураба (*примеч. перев.*).

[337] Ураба́ — залив Карибского моря у северо-западного берега Южной Америки (*примеч. перев.*).

[338] То есть *индийцами*, так как по-английски слово "Indian" сегодня означает одновременно и "индеец", и (американский) "индеец" (*примеч. перев.*).

[339] Древние названия Амударья и Сырдарья (*примеч. перев.*).

[340] Гоби (*примеч. перев.*).

[341] "Смело проникнув в неведомые области верхней Индии, прибыл Гистасп [царь, "мудрейший" отец Дария — *перев.*] в уединённое лесное место, в спокойной тишине которого жили только брахманы, обладатели возвышенной мудрости. Под их руководством он постиг, насколько был в силах, законы мирового движения, течения

звёзд и чистые обряды священнодействий" (Марцеллин, 2005. С. 313) (*примеч. перев.*).

[342] Так римляне называли богов этрусского пантеона, которые составляли группу богов неизвестных по имени, никогда не упоминаемых и не изображаемых, а также богов, входившую в могущественную "коллегию" или "совет" при верховном боге (*примеч. перев.*).

[343] Так римляне называли этрусскую религиозную науку (*disciplina etrusca*), переданную людям богом Тагом (*примеч. перев.*).

[344] Таг или Тагес. Цицерон (Цицерон, 1985. Кн. II, XXIII. С. 261) называет его ещё и Тагетом. Согласно Цицерону, Таг появился прямо из земли во время пахоты и выглядел, как мальчик с седыми волосами. Он принёс этрускам закон, и некоторые исследователи считают, что он мог почитаться этрусками как первочеловек, или мифологический предок. Цицерон считает его внуком Юпитера (*примеч. перев.*).

[345] Тин или Тиния — верховный бог-громовержец этрусков. Неудивительно, что римляне отождествляли его со своим Юпитером. "По Плинию, Тин — глава богов, восседает на троне, который стоит на вершине северной горы. У его ног расстилается юг, в озираемых им пределах находятся восток и запад" (Наговицын А.Е., 2000. С. 247) (*примеч. перев.*).

[346] "Тлинкиты — это один из четырёх главных народов, населяющих Русскую Америку . . . У этих тлинкитов существует предание о мировом потопе, от которого люди спаслись в некоем огромном плавучем здании" (Müller, 1867. P. 338) (*примеч. перев.*).

[347] Лак (*lakh*) (хинди) — сто тысяч (*примеч. перев.*).

[348] Т.е. "Адепты" (*примеч. перев.*).

[349] *Здесь: Установления (лат.)*

[350] Впервые опубликовано в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 2(50), November, 1883. P. 35-44 (*примеч. перев.*).

[351] Речь, по-видимому, идёт о храме, расположенном в городе Бодх-Гая (или Бодхгая), где Будда Шакьямуни достиг просветления (*примеч. перев.*).

[352] Как будет показано в другой статье, самые свежие умозаключения генерала Каннингема относительно времени смерти Будды никак не подтверждаются недавно обнаруженными надписями. — Т. СУББА РОУ.

[353] Будды (*примеч. перев.*).

[354] Müller, 1860. P. 274. "Чандрагупта", — пишет далее Макс Мюллер, — "был дедом Ашоки и современником Селевка Никатора [полководца Александра Македонского — *перев.*]. Таким образом, если отталкиваться от китайской хронологии, то Ашока должен был жить . . . примерно в 850-750 гг. до Р.Х., а в соответствии с цейлонской — в 315 году до Р.Х." (*примеч. перев.*).

[355] *Ibid.* P. 266. (*примеч. перев.*).

[356] Так именуются буддисты в указанном сочинении Макса Мюллера (да и у Вебера тоже) (*примеч. перев.*).

[357] Следовательно (лат.) (примеч. перев.).

[358] Викрамадитья (Vikramāditya, бкрма́дт) — знаменитый царь Удджайини (Ujjainī, 'вджйн), правивший в I в. до н. э. Удджайини (или Уджайн) — крупнейший политический и культурный центр Древней Индии в начале классической эпохи (Бируни, 1995. Примеч. С. 602) (примеч. перев.).

[359] The History of Indian Literature. Trübner's Series, 1882. P. 202. — Ред. Теос.

[360] " . . . Чандрагупте был присвоен титул Викрамадитья ("Тот, кто сияет как солнце")" (Синхараджа Таммита-Дельгода, 2010. С. 106) (примеч. перев.).

[361] "Как пишет Керн в своём Введении к *Bṛihat-Saṃhitā of Varāha-Mihira*, 5 ff. (1866), применение так называемой эры *самват* не наблюдается в ранние времена вообще, а астрономы начинают применять её лишь примерно после 1000 года" (Weber, 1875. P. 202-203, fnote) (примеч. перев.).

[362] Ibid. P. 203 (примеч. перев.).

[363] Op. cit. P. 203. — Ред. Теос.

[364] Sangs rgyas (тиб.). Тибетское наименование термина "будда" (Философия буддизма, 2011. Указатель терминов. С. 1009) (примеч. перев.).

[365] Здесь: "с порога" (лат.) (примеч. перев.).

[366] Müller, 1860. P. 275 (примеч. перев.).

[367] Weber, 1878. P. 58 (примеч. перев.).

[368] Ibid. Цитата несколько изменена. Дословно она звучит так: "А иначе даты этих двух "Грихья-сутр" окажутся по времени слишком близко к нам" (примеч. перев.).

[369] Да восторжествует гипотеза, даже если падут небеса! Ср. с римской пословицей: *fiat justitia ruat caelum* — "да восторжествует правосудие, даже если падут небеса" (примеч. перев.).

[370] Weber, 1878. P. 251.

[371] "Астеризм — характерная группа звёзд, легко узнаваемая и имеющая собственное название. Большинство астеризмов состоит из ярких звёзд, принадлежащих одному или нескольким соседним созвездиям. Например: Ковш в созвездии Большая Медведица, Пояс в созвездии Орион, Голова в созвездии Дракон . . ." (Сурдин В., 2012. Астеризм) (примеч. перев.).

[372] Weber, 1878. P. 255.

[373] Ibid. P. 250 (примеч. перев.).

[374] Яджнавалкья — *риши*, с именем которого ассоциировалась Белая "Яджурведа" (Ваджасанья-самхита). В индуистской традиции почитался как Йогешвара ("Владыка йоги") (Вигасин А., 1996. С. 478) (примеч. перев.).

[375] Weber, 1878. P. 7 (примеч. перев.).

[376] Во Введении к своему английскому переводу "Юга-пураны" (Yuga Purana, 1986. P. 3) Дж. Митчинер так характеризует это произведение: "Судя по всему,

"Юга-пурана" представляет собой отдельную главу некоего труда, исследующего вопросы *джйотишхи* ("астрологии" в самом широком смысле этого слова, но понимаемого также и в смысле изучения явлений природы в целом). Как следует из текста, автором его является либо Garga, либо Vṛddha Garga (т.е. "старший Гарга"). А далее он приводит список из двенадцати других названий, под которыми "Юга-пурана" фигурирует в самом же своём тексте, в числе которых находится и это название, *Gārgī-saṃhitā* (*примеч. перев.*).

[377] Селевкиды — династия правителей государства Селевкидов в 312-64 до н.э. Основатель — Селевк I Никатор (полководец Александра Македонского) (*примеч. перев.*).

[378] Weber, 1878. P. 251, fnote (*примеч. перев.*).

[379] Д-р Вебер, очевидно, не в курсе того, что этот выдающийся астроном носил гораздо более простое имя — Майя, а префикс "асура" нередко добавляли древнеиндийские авторы, когда хотели подчеркнуть его принадлежность к ракшасам. Брахманы считают его "атлантом" и одним из величайших астрономов и оккультистов погибшей Атлантиды [согласно журнальному варианту этой статьи, данное примечание принадлежит Т. Субба Роу, временно исполнявшему обязанности редактора журнала — *перев.*].

[380] Weber, 1878. P. 253 (*примеч. перев.*).

[381] Ibid. (*примеч. перев.*).

[382] Речь здесь идёт о надписях царя Ашоки, который именовался "Пиядаси", то есть "Угодный богам". Вот фрагмент из этой довольно длинной надписи:

"Даже лесных жителей, какие живут на земле, покорённой Угодным Богам, даже их он хочет умиротворить и снискать их расположение. Ведь он [своём] раскаянии и о причине [его] Угодный Богам рассказывает им для того, чтобы они устыдились и [никого] не убивали. Ибо Угодный Богам желает всем живым существам безопасности, самообладания, душевного спокойствия и мягкости. И ту победу Угодный Богам считает главной, которая [одержана с помощью] дхармы. И эта победа одержана им здесь и на всех границах, даже отстоящих отсюда на шестьсот йоджан, там, где царь йонов Антийока, а за этим царём Антийокой ещё четыре царя: Турамая, Антикини, Мака и Аликасудара . . ." (Ильин Г.Ф. и Вигасин А.А., 1980. С. 115).

"Ионы (Йоны) — в надписях Ашоки так именуется греческое и отчасти иранское население Арахозии.

Антийока — индийская форма имени царя государства Селевкидов Антиоха II Теоса (261 — 246 гг. до н. э.).

Турамая — индийская форма имени царя Египта Птолемея II Филадельфа (282 — 246 гг. до н. э.).

Антикини — индийская форма имени царя Македонии Антигона II Гоната (283 — 239 гг. до н. э.).

Мака — индийская форма имени царя Киренаики (эллинистического государства к западу от Египта) Магаса, который правил примерно с 300 до 250 г. до н. э.

Аликасудара — индийская форма имени царя Эпира Александра (умер между 252 и 247 г. до н. э.)" (там же. Указатель собственных имён и некоторых терминов. С. 235) (*примеч. перев.*).

[383] В этом месте Вебер приводит греческое наименование этого слова — Ἰάουεϛ (*примеч. перев.*).

[384] Варттика — толкование (Лысенко В.Г., 2009в. С. 595) (*примеч. перев.*).

[385] Weber, 1878. P. 220-221 (*примеч. перев.*).

[386] Müller, 1860. P. 507 (*примеч. перев.*).

[387] Удайпур — город в шт. Раджастхан. Основан махараджей Удай Сингхом в 1559 г. как столица княжества Мевар (Ульциферов О.Г., 2003. С. 503) (*примеч. перев.*).

[388] Раджпутана — историческая область, охватывает территорию современного шт. Раджастхан (там же) (*примеч. перев.*).

[389] Кумы — древнегреческая колония, основанная ок. 600 г. до н.э., позднее ставшая нынешним г. Неаполь (СИЭ, 1967. С. 86) (*примеч. перев.*).

[390] А далее профессор Вебер принимается за подтасовку хронологических дат. Делает это он так. В своём пылком желании "точно установить" время исторических событий, описанных в "Романтической легенде о Шакья Будде" (*The Romantic Legend of Śakya Buddha*) (в переводе Била [Beal]), он рассуждает так: "Чрезвычайно поразительны в этом смысле обнаруженные точки соприкосновения с христианскими легендами. Вопрос о том, кто у кого заимствовал, Бил благоразумно оставляет без ясного ответа. Но скорее всего (!!!) мы здесь имеем дело просто-напросто всё с тем же присвоением христианской легенды поклонниками Кришны" (с. 300).

Вот именно это любой индуист и буддист с полным на это правом всегда и назовёт "ложью" — либо сознательной, либо бессознательной. Легенды рождаются прежде истории, но умирают, когда на место вымысла приходит факт. Никакого особого ума не требуется для того, чтобы пересказывать все эти сказочные события, связанные с рождением Будды (особенно когда и трактовать их нужно эзотерически), но никто ещё не доказал, что интеллектуальных способностей индусов хватало лишь на то, чтобы бездумно *заимствовать* даже религиозные басни у умственно превосходящей их еврейской и греческой черни. Но как могли все эти сказки — а они возникли во II-III веках после смерти Будды, то есть в период, когда жажда прозелитизма и увековечения его памяти достигла своего наивысшего накала, — быть *заимствованы* из христианских легенд и затем присвоены, если эти христианские легенды были записаны лишь в I веке западной эры? Объяснить это способен разве только какой-нибудь германский востоковед.

Как в "Джатаках" показывает г-н Т.У. Рис-Дэвидс (T. W. Rhys Davids, *Jataka Book*), дело обстоит ровным счётом наоборот. Следует заметить в этой связи ещё и вот что. Как известно, самые первые "чудеса", связанные с Кришной и Христом, случились в некоем Матхуре. Но такой город существует в Индии и поныне, и древность его названия целиком доказана. А вот что касается того Матхуры (вернее, египетской Матарей) из "Евангелия детства", где Иисус якобы сотворил первое своё чудо, то много веков назад уже пытались было установить это место по оставшемуся от какого-то старого дерева пеньку в пустыне, а больше от него ничего не осталось! —

Ред. *Теос.*

[Под "Евангелием детства" здесь, очевидно, подразумевается апокриф, на русском языке сегодня известный под названием "Арабское Евангелие детства Спасителя" (Скогорев А.П., 2000). Вот как описывается в этом Евангелии событие, связанное с Матареей:

"Отправились оттуда они к той смоковнице, что ныне Матарейской зовётся, и явил в Матарее Господь Иисус водный источник, в коем Владычица Мария сорочку Его помыла. А от пота Господа Иисуса, Коего там водой она обливала, бальзам в той местности появился" (указ. соч. С. 384).

Как указывает в примечаниях А.П. Скогорев, "Матарея — пригород Гелиополя или Она, находившегося к северо-востоку от современного Каира. Матарейская смоковница почитается египетскими христианами до сих пор" (там же) (*примеч. перев.*).

[391] См. Двенадцатую книгу "Махабхараты", сцену битвы Кришны с Каляяваной — Ред. *Теос.*

[392] В русском переводе она известна под названием "Повесть о Варлааме пустыннике и Иоасафе царевиче Индийском" (*примеч. перев.*).

[393] Скорее уж индуистским *лингамам* — Ред. *Теос.*

[394] В своём примечании на с. 274 Вебер ссылается на том I "замечательного сочинения" Раджендра Лала Митры "Древности Ориссы" (*The Antiquities of Orissa*, 1875), подчёркивая, что тот выступает так "из патриотических чувств" (*примеч. перев.*).

[395] Египетский Зал (The Egyptian Hall) на Пикадилли в Лондоне был построен в 1812 году Дж.Ф. Робинсоном для размещения в нём исторического музея (*примеч. перев.*).

[396] Кристофер Рен (Christopher Wren) (1632-1723), крупнейший английский архитектор и математик, автор проекта нового собора св. Павла в Лондоне и т.д. (*примеч. перев.*).

[397] Weber, 1878. P. 268, fnote 307 (*примеч. перев.*).

[398] Асклепиад (128-56 гг. до н. э.), древнеримский врач, по происхождению грек, основатель методической школы, медицинской системы, основанных на атомистике Эпикура (*примеч. перев.*).

[399] Weber, 1878. P.268, fnote (*примеч. перев.*).

[400] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 2 (50), November, 1883, pp. 38-43.

Кто является подлинным автором этой статьи, мы не знаем. Об этом не говорится ни в журнальной публикации, ни в выпущенном затем сборнике "Пять лет теософии", ни в *ВСШ*. Тем не менее, судя по её стилю, можно осторожно предположить, что она была написана Е.П.Б. на основании предоставленных ей Махатмами материалов. (*примеч. перев.*).

[401] Достойны лишь сожаления усилия, предпринимаемые профессором М.

Мюллером к тому, чтобы дискредитировать любой буддийский памятник. Однако, если судить по открыто высказываемым суждениям его же собственных германских *confrères* [собратьев], он едва ли преуспел на этом своём поприще. В своей "Истории индийской литературы" ["The History of Indian Literature"] (раздел "Традиция, касающаяся времени жизни Будды" ["Tradition as to Buddha's Age", pp. 283-288] профессор Вебер вполне резонно замечает: "Никакой определённости, таким образом, пока что в этом вопросе достичь невозможно . . . Не внесли ясности и последующие обращения к этой теме со стороны Макса Мюллера (1859) ("Hist. A. S. L." p. 264 ff), Вестергаарда ("Über Buddhas Todesjahr, 1860), а также Керна ("Over de jaartelling der zuidelijke buddhisten" 1873)". И едва ли когда-нибудь внесут. — *Примеч. авт.*

[402] "Махаванса" (или "Махавамса") — "великая летопись Цейлона" (Mahāvamsa, 1912) (*примеч. перев.*).

[403] Сэр Джеймс Эмерсон Теннент (1804-1869) — известнейший английский путешественник и автор ряда книг. В 1845-1850 гг. занимал ответственную должность (Civil Secretary) в колониальном правительстве Цейлона. Ссылки на приводимые им данные можно найти у Ч. Дарвина, А. Брэма и др. Упоминает о нём и Е.П.Б. в своей "Разоблачённой Исиде" (*примеч. перев.*).

[404] Грек Мегасфен в 302 году до н. э. прибыл с посольством сирийского царя Селевка Никатора в столицу государства Магадха — Паталипутру.

Селевк Никатор (Победитель, ок. 356 — 281 до н. э.) — служил начальником конницы в армии Александра. Позднее, став уже царём Сирии, попытался было повторить поход Александра, но был разбит Чандрагуптой, с которым вынужден был заключить мирный договор в 303 г. до н.э. (*примеч. перев.*).

[405] Антиох I Сотер (ок. 324 до н. э. — 261 до н. э.). Сын Селевка Никатора. Царь государства Селевкидов (*примеч. перев.*).

[406] Птолемей I Сотер — царь Египта в 323 — 283/282 годах до н. э. Соратник Александра Македонского, один из диахов (полководцев Александра). Основатель династии Птолемеев (*примеч. перев.*).

[407] Магас Киренский (или Маг). Царь Кирены. Отец его, Филипп, был одним из сподвижников Александра (*примеч. перев.*).

[408] Антигон I ("Циклоп") (384-301 до н. э.) — один из полководцев Александра, наместник Лидии (*примеч. перев.*).

[409] Разумеется, нужно быть человеком совсем уж под стать *Филарио*, чтобы поверить, будто Александр Македонский или хоть кто-нибудь из перечисленных царей и в самом деле был "вассалом" Чандрагупты только потому, что так сказано в надписи Пиядаси. Ведь они не платили ему даже дани — просто перечисляли известный годовой налог за пользование северными землями, которые тот им уступил: об этом свидетельствуют его дарственные. Но при любом толковании из этой надписи со всей очевидностью следует одно: Александр никогда не был покорителем Индии. — *Примеч. авт.*

[Филарио — имя одного из персонажей пьесы У. Шекспира "Цимбелин". Филарио слишком легко доверился подложному письму — *перев.*].

[410] Таксила (греч. Τάξιλα, лат. Taxila), греко-римское название древнеиндийского

г. Такшашила (санскр. "холм Змея" или "обтёсанный камень"). Находится в Пенджабе (*примеч. перев.*).

[411] Греческое название р. Биас, второй по важности реки в Пенджабе (приток р. Сатледж) (*примеч. перев.*).

[412] Кармания (Καρμανία) упоминается Страбоном (Страбон, 1964. Кн. XV, С726, 14, С. 674) и Флавием Аррианом (Арриан, 1993. Кн. VI) и др. Дрангиана (Δραγγιανή) упоминается Страбоном (там же. Кн. XI, С516, X. С. 487), Аммианом Марцеллином (Марцеллин, 2005. Кн. XXIII) и др. (*примеч. перев.*).

[413] О бедствиях, выпавших на долю греков, проходивших по "области гедросиев", ярко рассказывает Страбон (Страбон, 1964. Кн. XV, С723, 6-7. С. 671-672) (*примеч. перев.*).

[414] Флавий Арриан (ок. 86 — ок. 160 года н. э.) (*примеч. перев.*).

[415] Годы жизни Страбона: ок. 64/63 годов до н. э. — ок. 23/24 годов н. э. (*примеч. перев.*).

[416] Или Диодор Сицилийский (ок. 90 — 30 гг. до н. э.) (*примеч. перев.*).

[417] Ок. 45 г. н.э. – ок. 127 г. н. э. (*примеч. перев.*).

[418] Даты рождения и смерти точно неизвестны и определяются в целом I веком н.э. (*примеч. перев.*).

[419] Временно или условно (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[420] 581-618 гг. н.э. (*примеч. перев.*).

[421] Упоминание о "Чинахуна" (китайцах и гуннах) в "Бхишмапарве" (в Книге Шестой, или Книге о Бхишме — *перев.*) "Махабхараты" является очевидной позднейшей вставкой, поскольку об этом ничего не говорится в древней рукописи, сохранившейся в Южной Индии. — *Примеч. авт.*

[В "Бхишмапарве" упоминаются "чины" (Махабхарата, 2009. С. 26). Как указывается в прилагаемом Словаре географических и этнических названий, под "чинами" понимаются китайцы (там же. С. 448) (*примеч. перев.*).]

[422] Возможно, имеется в виду первый правитель китайского царства Цинь — Цинь Шихуанди (259-210 гг. до н.э.). Время царствования: 245-210 гг. до н. э. В буквальном переводе это имя означает "великий император Основатель Цинь". Слово хуанди означает "император" (*примеч. перев.*).

[423] Татхāгата — "так приходящий и так уходящий". Один из эпитетов Будды (Буддизм, 1992. С. 6) (*примеч. перев.*).

[424] Или Манасаровар (*примеч. перев.*).

[425] Учителя-аскеты (*примеч. перев.*).

[426] Его не следует путать с другим Кашьяпой — ведийским и индуистским мудрецом, одним из семи великих риши, сыном Брахмы (*примеч. перев.*).

[427] Чандрагупта Маурья — правитель Сев. Индии, основатель *Маурьев государства*. Правил ок. 322 - ок. 300 до н. э.; по др. данным — с 314-312 по 292 или

290 до н. э. Согласно буддийским источникам, происходил из кшатрийского рода Мория, но есть сообщения и о том, что он принадлежал к варне шудр (Ильин Г.Ф., 1974. С. 810-811) (*примеч. перев.*).

[428] Трудно сказать, какое именно озеро имеется здесь в виду, но очевидно, что находилось оно не в Китае, а именно в Тибете, поскольку под именем "Бод-Юл" понимался Тибет: ". . . сами же туземцы называют свою страну Бод или Бод-юл, что значит "страна народа Бод" (ЭСБЕ, 1901. С. 142) (*примеч. перев.*).

[429] Hsiung-nu (Xiongnu) — сюньюнь (народ хунну) (*примеч. перев.*).

[430] О нём более подробно ниже (*примеч. перев.*).

[431] Читтагонг — ныне город на юго-востоке Бангладеш (*примеч. перев.*).

[432] Поскольку востоковеды не располагают записанной историей этих семи статуй, то, несомненно, они причислят её к разряду "откровенных небылиц". Тем не менее, происхождение статуй и их история именно таковы, как о них здесь рассказано. Они восходят по времени к первому Собору, состоявшемуся в Раджагрихе в разгар *войны*, последовавшей за смертью Будды, то есть год спустя после его кончины. Произойди этот Собор в Раджагрихе на 100 лет позже, как утверждает некоторыми, и на нём уже не мог бы председательствовать Махакашьяпа, друг Шакьямуни и его собрат-архат, так как ему к тому времени должно было бы исполниться уже двести лет. Второй Совет, или Собор, состоявшийся в Вайшали, произошёл не через 100 и не через 110 лет, как кое-кто утверждает, а через 120 лет после достижения [Буддой — *перев.*] *нирваны*, что случилось лет за двадцать с небольшим до физической смерти Татхагаты [состояния нирваны Сиддхартха достиг на 49-й день пребывания под деревом Бодхи, после же его физической смерти состоялся переход в состояние *паринирваны* — *перев.*]. Этот Собор состоялся в обширной пещере Саптапарна (Саптапанни в "Махавансе") близ горы Вайхара [ныне Вайбхара-гири — *перев.*] (в палийских рукописях — Вебхара), что стоит у Раджагрихи, древней столицы Магадхи. О его повседневной жизни рассказывают воспоминания, записанные племянником царя Аджаташатру, любимым бхикшу Махачарьи. Эти тексты с тех пор всегда хранились у настоятелей первого ламасерия [монастыря — *перев.*], построенного архатом Кашьяпой в Бод-Юле, причём большинство владык этого монастыря происходили из династии Морьев, и в Индии по сей день живут три потомка этого некогда царского рода. Тот древний текст, о котором мы говорим, представляет собой документ, записанный на магадхском алфавите *анудрута* (мы отрицаем, что как этот, так и любой иной испокон веков бытующий в Индии алфавит — деванагари, палийский или дравидский — является вариантом или производным от финикийского). Но вернёмся к текстам. Так вот в них утверждается, что пещера Саптапанни (в те дни её именовали "пещерой Сарасвати" и "бамбуковой пещерой") получила своё последнее название следующим образом.

Когда наш Господь впервые погрузился в ней в *дхьяну*, она представляла собой обширную пещеру естественного происхождения, состоявшую из шести залов — по 50-60 футов в ширину и 33 в высоту. Однажды, когда Господь наш поучал собравшихся собратьев под открытым небом, он сравнил человека с растением *саптапарна* ("семилиственным") и показал им, как, оторвав его первый листок, можно легко оторвать и все остальные — все, кроме последнего, седьмого, листка, напрямую связанного со стволом. "Братья", — сказал он, — "в каждом Будде заключено семеро Будд, а в каждом нашем собрате — по шесть бхикшу, но лишь один Будда. Что такое *семь*? Это семь ветвей полного и окончательного знания. А

что такое шесть? Это шесть органов чувств. А что такое пять? Это пять первоэлементов-стихий иллюзорного бытия. А что такое один — число, которое означает также и десять? Тот является истинным Буддой, кто разовьёт в себе десять форм святости и подчинит их все одному — "гласу безмолвия" (имея в виду Авалокитешвару)". После этого Татхагата велел скале сдвинуться со своего места по его слову и отколоть от себя ещё один, седьмой, зал, пояснив при этом, что и скала также семерична и что имеет она также семь фаз развития. С той поры и стала зваться эта пещера *Саттапанни* или Саптапарна.

После того как состоялся первый Собор, по приказу царя были отлиты из золота семь статуй Бхагавата, и каждая из них была положена в один из семи залов пещеры. В последующие времена, когда благой Закон был потеснён верованиями, в большей степени построенными на чувственном восприятии мира, а значит, и более понятными простонародью, они попали в распоряжение нескольких *вихар* [монастырей — *перев.*], а затем судьба их сложилась указанным образом.

Таким образом, когда, опираясь на авторитет южно-буддийских священных традиций, г-н Тёрнер [Turnour, редактор перевода "Махавансы" и переводчик первых 38 её глав (Müller, 1860. P. 267, *fnote*) — *перев.*] утверждает, что пещера эта получила своё название от растения *саттапанни*, то он говорит сушую правду. В журнале "Археологические исследования в Индии" ("Archæological Survey of India") мы читаем о том, что, по мнению ген. Каннингема, ею является пещера, расположенная неподалёку и в той же горной гряде Вайхара, но мы самым решительным образом заявляем, что это не наша пещера Саптапарна. В то же время, описывая упомянутую Фа Сянем пещеру *Чета*, главный инженер г. Бодхгая, г-н Беглар, полагает, что это и есть та самая пещера Саптапарна, и он прав. Объяснение здесь простое: и эта пещера, и пещера Пиппала ["Обычно Будда, закончив трапезу, сидел здесь в медитации", — пишет в своих записках Фа Сянь (Фа Сянь, 1990. С. 334) — *перев.*], и остальные упоминаемые нами пещеры — все они связаны со слишком священными для буддистов событиями и на протяжении веков использовались слишком многими поколениями бхиккху вплоть до времени их ухода из Индии, чтобы местонахождение этих пещер могло так легко выветриться из памяти. — *Примеч. авт.*

[433] Имеется в виду ланкийский царь Дуттхагамани (*примеч. перев.*).

[434] Автор статьи приводит текст "Махавансы" в переводе Макса Мюллера (Müller, 1860. P. 268) (*примеч. перев.*).

[435] Автор статьи цитирует с некоторыми изменениями текст "Махавансы" в переводе М. Мюллера (Ibid. P. 269) (*примеч. перев.*).

[436] Столица шакьев, в которой родился принц Сиддхартха (*примеч. перев.*).

[437] "Благосущный — *Sugata*, тиб. *bde bar gshegs pa* — эпитет Будды, Просветлённого, как "существующего ради добра, блага, счастья". "Сугата" является распространённым эпитетом Будды, часто не переводимым с санскрита на европейские и русский языки или заменяемым словами "Будда", "Татхагата", и занимает седьмое место в известном списке 81 эпитета Будды" (Андросов В.П., 2008. С. 320) (*примеч. перев.*).

[438] Один из эпитетов Будды (*примеч. перев.*).

[439] Епископ Биганде, изучив все доступные ему бирманские источники,

откровенно признаёт, что "история Будды оставляет практические сплошное белое пятно в понимании того, чем он занимался и что проповедовал в течение почти двадцати трёх лет" (vol. I, p. 260). — *Примеч. авт.*

[Примеч. Б. Циркова (BCW, vol. V. P. 274, note 52): "Данная ссылка относится к книге Биганде "The Life or Legend of Gaudama, the Budha of the Burmese", Rangoon, 1866].

[440] "Повелитель мира", "Владыка мира" ("Lord of the World") (ТД, II, 1. С. 367) (*примеч. перев.*).

[441] Müller, 1860. P. 267. Курсив Ред. *Теос.* (*примеч. перев.*).

[442] Шакьясинха — "Шакья-лев". Один из эпитетов Будды (*примеч. перев.*).

[443] Müller, 1860. P. 266.

[444] Ibid. P. 269.

[445] Ibid. P. 268.

[446] Опера "Роберт-дьявол" (Robert le diable) была написана Дж. Мейербером (1831) (*примеч. перев.*).

[447] Эдуард Исповедник (ок. 1003 – 1066) стал последним английским королём, имевшим англосаксонское происхождение (Матузова В., 2013 (*примеч. перев.*)).

[448] Müller, 1860. P. 265-266 (*примеч. перев.*).

[449] Ibid. P. 268 (*примеч. перев.*).

[450] В цитируемой книге М. Мюллера эта фраза отсутствует. Правда, Б. Цирков в своём примечании (BCW. Vol. V. P. 274, note 54) обращает внимание на с. 266, где присутствует следующая фраза: "Во всём, что было до того, хронология опирается на традицию и полна всякого вздора" (*примеч. перев.*).

[451] 498-514 гг. н.э. (*примеч. перев.*).

[452] Op. cit. P. 270.

[453] Ibid. P. 266.

[454] Ibid. P. 264 (*примеч. перев.*).

[455] Ibid. P. 269.

Во всех цитируемых фрагментах курсив принадлежит автору статьи (*примеч. перев.*).

[456] Ibid. P. 266 (*примеч. перев.*).

[457] Ibid. P. 262 (*примеч. перев.*).

[458] Здесь: "вместе с нею" (*лат.*) (*примеч. перев.*).

[459] "Самма-Самбудда (*пали*) Этот термин употребляется буддистами-мистиками и раджа-йогами для обозначения полного и окончательного знания всей череды собственных прожитых в прошлом жизней. Память такого рода обретается через практику подлинной внутренней йоги, или самоконтроля. В более широком смысле

этот термин обозначает полное или окончательное пробуждение — в том смысле, что вся высшая природа индивида полностью пробуждена и приведена в действие, что в этом случае дарует человеку фактическое всезнание о природе нашей Солнечной системы. Кроме того, человек в данном случае обретает и огромные духовно-психические способности. Это полный расцвет духовной монады и её самосознания, достигаемого в человеке и посредством человека, пришедшего к столь высокой степени духовного развёртывания, это слияние в единое целое с логосом космоса (*ETG*). (*примеч. перев.*).

Кроме того, это один из титулов Гаутамы Будды, характеризующий его абсолютное внутреннее просветление" (*примеч. перев.*).

[460] Абхинья (пали *abhiññā*), абхиджня (санскр. *abhiñjā*) — 1) непосредственное постижение дхарм, т.е. реальности "как она есть" (*ятхабхутам*), как необходимый элемент практики благородного Восьмеричного пути . . . ; 2) три или шесть разновидностей "высших знаний", или сверхчувственных способностей, являющихся результатом занятий определёнными видами медитации (Лысенко В.Г., 2011. С. 75) (*примеч. перев.*).

[461] Weber, 1875. P. 288 (*примеч. перев.*).

[462] Müller, 1860. P. 263 (*примеч. перев.*).

[463] Или г. Варанаси (Бенареса) (*примеч. перев.*).

[464] Таранатха, Дараната Гунга Ньинбо (1575 - 1634) — тибетский историк, крупный религиозный деятель, знаток санскрита; восстанавливал и собирал памятники истории Тибета. Его переводы санскр. грамматич. сочинений вошли в состав тибетского канона; он является также автором историч. сочинений, более известен как автор "Истории Индии" (1608) (Огнева Е.Д., 1992. С. 238) (*примеч. перев.*).

[465] Эллинизированное имя Чандрагупты (*примеч. перев.*).

[466] Müller, 1860. P. 299 (*примеч. перев.*).

[467] Ма Дуаньлинь (1245 — 1325) — китайский астроном, историк и энциклопедист (*примеч. перев.*).

[468] Müller, 1860. P. 300 (*примеч. перев.*).

[469] Статья впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 2 (50), November, 1883. P. 43-44 (*примеч. перев.*).

[470] Гая — город в штате Бихар, Индия (*примеч. перев.*).

[471] Месяц картика (или карттика) — конец октября-начало ноября (*примеч. перев.*).

[472] Как отмечает Б.М. Цирков в своём примечании (BCW, vol V. P. 275), цитируемый текст взят Т.С. Роу из журнала *Archaeological Survey of India. Four Reports made during the years 1862-63-64-65*, by Alexander Cunningham, C.S.I., Simla, 1871, vol. I, P. 1. Сразу после цитируемого текста к имени Макса Мюллера добавлено следующее примечание:

"Тогда же я представил эту дату для анализа своему учёному другу, широко известному астроному [и переводчику "Сурья-Сиддханты" — *перев.*] Бапу Дэве

Шастри. По его расчётам, 1-е число *картик бади* в 1276 году по Р.Х. выпадало на пятницу; в 1342 году по Р.Х. — на понедельник; а в 1341 году по Р.Х. — на среду, 7 октября по новому стилю. Это значит, что начало буддийского летоисчисления должно приходиться на 478 год до Р.Х." (*примеч. перев.*).

[473] *Саурамана* — солнечный календарь, *чандрамана* — лунный календарь, а *бархаспатьямана* — календарь, основанный на обращении Юпитера (Surya Siddhanta, 1861. P. 91).

В главе XIV "Сурья-Сиддханты", которая называется "О видах времени", говорится следующее:

"1. Существует девять *ман* (видов [или мер — *перев.*] времени): *Брахма* (время Брахмы), *Дивья* (время богов), *Питрийя*, *Праджапатья*, а также время Юпитера, Солнца, Земли, Луны и звёзд.

2. Четыре *маны*: солнечная, лунная, звёздная и земная (всегда) применяются в нашем мире, тогда как мана Юпитера и остальные *маны* . . . (применяются) не всегда" (Op. cit. P. 91-92) (*примеч. перев.*).

[474] В традиционном индийском календаре солнечный день — "диваса" — делится на 60 частей (гхатика), каждая из них равняется 24 минутам (Краснодембская Н., 1996. С. 346) (*примеч. перев.*).

[475] *Астрономический ежегодник*, или альманах, — справочное издание, обычно выходящее ежегодно и содержащее предвычисленную на будущий год информацию об изменяющихся характеристиках астрономических объектов (координаты Солнца, Луны и планет, фазы Луны, положения спутников Юпитера, солнечные и лунные затмения, звёздное и солнечное время, покрытия звёзд Луной и астероидами и т. п.) (Сурдин В., 2012. С. 40) (*примеч. перев.*).

[476] Сентябрь-октябрь (*примеч. перев.*).

[477] Или *адхимаса*. "Если два лунных месяца завершаются в тот момент, когда Солнце находится лишь в одном знаке зодиака, второй из них называется *адхимаса* (дополнительный)" (Surya Siddhanta. P. 8, *fnote*). Дополнительный месяц вставляется для согласования лунного и солнечного календарей аналогично тому, как добавляется 29 февраля в этих же целях (*примеч. перев.*).

[478] Или Титхи-кшая. "Если из лунных суток нужно вычесть земные (Savana), то остаток и составит сутки, называемые *Титхи-кшая* (выпадающие [вычитаемые — *перев.*] сутки)" (Ibid. P. 6, *fnote*) (*примеч. перев.*).

[479] Впервые опубликовано в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 2 (38), November, 1882. P. 30-31; vol. 5, No. 3 (51), December, 1883. P. 70-72 (*примеч. перев.*).

[480] Мохини М. Чаттерджи (*примеч. перев.*).

[481] Чхандогья-упанишада — М.М.Ч.

[482] "Это Сущее (то, которое произвело огонь, воду и землю) подумало: "Дай-ка я войду в троих этих сущих (огонь, воду, землю) с помощью этого живого "я" (джива-атмана) и дай-ка уявлю (разовью) имена и формы". Примеч.: "Это живое "я" — как бы всего лишь тень высшего "я". Как Солнце, отражённое в воде, не страдает от движения воды, так и подлинное "я" не способно испытывать ни наслаждения, ни

боли — их испытывает только живое "я" (*Khândogya-Upanishad*, 1879. VI Prapathaka, 4 Khanda. P. 94-95). Ср.: Чхандогья Упанишада, 1991. Ч. VI. Гл. 3. 2. С. 110) (*примеч. перев.*).

[483] Это труднопереводимое слово обозначает совершение того или иного действия ради удовлетворения мирского желания — М.М.Ч.

[484] В том смысле, в каком этот термин встречается ведантистских произведениях, он понимается, как правило, неверно. Он не означает отрицания всего, а под ним понимается "то, что не проявляет истину", "иллюзорное" — М.М.Ч.

[485] Этими тремя качествами являются *самтва* (благость), *раджас* (скверна) и *тамас* (тьма). Удовольствие, боль и безразличие считаются объективными принципами — Ред. *Теос*.

[486] Чхандогья-упанишада — М.М.Ч.

[487] Эта часть текста здесь изложена более сжато, чем об этом говорится в оригинале — М.М.Ч.

[488] В посмертной жизни (*примеч. перев.*).

[489] Сюда входит весь ряд *рупа-локи* (мира форм), о котором говорит эзотерическая буддийская философия — М.М.Ч.

[490] То есть *пуруша* — М.М.Ч.

[491] То есть *пракрити* — космическая материя, пребывающая в одном из своих состояний независимо от того, способны мы или не способны их воспринимать — М.М.Ч.

[492] Блаженство есть *майя* или *шакти*, то есть та творящая энергия, которая производит изменения в состоянии *пракрити*. Как сказано в *шрути* (в "Тайттирия-упанишаде"), "все эти *бхуты* (первоэлементы) воистину рождаются из Блаженства: родившись из него, они живут, и они возвращаются и погружаются в Блаженство" — М.М.Ч.

[493] Пять тонких первоэлементов, таким образом, образуют плотные: каждый из этих пяти тонких первоэлементов делится на восемь частей, и четыре части одного первоэлемента вместе с одной частью каждого другого образуют особое сочетание. В результате возникает плотный первоэлемент, соответствующий тому тонкому первоэлементу, части которого преобладают в этом сочетании — М.М.Ч.

[494] Этими шестью изменениями являются: рождение, смерть, существование во времени, рост, разложение и изменение в субстанции (*паринám*) подобно тому, как молоко после сворачивания превращается в жидкую сыворотку — М.М.Ч.

[495] В тайных *комментариях* говорится о семи. Дело в том, что они не разделяют губы на "верхние" и "нижние". Кроме того, к этим семи центрам в них добавляются ещё и *семь* расположенных в голове проходов, которые соединяются с *вач* и находятся под воздействием с её стороны, а именно: рот, двое глаз, два ноздри и два уха. "Левые ухо, глаз и ноздря передают данные о *правой стороне головы*, а правые ухо, глаз и ноздря сообщают сведения о *левой стороне*". Это имеет под собой и чисто научное обоснование. Согласно последним открытиям и заключениям современной физиологии, способность к человеческой речи обязана третьей лобной пазухе левого

полушария головного мозга. С другой стороны, общеизвестно, что нервные ткани таким образом взаимно пересекаются (крестообразно) в мозге, что движения наших левых конечностей управляются правым полушарием, а движения наших правых конечностей регулируются левым полушарием головного мозга — Ред. *Теос.*

[496] Следующее замечание учёного оккультиста [см. ред. примеч. к статье "Реальное и нереальное" ("The Real and the Unreal"): *The Theosophist*, vol. 4, August, 1883. P. 269 — *перев.*] проливает целый поток света на смысл этого места: "Антахарана есть путь сообщения между душой и телом, никак не связанный с первой, но существующий вместе с телом, принадлежащий ему и умирающий вместе с ним". Этот путь ярко отображён в тексте — М.М.Ч.

[497] Эти главные и вспомогательные жизненные токи представляют собой особые силы, которые позволяют внутреннему человеку находиться в гармонии с окружающей средой, поскольку помогают телу приспособливаться к внешнему миру. Все они представляют собой пять аллотропных модификаций жизни — Ред. *Теос.*

[498] Принцип интеллекта (буддхи) на макрокосмическом уровне. Более подробно этот термин толкуется Шанкарой в его комментариях к "Брахма-сутрам" — Ред. *Теос.*

[499] Слово "линга" обозначает то, с помощью чего передаётся тот или иной смысл: характерный признак — Ред. *Теос.*

[500] Не следует полагать, будто понятие *авидья* здесь смешивается с понятием *пракрити*. Когда говорят, что *авидья* не имеет начала, то это означает, что само по себе неведение, *авидья*, не образует никакого звена в *кармической* цепи, которое приводило бы к последовательности его [неведения] рождений и смертей: оно возникает в силу того закона, который заложен уже в самой *пракрити*. *Авидья* — это такое неведение, такая вещь, которая имеет отношение к определённым монадам, а то неведение, о котором говорилось перед этим, представляет собой неведение на космическом уровне, то есть *майя-авидью*, которое начинается и заканчивается вместе с нашей *манвантарой*. *Майя* вечна. С точки зрения философии веданты, исповедуемой школой Шанкары, Вселенная состоит из единой субстанции, Брахмана (единого эго, которое нам представляется субъективностью в наивысшей степени абстрактности), и субстанция эта обладает бесчисленным множеством атрибутов (или модусов проявления), от которых она может быть отделена лишь путём логического рассуждения. В своей совокупности все эти атрибуты (модусы) образуют *пракрити* (абстрактную объективность). Очевидно, что сам по себе Брахман может быть описан одним-единственным способом: "Я — то, что я есть". В то же самое время *пракрити* образована из бесчисленного множества её же собственных дифференциаций. А стало быть, во Вселенной имеется лишь один-единственный принцип, не подверженный никакой дифференциации: тот самый "Я — то, что я есть". А всё множество модусов проявления может определяться лишь по отношению к нему. Это вечное неведение в том-то и состоит, что имеется лишь один-единственный реальный субъект, но при этом существует бесчисленное множество приложимых к нему прилагательных, и каждое такое прилагательное может описывать это Всё. Если взглянуть на дело с точки зрения времени, то оказывается, что самым постоянным, непреходящим объектом (или модусом) великого субъекта познания в каждый отдельный момент является тот, который и представляет субъекта познания. По сути дела, уже само время — также как и пространство — представляет собой один из этих бесчисленных модусов. Всё развитие Природы как раз и состоит в реализации нереализованных прежде модусов

— Ред. Теос.

[501] То есть, когда человек по ошибке принимает плотное тело за "я", у него возникает осознание внешних предметов — М.М.Ч.

[502] На санскрите это слово означает также "земля" — М.М.Ч.

[503] Эти три вида боли представляют собой следующее:

Адхибхаутика, т.е. боль, доставляемая внешними объектами: например, грабителями или дикими зверями и проч.

Адхидаивика, т.е. боль, доставляемая проявлениями стихий: например, гром и проч.

Адхьятмика, т.е. боль, доставляемая человеку изнутри: например, головная боль и проч.

См.: *Sankhya Karika* ("Санкхья-карика"), комментарий Гаудапады к первой шлоке — М.М.Ч.

[504] Викара (*санскр.*) — изменение, модификация (*примеч. перев.*).

[505] Иначе говоря, скачет из одного рождения в другое — М.М.Ч.

[506] Это и есть та неизменная основа, на которой эти три состояния то возникают, то исчезают — М.М.Ч.

[507] Это та самая "ересь индивидуальности", или *аттавада*, о которой говорят буддисты — М.М.Ч.

[508] *Наивысшее* блаженство, т.е. блаженство, выше которого ничего нет (*примеч. перев.*).

[509] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 1 (49), October, 1883. P. 18-21.

[Вопрос авторства этой замечательной статьи так до конца и не выяснен. Если взглянуть на вышедшие из-под пера Е.П. Блаватской литературные произведения, то заявить со всей однозначностью: да, эта статья, несомненно, принадлежит ей, невозможно ни со стилистической, ни с лексической точек зрения. Однако кое-где в статье проглядывает и её манера письма. Одни исследователи считают, что статья написана Т. Субба Роу, другие приписывают её Мохини Мохуну Чаттерджи, третьи же полагают, что, кем бы ни была фактически написана эта статья, лежащий в основе неё материал был передан и отредактирован самой Е.П. Блаватской. Нельзя также исключать и того, что автор этой эпохальной статьи мог получить прямую помощь и вдохновение от одного из Адептов. (*примеч. Б.М. Циркова, BCW, vol. V, p. 263*)] (*примеч. перев.*).

[510] Müller, 1860 (*примеч. перев.*).

[511] Намёк на легендарную основательницу Карфагена, царевну Дидону. После бегства из финикийского Тира, где её жизни угрожал вступивший на трон родной брат, она со своими спутниками высадилась на северном побережье Африки, где местный царь пообещал выделить для беглецов столько земли, сколько может покрыть собой бычья шкура. Дидона, разрезав шкуру на тонкие ремешки, смогла опоясать ими целую гору (*примеч. перев.*).

[512] Тайным учением являются не одни только упанишады, но и десятки других произведений. В "Айтарейя-араньяке", например, прямо говорится о том, что они содержат в себе *тайные учения*, которые не подлежат разглашению никому, кроме *двиджа* (дважды рождённых) брахманов — Ред. *Теос*.

[513] От слова δῆμος [демос], "народ" (*примеч. перев.*).

[514] Вильгельм Гезениус (Wilhelm Gesenius; 1786-1842) — немецкий востоковед, гебраист и исследователь Библии (*примеч. перев.*).

[515] Оливье-Шарль-Камиль-Эммануэль, виконт де Руже (Vicomte Olivier Charles Camille Emmanuel de Rougé, 1811–1872) — французский филолог и египтолог (*примеч. перев.*).

[516] Этот папирус датируется XI-XII династиями (ок. 1991-1783 гг до н.э.) и был обнаружен французским востоковедом Эмилем Приссом в Фивах в 1856 году (*примеч. перев.*).

[517] Ныне г. Сайда. Возможно, самый древний из финикийских городов (*примеч. перев.*).

[518] Санхуниатон (или Санхунйатон) — финикийский историк. "Сейчас считается, что Санхунйатон (имя, кстати, совершенно финикийское) жил в Берите [древн. Бейруте — *перев.*] в XII или XI в. до н. э." (Финикийская мифология, 1999. С. 34) (*примеч. перев.*).

[519] Филон Библский (Геренний Филон, лат. Herennius Philon, ок. 64 — после 138 гг. н. э.) — финикийский историк, родом из Библа (*примеч. перев.*).

[520] "Санхунйатон, человек великой учёности и тщательности, желая всячески знать начало всего, от которого произошло всё [дальнейшее], очень усердно изучил сочинения Таавта, зная, что из всех живущих под солнцем Таавт был первым, придумавшим изобретение письмен и начавшим вести записи; от него [исходит он], опираясь в своей книге, как на фундамент, на того, кого египтяне называют Товт, александрийцы — Тот, а греки — Гермесом" (Тураев Б.А., 1999. С. 69) (*примеч. перев.*).

[521] Бартольд Нибур (Barthold Georg Niebuhr, 1776 – 1831) — немецкий историк античности. Считается новатором в области филологических обоснований исторического исследования (*примеч. перев.*).

[522] В английском тексте Библии короля Якова (КJB) — *Peleg* (Быт. 10,25) (*примеч. перев.*).

[523] Деревянное или каменное резное изображение божества в древней Греции (*примеч. перев.*).

[524] Геродот, 1972. С. 27 (*примеч. перев.*).

[525] Более подробно об этом см. выше статью "Вопрос VI. "Путаница в истории" — "Откуда она происходит?" (*примеч. перев.*).

[526] Плиний Старший (между 22 и 24 гг. н.э. — 79 г. н.э.) — римский писатель, учёный и государственный деятель, автор "Естественной истории" (*примеч. перев.*).

[527] "Ригведа" имеет две брахманы: "Айтарейя-брахмана" и "Каушитаки-брахмана"

(*примеч. перев.*).

[528] Нирукта — сборник комментариев к веде (*примеч. перев.*).

[529] Бхаша — разговорный язык образованных слоёв (*примеч. перев.*).

[530] Катьяяна Вараручи (предположит. IV-III вв. до н.э.) — мыслитель и грамматист древней Индии (Захарьин Б.А., 2009. С. 450) (*примеч. перев.*).

[531] Müller, 1860. P. 498 (*примеч. перев.*).

[532] Несмотря на кавычки, эта фраза не является точной цитатой Макса Мюллера (*примеч. перев.*).

[533] Бётлингк (Bohtlingk) Оттон Николаевич (1815-1904), немецкий и российский филолог-индолог, академик (1855), почётный член (1894) Петербургской АН. Основной труд — "Санскритский словарь" (*примеч. перев.*).

[534] Одно из подробных классических жизнеописаний Будды (*примеч. перев.*).

[535] "Неарх рассказывает о софистах следующее . . . Законы у них, как общие, так и особые, *не записаны* (курсив наш — *перев.*) и отличаются своеобразием по сравнению с законами прочих народностей" (Страбон, 1964. Кн. XV, гл. I, 66. С. 666) (*примеч. перев.*).

[536] "Но больше всего они проявляют воздержанности в отношении воровства. По крайней мере, по словам Мегасфена, он никогда, находясь в лагере Сандрокотта, где стояло 400-тысячное войско, не видел объявления об украденных вещах стоимостью больше 200 драхм; и это у людей, где нет писаных законов! В самом деле, по его словам, индийцы не умеют читать и писать, но разбираются во всех делах по памяти" (там же, 53). "Письма они пишут на кусках тонкой материи, очень плотно тканной, хотя остальные писатели утверждают, что они не знают письмен" (там же, 67) (*примеч. перев.*).

[537] "Умелый", "ловкий" (Dowson, 1879. P. 266) (*примеч. перев.*).

[538] Chamber's Encyclopedia, VII, 127 — Ред. *Теос*.

[Chambers's Encyclopedia, 1865. P. 127 (*примеч. перев.*)].

[539] По Геродоту, мистерии были на самом деле принесены из Индии Орфеем. — Ред. *Теос*.

[540] Ещё одно доказательство того, что Пандавы были ариями, но при этом не являлись брахманами. Они принадлежали к некоему индийскому племени, жившему ещё до брахманов. Позднее они были *брахманизированы*, а затем оказались отторгнуты, стали изгоями, получив прозвища *млеччха*, *яваны* (то есть *чуждые брахманам*). И доказательство это заключается в следующем. Дело в том, что у Панду было *две* жены. Как правильно отмечает профессор Макс Мюллер, вместе с мёртвым телом старого царя на костре сжигается не его "законная жена, Кунти, а любимая супруга, Мадри". Похоже, это обстоятельство удивляет профессора, поскольку он не понимает истинной причины такого решения. Как сказано у Геродота (v, 5), у фракийцев был обычай, по которому самой любимой из жён разрешалось приносить себя в жертву на могилу мужа. Аналогичный обычай Геродот отмечает и у скифов (iv, 17), а Павсаний (iv, 2) у греков (Max Müller, "A Hist. Sans. Lit.", p. 48). В поэме Пандавы и Кауравы эзотерически называются

двоюродными, поскольку представляли собой два разных, но при этом арийских, племена. Они символизируют собой два народа, а не просто два отдельных рода.

[В ссылке на Геродота должно стоять: IV, 71, а не 17. Вероятно, это просто корректорская ошибка, но, возможно, и один из тех случаев, когда, по объяснению самой Е.П. Блаватской, видимая ей в астральном свете ссылка принимала зеркально обратный порядок, если её что-то отвлекало от работы. — *Примеч. Б.М. Циркова (примеч. перев.)*].

[541] Рососке Е., 1852 (*примеч. перев.*).

[542] Загрей (букв, "великий охотник", "великий ловчий"), в греческой мифологии одна из архаических ипостасей бога Диониса (Тахо-Годи А.А., 1990б. С. 215) (*примеч. перев.*).

[543] Chamber's Encyclopedia. P. 127 (*примеч. перев.*).

[544] Muir J., 1868 (*примеч. перев.*).

[545] Op. cit. P. 482: "Эти племена кшатриев, а именно: шаки, яваны, камбоджи, дравиды, калинды, пулинды, ушинары, колисарпы и махишаки, не видя брахманов [из-за необщения с брахманами — *перев.*], превратились во вришал". Ср.: Mahabharata, 1893. P. 220 (*примеч. перев.*).

[546] Сагара — легендарный царь, один из героев "Махабхараты" (*примеч. перев.*).

[547] "Анушасана-парва" ("Раздел наставлений") находится в XIII книге "Махабхараты", содержащей предсмертные поучения Бхишмы (*примеч. перев.*).

[Следующий раздел](#)

[Содержание](#)

ТЕОСОФИЯ

Что такое теософия[1]?

Слово "теософия", как объяснили бы нам лексикографы, образовано из двух греческих слов: *теос* ("бог") и *софос* ("мудрый"). И это верно. Но вот что касается толкований этого термина — вроде следующего, — то они не дают даже отдалённого представления о том, что же такое теософия на самом деле. Преоригинальнейшим образом определяет её словарь Уэбстера как "предполагаемое общение с Богом и высшими духами и последовательное обретение сверхчеловеческих знаний при помощи *физических процессов*, в том числе теургических приёмов, которыми пользовались древние платоники, а также посредством *химических процессов*, бывших в ходу у германских философов огня".

Такое толкование, мягко говоря, и неточно, и крайне легковесно. Приписывать подобные идеи таким людям, как Аммоний Саккас, Плотин, Ямвлих, Порфирий, Прокл, значило бы либо сознательно исказить, либо вовсе не знать ни философии, ни мотивов этих величайших гениев позднеалександрийской школы. Усматривать у мыслителей, которых и современники, и потомки почтительно именовали *теодидактами* ("Богом наученными"),[2] стремление развивать свои духовно-психические способности при помощи "физических процессов" значило бы попросту причислять их к материалистам. Что же до брошенного в адрес философов огня камешка под конец, то, легко отскочив от последних, он напрямик ударяет по самым что ни на есть именитым деятелям современной науки, горделивую позицию которых ярко выразил преп. Джеймс Мартино в следующих словах: "Материя — вот всё, что нам нужно. Дайте нам атомы, и мы растолкуем вам все тайны мироздания".

Более глубокое, более философское определение мы находим у Вогана.[3] "Настоящий теософ", — говорит он, — "предлагает такое учение о Боге и о трудах Его, которое не нисходит к нему в виде откровения свыше, но есть плод его собственного вдохновения". С этой точки зрения, любой великий мыслитель и философ, особенно основатель какой-то новой религии, философской школы или секты, с неизбежностью действует как истинный теософ. А это значит, что теософия и теософы существуют в мире с тех давних пор, как самые первые проблески нарождающейся мысли заставили человека инстинктивно отыскивать средства для выражения своего собственного, самостоятельного мнения.

Были теософы и до начала христианской эры — как бы христианские писатели ни силились приписать дату формирования эклектической теософской системы к первой половине III века своей эры. Диоген

Лаэртский возводит начала теософии к эпохе, предшествовавшей временам династии Птолемеев [4], и в качестве основателя [эклетиической теософской системы — *перев.*] называет имя египетского иерофанта Потамона, [5] который, судя по его коптскому имени, был жрецом бога мудрости, Амона.

Человеком же, возродившим её к новой жизни, как явствует из истории, стал Аммоний Саккас, [6] основатель школы неоплатоников. Самих себя он и его ученики называли *филалетами* — "любителями истины"; другие же именовали их *аналогетами* [7] по той причине, что при истолковании священных легенд, символических мифов и таинств те использовали метод аналогии или соответствия, а потому и всё происходящее во внешнем мире они рассматривали как выражение действий и переживаний человеческой души. Главное, чего желал и к чему стремился Аммоний, было примирение между собой всех религиозных школ, всех народов и племён под флагом общей веры — веры в единую, высшую, вечную, неведомую и невыразимую в словах Силу, которая управляет мирозданием при помощи никогда не меняющихся, от века существующих законов. Он пытался вернуть теософии её первоначальный вид, в каком она пребывала в самом начале, когда, по существу своему, была одинаковой во всех странах, а потому и жаждал побудить всех людей к тому, чтобы они отложили все свои споры и распри, объединившись в устремлениях и помышлениях своих, словно дети одной общей матери. Он хотел снять с древних религий все привнесённые человеком наслоения, освободить их от искажений и тумана, в который те мало-помалу погрузились. А для этого необходимо было все эти религии объединить, а в их толкованиях опираться на чисто философские принципы.

Вот почему наряду с греческими философиями в школе эклетиической теософии изучались буддистские, ведантистские и магийские (зороастрийские) системы. Вот почему в книгах древнеалександрийских теософов так явственно звучат типично буддистские и индуистские мотивы: почитание родителей и стариков, братская любовь ко всему человечеству и сострадание к любой твари бессловесной. Пытаясь утвердить такую систему нравственной дисциплины, которая бы обязывала людей жить по законам своих собственных стран, но возвышать свой ум поиском и созерцанием Абсолютной Истины, Аммоний прежде всего стремился извлечь из самых разных религиозных учений, словно из многострунной лиры, единую целостную и гармоничную мелодию, глубоко отзывающуюся в сердце каждого искателя истины — а тогда, полагал он, каждый народ легко обретёт для себя и все остальные истины.

Стало быть, теософия — это такая *мудрость-религия*, которая своими корнями уходит во времена глубочайшей архаики. Когда-то это эзотерическое учение было известно в каждой стране, дерзавшей называть

себя цивилизованной. Во всех древних писаниях эта "Мудрость" понималась не иначе как эманация Божественного Начала, и отчётливое осознание этого запечатлелось в таких именах, как индийский Будха, вавилонский Набу, мемфисский Тот и греческий Гермес, а равно и в наименованиях некоторых богинь: Метида, Нейт, Афина, гностическая София, и наконец в таком слове, как "веды", что означает "знать", "ведать". Под этим наименованием, *теософия*, понималось общее знание о вещах оккультных и, по существу своему, глубоко божественных всеми древними философами как на Западе, так и на Востоке — иерофантами Древнего Египта, риши Арьяварты или теодидактами в Греции. *Меркава* еврейских раввинов[8] — серия светских и рассчитанных на простонародье литературных произведений — получила это своё название лишь как чисто внешнее тело, внешняя скорлупа, скрывающая внутри себя наивысшие эзотерические знания. А зороастрийские маги получали свои знания и посвящение в бактрийских пещерах и тайных ложах. Египетские же и греческие иерофанты проводили особые тайные собрания, *аноррета* [ἀνορρητα], в ходе которых *мист* [μύστης] превращался в *эопта* [ἐπ-όπτης], созерцателя, провидца.

Центральным в учении теософов-эклектиков являлось представление о существовании единой верховной сущности-эссенции — неведомой и *непознаваемой*, ибо "как можем мы получить знание о том, в ком и заключено всё знание?" — вопрошает "Брихадараньяка-упанишада". Их систему отличали три характерных черты: учение об упомянутой выше эссенции; доктрина человеческой души как эманации, изошедшей из последней, а значит и их единосущности; и теургия[9]. Именно эта последняя их наука и привела к тому, что в наш век, век господства материалистической науки, учение неоплатоников и оказалось глубоко извращено. Несмотря на то, что по существу своему теургия представляла собой искусство применения заложенных в человеке божественных способностей для подчинения своей воле слепых сил природы, её учителя были объявлены "колдунами-магами" из-за неверного истолкования слова "маг", под которым в древности понимался "мудрец" или "учёный человек". Однако теперь над ними просто потешались. Что ж, и насмешники-скептики прошлого века сегодня точно так же сели бы в лужу, попробуй они только посмеяться над идеей фонографа или телеграфа. Жертвы насмешек и "отщепенцы" своего поколения, как правило, объявляются мудрецами и святыми уже в следующем.

Что же касается представлений о божественной эссенции и природе души и духа, то современная теософия придерживается тех же взглядов, что исповедовались теософией и в глубокой древности. Общеизвестный у всех арийских народов *Diu* был тождествен халдейскому *Иао* — и даже Юпитеру в глазах у наименее просвещённых и философски настроенных жителей Древнего Рима. Кроме того, он тождествен самаритянскому *Яхве*, скандинавскому *Тью* (или *Тюр*), богу *Дью* (Duw) у бриттов и *Зевсу*[10] у

фракийцев.

Говоря же о той абсолютной эссенции, что составляет Единое Всё, то, взглянем ли мы на неё под углом зрения греков-пифагорейцев, каббалистов-халдеев или философов-ариев, мы всё равно придём к одному и тому же. Та первомонада, которая, согласно пифагорейской системе, удаляется во тьму и уже сама по себе есть тьма (для человеческого ума), заложила основу для всего сущего, и эту же самую идею во всей её целостности мы обнаруживаем в философских системах и у Лейбница, и у Спинозы.

А потому теософ может вполне согласиться с каббалой, которая, рассуждая об Эйн-Софе, задаётся вопросом: "Так кто же тогда способен постичь Его, если Оно не имеет ни собственной формы, ни собственного бытия?", или, вспоминая величественный гимн из "Ригведы" (X, 129), вместе с ним вопрошать:

"Кому же ведом тот первоисточник,

Откуда всё великое творенье изошло?

Его ль могучей волею иль нет —

То знает Он один,

А может быть, и *Он не ведает того*".

Теософ может принять и точку зрения веданты на природу Брахмана, который в упанишадах изображается "не имеющим жизни, не имеющим ума, чистейшим", *лишённым сознания*, ибо Брахман — это "абсолютное сознание". Теософ, наконец, может даже встать на сторону непальских свабхавиков, и провозгласить вместе с ними, что не существует вообще ничего, кроме "свабхавата" (субстанции или природы), ибо "свабхават" существует *сам по себе* и не зависит ни от какого творца. И во всех перечисленных случаях он будет строго следовать по пути чистейшей и истинной теософии.

Именно эта теософия и сподвигла таких людей, как Гегель, Фихте и Спиноза взяться за труды древнегреческих философов и размышлять над природой той единой субстанции — Божества, *Божественного Всё*, проистекающего из Божественной Мудрости, — непостижимой, неведомой и остававшейся *безымянной* во всех древних и современных религиозных философиях, кроме иудаизма, включая христианство и ислам.

А стало быть, всякий теософ, рассуждающий о Божестве с точки зрения такого учения, "которое не снизошло на него в виде откровения свыше, но является плодом его собственного вдохновения", может принять любое из приведённых выше определений либо исповедовать любую из всех этих религий, оставаясь при этом в строгих рамках теософии. Ведь последняя

— это не что иное как вера в Божество как в единое Всё, являющееся источником всякой жизни, чем-то столь беспредельным, что не может быть ни охвачено мыслью, ни познано. И лишь одна Вселенная способна открыть нам это Божество, которое мы понимаем как бесконечное *Оно*, хотя некоторые предпочитают в данном случае употреблять местоимение Он, приписывая Божеству определённый пол и тем самым антропоморфизируя его, что нами почитается за *святотатство*.

Истинная же теософия далека от столь грубой материализации. Она предпочитает полагать, что, пребывая в извечной погружённости в самой себя, Дух Божественный не способен ни желать, ни творить. А то беспредельное сияние, что расходится повсюду из Великого Центра и способно производить всё зримое и незримое сущее, — это не что иное как луч, обладающий способностью зарождать и порождать жизнь. Он-то и производит то, что у греков известно как *макрокосм*; у каббалистов — как *Тиккун* (архетип человека, Адам Кадмон); а у ариев — как *Пуруша*, проявленный Брахма, Божество в мужском облике.

Теософия, кроме того, верит в непрерывность существования, *анастасис*, а также в трансмиграцию (то есть эволюцию, ряд последовательных изменений) эго человеческой личности — и эту идею мы можем обосновать и доказать на строго философских принципах, разграничивая понятия *Параматман* (трансцендентный, верховный дух) и *дживатман* (дух отдельного индивида), согласно системе веданты.

Если мы хотим дать точное определение теософии, то мы должны рассмотреть её со всех её сторон. Внутренняя [незримая — *перев.*] сторона мироздания никогда не была сокрыта непроницаемой тьмой от всех живущих. Пользуясь обретаемой с помощью *теософии* (богознания) глубочайшей интуицией, которая переносит ум из мира форм в мир лишённого внешних образов духа, человек порой вдруг оказывался способным — а это случалось во все века и во всех странах Земли — ощущать то, что пребывает во внутреннем, не видимом глазу мире. Отсюда и знакомство человека с такими явлениями, как "самадхи" (*дхьян йог самадхи*), переживаемое индустами-аскетами; "Daïmonionphoti" ("духовное просветление"), о котором говорят неоплатоники; "общение души со звёздами", о котором упоминают розенкрейцеры и философы огня; и даже то состояние экстатического транса, которое переживали мистики и сегодня переживают месмеристы и спиритуалисты — всё это явления одного и того же порядка, но лишь проявляющиеся по-разному.

Поиск заложенного в человеке божественного "я", столь часто и столь ошибочно толкуемый как индивидуальное общение человека с тем или иным личным богом, как раз и составлял главный смысл жизни любого мистика, и вера в то, что найти в себе это божественное "я" ему вполне по силам, была, похоже, присуща человеку всегда с тех самых пор, как на

Земле возник род человеческий. У каждого народа для этого существовало своё название. Так, Платон и Плотин называли это "ноэтическим[11] трудом", а йоги и шротрии[12] — "видьей".

"Путём размышлений, самопознания и дисциплины ума душа может возвыситься до созерцания вечной истины, блага и красоты — то есть до *созерцания Бога*. Это и есть *эпоптейя*[13]", — говорили греки. А Порфирий писал:

"Чтобы слиться своей душой с душой мировую, требуется непорочно чистый ум. Благодаря самосозерцанию, совершенной собственной непорочности и телесной чистоте мы можем подойти ближе к Ней и получить, пребывая в этом состоянии, подлинное знание и чудесное прозрение в суть вещей".

А Свами Даянанд Сарасвати, который не читал ни Порфирия, ни иных греческих писателей, но является глубоким знатоком вед, пишет в своей "Веда-бхашье" (*Uṛpâsanâ prakara ank. 9*) следующее:

"Чтобы обрести *дикшу* (наивысшее посвящение) и *йогу*, необходимо действовать по известным правилам . . . Познав мировой дух (т.е. Бога) и узнав (окультурные) свойства и особенности всех вещей мироздания, душа человеческая, пребывая в теле, способна творить совершеннейшие чудеса. Человек (*дикшит*, посвящённый) может таким образом *обрести способность видеть и слышать на огромном расстоянии*".

И наконец вот что со всей бесстрашной прямоотой говорит член Королевского общества, спиритуалист и общепризнанный великий естествоиспытатель Альфред Р. Уоллес[14]:

"Один только "дух" и способен чувствовать, ощущать и мыслить, один только он и способен обретать знания, рассуждать и к чему-то стремиться . . . Нередко встречаются люди, у которых организм так устроен, что дух у них способен воспринимать ощущения самостоятельно, независимо от телесных органов чувств. Он способен у них, кажется, даже целиком или частично покидать тело, а спустя какое-то время возвращаться в него обратно. Духу общаться с духом гораздо легче, чем с материей".

И сегодня, когда минули тысячелетия, отделяющие времена гимнософистов[15] от собственной нашей высоко цивилизованной эпохи, мы видим, что, вопреки, а вернее, благодаря этому просветлению, что изливает свои сияющие лучи равно и на психологическое, и на физическое царства природы, более двадцати миллионов людей продолжают исповедовать, пусть и в разных формах, всё ту же веру в духовные силы, в которые верили йоги и пифагорейцы почти 3 тысячи лет тому назад. И так

же, как арийский мистик, обретя способность жить и действовать вне собственного тела — через *атмана*, "Я", то есть через свою душу — заявлял, что отныне знает ответ на все тайны жизни и смерти, а древние греки во время своих Тесмофорий[16] отправлялись, вооружившись символическим зеркалом, на поиски *Атму* — "Тайного", то есть заключённой в человеке божественной души, — так и сегодняшние спиритуалисты верят в возможность духов — то есть душ развоплощённых людей — общаться, зримо и осязаемо, со своими близкими, остающимися на Земле.

Утверждая возможность этого, все они, и арии-йоги, и греки-философы, и современные спиритуалисты, исходят из того, что заключённая в тело душа и её всегда свободный от тела дух — подлинное "я" — не отделены наглухо ни от Мировой Души, ни от прочих духов каким-то пространством, а просто отличаются от них своими качествами, поскольку в безграничной шири мироздания нет границ разнообразию этих качеств. И стоит только убрать это различие — абстрактным ли созерцанием, по правилам греков и ариев, которые тем самым обеспечивали душе временное освобождение от её телесных уз, или при помощи медиумов, как поступают спиритуалисты, — как сразу становится возможным это соединение духов воплощённых с духами развоплощёнными.

Вот почему как йоги школы Патанджали, так и следовавшие по их стопам Плотин, Порфирий и другие неоплатоники одинаково утверждали, что в часы переживаемого ими экстаза они несколько раз в течение своей жизни соединялись, а вернее, достигали полного единения с Богом.

Казалось бы, ну что может быть ошибочнее подобного представления о Мировом Духе? Однако свидетельства, и по сей день исходящие из уст столь многих великих философов, не позволяют отбросить эту идею как чистойшю химеру. Если говорить о философии теодидактов, то единственным спорным моментом, таким тёмным пятном на их крайне мистической философии, является утверждение, будто то, что на самом деле является не чем иным как просветлением, наступающим в минуту экстаза, следует причислять к разряду простых чувственных ощущений. А утверждения йогов о том, будто они способны узреть Ишвару[17] "лицом к лицу", были убедительно опровергнуты строгой логикой последователей Капилы, основателя философии *санкхья*.

Что же касается утверждений, исходящих из уст некоторых их [теодидактов — *перев.*] греческих последователей, длинной вереницы христиан-экстатиков и, наконец, двух последних за минувшее столетие фигур, заявлявших о том, будто они "созерцали Бога", — Якоба Бёме и Сведенборга, — то все заявления их можно и *нужно* было бы поставить под сомнение как с философской точки зрения, так и с позиций логики, будь только некоторые наши крупнейшие деятели науки, спиритуалисты

по убеждениям, больше заинтересованы не в чистом феноменализме спиритуалистического учения, а в самой его философии.

Александрийские теософы подразделялись на неофитов, посвящённых и учителей (иерофантов), а правила свои они дословно заимствовали из древнейших орфических таинств, которые Орфей, по Геродоту, принёс в Грецию из Индии. Аммоний заставлял своих учеников приносить клятву, запрещавшую разглашать проповедуемые им *высшие* доктрины кому бы то ни было, кроме посвящённых и тех, кто уже доказал свою полную надёжность, — тех, кто научился видеть за богами, ангелами и демонами других народов "глубинный смысл", то есть овладел искусством понимания *гипонойи*. [18] Как писал Эпикур:

"Да, боги действительно существуют, но собой они представляют вовсе не то, что понимает под ними невежественная толпа, *hoi polloi*. Атеист не тот, кто отрицает существование богов, которым поклоняется толпа, а тот, кто навешивает на этих богов мнения о них толпы". [19]

Со своей стороны, и Аристотель говорил, что "божественная сущность-эссенция пронизывает собою весь мир природы, а те, кого именуют *богами*, суть лишь её первоначала".

По словам Плотина — ученика "богом наученного" Аммония — тайный *гносис*, то есть знание теософии, имеет три степени: мнение, знание и *озарение*.

"Для первого главным инструментом служит чувство, ощущение; для второго — диалектика; а для третьего — интуиция. В последнем случае рассудок играет подчинённую роль, ибо интуиция есть *абсолютное знание*, покоящееся на полном отождествлении ума с познаваемым предметом".

Теософия — это, можно сказать, точное знание психологии, и по своему уровню она настолько же выше природного, нетренированного медиумизма, насколько знания Тиндаля выше познаний в физике обычного школьника. Она формирует у человека способность к прямому созерцанию — то, что Шеллинг определяет как "отождествление в индивидуе субъекта и объекта", а потому, благодаря *гипонойе* и знанию человек получает способность мыслить в божественном ключе, видеть всё сущее в его истинном свете и в конце концов, по блестящему выражению Эмерсона, "слышит в себе Душу Мира". [20] "Несовершенная, я поклоняюсь тому, что есть во мне от Совершенства," — говорит человеческая душа в его изумительном эссе "Сверхдуша" ("The Over-Soul") [21].

Наряду с этой психологической стороной, состоянием души, теософия

поспособствовала и развитию каждой отрасли науки и каждого вида искусств. Она всегда была прекрасно знакома с тем, что сегодня получило широкую известность как месмеризм.

Практическая же теургия, или "церемониальная магия", к которой частенько прибегает католическая церковь для изгнания духов, теософами всегда отвергалась. Это один только Ямвлих, нарушая пределы, которых придерживались другие эклектики, включил в теософию и доктрину теургии. Дело в том, что, когда человек незнаком с точным смыслом эзотерических божественных символов Природы, то он может и не рассчитать сил своей души, и вместо того, чтобы духовно и умственно сообщаться с высшими небесными сущностями, с добрыми духами (богами теургической школы платоников), он, сам не сознавая того, может призвать к себе силы зла, силы тьмы, которые таятся в близком окружении человечества — все эти не умирающие, зловещие детища человеческих преступлений и пороков — и таким образом, отойдя от собственно *теургии* ("белой магии"), впасть в самую настоящую *гоэтию* [22] ("чёрную магию", колдовство). Хотя упомянутые "белая" и "чёрная" магия — это вовсе не то, что обычно понимает под этим словом людское суеверие. Было бы вершиной суеверия и невежества полагать, будто, пользуясь ключами Соломона, можно и в самом деле "вызывать духов". Одна только чистота дел и мыслей могут по-настоящему позволить нам подняться на такую высь, на которой мы будем уже способны вступать в общение "с богами" и достигать желанных целей.

К учениям школы теософии примыкала также и алхимия, которая многими почиталась одновременно и как духовная философия, и как физическая наука.

Примечательно, что ни Зороастр, ни Будда, ни Орфей, ни Пифагор, ни Конфуций, ни Сократ, ни Аммоний Саккас никогда не излагали своих учений на письме. Причина этого очевидна. Теософия представляет собой такой обоюдоострый меч, который не рассчитан на невежд и себялюбцев.

Как и любая иная древняя философия, она имеет своих приверженцев и в наши дни — правда, до совсем недавнего прошлого последователи её были весьма немногочисленны, принадлежали к различным религиозным течениям и исповедовали самые разные взгляды. Как отмечает Кеннет Р.Х. Маккензи, сам теософ и мистик, в своём большом и весьма ценном труде под названием "Большая масонская энциклопедия" (статьи "Нью-Йоркское теософское общество" и "Теософия", с. 731), [23]

"оставаясь сугубо созерцательной, эта система не учреждала собственных школ, но при этом всегда оказывала своё молчаливое воздействие на философию. Придёт время — в том нет никаких сомнений, — когда многие из их негромко высказываемых идей смогут направить мысль человечества по совершенно новым

направлениям".

Уже с времён философов огня теософы избегали создавать собственные общества, ибо христианское духовенство объявило на них охоту, точно на диких зверей, и ещё всего лишь столетие тому назад прослыть теософом зачастую означало подписать себе смертный приговор. Всего за 150 лет в Европе было, по статистике, сожжено на костре не менее 90 тысяч мужчин и женщин по обвинению в "колдовстве". А в одной только Великобритании всего за двадцать лет — с 1640 по 1660 год по Р.Х. — за общение с "дьяволом" было приговорено к смерти 3 тысячи человек. И лишь в конце нашего века, в 1875 году, несколько мистиков и спиритуалистов, далеко продвинувшихся на этом духовном пути, разочаровались в тех идеях и разъяснениях, которые выдвинули родоначальники спиритуализма, и, увидев, что эти идеи не охватывают целиком всего широкого спектра духовных явлений, образовали в Нью-Йорке, в Америке, объединение, которое теперь и стало известно под названием "Теософское общество".

Как "чела" отыскал своего "гуру"^[24]

[Отрывки из частного письма Дамодару К. Маваланкару, секретарю-регистратору Теософского общества]

... Во время нашей последней встречи в Бомбее я уже рассказывал Вам о том, что приключилось со мной в Тиннивелли.^[25] От трудов на казённой службе и под грузом забот здоровье моё пошатнулось, а поэтому я подал прошение о предоставлении мне отпуска, приложив к нему врачебную справку, и прошение моё было удовлетворено.

В один сентябрьский день прошлого года, когда я, занятый чтением, сидел в своей комнате, мне явственно послышался голос моего благословенного гуру, Махарши М***. Он приказывал мне оставить всё и незамедлительно проследовать в Бомбей, откуда я должен был отправиться на поиски г-жи Блаватской, где бы она ни находилась, и пребывать с ней неотлучно, куда бы она ни направлялась. Не теряя ни минуты, я наскоро завершил все свои дела и поспешил на вокзал. Право, для меня нет звука в природе более божественного, чем этот голос Махарши со всеми его знакомыми мне переливами, а уж чтобы послушаться его — о том не могло быть и речи.

В путь я отправился в монашеском облачении. Прибыв в Бомбей, я узнал, что г-жа Блаватская уже уехала, а через Вас я тогда выяснил, что случилось это ещё несколько дней тому назад и что ей крайне нездоровится. Ещё Вы сказали, что уехала она внезапно и что сопровождает её некий *чела*, а о том, где она может находиться в эту

минуту, Вам ничего не известно. А вот теперь я должен рассказать Вам о том, что случилось со мною уже после того, как мы с Вами распрощались.

Не зная, в каком направлении мне следует двигаться в своих поисках, я купил билет на калькуттский поезд. Однако, прибыв в Аллахабад, я услышал, как всё тот же хорошо знакомый голос велел мне отправляться в Берхампур.[26] В Азимгандже[27] я оказался в одном поезде с группой бенгальцев, и, могу Вам сказать, то был истинный *перст судьбы*. Я не знал тогда, что они тоже были теософы, так как до того дня ни разу не встречался ни с одним из них. Оказалось, что они тоже разыскивают г-жу Блаватскую. Кое-кто из них напал на её след в Динапуре,[28] но там этот след и терялся, а потому они вернулись в Берхампур. По их словам, едва им стало известно о её намерении отправиться в Тибет, как они были готовы броситься в ноги к Махатмам, чтобы вымолить для себя позволение ехать туда вместе с нею. Как они мне рассказали, в конце концов от неё к ним пришла записка, в которой она разрешала им присоединиться к себе, если уж они так сильно того желали, но при этом сообщала о том, что самой ей пока что запрещено отправляться в Тибет. По её словам, она должна была оставаться в окрестностях Дарджилинга, а встречу её с Махатмой условлено было провести на территории штата Сикким,[29] куда въезд им будет закрыт, и они уже не смогут сопровождать её . . .

Брат Нобин К. Баннерджи, председатель Теософского общества "Адхи Бхутик Бхратру", не пожелал мне открыть местонахождение г-жи Блаватской, но, вероятнее всего, он и сам в то время этого не знал. И, тем не менее, он с сотоварищами решил идти до конца, рассчитывая на встречу с Махатмами.

23-го числа я вместе с ним наконец прибыл из Калькутты в Чандернагор,[30] где и обнаружил г-жу Блаватскую, готовую уже через пять минут отправляться на железнодорожный вокзал. Рослый, темноволосый чела, по одежде явно тибетец (но то был не Чандер Кушо), которого я увидел перед собою после того, как переправился вместе с нею на лодке через реку Хугли[31], сообщил мне, что я опоздал, что г-жа Блаватская уже встретилась с Махатмами и теперь он везёт её обратно. На все мольбы взять меня с собою он не обратил ни малейшего внимания, сказав, что у него был один-единственный приказ: переправить г-жу Блаватскую в некое местечко, расположенное в двадцати пяти милях от***, и теперь, полностью этот приказ выполнив, он собирается проводить её в целости и сохранности до вокзала, после чего должен вернуться домой.

Оказалось, однако, что бенгальские братья-теософы также выследили её и полчасом спустя, не упуская её из виду, также прибыли на вокзал. Из Чандернагора они переправились через реку и оказались на том же самом

небольшом вокзальчике, расположенном по другую сторону реки. Когда поезд остановился у перрона, она вошла в вагон, а я вместе с нею. И тут я снова увидел того же *чела*! Но, прежде чем её вещи были погружены в багажный вагон, прежде чем прозвенел сигнальный звонок колокольчика, поезд, против всех существующих правил, тронулся с места, оставив и бенгальцев, и слугу г-жи Блаватской на перроне. Из всей группы теософов и кандидатов на ученичество на поезд поспели только один наш собрат, а с ним ещё жена и дочь другого теософа. Да и сам я едва успел заскочить в последний вагон отходившего поезда. Все её вещи, за исключением шкатулки с теософской корреспонденцией, так и остались на руках у её слуги, стоявшего на перроне.[32] Но даже и те, кому удалось отправиться на поезде вместе с нею, так и не смогли добраться до Дарджилинга.

Пять дней спустя на место прибыли бабу Нобин Банерджи вместе с её слугою. Те же, кто успел сесть на поезд, вынуждены были сойти с него уже через пять-шесть станций, благодаря одному непредвиденному случаю (?), а потому и прибыли в Дарджилинг тоже с опозданием в несколько дней. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы сообразить: Махатмы в очередной раз явно забирали г-жу Блаватскую к себе, и у них были свои веские причины не желать того, чтобы мы следовали за ней в роли наблюдателей. Двое Махатм — я это точно знал — уже находились поблизости от британской территории, и человек, которого я не стану здесь называть по имени, видел одного из них и даже признал в нём высокого тибетского *хутухту*.

В первые дни после прибытия на место г-жа Блаватская жила в доме одного теософа-бенгальца, отказываясь кого бы то ни было видеть и готовясь, как думалось мне, вновь отправиться в какое-то местечко на границе с Тибетом. На все наши докучливые расспросы она просила только об одном: *оставить её в покое и перестать преследовать её*, она не желает нас видеть, у неё нет никакого права беспокоить Махатм по поводу всех тех вопросов, которые касаются одних лишь просителей, и, вообще, пусть мы лучше подумаем о себе. И тут я *решился* на отчаянный поступок. Я сказал себе: *чего бы мне это ни стоило*, [33] я перейду границу, проходившую всего лишь в дюжине миль от меня, и либо отыщу Махатм, либо — умру .

Меня неотступно преследовала мысль о том, что только чокнутый может решиться на столь безрассудный поступок, который я собираюсь совершить. У меня не было ни официального разрешения, ни "пропуска" за подписью сиккимского раджи, но я всё же решился проникнуть в самое сердце того полунезависимого государства, [34] в котором меня в случае чего уже не станут, даже если и смогут, защищать англо-индийские власти, ведь я перейду границу без их разрешения. Но я гнал от себя эти мысли, поскольку мною целиком овладела единственная *идея*: отыскать своего гуру и увидеться с ним.

Не проронив ни слова о своих планах, утром 5 октября я отправился на поиски Махатмы. Всё оружие моё состояло из зонтика и посоха странника да ещё пары рупий в моём кошельке. На мне было жёлтое одеяние монаха, а на голове шапка. Если я уставал в пути, то мой наряд помогал мне за небольшую плату получить в своё распоряжение лошадь и проехать верхом на ней пару миль.

Было уже за полдень, когда я добрался до берегов реки Рунгит, по которой и пролегает граница между британскими владениями и территорией Сиккима. Я попытался было переправиться через неё по висячему камышовому мосту, но он так сильно раскачивался из стороны в сторону, что я, не знавший до того ничего для себя невозможного, здесь отступил. На другой берег я добрался на лодочном пароме, хотя и это оказалось делом нелёгким и небезопасным. Всю вторую половину дня я прошагал по узкой тропе, углубляясь всё дальше и дальше в самое сердце Сиккима. Не знаю точно, сколько миль я так прошагал прежде, чем наступили сумерки, но уверен, что не меньше двадцати-двадцати пяти. Куда ни глянь, со всех сторон меня окружали одни только непроходимые джунгли, и лишь изредка попадались одинокие хижины местных жителей-горцев.

Уже в сумерках я принялся искать подходящее место для ночлега. В тот день мне уже довелось повстречаться со снежным барсом и бенгальской дикой кошкой, и сегодня я могу только удивляться тому, что не испытывал тогда ни малейшего чувства страха или желания бросить всё и повернуть назад. Мне всё время помогали какие-то неведомые силы, и в сердце моём не было ни страха, ни беспокойства. В нём горело лишь одно-единственное неукротимое желание — отыскать своего гуру.

Когда совсем стемнело, я издали заметил одинокую хижину, стоявшую буквально в двух шагах от дороги. К ней-то я и направился, надеясь в ней переночевать. Грубо сколоченная дверь оказалась заперта. Внутри не было ни души. Обследовав домишко со всех сторон, я обнаружил в западной его стене небольшое оконце. Оно было совсем узким, но вполне достаточным, чтобы я мог пролезть сквозь него. Оконце это снабжено было ставнем и деревянным засовом, но, по странному стечению обстоятельств, горец-хозяин позабыл закрепить этот ставень на засов изнутри, когда запирает дверь в хижину. Разумеется, сегодня, когда многое прояснилось и на всё приключившееся со мной я гляжу глазами веры, я ясно вижу присутствие во всём защитной длани моего гуру.

Забравшись внутрь хижины, я обнаружил, что комнатка, в которой я оказался, через маленький коридор соединяется с ещё одной комнатой — обе они и составляли всё пространство этого лесного "дворца". Улёгшись прямо на полу, я, как всегда, каждой мыслью своею обратился к моему гуру и вскоре крепко заснул. Но перед тем как лечь спать, я накрепко запер дверь в соседнюю комнату и закрыл ставень

единственного окна.

Проснулся я, вероятно, между десятью и одиннадцатью часами ночи — может быть, чуть позднее. А проснувшись, услышал звуки шагов, доносившиеся до меня из соседней комнаты. Я мог ясно различить голоса двух или трёх человек, говоривших между собой на неизвестном мне диалекте. Сейчас, когда я вспоминаю об этом, меня невольно бросает в дрожь. Ведь в любую минуту они могли войти в мою комнату и убить меня в надежде разжиться деньгами. А ещё они могли принять меня за вора, но и в этом случае меня ожидала бы та же судьба. Все эти мысли промелькнули у меня в голове за одно краткое мгновение. Но сердце моё тогда не затрепетало от страха, у меня не было и мысли о том, что всё может завершиться трагически. Не знаю, что за сила поддерживала во мне эту крепость духа, но в сердце моём не было ни тени сомнения или страха — я был совершенно спокоен. Так пролежал я, вглядываясь во тьму, добрых часа два. Потом я даже встал и бесшумно прошагал несколько раз по комнате, пытаясь убедиться, что в случае чего мог бы спастись в лесу, бежав туда тем же путём, каким попал в эту хижину. Но, повторяю, не испытывал в душе даже тени страха. Затем я снова крепко уснул, и ни одно сновидение не потревожило меня в ту ночь.

Проснулся я на рассвете. Я быстро обулся и осторожно выбрался из домишка через то же окно. Я ясно слышал, как в соседней комнате громко храпели во сне хозяева хижины. Не теряя времени понапрасну, я отыскал тропу, ведущую в город Сикким, и продолжил свой путь с тем же несгибаемым упорством. Всей душой, всем нутром своим я почувствовал благодарность к благословенному моему гуру за то, что он даровал мне спасение в минувшую ночь. Что могло остановить хозяев хижины, так ни разу и не зашедших во вторую комнату? Отчего на душе у меня было так безмятежно и покойно, точно я находился у себя дома? Отчего я так сладко проспал всю ночь в этой кишевшей диким зверьём глухой лесной чаще да ещё и бок о бок с бандой головорезов, каковыми сльвёт большинство сиккимцев?

Когда совсем рассвело, я отправился дальше, то взбираясь на горы, то спускаясь в долины. Так я и продвигался вперёд, то пешком, то в седле. Приятным путешествие это, право, не назовёшь, но всё это время я был глубоко погружён в свои мысли, а потому и не замечал вокруг себя ничего, что испытывало на крепость моё тело. В последнее время я научился доводить силу сосредоточения ума до высочайшей степени, и зачастую всё окружающее просто переставало для меня существовать в те часы, когда мысли мои целиком сходились на том, что составляло единственный смысл моей жизни. Мои друзья могут Вам это подтвердить. Но такого сосредоточения, как было в тот день, я не припомню ни разу.

Наконец я вышел на дорогу в Сикким, откуда в своём облачении

странствующего монаха я мог легко, по заверению встречных людей, переправиться в Тибет. Думаю, было уже часов восемь или девять утра, когда я вдруг заметил фигуру одинокого всадника, мчавшегося во весь опор по направлению ко мне. Это был рослый человек, знавший, по всему видно, толк в верховой езде. Должно быть, это офицер сиккимского раджи, подумалось мне. Вот я и попался! Сейчас он потребует у меня пропуск, начнёт расспрашивать о цели моего пребывания на независимой территории Сиккима, а ещё, чего доброго, арестует и отправит меня назад, если не придумает чего и похуже.

Он подъехал ко мне и, натянув поводья, сдержал своего скакуна. Я взглянул на него и . . . в ту же минуту узнал его. В благоговейном молчании я смотрел на него, а он стоял всего в двух шагах от меня — тот самый Махатма, мой благословенный гуру. Это именно его я видел в тот день, когда, явившись в своём астральном теле, он стоял на балконе в штаб-квартире Теософского общества. Да, это был он, тот самый "гималайский Брат", который незабвенной ночью в декабре прошлого года, проявив ко мне участие, оставил ответ на моё собственное письмо к нему, которое я всего часом ранее передал г-же Блаватской в запечатанном конверте. Это был он — тот, кого я не забывал ни на минуту за всё минувшее с того дня время.

В тот же миг я рухнул наземь и распростёрся ниц у его ног. Он велел мне подняться. А я вглядывался в его лицо и всё не мог никак наглядеться. Я целиком забылся в этом созерцании столь близкого мне образа, ведь сколько раз до того я любовался его портретом, который показывал мне полковник Олкотт. Я не знал, что и сказать: радость и чувство глубочайшего благоговения словно сковали мне язык. От величественного его облика веяло такой силой, такой мудростью, что невольный трепет охватил всё моё существо. Наконец-то я воочию видел перед собой "Махатму из Химавата", и он оказался никаким не мифом, не "плодом фантазии медиума", как полагают скептики. И это был не сон, ведь встреча наша происходила между девятью и десятью утра. В небе ярко светило солнце, молча наблюдая из своей выси за тем, что происходило на земле. Да, вот он стоит передо мной, такой же живой человек, из той же плоти и крови, и он говорит со мною ласковыми и добрыми словами. Чего большего я мог бы ещё пожелать в этой жизни? От переполнявшего меня избытка счастья я совсем онемел.

Лишь по прошествии некоторого времени ко мне вернулся дар речи, и я оказался в состоянии произнести несколько вразумительных слов, побуждаемый к тому его ласковой речью и дружелюбным обхождением. Он был не так светлолиц, как Махатма Кутхуми, но я не видел ещё человека прекраснее лицом, выше станом и величественнее его обликом. Как и на портрете, лицо его обрамляет коротко остриженная чёрная бородка, а голову его покрывают длинные по грудь чёрные волосы, вот

только одет он был по-другому. На нём была не белая, просторная мантия, а отороченный мехом жёлтый халат, а голову покрывал не тюрбан, а тибетская шапка из жёлтого войлока — такие, я видел, носят в этой стране бутанцы.

Но вот первое чувство восторга, смешанное с удивлением, схлынуло, и, когда я уже мог более трезво оценить своё положение, между нами состоялся долгий разговор. Он велел мне отказаться от мысли идти дальше, иначе меня в этом случае ждёт верная беда. Если же я так сильно хочу поступить в ученичество, то, сказал он мне, я должен набраться терпения и ждать. Кандидатов в ученики оказалось немало, но достойными были признаны лишь считанные единицы. Никому из претендентов не отказали с порога, но все они прошли особые испытания и большинство из них с треском провалилось, например:*** и****. Другие же будут зачислены в ученики и приведены к присяге лишь на следующий год.

Как я заметил, Махатма почти не говорил по-английски — по крайней мере, мне так показалось — и он *обращался ко мне на моём родном тамильском языке*. Он сказал, что если Чохан разрешит г-же Блаватской в следующем году посетить Пари-Джонг, то и я могу отправиться туда вместе с нею. Что же касается тех бенгальцев-теософов, что следовали по пятам за "Упасикой" (г-жой Блаватской), то они вскоре и сами поймут, как права она была, когда пробовала отговорить их от следования за нею. Я спросил у благословенного Махатмы, могу ли я и другим рассказать о том, что увидел и услышал сам. Он не только позволил мне это, но ещё и посоветовал написать Вам письмо и рассказать обо всех моих приключениях.

Я хочу, чтобы Вы правильно поняли суть происшедшего и обратили особое внимание на то, что всё это было не "видение", и перед собой я видел не просто астральное тело Махатмы, какое мы наблюдали в Бомбее, а напротив меня стоял *живой человек, пребывающий в собственном физическом теле*.

Когда я склонился перед ним в прощальном поклоне ("намаскар"), ему было угодно объяснить мне, что к границе с британской территорией он приехал специально для того, чтобы встретиться с Упасикой. И, прежде чем мы окончательно простились, к нему подъехало ещё двое всадников — вероятно, то были его помощники или чела, поскольку одеты они были как *ламы-гелунги* [35], и длинные волосы у них так же спускались вниз по всей спине.

Когда Махатма тронулся с места, они на своих лошадях неспешно потрусили вслед за ним. Ещё более часа я там простоял, будучи не в силах оторвать глаз от того места, где только что стоял он, и лишь потом я медленно пошёл в обратный путь. Только сейчас я впервые обратил

внимание на то, что высокие мои сапоги натёрли мне ноги в нескольких местах, что я ничего не ел со вчерашнего дня и что у меня не осталось никаких сил шагать дальше. Ныло всё моё тело.

Невдалеке от себя я заметил группу торговцев, которые шли по дороге вместе с местными малорослыми лошадьми, груженными товаром. Я попросил их за плату одолжить мне одну из своих лошадок, и, когда верхом на ней я добрался до реки Рунгит и переправился на другую сторону, было уже за полдень. Купание в её прохладных водах придало мне свежих сил. На единственном в этих местах базаре я купил немного фруктов и наелся ими всласть. Уже на другой лошади я немедленно продолжил свой путь и лишь поздним вечером добрался до Дарджилинга. Я тогда уже не мог ни есть, ни сидеть, ни стоять. Болела каждая косточка в моём теле.

Отсутствие моё, очевидно, встревожило г-жу Блаватскую. Она отругала меня за эту опрометчивую, безумную затею отправиться в Тибет таким манером. Войдя в дом, я обнаружил, что там находились также заместитель начальника управления по сбору налогов Дирах, Баху Парбати Чарн Рой, и его помощник, бабу Канти Бхушан Сен — оба они состояли членами нашего Общества.

В ответ на их мольбы и по требованию г-жи Блаватской я рассказал им обо всём, что приключилось со мной, опустив, разумеется, лишь подробности нашего личного разговора с Махатмой. Сказать, что все они были поражены услышанным, значит не сказать ничего. В этом году, однако, она не собирается ехать в Тибет, и её, я уверен, это не очень-то печалит, ведь она всё-таки повидалась с нашими Учителями и добилась своего. Но мы-то, мы, несчастные люди! Ведь мы теряем тем самым нашу единственную надежду отправиться на Тибет и преклониться перед "Гималайскими Братьями", которые, увы, я это *знаю*, если и появятся на британской территории вновь, то случится это ещё совсем-совсем нескоро.

И вот теперь, после того как я повидался с пребывающим во плоти Махатмой и услышал живой его голос, никто уже не посмеет убеждать меня в том, что Братъев якобы *не существует*. И что бы отныне ни случилось со мной, мне не страшно уже ничего, ни смерть моя, ни месть врагов, ибо то, что теперь ведомо мне, у меня никому не отнять!

С. Рамасвами, член Т.О.

Мудрецы Химавата[36]

Дамодар К. Маваланкар

. . . Во время нашей с полковником Олкоттом поездки имело место немало феноменов, причём феномены эти могли происходить как в его присутствии, так и в его отсутствие. Были они самого разного свойства: например, члены нашего Общества задавали интересовавшие их вопросы и тут же получали на них ответы, написанные почерком моего Учителя и за его собственноручной подписью.

Всё это происходило ещё до того, как мы прибыли в Лахор, где намеревались встретиться с моим Учителем — там он должен был явиться к нам в своём физическом теле. *Там-то он и явился ко мне в своём физическом теле. Происходило это в течение трёх ночей подряд, и каждое его посещение длилось около трёх часов. Я же во время его посещений оставался в полном сознании*, а однажды, чтобы встретиться с ним, мне даже пришлось выйти наружу из здания, в котором находился тогда.

У спиритуалистов мне ещё не доводилось встречать сообщений о таких случаях, когда медиум мог бы точно так же, по предварительной договорённости, принимать у себя гостя-духа, сохраняя при этом самое ясное сознание; мог бы, встретившись с ним во дворе, затем снова зайти вместе с ним в дом, предложить ему сесть в кресло, а затем повести с "развоплощённым духом" долгую беседу, словно перед ним находится точно такая же заключённая в физическое тело сущность, как и сам "медиум".

Более того, перед моими глазами в Лахоре оказался тот же самый человек, которого я уже видел до того в штаб-квартире Теософского общества, куда он являлся в своей астральной форме, и опять-таки это был тот же самый человек, которого я в своих видениях и состояниях транса ранее уже видел в его собственном доме, находившемся от меня за тысячи миль и куда я попадал, пребывая в своём астральном эго, при его прямой помощи и покровительстве. В то время психические способности ещё только-только начинали формироваться во мне, а потому я всегда наблюдал его в виде какого-то очень туманного образа, хотя при этом я с совершеннейшей ясностью различал черты его лица: их я воспринимал глазами своей души, и они накрепко врезались в мою память. Однако теперь, когда я находился в Лахоре, Джамму[37] или где-либо ещё, впечатления у меня были уже совершенно иными. Раньше, когда я произносил: "*Пранам!*",[38] приветствуя его, руки мои, бывало, легко проходили сквозь его [астральную — *перев.*] форму. Теперь же они натыкались на его плотную одежду и твёрдую плоть. Здесь [в Лахоре — *перев.*] перед моими глазами стоял *живой человек*, я видел перед собой тот оригинал, с которого и были написаны те портреты, что ныне хранятся у г-жи Блаватской и г-на Синнетта, но этот оригинал всем своим величественным обликом и обхождением не шёл ни в какое сравнение с его портретными изображениями.

Не стану здесь останавливаться на том, как он в своём телесном облике являлся поочерёдно то к полковнику Олкотту, то к г-ну Брауну на протяжении двух ночей в Лахоре. Они при желании могут об этом рассказать гораздо лучше меня. Однако в Джамму, куда мы проследовали из Лахора, г-н Браун снова видел его вечером на третий день после прибытия туда. Тогда же он получил от него и письмо — оно было написано его знакомым почерком. Я не говорю уже о том, что почти каждый день он являлся и ко мне. Но, пожалуй, во всём Джамму не сыщется человек, который не слыхал бы о том, что произошло уже на следующее же утро.

А дело было так. Мне выпало великое счастье быть направленным в некий священный *ашрам*,^[39] где я в течение нескольких дней пребывал в общении с некоторыми махатмами из Химавата^[40] и их учениками. Там встретился я не только с благословенным моим Гурудэвой,^[41] который был одновременно и учителем п-ка Олкотта, но и с некоторыми другими членами братства, в том числе и с одним из числа наивысших. Мне очень жаль, но чрезвычайно личный характер моей поездки в те трижды благословенные области не позволяет мне рассказать обо всём более подробно. Скажу лишь, что место, которое мне позволили посетить, находится в Гималаях, а не в какой-то вымышленной "стране вечного лета",^[42] и встретился я со своим Учителем, оставаясь в собственном своём *стхула-шарире* (физическом теле). Я заметил, что видом своим он точь-в-точь походил на ту форму, которую я наблюдал в прежние дни моего ученичества. Мой возлюбленный гуру предстал передо мной в своём физическом облике не просто как обычный *живой* человек, но ещё и как *молодой* человек, и этим он отличался от некоторых других *садху*^[43] из общества этих благословенных братьев. Только был он гораздо добросердечнее их, и в наших беседах порой не прочь был отпустить и весёлую шутку.

Так, на второй день после моего прибытия в ашрам я удостоился беседы с моим Учителем, которая продлилась более часа. С улыбкой на губах он спросил меня, отчего я так пристально смотрю на него? На этот вопрос я ответил своим вопросом:

— А отчего, Учитель, некоторые члены нашего Общества взяли себе в голову, будто вы "старик"? По их словам, они даже ясновидчески наблюдали вас, и вы казались им стариком, которому перевалило уже далеко за шестьдесят.

На вопрос мой он с широкой улыбкой ответил, что это обычное заблуждение, и виной тому некий брахмачарин,^[44] ученик одного ведантиста-свами из Пенджаба.^[45] Этот брахмачарин, как следовало из слов моего Учителя, повстречался в прошлом году на Тибете с главой некой школы, а тот был уже пожилым ламой. Его-то брахмачарин и

принял за моего Учителя, странствовавшего в то время по Тибету вместе с этим ламой. Что же касается ясновидческих наблюдений, в которых он представлял "стариком", то, сказал он, ясновидение никогда не привело бы их к этой ошибке, будь оно *подлинным*. А затем он мягко пожурил меня за то, что я придаю столь большое значение возрасту гуру: внешность нередко бывает обманчива, сказал он, переходя к другим своим объяснениям.

Таковы реальные факты, и здесь лишь одно из двух: либо слова мои — правда, либо — ложь. Третьего не дано. В первом случае это означает, что спиритуалистические теории неверны, и необходимо признать, что гималайские Братья — это живые люди, а вовсе не какие-то развоплощённые духи или иные плоды разгорячённой фантазии фанатиков. Разумеется, я прекрасно понимаю, что многие воспримут рассказ мой с недоверием. Однако пишу я ради пользы лишь тех немногих, кто знает меня достаточно хорошо, чтобы ни усматривать в моей персоне галлюцинирующего медиума, ни приписывать мне каких-либо дурных намерений. Я обращаюсь к тем, кто всегда оставался верен и своим убеждениям, и тому делу, которому они столь благородно посвятили всю свою жизнь. Что же до большинства, которое смеётся и глумится над тем, что им не дано и что они сами не желают понять, то мне до них нет никакого дела. Если эти несколько строк подвигнут хотя бы одного нашего собрата по Обществу или любого трезво мыслящего человека вне его на то, чтобы дальше содействовать продвижению дела Истины и Человечества, то я буду считать свой долг полностью выполненным.

Гималайские Братья — существуют ли они?[46]

Мохини М. Чаттерджи

"Просите, и дано будет вам; стучите, и отворят вам"[47] — слова эти точно отражают положение искреннего искателя истины, пытающегося дать себе ответ на вопрос: а существуют ли Махатмы на самом деле?

Я не знаю ни одного человека, который, взявшись со всем пылом своего сердца за поиск ответа на этот вопрос, не был бы вознаграждён за свои труды точным знанием и твёрдой уверенностью. Тем не менее, существует масса людей, готовых вечно брюзжать и придираться к мелочам, лишь бы только не брать на себя труд поиска доказательств, чтобы прояснить этот вопрос хотя бы для самих себя. Как европейцы, так и часть наших соотечественников — чересчур европеизированных и, по большей части, университетских выпускников — относятся к словам о существовании Махатм с недоверием и сомнением, и это самое мягкое, что мы могли бы

сказать об их позиции в этом вопросе.

Европейцев в этом смысле несложно понять: их интеллектуальный горизонт настолько чужд всему этому, они так глубоко убеждены в собственной самодостаточности, что пытаться пробиться сквозь их броню с подобными идеями — дело почти что безнадежное. Намного труднее понять здесь позицию индийцев — людей, которые родились и выросли в атмосфере, глубоко пропитанной духом преданий и легенд, повествующих как раз о такого рода вещах, но, однако, и они заражены всё тем же скептицизмом. Гораздо естественнее было бы для них, как раз наоборот, горячо приветствовать те доказательства, которые я собираюсь изложить здесь публично, и испытывать при этом такую же радость, какую переживает астроном, когда в поле его зрения вдруг оказывается новая звезда, о существовании которой он лишь долгое время терялся в догадках.

Всего два года тому назад я и сам был точно таким же маловером. Во-первых, мне не только ни разу не доводилось лично наблюдать какие бы то ни было оккультные феномены, но я не находил и ни одного их очевидца в том узком круге своих соотечественников, к которому только и был приучен относиться с должным почтением, — то есть в среде представителей "просвещённых классов". И лишь в октябре 1882 года я наконец нашёл время, чтобы удостоить своим вниманием эти вопросы. И что же? В конечном счёте у меня не осталось ни малейших сомнений в том, что Махатмы действительно существуют, и это так же верно, как и то, что существую я сам. Теперь я просто *знаю* это. Что же касается тех подтверждений их существования, которые я тогда получал, то им ещё долгое время не доставало полной объективности. С одной стороны, многое из того, что представляется мне совершенно убедительным, может показаться вовсе не таким уж убедительным и читателю, а с другой, я не имею права приводить здесь те неопровержимые свидетельства, которыми обладаю *сейчас*. Поэтому мне придётся с максимальной пользой обойтись тем малым, о чём мне позволено сообщить читателю. Данные, которые я привожу в настоящей статье, думается, будут в состоянии убедить любого человека, способного в должной мере оценить их доказательную силу.

Предлагаемые сегодня вниманию широкой публики свидетельства были собраны мною в течение октября-ноября 1882 года. Тогда же я представил их и некоторым руководящим членам Теософского общества, в том числе и г-ну Синнетту. Однако в то время готовился вот-вот выйти в свет рассказ нашего брата Рамасвамира о состоявшейся у него в Сиккиме собственной беседе с его гуру, а потому они и сочли публикацию настоящей статьи совершенно излишней. После этого в некоторых кругах последовала попытка притушить то впечатление, которое на читателей произвели свидетельства г-на Рамасвамира: его рассказ был ни с того ни с сего назван "галлюцинациями полузамёрзшего бродяги-чиновника", и

тогда мне подумалось, что положение можно во многом исправить, если опубликовать показания ещё одного, совершенно самостоятельного источника, которые, возможно, имели бы даже ещё бóльшую ценность, но при этом носили бы несколько иной характер.

С этими словами, объясняющими запоздалую публикацию настоящей статьи, я и передаю её теперь на суд наших друзей-скептиков. Пусть они спокойно всё обдумают и затем вынесут свой вердикт по поводу свидетельств тибетского торговца из Дарджилинга, а свидетельства эти, к тому же, подтверждаются ещё и показаниями молодого брахмачарина из Дехрадуна. При засвидетельствовании показаний и того, и другого присутствовали только люди, пользующиеся безупречной репутацией, а кое-кто даже входит в число самых первых лиц индийского общества. Некоторые из них не только не являются членами теософского движения, но и крайне недружелюбно к нему настроены. Да и сам я, повторяю, в те дни относился к подобным вещам с немалым скептицизмом. И только когда я начал собирать приведённые ниже свидетельства, когда ко мне в руки стали стекаться то одно, то другое доказательство реального существования моего обожаемого учителя, Махатмы Кутхуми, который — совершенно независимо от г-жи Блаватской, п-ка Олкотта, не говоря уже о тех, кто сам говорит о себе как о "чела" — самыми разными путями подавал мне очевиднейшие знаки своего присутствия, я окончательно распрощался с этой блажью — сомнениями по поводу его существования. Теперь я уже не просто верю — я знаю. А обладая этим знанием, я хочу, чтобы и все другие обрели такое же знание.

Приехав в Дарджилинг, [48] я поселился в доме, в котором уже проживало несколько теософов. Всё это были пылкие искатели более возвышенной жизни, и, как и я сам в то время, они по большей части высказывали сомнения в существовании гималайских Махатм. Впрочем, в Дарджилинге мне довелось встретиться и с людьми, называвшими себя учениками гималайских Братьев. По их словам, они не только виделись с Братями, но даже жили у них многие годы. Наша недоверчивость у них вызывала смех. Один из них как-то раз и показал мне изумительно выполненный портрет человека, который, по его словам, отличался невероятной святостью. Это, сказал он, Махатма Кутхуми (ныне мой обожаемый учитель). Именно ему впоследствии и посвятил г-н Синнетт свою книгу "Оккультный мир".

Через несколько дней после моего прибытия в Дарджилинг ко мне по случаю зашёл тибетец по имени Сандук. Он зашёл, чтобы продать мне кое-что из своего товара. Его знает весь Дарджилинг, включая окрестности, поскольку уже многие годы он занимается здесь торговлей разной мелочью тибетского изготовления. Каждый год он возвращается из Тибета в Индию, как того требует его торговое ремесло. Несколько раз он заходил к нам, пока мы жили в Дарджилинге, и своей простотой, чувством

собственного достоинства и приятным обхождением произвёл на нас впечатление человека, уже самой природой наделённого благородством. Вы не нашли бы в нём ни одной черты, даже отдалённо напоминающей нравы нецивилизованных дикарей, каковыми тибетцы выглядят в глазах европейцев. Скорее вы могли бы принять его за искушённого царедворца, хотя ни один царедворец по благородству души не годился бы ему и в подмётки.

В один из его приходов я как раз оказался дома. Он явился ко мне в сопровождении юноши-гуркха[49] по имени Сундар Лалл. Этот молодой человек служил в редакции газеты "Дарджилинг Ньюс" и выступил у нас в роли переводчика. Вскоре, однако, мы обнаружили, что тот своеобразный диалект хинди, на котором изъяснялся тибетец Сандук, вполне понятен некоторым из нас и без переводчика, а потому в дальнейшем мы уже обходились без услуг молодого гуркха.

В первый раз мы задали нашему гостю несколько самых общих вопросов о Тибете и о секте гелугпа,[50] к которой, по его словам, он принадлежал, и ответы его вполне совпадали с теми описаниями Тибета, которые мы знаем по книгам Богля,[51] Тёрнера[52] и других путешественников. На второй же день мы спросили у него, доводилось ли ему слышать о каких-нибудь людях в Тибете, которые, помимо высоких лам, также обладали бы сверхобычными способностями. Такие люди действительно есть, сказал он, но это не обычные ламы, они гораздо более могущественны и живут в основном в горах за Шигадзе, а также близ города Лхасса. Эти люди, сказал он, умеют производить самые удивительные феномены, они просто творят "чудеса", а кое-кто из их учеников, *чела* или *лоту*,[53] как они называются в Тибете, могут даже исцелять больных, дав им поесть рису, который собственноручно вышелушивают.

И тут одному из нас пришла в голову блестящая мысль. Не говоря ни слова, он вынул тот уже упомянутый мною портрет Махатмы Кутхуми и показал его тибетцу. Несколько секунд тот молча вглядывался в него, а затем, точно внезапно узнав его, склонился перед ним в почтительнейшем поклоне, сказав, что на портрете изображён некий *чохан* (махатма), с которым ему уже доводилось ранее встречаться. Тут же он принялся торопливо описывать нам одежду Махатмы и его обнажённые плечи, а затем, решив подкрепить свои слова делом, он снял с себя верхнее платье, обнажил руки до плеч и одеждой своей стал точь-в-точь походить на человека, изображённого на портрете.

Когда он повстречался с этим Махатмой, того, по словам тибетца, сопровождала большая группа аскетов-гелунгов. Случилось это примерно в такое же время, только годом ранее (в начале октября 1881 г.), в местечке Гьянси (Giansi), что в двух днях пути к юго-западу от Шигадзе,

куда ходил наш рассказчик для закупки товаров. Как же звали того Махатму, спросили мы, и к безграничному нашему удивлению, он сказал: "Зовут *их* Кутхум-па". Перебивая друг друга, мы забросали его вопросами о том, что он имеет в виду под словом "они"? Говорит ли он об одном человеке или сразу о нескольких?

Кутхум-па — это не один человек, ответил нам он, их много. Но это имя носит лишь один человек, который стоит над ними. Ученики же, как принято, носят имя своего *гуру*. Из этого следовало, что Кут-хум — это имя учителя, а его ученики называют себя "Кут-хум-па". Разобраться во всём нам помог тибетский словарь, из которого мы узнали, что слово "па" значит "человек". Например, выражение "Бод-па" переводится как "человек из Бода, то есть из Тибета". По аналогии с этим "Кутхум-па" означает "человек или ученик Кутхума или Кутхуми".

И вот однажды, рассказывает наш тибетский торговец, этот Махатма во время своих странствий остановился на привал в упомянутом местечке, устроившись прямо в чистом поле. К нему-то и отправился самый известный во всей округе богач. Он попросил Махатму даровать ему своё благословение, посетив его жилище. Однако Махатма сказал, что ему неплохо и там, где он остановился, поскольку долг его состоит в том, чтобы благословлять весь мир, а не отдельных людей. Собрался народ. Люди, в числе которых был и Сандук, хотели вручить Махатме свои подношения, но тот велел всё это раздать беднякам. А с Сандука Махатма взял обещание вести торговлю честно, никого не обижая. Это, предупредил его Махатма, единственный верный путь к благополучию.

А вот в Индии, сказали мы нашему торговцу, люди не хотят верить в то, что тибетские Братья действительно существуют. Услышав это, он вызвался взять с собою в Тибет любого из нас в качестве свидетеля, чтобы через него убедить нас в том, что упомянутые им Братья — не выдумка. Если таких людей, как Братья, не существует в Тибете, заметил он, то хотелось бы знать, в каких местах ещё они могли бы существовать? Мы объяснили ему, что многие не верят в то, что такие люди вообще могут существовать на земле. При этих словах он не на шутку рассердился. Закатав рукава своей рубашки по плечи и обнажив свои крепкие мускулы, он объявил, что готов драться с каждым, кто посмеет заподозрить его во лжи.

А затем мы показали ему удивительные чётки, принадлежащие госпоже Блаватской. Взглянув на них, наш торговец сказал, что вещь эта может быть только подарком от самого Таши-ламы, поскольку такие чётки невозможно достать нигде ни за какие деньги на свете. Тогда находившийся среди нас *чела* набросил на себя безрукавку и попросил его по одежде догадаться, кто он таков. Ты — *гелунг*, ответил тибетец и тут же, без малейшей тени смущения, отвесил ему низкий поклон, точно

всё это было совершенно в порядке вещей. Свидетелями этой истории были заместитель берхампурского судьи Бабу Нобин Кришна Баннерджи, мадурский чиновник (штат Мадрас) М.Р.Р. Рамасвами Авергал, упомянутый выше юноша-гуркха, члены семьи Бабу Нобина Кришны Баннерджи и автор этих строк.

А вот ещё одно убедительное свидетельство. На сей раз оно дошло до меня по воле чистого случая. Историю эту я узнал от одного бенгальца-брахмачарина. В то время он только что вернулся из Тибета и остановился в Дехрадуне, что в северо-западной провинции Индии, в доме деда моей жены, у достопочтимого Бабу Девендры Натха Тагора, члена общества "Брахмо Самадж". Рассказ этот я услышал совершенно неожиданно для самого себя, и поведен он был в присутствии нескольких достойных всяческого уважения свидетелей. Вот что он сообщил нам тогда.

Случилось это 15 числа бенгальского месяца *асар* в прошлом (1882) году, то есть на двенадцатый день растущей луны. Именно тогда он и повстречался с группой тибетцев, которые именовали себя "Кутхумпа", и с их *гуру*. Встреча эта произошла в поле близ Таклакхара — в местечке, расположенном в одном дне пути от озера Манасаравара. Поверх нижнего платья красного цвета на *гуру* и большинстве его учеников, называвшихся *гелунгами*, были надеты безрукавки. Гуру выделялся среди всех чрезвычайно светлым цветом своего лица. Волосы на голове его были не расчёсаны на пробор, а закинута назад, и они, струясь, ниспадали на самые его плечи. Когда брахмачарин впервые увидел Махатму, тот читал какую-то книгу. Как объяснил брахмачарину один из *гелунгов*, то была "Ригведа".

Гуру поздоровался с ним и спросил, откуда он идёт. Узнав, что тот остался без еды, *гуру* велел принести ему толчёного горошка (*самто*) и чаю. А увидев, что тому нечем разжечь огонь, чтобы приготовить себе пищу, *гуру* попросил принести ему коровий кизяк, которым обычно растапливают огонь как в их стране, так и у нас. Он взял один кизяк, слегка дунул на него, и тот загорелся. Затем горящий кизяк он передал нашему брахмачарину. Этот брахмачарин горячо уверял нас, что много раз собственными глазами видел, как тот же самый феномен производил и другой *гуру*, или *чохан*, как эти люди зовутся в Тибете. Жил тот *гуру* в Гаури — местечке, находящемся в одном дне пути от северного склона горы Кайлас. Как-то раз к тому *гуру* явился пастух, который страдал от мучительного ревматизма. Из собственных рук *гуру* дал ему несколько рисовых зёрнышек, очищенных от шелухи, и больной тут же выздоровел.

Перед самым прощанием с "Кутхумпа" и их *гуру* наш брахмачарин узнал, что идут они на праздник, который будет проводиться на берегу озера Манасаравара, а оттуда собираются проследовать к горам Кайласа.

Свой рассказ этот брахмачарин повторял затем много раз в присутствии, например, Бабу Двиджендера Натха Тагора из Джорасанко[54] в Калькутте; Бабу Калли Мохана Гхоша из проекта геодезического исследования Индии[55] (г. Дехрадун); Бабу Калли Кумара Чаттерджи, происходящего родом из тех же мест; Бабу Гопи Мохана Гхоша из Дакки; Бабу Прийя Натха Шастри, секретаря Бабу Девендера Натха Тагора, и автора этих строк.

Всё вышеизложенное как будто не требует особых комментариев, и, на взгляд любого беспристрастного и умного судьи, факты как будто сами говорят за себя. Но, право, человеческое нежелание узнавать что-то для себя новое, как и страсть к злонамеренному искажению правды со стороны злопыхателей не знают пределов. Да, приведённые здесь свидетельства не представляют из себя чего-то из ряда вон выходящего. Встреча с обоими свидетелями произошла по воле случая. И даже если допустить, чего я лично не допускаю ни на минуту, будто с торговцем из Тибета, Сандуком, беседовало лицо явно заинтересованное, и только в угоду ему тот рассказал небылицу, то что мы должны думать о мотивах брахмачарина? Ведь он принадлежит к религиозной школе, известной своей правдивостью. Кроме того, даже не догадываясь о том, насколько глубоко автор этих строк интересовался подобными вещами, как мог бы он сочинить свой рассказ да ещё и так ловко, что в своих подробностях поведенное им совпадает со словами тибетца, сказанными в противоположном конце страны?

Разумеется, малообразованные люди склонны обманываться в целом ряде вопросов. Но здесь-то речь идёт о конкретных, разрозненных фактах, о вещах, которые ничем не выделялись из обычного ряда того, что рассказчикам приходилось много раз видеть собственными глазами и слышать собственными ушами. Всё это не имеет ни малейшего отношения к их личным мнениям или суждениям. Если мы видим, что рассказ торговца удивительным образом совпадает с рассказом дехрадунского брахмачарина, то, право, у нас уже не остаётся места для каких-либо сомнений в отношении правдивости рассказов как того, так и другого.

Особо здесь следует указать на то, что сообщение брахмачарина не явилось результатом серии каких-то наводящих вопросов. Нет, он сам, по собственной доброй воле, поведал нам о тогдашних своих странствиях, и при этом он почти не умел говорить по-английски, да и, насколько я знаю, он и слова-то такого, "теософия", никогда не слышал. Таким образом, если мы откажемся признавать эти два совпадающих друг с другом и совершенно независимых друг от друга свидетельства, представленные тибетцем-торговцем в Дарджилинге и брахмачарином в Дехрадуне, на том основании, что, дескать, они подтверждают такие факты, которые выбиваются из разряда знакомых нам по опыту вещей, то с нашей стороны это будет просто чистейшим безрассудством — вот и всё, что я

могу сказать по этому поводу.

С другой стороны, у нас есть самые неопровержимые основания утверждать, что Махатма Кутхуми — это такой же живой человек, как и любой из нас. Об этом говорят свидетельства ряда его собственных *чела*, как и показания двух видевших его независимо друг от друга людей. Теперь остаётся лишь надеяться на то, что приведённые здесь доказательства навсегда рассеют всякие сомнения у людей, хотя и верящих в реальность оккультных феноменов, но приписывающих их посредничеству со стороны неких "духов".

И ещё на одно обстоятельство хотелось бы обратить здесь особое внимание. Мне могут заметить, что в то время, когда в Дарджилинге находился тот тибетский торговец, там же и в то же время находилась и г-жа Блаватская. А вдруг она заплатила торговцу деньги (!!!) за это его свидетельство? Но как нам тогда быть с показаниями дехрадунского брахмачарина? Ведь он не был знаком ни с тибетским торговцем, ни с г-жой Блаватской, никогда и слыхом не слыхивал о п-ке Олкотте, поскольку только что вернулся из своих длительных странствий, и даже не догадывался о том, что я состою в Теософском обществе! Он рассказал о случившемся с ним по своей доброй воле.

Что же касается тех людей, которые не оспаривают существования Махатм, но говорят о недоказанности их связей с Теософским обществом, то мы хотим заметить для них, что не существует никаких оснований полагать, будто эти великие души *à priori* не могут заинтересоваться обществом, столь благосклонно настроенным по отношению к людям, как наше. А значит, отвергать с порога любые утверждения об этом означало бы наносить ничем не прикрытое оскорбление всем тем мужчинам и женщинам, что самозабвенно трудятся на этой ниве.

Я здесь намеренно обхожу стороной все те доказательства, что уже стали достоянием широкой публики. Каждый отдельный набор доказательств вполне убедителен и сам по себе, а все вместе они набирают такую силу, противиться которой уже не в силах никто.

От переводчика

Настоящая статья завершается в журнале следующим редакционным примечанием:

"От редакции. — Свидетельства из вторых рук отныне стали излишни. 20 ноября в 10 часов утра мы получили из Лахора две телеграммы. В одной из них п-к Олкотт уведомляет нас о том, что прошлой ночью его посетил Махатма "К.Х.", который пребывал в своём физическом теле. В другой телеграмме, полученной от г-на У.Т. Брауна, члена Лондонской ложи Т.О., говорится следующее: "Сегодня ранним утром меня посетил Махатма

К.Х., который оставил мне на память шёлковый носовой платок" и т.д. Сегодня, 22 ноября, мы телеграфировали обоим этим господам, испрашивая у них разрешения объявить об этом долгожданном событии в журнале "Теософист". В ответ они сообщили нам, что о "визите Махатмы можно рассказать". Более того, прошлой ночью Учитель нанёс Председателю Общества [п-ку Олкотту — *перев.*], г-ну Брауну и г-ну Дамодару ещё и повторный визит, побывав возле их палаток. Он находился в своём физическом теле, и его сопровождал Джуал Кхул.

Теперь, если только наши друзья-спиритуалисты не пожелают включить ещё и третьего человека, г-на У.Т. Брауна, в число "западных юмористов", можно считать, что факт реального существования этого Махатмы вполне установлен. Один свидетель может ошибочно истолковать факты, и сомнению могут быть подвергнуты даже сообщения двух свидетелей. Но когда речь идёт о показаниях уже трёх свидетелей, подтверждающих один и тот же факт, имевший место на их глазах, то сомнения в этом случае будут уже признаны нелепыми любой судебной инстанцией.

Подробностей происшедшего мы ещё не успели получить, но, как нам сообщают, Махатма К.Х. сейчас направляется в Сиам и, вернее всего, будет в Мадрасе примерно через неделю. А значит, у нас есть все основания полагать, что наш Председатель и г-н Браун виделись с Учителем, когда тот пребывал именно в живом, реальном теле, а не в своей астральной форме, как прежде. — Ред. ТЕОС. "

Беседа с Махатмой[56]

Раджани Кант Брахмачарья

Когда, выбрав путь *брахмачарьяшрама* (нищенствующего аскета), [57] я в поисках Высшей Жизни вернулся домой, в Гималаи, мне ещё ничего не было известно о существовании в Индии такой философской школы, как теософия, исповедующая веру в существование "сверхлюдей" — Махатм. Об этом и иных обстоятельствах, связанных с моими странствиями, уже верно рассказано в опубликованной статье, поэтому мне нет нужды ни повторять, ни опровергать здесь всё сказанное ранее. Сейчас я хотел бы более подробно рассказать о своей беседе с Махатмами.

И до, и после моей встречи с тем Махатмой, которого называют "Кутхум-па", мне посчастливилось лично повидаться и с несколькими другими знаменитыми Махатмами, и, если позволит время, я, надеюсь, ещё подробно расскажу о них в каком-нибудь другом своём письме. Здесь же мне хотелось бы сказать несколько слов лишь об одном из них — о Кутхум-па.

Я уже возвращался с озера Мансаровар и Кайласа в Алмору,[58] когда в один прекрасный день обнаружил, что у меня закончились все мои припасы еды. Я понимал, что без пищи мне никогда не добраться до цели моего пути, и не представлял, как можно выпутаться из того безысходного положения, в котором оказался. Местность в той части страны была совершенно безлюдна, и помощи мне было ждать не от кого. Оставалось лишь одно: помолиться Богу и, набравшись терпения, брести дальше. Но вот я заметил палатку, разбитую у самого края дороги, что вела от озера Мансаровар в Таклакхал. А перед палаткой сидело несколько *садху* (святых людей), которых здесь называют *чоханами*, — всего их было человек семнадцать. Всё, что рассказывает Бабу М.М. Чаттерджи об их одежде и прочем, описано верно.

Когда я подошёл к ним, они приветствовали меня словами "Рам, Рам". Ответив на их приветствие, я сел подле них, а они повели со мной разговор на разные темы. Сначала они спросили меня, откуда и куда я направляюсь. Внутри палатки сидел их вождь и читал какую-то книгу. Я поинтересовался, как зовут их вождя и что за книгу он читает. На это один из чела посерьёзневшим тоном ответил, что зовут его Кутхум-па, а книга, которую он читает, называется "Ригведа". Когда-то бенгальские пандиты мне уже говорили, что тибетские ламы хорошо знакомы с "Ригведой". Так оно и оказалось.

Прошло некоторое время. Вождь закончил читать и через одного из *чела* пригласил меня войти внутрь. Принял он меня очень ласково и обходительно. После тех же приветственных слов "Рам, Рам" он мягко заговорил со мной на чистейшем хинди.

— Если хочешь, поживи какое-то время у нас, — сказал он. — Ты увидишь праздник на озере Мансаровар, который скоро начнётся. Здесь у тебя будет сколько угодно свободного времени и уединённых мест для медитации. Я во всём помогу тебе, чем смогу.

На эти его слова я ответил, что верю каждому его слову и охотно остался бы с ними, но у меня были причины, по которым я этого сделать не мог. Он мгновенно понял, что я имею в виду, и дав напоследок несколько личных советов, касавшихся моего будущего продвижения по духовному пути, попрощался со мною.

Но перед тем, как отпустить меня, он, зная, что у меня закончились припасы еды, решил обеспечить меня снедью впрок. Он велел одному из чела сходить за едой, которую тот немедля и принёс для меня. А чтобы я мог разогреть воду для омовения, он развёл костёр, для чего взял коровий кизяк, дунул на него, и тот сразу загорелся. Так поступают все гималайские ламы. Всё это также подробно описано у М.М. Чаттерджи, а поэтому повторять здесь не буду.

Всё то время, что я оставался у этого ламы, он ни разу даже не попытался уговорить меня принять буддизм или какую-то иную религию. Он сказал лишь одно: "Индуизм — это лучшая из религий. Ты должен верить в Господа Махадэву — он охранит тебя. Ты ещё молод, а потому не дай себя сбить с пути каким-нибудь некромантам".

Побеседовав так с Махатмой добрых три часа, я наконец попрощался с ним и продолжил свой путь.

Я не являюсь теософом и не принадлежу к каким-то другим школам. Верую я только в *Ом*, и одному ему поклоняюсь.

Что же касается того Махатмы, с которым я лично беседовал, то, смею сказать, это был великий Махатма. Я в этом так твёрдо уверен потому, что всё, что он предсказал мне, в точности сбылось. Из тех гималайских Махатм, с которыми мне довелось беседовать, он лучше всех говорил на хинди. А где он родился и в каких местах проживал, о том я его не спрашивал. Тот ли это Махатма, о котором говорят теософы, я тоже не знаю. Что же касается возраста Махатмы Кутхум-па, то, как я и говорил Бабу М.М. Чаттерджи и другим, он на вид кажется стариком.

Тайное учение[59]

Мирской чела

Человеку, добравшемуся до заветного преддверия к оккультным знаниям, мало что может доставить столько же растерянности и мучительных переживаний, как действия Братьев, решающих, что следует, а чего пока не следует открывать внешнему миру. И только ученики — упорные и терпеливые, всегда горящие желанием докопаться до самых глубоких истин оккультной философии и одновременно умеющие хладнокровно выжидать время и не впадать в отчаяние от любой помехи, вдруг оказавшейся у них на пути — одни лишь, пожалуй, и способны не роптать по поводу действий наших светлых учителей в этих вопросах, пусть даже действия эти на первый взгляд и могут напоминать мелочную расчётливость иного скупца.

Однако люди в большинстве своём привыкли судить обо всём, исходя из собственных знаний и представлений, и, разумеется, когда они и к этим вопросам подходят с теми же мерками добра и зла, какими пользуется современная цивилизация, то в душе у них закипает такой гнев, что они готовы обрушиться на носителей философской истины с градом самых горьких упрёков. Критики рисуют их такими скрягами, которые чахнут над своими интеллектуальными богатствами, а на все просьбы у них, дескать, готов только один ответ: "Мы эти знания добыли ценою тяжких

усилий, принесли ради этого немало жертв и испили немало страданий. Вот почему у нас нет ни малейшего желания дарить эти сокровища богатым бездельникам, не пошевелившим и пальцем для того, чтобы заслужить их".

Уцепившись за эту расхожую мысль, критики Теософского общества и его публикаций в большинстве своём осуждают такие действия Братьев, окрестив их "эгоистичными" и "неразумными". Можно ещё понять, утверждают они, когда речь идёт об оккультных *силах*, о необходимости охранения тех секретов, которые могут позволить людям бесчестным натворить немало бед, но, когда они с той же насторожённой осторожностью подходят и к изложению истин своей оккультной *философии*, то мотивы, диктующие им подобное поведение, уже ничем оправдать невозможно.

А между тем существуют и некоторые дополнительные соображения на этот счёт, которые до сих пор, как правило, упускались из виду. К этим своим выводам я пришёл не так давно, и сегодня мне хотелось бы на этих страницах поделиться ими с читателем. Важность их стала особенно наглядна теперь, когда весьма значительная часть оккультно-философского учения уже представлена миру, и люди, сумевшие лучше других распознать его глубочайшую ценность, всё более горячо протестуют против той медлительности, с которой это учение шаг за шагом раскрывается для всех, и негодуют по поводу тех странных мер предосторожности, которыми дальнейшее знакомство с этим учением сегодня окружено.

Если говорить в двух словах, то объяснение столь осторожного поведения со стороны Братьев кроется в их твёрдом убеждении, что раскрытие целиком всей истины (составляющей содержание тайного учения) о происхождении мироздания и человека — тех законов, которые управляют их жизнями, и тех судеб, навстречу которым они движутся, — не может не оказать самого могучего влияния на благополучие человечества в целом.

Малые начинания способны породить великие продолжения, и посеянные сегодня в мире семена знания, возможно, принесут в конечном счёте сказочно богатый урожай. Но сегодня мы присутствуем лишь при их посеве, а потому и не до конца понимаем всего масштаба и важности того импульса, который они несут для нас, а импульс этот будет продолжать оказывать своё воздействие и дальше, и так или иначе он породит грандиозные последствия для будущих поколений. Дело в том, что оккультная философия — это не система неких туманных рассуждений, не одна из сотни тех философий, что заполнили сегодня сознание людей. Она представляет собой безупречно доказанную Истину, и к тому времени, когда приспеют сроки для её оглашения миру, именно так и станут взирать на неё тысячи величайших людей, которые, вероятно,

будут жить тогда на земле.

Но к чему всё это приведёт? Первым же делом она подвигнет любого, способного охватить её своим умом, к бунтарству самого ужасного толка. Она вытеснит собою *всё*, так или иначе связанное с религиозным верованием. Что же тогда станет с представлениями о добре и зле, с требованиями морали?

Не должно быть ни малейшего сомнения в том, что каждая клеточка той живой ткани, каковую представляет собой оккультная философия, на самом-то деле напоена столь высокими представлениями о добре и зле, каковые не снились ни одной привычной для нас теологии. Содержащиеся в ней нравственные законы столь убедительны, что перед ними бледнеют все остальные требования морали, какие сегодня косвенно выводятся из искажённых учений экзотерических религий. Однако окончательная смена этих нравственных законов окажется процессом нелёгким, и в ходе него человечество тех времён окажется перед лицом смертельно опасных угроз. Фанатики всех конфессий поднимут на смех саму возможность рассмотрения всерьёз подобной замены. Христианские ортодоксы сочтут, что лучше пусть земля рассыпется в прах, чем пошатнётся незыблемый авторитет их религии, и, уверенные в своём всемогуществе, они через тысячи церквей, которыми усеяны западные страны, станут насаждать свою веру, и во имя этой общей цели они сплотят свои силы во главе с римским папой и протестантской иерархией, бесчисленным клиром всех сект и с замыкающей их ряды пламенной Армией Спасения. В своих расчётах они, однако, упустят из виду лишь одно: необоримую поступь просвещения. Но самые несуразные религии и сопротивляются упорнее всех. И даже тогда, когда интеллектуальные классы решительно порвут с ними, *смерть их* будет, вероятно, сопровождаться мучительной агонией — возможно, она будет похожа на то, как погибал Самсон в храме. Однако в передовых умах века они всё равно не смогут уже изжить убеждения в их ложности. Всё, что здесь было сказано о христианстве, можно отнести и к исламу с брахманизмом.

Однако опасности эти значительно уменьшаются или вообще сводятся на нет в тех случаях, когда оккультная литература ставит своей целью лишь построение чего-то разумного на основании пусть и не самых разумных посылок — в этом случае она показывает людям, что истина способна проглядывать даже из-под самой невероятной богословской фантазии. И тогда поклонник ортодоксии в любом из упомянутых вероисповеданий может оказаться в состоянии воспринять объяснение, не испытывая при этом внутреннего сопротивления. В глазах христианина (как и представителя иных перечисленных конфессий) собственная его вера покоится на камне, лежащем в основании всего мироздания: она освящена тем, что очень ограниченный кругозор непосвящённого историка изображает в виде чего-то очень древнего, за что держались миллионы

людей, успевших даже состариться в процессе служения ему и воспитывающих своих детей в духе учения, сослужившего им самим добрую службу.

Отдельные фрагменты оккультной философии поначалу кажутся им не более чем аннотациями к их собственным каноническим доктринам, они даже могут заставить и сами эти канонические доктрины выглядеть прекраснее, чем те есть на самом деле, благодаря изящным интерпретациям их символизма, отдельные элементы которого могут требовать особого пояснения — особенно когда по незнанию толкуются буквально.

Но всё это явится лишь прологом к будущим потрясениям. Не успеет оккультная философия предстать перед миром в более-менее законченном виде, как к ней с жадностью потянутся все искренние искатели истины, и для них отныне всё в этой области перестанет существовать, кроме неё одной. И число подобных искателей будет час от часу становиться всё больше. Круг этих искателей *ширится* уже и сегодня — они готовы довольствоваться даже тем малым, что на сегодня открыто им. Да, ещё в течение какого-то времени изучение оккультной философии будет выглядеть таким капризом одиночек, но "знающим" ведомо и другое: дай ей только волю, и она безудержно увлечёт за собой каждого глубокого мыслителя. Но что же тогда случится с миром, расколотым таким образом на два лагеря, где силы ума и культуры окажутся по одну сторону баррикад, а силы невежества и фанатического суеверия — по другую?

При такой перспективе неминуемой войны что же останется делать адептам, сознающим, что это они набрали в свои ряды множество бойцов и вложили в их руки могучее оружие? В этом случае для оправдания своих действий совесть их потребует аргументов гораздо более внятных, чем просто лепет о том, что, дескать, виной тому стали сами же люди, которые изначально попрекали их в эгоизме, в жадном укрывательстве своих знаний — вот тем самым они-де и раздразили их и вынудили к подобным действиям.

Вопрос здесь идёт вовсе не о том, что ценнее: нравственные законы, которые исповедует оккультная философия, с одной стороны, или те моральные принципы, что выжаты из усохших плодов существующих вероисповеданий, с другой? Здесь никаких сомнений нет. Если бы только мир был в состоянии легко, одним щелчком пальцев, переключиться с одного нравственного кодекса на другой, то он, конечно, много выиграл бы от этой перемены. Однако переход этот не может осуществиться одномоментно, а переходный период будет таить в себе немало угроз.

С другой стороны, не менее опасным было бы и полное бездействие в этот переходный период. Ведь при всей кажущейся силе существующих религий — римский папа всё так же служит высшим нравственным

мерилом для миллионов людей, тысяч городов и десятков государств; с именем [мусульманского — *перев.*] Пророка всё так же развязываются войны, а силой брахманических традиций всё так же удерживаются в добровольной узде несчётные миллионы верующих — эти старые религии уже исчерпали свои силы, и лучшие их дни остались в далёком прошлом. Они переживают распад, ибо теряют власть над мыслящим меньшинством.

Да, лагеря ортодоксов во всех странах ещё по-прежнему включают в себя огромное число выдающихся мыслителей и деятелей культуры, но мало-помалу их количество неуклонно сокращается. Всего лишь за последние двадцать пять лет Европа неузнаваемо преобразилась. Сегодня там выходят в свет такие книги, о которых ещё вчера и помыслить-то было невозможно, и это ни у кого не вызывает ни малейшего удивления. Книги, которые ещё вчера будоражили общество, привлекая к себе всеобщий жадный интерес, сегодня просто пылятся на полках, поскольку интеллектуальный мир видит, что набиты они одними лишь пошлыми банальностями.

Беспорным фактом является то, что старые религии потихоньку теряют свою власть над умами людей — на Востоке, привыкшем к раздумчивому движению вперёд, это происходит медленнее, чем в Европе, но некоторые подвижки присутствуют и здесь, — и придёт время, когда они окажутся больше не в силах держаться тех обветшалых норм морали и представлений о добре и зле, какие устанавливали в давно минувшие времена, и произойдёт это даже независимо от того, будет позволено оккультной философии вытеснить собою старую веру или нет. Отсюда понятно, что что-то всё же *должно* выдаваться взамен этих старых религий, а отсюда и определение этих процессов как волн, одной из которых и является наше теософское движение — и самые эти слова можно прочесть в пене вздымающейся новой волны.

Но, разумеется, в таких обстоятельствах, когда действовать совершенно необходимо, а действия эти сопряжены с немалой опасностью для мира, тех людей, которые несут главную ответственность за действия в этих условиях можно и извинить за проявляемую ими чрезмерную осторожность. Всякий, кто знаком с теософской литературой, хорошо знает, каким острым нападкам подвергаются наши Братья-адепты вследствие их решения самостоятельно выбирать время и методы для частичной передачи своих знаний миру. Здесь, в Индии, на эту критику последовала негодующая отповедь со стороны людей, испытывающих чувство беззаветной преданности Махатмам — это явление широко распространено здесь. Пусть чаще всего они подчинялись скорее простому инстинкту, нежели разуму, но в иных случаях они руководствовались и должной оценкой выдаваемых им учений, равно как и исходили из целого ряда других представлений.

В Европе, однако, парировать такие критические уколы, похоже, нечем. Почему так происходит, можно понять из тех соображений, которые, пусть и не очень гладко, описываются в этой статье. Мы, обычные смертные, в этом мире подобны путникам, блуждающим при свете фонаря в незнакомой для нас стране. Что-то мы и способны разглядеть чуть-чуть справа, чуть-чуть слева и чуть-чуть позади себя. Адепты же странствуют при свете яркого дня и, кроме того, имеют ещё одно преимущество: они способны по собственной воле подниматься в воздух на воздушном шаре и обозревать оттуда широкие просторы земли с её озёрами и лесами.

Вопрос выбора времени и методов для передачи оккультных знаний миру неизбежно влечёт за собой и проблему выбора необходимого для этого посредника. Отсюда и второй ряд господствующих в Индии и Европе заблуждений — и там, и там заблуждения эти кроются в преобладающих там умонастроениях. Если мы говорим об Индии, где о существовании Братьев знают и испытывают безграничное преклонение перед их необыкновенными способностями, то там возможные избранники на роль передатчиков учений, отбираемые по причинам скорее их пригодности для этой работы, нежели вследствие их высоких достоинств, вызывают к себе, как правило чувство, похожее на ревность. В Европе же трудность вступления в какое-либо общение с этим живительным родником восточной философии усматривают в факте раздражающей исключительности Братьев как единственных носителей этой философии, а потому полагают, что не стоит и времени тратить попусту, испрашивая у них руководства в деле знакомства с нею.

Позицию как первых, так и вторых невозможно оправдать никакими разумными доводами, если взглянуть на дело в свете тех объяснений, которые я излагаю в этой статье. Когда Братья в порядке эксперимента выдают миру одну за другой первые порции знаний, остававшихся до самого последнего времени тайными, то руководствуются при этом одними лишь интересами общественного блага. Они выбирают для себя только таких посредников, на которых могут положиться, будучи уверенными в том, что те способны выполнить эту работу именно так, как они её и задумали — или, по крайней мере, близко к тому, чего Братья добиваются. Впрочем, ту опасность [для внешнего мира — *перев.*], которая способна пристичь в ходе выполнения этой работы, они могут устранить и иными способами. Так, иногда они могут соглашаться и на гораздо более прямую форму обучения, чем та, которую обеспечивают передатчики тайных учений. Это происходит в тех случаях, когда они имеют дело с тем или иным организованным обществом, члены которого должны торжественно присягнуть, что не станут — по крайней мере, теперь — разглашать переданные им учения. В отношении таких обществ у Братьев нет опасений, они уверены: то или иное учение никогда не будет представлено таким образом, что по своим последствиям сможет нанести

миру ущерб или представить для него какую бы то ни было угрозу.

Усвоение представляемой ныне миру философии у разных людей может протекать по-разному: кто-то может усмотреть в ней открытое богоборчество, и тогда дальнейшее её изучение, по достижении ими определённой точки, окажется для них нежелательным. Такие люди, слишком поспешно вступившие на путь изучения оккультной философии, могут в любой момент отойти в сторону при условии, что должным образом присягнут о неразглашении сообщённых им сведений, дабы никоим образом не мешать той упорной работе, которую будут продолжать люди более решительные (или менее чувствительные). Может случиться и так, что в подобных обществах — если таковые будут созданы при обеспечении должной сохранности тайн оккультной философии — появятся среди их членов и такие люди, которые окажутся не хуже, а то и лучше тех, кто так или иначе уже сегодня занимается упорядочением накопленного материала, подготавливая содержание учений к публикации, и следует предположить, что люди с такими способностями обязательно дадут о себе знать.

По здравом размышлении разумный смысл тех ограничений, что временно накладываются на эту работу в наши дни, должен быть ясен любому непредвзято рассуждающему человеку, хотя их непривычность и новизна может поначалу и вызывать у людей некоторое раздражение.

---

[1] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 1, No. 1, October, 1879. P. 2-5. Имя автора не указано, однако литературный стиль статьи с очевидностью выдаёт авторство Е.П. Блаватской. Опубликованный в сборнике текст статьи несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[2] θεο-δίδακτος (*примеч. перев.*).

[3] Томас Воган (1622 – 1666) — английский священник, розенкрейцер, алхимик и мистик, писавший в основном под псевдонимом *Евгений Филалет* (Eugenius Philalethes) (*примеч. перев.*).

[4] Конечно же, здесь в тексте Е.П.Б. явная описка. Эта эпоха, разумеется, завершила эпоху Птолемея (IV – I вв. до н. э.), и она не могла этого не знать (*примеч. перев.*).

[5] "К этим школам не так давно Потамон Александрийский прибавил ещё одну, эклектическую, . . .". (Примеч.: "Потамон Александрийский жил в эпоху Августа, в конце I в. до н. э."). (Диоген Лаэртский, 1986. Кн. I, 20. С. 60) (*примеч. перев.*).

[6] Время жизни: ок. 175–242 гг. н. э. (*примеч. перев.*).

[7] "Некоторые философы получили наименование по городам, . . . некоторые . . . по образу мыслей, например филалеты-правдолюбцы, . . . аналогеты-сопоставители" (Диоген Лаэртский, 1986. Кн I, 17. С. 59) (*примеч. перев.*).

[8] К концу I в. н.э. зарождаются две школы еврейского мистицизма: одна занимается толкованием книги "Бытие" (*маасе берешит*), а вторая (*маасе меркава* или *деяние колесницы*) опирается на изображение небесной колесницы (*меркава*), переносившей трон Господень в видении пророка Иезекииля. Одним из ответвлений "мистики меркавы" стала *хехалотическая литература*, где описываются небесные дворцы (*хехалот*), сквозь которые проходит мистик в своем вознесении к трону Бога (Элиаде М., 1997. С. 199) (*примеч. перев.*).

[9] Слово "теургия", *θεουργία*, образовано из двух слов: *θεός* — "божественный" и *ἔργον* — "дело", "труд", "работа" и даже "подвиг". То есть теургия есть "божественный труд", целью которого является общение с божественным миром (*примеч. перев.*).

[10] Который носил также имя Дий (*примеч. перев.*).

[11] От *νοῦς* [нус] — "ум". Ноэтический, т.е. "осмысливающий переживание и конструирующий его предметность" (Лосев А.Ф., 1995. С. 482).

Вот, в частности, что Платон писал о ноэтическом способе познания запредельного:

"Занебесную область не воспел никто из здешних поэтов, да никогда и не воспёт по достоинству. Она же вот какова (ведь надо наконец осмелиться сказать истину, особенно когда говоришь об истине): эту область занимает бесцветная, без очертаний, неосязаемая сущность, подлинно существующая, *зримая лишь кормчому души — уму*; на неё-то и направлен *истинный род знания*" (Платон, 2007. 247 с-d. С. 187) (курсив наш — *перев.*) (*примеч. перев.*).

[12] "Настоящий гуру — это шротрия, тот, кто услышал, получил совершенное знание от представителя парампары, трансцендентной цепи духовных учителей" (Шримад Бхагаватам 7. Гл. V, 31, б/г. С. 168) (*примеч. перев.*).

[13] Эпоптейя, *ἐπ-οπτεία* — "созерцание" (третья и высшая ступень посвящённости в Элевсинские мистерии) (Дворецкий И.Х., 1958а).

Вот как Платон описывает это состояние:

"Сияющую красоту можно было видеть тогда, когда мы вместе со

счастливым сонмом видели блаженное зрелище,.. и приобщались к таинствам, которые можно по праву назвать самыми блаженными и которые мы совершали, будучи сами ещё непорочными и не испытавшими зла, ожидавшего нас впоследствии. Допущенные к видениям непорочным, простым, неколебимым и счастливым, мы созерцали их в свете чистом . . . " (там же, 250 с. С. 191) (*примеч. перев.*).

[14] Альфред Рассел Уоллес (1823 – 1913) — британский натуралист, путешественник, географ, биолог и антрополог. Параллельно и независимо от Ч. Дарвина разработал теорию естественного отбора (*примеч. перев.*).

[15] Реальность тех способностей, которыми обладают йоги, была подтверждена и многими греческими и римскими писателями, называвшими йогов "индийскими гимнософистами". К числу таких писателей относятся Страбон, Лукан, Плутарх, Цицерон ("Гускуланские беседы"), Плиний (vii. 2) и проч. — Ред. *Теос*.

[Гимнософисты (γυμνο-σοφισταί) — "нагие мудрецы" (от γυμνός, "нагой")] (*примеч. перев.*).

[16] Θεσμοφόρια — трёхдневный праздник, ежегодно справлявшийся в Афинах, Фивах и Эфесе (*примеч. перев.*).

[17] Бога (*примеч. перев.*).

[18] Гипоноя (ὑπό-νοια) — внутренний (сокровенный) смысл (*примеч. перев.*).

[19] Ср.: "Да, боги существуют, ибо знание о них — очевидность; но они не таковы, какими их полагает толпа, ибо толпа не сохраняет их [в представлении] такими, какими полагает. Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто принимает мнения толпы о богах, ибо высказывания толпы о богах — это не предвосхищения, а домыслы, и притом ложные" (Эпикур, 2022, 123-124. С. 129) (*примеч. перев.*).

[20] Emerson, 1950. P. 277 (*примеч. перев.*).

[21] Ibid. (*примеч. перев.*).

[22] Гоэтия γοητεία — "колдовство", "ворожба", "чары", "обольщение" (*примеч. перев.*).

[23] "The Royal Masonic Cyclopædia of History, Rites, Symbolism, and Biography." Edited by Kenneth R. H. Mackenzie IX. (Cryptonymus) Hon. Member of the Canongate Kilwinning Lodge, No. 2, Scotland. New York J. W. Bouton, 706, Broadway. 1877 — Ред. *Теос*.

[Royal Masonic Cyclopædia, 2012 — *перев.*]

[24] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 3 (39), December, 1882. P. 67-69 (*примеч. перев.*).

[25] Ныне Тирунелвели — город в штате Тамилнад (*примеч. перев.*).

[26] Берхампур, Бахарампур — город в индийском штате Западная Бенгалия (*примеч. перев.*).

[27] Город в штате Западная Бенгалия (*примеч. перев.*).

[28] Ныне Данапур — город в штате Бихар (*примеч. перев.*).

[29] Штат на северо-востоке Индии, который граничит с Бутаном, Тибетом и Непалом (*примеч. перев.*).

[30] Ныне Чанданнагар (город в штате Западная Бенгалия) (*примеч. перев.*).

[31] Один из рукавов Ганга (*примеч. перев.*).

[32] Нужно признать, что рассказ о событиях на вокзале изложен довольно путано, и в нём присутствует ряд явных неувязок (*примеч. перев.*).

[33] В журнальном варианте Дамодар Маваланкар поместил следующее примечание к этим словам: "Обращаю особое внимание моих беспокойных корреспондентов на это выражение, как, впрочем, и на все предпринятые г-ном Рамасвиром рискованные действия. Всем нытикам и скептикам, горько жалующимся мне на то, что Братья, дескать, не подают им никаких признаков своего существования, эта история очевидно покажет, какой силой духа должен обладать искатель истины, чтобы привлечь к себе внимание Адептов. Сейчас широко распространилось представление о том, что стóит лишь вступить в Общество, как тебе тут же будет даровано право на обучение *окультизму* и ты получишь награду уже за одно своё вялое мечтание о "Свете". Представление это родилось из всеобщего и весьма прискорбного незнания тех законов, по которым протекает обучение мистицизму. Гуру как были всегда, так они есть и сегодня, и, как и прежде, любой истинный чела может отыскать среди них того, кто согласился бы взять его под своё попечение, если, подобно нашему брату из Тиннивелли, он твёрдо решился бы "либо отыскать Махатму, либо — умереть!" — Д.К. Маваланкар.

[34] Ранее независимое княжество Сикким в 1861 году стало британским протекторатом (*примеч. перев.*).

[35] Гелунг или гелонг — полностью посвящённый монах (*примеч. перев.*).

[36] Текст опубликованной под этим названием ("The Sages of the Himavat") в сборнике статьи представляет собой фрагмент более

обширной статьи Дамодара К. Маваланкара, "A Great Riddle Solved" ("Разгадана великая загадка"), вышедшей в свет на страницах журнала *The Theosophist*, vol. 5, Nos. 3 & 4 (51 & 52), December-January, 1883-1884. P. 61-62 (*примеч. перев.*).

[37] Джамму — город в индийской союзной территории Джамму и Кашмир (*примеч. перев.*).

[38] Сверхпочтительное приветствие, с которым можно обращаться к самым уважаемым людям и даже богам (*примеч. перев.*).

[39] Святилище, пустынь отшельника (*примеч. перев.*).

[40] Химават — имя бога Гималаев. Здесь в собирательном смысле подразумеваются Гималаи (*примеч. перев.*).

[41] Гурудэва — "Божественный Учитель". Учитель как персонификация божества (*примеч. перев.*).

[42] По представлениям спиритуалистов, в "стране вечного лета" пребывают развоплощённые духи усопших (*примеч. перев.*).

[43] Садху — аскет, посвятивший себя единственной цели: достижению мокши (*примеч. перев.*).

[44] Брахман-аскет (*примеч. перев.*).

[45] См. ниже статью Раджани Канта Брахмачарьи "Беседа с махатмой" — Ред. *Теос.*

[46] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 3 (51), December, 1883. P. 83-86 (*примеч. перев.*).

[47] Матф. 7, 7 (*примеч. перев.*).

[48] Город, расположенный в северо-восточной части Индии в предгорьях Гималаев (*примеч. перев.*).

[49] Гуркха — так называется одна из народностей, населяющих Непал (*примеч. перев.*).

[50] Гелук (тиб. *dge lugs*, букв., "традиция добродетели"), гелукпа (вар. гелуг, гелугпа) — тибетская буддийская школа, созданная Дже Цонкапой (1357-1419) в нач. XV в. . . . Именуется также "школой жёлтых шапок" — по цвету головных уборов, последователи др. школ носили красные (Терентьев А.А., 2011. С. 235) (*примеч. перев.*).

[51] Джордж Богль (1746 – 1781) — британский дипломат и предприниматель шотландского происхождения, осуществивший первую английскую дипломатическую миссию в Тибет (1774). В историографии

англо-тибетских отношений она стала известна как "Миссия Дж. Богля в Тибет" ("Bogle's Embassy to Tibet") (*примеч. перев.*).

[52] Джордж Тёрнер (1799–1843) — британский колониальный администратор, учёный и историк (*примеч. перев.*).

[53] Возможно, искажённое *лану* (*примеч. перев.*).

[54] Исторический район, расположенный в северной части Калькутты (*примеч. перев.*).

[55] Так называемое "Великое тригонометрическое исследование" (*примеч. перев.*).

[56] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 11 (59), August, 1884. P. 270. Текст публикуемой в сборнике статьи несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[57] Самый первый из четырёх жизненных путей, или этапов жизни, любого дважды рождённого. Этот начальный этап представляет собой период ученичества, изучения вед (Лысенко В.Г., 2009а. С. 130) (*примеч. перев.*).

[58] Алмора — город, расположенный на склонах Гималаев в 275 км от Дели (*примеч. перев.*).

[59] Впервые эта статья под названием "Letters on Theosophy: The Secret Doctrine" ("Письма о теософии: Тайное учение") была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 3 (39), December, 1882. P. 65-66 (*примеч. перев.*).

[Следующий раздел](#)

[Содержание](#)

ИСТОРИЯ

Пураны о династии Морьев и о Кутхуми[1]

В "Матсья-пуране" (гл. 272) говорится о том, что в будущем править Индией предстоит десяти Морьям, после которых правление перейдёт к династии Шунгов, а первым из этих десяти Маурьев (Морьев) станет Шата Дханва.

А в "Вишну-пуране" (книга IV, гл. IV) утверждается, что в солнечной династии был некий царь по имени Мору, который, благодаря силе своего подвижничества (йоге), всё ещё живёт в гималайском селении под названием Катапа (том III, с. 197, перевод Уилсона), но в некую будущую эпоху он восстановит род кшатриев солнечной династии — правда, случится это через много тысяч лет. В другом месте той же пураны (книга IV, гл. XXIV) сказано, что "по завершении правления династии Нанда вся Земля будет принадлежать Морьям[2], ибо Каутилья возведёт на престол Чандрагупту".[3]

Полковник Тод считает, что имя Морья или Маурья является искажённым именем Мори, которое носило одно из раджпутских племён. В комментарии к "Махавансе" говорится, что князья этого рода владели городом Мори, а потому и называли себя Маурьями. Согласно санскритской энциклопедии "Вачаспатья"[4], селение Катапа находится на северных склонах Гималаев, то есть в Тибете. Об этом же говорится и в главе (сканде) XII "Бхагавата-пураны". Судя же по "Ваю-пуране", Мору должны восстановить род кшатриев в будущей девятнадцатой юге. А в "Вишну-пуране" (книга III, гл. VI) упоминается риши по имени Кутхуми. Не может ли кто-нибудь из наших братьев рассказать нам, как соотносятся наши Махатмы с этими почтенными историческими персонажами?

Р. Рагунатх Роу

От редакции

У буддистов в "Махавансе" говорится о деде Ашоки, Чандагатто или Чандрагупте, о князе из династии Морьев, каковым он и был на самом деле — вернее, каковыми были они, поскольку людей, носивших имя Чандрагупта, было несколько. Как говорится в той же книге, эта династия началась с нескольких кшатриев (воинов), принадлежавших к тесно связанному с Гаутамой Буддой роду шакьев. Перевалив через Химаванто (Гималаи), они обнаружили там "чудесную местность, которая прекрасно орошалась и располагалась посреди леса, в котором произрастали в том числе и могучие деревья "бо". Там они и основали городишко, которому эти князья из рода шакьев, и дали название Морья-Нагара".

Профессор Макс Мюллер считает эту легенду выдумкой по двум причинам. Во-первых, он усматривает в ней желание буддистов соединить своего "возлюбленного богами" царя Ашоку с Буддой и, таким образом, свести на нет распускаемые их противниками-брахманами слухи о том, что Ашока и Чандрагупта были выходцами из числа *шудр*. А во-вторых, поскольку она не вписывается в его собственные версии и хронологию, опирающиеся на фантазии грека Мегасфена и прочих.

Не владетели Морья-Нагары получили своё имя от раджпутского рода Мори, а именно род Мори столь широко прославился, поскольку состоял из потомков Морьев-владетелей Морья-Нагары. На последующую судьбу этой династии некоторый свет проливается в "Ответах на вопросы члена английского Т.О." (см. выше).

Что же касается имени риши Кутхуми, то оно упоминается в целом ряде пуран, а его "Закон" находится в одном ряду с восемнадцатью "Законами", написанными разными риши, и хранится в Калькутте в библиотеке Азиатского Общества. Однако мы не располагаем никакими сведениями о том, существует ли какая-то связь между нашим одноимённым Махатмой и вышеупомянутым риши, а потому и не считаем себя вправе строить какие-либо домыслы по этому поводу. Знаем мы только то, что оба они являются северянами-брахманами, тогда как Морьи принадлежат к числу кшатриев.

Если кто-нибудь из наших братьев знает о них что-либо ещё или сможет обнаружить какие-нибудь дополнительные сведения на эту тему в священных книгах, мы с удовольствием выслушаем их. Слова же о том, что "Морьи будут владеть всей Землёй, ибо Каутилья возведёт на престол Чандрагупту", несут в нашей оккультной философии двоякий смысл. С одной стороны, они относятся к тем временам раннего буддизма, когда правил представитель рода Чандрагупт (Морьев), царствуя "над *всей Землёй*", то есть над брахманами, которые полагали себя наивысшими и единственными представителями человечества, ради которых только и существует Земля.

С другой стороны, фраза эта включает в себе *чисто эзотерический смысл*. О каждом адепте, о подлинном Махатме, можно сказать, что он "владеет Землёй", благодаря той власти, которую ему даёт оккультное знание. А отсюда и слова о десяти Морьях, о десяти посвящённых адептах, которых оккультисты считали и называли "властелинами всей Земли", имея в виду силу их знания. Имена "Чандрагупта" и "Каутилья" также несут в себе эзотерический смысл. Пусть брат наш поразмыслит над тем, что они обозначают на санскрите, и тогда, вероятно, он лучше поймёт, как фраза "Каутилья возведёт Чандрагупту на престол" соотносится с властью Морьев над Землёй. Хотим также напомнить нашему брату о том, что слово *итихаса*, которое обычно переводится как

"история", знатоками санскрита определяется как жизнеописание царственных особ, одновременно несущее в себе глубочайший нравственный и оккультный смысл.

Теория циклов [5]

Е.П.Б.

Теория эта, впервые выдвинутая одной из древнейших мировых религий — ведийской, — с некоторых пор стала мало-помалу вновь выходить из забвения, завоёвывая себе всё более широкую известность. В своё время её придерживались самые разные философы Греции, и правоту её положений позднее отстаивали средневековые теософы. Что же до мудрецов Запада — мира вечных отрицателей, — то они решительно отказали этой теории в праве на существование.

Как ни парадоксально, но именно представители науки сами же и вернули эту теорию к жизни. Сегодня они быстро набирают и подвергают осмыслению статистику самых разнообразных событий с той же самой серьёзностью, с какой подходят и к важнейшим вопросам, стоящим перед их собственными науками. Статистика войн и периодов (или циклов) появления в мире великих людей — по крайней мере, тех, что были признаны таковыми их современниками; статистика периодов возникновения и развития крупных центров торговли, эпох зарождения и упадка искусств и наук; статистика всевозможных катаклизмов вроде землетрясений и эпидемий; периодов наступления небывалых холодов или жары; циклов социальных потрясений, взлёта и падения могучих империй и проч. и проч. — всё это подвергается ныне самому скрупулёзному анализу, производимому наукой с математической точностью.

Наконец непривычно повышенный интерес вызывают у учёных и такие вопросы, как оккультный смысл различных сочетаний чисел, связанных с именами людей и городов, с различными событиями прошлого и тому подобные предметы. Если, с одной стороны, значительная часть просвещённой публики всё так же продолжает скатываться к атеизму и скептицизму, то, с другой стороны, мы видим и очевидно набирающий силу поток мистицизма, который пытается пробить себе путь в науку. Это признак неистребимой потребности человечества уверить себя в существовании некой высшей силы, что стоит над материей, в наличии какого-то оккультного и таинственного закона, управляющего миром — закона, который необходимо прилежно изучать и внимательно отслеживать. Свою жизнь следует строить, приноравливаясь к нему, а не, слепо отрицая его, действовать напропалую, чтобы в конце концов лишь разбиться в лепёшку о камень собственной судьбы.

Вглядываясь в периоды благоденствия и невзгод, выпавших на долю народов и великих империй, вдумчивые исследователи не раз испытывали изумление по поводу того, что в истории всюду присутствует одна и та же характерная особенность: неумолимое повторение схожих событий, причём происходящих после равных по длительности промежутков времени. Эта связь между событиями, оказывается, носит весьма устойчивый характер при всей, несомненно, различной внешней детализации этих событий. Таким образом, то доверие, которое древние питали к своим астрологам, прорицателям и пророкам, вполне вероятно, оправдывалось последующим подтверждением многих важнейших пророчеств, и всякое волшебство в прогнозировании событий будущего здесь было совершенно ни при чём. Во времена древних цивилизаций прорицатели и авгуры занимали точно такое же положение в обществе, какое сегодня у нас занимают историки, астрономы и метеорологи, а потому когда первые предсказывали крушение империи или поражение в войне, то слова их удивляли людей ничуть не больше, чем сегодня заявления вторых, предсказывающих повторное появление какой-нибудь кометы, изменение температуры воздуха или, скажем, захват Афганистана. Как первые, так и вторые в одинаковой мере являлись и являются глубокими знатоками точных наук, и если сегодняшний астроном в своих выводах опирается на математические расчёты, то древний астролог в своих прогнозах также ориентировался на не менее точные и математически выверенные наблюдения за вечно повторяющимися циклами.

Да, сегодня секреты этой древней науки безнадёжно утрачиваются, но разве само по себе это обстоятельство даёт какие-либо основания утверждать, что и науки-то такой никогда не существовало и что якобы вера в неё должна приниматься в одном комплекте с "магией", "волшебством" и так далее? "Если", — как пишет "Новое время", —

"в свете тех высот, которых ныне достигла современная наука, способность предсказывать события будущего должна считаться либо детской забавой, либо злонамеренным обманом, то мы можем обратить свой взор на ту же самую науку, которая по собственному почину подняла и поставила на повестку дня вопрос: а не существует ли в постоянной повторяемости событий некой цикличности? Иными словами, не повторяются ли те же события, спустя твёрдо зафиксированный и точно известный период времени, и в истории каждого народа Земли? И если такая периодичность действительно существует, то обязана ли она игре слепого случая или же зависит от одних и тех же законов природы, которыми регулируются все явления человеческой жизни?"

Справедливым здесь, несомненно, является последнее предположение. И самое наилучшее, самое математически точное доказательство этого автор

этих строк усматривает в своевременном появлении таких трудов, как работы д-ра Э. Цассе (E. Zasse) и др. Не так давно вышел в свет целый ряд учёных трудов, посвящённых этому мистическому вопросу, и к некоторым из этих работ, а также к приведённым в них расчётам, мы и хотим теперь обратиться.

Вот на страницах "Прусского журнала статистики" из-под пера широко известного германского учёного Э. Цассе выходит весьма красноречивая статья, блестяще подтверждающая древнюю теорию циклов. Эти периоды, в которых повторяется вечный круговорот событий, начинаются с ничтожно короткого — скажем, десятилетнего — отрезка времени и достигают циклов, требующих 250, 500, 700 и 1000 лет для совершения своих кругов как вокруг самих себя, так и внутри друг друга. Все они вписываются в рамки *Маха-Юги*, "великого века" или цикла, подчиняющегося расчётам "Законов Ману", а сам этот цикл вмещает в себя круг событий, протекающих между двумя вечностями — "праляями" или "ночами Брахмы". Как это происходит и в обычном материальном мире, или в системе следствий, где все малые созвездия и планеты притягиваются к солнцу, так и в субъективном мире, или в системе причин, все эти бесчисленные циклы тяготеют к тому, что конечный ум обычного смертного считает вечностью, а всё ещё конечная, но неизмеримо более глубокая интуиция мудреца или философа считает лишь вечностью, заключённой внутри Вечности.

"Как вверху — так и внизу", — гласит древний герметический афоризм. В порядке эксперимента в этом направлении д-р Цассе приводит подборку статистических данных, касающихся исторически зафиксированных периодов войн, поскольку они лучше всего поддаются научной верификации. В качестве самой простой и наглядной иллюстрации своей мысли д-р Цассе изображает периоды войн и периоды мирного времени в виде коротких и длинных линий-волн, проходящих по всей территории Старого Света. Идея его не нова, поскольку образ этот в тех же целях уже неоднократно использовался и до него — в виде словесных образов или в виде картинок — древними и средневековыми мистиками: например, Генрихом Кунратом.^[6] Но этот образ отлично выполняет свою задачу и обеспечивает нас нужным фактическим материалом.

Перед тем, как обратиться к циклам войн, автор приводит данные, иллюстрирующие рождение и гибель великих мировых империй, и указывает, с какой степенью активности они проявляли себя во всемирной истории. Если, по его словам, разделить карту Старого Света на шесть регионов — на Восточную, Центральную и Западную Азию, а также на Восточную и Западную Европу и Египет, — то мы легко увидим, как по всем этим регионам каждые 250 лет прокатывается гигантская волна, поочерёдно порождая в каждом из них те же события, которые она перед тем вызвала в предыдущем регионе. Эту волну мы можем назвать

"исторической волной" 250-летнего цикла.

Самая первая из этих волн зародилась в Китае за две тысячи лет до Р.Х., когда эта империя переживала свой "золотой век" — время расцвета философии, эпоху великих открытий и реформ.

"В 50-х годах XVIII в. до Р.Х. центральноазиатскими монголами создаётся могучая империя. А 250 лет спустя, к началу XVI века, после краткого периода упадка возрождается Египет, который широко раздвигает свои границы, продвигаясь как в Европу, так и в Азию. Ещё через 250 лет, в середине XIII века, историческая волна настигает территорию Восточной Европы и прокатывается по ней, вдохновляя её тогдашних обитателей на плавание аргонавтов, но затем через очередные 250 лет, в конце XI века, волна эта сходит на нет вместе с осадой Трои".

В это же самое время в Центральной Азии зарождается вторая по счёту историческая волна.

"Скифы покидают свои степи и в 750-х годах до Р.Х. устремляются в прилегающие земли, двигаясь в южном и западном направлениях. В 500-х годах в Западной Азии наступает эпоха процветания для древней Персии. Но волна движется дальше, переходя в Восточную Европу, где в 250-х годах до Р.Х. пика своей культуры и цивилизации достигает Греция. Волна же катится ещё дальше на запад, и в период рождения Христа Римская империя оказывается в апогее своей силы и величия".

И в это же самое время мы снова наблюдаем, как на Дальнем Востоке поднимается третья историческая волна. Пережив продолжительный период смут, Китай вновь превращается в мощную империю: там наступает новый период расцвета искусств, наук и торговли. Проходит ещё 250 лет, и мы уже видим, как из глубин Центральной Азии появляются гунны. В 500-х годах по Р.Х. возникает новое могущественное персидское царство. В 750-х годах — в Восточной Европе — рождается Византийская империя. А в 1000-х годах — в её западной части — образуется второй Рим, империя римского папы, которая уже вскоре по своему блеску и величию не знает себе равных.

В это же время с Востока начинается наступление *четвёртой* волны. Китай вновь благоденствует. А спустя 250 лет, в середине XIII века, Центральная Азия выплеснула из себя монгольскую волну, которая захватила собой гигантскую территорию, включая в том числе и Россию. Ещё через 250 лет, к началу XVI века, в Западной Азии во всём своём могуществе заявляет о себе Османская империя, которая захватывает Балканский полуостров. Одновременно в Восточной Европе сбрасывает с себя татарское иго Россия, и спустя очередные 250 лет, в 50-х годах XVIII

века, в период царствования Екатерины Великой она достигает небывалого великолепия и покрывает себя великой славой.

Волна безостановочно движется всё дальше на запад, и, начиная с середины прошлого века, Европа переживает эпоху потрясений и изменений и, по мысли автора,

"если в данном случае можно что-либо предсказать, то примерно к 2000 году Западной Европе предстоит пережить редчайший в истории период взлёта культуры и прогресса".

Вторя ему, российская пресса полагает, что

"к тому времени восточный вопрос [7] будет уже окончательно решён, национальные разногласия европейских народов прекратятся, и наступление нового тысячелетия ознаменуется роспуском армий и союзом, заключённым между всеми империями Европы".

Признаки возрождения стремительно множатся также в Японии и в Китае, как бы указывая на зарождение новой исторической волны на Дальнем Востоке.

Если же с 250-летнего цикла мы спустимся к тому, что оставляет свою отметину на каждом столетии и, формируя события древней истории, знаменует собою возникновение и взлёт империй, то мы обнаружим, что, начиная с 700-х годов до Р.Х., эта столетняя волна поочерёдно возносит из небытия в первые ряды следующие народы: ассирийцев, мидян, вавилонян, персов, греков, македонцев, карфагенян, римлян и тевтонов.

Д-ром Е. Цассе отмечается также и та поразительная периодичность, с которой вспыхивают войны в Европе. Начиная с 1700 года по Р.Х., каждое десятилетие сопровождалось либо войной, либо каким-то социальным потрясением. Периоды то усиления, то ослабления воинственных настроений у европейских народов напоминают волну, которая непрерывно наступает с поразительной регулярностью, словно подталкиваемая каким-то неведомым, но непреложным законом.

Тот же самый таинственный закон, похоже, связывает эти события ещё и с астрономической волной или астрономическим циклом, определяющим периодичность появления пятен на Солнце.

Периоды, в течение которых европейские державы наиболее ярко проявляли свою разрушительную энергию, отмечаются 50-летним циклом. Перечислять здесь их все от начала истории было бы делом и долгим, и скучным, а поэтому ограничимся в нашем исследовании тем циклом, который начался в 1712 году, когда *все* европейские государства были охвачены войной друг с другом: сначала в Северной, а затем и в Турецкой

войнах, а также в войне за испанский престол.

Годы, предшествующие 1761 году и следующие за ним, — Семилетняя война[8]. Годы перед и после 1810 года — "Наполеоновские войны".[9] Ближе к 1861 году волна нарушила свою обычную регулярность, но как бы в виде компенсации за это она, подталкиваемая с удесятерённой силой, в годы, непосредственно предвещающие 1861 год и прямо следующие за ним, оставила по себе память в истории в виде двух самых жестоких и кровопролитных войн: Крымской войны в первом случае и Гражданской войны в Америке во втором.

Особенно поразительна регулярность тех войн, что вспыхивали между Россией и Турцией — эта волна на удивление характерна. Вначале она укладывается в 30-летний цикл: 1710, 1740, 1770 гг., но затем промежутки между ними укорачиваются, и мы наблюдаем уже 20-летний цикл: 1790, 1810, 1829-30 гг. Далее промежутки удлиняются вновь: 1853 и 1878 гг. Но если мы обратим внимание на всю продолжительность этой приливной волны "воинственного" цикла, то в середине её — в 1768–1812 гг. — мы обнаружим три семилетних, а в начале и конце по одной двухлетней войне.

В заключение автор приходит к выводу, что в свете приведённых им фактов уже совершенно невозможно отрицать наличия регулярной периодичности в наступлении периодов возбуждения психических и физических сил у всех народов мира. Как следует из его доказательств, в истории всех народов и империй Старого Света самую важную роль играют 1000-летние и 100-летние циклы, а также малые 50- и 10-летние циклы, поскольку все они без исключения порождали более или менее заметные в истории события по мере того, как их выносили с собою эти исторические волны.

Что же касается Индии, то на фоне всех других стран её история отличается крайней неясностью и слабой изученностью. Но будь все те события, что сотрясали её на протяжении веков, изложены последовательно на бумаге, и если хорошо порыться в её исторических анналах, то мы обнаружили бы, что законы циклов и там проявляли себя с той же отчётливостью, как и в любой другой стране мира, отмечая собою периоды войн, массового голода, политических смут и проч.

Некий парижский метеоролог во Франции взял на себя труд составить статистику наступления рекордных холодов, и, как он обнаружил, самыми суровыми зимами были отмечены именно те годы, которые в своих числах содержали цифру 9.

Приводимые им данные таковы:

859 год по Р.Х. — морозы на целых три месяца сковали льдом всю

северную часть Адриатического моря.

1179 год — в зонах с самым умеренным климатом земля оказалась покрыта слоем снега в несколько футов толщиной.

1209 год — необычная плотность снежного покрова и рекордные морозы во Франции породили такую нехватку кормов, что вызвали небывалый в этой стране падеж скота.

1249 год — на многие месяцы под толстым слоем льда оказалось Балтийское море в акватории, охватывающей собою побережье России, Норвегии и Швеции, и сообщение между этими странами приходилось осуществлять на санях.

1339 год — Англию поразила ужасная зима, приведшая к гибели от голода и холода огромное число людей.

1409 год — река Дунай покрылась льдом от самых своих истоков до устья в Чёрном море.

1469 год — наступившими морозами были побиты все виноградники и фруктовые сады.

1609 год — во Франции, Швейцарии и верхней Италии люди были вынуждены размораживать перед едой хлеб и другую провизию.

1639 год — Марсельская гавань покрылась льдом на далёкое расстояние от берега.

1659 год — под слоем льда оказались все реки в Италии.

1699 год — зимний период во Франции и Италии оказался небывало суровым и длительным. Цены на продукты питания выросли настолько резко, что добрая половина населения погибла от голода.

Не менее ужасной оказалась зима и в 1709 году. Почва во Франции, Италии и Швейцарии промёрзла на несколько футов в глубину, а море как на севере, так и на юге покрылось плотной коркой льда в несколько футов толщиной, которая уходила далеко в обычно свободное от льда море. Холод выгнал огромное число диких зверей из их лесных нор, и они искали убежища в деревнях и даже городах. Птицы сотнями падали на землю замертво.

В 1729, 1749 и 1769 годах (20-летние циклы) все реки и водоёмы во Франции были на несколько недель скованы льдом, и при этом погибли все фруктовые деревья.

В 1789 году во Франции повторилась небывало суровая зима. В Париже температура упала до девятнадцати градусов мороза.

Однако самой суровой из всех выдалась зима 1829 года. На целых пятьдесят четыре дня все дороги во Франции покрылись снегом в несколько футов толщиной, а все реки оказались подо льдом. Массовый голод и бедствия достигли в тот год небывалых масштабов.

В 1839 году Францию вновь постигли страшные холода, а зима 1879 года лишь доказала правоту статистики и подтвердила роковое воздействие цифры 9.

Мы предлагаем метеорологам из других стран продолжить этот почин и представить собственные данные на эту тему, поскольку вопрос этот представляет далеко не праздный интерес и весьма поучителен в то же время.

Впрочем, мы привели изрядное количество данных в доказательство того, что ни идеи Пифагора по поводу таинственной силы чисел, ни выдвинутые древними религиями и философами теории не являются пустышками или вздором, каковыми их хотели бы представить миру некоторые чересчур передовые мыслители.

---

[1] Впервые этот материал был опубликован в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 3 (51), December, 1883. P. 99. Текст публикуемого материала несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[2] Подробности этой легенды записаны в "аттхакатхе" [комментарии — *перев.*], которым располагают монахи Уттара-вихары — Ред. *Teos.*

[Монастырь Уттара-вихара, более известный как Абхаягири-вихара, располагался в Шри-Ланке неподалёку от древней столицы, г. Анурадхапур — *перев.*].

[3] Речь идёт о царе Чандрагупте из кшатрийского рода Морьев (или Маурьев) и его ближайшем советнике Каутилье (или Чанакье) (*примеч. перев.*).

[4] Толковый словарь санскрита (*примеч. перев.*).

[5] Впервые статья была опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 1, No. 10, July, 1880. P. 242–244. Публикуемый в сборнике текст несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[6] Генрих Кунрат (Heinrich Khunrath, Kuhntrath; ок. 1560 — 1605) — немецкий врач, философ-мистик, алхимик и каббалист. Последователь Парацельса. Автор знаменитого труда *Amphitheatrum sapientiae aeternae* ("Амфитеатр вечной мудрости") (*примеч. перев.*).

[7] Восточный вопрос — комплекс международных конфликтов конца 18 – начала 20 в., связанных с борьбой балканских народов против турецкого ига и с соперничеством великих держав (России, Австрии, Великобритании, Франции, позже Италии и Германии) за раздел слабеющей Османской империи (Турции) (*примеч. перев.*).

[8] 1756–1763 гг. (*примеч. перев.*).

[9] 1799–1804 (период консульства) и 1804–1814, 1815 (период империи) (*примеч. перев.*).

[Следующий раздел](#)

[Содержание](#)

Одorigен и джива[1]

Л. Сэлзер, д-р медицины

Чрезвычайно интересные опыты в области исследования обоняния проведены профессором Йегером из Штутгарта. Он исходит из того хорошо известного в медицине факта, что под воздействием серной или какой угодно другой едкой кислоты кровь животного начинает издавать тот же самый запах, какой издаёт и само животное, которому она принадлежит. Причём наблюдается это даже в случаях с давно запёкшейся кровью.

Давайте сразу договоримся о том, что́ нам следует понимать под запахом того или иного животного. Плоть любого животного — а как мы увидим позднее, и различные части его плоти — обладает своим особым, характерным только для него запахом. Лучше всего этот запах ощущается, когда мясо варится на медленном огне. Полученный таким образом бульон обладает специфическим вкусом и запахом — я называю его специфическим, поскольку не только каждый вид, но и каждая разновидность животных отличается своим особенным вкусом и запахом. Вспомните, какой запах и вкус имеет бульон, приготовленный из баранины, или, скажем, куриный, рыбный бульон и т.д. Вот этот самый запах я и называю специфическим запахом животного. Мне едва ли нужно говорить здесь о том, что запах животного ничуть не похож на все те запахи, что возникают в его организме в связи с различными его секретами и выделениями: жёлчью, желудочным соком, потом и т.д. Да и запахи эти, опять же, различны у разных видов и разновидностей животных. Скажем, кожа козла пахнет совсем не так, как кожа овцы или осла, различие здесь очевидно. Точно такое же различие наблюдается и между запахами любых других выделений у этих животных. Итак, опираясь на свой обонятельный опыт, мы можем утверждать, что запах любой секрета и любого выделения у определённого вида животных имеет свои особенности и характерные отличия от запаха аналогичных продуктов жизнедеятельности у животных других видов.

Изменив рацион животного, мы можем и значительно изменить все его вышеупомянутые запахи, однако те всё равно сохраняют при этом характерный только для этого животного, специфический тип пахучести. Всё это выводы, сделанные на основе строгих наблюдений.

Как и любые пахучие вещества, они обладают высокой диффузивностью. Они пронизывают собою весь организм, и каждый из них вносит свою лепту в то, что в целом и составляет запах любой живой особи. В целом

это фекальное зловоние, смягчаемое общим запахом животного. Это фекальное зловоние мы ниже будем называть просто зловонностью в противопоставление общему запаху животного.

Но вернёмся от этого не слишком приятного для слуха, но совершенно необходимого отступления к нашему главному вопросу. Как обнаружил профессор Йегер, обработанная кислотой кровь может издавать либо общий запах, либо зловоние животного в зависимости от концентрации кислоты. Концентрированная кислота, стремительно разлагая кровь, заставляет последнюю испускать *зловоние* животного, а слабая кислота — его общий запах.

Таким образом, мы видим, что в каждой капле крови одного и того же вида животного, и, можно сказать, в каждом его кровяном тельце и, наконец, в каждой молекуле крови ярко представлен вид животного, с точки зрения его типа пахучести, одновременно в двух аспектах: в аспекте общего запаха и в аспекте зловонности.

Итак, с одной стороны, мы оказываемся перед лицом следующего факта: где бы в животном царстве мы ни сталкивались с различиями в форме, очертаниях и конструкции организма, вместе образующими отдельный класс, вид или семейство животных, мы там же сталкиваемся и с отдельными, характерными запахами и типами зловонности. С другой же стороны, мы знаем, что эти специфические запахи неразрывно смешаны с источником самой жизненной силы животного — его кровью. И, наконец, мы знаем, что происхождение этих специфических запахов невозможно объяснить наличием каких-либо агентов, которые в виде пищи могут поступать в организм из внешнего мира. И мы в этом случае невольно приходим к выводу о том, что всё это является свойствами "внутреннего" животного или, иными словами, всё это связано с конкретной протоплазмой данного животного.

И вывод наш достигает почти что полной уверенности, когда мы вспоминаем о том, что он может быть незыблемо подтверждён экспериментально — стоит нам лишь разложить кровь на составляющие её элементы, как мы обнаруживаем то, что и составляет, смеем утверждать, её самый существенный ингредиент.

Здесь я должен сказать несколько слов в объяснение того, что понимается под термином "протоплазма".

Протоплазма представляет собой мягкую, желеобразную субстанцию, прозрачную и гомогенную, которая легко наблюдается в крупных растительных клетках. Её можно сравнить с яичным белком. Когда она находится в состоянии покоя, то внутри её массы можно наблюдать всевозможные пульсирующие, подрагивающие и подёргивающиеся движения. Из неё образуется тот живой материал, что присутствует в

каждой растительной и животной клетке. По сути дела, это и есть тот компонент тела, который и занимается на самом деле обеспечением жизнедеятельности организма. Именно она отвечает за образование всех живых тканей в организме. Жизнедеятельность организма в самом широком смысле этого термина проявляется, во-первых, в развитии зародыша и превращении его в законченный организм, повторяющий тип своих родителей, а во-вторых, в последующем поддержании этого организма в виде некой целостности, и обе эти функции выполняются исключительно протоплазмой. Конечно, в организме производится немало и другой работы на химическом и механическом уровне, но именно протоплазма отвечает за формирование всех тканей и структур.

Что же касается уже сформировавшихся тканей и структур, то мы по всей справедливости можем о них сказать то, что они вышли за порог царств жизненной силы, ибо в ходе своей жизни обречены лишь на распад и разложение. Они находятся как раз на пути исторжения из организма, которое произойдёт, едва только они спустятся, ступенька за ступенькой, по всей лестнице обратных трансформаций, и именно они порождают то, что мы определили как *общий запах* животного. Живое в них лишь одно — протоплазма.

В виде пищи из внешнего мира в организм поступают все материалы, которые необходимы для укрепления непрерывно истощающихся органических структур, а в виде теплоты из внешнего мира в организм является ещё один элемент, столь же необходимый для структурных изменений, развития и роста — элемент силы. Однако главная роль в деле направления всех поступающих извне материалов на решение задач по развитию и поддержке организма — иными словами, роль генерального директора, руководящего всем внутренним хозяйством организма, — падает именно на протоплазму.

И вот эта-то удивительная субстанция, в химическом и физическом смысле одна и та же что у наивысших животных, что у наинизших растений, оставалась вечной загадкой для биологов. Как так получается, что у человека протоплазма вырабатывает именно человеческую структуру, у птицы — птичью и т.д., хотя сама по себе протоплазма всюду представляется одной и той же? Профессор Йегер — и это является его огромной заслугой — показал нам, что протоплазмы различных видов растений и животных не одинаковы и что в каждой из них содержатся и, более того, внедрены внутрь её молекул такие ароматические вещества, которые характерны только для какого-то одного вида и не характерны для всех остальных.

Кроме того, эти самые ароматические вещества вовсе не представляют собой этикие пассивные, бездеятельные тела, и судить об этом мы можем по их высочайшей летучести, а, как мы знаем из физики, летучесть есть

следствие активности атомов. Прево (Prevost) описал два явления, которые он наблюдал в связи с ароматическими веществами. В первом случае при помещении их на поверхность воды они начинали двигаться. А во втором случае он на идеально чистую стеклянную пластину наносил тонкий слой воды. При добавлении к нему такого ароматического вещества, как камфора, водный слой на пластине начинал сжиматься по краям. Как показал далее г-н Лижуа (Ligeois), помещённое на поверхность воды ароматическое тело начинает стремительно делиться на частицы, и при этом движения камфоры или бензойной кислоты могут подавляться или целиком останавливаться при добавлении к воде [ещё одного — *перев.*] ароматического вещества.

Отмечая, что ароматические вещества, вступая в контакт с жидкими телами, обретают характерное движение и одновременно с этим ещё и передают движение жидкому телу, мы можем справедливо заключить, что типичная для протоплазмы формирующая способность происходит не благодаря собственно протоплазме, поскольку она везде одинакова, а тем или иным конкретным ароматическим веществам.

Хочу лишь добавить, что теорию профессора Йегера можно распространить и на другие области. Ведь и каждый металл имеет свой собственный специфический вкус и запах. Иными словами, металлы также наделены ароматическими веществами. Это может помочь нам объяснить и то, почему каждый металл в процессе кристаллизации из жидкого раствора неизменно принимает свою особую геометрическую форму, по которой его можно отличить от других металлов. Обычная соль, к примеру, при кристаллизации неизменно принимает форму куба, а квасцы — форму октаэдра и так далее.

Кроме того, теория профессора Йегера объясняет нам ещё одну великую тайну природы — передачу от родителя к потомку морфологической специализации. Это ещё одна загадка для биологов. Что там, внутри зародыша, находится такое, что из хранящихся в нём материалов способно развернуться в виде такой же конфигурации, какой обладает и тело родителя? Иными словами, что именно определяет сохранение вида, когда тот вырабатывает из себя миниатюрную копию тела родителя со всеми подробностями его конфигурации и характера? Нет сомнения, это протоплазма. Женская же яйцеклетка содержит протоплазму в избытке. При этом ни один физик и ни один химик неспособны углядеть какой-либо разницы между первоначальным зародышем, скажем, птицы, и заключённым в женское лоно человеческим зародышем.

В попытке найти ответ на этот вопрос — вопрос, над которым сегодня бьётся наука — мы не должны забывать о том, что было сказано нами ранее по поводу запаха протоплазмы. Выше мы говорили о характерном общем запахе животного. Однако мы знаем и то, что каждый орган и

каждая ткань у данного животного имеет опять-таки свой характерный аромат и вкус. Запах и вкус печени, селезёнки, мозга и т.д. могут резко различаться у одного и того же животного.

Но иначе и быть не может — если только наша теория верна. Каждый из этих органов устроен по-своему, но если мы предположим, что разнообразие органической структуры есть следствие разнообразия запахов, то, значит, неизбежно должен существовать и специфический запах мозга, специфический запах селезёнки, специфический запах печени и т.д. и т.д. Стало быть, то, что мы называем специфическим запахом живого животного, следует считать совокупностью всех различных запахов его органов.

Когда мы видим, что слабый раствор серной кислоты способен выделить из крови запах *животного*, то мы должны помнить о том, что истечение этого запаха содержит в себе частички всех запахов, характерных для каждой ткани и каждого органа этого животного. Когда мы, далее, утверждаем, что каждый орган живого животного, следуя принципу избирательного сродства, притягивает к себе из крови именно те материалы, которые ему необходимы для поддержания жизни, то мы не должны забывать о том, что одновременно с этим каждый орган притягивает к себе, подчиняясь избирательному сродству, ещё и специфические ароматические вещества, которые ему необходимы для решения своих конструктивных задач.

Нам остаётся лишь предположить, что зародыш, как и сама кровь, содержит в себе все ароматические вещества, относящиеся к различным тканям и органам родителя, и тогда нам станет понятно, по какому принципу в зародыше формируется потомок, облачённый в образ и подобие своих родителей.

У растений репродуктивная функция возложена на цветок, и истечения ароматов, сопутствующих этому процессу, достаточно широко известны. У нас есть все основания предполагать, что нечто похожее происходит и у животных, судя по исследованиям того, что эмбриологи называют *aura seminalis*. [2]

А теперь давайте зададимся вопросом о том, каково же может быть воздействие запахов на живущих во внешнем мире животных? Эти запахи могут вызывать как приятные, так и неприятные ощущения. При этом они могут быть одним животным приятны, а другим неприятны. Что же именно формирует это ощущение чего-то как приятного или неприятного? Профессор Йегер отвечает на этот вопрос так: всё дело в гармонии и дисгармонии.

Обонятельные органы у каждого животного пропитаны его собственным специфическим запахом. Когда волны истечений, испускаемых тем или

иным ароматическим веществом, вибрационно гармонируют с волнами, испускаемыми животным, то есть, иными словами, когда они совпадают и согласуются друг с другом, то возникает приятное ощущение, а когда происходит противоположный процесс, то и вызываемое ощущение бывает неприятным. Именно так и определяется выбор рациона со стороны животного. Аналогичным же образом определяются симпатии и антипатии среди различных животных. Ибо каждая особь обладает не только своим специфическим, но ещё и индивидуальным запахом. Выбор между представителями разных полов или то, что, применительно к людям, мы называем любовью, своим источником имеет ароматическую гармонию, возникающую между двумя особями.

Этот индивидуальный запах — разновидность специфического ароматического типа — может изменяться (в пределах своей специализации) с возрастом, с каждым конкретным видом занятий, он может быть различным у представителей разных полов и может зависеть от изменяющегося физиологического состояния и исполняемых в течение жизни функций, от состояния здоровья и, наконец, — но не в самую последнюю очередь — от состояния нашего ума.

Следует всегда помнить о том, что при каждом разложении протоплазмы происходит высвобождение специфических запахов. Мы наблюдали, как под воздействием серной кислоты или теплоты — при жарке или варке мяса — начинает выделяться специфический животный запах. Но, как доказала наука, любому физическому действию, любой мыслительной операции сопутствует распад ткани, и, стало быть, мы вправе говорить о высвобождении запахов при переживании любой эмоции. Можно доказать и то, что характер этих запахов меняется в зависимости от характера эмоции. Ограниченность во времени не позволяет мне здесь более подробно развивать эту тему, и поэтому я ограничусь лишь тем, что, воспользовавшись теорией профессора Йегера, сделаю некоторые выводы в свете положений эзотерического учения.

В озвученной мною теории находят полное объяснение, например, случаи исцеления болезней методами месмеризма. В самом деле, поскольку постройка и сохранение организма — и даже каждого его органа в отдельности — обязаны специфическим запахам, то по всей справедливости мы можем рассматривать болезнь в целом как некое нарушение специфического запаха организма, а заболевание того или иного органа тела — как нарушение того специфического запаха, который принадлежит этому конкретному органу. Всю ответственность за такое явление, как болезнь, мы до сих пор по привычке возлагали на одну лишь протоплазму. Теперь же мы знаем, что именно запахи и составляют активный элемент протоплазмы, и вот на них-то мы и должны смотреть как на первопричину возникновения нездоровья.

Выше я уже упомянул об эксперименте г-на Лижуа — эксперименте, доказавшем, что при контакте с водой ароматические вещества приходят в движение и что движение одного ароматического вещества может подавляться или прекращаться вообще присутствием другого ароматического вещества. А это означает, что эпидемические и вообще инфекционные болезни, скорее всего, связаны в своём происхождении с какими-то локальными запахами, подавляющими действие специфического запаха нашего организма. В случае наследственных заболеваний дело, скорее всего, заключается в передаче нездоровых специфических запахов от родителя потомку — ведь, как нам известно, если заболевание вызывает изменение естественного специфического запаха, то, значит, у больного родителя он должен был уже измениться.

И вот в дело вступает месмеризатор. Он подходит к больному, исполненный решимости вылечить его. Как в один голос утверждают все месмеризаторы, эта решимость, то есть волевое усилие, абсолютно необходима для достижения успеха в лечении. Но любое волевое усилие — это мыслительная операция, а значит, должна сопровождаться распадом ткани. Поскольку это волевое усилие носит чисто мыслительный характер, то мы вправе утверждать, что распаду должны подлежать ткань головного мозга и нервная ткань. Но распад органической ткани означает, как мы уже до этого видели, высвобождение специфических запахов. Стало быть, совершая свою операцию, месмеризатор испускает из своего собственного тела какие-то запахи. Поскольку же страдания пациента предположительно связаны с дефицитом или изменением его собственного специфического запаха, то мы легко можем видеть, как посредством своих месмерических или ароматических истечений (эманаций) месмеризатор способен добиться исцеления. Он может либо восполнить нехватку у пациента каких-то ароматических веществ, либо собственными эманациями скорректировать остальные — поскольку из эксперимента г-на Лижуа мы знаем, что одно ароматическое вещество способно воздействовать на другое ароматическое вещество.

Ещё одно замечание, и я закончу. Из эзотерического учения мы знаем, что живое тело можно подразделить на две части:

1. Физическое тело, состоящее целиком из материи, представленной в её самой грубой и осязаемой форме.
2. Жизненный принцип (или *дживу*), представляющий собою форму некой неуничтожимой силы, которая в случае разъединения её с одним набором атомов тут же захватывается другими.

Но ведь такое деление целиком согласуется — в широком смысле — с тем, чему учит и наука. Могу лишь напомнить вам о том, что сказал выше по поводу уже сформировавшихся тканей и структур тела, а также о его формирователе — протоплазме. Уже сформировавшуюся структуру

можно считать таким материалом, который вышел за порог царств жизни, и живое в нём лишь одно — протоплазма. В этом смысле эзотерическая концепция целиком согласуется с результатами новейших научных исследований.

Однако когда мы слышим о том, что, согласно положениям эзотерического учения, этот жизненный принцип является неразрушимым, то мы чувствуем, что здесь мы уже вступаем на почву оккультную и труднообъяснимую — ведь, как мы знаем, протоплазма, в конечном счёте, так же разрушима, как и само тело. Она продолжает жить, доколе длится жизнь — можно сказать, это единственный во всём теле материал, продолжающий жить, доколе длится жизнь. Но с прекращением жизни она умирает. Да, верно, она ещё способна в каком-то смысле к возвращению к жизни. Ведь эта самая что ни на есть мёртвая протоплазма, хоть животная, хоть растительная, служит нам опять-таки предметом пищи, причём не только нам, но и всему животному миру. Таким образом она помогает нам восстанавливать непрерывно истощающееся внутреннее хозяйство нашего организма. Однако едва ли можно при этом сказать, что она неразрушима. Она продолжает оставаться способной к усвоению — то есть способна возвращаться в царство жизни, благодаря поглощению её тем или иным живым телом. Но вероятность подобного рода сама по себе ничуть не даёт ей права именоваться неразрушимой ведь стоит нам только предоставить мёртвое животное или растение — вместе с содержащейся в них протоплазмой — их собственной судьбе и не прикасаться к ним, как они начнут гнить и разлагаться — все их органы, ткани и вся целиком протоплазма.

Однако эзотерическое учение преподносит нам ещё один сюрприз, когда мы узнаём о том, что жизненный принцип не только неразрушим, но ещё и представляет собой такую форму силы, которая в случае рассоединения её с одним набором атомов тут же захватывается другими. Это значит, что эзотерическое учение видит в нём что-то вроде некой абстрактной силы, — не той силы, что присуща живой протоплазме, а некой силе *per se*, силе, действующей сама по себе и существующей вне всякой зависимости от материала, с которым связана.

Должен признаться, учение это способно поставить иного в серьёзный тупик, хотя, например, концепцию человеческого духа как некой сущности принять не так уж и сложно, ведь, скажем, такое явление, как способность человека к логическому мышлению настолько выбивается из разряда физических явлений, что едва ли поддаётся объяснению с помощью любой из известных нам физических сил. Когда материалист говорит нам о том, что сознание, чувство, мысль и спонтанная сила воли, столь характерные как для человека, так и для высших животных, суть не что иное как одни лишь продукты определённых состояний материи и ничего больше, то он тем самым высказывает в лучшем случае просто

некое субъективное утверждение. Он не может не признать, что спонтанность не является одним из свойств материи. И тогда он начинает доказывать нам, что эта спонтанность в нас, о которой мы говорим, представляет собой, в конечном счёте, всего лишь некий не осознаваемый нами результат одного только внешнего воздействия. Таким образом, доказательство его покоится на основе одного лишь его внутреннего опыта или того, что он сам под этим понимает. У его утверждения, однако, находится немало оппонентов, которые не менее, чем он, апеллируют к собственному внутреннему опыту или к тому, что они под ним понимают.

Таким образом, оказывается, что вопрос-то весь состоит в противостоянии внутреннего опыта одной стороны спора с внутренним опытом другой стороны. В этой ситуации учёный-материалист вынужден всё-таки признать, что теория его, даже *окажись* она верной, опирается, в конечном счёте, лишь на субъективный опыт и в таком виде никак не может претендовать на лавры позитивного знания.

Стало быть, не составляет никакого труда признать заключённый в человеке дух за самостоятельную сущность, как бы материалисты ни старались доказать обратное. Но жизненная-то сила связана исключительно со строительством материи. И здесь мы с полным правом могли бы ожидать, что физические и химические силы должны будут играть первую скрипку в объяснении этого вопроса, если такое объяснение возможно вообще. Но ни физические, ни химические силы не являются самостоятельными сущностями — они во всех случаях неизменно связаны с материей. Собственно говоря, они так накрепко привязаны к материи, что не могут никогда быть целиком оторваны от неё.

Энергия материи может быть либо латентной, либо явной. В последнем случае она в зависимости от окружающих условий может проявлять себя то в одной форме энергии, то в другой. Она может проявляться в виде света, теплоты, электричества, магнетизма или витальности. Но, представленная в одной ли своей форме или в другой, энергия неизменно пребывает в материи.

Корреляция сил стала сегодня общепринятым фактом науки, и было бы более чем разумно предположить, что так называемый витальный принцип, или жизненная сила, является одним из звеньев в общей цепи прочих известных науке сил, а значит, она способна трансформироваться в любую из них — даже если признать жизненную силу за нечто такое, что способно существовать самостоятельно. Естественно, что современная биология стремится избавиться от самого этого понятия, "витальность", как самостоятельной сущности. Если неразрушимой следует считать жизненную силу, то таковыми же следует считать и теплоту, и свет, и

электричество и т.д. Неразрушимы они в том смысле, что если какое-то их проявление где-то прервалось или прекратилось целиком, то они способны явить себя в какой-то иной форме силы, и именно в этом смысле можно рассматривать жизненную силу как неразрушимую: едва проявление жизненной силы где-то прекратилось, как то, что до этой минуты действовало как жизненная сила, переходит в химическую, электрическую или иную силу, которая и заменяет собою эту жизненную силу.

Эзотерическое же учение, судя по всему, утверждает нечто совершенно отличное от того объяснения, которое я только что представил и которое, насколько я понимаю, является непредвзятым изложением научного понимания этого вопроса. Как гласит эзотерическое учение, жизненный принцип неразрушим, и в том случае, если он рассоединяется с одним набором атомов, он тут же захватывается другими. Оно со всей очевидностью утверждает: то, что составляет жизненный принцип, есть принцип или форма силы, действующая сама по себе. Это такая форма силы, которая может покинуть один набор атомов и перейти, сама по себе, на другой набор атомов, не оставляя после себя никакого заместителя. Такой взгляд на вещи, нужно сказать, просто несовместим с той научной точкой зрения на этот вопрос, которая существовала до сих пор.

С помощью же теории профессора Йегера эта трудность может быть преодолена и — я рад сообщить вам об этом — самым убедительным образом.

По теории профессора Йегера, местопребыванием жизненного принципа является не протоплазма, а внедрённая в неё ароматическая материя. А в этом случае жизненный принцип — даже если до него и удастся добраться, разбив его живую протоплазму, — разрушить будет действительно невозможно. Можно разрушить саму протоплазму, если поместить её в огонь, обработать серной кислотой или любым иным едким веществом — но ароматические субстанции не только не погибнут, но станут от этого проявлять себя ещё сильнее. Они покинут протоплазму в тот самый момент, когда начнётся процесс её разрушения или разложения, унося вместе с собою и жизненный принцип или то, что действовало в этом качестве внутри протоплазмы. А обладая летучестью, они должны будут в скором времени встретиться с другими протоплазмами, соответствующими их собственной природе, и там они возобновят ту же витальную активность, какую проявляли в прежнем месте обитания. Как справедливо и утверждает эзотерическое учение, они неразрушимы, и в случаях, когда оказываются разъединены с одним набором атомов, они мгновенно захватываются другими наборами.

Одори́ген и джива[3]

Дхаранидар Каутхуми

На санскрите существует широко известный трактат, в котором предвосхищено большинство выводов, к которым пришёл д-р Йегер. Там же содержатся и практические замечания по поводу выбора половых партнёров среди людей, а также довольно подробно освещён и вопрос, касающийся *aura seminalis*. Связь между тем, что д-р Йегер называет "одоригеном", и *дживой* или *праной*, как это по-разному называется в различных системах индийской философии, прослеживается вполне отчётливо. Вместе с тем замечания его по этому вопросу при всей их несомненной ценности требуют некоторых комментариев с точки зрения оккультной философии.

Как указывается в авторитетном источнике,[4] *джива* — это "одна из форм неразрушимой энергии, и в случае, если она оказывается отсоединена от одного набора атомов, то тут же захватывается каким-от другим набором атомов". Из этого д-р Сэлзер делает вывод о том, будто оккультная наука считает её некой абстрактной силой или силой, действующей сама по себе. Подобные формулировки свидетельствуют о явном желании уложить свою мысль в прокрустово ложе современной научной фразеологии, которая способна увести нас далеко в сторону.

"Материя" в понимании оккультной философии означает "бытие" в самом широком смысле этого слова. Как бы сильно ни отличались друг от друга различные формы бытия — такие, как физическая, витальная, ментальная, духовная и т.д. — все они между собой тесно связаны и составляют единое мировое бытие — то есть Парабрахмана ведантистов.

Сила представляет собой имманентную способность Парабрахмана — "материи" в оккультном понимании — принимать разнообразные формы. Способность эта не является самостоятельной сущностью: она и есть то самое, в чём сама же и заключена — точно так же, как и способность треугольника иметь три угла не есть нечто, существующее самостоятельно от треугольника. Отсюда со всей ясностью вытекает, что если мы принимаем терминологию оккультной науки, то мы не можем говорить о существовании некой абстрактной силы, не впадая при этом в очевидный абсурд.

Когда о *дживе* говорят как о "форме силы", то этим хотят подчеркнуть, что речь идёт о материи, которая находится в особом состоянии, и в этом состоянии она оказывается способной производить такие явления, какие неспособна производить, находясь в своём чувственно воспринимаемом состоянии. Иными словами, речь идёт об одном из свойств материи, пребывающей в особом состоянии. Это свойство находится в одном ряду с такими другими свойствами, которые в обычных условиях современной

наукой называются теплотой, электричеством и т.д., но при этом рассматривается вне всякой корреляции с ними.

Здесь нам могут возразить: дескать, если *джива* не есть некая самостоятельная сила (в том смысле, в каком это выражение понимается современной наукой), то как тогда она могла бы сохраняться в неизменности, пережив эту великую перемену, именуемую смертью, ведь именно её и переживает та самая протоплазма, в которой *джива* и заключена? И даже если допустить, что *джива* — это действительно материя, находящаяся в особом состоянии, то в какой же именно части тела мы должны её тогда поместить с учётом того непреложного факта, что обнаружить её так и не удалось даже в ходе самых скрупулёзных исследований?

Джива, как уже было сказано, представляет собою тонкую сверхчувственную материю, пронизывающую собой всю физическую структуру живого существа, и когда она покидает эту структуру, то мы обычно говорим: жизнь покинула тело. Вот почему не может быть никаких оснований ожидать, будто её возможно обнаружить с помощью скальпеля хирурга. Для соединения *дживы* с животной структурой требуются особые условия, и, когда в этих условиях возникает нарушение, она оказывается увлечённой другими телами, в которых сложились для этого благоприятные условия.

Тот "одориген", о котором говорит д-р Йегер, — это не сама *джива*, а лишь одно из звеньев, соединяющих *дживу* с физическим телом. Это, судя по всему, та материя, что стоит между *стхула-шарирой* (плотным телом) и *дживой*.

Интроверсия ментального зрения[5]

Мохини М. Чаттерджи

Серия интересных экспериментов была недавно проведена г-ном Ф.У.Г. Майерсом и его коллегами из лондонского Общества психических исследований. Эксперименты эти, при должном их изучении, способны привести к чрезвычайно важным результатам. Не вдаваясь в подробности, сообщим лишь незнакомым с этими экспериментами читателям, что в большинстве примеров — примеров слишком многочисленных, чтобы оказаться результатом чистой случайности — было обнаружено, что читающий мысли сенситив получал перевёрнутое ментальное изображение предмета, предложенного ему для прочтения. Перед читателем мыслей располагали листок бумаги с изображением стрелы. Ему перед тем тщательно завязывали глаза, а затем предлагали

рассмотреть с помощью ментального зрения этот рисунок, который одновременно вращали таким образом, чтобы стрела указывала то в одном, то в другом направлении. Оказалось, что, когда наконечник стрелы указывал вправо, сенситив воспринимал её указывающей влево и т.д. Некоторых участников эксперимента это привело к мысли о мираже, возникающем как на внутреннем, так и на внешнем плане зрительного образа. Подлинное же объяснение этого явления лежит несколько глубже.

Общеизвестно, что предмет, который мы видим перед собой, и его образ, возникающий в сетчатке нашего глаза, не только не совпадают по своему расположению, но и противоположны друг другу. Каким образом происходит этот переворот зрительного образа на сетчатке, остаётся загадкой, которую физическая наука, по общему признанию, неспособна разгадать. В не лучшем положении оказалась и метафизика: теорий на сей счёт существует не меньше, чем самих метафизиков. Единственным философом, у которого мы встречаем некоторые проблески истины, является идеалист Беркли, который также утверждает, что младенец в действительности видит перевернутое, с нашей точки зрения, изображение предметов: так, пытаясь дотянуться ручками до своей головы, он совершает ими те же движения, которые совершаем и мы, когда пытаемся коснуться ног. Совершаемые раз за разом ошибки ведут к накоплению ребёнком опыта, и первые представления, порождённые одним чувством, могут у него измениться с помощью представлений, выводимых из других чувств. Аналогичным образом возникают и ощущения расстояния и твёрдости.

Применив эти сведения к упомянутым выше экспериментам Общества психических исследований, мы можем прийти к весьма красноречивым заключениям. Если прошедший надлежащую подготовку адепт представляет собой человека, у которого развиты все его внутренние способности, и, с точки зрения психики, он целиком и полностью владеет своими чувствами, то индивид, который случайно, то есть не проходя оккультного обучения, обретает внутреннее зрение, оказывается в положении незащитного младенца — он становится игрушкой для причуд какого-то одного, отдельно взятого чувства. Именно это и случилось с сенситивами, участвовавшими в экспериментах г-на Майерса и его коллег.

Бывают, однако, и случаи произвольной коррекции одного чувства другим, в результате чего обеспечиваются правильные результаты. Когда сенситив читает мысли другого человека, подобной коррекции не требуется, поскольку этот другой, думающий, человек своей волей как бы "выстреливает" мысли непосредственно в сознание сенситива. Та интроверсия, о которой мы говорим, имеет место лишь в случаях, когда речь идёт об образах, не поддающихся корректировке сенситивом с помощью уже обрётённого им опыта в области управления чувствами.

Сложности могут проявляться в случаях, когда сенситиву для прочтения предлагаются имена людей или какие-либо слова, о которых в данный момент мыслит человек.

Однако случаи эти необходимо рассматривать с поправкой на волю "думающего", поскольку именно она энергично внедряет мысль в сознание сенситива и тем самым может устранять интроверсию. Отсюда со всей очевидностью следует, что подобные явления лучше всего изучать, когда в эксперименте задействован лишь один набор внутренних чувств, — сенситива. А это всегда бывает в тех случаях, когда предмет, который сенситив должен аномальным способом воспринять, никак не связан с волей кого бы то ни было ещё — например, когда объект зафиксирован на бумаге.

Применив то же самое правило к области сновидений, мы можем найти и обоснование народного суеверия, согласно которому во сне всё происходит, как правило, наоборот. Если снится что-то хорошее, то, люди обычно делают вывод: жди беды. Что же касается тех редчайших случаев, когда сны оказывались вещими, то это означает, что человек, которому приснился такой сон, находился либо под действием чьей-то воли, или на него повлияли какие-то чрезвычайные факторы, которые могут быть различными в каждом конкретном случае.

В этой связи необходимо указать на ещё одно крайне важное психическое явление. К сегодняшнему дню накопилось уже множество сообщений (и сообщения эти столь убедительно подтверждены, что оспаривать их более невозможно) о том, что люди своим ментальным зрением могут наблюдать так или иначе связанные с ними события, случившиеся на большом расстоянии от них — например, смерть близкого им человека. В подобных случаях человек может наблюдать двойника умирающего, какое бы расстояние ни разделяло их между собой. Как правило, его явственно видит только близкий человек. Однако нередко приходят сообщения и том, что одного и того же двойника наблюдали сразу несколько человек.

Первый случай входит в разряд явлений, которые мы сейчас и рассматриваем: сосредоточенная мысль умирающего может быть ясновидчески воспринята его другом, и все сопутствующие смерти обстоятельства могут быть чётко воспроизведены посредством волевой энергии умирающего. Что же касается второго случая, то там речь идёт о подлинной *маявирупе*, а это явление подпадает под уже совсем другие законы.

Из всего множества оккультных феноменов, что производились до сих пор в связи с работой нашего Общества, ни один не получил подтверждения со стороны столь же обширного круга свидетелей, не обрёл столь же широкой известности и не вызвал такого же обилия комментариев в теософских публикациях последнего времени, как те, что связаны с тайной написания писем. Сам по себе феномен этот уже настолько подробно описан в "Оккультном мире" и в других работах, что едва ли нуждается в повторном описании здесь. Наш интерес в данном случае связан скорее с процессом, чем с таинственным феноменом создания писем. На свою просьбу представить хоть какие-нибудь разъяснения по поводу этого процесса г-н Синнетт получил от почтенного Махатмы, с которым находится в переписке, следующий ответ:

". . . Вы не должны забывать, что эти письма не пишутся от руки, а производится их оттиск, то есть они *осаждаются*, и затем все ошибки исправляются[7] . . . Вначале я должен ответ обдумать, каждое его слово и каждую фразу фотографически точно запечатлеть в своём мозгу, и только после этого оно может быть воспроизведено при помощи "осаждения". Когда, например, Вы хотите зафиксировать на химически обработанной поверхности фотографический снимок, то вначале Вы должны правильно отрегулировать фокус применительно к снимаемому объекту, поскольку иначе — как это нередко случается на плохих фотографиях — ноги у фотографируемого человека могут оказаться несоразмерными его голове и т.д. Точно так же и мы должны вначале ясно сформулировать каждую свою фразу и запечатлеть у себя в сознании каждую букву, которой предстоит появиться на бумаге, и только после этого письмо предстанет в удобочитаемом виде. Вот пока и всё, что я могу сказать Вам на этот счёт[8]".

С тех пор, как были написаны эти строки, Учителя любезно позволили чуть-чуть приподнять завесу тайны, и человеку постороннему теперь можно разъяснить *modus operandi*[9] гораздо полнее.

Люди, хотя бы понаслышке знакомые с такой наукой, как месмеризм, знают, что мысли месмеризатора, пусть даже и молча сформулированные им в своём сознании, способны немедленно передаваться в сознание его пациента. Такому оператору-месмеризатору, если он достаточно силён, не обязательно находиться рядом с пациентом, чтобы добиться подобного результата. Бывали случаи, когда знаменитые практики-месмеризаторы погружали своих пациентов в сон, находясь от них даже на расстоянии нескольких дней пути. Этот широко известный факт может послужить нам ориентиром в деле осмысления этой сравнительно неизученной темы, которую мы сейчас обсуждаем.

Для написания упомянутых выше писем применялся особый метод — что-то вроде психического телеграфа. Махатмы крайне редко пишут свои письма, пользуясь обычным способом. Между каждым Махатмой и его учениками-чела, которые и выполняют функцию писца, существует на психическом плане нечто похожее на электромагнитную связь. Когда Учителю нужно написать таким способом письмо, он, желая привлечь к себе внимание чела, выбранного им в качестве писца, чаще всего посылает ему особый сигнал, и тогда рядом с чела начинает звенеть астральный колокольчик (звон которого так часто доводилось слышать многим членам нашего Общества и не только им). Так же поступают и телеграфисты: прежде чем отправить своё сообщение, телеграфист-отправитель посылает телеграфисту-приёмщику предупредительный сигнал. Затем Махатма облекает возникшие в его сознании мысли в слова, произносит их в уме и после этого вбрасывает их в потоки астрального света с тем, чтобы они отпечатались в мозгу ученика.[10] А уже оттуда они нервными токами переносятся к ладоням и кончикам пальцев чела, спокойно лежащим на листке магнетически обработанной бумаги. По мере того, как эти волны мыслей отпечатываются в волокнах бумаги, к ней особым оккультным способом — я не стану его здесь описывать — привлекаются соответствующие материалы: они извлекаются из океана *акаши* (пронизывающей собою каждый атом в чувственно воспринимаемой Вселенной). Они-то окончательно и закрепляют написанное на бумаге.

Как со всей очевидностью следует из сказанного, для успешного написания письма вышеуказанным способом необходимо наличие главным образом двух условий:

- (1) для выброса мыслей требуется известная сила, а сами мысли должны быть при этом отчётливо сформулированы;
- (2) мозг-получатель должен быть свободен от любых воздействий, способных привести к искажениям.

Точно такая же картина наблюдается и в области применения обычного электрического телеграфа. Если по той или иной причине заряд аккумуляторной батареи, снабжающей электроэнергией телеграфный аппарат, падает ниже допустимого уровня или происходит какая-то поломка в принимающем аппарате, то текст передаваемого сообщения либо искажается, либо с ним происходит что-либо ещё, что делает его непригодным для чтения.

И, действительно, подобные неточности случаются на каждом шагу, как это можно понять из слов Махатмы, сказанных во фрагменте вышеприведённого письма. "Вы не должны забывать", — говорит он, — "что эти письма не пишутся от руки, а *производятся их оттиск*, то есть они осаждаются, и *затем все ошибки исправляются*".

Так что же всё-таки вызывает ошибки, случающиеся при осаждении? Памятуя все упомянутые выше обстоятельства, приводящие к огрехам в телеграммах, нетрудно понять, что по той или иной причине Махатма может устать, во время процесса передачи может позволить своим мыслям свободно блуждать, он может не придать той силы, которая требуется для направления мыслей по астральным потокам, да и внимание получателя-ученика может оказаться рассредоточенным, что приводит к нарушениям в работе его мозга и нервных центров, — вот тогда-то и происходят сбои в процессе передачи мыслей.

Очень жаль, что я не имею права привести здесь примеры, иллюстрирующие действие упомянутых выше общих принципов. Но и сказанного довольно, чтобы подсказать читателю ключ к пониманию целого ряда "таинственных явлений", связанных с осаждением писем, и горячо призвать всех вдумчивых и искренних искателей истины вступить на путь духовного развития, ибо один только он и способен привести к пониманию смысла оккультных явлений.

"Как нам следует спать?" [11]

Густав Цорн

Складывается впечатление, что г-н Сита Натх Гхосе и барон фон Райхенбах придерживаются диаметрально противоположных точек зрения на обсуждаемый в статье вопрос: последний рекомендует спать, повернувшись головой к северу, тогда как первый считает такое положение категорически неприемлемым.

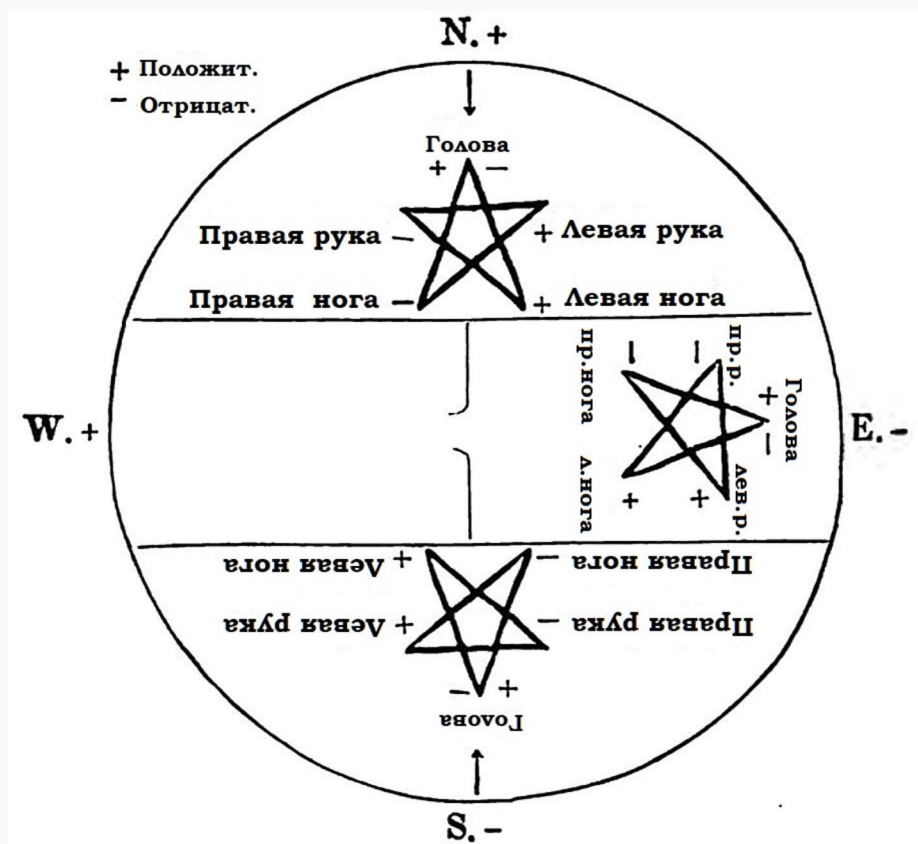
На мой скромный взгляд, оба они правы — каждый по-своему, как я это и попытаюсь показать. Почему наше положение во сне вообще имеет какое-то значение? Да потому, что тело наше должно находиться в таком положении, при котором оно способно гармонизировать с главными магнитными потоками Земли. А поскольку потоки эти в разных частях света не одинаковы, то и положение спящего неизбежно должно быть различным.

На Земле действуют три главных магнитных потока: один в северном полушарии, идущий с северного полюса к экватору; другой в южном полушарии, идущий с южного полюса к экватору, и два этих потока, встречаясь в жаркой зоне, сливаются вместе и образуют общий третий поток, который движется с востока на запад. Таким образом, и спящий должен занимать различное положение в зависимости от того, где он находится: к северу или к югу от жаркой зоны, или остаётся в пределах последней.

Находясь в холодной или умеренной зоне на севере, он должен лежать, обратившись головой к северу; на юге — к югу; в жаркой зоне — к востоку, и всё это для того, чтобы магнитный поток мог без помех проходить через всё его тело от головы к ногам, поскольку такое положение является самым естественным с точки зрения магнетизации.

Следующий рисунок может дать нам более ясное представление об этих вещах и поможет ответить на вторую половину вопроса: когда мы можем спать на правом, а когда на левом боку, когда должны лежать на животе, а когда на спине, и должны ли мы так ложиться вообще:

Автор любопытной статьи "Как нам следует спать?" [12] на своём рисунке показывает, что, по его мнению, голова является целиком положительно заряженной, а обе ноги — отрицательно заряженными. Я думаю, что это не так и положительно заряженными являются лишь правая часть головы и левая нога, а отрицательно заряженными — левая часть головы и правая нога. Аналогично этому отрицательно заряжена правая рука, а положительно — левая.

Поскольку северный полюс несёт в себе положительный заряд, а левая часть головы — отрицательный, то для жителей северных зон самым естественным было бы спать, лёжа на правом боку и головой к северу.

Очевидно, что для жителей южных зон всё должно быть прямо противоположным. Для жителей же тропиков наиболее естественным, с моей точки зрения, было бы положение лёжа животе, поскольку левая, или отрицательно заряженная, сторона головы будет в этом случае обращена к северному, то есть к *положительно заряженному*, потоку и наоборот.

Вот уже многие годы я и моя семья спим, повернувшись головою либо на север, либо на запад (самое правильное положение в нашем полушарии, с моей точки зрения), и пока ещё у нас не было случая раскаяться в этом, поскольку с тех самых пор врач в нашем доме стал редким гостем.

Как рассказывает в своей интересной статье "Магнетизм в медицине" её автор, г-н Сита Натх Гхосе, в Индии заболевшие части тела с успехом лечат, надевая на них *mandulies*, металлические сетки (*metallic cells*). В целительных способностях этих сеток меня убеждают случаи, которые я наблюдал собственными глазами. Так, много лет назад (в году, кажется, ещё 1852), когда в некоторых частях Европы свирепствовала холера, в Мюнхене (в Баварии) было подмечено, что среди тысяч её жертв не оказалось ни одного медника. Тут же от городских медицинских властей последовала рекомендация надевать на тело диски, изготовленные из тонких медных пластин (диаметром 2,5 дюйма[13]) — их носили на шнурке так, чтобы они касались верхней части живота. Это оказалось весьма действенным профилактическим средством от заболевания холерой.

Опять же, в 1867 году холера явилась и в Одессу. Я и все члены моей семьи стали носить эти медные диски, и, хотя вокруг нас множество людей заболело холерой и дизентерией, ни одного из нас они не коснулись. Я предлагаю провести серьёзные эксперименты в этом направлении, особенно в тех странах, которые периодически подвергаются опустошительным эпидемиям этой болезни: например, в Индии. Я убеждён, что если один медный диск носить на животе, а другой, цинковый, на спине, прямо напротив первого, то диски эти сослужат людям добрую службу, а ещё лучше, если оба диска будут соединены тонкой медной цепочкой.

Как нам следует спать?

Нобин К. Баннерджи

Прежде всего, необходимо сказать, что правила, установленные Гаргой, Маркандеей и другими[14] в указанной области, относятся к одним лишь жителям долин и не распространяются на обитателей гор. Правило состоит в том, что, отправляясь спать, человек должен сначала лечь на правый бок и оставаться в таком положении в течение периода времени, соответствующего шестнадцати вдохам. Затем он должен повернуться на левый бок и оставаться в этом положении в течение вдвое большего

периода времени, после чего он уже может спать в любом положении.

Далее человек не должен спать на земле, на шёлковой или шерстяной ткани, под одиноко стоящим деревом, на перекрёстках дорог, на горах или на небесах (что бы под этим не подразумевалось). Не должен спать он также во влажной одежде, с мокрыми ногами и в обнажённом виде. Кроме того, если он не посвящённый, то он не должен спать на траве куша[15] и на её разновидностях. Кроме этих, есть множество и других правил.

Хочу здесь заметить, что на санскрите понятия "правая рука" или "правая сторона" и понятие "юг" обозначаются одним и тем же словом. Точно так же и понятия "передняя часть" и "север" передаются одинаково.

Солнце — это великий и главный источник жизни и магнетизма в Солнечной системе. Поэтому-то для мира именно восток несёт в себе положительный заряд как источник света

и магнетизма. По той же самой причине положительный заряд для северного полушария несёт в себе юг (экватор, а не север). По законам динамики, в результате взаимодействия этих двух сил образуется поток, направленный с юго-востока на северо-запад. Это, с моей точки зрения, и является одной из реальных причин доминирования юго-восточного ветра. Как бы то ни было, я не считаю, что северный полюс несёт в себе положительный заряд, поскольку в таком случае там не было бы снега. Полярное сияние может происходить не в источнике потоков, а в их конце. Поэтому этот источник и должен располагаться в сторону экватора, то есть юга.

Течение жизни, цивилизация, свет и практически всё, похоже, переходят с востока на запад или с юго-востока на северо-запад. Говорят, что если человек спит, обратившись головой на запад, то наказанием ему за это будет тревожное состояние ума, тогда как сон в положении, когда голова обращена на север, будет иметь, как считается, самые роковые последствия.

Также прошу обратить внимание индусов на то, что подобное же

наказание смертью грозит любому человеку, если он, не будучи посвящённым (брахманом), станет произносить пранава (священный слог Ом). Это не значит, что пранава — это какое-то вредное, дурное слово, но если человек не знает, как его правильно произносить, то он может невольно навлечь на себя опасность. Это же касается и обычных обитателей равнин, которым могут грозить неведомые им беды, и поэтому разумнее всего было бы для них постараться избежать их, если они не знают, как эти беды можно отвести от себя, или если рядом с ними нет людей, умеющих обеспечить им нужную защиту. Коротко говоря, обычные люди должны следовать по жизни проторённым путём, и указанные правила существуют только для них.

А о том, что может случиться в случае нарушения правил, повествует следующая притча:

Когда родился Ганеша (сын Шивы), то все дэвы явились в дом к отцу, чтобы поздравить его с прибавлением в семействе и благословить младенца. Самым же последним пришёл Шани (Сатурн), да и то лишь после многочисленных напоминаний. Он приблизился к ребёнку, чтобы рассмотреть его получше, и что же он видит? У младенца нет головы! Услышав об этом, все переполошились. Что тут было делать? Как ни ломали голову дэвы, ничего не могли придумать. И тут перед Махадэвой предстал наконец сам Сатурн. Сложив перед ним руки в почтительном поклоне, он так молвил ему: "Случилось это из-за моего присутствия, а ещё из-за того, что ребёнка держали в кровати головой к северу. И закон свершился".

И собрались тогда дэвы на совет и решили отправить во все земли посланцев, чтобы те разузнали, кто ещё спит, обратившись головой к северу. И увидели наконец слона, который спал точно в таком положении. Они тут же отрубили ему голову и водрузили её на плечи Ганеши. Нужно ли говорить о том, что когда Ганеша вырос, то стал он таким учёным и премудрым, что, не будь у него слоновьей головы, то в человеческой его голове никогда не уместилась бы вся его премудрость. А даром этим он был обязан тому, что спал, повернувшись головой на север, а ещё благословению дэв. Однако для слона то же самое положение во сне *при отсутствии* благословения дэв означало неминуемую смерть.

Как нам следует спать?

Прочитав статью г-на Ситы Натха Гхосе "Магнетизм в медицине", а ещё ранее внимательно ознакомившись с сочинением барона фон Райхенбаха "Изыскания в области магнетизма" ("Researches in Magnetism"), я поразился тому, насколько оба автора расходятся между собой. Первый

утверждает: "никогда и ни при каких обстоятельствах не спите, лёжа головой к северу". Второй же, напротив, предупреждает: "спать следует всегда и при любых обстоятельствах, только лёжа головой к северу".

Много лет назад, когда я ещё и знать ничего не знал о рекомендациях первого, я решил последовать совету второго, но никакого ожидаемого влияния на своё здоровье так и не обнаружил. Более того, я не обнаружил даже такого закона, который можно было бы применить ко всему человечеству и оздоровить с его помощью *всех* людей.

Как мне представляется теперь, по внимательном прочтении этой статьи, в ней случайно или намеренно упущен самый главный момент: положение спящего. Как он должен спать: повернувшись вверх лицом или спиной? А это ведь и есть самое главное, поскольку правильный ответ на этот вопрос может во многом примирить обе точки зрения, которые, напомним, по утверждениям авторов, покоятся на данных эксперимента и наблюдения.

Я не понимаю, почему спать, лёжа *лишь на одном* боку, считается для человека естественным, а потому вижу здесь два возможных варианта. Может быть, правильнее было бы спать либо на спине, либо на животе? В статье не сказано ни слова о том, проводились ли эксперименты в отношении как первого, так и второго положения.

Во всём этом мне представляется ясным лишь одно: положительно заряженное должно быть обращено к заряженному отрицательно. Давайте изобразим это на рисунке и посмотрим, каковы будут последствия сна в одном и в другом положении. Север мы будем считать положительно заряженным, а юг — отрицательно; восток — отрицательно заряженным, а запад — положительно.

Положение I — Лёжа на спине

А. Голова на восток . . .	Гармония во всём.
В. Голова на север . . .	{ Дисгармония — голова и ноги. Гармония — руки.
С. Голова на юг . . .	{ Гармония — Голова и ноги. Дисгармония — руки.
Д. Голова на запад . . .	Дисгармония во всём.

экспериментах барона фон Райхенбаха?

Это вопрос чрезвычайной важности для всякого, кто ценит своё здоровье и кто мечтает обрести мудрость. За время своего пребывания в южных странах я замечал, что туземцы — по крайней мере, принадлежащие к низшим классам — всегда спят на животе, повернувшись спиной к солнцу. Так же спят и животные. Спать же, лёжа на спине, крайне опасно — по крайней мере, на солнце. Не ключ ли это к ответу на вопрос: каковым должно быть самое правильное положение во сне?

Трансмиграция жизненных атомов [16]

Н. Д. К.

Нам объясняют, что

"вот уже, по меньшей мере, три тысячелетия, как эта "мумия", невзирая на всю её предварительную химическую обработку, продолжает выбрасывать из себя невидимые глазом атомы (и будет продолжать это делать до самого последнего своего атома), которые, начиная со смертного её часа, уже успели покружиться в круговороте множества вихрей бытия — впрочем, они и поныне продолжают "проходить через каждую форму организованной жизни, представленной в бесконечном её многообразии". Однако всё это — не душа. Это не пятый и тем более не шестой принцип. Всё это не что иное как *жизненные атомы дживы* — второго принципа. По истечении трёх тысяч лет — в одних случаях чуть больше, в других чуть меньше, — по завершении бесконечных своих трансмиграций все эти атомы снова стягиваются вместе, чтобы образовать новое облачение, новое тело для той же самой монады (а она-то и есть подлинная душа), которую они уже окутывали собою когда-то прежде — две или три тысячи лет тому назад, когда входили в состав прежнего её одеяния. И даже в самом наихудшем случае — даже при аннигиляции сознающего себя принципа *личности* — сама монада, то есть *индивидуальная душа*, остаётся всё той же самой. Такими же остаются и *атомы низших принципов*. И, возродившись, обретя в этой нескончаемой реке бытия свежие силы, а также следуя тяге подобного к подобному, они магнетически стягиваются вместе ещё раз, чтобы, образуя единое целое, обрести новое воплощение". [17]

Этот небольшой отрывок содержит в себе новую порцию излагаемого широкой публике оккультного учения и даёт обильную пищу для размышлений. В нём, во-первых, предполагается, что экзотерическая

доктрина трансмиграции души через низшие формы бытия — столь широко исповедуемая индуистами при том, что её было бы неверно применять по отношению к собственно душе (пятому принципу) — заключает в себе и некое зерно истины в том, что касается низших принципов.

Далее, здесь говорится о том, что мумия продолжает выбрасывать из себя невидимые глазом атомы, которые проходят через каждую форму многообразно организованной жизни. Здесь подчёркивается, что через эти трансмиграции проходят именно *жизненные атомы дживы*, второго принципа.

Согласно эзотерическому учению, *джива* — это

"одна из форм неразрушимой силы, и когда она разъединяется с одним набором атомов, то тут же захватывается другими". [18]

Что же в этом случае следует понимать под *жизненными атомами* и что это за бесконечные трансмиграции, через которые они проходят?

"Невидимые глазом атомы" мумии могут означать незаметно разлагающиеся атомы физического тела, и *жизненные атомы дживы* в этом случае следует строго отличать от атомов мумии. Означает ли это, что и невидимые атомы физического тела, и атомы дживы, перебивав во всех многообразных формах проявления жизни, собираются снова вместе, чтобы переформировать физическое тело и *дживу* той сущности, у которой срок пребывания в девачане подошёл к концу, и она готова к новому воплощению?

Опять же, как гласит учение, даже при наихудшем сценарии (при аннигиляции личного эго) атомы *низших принципов* остаются точно такими же, какими были в предыдущем воплощении. Но что в данном случае следует понимать под термином "низшие принципы"? Включают ли они в себя также и *кама-рупу* или ограничиваются одной только низшей триадой: телом, дживой и линга-шарирой? Судя по всему, *кама-рупа* в данном конкретном случае сюда едва ли включается, поскольку когда душа личности подвергается аннигиляции, то *кама-рупа* оказывается в восьмой сфере.

Здесь напрашивается и другой вопрос. Четвёртый принцип (*кама-рупа*) вместе с той *низшей* частью пятого, которая не может быть усвоена шестым, начинает блуждать в пространстве в виде пустой оболочки и со временем полностью распадается на составляющие её элементы. Что тогда происходит с атомами этих принципов? Пройдя через разнообразные трансмиграции, они что, тоже воссоединяются вновь для создания ещё раз четвёртого и низшего пятого [принципов] следующей воплощающейся сущности?

Примечание

Е.П. Блаватская

Для начала нам хотелось бы обратить внимание читателя на заключительную фразу, содержащуюся в вышеприведённом отрывке: "Такова была у египтян подлинная оккультная теория".^[19]

Слово "подлинная" означает здесь то, что именно в таком виде эту доктрину и исповедовали египтяне в отличие от всего того, что им впоследствии приписали отдельные востоковеды, и именно в таком виде её могут излагать и современные оккультисты. Было бы нелогично с нашей стороны наряду с теми оккультными истинами, которые были известны великим иерофантам и которые те сообщали неофитам во время окончательного посвящения, включать в учение ещё и всё то, что могли считать истинным как египтяне, так и любые другие народы. Подлинными посвящёнными были только жрецы Исида, и их оккультные учения окутаны ещё более плотной завесой тайны, чем даже учения халдеев. В то время существовала, во-первых, подлинная и чистая доктрина, которая исповедовалась исключительно иерофантами *внутреннего* храма; во-вторых, были наполовину завуалированные иератические учения, которые излагались жрецами *внешнего* храма; и, наконец, существовала и вульгарная общенародная религия, в которую верила основная масса профанов — им было позволено воздавать божественные почести даже животным.

Как верно отмечает сэр Гарднер Уилкинсон, учение посвящённых жрецов гласило:

"[всякий] распад ведёт лишь к [очередному] воспроизводству,.. и если что-то однажды уже существовало, то оно не может погибнуть, и когда вещь представляется нам разрушенной, то на самом деле это означает, что она лишь изменила свою природу и перешла в другую форму".^[20]

В данном случае, однако, египетское учение об атомах совпадает с нашим собственным оккультным учением. Приведённые выше слова — "жизненные атомы дживы" — должны пониматься в их самом буквальном смысле. Вне всякого сомнения, *джива* (или *прана*) — это нечто совершенно отличное от тех атомов, которые она собою одушевляет (*animates*). Последние принадлежат к самому низшему, к самому грубому — *объективно* обусловленному — состоянию материи. Первая же относится к более высокому состоянию. Человек не посвящённый, незнакомый с природой материи, назвал бы это состояние "объективно конечным". Мы же, во избежание недопонимания в будущем, вероятно, имели бы право назвать его *субъективно вечным*, хотя одновременно с этим его можно назвать и в некотором смысле самосушим, врождённым

бытием, каким бы парадоксальным и ненаучным этот термин ни мог показаться.[21]

Жизнь, как утверждают оккультисты, есть вечная несотворённая энергия, и во всей бесконечности Вселенной лишь она одна представляет собой то, что физики договорились называть "принципом", законом непрерывности, хотя этот термин они применяют только к нескончаемому развитию того, что качественно обусловлено. Но поскольку устами своих самых учёных профессоров современная наука признаёт, что

"энергия имеет такое же право называться объективной реальностью, как и сама материя",[22]

а жизнь, по оккультному учению, представляет собой такую единую энергию, которая, подобно Протею, действует, принимая самые разнообразные внешние формы, то оккультисты имеют определённое право на подобную терминологию.

Жизнь извечно присуща каждому атому и материи вообще, будь та хоть неорганической, хоть органической — оккультисты отказываются видеть здесь какую-либо разницу. Их учение состоит в том, что в неорганической материи жизнь присутствует в той же мере, в какой присутствует и в материи органической: когда жизненная энергия находится в атоме в активном состоянии, атом этот является органическим; если же она в нём дремлет, находится в латентном состоянии, то такой атом является неорганическим. А значит, выражение "жизненный атом"[23] — пусть оно и способно сбить с толку иного читателя — не так уж, в конечном счёте, и некорректно, ведь оккультисты убеждены, что в природе нет ничего "неорганического" и знать не знают ни о каких таких "мёртвых атомах", какой бы смысл наука в это прилагательное ни вкладывала. Закон же биогенеза[24] — в общепринятом его понимании — это просто результат незнакомства учёных с *оккультной* физикой, и своё признание он получил лишь в силу неспособности учёных отыскать те необходимые средства, которые позволили бы им пробудить к активности жизнь, дремлющую в том, что они называют "неорганическим атомом". А отсюда и это заблуждение, согласно которому "живое" может якобы производиться только "живым" — как будто в природе действительно могло когда-нибудь существовать нечто, подобное *мёртвой* материи! Но если уж быть последовательными до конца, то в этом случае и мула следовало бы причислить к неорганической материи, ведь он не способен к самовоспроизводству и зарождению жизни.

Мы так долго задерживаемся на этом вопросе только потому, что правильное его понимание поможет снять любые возражения в связи с нашим утверждением о том, что некая мумия, которой вот уже несколько тысяч лет от роду, всё ещё способна выбрасывать из себя атомы. Нужно сказать, что фраза наша прозвучала бы гораздо понятнее, если бы мы

изначально употребили не выражение "жизненные атомы дживы", а сказали бы: "атомы, одушевляемые дремлющей дживой, энергией жизни".

Опять же, то определение дживы, которое было приведено выше, пусть в целом и правильное, можно было бы сформулировать если и не более отчётливо, то чуть полнее. Да, разумеется, та "джива", та жизнь, тот принцип, который одушевляет собою человека, зверя, растение и даже минерал, — это действительно "одна из форм неразрушимой силы", поскольку сила эта представляет собой жизнь единую, *anima mundi*, мировую живую душу. А все те разнообразные модусы, в которых объективные предметы являются нам в природе в своих атомарных агрегациях — в виде минералов, растений, животных и т.д., — представляют собой различные формы или состояния, в которых эта сила проявляет себя.

Представим себе, что она, нет, не исчезла, поскольку это невозможно, ведь она вездесуща, но на одно-единственное мгновение утратила бы свою активность, например, в камне. В этом случае частицы такого камня мгновенно лишились бы способности сцепляться между собой, и камень в то же мгновение распался бы в прах. И даже тогда сила эта всё равно продолжала бы оставаться в каждой его частице — но уже в дремлющем состоянии. А значит, и заключительная часть определения, где говорится о том, что когда эта неразрушимая сила "разъединяется с одним набором атомов, то тут же захватывается другими", вовсе не имеет в виду, что она целиком покидает первый набор. Нет, из неё следует, что она лишь переносит свою *vis viva*, то есть жизненную энергию — энергию движения — на другой набор [атомов].

Поскольку же в этом следующем наборе она проявляет себя в том, что принято называть кинетической энергией, то из этого вовсе не следует, будто первый набор лишился её целиком. Нет, она всё ещё там, но уже в виде потенциальной энергии, то есть в состоянии латентной жизни.^[25]

Такова одна из главных и принципиальных истин оккультизма, от ясного понимания которой зависит производство любого феномена. И до тех пор, пока мы не осмыслим этот момент до конца, нам нет никакого смысла переходить ко всем остальным истинам оккультизма. Таким образом, на вопрос о том, "что же следует понимать под жизненными атомами, которые проходят через бесконечные трансмиграции?", мы можем дать простой ответ: под "жизненными атомами" в нашей оккультной фразеологии мы понимаем такие атомы, которые приводятся в движение кинетической энергией, а те атомы, которые на какое-то время остаются пассивными и содержат в себе лишь ничем не проявляющую себя потенциальную энергию, мы называем "спящими атомами", и при этом считаем обе эти формы энергии продуктами одной и той же силы — жизни.

А теперь обратимся к индуистскому учению о метемпсихозе. В основе его лежит глубокая истина. Это даже аксиома, но распространяется она исключительно на человеческие атомы и эманации — причём не только тогда, когда человек уже мёртв, но и в течение всего периода его [физической — *перев.*] жизни.

"Законы Ману" (гл. 12, ст. 3, 54 и 55) гласят:

"Любое действие — производится ли оно мыслью, речью или телом — несёт в себе плод добрый или дурной (карму — *Е.П.Б.*) . . . Те многообразные трансмиграции, которые совершают люди (не души — *Е.П.Б.*) по высшим, средним и низшим уровням [бытия], суть следствия их поступков . . . Убийца брахмана войдёт в тело собаки, медведя, осла, верблюда, козла, овцы, птицы"[26] и т.д.

Однако эзотерический смысл этих стихов не имеет ни малейшего отношения к человеческому эго, а распространяется исключительно на атомы его тела, на его низшую триаду, его флюиды-эманации. Преследуя собственные интересы, брахманы могут сколько угодно исказить подлинный смысл этих законов, однако вышеприведённые слова никогда не несли в себе того смысла, который стал вкладываться в них позднее. Брахманы высокомерно отнесли эти строки к самим себе, хотя под словом "брахман" аллегорически имелся в виду седьмой принцип человека, его бессмертная монада и эссенция личного[27] эго. Тот, кто убил или погасил в себе светоч Парабрахмана — то есть отсёк эго своей личности от атмана и тем самым погубил будущего обитателя девачана — и становится "убийцей брахмана". Тем самым он не только не помогает своей праведной жизнью и духовными устремлениями соединению *буддхи* с *манасом*, но, наоборот, своими чёрными делами обрекает каждый атом собственных низших принципов на то, чтобы они, атомы, плоды его страстей, подчиняясь магнетической тяге подобного к подобному, оказались втянуты в тела низших животных. Вот в чём состоит подлинный смысл учения о метемпсихозе.

Нет, речь здесь идёт не о таком слиянии человеческих частиц с животными или даже растительными атомами, которое может нести в себе какую бы то ни было идею личной кары *per se*, как таковой — вовсе нет. Речь идёт здесь о появлении *причины* — причины, последствия которой могут сказываться на последующих воплощениях, если только подобная личность сразу не подвергнется аннигиляции вообще. Другими словами, в цепочке причин и следствий мы можем видеть, как каждое следствие становится в свою очередь причиной, и так будет продолжаться на протяжении всего цикла перевоплощений, и этот однажды полученный импульс полностью истощит свою силу, лишь подойдя к самому порогу праи. Но об этом не сейчас.

Однако, невзирая на эзотерический смысл приведённых стихов, даже слова величайшего и наиболее благороднейшего из всех адептов, Гаутамы Будды, точно так же натолкнулись на непонимание, искажение их смысла и насмешки. Даже низшая форма трансмиграции, изложенная в буддийской *хиньяне*, оказалась так же слабо понятой, как и изложенная в *махаяне* высшая её форма.

Однажды Шакьямуни, указывая на метлу, как известно, заметил своим бхиккху, что "прежде эта метла была учеником, который по нерадивости своей не подмёл" помещение совета. Из одних этих слов был сделан вывод о том, что ученик тот в новом своём воплощении и взаправду переродился в метлу! И теперь этого мудреца, наимудрейшего из всех мудрецов мира, на одном только этом основании обвиняют в идиотском предрассудке. Да прежде, чем его осуждать, почему бы не попробовать выяснить, что он по-настоящему имел в виду, когда использовал эту фигуру речи? Как можно смеяться над тем, чего сам пока не понимаешь?

Существует так называемое магнетическое излучение. Но что оно собой представляет? Что это — какое-то нечто, какое-то вещество, субстанция, пусть даже невидимая глазом и не воспринимаемая на ощупь? Если уж даже учёные авторы "Незримой Вселенной" ("Unseen Universe") отказываются считать свет, теплоту и электричество чем-то совершенно бесплотным и не поддающимся никакому измерению, доказывая, что каждое из этих явлений имеет столько же прав считаться объективной реальностью, как и сама материя, то мы с гораздо большим правом можем считать объективной реальностью и тот месмерический или магнетический флюид, что способен передаваться не только от человека к человеку, но даже и от человека к тому, что принято называть *неодушевлёнными* предметами.

Однако было бы мало сказать, что флюид этот — одна из разновидностей молекулярной энергии вроде теплоты, только гораздо мощнее. Как нам говорят, теплота производится всякий раз, когда кинетическая энергия преобразуется в молекулярную, и может испускаться любым материалом, состоящим из "спящих" атомов, то есть из неорганической, как принято говорить, материи. Магнетический же флюид, испускаемый живым человеческим телом, — это *сама жизнь*.

Да, охваченный слепой страстью человек испускает из себя именно "атомы жизни". И, хотя делает он это, совершенно не сознавая того, по своей эффективности он не уступит ни одному месмеризатору, передающему эти атомы от себя любому предмету и делающему это вполне осознанно под контролем собственной воли. Если какой-нибудь человек даст волю своему чувству — например, гневу, скорби и т.д., — и при этом будет находиться, скажем, под деревом или подле него или, допустим, он прямо коснётся какого-нибудь камня, то даже спустя многие

тысячелетия любой мало-мальски толковый психометр сможет увидеть этого человека и воспринять его чувства с помощью любой щепки от этого дерева или осколка камня, до которого тот когда-то дотрагивался. Возьмите любой предмет, подержите его в руках некоторое время, и он насквозь пропитается вашими жизненными атомами — теми самыми атомами жизни, которые мы то поглощаем, то испускаем из себя и которые меняются в нас и переходят от одного человека к другому в каждое мгновение нашей жизни.

Животная теплота — это не что иное, как состояние молекулярного движения, в котором находится некий набор атомов. Не нужно даже быть адептом — достаточно и природного ясновидческого дара, чтобы увидеть, как они проносятся то тут, то там, переходя от человека к предметам и наоборот, в виде синеватого колышущегося пламени. Почему бы тогда не предположить, говоря о метле, сделанной из веток куста, росшего, возможно, вблизи от того места, где жил нерадивый ученик, — куста, которого, вероятно, тот много раз касался, испытывая чувство гнева, порождённого собственной его ленью и отвращением к собственным обязанностям, — так вот почему нельзя предположить, что какое-то количество его жизненных атомов могло перейти в материалы будущей метлы, в которой они и были замечены Буддой, благодаря его сверхчеловеческим (но не *сверхъестественным!*) способностям? Протекающие в природе процессы представляют собой нескончаемые акты приёма-передачи. Однако материалист-скептик всё равно перетолкует услышанное лишь в самом прямом и буквальном ключе.

В заключение нашего столь затянувшегося ответа заметим, что упомянутые выше "низшие принципы" включают в себя первый, второй и третий. Однако они не могут включать в себя *кама-рупу*, поскольку эта "рупа" относится не к низшим, а к средним принципам. И когда наш корреспондент далее спрашивает нас: "Что происходит с атомами этих принципов (четвёртого и пятого — *Е.П.Б.*)? Пройдя через разнообразные трансмиграции, они что, действительно воссоединяются вновь для создания ещё раз четвёртого и низшего пятого [принципов] следующей воплощающейся сущности?", то мы отвечаем ему: "Да, воссоединяются и именно ради этого". Как раз в связи с этим последним вопросом мы и попытались столь подробно осветить это учение о "жизненных атомах". Тем самым мы заодно намеревались и подбросить ещё один полезный намёк. Вдаваться же в ещё большие подробности касательно этого вопроса мы, однако, пока не вправе.

"Ом" и его практическое значение[28]

Н.Ч. Пол

Начну я с того определения, которое дал понятию "Ом" покойный профессор Теодор Гольдштюкер:

"*Ом* — это такое санскритское слово, с которым уже на заре своей цивилизации индуисты связывали собственное мистическое мироощущение, благодаря чему оно и обрело огромное значение в развитии индуистской религии. Изначальный смысл его заключается в подчёркнуто экспрессивном или возвышенном подтверждении тех или иных действий или в их одобрении. Так, когда в "Белой Яджурведе" жертвователю, взывая к богам, предлагает им возрадоваться его жертвоприношению, богиня Савитри, отзываясь на его призывы, говорит: "*Ом* (т.е. "да будет так"), продолжай!".[29]

Или, когда в "Брихадараньяка-упанишаде" отец богов, людей и демонов, Праджапати, спрашивает у богов, поняли ли они его наставления, то своё удовлетворение их утвердительным ответом он выражает в следующих словах: "*Ом*, вы всё поняли".[30] И, когда в той же упанишаде Правахана спрашивает Шветакету, обучен ли тот отцом, Шветакету отвечает ему: "*Ом*" — то есть "воистину так".[31]

А в том разделе "Ригведы", который называется "Айтарейя-брахмана", приводится описание некоего религиозного обряда: в ходе него жрец Хотри зачитывает стихи из "Ригведы" и исполняет песнопения "гатхи". Там же приводятся и ответы, которые даёт на заданные ему вопросы другой жрец, Адхварью. При этом подчёркивается следующая мысль: *Ом* — это ответ Адхварью на стихи "Ригведы" (зачитываемые Хотри), а *тхатá* — это его ответ на гатхи, ибо *Ом* есть слово одобрения, которое произносят боги, а *тхатá* есть слово одобрения, которое произносят люди (таким образом, в глазах правоверных индуистов стихи "Ригведы" имеют божественное, а *гатхи* — лишь человеческое происхождение).

Отталкиваясь от изначального смысла этого слова, мы можем, таким образом, полагать, что "*Ом*" — это, скорее всего, просто более древняя и укороченная форма обычного санскритского слова *evam* ("так"), которое происходит из местоимённой основы "*a*" (в некоторых словарных формах "*e*"), а значит, в какое-то время оно могло использоваться и в форме *avam*. Однако вследствие выпадения гласной, следующей за *v* (а в санскрите есть множество примеров тому), слово *vut* превратилось в *ait*. А затем, по обычным законам фонетики, оно уже стало читаться как *Ом*. [32]

Однако, судя по всему, такая этимология этого слова была забыта уже в ранний период санскритской литературы, поскольку у древних грамматистов мы сталкиваемся с иной этимологией, которая и позволяет нам понять ту мистическую коннотацию, которая приписывается этому слову во многих произведениях как древней, так и средневековой Индии.

Согласно этой последней этимологии, слово *Ом* происходит от корня *av*. Полная его форма образуется при помощи аффикса *tan* — *avtan* или *otan*. Поскольку же *av* означает "защити", "сохрани", "спаси," то слово *Ом* передаёт смысл "защиты", "спасения", а его мистические способности и священный характер выводятся из его употребления в ведийской литературе, а также из его связанности с теми актами жертвоприношения, о которых вскользь было сказано выше.

Таким образом, *Ом* стало тем напутственным словом, с которого духовный учитель должен был начинать и которым ученик должен был завершать каждое занятие по чтению Вед. Как предписывает существующая пратишахья[33] (грамматика "Ригведы"),

"Да будет слог этот стоять во главе чтения Вед, ибо и для учителя, и для ученика он является верховным Брахманом, вратами к небу".

А, как завещает Ману,

"В начале и в конце (урока по Веде) брахман всегда должен произносить слог *Ом*. Ибо, если *Ом* не предшествует ему, то знания улетят от него прочь, а если не следует после него, то ничего надолго не задержится в памяти".[34]

По той же самой причине *Ом* оставался словом-зачином и позднее, когда к боговдохновенному своду законов индуизма добавился ещё один класс текстов (пураны).

Вполне очевидно, что, судя по вышеприведённым цитатам из законов Ману, этому слову приписывалась мистическая сила. Она-то и должна была стать предметом особого осмысления уже на раннем этапе. Причину этого Ману объясняет сам:

"Брахма извлёк из трёх Вед букву *a*, букву *u* и букву *m* (сочетание которых и образует слово *Ом*) вместе с (таинственными) словами: *бхух* (земля), *бхува* (небо) и *свах* (небеса)".[35]

А в другом стихе он говорит:

"Эти три великих вечных слова, предваряемых слогом *Ом*, как и трёхстопные гаятри (священные стихи "Ригведы"), должно почитать устами (или входом) к Брахману (Веде)"[36]

или, как отмечают комментаторы, средством достижения окончательного освобождения. Кроме того:

"Слог *Ом* — это наивысший Брахман. (Три) регулируемых дыхания, сопровождаемые повторением в уме слога *Ом*, трёх таинственных слов: *бхух*, *бхува*, *свах* и гаятри, суть наивысшее

подвижничество.

Все обряды, установленные в Веде, такие как приношение на огне и другие жертвоприношения, исчезают, но слог *Ом* должно почитать несокрушимым, ибо он есть (один из символов) Брахмана (верховного духа), Господина Творения".[37]

В этих рассуждениях Ману подтверждает правоту целого ряда упанишад, как и его собственные слова находят подтверждение в них. В "Катха-упанишаде", например, бог смерти Яма так отвечает на один из вопросов Начикетаса:

"Есть слово, которое записано во всех ведах, которое возглашают все виды подвижничества и, стремясь к которому, выполняют свои обязанности духовные ученики. Я коротко назову тебе его — это слово *Ом*. Этот слог обозначает "(низший) брахман" и "наивысший (Брахман)". Тот, кто знает этот слог, тот обретёт всё, чего пожелает".[38]

А вот что говорит святой Пиппалада, отвечая на вопрос Сатьякамы, в "Прашна-упанишаде":

"Слово *Ом* — это и высший, и низший Брахман. Поэтому премудрый, находя в нём опору, следует либо тому, либо другому. Если он размышляет только об одной его букве ("а"), то он быстро родится на земле. Стихи "Ригведы" перенесут его в мир человеческий, и если он станет подвижником-аскетом и примет на себя долг духовного ученика, ученика веры, то вкусит величия. Если же умом своим он сосредоточится на двух его буквах ("а" и "у"), то стихи "Яджурведы" вознесут его в промежуточную область, в мир луны, а, вкусив там силы, он вернётся назад (в мир человеческий). Если же станет он размышлять о наивысшем духе с помощью трёх его букв ("а", "у" и "м"), то будет он воссоздан в виде света на солнце, и, как змея освобождается от прежней кожи своей, так и он освободится от греха".[39]

Согласно же "Мандукья-упанишаде", из трёх букв: "а", "у" и "м" — взятых как по отдельности, так и всех вместе — слагается природа души.

Буква "а" — это *вайшванара*, то есть такая форма Брахмана, которая олицетворяет собою душу в её состоянии бодрствования.

Буква "у" — это *тайджаса*, то есть такая форма Брахмана, которая олицетворяет собою душу в её состоянии сна со сновидениями.

А буква "м" — это *праджня*, то есть такая форма Брахмана, которая олицетворяет собою душу в её состоянии глубокого сна (то есть в таком состоянии, когда она временно соединяется с верховным духом).

Когда же буквы "а", "у" и "м" соединяются вместе (как *Ом*), то олицетворяют собою четвёртое, наивысшее состояние Брахмана:

"которое не поддаётся никакому объяснению, в котором прекращается любое проявление и которое есть блаженство, лишённое всякой двойственности. *Ом*, таким образом, есть душа, и знающий это с помощью этой души войдёт в "верховную" душу".[40]

Фрагменты, подобные приведённым выше, можно рассматривать как ключи к пониманию ещё более загадочных выражений, которые встречаются, например у автора философии йоги,[41] где он в трёх коротких фразах говорит, что имя (наивысшего Господа) составляют: Пранава (т.е. *Ом*); его произнесение; и размышление о его смысле: именно отсюда проистекают познание трансцендентного духа и понимание отсутствия помех (таких, как болезнь, физическая усталость, сомнение и т.д., которые мешают уму аскета).

Но вместе с тем они указывают и на дальнейшее направление, по которому двинулся религиозный предрассудок в попытке придать расширительное толкование мистицизму учений упанишад. Ведь если каждая буква, составляющая слог *Ом*, стала пониматься как воплощение той или иной конкретной идеи, то нетрудно понять, что различные секты вывели из этих идей собственные толкования для решения собственных конкретных задач.

Так, с одной стороны, мы видим, что, решая этимологические проблемы этого слога, великий теолог и комментатор вед Шанкара пока ещё довольствуется простой игрой слов. Звук *â* он превращает в сокращённое обозначение слова *âpti* ("насыщение"), поскольку речь насыщена *вайшванарой*; звук *и* у него становится сокращением слова *utkartha* ("превосходство"), поскольку *тайджаса* превосходит *вайшванару*; а звук *т* служит сокращением слова *miti* ("разрушение"), поскольку при разрушении и перерождении мира *вайшванара* и *тайджаса* как бы поглощаются *праной*.

С другой же стороны, мы видим, что в пуранах звук *а* становится уже именем Вишну; звук *и* — именем его супруги, "Шри"; а звук *т* обозначает всех поклоняющимся им. С третьей стороны, пураны усматривают в звуках *а*, *и*, *т* Триаду — Брахму, Вишну и Шиву, где первый представлен под буквой *а*, второй — под *и*, а третий — под *т*. И, разумеется, каждая секта отождествляет сочетание этих букв, т.е. *Ом*, с собственным верховным божеством.

Так же обстоит дело и в "Бхагавадгите" — произведении, посвящённом прославлению Вишну, когда тот воплотился в образе Кришны, хотя, по существу, в основе этой философской поэмы лежит учение йоги. В одном

её месте Кришна говорит о себе, что он и есть *Ом*. В другом месте он определяет *Ом* как "верховный дух". Обычным же обозначением слова *Ом* — например, в уже упомянутых местах "Бхагавадгиты" — служит слово "Пранава", которое происходит из так называемого корня *mi*, что значит "восхвалять", а приставка *pra* в числе прочих значений передаёт и значение усиленности чувства, а следовательно, в буквальном переводе означает "восторженная хвала". И хотя в своём исконном значении слово *Ом* выражает торжественное, подчёркнутое одобрение, а его употребление, собственно говоря, ограничивается исключительно ведийской литературой, следует заметить, что в наши дни оно часто употребляется коренными индийцами как синоним слова "да", которое произносится ими вне всякой связи с теми мистическими свойствами этого слова, о которых рассказывается в религиозных текстах.

Вот что рассказывает об этом мистическом слоге *Ом* Монье-Вильямс[42]:

"Когда повторением слога *Ом*, который изначально, по-видимому, означал "так" или "да", они добивались определённого успокоения ума, то возникал вопрос: а что такое *Ом*? И по мере того, как ум уносил их во всё более и более вышние сферы, на этот вопрос давались различные ответы. Так, в одном месте нам сперва говорят, что *Ом* есть начало Веды, а когда мы имеем дело с какой-нибудь упанишадой "Самаведы", то *Ом*, говорят нам, является началом "Самаведы", а потому и предполагается, что размышляющий об *Ом* размышляет и обо всей "Самаведе".

Ом есть сущность "Самаведы", которая, будучи почти целиком взята из "Ригведы", может и сама называться сущностью "Ригведы". "Ригведа" олицетворяет собой речь вообще, а "Самаведа" — любое дыхание или жизнь вообще. Вот почему и *Ом* можно понимать опять-таки как символ речи или жизни вообще. Таким образом, под словом *Ом* подразумеваются не только любые наши ментально-физические способности, но и конкретно жизненный принцип: *прана* или дух. Это разъясняется в притче, содержащейся во второй главе[43]. А в третьей главе заключённый в нас дух отождествляется с духом на солнце.

А значит, размышляющий об *Ом* размышляет о заключённом в человеке духе как тождественном духу природы или солнца. А потому из текста, содержащегося в начале "Чхандогья-упанишад", мы на самом деле должны извлечь для себя следующий урок: ни одна из вед со всеми их жертвоприношениями и обрядами не могла гарантировать спасения для верующих. Иными словами, все те священнодействия, которые совершаются по законам вед, — в конечном счёте бесполезны, так как подлинное спасение или

истинное бессмертие способно обеспечить одно только размышление об *Ом*, то есть размышление о том знании, которое подразумевается под словом *Ом*.

Так, шаг за шагом ученика подводят к тому, что и составляет главную мысль упанишад, а именно: к пониманию того, что "я" человеческое тождественно наивысшей душе.

В самих уроках, которые должны подвести ученика к этому наивысшему представлению о Вселенной — как объективной, так и субъективной, — несомненно, намешано немало предрассудков и вздора. Тем не менее, главная мысль никогда не теряется из виду. Так, когда мы подходим к восьмой главе, то, хотя весь разговор начался с объяснения смысла *Ом*, он завершается вопросом о происхождении мироздания и окончательном ответе на него: *Ом* означает *акашу*, эфир, и эфир этот как раз и является источником всего сущего".[44]

По мнению д-ра Лейка, *акашей*, то есть пятым первоэлементом индуистов, является электричество.

А теперь позвольте мне высказать собственное суждение о том, что же такое этот мистический слог *Ом*.

Процесс дыхания состоит из вдоха, который называется *пурака*; промежутка времени, который называется *кумбхака*; и выдоха, называемого *речака*. Когда дыхание осуществляется через правую ноздрю, оно носит название *пингала*; когда оно происходит через обе ноздри, то называется *сушумна*; а когда происходит через левую ноздрю, то — *ида*.

"Правое" дыхание называют *солнечным*, поскольку оно обладает горячей природой. "Левое" же дыхание называют *лунным* по причине его холодной природы. Дыхание "сушумна" носит название *шамбху-нади*. В промежутке между ними ум человека должен быть занят созерцанием или размышлением о верховной душе.

Дыхание происходит от того, что не поддаётся рефлексии. Ум же происходит от дыхания. Органы чувств, как и органы, отвечающие за действия, находятся под контролем *ума*. Управление же умом у йогов происходит с помощью задержки дыхания. Дыхание — это источник речи вообще. При глубоком вдохе произносится слово *сохам*, вслед за которым следует выдох через обе ноздри . . . Слово это означает: "Бог пребывает в нас". Есть и ещё одно слово, *хангша* (*hangsha*). Оно произносится при глубоком выдохе, следующем после вдоха. Означает оно: "я пребываю в Боге".

Вдох есть *шакти*, сила. Выдох — *шива*, смерть. Промежуток между ними — *кумбхака*, продлитель долголетия. Если вслед за выдохом не

происходит вдоха, то наступает смерть. Когда для выдоха требуется применить усилие — это всегда верный и надёжный признак близкого распада, смерти. Оба эти слова, *сохам* и *хангша*, вызывают истощение внутреннего хозяйства организма, поскольку позволяют содержащемуся во вдыхаемом воздухе кислороду поступать в лёгкие, где и происходят соответствующие изменения в составе крови. Так, по данным Лавуазье, взрослый француз ежедневно вдыхает из атмосферы 15661 гран^[45] кислорода, то есть 10,87 грана в минуту.

Слово *Ом* произносится при вдыхании воздуха ртом и выдыхании через ноздри.

Когда человек производит вдох ртом, а выдох через ноздри, то содержащийся в воздухе кислород не поступает в лёгкие, где и происходят соответствующие изменения в составе крови. Таким образом, это односложное слово *Ом* служит заменителем задержки дыхания.

Истощение организма происходит пропорционально поступлению в систему кислорода через дыхание. У человека с частым дыханием износ организма происходит быстрее, чем у человека, который дышит медленно. Если спокойное состояние ума вызывает замедление дыхания и одновременно замедление износа организма, то спокойное дыхание стимулирует спокойствие ума. Йоги достигают *нирваны* временной остановкой или задержкой дыхания. Ведантисты достигают *мокши*, то есть освобождения души, временной остановкой работы ума (уходом в мыслительные абстракции). Таким образом, *Ом* — это процесс отделения души от тела. Он является продуктом того самого затруднённого дыхания, когда человек отчаянно хватается ртом воздух, что бывает перед началом распада нашего организма. Древние индусы умели справляться с таким учащённым предсмертным дыханием при помощи открытого ими слога *Ом*.

Слог *Ом* защищает человека от преждевременного распада и смерти, предохраняет от мирских соблазнов и спасает от перевоплощения. Он обеспечивает слияние души человеческой с душою верховной. *Ом* обладает способностью сокращать длину дыхания.

В "Шародае" (великолепном трактате о процессе дыхания) приводятся слова Шивы о том, что длина нормального выдоха составляет 9 дюймов (inches). Когда человек принимает пищу или говорит, длина его выдоха возрастает до 13,5 дюйма. При неторопливой ходьбе длина выдоха увеличивается до 18 дюймов, а при беге — до 25,5 дюйма. *При совершении полового акта* длина дыхания доходит до 48,75 дюйма. Во время сна она уже достигает 75 дюймов. Поскольку же сон вызывает значительное истощение организма и выступает причиной многих болезней, преждевременного распада и смерти, то йог следует ряду самоограничений. Так, обычный его рацион состоит из риса (6 тройских

унций) и молока (12 тройских унций). Суточное потребление углерода у него не превышает 156,2 грана, а азота — 63,8 грана.

При таком рационе он всегда бодр и проводит время в размышлениях об *Ом*. Благодаря низкому содержанию азота в потребляемой им пище он всегда свободен от чувства гнева. Кроме того, йог всегда подавляет в себе половое влечение, умеряя собственную сексуальность. А день ото дня сокращая в объёме свой рацион, он достигает того минимума, который ему необходим для существования. Жизнь свою он проводит в молитве и медитации. Он стремится к уединению. Живёт он в крохотной келье, а постелью ему служит тигровая или оленья шкура. Что же касается золота, серебра, драгоценных камней, то в его глазах всё это — просто мусор. Он не ест мяса животных и рыбы, не пьёт вина. Он даже не притрагивается к соли и живёт, питаясь исключительно фруктами и кореньями. Я видел женщину-аскета, которая довольствовалась одним "сиером" (seer)[46] картофеля и небольшим количеством мякоти тамаринда в сутки. Она довела себя до такого состояния, что напоминала обтянутый кожей скелет. Вела она чистый, целомудренный образ жизни, всё время повторяя в уме слово *Ом*.

В одном "сиере" картофеля содержится 3600 гран твёрдой остаточной массы, что в точности равняется 7,5 тройским унциям.

В сухом остатке одного "сиера" картофеля содержатся следующие элементы:

Углерод	. . . . .	1587,6	гран
Водород	. . . . .	208,8	"
Азот	. . . . .	43,2	"
Кислород	. . . . .	1580,4	"
Соли	. . . . .	180.0	"
		<hr/>	
		3600	

Я видел брахмана (брахмачарина), который питался лишь одним "сиером" молока в сутки и больше ничем.

Анализ одного "сиера" коровьего молока (по Буссенго)

Вода	. . . . .	12539,520	гран
Углерод	. . . . .	1,005,408	"
Водород	. . . . .	164,736	"
Азот	. . . . .	74,880	"
Кислород	. . . . .	525,456	"
Соли	. . . . .	90,000	"
		<hr/>	
		14,400.000	

Для сжигания во внутреннем хозяйстве организма одного "сиера" коровьего молока требуется 3278,88 грана кислорода. Этот брахмачарин вдыхал в себя 2,27 грана кислорода ежеминутно. Жизнь свою он проводил в размышлениях об *Ом* и в полнейшем воздержании. К примеру, взрослый француз, представляющий собой прекрасный образец хорошо развитой чувственности, в каждую минуту своей жизни вдыхает из атмосферного воздуха 10,87 грана кислорода.

Уединённый, скромный, аскетический образ жизни составляют существенно необходимое условие для произнесения слова *Ом*, которое воспитывает любовь к строгой упорядоченности жизни и презрение к минутным вспышкам чувственности. Как говорит Шива, "только тот, кто свободен от похоти, гнева, алчности и неведения, по-настоящему готов к освобождению, то есть к обретению *мокши*" или *нирваны* у буддистов. Сухой остаток одного "сиера" коровьего молока составляет 1860,48 грана.

"В 1784 году студент-физик из Эдинбурга в течение долгого периода времени вынужден был жить на скудном рационе, состоявшем из одной пинты молока и полфунта белого хлеба". Рацион его включал в себя 1487,5 грана углерода и 80,1875 грана азота. Для полного сжигания этих элементов требовалось 4305 гран кислорода. Ежеминутно через дыхание в его организм поступало 2,92 грана кислорода. Напряжённые умственные занятия позволили ему в данном случае сократить поступление кислорода из воздуха. В период раннего христианства отшельники, дабы подавить в себе плотские чувства и сонливость, жили, питаясь лишь 12 унциями хлеба и воды в сутки. Ежедневно они потребляли 4063,084 грана кислорода. Ежеминутное потребление вдыхаемого ими кислорода составляло 2,8215 грана.

По данным известного французского физиолога, г-на Андрала, один десятилетний мальчик-француз до пробуждения в нём полового чувства выдыхал из себя 1852,8 грана углерода в сутки. Всякий, кто стремится подавить в себе похоть, должен в своём суточном рационе потреблять 1852,8 грана углерода.

Согласно исследованиям д-ра Эдварда Смита, 6500 гран хлеба домашней выпечки содержат в себе 1852 грана углерода. Этот объём хлеба составляет 14 тройских унций и 375 гран. Однако упомянутые выше христиане-отшельники, жившие на 12 (тройских) унций хлеба, потребляли 1496,25 грана углерода в сутки. Такое количество углерода меньше того, что потреблял в сутки мальчик-француз, на 356,55 грана. В своём рационе он потреблял 1852,8 грана углерода, тогда как та самая индианка-аскет, жившая на самом скромном рационе, из своей ежесуточной порции картофеля потребляла 1587,6 грана углерода. Таким образом, мы видим, что потребление углерода французским мальчиком на 265,2 грана

превышало объём потребления углерода индианкой-йогом.

В Бриндаване был некий *санньяси*, который прожил до 109 лет. В течение сорока лет он жил, принимая ежедневно в пищу лишь четыре "чаттака"[47] "педы"[48] и четыре "чаттака" молока. Его рацион содержал в себе 1980 гран углерода и 90,72 грана азота.

Воздержанность укорачивает длину дыхания, сокращает износ организма, способствует долголетию и рождает чистоту сердца. Воздержанность помогает избавиться от таких недугов, как головокружение, головная боль, предрасположенность к апоплексии, одышка, подагра, застарелые язвы, импетиго, золотуха, герпес и от многого другого.

Один итальянский аристократ по имени Корнаро, на которого уже махнули было рукой все врачи, сумел вернуть себе здоровье, перейдя на диету, состоявшую из 12 унций хлеба и 15 унций воды, и прожил так до глубокой старости.

В своём рационе он потреблял менее одной унции элементов, ведущих к наращению массы тела. По расчётам Эдварда Смита, одна унция таких элементов содержится в 5401,2 грана хлеба.

Всякий, кто желает вести целомудренный образ жизни, кто хочет жить честно, преисполниться кротостью и милосердием, должен потреблять в своём суточном рационе не больше одной унции элементов, ведущих к наращению массы тела. Исходя из того, что одна унция азотистых веществ содержит в себе 70 гран азота, следует принимать такую пищу, в которой содержится не более 70 гран азота.

Такие действия человека, как убийства, воровство, промысел грабежом, всякое проявление жестокости, алчности, похоти, злословия, гнева, сладострастия, мстительности, лжи, зависти, занятие проституцией и т.д. — всё это различные виды греха, которые порождаются потреблением больших объёмов продуктов с высоким содержанием азота.

Тот, кто желает освободиться от всякой мысли о мирском, от любого мирского желания, от любой страсти должен воздерживаться от принятия в пищу рыбы, мяса, вина, отказаться от половой жизни и довольствоваться только самой скромной пищей.

В приведённой ниже таблице указывается примерный объём продуктов, обеспечивающий поступление в организм 70 гран азота:

Пшеница, высушенная в вакууме	3181,81 гран
Овёс	3181,81 "
Ячмень	3465,34 "
Маис	3500 "

Высушенная рожь	. . . . .	4117,64	"
Высушенный рис	. . . . .	5036	"
Сухое молоко	. . . . .	1750	"
Сушёный горох	. . . . .	1666,6	"
Сушёная белая фасоль	. . . . .	1627,67	"
Сушёные конские бобы	. . . . .	1272,72	"
Сушёная капуста	. . . . .	1891,89	"
Сушёная морковь	. . . . .	2916,66	"
Земляная груша	. . . . .	4375	"
Сушёная репа	. . . . .	3181,81	"
Хлеб	. . . . .	5401,2	"
Цареградские стручки	. . . . .	6110	"
Инжир	. . . . .	7172,13	"
Свежее коровье молоко	. . . . .	1346,2	"

Воздержанность порождает приостановку дыхания. От приостановки дыхания рождается покой ума, который порождает сверхчувственное знание. Из сверхчувственного знания рождается экстаз, который и есть тот самый *самадхи*, о котором говорят древнеиндийские мудрецы.

Вместо ходьбы и бега, которые лишь удлиняют дыхание, поклоняющийся *Ом* должен практиковать две спокойные позы, которые называются *падмасана* и *сиддхасана* — они описаны в моём мистическом трактате под названием "Философия йоги".^[49] Как утверждал Шива, длина нормального выдоха составляет 9 дюймов. По его словам, похоть и желание можно подавить, если путём неслышного произнесения слова *Ом* либо приостановкой дыхания (пранаямой) сократить выдох до 8,25 дюйма. А доведя длину выдоха до 7,50 дюйма человек сможет переживать экстаз.

Уменьшив длину выдоха до 6,75 дюйма, можно обрести способность писать стихи.

Если человек сможет сократить длину выдоха до 6 дюймов, то обретёт способность предсказывать будущее. Когда же длина его выдоха достигнет 5,25 дюйма, то он получит благословенный дар божественного ока: он сможет видеть то, что происходит в дальних мирах.

Если путём произнесения в уме слова *Ом* человек уменьшит длину выдоха до 4,50 дюйма, то подвижник сможет странствовать по воздушным сферам. Когда длина выдоха станет 3,75 дюйма, то поклоняющийся *Ом* сможет в мгновение ока перемещаться из одного конца мироздания в другой.

Если же путём повторения в уме слова *Ом* человек доведёт длину выдоха

до 3 дюймов, то обретёт *ашта сиддхи*[50], то есть совершенств (или сверхчеловеческих способностей). Когда его выдох сократится до 2,25 дюйма, то поклоняющийся *Ом* обретёт девять драгоценных жемчужин мира (*нава нидхи*). Такой человек сможет овладеть всеми богатствами мира.[51] Когда, благодаря указанной выше практике, его выдох станет длиной 1,50 дюйма, то увидит перед собою то горнее царство, в котором пребывает Верховная Душа. Если же произнесением в уме слога *Ом* подвижник доведёт длину выдоха до 0,75 дюйма, то он превратится в божество и отныне перестанет отбрасывать от себя тень.

Ом Амитайя!

Слова наши жалки, бедны!

В бездонное краткую мысль опуская,

Увы, не достать глубины!

Вопрос и ответ — всё одни заблужденья.

Безмолвствуй![52]

Ом мани падме хум. Ом, жемчужина в лотосе.

Произнесением в уме этой формулы великий Будда сумел освободиться от себялюбия, лжеучения, сомнения, ненависти, похоти, самовозвеличения, заблуждения, гордыни и достиг нирваны.

Открыл он, что смертных судьба

Сильна их делами среди искушения,

Что жизнь — вековая борьба.

Он им объяснил, что по смерти нет ада,

Но жизнь человека есть ад.

Себя победивших венчает награда

Превыше небесных наград.[53]

Как учит Шива, человек сможет достичь нирваны после того, как дыхание его станет внутренним и больше не будет исходить из ноздрей. Когда же дыхание его станет внутренним — то есть будет оставаться в ноздрях, — то йог перестанет быть подвластным обморокам, голоду, жажде, усталости, болезням и смерти. Он превратится в божественное существо: его не будет обжигать огонь, не будет иссушать воздух, никакая вода не вызовет гниения его тела, ему больше не нанесёт смертельного укуса ни одна ядовитая змея. Тело его будет источать аромат, и он сможет легко обходиться без воздуха, пищи и питья.

Когда дыхание станет внутренним, то йог уже не сможет согрешить ни в делах, ни в мыслях, ни в словах и тем самым унаследует Царство Небесное, которое открыто всякой безгрешной душе.

---

[1] Публикуемая в настоящем сборнике статья представляет собой фрагмент выступления д-ра Л. Сэлзера (L. Salzer) на торжественном заседании, посвящённом первой годовщине Бенгальского теософского общества. Оно состоялось в Калькутте 21 мая 1883 г. Полный текст выступления был опубликован в "Приложении к журналу *The Theosophist*" ("Supplement to *The Theosophist*", Vol IV (46), No. 10, July, 1883. P. 4–7) (*примеч. перев.*).

[2] Аура семени (*лат.*). Термин, восходящий к алхимии. Это понятие встречается, например, в учении Парацельса, который — в самых общих чертах — понимал под ним полуматериальный жизненный, витальный принцип, содержащийся в мужском семени, тогда как последнее выполняет само по себе лишь роль физического носителя этого жизненного принципа (Hartmann F., 1932. P. 72, note) (*примеч. перев.*).

[3] Публикуемая в сборнике статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 10 (46), July, 1883. P. 251 под названием "*Odorigen*" and *Jivatma* ("Одориген" и дживатма) (*примеч. перев.*).

[4] Имеется в виду серия статей под общим названием "Фрагменты оккультной истины" ("Fragments of Occult Truth"), написанных по поручению Махатм британским теософом А.О. Хьюмом — в частности, выпуск № 1 (*The Theosophist*, vol. 3, No. 1, October, 1881. P. 17-22) (*примеч. перев.*).

[5] Впервые статья опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 5 (53), February, 1884. P. 107-108 (*примеч. перев.*).

[6] Статья впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 5, Nos. 3 & 4 (51 & 52), December-January, 1883-1884. P. 64. Имя автора статьи не указано. Публикуемый текст несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[7] ПМ, № 5 (*примеч. перев.*).

[8] Там же, № 6 (*примеч. перев.*).

[9] Принцип действия (*примеч. перев.*).

[10] О существовании телепатической связи в Тибете свидетельствует и популярный в Советском Союзе журналист-международник, Всеволод Овчинников, много лет проработавший в Японии и Китае. В своей книге "Калейдоскоп жизни" (С. 70) он вспоминает:

"Помню, как, беседуя со мной в 1955 году, настоятель храма Джокан вдруг прервал разговор словами:

— Простите, мне пришла весть . . .

И стал отдавать какие-то распоряжения по-тибетски:

— Близ одного из монастырей за перевалом монах сорвался с обрыва.
Надо срочно послать туда костоправа!

Так я стал свидетелем сеанса телепатии — предшественницы современной сотовой связи" (*примеч. перев.*).

[11] Две первые статьи под одним и тем же названием "How Shall We Sleep?" были впервые опубликованы в журнале *The Theosophist*, vol. 5, No. 3 (51), December, 1883. P. 91-92. Обе они являются откликами на первую часть статьи "Medical Magnetism and the Healer Magnetic" ("Магнетизм в медицине и магнит-целитель"), принадлежащей Сите Натху Гхохе (Seeta Nath Ghose) — она вышла в свет в майском 1883 года номере журнала *The Theosophist* (ibid. P. 182-185) (окончание этой статьи было опубликовано в мартовском номере этого же журнала за 1884 год (ibid. P. 139-141)). Первая статья-отклик на неё, которая публикуется здесь, имеет подзаголовок "Западный взгляд", а вторая — "Восточный взгляд". Однако хронологически самым первым откликом на упомянутую статью было анонимное письмо в редакцию, которое в сборнике публикуется последним. Впервые оно было опубликовано на страницах журнала *The Theosophist*, vol. 4, No. 12 (48), September, 1883. P. 323-324 (*примеч. перев.*).

[12] См. ниже последнюю статью в этой серии (*примеч. перев.*).

[13] 6,36 см (*примеч. перев.*).

[14] Ссылка на статью "Магнетизм в медицине" (*примеч. перев.*).

[15] Куша или *Desmostachya bipinnata*. Трава, широко применяемая в современной медицине. Во многих санскритских трактатах отмечается, что эта трава обладает большой оккультной силой, а потому и обращаться с ней необходимо с огромной осторожностью (*примеч. перев.*).

[16] Впервые опубликовано в журнале *The Theosophist*, vol. 4, No. 11 (47), August, 1883. P. 286-288. Публикуемый в сборнике текст несколько отличается от журнального варианта (*примеч. перев.*).

[17] Примечание Е.П.Б. к статье Уильяма Оксли "Иерософия и теософия" (William Oxley. Hierosophy and Theosophy. — *The Theosophist*, vol. 4, No. 10 (46), July, 1883). P. 244 (*примеч. перев.*).

[18] Fragments of Occult Truth, 1881. P. 18 (*примеч. перев.*).

[19] В тексте сборника эта фраза (скорее всего, по недосмотру при типографском наборе) опущена, хотя и присутствует в указанном выше примечании Е.П.Б. к статье У. Оксли (*примеч. перев.*).

[20] Wilkinson, 1878. P. 180-181. Г. Уилкинсон в своём примечании к этим словам приводит фразу Ὀνήσκει δ' οὐδεν τῶν γιγνομένων из несохранившейся пьесы Еврипида "Хрисипп", а также отсылает читателя к диалогу "Федон" Платона. Ср.: ". . . живущие возникли из мёртвых ничуть не иначе, чем мёртвые — из живых" . . . "Поистине существуют и оживание, и возникновение живых из мёртвых" (Платон, 2007а. 72; 72d. С. 33, 34.) (*примеч. перев.*).

[21] Да, у адептов для этого существует особый термин, но как его перевести на любой из европейских языков? Каким названием можно определить то, что является *объективным*, но при этом ещё и *нематериальным*, в своих конечных проявлениях; *субъективным*, но при этом ещё и *субстантивным* (хотя и не в том смысле, в каком мы понимаем слово *субстанция*), в своём нескончаемом бытии? Мы объяснили смысл этого понятия, как могли, а теперь пусть наши учёные английские оккультисты подыщут для него более удачный термин. — *Е.П.Б.*

[22] "Unseen Universe" — *Е.П.Б.*

[Unseen Universe, 1875. P. 81 (*примеч. перев.*)].

[23] Иначе говоря, "атом" жизни-энергии (*примеч. перев.*).

[24] Теория биогенеза, противопоставляя "живую" природу "неживой", утверждает, что всё "живое" происходит только от "живого" (*примеч. перев.*).

[25] Мы вынуждены, за неимением лучших, использовать здесь термины, которые в современной науке стали уже вполне рутинными, однако они не всегда способны целиком передать нашу мысль. Но было бы бесполезно надеяться на то, что оккультное учение — и даже те немногие принципы, которые можно без опаски передать миру в целом — будет когда-либо глубоко усвоена, пока не будет выработан словарь этих терминов и, что ещё важнее, пока не будет установлено полное и точное значение используемых в учении терминов. — *Е.П.Б.*

[26] Ср.: "Деяние, происходящее от мысли, речи и тела, имеет плод чистый или нечистый . . . Совершившие великий грех, проведя многочисленные ряды лет в страшных преисподнях, по окончании этого [срока] подвергаются следующим перерождениям . . . Убийца брахмана входит в утробу собаки, свиньи, осла, верблюда, коровы, козы, овцы, оленя, птицы, чандалы и пулькасы". (Ману, 2002. С. 473, 482) (*примеч. перев.*).

[27] Или "личностного" эго, т.е. эго его очередной физической личности (*примеч. перев.*).

[28] Статья была впервые опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 3, No. 5 (29), February, 1882. P. 131-134, под заголовком "Om", and its *Practical Signification*. Автором её является бенгальский врач и учёный Навина Чандра Пал (1829-1880), изменивший свою фамилию (Pal или Pala) на англицированную форму "Пол" (Paul). Результатом его многолетних изысканий в области йоги стал его "Трактат о философии йоги" (*A Treatise on the Yoga Philosophy*, Benares, 1851). Как указывалось в редакторском примечании к этой статье, "д-р Пол является автором ценного трактат о йога-видье, перепечатка которого была осуществлена в нашем журнале некоторое время тому назад" (*The Theosophist*, vol. 1, No. 12, September, 1880, P. 312-315; vol. 2, No. 1, October, 1880. P. 4-6; No. 2, November, 1880. P. 29-32; No. 4, January, 1881. P. 72-75; No. 7, April, 1881. P. 144-147) (*примеч. перев.*).

[29] Goldstücker, 1879. P. 121 (*примеч. перев.*).

[30] Брихадараньяка-упанишада, 1992. Гл. V. Вторая брахмана. С. 134 (*примеч. перев.*).

[31] Там же. Гл. VI. Вторая брахмана. С. 143 (*примеч. перев.*).

[32] Сочетание звуков "а" и "у" в целом ряде языков читается как "о" (*примеч. перев.*).

[33] "Дошедший до нас текст "Ригведы" является результатом деятельности древних фонетистов, разработавших как сплошное его чтение (самхита-патха), так и раздельное — по отдельным словам (пада-патха). Древнейшие тексты этого класса назывались пратишакхьями, само название которых (букв. "в соответствии с ветвями") указывает на непосредственную связь с ведийскими школами (шакхи), каждая из которых имела свою пратишакхью, включавшую, помимо инструкций по произношению и интонации, также правила ассимиляции звуков (сандхи) и удлинения гласных" (Шохин В.К., 2009г. С. 249-250) (*примеч. перев.*).

[34] Ману, 2002. Гл. 2, стих 74. С. 52-53 (*примеч. перев.*).

[35] Там же. Стих 76. С. 53 (*примеч. перев.*).

[36] Там же, стих 81. С. 54 (*примеч. перев.*).

[37] Там же, стихи 82-84. С. 54 (*примеч. перев.*).

[38] Ср.: Катха-упанишада, 1992. Ч. 1. Разд. 2. Стихи 15-16. С. 102-103 (*примеч. перев.*).

[39] Ср.: Прашна-упанишада, 1992. Пятый вопрос. Стихи 2-5. С. 195-196 (*примеч. перев.*).

- [40] Ср.: Мандукья-упанишада, 1992. Стих 12. С. 202 (*примеч. перев.*).
- [41] Возможно, имеется в виду Патанджали (*примеч. перев.*).
- [42] Автор по ошибке указывает имя Монье-Вильямса. На самом деле весь нижеследующий фрагмент принадлежит Максу Мюллеру (*примеч. перев.*).
- [43] "Чхандогья-упанишады" (*примеч. перев.*).
- [44] Upanishads, 1879. P. xxiv-xxv (*примеч. перев.*).
- [45] 1 гран составляет 0,0648 г. (*примеч. перев.*).
- [46] В Индии мера веса (ок. 0,9 кг) и мера жидкости (ок. 1 л) (*примеч. перев.*).
- [47] 1 "чаттак" составляет примерно 50 граммов (*примеч. перев.*).
- [48] Вид сладости, приготовляемой из молока. По преданию, это было любимым лакомством Кришны (*примеч. перев.*).
- [49] См. наше примечание в самом начале статьи (*примеч. перев.*).
- [50] Восемь сиддхи (*примеч. перев.*).
- [51] Если только найдёт в этом хоть какую-то пользу для себя — Ред *Теос.*
- [52] Арнольд Э., 2018. Кн. восьмая. С. 206 (*примеч. перев.*).
- [53] Там же. Кн. седьмая. С. 185 (*примеч. перев.*).
-

[Следующий раздел](#)

[Содержание](#)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Классификация семичастного состава человека

(извлечение из статьи "Фрагменты оккультной истины"[1])

Классификация спиритуалистов		Классификация оккультистов	
1.	Тело	1.	Физическое тело, целиком состоящее из материи, представленной в её самой плотной и наиболее осязаемой форме.
		2.	Жизненный принцип — (<i>джив-атма</i>) — форма неразрушимой силы, которая в случае разъединения её с одним набором атомов тут же захватывается другими.
2.	Животная душа (<i>периспри</i>)	3.	Астральное тело (линга-шарира), образованное из чрезвычайно утончённой материи. В своём обычно пассивном состоянии представляет собой совершеннейший (но только призрачно-тонкий) дубликат физического тела. Его деятельность, степень плотности и форма целиком зависят от кама-рупы.
		4.	Астральная форма (<i>кама-рупа</i>), или тело желаний. Принцип, определяющий конфигурацию —
		5.	Животного (физического) разума (сознания, Эго), аналогичного, хотя и соответственно более высокого по сравнению с разумом, инстинктом, памятью, воображением и проч., имеющихся[2] у высших животных.
3.	Духовная душа, или дух	6.	Наивысший (духовный) разум (сознание). Духовное Эго, в котором главным образом и пребывает чувство сознания у <i>совершенного</i> человека, хотя наряду с ним сохраняется и тусклое низшее животное сознание (описанное под № 5).
		7.	Дух — эманация Абсолюта. Никем и ничем не сотворённый и вечный. Это скорее состояние, а не бытие.

Краткий указатель терминов и имён[3]

Указатель имён и географических названий

Авалокитешвара (Avalokiteśvara) — проявленная мудрость; или заключённый в человеке божественный дух.

Арьяварта (Āryāvarta) — древнее название Северной Индии, где осели первые захватчики-брахманы.

Асурамайя (Asuramaṃya) — атлант-астроном, широко известный в санскритской литературе.

Атлантида — континент, погрузившийся под воду в Южном и Тихом океанах.

Ахриман (Ahriman) — злое начало, принцип зла во Вселенной (зороастризм).

Ашвины (Aśvinī) — божественные возничии. Мистически они соответствуют Гермесу. Они символизируют тот орган "внутреннего" человека, с помощью которого знание передаётся от души телу.

Ашока (Aśoka) — прославленный завоеватель; царь, правивший значительной частью Индии. Его называют "буддийским Константином". Жил примерно в 250-х годах до Р.Х.

Брахма (Brahmā) — индуистское божество; персонификация активной космической энергии.

Брахман (Brahman)^[4] — Абсолют в философии веданты.

Будда (Buddha) — основатель буддизма. Сиддхартха, как его называли в детстве, родился в царской семье. Отцом его был Шуддходхана, правитель шакьев (одного из арийских племён).

Буру Бонга (Buru Bonga) — дух гор, которому поклоняются коларийские племена в Центральной Индии.

Бхадрасена (Bhadrasena) — царь-буддист, правивший в Магадхе.

Варуна (Varuṇa) или Прачетас (Pracetas) — индуистский Нептун.

Васиштха (Vāsiṣṭha) — великий индийский мудрец; был в числе тех, кому частично была поведана в виде откровения "Ригведа".

Ваю (Vāyu) — ветер.

Вираджд (Virāj) — материальная Вселенная.

Вишну (Viṣṇu) — второе лицо индуистской Троицы; принцип сохранения.

Вьяса (Vyāsa) — прославленный риши, который собрал веды и расположил их в нынешнем порядке.

Гаудапада (Gauḍapāda) — прославленный учитель брахманизма. Автор комментариев к "Санкхья-карике", "Мундакья-упанишаде" и др.

Джамбудвипа (Jambu-dvīpa) — согласно древнебрахманической системе, одна из главных частей света, включающая в себя Индию.

Джанака (Janaka) — царь Видехи. Широко известный герой индийского эпоса "Рамаяна". Великий провидец.

Дхармашока (Dharmaśoka) — один из царей, правивших Магадхой.

Зороастр — пророк, почитаемый парсами.

Икхир Бонга (Ikhir Bona) — "дух глубин" у коларийских племён.

Капила (Kapila) — основоположник одной из шести главных систем индийской философии: санкхьи.

Карттика (Kārttika), Карттикея (Kārttikeya) — индийский бог войны. Сын Шивы и Парвати. Кроме того, служит персонификацией силы Логоса.

Каши (Kāśi) — одно из названий священного Бенареса.

Лаоцзы (老子) — китайский реформатор.

Ману (Manu) — великий индийский законодатель.

Маруты (Marut) — боги ветров.

Морья (Morya) — имя одной из царских династий, правивших Магадхой; также название одного из раджпутских племён.

Нанда (царь) (Nanda) — один из царей, правивших Магадхой.

Нараяна (Nārāyaṇa) — в мистической символике обозначает принцип жизни.

Паталипутра (Pāṭaliputra) — древняя столица Магадхи в Восточной Индии. Современный Патна.

Патанджали (Patañjali) — автор "Философии йоги" ["Йога-сутр" — *перев.*], относящейся к одной из шести ортодоксальных систем Индии, а также "Махабхашьи".

Пиядаси (Piyadasi) — имя Ашоки.

Посейдонис — последний из островов континента Атлантиды, который погрузился под воду океана.

Раммохан Рой (Mohan/Rammohun Roy/Ray) — видный индийский реформатор. Умер в 1833 году.

Сакета (Saketa) — столица древнеиндийского царства Айодхьи.

Синг Бонга (Sing Bonga) — дух Солнца, которому поклоняются коларийские племена.

Сюаньцзан (или Сюань Цзан) (Hiong-Thsang) — прославленный китайский путешественник, в сочинениях которого содержатся крайне любопытные сведения об Индии прошлых времён.

Цонкапа (rJe tsong kha pa) — прославленный реформатор тибетского буддизма; основатель школы *гелугпа*.

Чандрагупта (Candragupta) — один из царей Магадхи, древней провинции Индии.

Чарака (Caraka) — самый знаменитый среди индуистов автор медицинских трактатов.

Шанкарачарья (Śaṅkarācārya, Śamkarācārya) — великий представитель монистической философии веданты (адвайта-веданты — *перев.*), отрицающей наличие личности у божественного первоначала и утверждающей о единстве этого первопринципа с человеческим духом.

Шива (Śiva) — один из индуистских богов, который вместе с Брахмой и Вишну образует Тримурти (Троицу). Принцип разрушения.

Юдхиштхира (Yudhiṣṭhira) — старший из пяти братьев Пандавов, подвиги которого увековечены в великом санскритском эпосе "Махабхарата".

Яваначарья (Yavanācārya) — под этим именем в индийской литературе упоминается Пифагор.

Яма (Yama) — закон; бог смерти.

Яшодхара (Yaśodharā) — супруга Будды.[\[5\]](#)

Указатель произведений

"Авеста" (Avesta) — сборник священных книг зороастрийцев.

"Атмабодха" (Ātmabodha) — (букв.: "знание о своём "я") название ведантистского трактата, написанного Шанкарачарьей.

"Атхарваведа" (Atharvaveda) — одна из четырёх самых древних и наиболее почитаемых книг, принадлежащих древним брахманам.

"Брихадараньяка-упанишада" (Bṛhadāraṇyakopaniṣada) — одна из священных книг брахманов. Араньяка представляет собой трактат, прилагаемый к ведам. Считается предметом особого изучения теми, кто удалился в лес в целях религиозного созерцания.

"Бхагавадгита" (Bhagavadgītā) — букв.: "Господня песнь". Содержанием её является один из эпизодов, описываемых в великом индийском эпосе "Махабхарата": диалог между Кришной и Арджуной, в котором затрагивается ряд вопросов, связанных с духовной философией.

"Ваю-пурана" (Vāyupurāṇa) — одна из пуран.

"Законы упасан" — одна из глав в книге IV "Гью-де", излагающая правила для кандидатов, желающих поступить в ученичество.

"Исида" ("Разоблачённая Исида") ("Isis Unveiled") — написанное г-жой Блаватской произведение, посвящённое вопросам эзотерического учения.

"Йога-сутры" (Yogasūtra) — трактат, излагающий принципы философии йоги. Написан Патанджали.

"Киратарджуния" (Kīrātārgjunīya) Бхарави — санскритский эпос, повествующий о встрече одного из героев "Махабхараты", Арджуны, с богом Шивой, принявшим облик охотника.

"Матсья-пурана" (Matsya-purāṇa) — одна из пуран.

"Махабхарата" (Mahābhārata) — знаменитый древнеиндийский эпос.

"Махабхашья" (Mahābhāṣya) — комментарий Патанджали к "Грамматике"^[6] Панини.

"Махаванса" (или "Махавамса") (Mahāvamśa) — буддийский исторический труд, принадлежащий дяде царя Дхатусены, монаху Маханаме.

"Махапариниббана-сутта" (Mahāparinibbāna-sutta) — одно из самых авторитетных буддийских священных писаний.

"Пополь-Вух" ("Popol-Vuh") — священная книга гватемальцев.

"Рамаяна" (Rāmāyaṇa) — поэма, описывающая жизнь Рамы, богоподобного индийского героя.

"Ригведа" (Rgveda) — название первой веды.

"Санкхья-карика" (Sāṃkhya-kārikā) — название трактата, содержащего афоризмы Капилы, основателя системы *санкхья*, одной из шести школ индуистской философии.

"Сурья Сиддханта" (Sūrya Siddhānta) — санскритский трактат, посвящённый вопросам астрономии.

"Шакунтала" (Śakuntalā) — название драмы, написанной Калидасой.

"Ясна" — священная книга парсов.

Указатель терминов

Anima Mundi (Анима Мунди) — мировая душа.

daīmonionphoti — духовное просветление

fan, bar-nang (bar-snan) — пространство; вечный закон.

аб-е-хаят (ab-e-hayat) — "вода жизни". Считается, что она дарит человеку вечную молодость.

абхава (abhāva) — отрицание бытия или концепция небытия отдельных предметов. Субстанция; лишённая каких бы то ни было физических атрибутов абстрактная объективность.

авастха (avasthā) — состояние, условие, положение дел.

аватара (avatāra) — у индуистов: воплощение того или иного возвышенного существа.

авидья (avidyā) — незнание. То, что служит причиной для формирования у человека его эго.^[7]

авьякта (avyakta) — непроявленная причина.

Адам Кадмон (Adam Kadmon) — двуполая Сфира (в каббале).

адвайта (advaita) [веданта] — философская школа, учреждённая Шанкарачарьей.

адепт — человек, который, благодаря развитию собственного духа, обретает трансцендентные знания и способности.

адхибхаутика (ādhibhautika) — то, что проистекает в силу воздействия со стороны внешних объектов.

адхидайвика (ādhidāivika) — то, что проистекает по воле богов или в результате несчастного случая.

адхикамаса, адхикамасанса (adhikamāsa, adhikamāsansa) — дополнительный месяц.

адхиштхана (adhiṣṭhāna) — основание, фундамент. Принцип, в котором присутствует какой-то ещё принцип.

адхья́тмика (ādhyātmika) — то, что проистекает из внутреннего "я".

акаша (ākāśa) — тонкая сверхчувственная материя, пронизывающая собой пространство.

амула мула (amula-mula) — (букв.: "корень без корня") пракрити; материал, из которого построена Вселенная.

ананда (ānanda) — блаженство.

анандамайя-коша (ānandamayakośa) — испытывающий блаженство; пятая оболочка души в системе веданты; шестой принцип.

анастасис (ἀνά-στασις) — продолжение существования души^[8].

анакхатачакра (anāhatacakra) — сердце,местилище жизни.

аннамайя-коша (annamayakośa) — плотное тело; первая оболочка божественной монады (в системе веданты).

антахкарана (antahkaraṇa) — внутренний инструмент, душа, формируемая мыслительным принципом и силой своего эго.

анумити (anumiti)[9] — логический вывод, заключение.

апóррета (ἀπόρρητα) — тайные наставления во время египетских и греческих мистерий.

апаварга (apavarga) — освобождение от новых перерождений.

апарокша (aparokṣa) — прямое, непосредственное восприятие.

араньяка (āraṇyaka) — святой мудрец, живущий в уединении в лесу.

арахат (arahat) — (букв.: "достойный") посвящённый святой (в буддийских и джайнских школах).

ардханаришвара (ardhanārīśvara) — (букв.: "двуполый Господин") неполяризованное состояние космической энергии; двуполая Сфера, Адам Кадмон.

арка (arka) — Солнце.

асана (āsana) — третья ступень хатха-йоги; поза при медитации.

асат (asat) — нереальное; пракрити.

астральный свет — тонкая форма существования, образующая фундамент, основу нашей материальной Вселенной.

асура (asura) — сущность, принадлежащая к классу элементаров, которые считаются особенно злобными. Демон.

атма (ātma) — дух; божественная монада; седьмой принцип семичастного состава человека.

атман (atman) — см. атма.

аттавада (attavāda) (пали) — "грех личности", то есть иллюзорное представление о своём "я" как существующем самостоятельно и в отрыве от Брахмана.

аханкара (ahaṁkāra) — личность; ощущение собственного эго, своей самости; самоидентичность; пятый принцип.

ахум (ahum) — первые три принципа семеричного состава человека. Согласно Авесте, плотное живое тело человека.

ашаб и лангхан (ásháb and langhan) — обряды изгнания злых духов (под такими названиями они известны среди коларийских племён).

ашта сиддхи (aṣṭa-siddhi) — восемь совершенств хатха-йоги.

баддха (baddha) — скованный, связанный, существующий в жёстко

обусловленных обстоятельствах; состояние обычного человека, не достигшего нирваны.

баодха — сознание, пятый принцип человека [в зороастризме — *перев.*].

бархаспатьямана (bārhaspatyamāna) — метод летоисчисления, распространённый в позднейший индуистский период в Северо-Восточной Индии.

бахирпраджня (bahir-prajñā)^[10] — состояние сознания современного человека.

бодхисаттва (bodhisatva) — эго, которое в своём развитии уже готовится перейти в состояние будды.

бон (bon) — религия коренных тибетцев.

брахмаджнянин (brahmajñānin) — человек, переживший окончательное просветление.

брахман (brahman) — представитель наивысшей касты в Индии.

брахманский период — один из четырёх периодов, на которые подразделяется история ведийской литературы.

брахмачарин (brahmacārin) — брахман-аскет.

буддхи (buddhi) — духовное эго.

бхагат (bhagat) (у индуистов также сокха и сивнатх) — заклинатель, изгоняющий злых духов.

бхао (bhao) — обряд гадания, распространённый среди коларийских племён в Центральной Индии.

бхашья (bhāṣya) — комментарий.

бхикшу (bhikṣu) — странствующий аскет-подвижник, который подавляет в себе все желания и целиком отдаётся делу подвижничества; буддийский монах.

вайшьи (vaiśya) — скотоводы, ремесленники; третья каста в индуистском обществе.

вакья саньяма — контроль над речью.

вата (vāta) — воздух.

вач (vāc) *санскр.*, вак (vāk) *пали* — речь; логос; мистическое "Слово".

ведантисты — последователи философской школы *веданта*, которая подразделяется на два направления: монистическое и дуалистическое [адвайта и двайта — *перев.*].

ведийский — относящийся к ведам.

веды (Veda) — самые авторитетные из индуистских священных писаний.

Четыре древнейшие книги — "Ригведа", "Яджурведа", "Самавед" и "Атхарваведа" — были поведаны Брахмой великим риши.

виджа (vīja) — первозародыш, который затем разросся во Вселенную.

виджнянамайя-коша (vijñānamāya-kośa) — оболочка знания; четвёртая оболочка божественной монады; пятый принцип в семичастном составе человека (в веданте).

видья (vidyā) — тайное знание.

вишнуит — поклоняющийся Вишну. Вишнуиты — одна из сект в индуизме.

вришала (vṛishala) — отверженный.

вьявахарика (vyavahārika) — объективное существование; практическое бытие.

гāтри — самый священный стих вед.

гахи (gehs) — парсийские молитвы.

гелугпы (dge-lugs-pa) (тиб.) — "жёлтошапочники", подлинные маги и их школа. В Тибете они известны под этим названием.

гуджарати — разговорный диалект, распространённый в провинции Гуджарат в Западной Индии.

гуй шэнь (kwei shans) (кит.) — третий принцип; астральное тело.

гунават (guṇavat) — наделённый качествами.

гуны (guṇa) — качества, свойства.

гуру (guru) — духовный учитель.

дайты (daitya) — демоны; титаны.

дама (dama) — подавление чувств.

дараста (darasta) — магический обряд, распространённый среди коларийских племён в Центральной Индии.

дарха (darha) — духи предков у коларийских племён в Центральной Индии.

дазна — (букв.: "знание") Согласно Авесте, четвёртый принцип в семичастном составе человека.

двиджа брахман (dvija brahman) — "дважды рождённый". Вторично родившимся человек считается с момента наложения на него священного шнура.

деванагари (devanāgarī) — современный санскритский алфавит.

девачан (devachan) — посмертное состояние блаженства; райское существование.

демон, "находящийся вне тела" — не поддающаяся порче часть человека; нус; разумная душа.

деона или мати — заклинатель, изгоняющий злых духов (у коларийских племён).

джаграта (jāgrata) — бодрствование.[11]

джаграта авастха — состояние бодрствования. Один из 4-х аспектов пранавы.

джайны — приверженцы одного из религиозных направлений в Индии, близкого буддизму.

джапа (japa) — мистическая практика йогов, состоящая в повторении определённых формул.

джива (jīva) или карана-шарира (см.) — второй принцип человека; жизнь.

дживатман (jīvātman) — человеческий дух; седьмой принцип микрокосма.

джняна (jñāna) — знание.

джнянендри (jñānendriya) — пять каналов, по которым к человеку поступает знание.

джняна-шакти (jñānaśakti) — сила подлинного знания; одна из шести сил.

джьётишам джьётис[12] (jyotiṣām-jyotis) — "свет светов"; верховный дух. Под таким названием он упоминается в упанишадах.

дик (dik) — пространство.

дикша (dikṣā) — посвящение.

доша (doṣa) — недостаток.

дравиды — группа племён, обитающих в Южной Индии.

дравья (dravya) — субстанция.

дугпы (от kha dum-ra)[13] (тиб.) — "красношапочники", "чёрные" маги, сторонники "левого пути" в оккультизме. В Тибете они известны под этим названием.

дукха (dukkha) (пали) — боль.

дхату (dhātu) — семь главных субстанций, образующих человеческое тело: лимфа, плоть, кровь, жир, кости, костный мозг, семя.

дхьян чоханы (dhyān chohan) — дэвы или боги; планетарные духи.

дхьяна (dhyāna) — созерцание. Существует шесть стадий дхьяны, различающихся между собой степенью абстрагирования эго от чувственной жизни.

дэва (deva) — бог; существа, принадлежащие к субъективной стороне природы.

зэнд — священный язык в древней Персии.

иерофант (ἱερο-φάντης) — верховный жрец.

индрия саньяма (indriya saṁyama) или деха саньяма (deha saṁyama) — контроль над чувствами.

иччха (icchā) — воля.

иччхашакти (icchāśakti) — сила воли; сила желания; одна из шести сил природы.

ишвара (īśvara) — личный Бог, Господь. Заключённый в человеке дух, божественный принцип, пребывающий в своей активной природе (или активном состоянии). Одно из четырёх состояний Брахмы.

йога-видья (yogavidyā) — наука йоги; практический метод соединения собственного духа с мировым.

йоги (yogin) — мистики, занимающиеся саморазвитием по системе, изложенной Патанджали в его "Философии йоги" ["Йога-сутрах" — *перев.*].

каббала — собрание древнееврейских мистических книг.

кали-юга (kalī yuga) — последняя из четырёх эпох, на которые подразделяется весь период эволюции человека. Началась в III тысячелетии до Р.Х.

кальпа (kalpa) — период космической активности. День Брахмы (4 миллиарда 320 миллионов лет).

кама (kāma) — страсть, желание, волевой акт. Индуистский Купидон [или Эрот — *перев.*].

кама-лока (kāma-loka) — обитель желаний. Первое состояние, в котором оказывается человеческая сущность после [физической — *перев.*] смерти в ходе своего продвижения к девачану. Соответствует "чистилищу".

кама-рупа (kāma-rūpa) — заложенный в человеке принцип хотения; четвёртый принцип.

каннарский язык — один из дравидских языков, на которых говорят в Южной Индии.

кара (kara) — большой праздник, устраиваемый коларийскими племенами в честь духа Солнца.

карана-шарира (kāraṇa-śarīra) — каузальное тело.

карма (karma) — закон этической каузальности. Последствие того или иного акта, совершаемого в целях достижения предмета личного желания. Может относиться как к достоинствам человека, так и к его недостаткам.

карман (karman) — действие. Одно из свойств линга-шариры.

кехерпас (keherpas) — воздушная форма; третий принцип [в зороастризме].

колы — название одного из племён, обитающих в Центральной Индии.

крия-шакти (kriyā-śakti) — сила мысли; одна из шести сил природы.

кумбхака (kumbhaka) — задержка дыхания, регулируемая по правилам системы хатха-йоги.

кундалини-шакти (kuṇḍalinī-śakti) — сила жизни; одна из шести сил природы.

кханд период — один из периодов истории ведийской литературы.

кшатрий (kṣatriya) — вторая из четырёх каст, на которые изначально делилось индийское общество.

кшетра (kṣetra) — великая бездна (в том смысле, в каком она понимается в каббале); хаос; йони; пракрити; пространство.

кшетраджнешвара (kṣetrañeśvara) — воплощённый дух. Наделённое сознанием эго в своём наивысшем проявлении.

лама-гелонг (dge slong)[14] (тиб.) — ученик ламы.

маги — огнепоклонники; великие маги, или древние философы мудрости.

мадхадипати (maṭhādhipati) — главы различных религиозных учреждений в Индии.

маздеист, зороастриец — букв. "поклоняющийся Богу".

майя (māyā) — иллюзия; такая космическая сила, которая делает возможным существование как явление природы.

майявирупа (māyāvī-gūpa) — "двойник", "doppelgänger", перисприт.

майявический упадхи — покров, налагаемый иллюзией; внешний облик происходящих в природе явлений.

макрокосм — Вселенная.

манас (manas) — ум, принцип мышления; пятый принцип по семеричной классификации.

манас саньяма (manas-samyama) — совершеннейшая концентрация ума; контроль над умом.

манвантара (manvantara) — исходящее дыхание творящего принципа; период космической активности, наступающий в промежутке между двумя прааями.

маномайя-коша (manomāya-kośa) — третья оболочка божественной монады. Ведантистский эквивалент четвёртого и пятого принципов.

мантр период — один из четырёх периодов, на которые подразделяется история ведийской литературы.

мантра- и тантра-шастры — тексты, посвящённые заклинаниям и магии.

мантра-шастра (mantra-śāstra) — брахманические тексты, посвящённые оккультной науке заклинаний.

матра (mātra) — продолжительность санскритского слога.

матрика-шакти (mātrkā-śakti) — сила речи; одна из шести сил природы.

махабхутический (mahābhautika) — относящийся к макрокосмическим принципам.

махабхуты (mahābhūta) — плотные первопринципы.

махат (mahat) — буддхи; самый первый продукт корневой природы и производитель аханкары (самости) и манаса (принципа мышления).

махатма (mahātman) — "великая душа"; адепт-окультист наивысшего ранга.

махашуньята (māha-sūnyatā) — пространство, или вечный закон. Великая пустота.

махаюга (mahāyuga) — по брахманическому учению, период времени, охватывающий собой четыре "юги" или эпохи, общей продолжительностью 4 миллиарда 320 миллионов лет.

микрокосм — человек.

мировая монада (μονάς) — мировой дух.

мобед — зороастрийский жрец.

монада (μονάς) — душа духа; то, что не гибнет на протяжении всех перемен объективного существования.

монегар (monegar) — староста деревни.

мукта (mukta) — освобождённый; избавленный от существования в качественно обусловленных обстоятельствах.

мукти. См.: мукта.

мулапракрити (mūlaprakṛti) — недифференцированная космическая материя; непроявленная причина и субстанция всего сущего.

мумукшутва (mumukṣutva) — страстное стремление к освобождению.

набхичакра (nābhicakra) — средоточие принципа желания; расположено в области пупка.

нава нидхи (nava-nidhi) — девять жемчужин, или совершенство в духовном развитии.

наджо (najo) — колдунья.

неофит — кандидат, избранный для посвящения в оккультные таинства, после чего он становится адептом.

нефеш (נפש) — одна из трёх душ, упоминаемых в каббале; первые три принципа в семичастном составе человека.

нешама (שמה) — одна из трёх душ, упоминаемых в каббале; седьмой принцип в семичастном составе человека.

нирвана (nirvāṇa) — блаженство, не описываемое никакими физическими качествами духовное существование; погружение во Всё.

ниргуна (nirguṇa) — несвязанный, нескованный; не имеющий гун (атрибутов, свойств). Так называют душу, пребывающую в состоянии своей сущностной чистоты.

ноумен (νοούμενον) — истинная сущностная природа бытия, противопоставляемая чувственно воспринимаемым иллюзорным объектам.

нус (νοῦς) — дух, ум; по Платону, разум.

ньяиши — молитвы (у парсов).

ньяя (nyāya) (философия) — система индуистской логики, основу которой заложил [Акшапада] Готама.

окультизм — изучение тайн природы и развитие дремлющих в человеке психических сил и способностей.

охема (ὄχημα) — носитель; этим термином Платон обозначал тело.

падартха (padārtha) — категории для всего сущего; этот термин принадлежит философии *вайшешика*, или учению об атомах, основателем которой был Канада (Kaṇāda).

падмасана (padmāsana) — [букв.: "поза лотоса" — *перев.*] поза, в которой сидят некоторые индийские мистики [во время созерцания]. Человек в этой позе сидит, скрестив ноги и держа спину прямой.

панча-коша (pañcakośa) — пять оболочек, в которые заключена божественная монада.

панчикрита (pañcīkṛta) — в процессе развития превратившийся в пять плотных элементов.

Парабрахм, Парабрахман (Parabrahm, Parabrahman) — наивысший принцип природы; мировой [всемирный, вселенский, универсальный] дух.

парамартхика (pāramārthika) — в веданте одно из трёх состояний бытия; истинное и единственно реальное состояние.

Параматман (Paramātman) — наивысший дух.

пара-шакти (parāśakti) — одна из шести сил природы; великая сила.

парокша (parokṣa) — постижение истины с помощью ума.

пахан (pāhān) — сельский жрец.

пелинг (འཕྲི་གླིང་པ་ *phi-liñ* или ཕུའི་གླིང་པ་ *phui gliñ-pa*)[15] — этим словом называют в Тибете европейцев.

пишача (piśāca) — затухающие останки человека, пребывающего в состоянии кама-локи; пустая оболочка, элементарий.

пластичная или растительная (φυτικός) жизнь — так Платон обозначал ту силу, которая из субстанции Вселенной лепит подходящие формы.

по (кит.) — животная душа.

Праджapati (Prajāpati) — строители материальной Вселенной.

праджня (prajñā) — сознание.

пракрити (prakṛti) — недифференцированная материя; наивысший принцип, понимаемый как субстанция Вселенной.

пралая (pralaya) — период, в течение которого космос переживает состояние покоя.

прамея (prameya) — положение, требующее доказательства; предмет доказательства (праманы, pramāṇa).

прана (prāṇa) — единая жизнь.

пранамая-коша (prāṇamaṇya-kośa) — принцип жизни и его носитель. В веданте вторая оболочка божественной монады.

пранатман (prāṇātman) — зачаток той вечной нити, на которую, как бусины, будут нанизываться жизни всей череды личностей. То же, что и *сутратман* (sūtrātman).

пратибхасика (pratibhāsika) — мнимая, иллюзорная жизнь.

пратьякша (pratyakṣa) — восприятие.

прачета (pracetā) — принцип воды.

претья-бхава (pretyabhāva) — состояние эго, вынужденного осуществлять всё новые и новые перевоплощения.

пространство — акаша; свабхават (см.).

пунарджанман (punarjanman) — способность производить объективные проявления; перевоплощение.

пурака (pūraka) — вдох, осуществляемый по системе хатха-йоги.

пурана (purāṇa) — (букв.: "древнее писание"). Иносказательное брахманическое произведение. Собрание пуран насчитывает восемнадцать книг, составленных, как предполагается, автором "Махабхараты" — Вьясой.

пуруша (puruṣa) — дух.

пхала (phala) — воздаяние; плод или результаты причин.

раджа-йога (rāja-yoga) — наука, обладающая подлинным знанием о развитии психических способностей и достижении единства с верховным духом.

раджарши (rājārṣi) — царь-адепт[16].

раджас (rajas) — качество скверны; страстная деятельность.

ракшас (rākṣasa) — злой дух; букв.: "сыроед".

речака (recaka) — выдох, осуществляемый по системе хатха-йоги.

Ришабха (Rṣabha) — зодиакальный знак Тельца. Священный слог *Ом*.

риши (ṛṣi) — (букв.: "сообщающий откровение"). Святой мудрец.

руах (רוח) — в каббале: один из видов души; вторые три принципа в семичастном составе человека.

самадхана (samādhāna) — неспособность отклониться от пути духовного развития.

самадхи (samādhi) — состояние экстатического транса.

саманья (sāmānya) — общность или соединение качеств.

самват (saṃvat) — индийская эра, начавшаяся, как принято считать, в 57 году до Р.Х.

самма-самбудда (sammā-sambuddha) — состояние совершеннейшего просветления.

санкхья-йога (sāṃkhya-yoga) — система йоги, разработанная философами-санкхьяиками.

санньяси(н) (saṃnyāsi[n]) — индуист-аскет, умственно сосредоточенный на наивысшей истине.

сат (sat) — "то, что реально"; пуруша.

саттва (sattva) — чистота; благо.

сатья-лока (satya-loka) — обитель истины. Одна из субъективных сфер, существующих в нашей Солнечной системе.

саурамана (sauramana) — один из методов летоисчисления.

свабхават (svabhāvat) — акаша; недифференцированная первоматерия; пракрити.

свами (svāmin) — (букв. "хозяин") семейный идол.

свапна (svapna) — состояние сна, в котором возможно ясновидение.

свапна авастха (svapna avasthā) — состояние сна; один из четырёх аспектов пранавы.

сиддхасана (siddhāsana) — одна из поз в системе хатха-йоги.

сиддхи (siddhi) — сверхобычная способность, обретаемая в процессе духовного развития.

скандхи (skandha) — временные элементы, образующие человеческую структуру.

смрити (smṛti) — индуистские тексты, посвящённые правовым и церемониальным вопросам.

сохам (soham) — мистическое слово, символически указывающее на инволюцию.^[17]

стхула-шарира (sthūla-śarīra) — плотное физическое тело.

сукшма-шарира (sūkṣma-śarīra) — тонкое тело.

сукшмопадхи (sūkṣmopādhi) — в раджа-йоге: четвёртый и пятый принципы [в семичастном составе человека].

сунниум (sooniūm) — магический обряд изгнания болезни из одного человека за счёт передачи её другому.

сурпа (surpa) — веялка.

суры (sura) — элементалы, принадлежащие к благоприятному для человека классу; боги.

Сурья (Sūrya) — Солнце.

сутр период — один из периодов, на которые подразделяется история ведийской литературы.

сутратман (sūtrātman) — букв.: "нить-дух". Та бессмертная индивидуальность, на которую нанизываются наши нескончаемые личности.

сушупти авастха (suṣupti avasthā) — состояние глубокого сна без сновидений; один из четырёх аспектов пранавы.

тама (tama) — безразличие; тупость.

тамас (tamas) — неведение; тьма, мрак.

танматры (tanmātra) — тонкие первоэлементы; лишённые каких бы то ни было физических атрибутов эквиваленты или аналоги пяти первоэлементов: земли, воды, огня, воздуха и эфира, лежащие в основе ощущений запаха, вкуса, осязания, зрения и звука.

тантры (tantra) — магические тексты. Тантрический — относящийся к обрядам, связанным с отпращиванием культа богини Шакти, персонификации силы.

таньха (taṅhā) — тяга; жажда жизни; то, что выступает причиной перевоплощений.

тарака-йога (tāraḥa-yoga) — одна из брахманических систем, развивающих психические способности и помогающая обретению духовного знания.

таттва (tattva) — вечно сущее "То". Таттвы — разнообразные принципы природы; абстрактные принципы или категории бытия (как физического, так и метафизического).

Таши-лама (Teshu Lama) — глава церкви в Тибете.[18]

телугу — язык, распространённый в Южной Индии.

теодидактос (θεο-διδάκτος) — (букв.: "наученный богом") философская школа в Египте.[19]

теософия (θεο-σοφία) — религия-мудрость, проповедуемая мудрецами всего мира на протяжении всех эпох.

тиккун (תִּקּוּן) — Адам Кадмон. Луч, исходящий из Великого Центра.

титикша (titikṣā) — самоотречение.

тодды (Toda) — проживающее в Индии загадочное племя, практикующее чёрную магию.[20]

триданди — (*три* — "три"; *данда* — "наказание") название брахманского шнура.

Тримурти (Trimūrti) — индийская Троица — Брахма, Вишну и Шива: творец, охранитель и разрушитель.

турия авастха (turīya avasthā) — состояние нирваны.

упадана-карана (upādāna-kāraṇa) — материальная причина того или иного следствия.

упадхи (upādhi) — базис, основание, носитель.

упамити[21] — аналогия.

упанаяна (upanayana) — ритуал вручения брахманского шнура.

упанита (upanīta) — тот, кому вручён брахманский шнур (букв.: "приведённый к духовному учителю").

упанишады (upaniṣad) — брахманические священные произведения, служащие дополнением к ведам. Содержат в себе эзотерическое учение брахманов.

упарати (uparati) — отсутствие желаний, порождаемых внешним миром.

урван (urvanem) — духовное эго; шестой принцип.[22]

уштана (ushtanas) — сила жизни; второй принцип.[23]

факир — мусульманин-отшельник или йог.[24]

фохат (тибет.) — шакти: космическая сила или энергия Вселенной.

фраваша — абсолютный дух.

ха — магический слог, используемый в священных мантрах. Обозначает могущество акаша-шакти.

хамса (hangsa) — мистическое слово, обозначающее эволюцию. Буквально означает: "я есть он".

хатха-йога (haṭha-yoga) — система физической подготовки, помогающая обретению разнообразных психических способностей. Главной особенностью этой системы является регулирование дыхания.

хинаяна — низшая форма трансмиграции у буддистов.[25]

хунь (hwun) (кит.) — дух, седьмой принцип в человеке.

хутухту (chutuktu) — пять главных тибетских лам.

цзин (zhing) (кит.) — тонкая материя; кама-рупа, или четвёртый принцип.

ци (khi) (кит.) — (букв. "дыхание") Духовное эго. Шестой принцип человека.

чандрамана (candramāna) — метод летоисчисления на основе движения Луны.

чатурдаша бхувана (caturdaśa-bhuvana) — четырнадцать лок (или состояний).

чела (celā) — ученик, изучающий оккультизм у адепта.

чидагникунда (cidagnikuṇḍa) — букв. "(пылающий) очаг в сердце". Вместителище особой силы, которая гасит любые личные желания.

чид-акаша (cid-ākāśa) — поле сознания.

чинматра (cinmātra) — зародышевое сознание, лишённое каких бы то ни было физических атрибутов сознание.

чит (cit) — лишённое каких бы то ни было физических атрибутов абстрактное сознание.

читта шуддхи (citta śuddhi) — (читта — "ум", а шуддхи — "очищение") очищение ума.

чит-шакти (cit-śakti) — сила, порождающая мысль.

шабда (śabda) — логос или "слово".

шакти (śakti) — венчает собою астральный свет; сила природы.

шама (śama) — подавление беспокойства ума; успокоение ума.

шаманизм — культ духов. Древнейшая религия Монголии.

шарира (śarīra) — тело.

шиваит — поклоняющийся Шиве; шиваизм — одна из сект индуизма.

шлока (śloka) — станс.

шравана (śravaṇa) — восприимчивость; слушание.

шраддха (śraddhā) — вера, доверие, верность.

шуньята (śūnyatā) — пространство, ничто.

элементалы — общее название для всех обитателей субъективного мира за исключением человека в развоплощённом состоянии.

эпопта (ἑλ-όπτης) — провидец.

яваны (yavana) — так брахманы в целом называли более молодые народы.

яджня-сутра (yajña-sūtra) — название брахманского шнура.

яшты — парсийские молитвословы.

Список литературных источников и справочной литературы

Авеста. (2005) Хордэ Авеста. / Подготовка авестийского текста, перевод, предисловие, комментарий М. В. Чистякова. СПб. — 384 с.

Авеста в русских переводах. (1997) (1861 — 1996). / Составление, общая редакция, примечания и справочный раздел И.В. Рака. СПб.: Журнал "Нева" — РХГИ. — 480 с., карта.

Аксаковъ А.Н. (1895) Предвѣстники спиритизма за послѣдніе 250 летъ. Выдающіеся случаи самопроизвольныхъ медіумическихъ явленій съ 1661 года и переходъ къ экспериментальнымъ въ 1848 г. Отчетъ Миланской комисіи о наблюденіяхъ, произведенныхъ въ 1892 году надъ медіумическими явленіями, вызываемыми Евзапіей Паладино. Тождество ихъ съ самопроизвольными. С.-Петербург.

Альбедиль М. (1996а) Гаудапада. *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм*. Словарь. М.: изд-во "Республика", С. 143.

- Альбедиль М. (1996б) Санньясин. *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм*. Словарь. М.: изд-во "Республика", С. 390.
- Андреев, Д.Л. (1991) Роза мира. Метафилософия истории. М.: Прометей. — 288 с.
- Андросов В.П. (2008) Буддийская классика Древней Индии. Слово Будды и трактаты Нагарджуны в переводах с палийского, санскритского и тибетского языков с толкованиями. М.: Открытый мир. — 512 с.
- Андросов В.П. (2011) Авалокитешвара. *Философия буддизма*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Восточная литература, С. 77-78.
- Арнольд Э. (2018) Свет Азии, или Великое отречение. Перевод с англ. А.М. Фёдорова. / Под ред. П.Н. Малахова. Кемерово: Колокол. — 268 с.: ил.
- Арриан. (1993) Поход Александра. СПб.: Алетей
- Атхарваведа (Шаунака). (2007) В 3-х томах. Т. 2. Перевод с ведийского языка Т.Я. Елизаренковой. (Памятники письменности Востока). М.: Восточная литература. — 293 с.
- Ауробиндо, Шри. (2001) Духовное возрождение. Перевод с английского: Н. Захаров, А. Климов, Н. Курков, Д. Мельгунов, В. Синева. СПб: Адити.
- Афанасьева В.К. (1987) Зиусудра. *Мифы народов мира*. Энциклопедия в двух томах. Второе издание. Т. I. М.: Советская Энциклопедия, С. 468.
- Бехтерев В.М. (2022) Невольное внушение и взаимовнушение. *Психика и жизнь. Внушение*. М.: издательство "АСТ".
- Бируни, Абу Рейхан. (1995) Индия. Пер. с араб. / Репринт с изд. 1963 г. — М.: Ладомир. — 727 с.
- Блаватская Е.П. (1994) Загадочные племена на "Голубых горах". Дурбар в Лахоре. М.: изд-во "Сфера" Российского теософского общества. — 288 с.
- Блаватская Е.П. (2003) Разоблачённая Изида. Кн. 1. Пер. с англ. К. Леонова, О. Колесникова. М.: Издательство АСТ. — 830 с.
- Блаватская Е.П. (2002) Разоблачённая Изида. Кн. 2. Пер. с англ. К. Леонова, О. Колесникова. М.: Издательство АСТ. — 824 с.
- Блаватская Е.П. (2017) Тайная доктрина. URL:
<https://www.theosociety.org/pasadena/sd-ru/sd-ru-hp.htm>
- Блаватская Е.П. (2017) Тайная доктрина. Т. 1. Кн. 1. Пер. с англ. В.В. Базюкина. М.: Дельфис. — 512 с.
- Блаватская Е.П. (2017) Тайная доктрина. Т. 1. Кн. 2. Пер. с англ. В.В. Базюкина. М.: Дельфис. — 640 с.

- Блаватская Е.П. (2020) Тайная доктрина. Т. 2. Кн. 1. Пер. с англ. В.В. Базюкина. М.: Дельфис. — 920 с.
- Блаватская Е.П. (2020) Тайная доктрина. Т. 2. Кн. 2. Пер. с англ. В.В. Базюкина. М.: Дельфис. — 728 с.
- Ботвинник М.Н. (1990) Эллинистический мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская Энциклопедия.
- Брихадараньяка-упанишада. (1992) *Упанишады*. В 3-х книгах. Книга 1. (Серия "Памятники письменности Востока"). Перевод с санскрита, предисловие и комментарий А.Я. Сыркина. М.: Наука-Центр "Ладомир".
- Брусилова Н.В. ГА РФ. Ф. Р-5972. Оп. 1. Д.19а. Л. 64.
- Буддизм. (1992) Словарь. / Абаева Л.Л. и др. М.: Республика. — 287 с.
- Бутлеровъ А.М. (1889) Статьи по медиумизму. Съ фототипическимъ портретомъ автора и Воспоминанѣемъ объ А.М. Бутлеровѣ Н.П. Вагнера. Издаль А.Н. Аксаковъ. С.-Петербург.
- Бхагавадгита. (1999) Перевод с санскрита, исследование и примечания В.С. Семенцова. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Восточная литература РАН. — 256 с.
- Ватман С.В. (2009) Баладева Видьябхушана. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 138-142.
- Вигасин А. (1996) Яджнавалкья. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. М.: изд-во "Республика".
- Всеобщая история религий мира. (2008) Боги, герои, духи, мировые религии, верования, культы, гимны, молитвы, мистерии, мифы, легенды, сказания стран и народов планеты. М.: ЭКСМО.
- Геродот. (1972) История в девяти книгах. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. (Памятники исторической мысли. Академия наук СССР). Ленинград: изд-во "Наука".
- Гомер. (1978) Илиада. Перевод с древнегреческого Н. Гнедича. М.: изд-во "Художественная литература".
- Дворецкий И.Х. (1958а) Древнегреческо-русский словарь. Т. 1. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Дворецкий И.Х. (1958б) Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Дворецкий И.Х. (1976) Латинско-русский словарь. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: издательство "Русский язык".
- Диоген Лаэртский. (1986) О жизни, учениях, и изречениях знаменитых

философов. Второе, исправленное, издание. (Академия наук СССР. Институт философии. Философское наследие. Т. 99). М.: Мысль. 1986

Дубянский А. (1996а) Смарта. *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм*. Словарь. М.: изд-во "Республика", С. 402.

Дубянский А. (1996б) Шрингери. *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм*. Словарь. М.: изд-во "Республика", С. 466-467.

Законы Ману. (2002) Манавадхармашастра. Перевод С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. И. Ильиным. (Серия "Антология мудрости"). М.: ЭКСМО-Пресс. — 496 с.

Захарьин Б.А. (2009) Катьяяна Вараручи. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 450-451.

Иванов М.С. (2000) Адам. *Православная энциклопедия*. / Под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1. Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", С. 280-282.

Ильин Г.Ф. (1974) Чандрагупта Маурья. *Советская историческая энциклопедия*. / Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 15. М.: Советская Энциклопедия.

Ильин Г.Ф. и Вигасин А.А. (1980) Государство Маурьев. *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Часть 2. / Под редакцией акад. М.А. Коростовцева, д. и. н. И.С. Кацнельсона, проф. В.И. Кузищина. М.: "Высшая школа", С. 111-133.

Исаева Н.В. (1991) Шанкара и индийская философия. М.: Наука. — 199 с.

Исаева Н.В. (2000) Агама. *Православная энциклопедия*. / Под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 1. Церковно-научный центр "Православная энциклопедия", С. 213-214.

Исаева Н.В. (2009) Веданта. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 251-255.

Исаева Н.В. (2010) Шиваизм кашмирский. *Новая философская энциклопедия*. В 4- томах. Т. 4. М.: Мысль, С. 385-387.

Ишваракришна. (1995) Санкхья-карика. *Лунный свет санкхьи*. Ишваракришна. Санкхья-карика. Гаудапада. Санкхья-карика-бхашья. Вачаспати Мишра. Таттва-кауमुди. / Издание подготовил В.К. Шохин. Москва: Ладомир.

Йогананда Парамаханса (2023) Автобиография йога. Перевод с англ. С.А. Матвеева. М.: Амрита.

Канаева Н.А. (2009) Арья Самадж. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 104-105.

- Карлейль, Томас. (1902) *Sartor Resartus*. Жизнь и мысли герр Тейфельдсдрека. Кн. II. Москва.
- Катха-упанишада. (1992) *Упанишады*. В трёх книгах. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. Кн. 2. (Академия наук СССР. Институт востоковедения. Памятники письменности Востока. VI). М.: Наука, Ладомир, С. 98-112.
- Ковалёв С.И. (2002) История Рима. Новое издание, исправленное и дополненное. / Под общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. СПб.: изд-во "Полигон".
- Краснодембская Н. (1996) Рави. *Индуизм. Джайнизм. Сикхизм*. Словарь. М.: изд-во "Республика", С. 345-346.
- Крэнстон, Сильвия. (1999) (При участии Кэри Уильямс) НРВ. Е.П. Блаватская. Жизнь и творчество основательницы современного Теософского движения. 2-е издание, исправленное и дополненное. Изд-во: "Лигатма". Сиринь.
- Куртик Г. (2005) Иоанн Филопон. *Католическая энциклопедия*. Том 2. М.: Издательство францисканцев, С. 397.
- Литтон, Э.Дж.Б. (1994) Призрак. Перевод с англ. О. Чоракаева. М.: Радуга. — 432 с.
- Лосев А.Ф. (1990) Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская Энциклопедия, С. 442-444.
- Лосев А.Ф. (1995) Музыка и математика. *Алексей Фёдорович Лосев. Форма – Стиль – Выражение*. / Сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, С. 481-512.
- Лосев А.Ф. (1996) Мифология греков и римлян. / Сост. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль. — 975 с.
- Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К. (1994) Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. (История восточной философии. Российская академия наук. Институт философии). М.: Восточная литература РАН. — 383 с.
- Лысенко В.Г. (2009а) Ашрама. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 130-131.
- Лысенко В.Г. (2009б) Падартха. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 587-590.
- Лысенко В.Г. (2009в) Панини. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 593-596.
- Лысенко В.Г. (2011г) Абхинья. Философия буддизма. Энциклопедия. / Отв. ред. М.Т. Степанянц. (Российская академия наук. Институт философии). М.:

- Малахов П.Н. История теософского движения в России. URL: https://ts-russia.org/info/История_теософского_движения_в_России.
- Мандукья-упанишада. (1992) *Упанишады*. В трёх книгах. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. Кн. 2. (Академия наук СССР. Институт востоковедения. Памятники письменности Востока. VI). М.: Наука, Ладомир, С. 201-202.
- Марцеллин, Аммиан (2005) Римская история. Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. М.: Научно-издательский центр "Ладомир". — 631 с.
- Матузова В. (2013) Эдуард Исповедник. *Католическая энциклопедия*. Том 5. М.: Издательство францисканцев, С. 409-410.
- Махабхарата II (1962) Бхагавадгита (часть II). Санскритский текст, симфонический словарь академика АН ТССР Б.Л. Смирнова. Ашхабад: изд-во Академии наук Туркменской ССР.
- Махабхарата (1987) Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Перевод с санскрита, предисловие и комментарий Я.В. Василькова и С.Л. Невелевой. М. — 799 с.
- Махабхарата (2009) Книга шестая. Бхашмапарва, или Книга о Бхишме. / Издание подготовил В.Г. Эрман. М.: Научно-издательский центр "Ладомир", "Наука".
- Наговицын А.Е. (2000) Мифология и религия этрусков. М.: РЕФЛ-бук.
- Ньяя-сутры. (2001) Ньяя-бхашья. Историко-философское исследование, перевод с санскрита и комментарий В.К. Шохина. *Памятники письменности Востока*. Том СХХIII. М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН. — 504 с.
- Овчинников В. (2003) Калейдоскоп жизни. М.: Российская газета.
- Огнева Е.Д. (1992) Таранатха, Дараната Гунга Ньинбо. Буддизм. Словарь. / Абаева Л.Л. и др. М.: Республика. — 287 с.
- Олкотт Г.С. (2016а) Страницы старого дневника. Фрагменты. Т. 1. Пер. с англ. В.В. Базюкина. М.: Дельфис. — 352 с.
- Олкотт Г.С. (2016б) Страницы старого дневника. Фрагменты. Т. 2. Пер. с англ. В.В. Базюкина. М.: Дельфис. — 248 с.
- Олкотт Г.С. Буддийский катехизис. Пер. с англ. М.Р. URL: https://ru.teopedia.org/lib/Олкотт_Г.С._-_Буддийский_катехизис.
- Пахомов С.В. (2009а) Упанишады. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 821-823.

- Пахомов С.В. (2009б) Шактизм. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 856-857.
- Пахомов С.В. (2009в) Шривидья. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 871-872.
- Пименов А.В. (2009) Кумарила Бхатта. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 468.
- Пирогов Н.И. (2008) Вопросы жизни. Дневник старого врача. / Сост. А.Д. Тюриков. Иваново.
- Письма Махатм А.П. Синнетту. Пер. с англ. В.В. Базюкина. URL: <https://www.theosociety.org/pasadena/mahatma-ru/ml-ru-0.htm>
[https://ru.teopedia.org/lib/Письма_махатм_А.П._Синнетту_\(пер._В.В._Базюкин\)](https://ru.teopedia.org/lib/Письма_махатм_А.П._Синнетту_(пер._В.В._Базюкин)).
- Платон. (2007а) Федон. Перевод с древнегреческого С.П. Маркиша. Платон. Сочинения в 4-х томах. / Под общей редакцией А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 2. СПб.: изд-во Олега Абышко, С. 11-96.
- Платон. (2007б) Федр. Перевод с древнегреческого А.Н. Егунова. Платон. Сочинения в 4-х томах. / Под общей редакцией А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. Т. 2. СПб.: изд-во Олега Абышко, С. 161-228.
- Плисов Е. (2020) Научное мировоззрение изменит вашу жизнь. Почему мы изучаем Вселенную и как это помогает нам понять самих себя? М.: издательство "Эксмо".
- Плутарх. О демоне Сократа (1999). Плутарх. *Моралии*. Перевод Я. Боровского. М.: ЭКСМО-ПРЕСС. Харьков: ФОЛИО, С. 674-711.
- Повесть о Варлааме и Иоасафе. (1985) Памятник древнерусской переводной литературы XI-XII вв. / Подготовка текста, исследование и комментарий И.Н. Лебедевой. Отв. ред. О.В. Творогов. Ленинград: Наука.
- Прашна-упанишада. (1992) *Упанишады*. В трёх книгах. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. Кн. 2. (Академия наук СССР. Институт востоковедения. Памятники письменности Востока. VI). М.: Наука, Ладомир, С. 189-197.
- Псху Р.В. (2009) Рамануджа. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 677-680.
- Рамаяна. (2006) Книга первая "Балаканда" (Книга о детстве). Книга вторая "Айодхьяканда" (Книга об Айодхье). Российская академия наук. Литературные памятники. Перевод П.А. Гринцера. М.: Научно-издательский центр "Ладомир". "Наука". — 890 с.

- Рерих Ю.Н. (2002) Проблемы тибетской археологии. *Буддизм и культурное единство Азии*. Сборник статей. Перевод с англ. А.Л. Барковой, с фр. А.А. Соболевой, с тиб. В.С. Дылыковой-Парфионович. М.: Международный Центр Рерихов, С. 50-58.
- Ригведа. (1989) Мандалы I-IV. Издание подготовила Т.Я. Елизаренкова. М.: Наука.
- Рудой В.И. и др. (1999) Классическая буддийская философия. СПб. — 544 с.
- Русанов М. А. Бхарави (2006) *Большая российская энциклопедия*. Том 4. Москва. С. 445.
- Синнетт А.П. Эзотерический буддизм. Перевод с английского Ю. Хатунцева под ред. К. Зайцева.
URL: https://ru.teopedia.org/lib/Синнетт_А.П._-_Оккультный_мир
- Синнетт А.П. (2000) Оккультный мир. Перевод с английского Р.Ш. Ахунова и Ю.С. Бушуевой. М.: издательство духовной литературы "Сфера".
- Синхараджа Таммита-Дельгода. (2010) Индия. История страны. М.: ЭКСМО. СПб: Мидгард. — 352 с., ил.
- Скогорев А.П. (2000) Апокрифические деяния апостолов. Арабское Евангелие детства Спасителя. СПб.: Алетейя. — 480 с.
- Скорородова Т.Г. (2009) Рой Раммохан. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 684-687.
- Словарь русского языка. (1987) В 4-х томах. Т. 3. (Академия наук СССР. Институт русского языка). М.: Русский язык.
- Советская историческая энциклопедия. (1967) Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 10. М.: Советская Энциклопедия.
- Советская историческая энциклопедия. (1974) Гл. ред. Е.М. Жуков. Т. 15. М.: Советская Энциклопедия.
- Спиритисмъ въ самомъ простомъ его выраженіи. (1864) Краткое объясненіе ученія духовъ и ихъ проявленія Алляномъ Кардекомъ, издателемъ книги о духахъ и директоромъ спиритскаго обозрѣнія. Лейпцигъ-Парижъ.
- Страбон. (1964) География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г.А. Стратановского. (Академия наук СССР. Классики науки). Ленинград: изд-во "Наука".
- Сурдин В. (2012) Большая энциклопедия астрономии. М.: Эксмо. — 480 с.: ил.
- Сутра сердца праджня-парамиты (2000) Перевод с кит. Е.А. Торчинова. *Избранные сутры китайского буддизма*. С.-Петербург, С. 27-34.
- Тахо-Годи А.А. (1990а) Эрехфей (Эрехтей). Мифологический словарь. / Гл.

ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская Энциклопедия.

Тахо-Годи А.А. (1990б) Загрей. Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Советская Энциклопедия.

Тацит, Публий Корнелий. (2010) О происхождении германцев и местоположении Германии. *Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения.* Перевод А.С. Бобовича. М.: АСТ: Астрель, С. 445-469.

Терентьев А.А. (2011) Гелук. *Философия буддизма.* Энциклопедия. / Отв. ред. М.Т. Степанянц. (Российская академия наук. Институт философии). М.: Восточная литература, С. 235-236.

Торчинов Е.А. (2002) Философия буддизма махаяны. С.-Петербург.

Тураев Б.А. (1999) Финикийская мифология. *Финикийская мифология.* / Под общей ред. Ю.С. Довженко. — СПб.: "Летний Сад", Журнал "Нева". С. 39-184.

Ульциферов О.Г. (2003) Индия. Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык Медиа. — 584 с.: ил.

Фа Сянь. (1990) Записки о буддийских странах. Перевод Н.В. Самозванцевой. *История и культура древней Индии.* Тексты. / Сост. А.А. Вигасин. М.: изд-во МГУ, С. 300-352.

Философия буддизма. (2011) Энциклопедия. / Отв. ред. М.Т. Степанянц. (Российская академия наук. Институт философии). М.: Восточная литература. — 1045 с.

Философские тексты "Махабхараты". (1978) Выпуск 1. Кн. 1. Бхагавадгита. Перевод с санскрита, предисловие, примечания и толковый словарь Б. Л. Смирнова. Ашхабад: изд-во "Ылым". — 336 с.

Финикийская мифология. (1999) Составитель Н.К. Герасимова / Под общей ред. Ю.С. Довженко. — СПб.: "Летний Сад", Журнал "Нева". — 331 с.

Флегонт из Тралл. Удивительные истории. Phlegontis. De Mirabilibus. (2001) *Вестник древней истории.* Российская Академия Наук. Отделение истории. № 3 (238). Перевод с древнегреческого М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова, В.Н. Илюшечкина. М.: Наука, С. 219-233.

Фрэзер Дж. Дж. (1989) Фольклор в Ветхом Завете. Пер. с англ. Д. Вольпина. М.: Изд-во политической литературы. — 542 с., ил.

Хрестоматия по истории Древнего Востока. (1980) Часть 2. / Под редакцией акад. М.А. Коростовцева, д. и. н. И.С. Кацнельсона, проф. В.И. Кузицина. М.: "Высшая школа"

Цицерон (1985) О дивинации. *Цицерон. Философские трактаты.* / Отв. редактор, составитель и автор вступительной статьи д-р филос. н. Г.Г. Майоров. Перевод с латинского М.И. Рижского. (Академия наук СССР.

Институт философии. "Памятники философской мысли"). М.: изд-во "Наука", С. 191-298.

Чхандогья-упанишада. (1991) *Упанишады*. В трёх книгах. Перевод с санскрита, предисловие и комментарии А.Я. Сыркина. Кн. 3. (Академия наук СССР. Институт востоковедения. Памятники письменности Востока. VI). М.: Наука, Ладомир.

Шанкара. (1969) Атамбодха ("Постижение атмана"). Перевод А.Я. Сыркина. *Антология мировой философии*. В 4-х томах. Том 1. Философия древности и средневековья. Часть 1. Академия наук СССР. Институт философии. М.: Мысль. С. 157-164.

Шекспир, В. (1996) Цимбелин. *Вильям Шекспир. Полное собрание сочинений*. Т. 12. М.: Терра. — 608 с.: ил.

Шепунова Т.М. (1969) Селевкиды. *Советская историческая энциклопедия*. / Гл. ред. Е.М. Жуков. М.: "Советская Энциклопедия".

Шохин В.К. (2009а) Аватара. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 42-45.

Шохин В.К. (2009б) Бахушрутия. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 144-145.

Шохин В.К. (2009в) Ватсьяяна. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 238-241.

Шохин В.К. (2009г) Веданги. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 248-251.

Шохин В.К. (2009д) Мадхава Видьяранья Бхаратитиртха. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 489-490.

Шохин В.К. (2009е) Мандана Мишра. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 503-508.

Шохин В.К. (2009ж) Прамея. *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 637-638.

Шохин В.К., Степанянц М.Т. (2009) Индийская философия в исторической ретроспективе // *Индийская философия*. Энциклопедия. / М.Т. Степанянц (отв. редактор). Институт философии РАН. М.: Академический проект Гаудеамус, С. 15-25.

Шримад Бхагаватам 7. Песнь седьмая. Гл. V, 31. В переводе Его Божественной Милости А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупады.

Элиаде М., Кулиано И. (1997) Словарь религий, обрядов и верований. М.: Рудомино, СПб: Университетская книга.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. (1901) Том 33. СПб.

Эпикур (2022) Письмо к Менекею. *Эпикур. Главные мысли*. Сост., предисл., коммент. К.В. Бандуровского. Перевод М.Л. Гаспарова, С.И. Соболевского, Ф.А. Петровского. М.: издательство АСТ — 224 с. С. 127-136.

Ямвлих. (2002) О Пифагоровой жизни. Вступительная статья и перевод И.Ю. Мельниковой. М.: Алетея.

A Catena of Buddhist Scriptures from the Chinese. (1871) By Samuel Beal. London.

Agassiz, Louis & Gould, Augustus A. (1848) Principles of Zoology: Touching the Structure, Development, Distribution, and Natural Arrangement of the Races of Animals, Living and Extinct. Part I. Comparative Physiology. Boston: Gould, Kendall and Lincoln.

Barth A. (1882) The Religions of India. Authorised Translation by Rev. J. Wood. London: Trübner & Co., Ludgate Hill.

H. P. Blavatsky Collected Writings. [1874 – 1891], 14 vols. [comp. Boris de Zirkoff], 1966-85; & Cumulative Index (v. 15), ed. Dara Eklund, 1991. Wheaton & Madras: Theosophical Publishing House.

Blavatsky H.P. (1877) Isis Unveiled: A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Theology. Vol. 1. Science. New York, London.

Blavatsky H.P. (1877) Isis Unveiled: A Master-Key to the Mysteries of Ancient and Modern Science and Theology. Vol. 2. Theology. New York, London.

Blavatsky H.P. (1966) Important Note. *H. P. Blavatsky Collected Writings*. Vol. I.

Campbell, George L. (2000) Compendium of the World's Languages. 2nd ed. Vol. 2. London and New York.

Chambers's Encyclopedia. (1865) A Dictionary of Universal Knowledge for the People. Vol. 7. London.

Cocker, B.F. (1870) Christianity and Greek Philosophy. New York.

Colebrooke, H.T. (1837) Miscellaneous Essays. In two volumes. Vol. 1. London.

Cranston, Sylvia. (1993) HPB. The Extraordinary Life and Influence of Helena Blavatsky, Founder of the Modern Theosophical Movement. A Jeremy P. Tarcher/Putnam Book. New York.

Dowson, John. (1879) A Classical Dictionary of Hindu Mythology and Religion, Geography, History, and Literature. London: Trübner & Co., Ludgate Hill.

- Doyle, Arthur Conan. (1926) *The History of Spiritualism*. Vols. I-II. Cassel and Company, LTD.
- Emerson, R.W. (1950) *The Oversoul. — The Complete Essays and Other Writings of Ralph Waldo Emerson*. The Modern Library. New York. P. 261-278.
- Encyclopedic Theosophical Glossary. Electronic Version of Current Working Manuscript. G. de Purucker, Editor-in-Chief.
URL: <https://www.theosociety.org/pasadena/etgloss/etg-hp.htm>.
- Fichte, Immanuel Hermann. (1860) *Contributions to Mental Philosophy*. Introductory Remarks.
- Fragments of Occult Truth. (1881) By A.O. Hume. *The Theosophist*. Vol. 3. No. 1 (25). Bombay, October. P. 17-22.
- Fragments of Occult Truth. (1882a) By A.O. Hume. *The Theosophist*. Vol. 3. No. 6 (30). Bombay, March. P. 157-160.
- Fragments of Occult Truth. (1882b) By A.O. Hume. *The Theosophist*. Vol. 3. No. 12 (36). Bombay, September. P. 307-314.
- Fragments of Occult Truth. (1882B) By a Lay Chela [A.P. Sinnett]. *The Theosophist*. Vol. 4. No. 1 (37). Bombay, October. P. 2-5.
- Fragments of Occult Truth. (1882r) By a Lay Chela [A.P. Sinnett]. *The Theosophist*. Vol. 4. No. 2 (38). Bombay, November. P. 46-48.
- Fragments of Occult Truth. (1883a) Devachan. By a Lay Chela [A.P. Sinnett]. *The Theosophist*. Vol. 4. No. 6 (42). Bombay, March. P. 131-137.
- Fragments of Occult Truth. (1883b) The Human Life Wave. By a Lay Chela [A.P. Sinnett]. *The Theosophist*. Vol. 4. No. 7 (43). Bombay, April. P. 161-164.
- Fragments of Occult Truth. (1883B) The Progress of Humanity. By a Lay Chela [A.P. Sinnett]. *The Theosophist*. Vol. 4. No. 8 (44). Bombay, May. P. 194-195.
- Goldstücker, Theodore. (1879) *Om. Literary Remains of the Late Professor Theodore Goldstücker*. In two Volumes. Vol. 1. London: W.H. Allen & Co.
- Harivamsha. (2016) Translated by Bibek Debroy. Penguin Books.
- Hartmann, Franz. (1932) *The Life of Philippus Theophrastus Bombast, of Hohenheim, Known by the Name of Paracelsus, and the Substance of His Teachings, concerning Cosmology, Anthropology, Pneumatology, Magic and Sorcery, Medicine, Alchemy and Astrology, Philosophy and Theosophy*. Extracted and translated from his rare and extensive works, and from some unpublished manuscripts. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co Ltd.
- Hymns of the Atharva-Veda, The. (1896) Translated with a Popular Commentary by Ralph T.H. Griffith. V. 2. Benares: E.J. Lazarus & Co.
- Hymns of the Atharva-Veda. (1897) Together with Extracts from the Ritual Books

and the Commentaries. Translated by Maurice Bloomfield. *The Sacred Books of the East*. Vol. XLII. Oxford: At the Clarendon Press.

Kerner, Justinus. (1829) Die Seherin von Prevorst und ihre Gesichte in die Geisterwelt ("Ясновидица из Префорста и её видения из мира духов"). Stuttgart.

Khândogya-Upanishad, The. (1879) *The Upanishads*. Translated by F. Max Müller. Part I. *The Sacred Books of the East*, translated by Various Oriental Scholars and Edited by F. Max Müller. Vol I. Oxford.

Labbé, I., van Dokkum, P., Nelson, E., Bezanson, R., Suess, K. A., Leja, J., . . . & Wang, B. (2023). A population of red candidate massive galaxies~ 600 Myr after the Big Bang. *Nature*, 616(7956), 266-269.

Li Ki, The. (1885) The Sacred Books of China. The Texts of Confucianism. Part IV. Translated by James Legge. *The Sacred Books of the East*. Vol. XXVIII. Oxford: At the Clarendon Press.

Lois de Manou. (1833) Manava-dharma-sastra, comprenant les institutions religieuses et civiles des Indiens; tr. du sanscrit et accompagnées de notes explicatives par A. Loiseleur-Deslongchamps (Auguste-Louis-Armand). Pais: Imprimerie de Crapelet.

Lytton, Edward Bulwer. (1842) Zanon. London: Saunders & Otley.

Magical Writings of Thomas Vaughan, The. (*Eugenius Philalethes*) (1888). A Verbatim Reprint of his First Four Treatises: *Anthroposophia Theomagica, Anima Magica Abscondita, Magia Adamica*, and the *True Cælum Terræ*. With the Latin Passages Translated into English, and with a Biographical Preface and Essay on the Esoteric Literature of Western Christendom by Arthur Edward Waite. London: George Redway, York Street, Covent Garden.

Mahabharata, The. (1893) Anuçasana Parva. Calcutta: Bharata Press.

Mahāvamsa, The. (1912) Or the Great Chronicle of Ceylon. Translated into English by Wilhelm Geiger. Pali Text Society. London: Oxford University Press, Amen Corner, E.C.

Mirza Moorad Alee Beg. (1881) War in Heaven. *The Theosophist*, Vol. III, Nos. 1-3, Oct., Nov., and Dec. P. 24-25, 36-38, 67-70.

Mitra, Peary Chand. (1879) The Spiritual Stray Leaves. Calcutta.

Monier-Williams. (1875) Indian Wisdom, or Examples of the Religious, Philosophical, and Ethical Doctrines of the Hindūs, Second Edition, London.

Muir J. (1868) Original Sanskrit Texts on the Origin and History of the People of India, Their Religion and Institutions. Vol. 1. London, 2nd ed.

Müller M. (1860) A History of Ancient Sanskrit Literature so far as It Illustrates the Primitive Religion of the Brahmans. Second Edition, Revised. London (Williams)

and Norgate).

- Müller M. (1867) *Chips from a German Workshop*. Vol. 1. *Essays on the Science of Religion*. London: Longmans, Green, and Co.
- Olcott, Henry S. (1875) *People from the Other World*. Hartford, Conn.: American Publishing Company.
- Olcott, Henry Steel. (1900) *Old Diary Leaves. The Only Authentic History of the Theosophical Society. Second Series, 1887-1883*. London: The Theosophical Publishing Society.
- Oxon M.A. (1908) *Spirit-Identity*. London: London Spiritualist Alliance.
- Pococke E. (1852) *India in Greece, or Truth in Mythology. Containing Sources of the Hellenic Race, the Colonisation of Egypt and Palestine, the Wars of the Grand Lama, and the Buddhistic Propaganda in Greece*. London: Published by John J. Griffin and Co., and Richard Griffin and Co., Glasgow.
- Proctor, Richard A. (1871) *The Sun: Ruler, Fire, Light, and Life of the Planetary System*. London: Longmans, Green, and Co. New York: Scribner, Welford, and Co.
- Reichenbach, von. (1852) *Odisch-Magnetische Briefe*. Stuttgart und Tübingen.
- Reichenbach, Baron Charles von. (1851) *Physico-Physiological Researches on the Dynamics of Magnetism, Electricity, Heat, Light, Crystallization, and Chemism in Their Relation to Vital Force*. New York.
- Reichenbach, Karl von. (1968) *The Odic Force. Letters on Od and Magnetism*. Translation and Introduction by F.D. O'Byrne. Foreword by Leslie Shepard. University Books.
- Rig-Veda-Sanhita. (1854) *A Collection of Ancient Hindu Hymns, Constituting the Second Ashtaka, or Book, of the Rig-Veda; the Oldest Authority for the Religious and Social Institutions of the Hindus*. Translated from the Original Sanskrit by H.H. Wilson, M.A., F.R.S. London: Wm. H. Allen and Co.
- Rig-Veda-Sanhita. (1857) *A Collection of Ancient Hindu Hymns, Constituting the Third and Fourth Ashtakas, or Books, of the Rig-Veda; the Oldest Authority for the Religious and Social Institutions of the Hindus*. Translated from the Original Sanskrit by H.H. Wilson, M.A., F.R.S. London: Wm. H. Allen and Co.
- Rig-Veda-Sanhita. (1869) *The Sacred Hymns of the Brahmans, "translated and explained" by F. Max Müller. Vol. I: Hymns to the Maruts or the Storm-Gods [Vol. 32 of *The Sacred Books of the East*]*. London: Trübner & Co.
- Royal Masonic Cyclopædia of History, Rites, Symbolism, and Biography, The. (2012) / Edited by Kenneth R. H. Mackenzie IX°. ("Cryptonymus,") Hon. Member of the Canongate Kilwinning Lodge, No. 2, Scotland. Containing upwards of Three Thousand Subjects, Together with Numerous Original Archaeological Articles on Topics Never Before Treated in Any Similar Work.

New York J. W. Bouton, 706, Broadway. 1877

Row, T. Subba. (1887) Notes on the Bhagavad Gita. To Help Students in Studying Its Philosophy. *The Theosophist*, vol. VIII, No. 89, February 1887.

Sinnott, A.P. (1885) Esoteric Buddhism. Fifth Edition, Annotated and Enlarged by the Author.

Sinnott, A. P. (1883) *The Occult World*. Third edition. London: Trübner & Co. [First published in 1881].

Smith, George. (1876) *The Chaldean Account of Genesis* ["Халдейская версия начала бытия"], Containing the Description of the Creation, the Fall of Man, the Deluge, the Tower of Babel, the Times of the Patriarchs and Nimrod: Babylonian Fables, and Legends of the Gods; from the Cuneiform Inscription. New York: Scribner, Armstrong & Co.

Smith, George. (1877) *Ancient History from the Monuments. The History of Babylonia* ("Древняя история, запечатлённая в памятниках. История Вавилона"), London: Society for Promoting Christian Knowledge.

Sūrya Siddhānta. (1861) Translation of the *Sūrya Siddhānta* by Pundit Bapu Deva Sastri and of the *Sidhānta Śiromani* by the Late Lancelot Wilkinson. Calcutta.

Swedenborg, Emanuel. (2009) *Apocalypse Explained*. Vol. III. Translated from the Original Latin by John C. Ager. Swedenborg Foundation, Pennsylvania.

The Seeress of Prevorst: Being Revelations Concerning the Inner-Life of Man, and the Inter-Diffusion of a World of Spirits in the One We Inhabit (1845) ("Ясновидица из Префорста, или Откровения о внутренней жизни человека и о проникновении мира духов в тот мир, в котором обитаем мы"). Communicated by Justinus Kerner, Chief Physician at Weinsberg. New York: Partridge & Brittan.

The Works of Ralph Cudworth, (1829) Containing the True Intellectual System of the Universe, Sermons, etc. Vol. 3. Oxford.

Theosophist, The. "A Monthly Journal Devoted to Oriental Philosophy, Art, Literature and Occultism: Embracing Mesmerism, Spiritualism, and other Secret Sciences, conducted by H. P. Blavatsky under the auspices of the Theosophical Society." Bombay & Madras: 1879-85.

Tibetan-English Dictionary, A. (1902) With Sanskrit Synonyms. By Sarat Chandra Das, Rai Bahadur. Calcutta: Published by the Bengal Secretariat Book Depot.

Unseen Universe, The. (1875) Or Physical Speculations on a Future State. (By Balfour Stewart & P. G. Tait). New York: Macmillan and Co.

Upanishads, The. (1879) Translated by F. Max Müller. Part I. *The Sacred Books of the East*, translated by Various Oriental Scholars and Edited by F. Max Müller. Vol I. Oxford.

Vishṇu Purāṇa, The. (1865) A System of Hindu Mythology and Tradition. Vol. II, Bk II. Translated from the Original Sanskrit by the Late H. H. Wilson. Edited by Fitzedward Hall.

Wallace, Alfred R. (1874) A Defence of Modern Spiritualism. Boston: Colby and Rich.

Weber, Albrecht. (1878) The History of Indian Literature. Translated from the Second German Edition by John Mann and Theodor Zachariae. London: Trübner & Co.

Wilkinson, Sir J. Gardner. (1878) The Manners and Customs of the Ancient Egyptians. In Three Volumes. Vol. III. A New Edition Revised and Corrected by Samuel Birch. London: John Murray, Albemarle Street.

Wilson, H.H. (1819) A Dictionary: Sanskrit and English. Calcutta.

Wilson, H.H. (1862) Essays and Lectures. Chiefly on the Religion of the Hindus. Vol. I. A Sketch of the Religious Sects of the Hindus. London: Trübner & Co.

Yi King, The. (1882) The Sacred Books of China. The Texts of Confucianism. Part II. Translated by James Legge. *The Sacred Books of the East*. Vol. XVI. Oxford: At the Clarendon Press.

Yuga Purāṇa, The. (1986) Critically Edited, with an English Translation and a Detailed Introduction (by) John E. Mitchiner. Calcutta (India): The Asiatic Society.

Zöllner, Johann Karl Friedrich. (1880) Transcendental Physics. An Account of Experimental Investigations from the Scientific Treatises. Translated from the German, with a Preface and Appendices by Charles Carleton Massey. London.

---

[1] Впервые статья опубликована в журнале *The Theosophist*, vol. 3, No. 1 (25), October, 1881. P. 17-22. Написана по прямому поручению Махатм, и автором её является А.О. Хьюм. Это первый выпуск из серии статей под одним и тем же названием. Мы помещаем здесь эту классификацию по той причине, что именно ею руководствовались авторы всех статей, включённых в сборник "Пять лет теософии" (*примеч. перев.*).

[2] Как правило, западная наука полагает, будто животные, конечно же, лишены осознающего себя Эго, но мы знаем, что это заблуждение. Да, у них отсутствует духовное сознание, однако они *обладают* сознанием животным. Будь только человек способен пообщаться с ними, он узнал бы от них не только об этом, но и о том, что по степени разумности и своему сознанию многие человекообразные обезьяны мало чем уступают в этом отношении душевнобольным и умалишённым людям, как и некоторым махровым злодеям и порочным негодьям, превратившимся, по сути дела, в животных в силу того, что уже при жизни они на время или навсегда утратили шестой и седьмой принципы, хотя и сохранили при этом сочетание остальных пяти принципов.

Была ли то причиной некая туманная традиция истины, передаваемая в рамках

римской церкви, всегда владевшей некоторыми тайными знаниями относительно древних мистерий, или душа великого поэта сама проникла взором своим в астральный свет, но Данте изображает души некоторых своих врагов так, словно те уже оказались в "аду", хотя люди эти всё ещё продолжали жить на белом свете. Разумеется, этот уловленный поэтом фрагмент истины оказался совершенно искажён в силу господствовавших тогда предрассудков, чересчур материалистически рисовавших картины ада. Однако вполне возможно — как это ещё только предстоит осознать современному Западу, — что души некоторых из этих порочных людей уже давно отошли на тот свет (хотя и не в выдуманный "ад"), невзирая на то, что сами люди продолжали пребывать на этом свете. — *Ред. Теос.*

[3] Очевидно, что, рассчитанный на максимально широкую аудиторию (и уже ввиду своей предельной краткости), этот указатель даёт лишь самое поверхностное, самое приблизительное и описательное толкование терминов (*примеч. перев.*).

[4] А также: Brahma или Brahm (*примеч. перев.*).

[5] Когда он был ещё царевичем Сиддхартхой (*примеч. перев.*).

[6] "Аштадхьяи" (*примеч. перев.*).

[7] Его внутреннего "я", внутреннего мира, его "самости", своеобразия его личности или индивидуальности, понимаемой не в теософском значении этих терминов, а в самом широком смысле. Это не обязательно "эгоизм" (*примеч. перев.*).

[8] В греческой философии понималось как возвращение к жизни, воскресение (*примеч. перев.*).

[9] Или аnumана (anumāna) (*примеч. перев.*).

[10] Или бахишпраджня (bahisprajña) (*примеч. перев.*).

[11] Одно из состояний или модальностей сознания (*примеч. перев.*).

[12] Или джйотишам джйотис (*примеч. перев.*).

[13] Букв.: "связанные предписаниями" (ETG) (*примеч. перев.*).

[14] ETG (*примеч. перев.*).

[15] А Tibetan-English Dictionary, 1902. P. 818 (*примеч. перев.*).

[16] Существовало три категории риши: раджарши; дэварши (божественные или богоподобные риши, своим праведным образом жизни обретшие божественную природу, оставаясь ещё на земле) и брахмарши (Праджапати) (ETG) (*примеч. перев.*).

[17] В переводе оно означает: "он есть я" (ETG). Движение в обратном направлении, т.е. от высшего к низшему, как противопоставление эволюции. См. ниже "хамса" (*примеч. перев.*).

[18] Панчен-лама (*примеч. перев.*).

[19] Известная как Александрийская школа (*примеч. перев.*).

[20] Мы не знаем, кто занимался составлением данного Указателя терминов, но в ряде случаев в нём даётся совершенно неверная, искажённая их трактовка, противоречащая тому, как эти термины толкуются в статьях сборника. В данном случае приведённая характеристика *тоддов* целиком относится к племени *курумбов*, о которых подробно рассказывается в статье "Колдовство на Нильгири" (*примеч. перев.*).

[21] Или упамана (*уратāna*) (*примеч. перев.*).

[22] В зороастризме (*примеч. перев.*).

[23] В зороастризме (*примеч. перев.*).

[24] См. наше примечание выше об искажённом толковании терминов (*примеч. перев.*).

[25] Ещё один случай неверного толкования термина (*примеч. перев.*).

Содержание
